

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

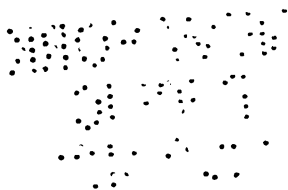
1865.

ЯНВАРЬ.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1865.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22-го февраля 1865 года.

Въ типографіи Рюмина и К^о.

СОДЕРЖАНІЕ ЯНВАРСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ. (Статья первая.) А. П. Щаповъ. ✓
- ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ. Романъ. Часть I-я На погостъ. (Гл. I—IV) Н. А. БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ. ✓
- ГЛАВНЫЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ Н. В. ШЕЛГУНОВЪ.
- ВЕНГЕРСКАЯ ПѢСНЯ (изъ Леопарди). П. И. ВЕЙНБЕРГЪ.
- МЕЖДУ ЛЮДЬМИ. Изъ воспоминаній прошлаго. Часть I-я (Глава I—X) Ѳ. М. РЪШЕТНИКОВЪ. ✓
- ТЕРЕЗА. Романъ Э. Шатріана; переводъ съ нѣмецкаго (Гл. I—X)
- ЧУЖІЕ МЕЖЪ СВОИМИ. Повѣсть (Гл. I—X) Н. Холодовъ.
- КОРОЛЬ РИЧАРДЪ (Изъ Гейне) Е. Зотовъ.
- ВИНОВАТА-ЛИ ОНА? Романъ. (Окончаніе 1-й части).
- ПЕРЕЛОМЪ ВЪ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЕВРОПЫ Д. И. ПИСАРЕВЪ.
- ТОРЕВЕМАДО. (Изъ Лонгфелло) П. И. ВЕЙНБЕРГЪ.
- ТРЕБУЕТЪ-ЛИ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ЗНАНІЙ НОВОЙ НАУКИ Н. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧЪ.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- МЫСЛЯЩІЙ ПРОЛЕТАРИАТЪ. (Повѣсти, рассказы и очерки Н. Г. Помяловскаго. Два тома. Спб. 1865) Д. И. ПИСАРЕВЪ. ✓
- ФРЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦѢНКА ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ПОСТУПКОВЪ. *Le Monde des Coquins par Meauran.* Christophe Paris. 1864. Т. З.
- БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ В. А. ЗАЙЦЕВЪ.
- Разсужденія и изслѣдованія политическія, философскія и историческія Дж. Стюарта Милля. Въ трехъ частяхъ. Часть II. Статьи политическія и политико-экономическія. Выпускъ 1-й. Изданіе В. Кавалевскаго. Спб. 1865.—Гарнье, Паже-Исторія революціи 1848 г. Франція. 1-й томъ: «Февральская революція.» Спб. 1862. 2-й Томъ: «24 февраля.» Спб. 1864. Изданіе Бакста.—«Сынъ», Разсказъ изъ времъ XVII вѣка Н. Костомарова. Изданіе Ахматовой. Спб. 1865.—Разсказы и Очерки Н. П. Грекова М. 1865.*

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

Французская демократія теряетъ одновременно двухъ знаменитыхъ своихъ представителей: Шарра и Прудона.—Образъ жизни и послѣднія минуты Прудона.—Похороны его.—Столкновеніе по этому поводу между народомъ и войскомъ.—Отношеніе Прудона къ политическимъ партіямъ Франціи.—Отличительная черта его дѣятельности.—Жизнь и смерть Шарра.—Похребеніе его тѣла въ Швейцаріи.—Рѣчь Эдгара Кине надъ гробомъ Шарра.—Характеръ его политической дѣятельности.—Впечатлѣніе, произведенное окружнымъ посланіемъ Пія IX въ Италіи и во Франціи.—Взаимная антипатія свѣтской и духовной власти въ католической Европѣ.—Кто кого раздавить?—Слухъ о томъ, что Пальмерстонъ пишетъ свои мемуары, подобно Наполеону III, сочиняющему жизнь Юлія Цезаря.—Какъ выгодно польстить императорско-авторскому самолюбію.—Насажденіе англійскимъ правительствомъ новыхъ плодовъ въ Индіи—опіума и латинской грамматики.—Прусскіе либералы и г. Бисмаркъ.—Советъ мой либераламъ отправиться домой—разводить капусту и курить кнастеръ.—Новые успѣхи сѣверо-американской арміи.—Взрывъ форта Фишера пловучей пороховой машиной.—Важныя послѣдствія поденія форта Фишера.—Упадокъ духа плантаторовъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ Н. В. ШЕЛГУНОВЪ.

Провинція и провинціальный Мефистофель.—Опасность, которой подвергается корреспондентъ провинціи.—Общій характеръ Вологодской губерніи.—Вліяніе холода на здоровье и на производительныя силы русскаго населенія.—Лѣса и болота Вологодской губерніи, и вліяніе ихъ на экономическую дѣятельность края.—Бѣдная жизнь и тощая природа.—Искусство вологжанъ расчищать почву изъ подъ лѣсовъ и обрабатывать землю.—Сколько въ Тотмѣ экономическихъ производителей?—Паразитное существованіе вдовъ въ нашихъ городахъ.—Нищія.—Причины распространенія нищенства.—Разговоръ мой съ мальчикомъ, выпрашивающимъ милостыню.—Наглядный примѣръ провинціальной нищія.—Образъ жизни ея.—Разныя категоріи русскаго нищенства.

БУРЯ ВЪ СТАБАНѢ ВОДЫ, ИЛИ КОПѢЧНОЕ ВЕ-

ЛИВОДУШІЕ Г. ПОСТОРОННЯГО САТИРИКА. . Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ¹⁾.

ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ СИБИРСКАГО НАСЕЛЕНИЯ.

Безспорно, что главный факторъ въ исторіи человѣческаго развитія есть разумъ, обращенный къ изученію природы, творящій открытія въ области естествознанія и въ сферѣ умственной и матеріальной цивилизаціи. На востокѣ, въ монархіяхъ восточныхъ не было этого естествоиспытующаго разума, а господствовало одно суевѣрно-боязливое воображеніе и чувство слѣпого удивленія и раболѣпнаго страха передъ всѣмъ непонятнымъ и обаятельно-страшнымъ въ природѣ: — и тамъ, въ восточныхъ монархіяхъ и номадіяхъ, не было развитія, а остались, окаменѣли тысячелѣтнимъ памятникомъ и, такъ сказать, образцомъ застоя и невѣжества — Китай, Монголія, Туркестанъ и т. п. На Западѣ, въ новыхъ государствахъ, могущественно и разнообразно проявился этотъ естествопознательный геній, и здѣсь видимъ широкое и богатое творчествомъ, открытіями и будущностью развитіе, видимъ Англію, Италію, Францію и проч., видимъ міровые перевороты, изобрѣтенія и улучшенія въ области соціально-экономическаго міроустройства, совершающіяся на основаніи естествознанія. «Отъ одного великаго генія, Ньютона, — говоритъ Либихъ, — распространилось болѣе свѣта, чѣмъ отъ цѣлаго тысячелѣтія передъ нимъ. Правильный взглядъ на движеніе небесныхъ тѣлъ, на

¹⁾ Начало этихъ очерковъ было помѣщено въ первой кн. „Вибліот. для чтенія“ за 1861 г. По предлагаемой статьѣю, послѣ нѣсколькихъ очерковъ историко-географическаго распредѣленія, будетъ сообщенъ очеркъ историко-этнографической организаціи великорусскаго народа.

наденіе тѣла былъ началомъ множества другихъ открытій; мореплаваніе, торговля, промышленность, наконецъ всякій индивидуальный человѣкъ извлекаетъ и *будетъ извлекать* духовныя и матеріальныя выгоды изъ его открытій до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать родъ человѣческой. Не принимая въ соображеніе исторію физики, невозможно составить себѣ понятіе о томъ огромномъ вліяніи, которое имѣло естествознаніе на развитіе духа... Со времени открытія одного *кислорода*, въ образованномъ мірѣ совершился переворотъ въ нравахъ и привычкахъ. Знаніе состава атмосферы, твердой земной коры, воды, вліянія ихъ на жизнь растений и животныхъ связано съ этими открытіями. Выгодная дѣятельность многочисленныхъ фабрикъ и разнообразныхъ ремеселъ, полученіе металловъ—тоже въ тѣсной связи съ ними. Можно сказать, что матеріальное благосостояніе государствъ улучшилось съ этого времени преимущественно потому, что достояніе каждаго отдѣльнаго лица увеличилось вслѣдствіе этого открытія... Уже практически выразилась потребность новѣйшаго времени въ основаніи школъ, гдѣ естественныя науки, какъ предметы преподаванія, занимаютъ первое мѣсто; изъ нихъ-то разовьется мощное поколѣніе, съ болѣе сильнымъ умомъ и духомъ, способное и воспріимчивое для всего того, что дѣйствительно велико и можетъ принести плоды. Въ средѣ этого поколѣнія разовьется богатство и сила общества, и когда человѣкъ, облегченный отъ бремени своего существованія, не будетъ уже болѣе подавленъ трудностями нести и отстранять земныя работы, только тогда умъ его, сдѣлавшись болѣе чистымъ, можетъ обратиться къ болѣе и болѣе возвышенному». ¹⁾ Равноярная оцѣнка всѣхъ отраслей математическихъ, физическихъ и естественныхъ наукъ,—говоритъ Гумбольдтъ,—сдѣлалась оособенною потребностью настоящаго времени, въ которомъ матеріальныя богатства и возрастающее благоденствіе народовъ основаны на искусномъ и рациональномъ употребленіи произведеній и силъ природы. Самый поверхностный взглядъ на настоящее состояніе Европы показываетъ, что вслѣдъ за какою нибудь неровной всемірною борьбой или за продолжительнымъ общественнымъ застоємъ, необходимо должна произойти частная убыль и наконецъ уничтоженіе національнаго богатства; ибо въ судьбѣ государствъ такъ же, какъ и въ природѣ, по глубокомысленному выраженію Гете, «въ движеніи и дѣланіи не можетъ быть никакой остановки, и проклятіе лежитъ на всякой неподвижности». Только по мѣрѣ познаванія при-

¹⁾ Писма о Химіи, т. I, стр. 3, 5 и 23.

родки, мы можем господствовать надъ ея силами и подчинять ихъ управленію нашего творческаго генія. Могущество человѣческихъ обществъ, сказать Божонъ, есть разумъ, есть народный смыслъ. Общество возвышается и падаетъ вмѣстѣ съ народнымъ смысломъ. Знаніе и ученіе суть наслажденія и права человѣчества; они суть части народнаго богатства и нерѣдко замѣна благъ, слишкомъ скудно распределенныхъ природою. Народы, непринимавшіе дѣятельнаго участія въ промышленномъ движеніи, въ искусномъ выборѣ и разработкѣ естественныхъ матеріаловъ, въ удачныхъ приложенияхъ механики и технологической химіи, у которыхъ уваженіе къ подобной дѣятельности не проникаетъ всѣ классы общества, тѣ народы неизбежно должны утратить свое благоденствіе». Такъ могутъ двигаться исторіей и цивилизаціей народы законъ естествоиспытующаго разума. И дѣйствительно, что представляетъ исторія тамъ, гдѣ, наоборотъ, природа господствуетъ надъ силами человѣка? Тамъ только возможно развитіе рабства умственнаго и общественнаго. Нѣтъ сомнѣнія, Египетъ и Индія не испытали бы глубоко-пассивнаго подчиненія деспотизму жреческихъ кастъ, безвыходнаго застоя умственныхъ, социальныхъ и политическихъ силъ, еслибы этимъ народамъ удалось отереть собоѣ путь къ знанію окружающей ихъ природы. Эмансипація человѣка вездѣ и всегда начиналась внѣшней его независимостью отъ физическихъ силъ. Этотъ великій міровой законъ остается неизмѣннымъ для исторіи всего человѣчества.

Но при этомъ невольно рождается вопросъ: отчего же не всѣ племена и народы одинаково способны къ этому естественно-научному развитію цивилизаціи? Отчего не всѣ племена и народы одинаково одарены естествоиспытующими способностями, а одни стоятъ выше въ этомъ отношеніи и сдѣлали больше открытій, другіе ниже и не сдѣлали не только никакихъ міровыхъ открытій, но даже не обнаружили попытки къ какому нибудь умственному движенію, какъ наприм. Турція и Испанія? Отчего у однихъ племенъ и народовъ реальная дѣятельность начинается раньше, у другихъ — позднеѣ, а многіе впродолженіи цѣлыхъ вѣковъ остаются въ безсознательномъ, историческомъ состояніи? Для отвѣта на эти вопросы, современная наука еще не готова; ей нужно напередъ изслѣдовать физиологическое развитіе и этнографическую организацію выступающихъ на поприще исторіи народовъ; нужно раскрыть, путемъ естественно-историческаго изученія: кто они, эти выступающіе на историческое поприще народы, какой они породы — чистой или смѣшанной, — изъ какихъ этнографическихъ элементовъ они развились, сложились,

способны ли они, по самому своему физиологическому складу и строению, къ развитію цивилизаціи, и въ какой мѣрѣ способны, и т. п. Такія науки, какъ этнологія и антропологія, не даромъ задумываются надъ историческими способностями націй различнаго этнологическаго склада. Напримѣръ, еще сомнительнымъ или нерѣшеннымъ вопросомъ остается, всё ли племена одинаково способны къ прогрессу и усовершенствованію своихъ соціальныхъ отношеній? Въ то время, какъ, напримѣръ, Катрфажъ, Руфцъ, Прюнеръ-Бей полагаютъ, что каждое племя способно къ усовершенствованію, что даже австралийцамъ доступна цивилизація, — Перье, О' Роргъ, Жоржъ Пушэ отчаяваются въ будущности этихъ племенъ. Между тѣмъ какъ Перье, допуская, что племена одного типа, одного корня могутъ смѣшиваться безъ дурныхъ послѣдствій для своего развитія, полагаетъ, что отдаленныя смѣшенія народовъ даютъ дурные результаты, порождаютъ неспособныя или мало способныя націи, и что, при равенствѣ другихъ условій, чистыя расы выше смѣшанныхъ, — нѣкоторые изъ новыхъ естествоиспытателей утверждаютъ, что всякое смѣшеніе породы влечетъ за собою физическій и умственный упадокъ. Буденъ, согласно съ Перье, признаетъ нѣкоторыхъ метисовъ ниже въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. А Катрфажъ, напротивъ, не отрицая этихъ фактовъ, полагаетъ, что во многихъ случаяхъ смѣшеніе оживляетъ расы, дополняетъ ихъ инстинкты, развиваетъ ихъ способности и иногда даже порождаетъ способности, чуждыя двумъ первоначальнымъ расамъ. Такимъ образомъ, вопросъ о способности народовъ къ умственнымъ и соціальнымъ успѣхамъ, съ физиологической точки зрѣнія, дѣлается вопросомъ величайшей важности для историческаго изслѣдователя.

Вотъ почему, прежде чѣмъ мы приступимъ къ очеркамъ собственно интеллектуальнаго развитія русскаго народонаселенія и потомъ естественныхъ и умственныхъ условій его внутренняго и внѣшняго развитія, непосредственно послѣ очерковъ историко-географическаго распредѣленія русскаго народонаселенія, печатаемъ очерки его историко-этнографическаго склада и развитія, какое совершалось и совершается на пути его географическаго распространенія и смѣшенія съ разными племенами и народами. Считаемъ нужнымъ также предупредить нашихъ читателей, что далеко неоконченные еще очерки историко-географическаго распредѣленія русскаго народонаселенія мы помѣщаемъ въ первой части нашего труда, а очерки историко-этнографической организаціи — во второй, потому во-первыхъ, что умное или не умное избраніе мѣстъ поселенія и первоначальное

обзаведеніе домохозяйствомъ считаемъ первымъ актомъ, какъ въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ и въ жизни цѣлаго народа, и во-вторыхъ потому, что историко-этнологическая организація русскаго народонаселенія шла уже вслѣдъ за его географическимъ распространеніемъ, вслѣдствіе или по слѣдамъ его колонизаціи среди разныхъ племенъ. Наконецъ, предварительное разсмотрѣніе историко-этнографической организаціи русскаго народа для насъ важно не только для объясненія его умственного, интеллектуальнаго развитія въ реальномъ и экономическомъ отношеніяхъ и проч., но и для уразумѣнія его историческаго значенія въ семьѣ европейскихъ націй, въ отношеніяхъ обще-европейскихъ, международныхъ.

Западно-европейскія націи, представляющія высшую породу человѣчества, давно уже совершили первоначальное развитіе своей національной организаціи, путемъ естественнаго, племенного подбора. Теперь они начинаютъ уже совершать высшій, интеллектуальный процессъ, путемъ разумно-сознательнаго, интеллектуальнаго совершенствованія и соединенія національностей въ одно европейское, всенародное братство. На западѣ теперь идетъ борьба не просто за племенное существованіе, но за разумно-свободное и равноправное существованіе человѣчества. Естествоиспытующій разумъ, составляющій главную, могучую силу высшаго совершенствованія человѣчества, творящій чудеса въ мірѣ мысли и матеріальной жизни, — вотъ теперь высшее и отличительное преимущество западно-европейской породы. Великая идея Гумбольдта о Космосѣ и о самосознаніи въ немъ «гражданина вселенной» — человѣка, «о вліяніи, которое оказываютъ на него земныя силы и, обратно, о вліяніи, какое онъ самъ имѣетъ на нихъ, великая идея географа Риттера объ организмѣ земли и объ органическомъ взаимодействіи земной природы и человѣчества, идея Либиха о разумномъ языкѣ явленій, — посредствомъ котораго естествоиспытатель, такъ сказать, разговариваетъ съ веществомъ природы и разузнаетъ его тайны, силы и законы, примѣняя ихъ къ цѣлямъ цивилизаціи, великое ученіе Дарвина о происхожденіи и совершенствованіи видовъ и расъ путемъ естественнаго подбора и примѣненіе этого ученія Ляйлемъ къ геологической исторіи племенъ человѣческихъ, Шлейхеромъ — къ языкознанію, изслѣдованія Гексли и Фогта о человѣкѣ и мѣстѣ его въ природѣ и т. д., — вотъ многозначительные факты умственныхъ порывовъ и стремленій европейской породы къ глубокому и ясному пониманію тѣхъ всемірныхъ цѣлей, къ которымъ, рано или поздно, должно придти человѣчество. Благодаря этимъ порывамъ и стремленіямъ, сближеніе народовъ между собою, ихъ великое и плодотвор-

ное братство дѣлается съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе осязательнымъ фактомъ. Различіе между племенами все уменьшается, каждый день сглаживаетъ какой нибудь выдающійся уголъ, служившій особымъ признакомъ нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ и проч. Теперь можно сказать, что англичанинъ живетъ въ Великобританіи, итальянецъ на Аппенинскомъ полуостровѣ, французъ во Франціи, образованный же человекъ во всей Европѣ... Со всѣхъ сторонъ стараются разрушить границы земель. Ученые сходятся на конгрессы и отказываются отъ національной исключительности. Промышленность отерываетъ всемірныя выставки для общаго общеввропейскихъ идей и произведеній индустриальнаго гениа. Телеграфы и сѣти желѣзныхъ дорогъ уничтожаютъ пространства и разстоянія между отдѣльными людьми и цѣлыми націями. Соображая все это, невольно вспоминаешь восторженные слова Виктора Гюго: «великіе народы сольются въ братскомъ поцѣлуѣ, и одинъ дастъ другому то, чего у того нѣтъ...» Такова послѣдняя, крайняя цѣль общезитія, таково назначеніе человека, вложенное въ него природой...

Между тѣмъ, какъ западно-европейскія націи давно уже окончили первоначальный, естественно-историческій процессъ племенной организаціи, и теперь, путемъ интеллектуальнаго совершенствованія, стремятся къ братской, — общечеловѣческой, социальной организаціи, — русское народонаселеніе еще переживаетъ непосредственно-натуральный процессъ національнаго образованія, народоженія, наростанія въ націю или народъ. Еще не сложился и не опредѣлился во всей цѣльности и опредѣленности его національно-физиологическій типъ. Еще слишкомъ явственно и грубо выступаютъ въ этнографическомъ составѣ русскаго народа разнообразныя разноплеменные контингенты, не организовавшіеся въ одно цѣльное, стройное тѣло. Такое недоразвитіе русскаго народа весьма ясно проявилось во всей его прошлой исторіи и проявляется въ его современной общественной жизни. Какъ нѣтъ въ русскомъ народѣ единства физиологическаго типа, такъ еще не развилось въ немъ сознаніе своего національнаго единства и достоинства. Это сказалось въ его исторіи. Въ смутное время, напримѣръ, хотя и заговорили земскіе люди о своемъ *прирожденн*и, но въ то же время волянтъ высказались и разноплеменные элементы, разныя отдѣльныя племена и народности, входившія въ его составъ, напр. Литва, татары, чуваша, черемиса, башкиры и проч. Точно такъ же произошелъ этнологическій расколъ въ русскомъ народонаселеніи въ бунтѣ Стеньки Разина, въ бунтѣ

Пугачевскомъ. А исторія сибирскаго народонаселенія въ XVII и XVIII столѣтіи вся есть ничто иное, какъ исторія борьбы племенъ, племенныхъ отношеній, племенного смѣшенія и проч. Такъ какъ русская національная организація еще не сложилась окончательно и не развилась до національнаго сознанія, то въ исторіи его всегда являлась на первомъ планѣ чисто-вѣшняя, географическая, поземельная или земская связь, а не внутренняя, народная, органическая. Русская исторія есть больше исторія земства или, по выраженію актовъ, — *земли и земскаго строенія*, чѣмъ исторія социальнорорганизованной націи. Въ русскомъ народѣ давно развилась и всегда грубо проявлялась восточная, племенная нетерпимость и антагонизмъ къ чуждымъ національностямъ, на что постоянно указывали писатели, начиная съ Петрея, Олсарія до Ермана и другихъ. Не говоримъ уже о томъ, напримѣръ, что у насъ малороссъ называлъ великоросса съ какимъ-то зло-ироническимъ антагонизмомъ «москалемъ», а этотъ послѣдній его, въ свою очередь, — «сохломя»; или сибирякъ, русскій же по происхожденію, по вѣрѣ, по всему, тоже съ какою-то внутреннею неприязненностью называетъ русскаго переселенца «россейскимъ», а поселенца ссыльнаго «варнакомъ». Мало того, что у насъ жители одной губерніи смотрятъ на жителей другой губерніи, какъ на «чужестранцевъ», и называютъ ихъ «чужестранцами», но еще обыываютъ одни другихъ разными бранными или ироническими присловьями, которыя для развитаго и просвѣщеннаго національнаго чувства должны бы быть оскорбительны. Эта дивность русской національности составляетъ не послѣднюю причину многихъ уродливостей въ нашемъ общественномъ складѣ и развитіи, напримѣръ, недостатка у насъ общественнаго мнѣнія, невозможности общественной инициативы, странности народныхъ симпатій и антипатій, понятій, обычаевъ и нравовъ, и проч. Славянофильство напрасно идеализируетъ единство и цѣльность русской народности, русскаго духа. Русскій міръ, русская національность — это еще, во многихъ отношеніяхъ, *discordia semina gerunt*.

Кромѣ того, этнографическая неорганизованность русской національности видна изъ того, что въ составѣ ея еще слишкомъ рѣзко выступаютъ наружу разноплеменные элементы. Финство, въ разныхъ видахъ, татарщина, монгольство, нѣмечина и проч., въ разныхъ мѣстахъ и въ различныхъ степеняхъ, типично разнообразятъ физиологическій складъ, этнологическую организацію русскаго народа, а вслѣдствіе того и его умственный, и нравственный характеръ. Такіе наблюдательные путешественники, какъ напримѣръ, Георги, Палласъ, Лепехинъ, Кастрень, Ерманъ и многіе другіе, жи-

во обрисовали намъ всю пестроту и разносоставность фізіологическаго строенія русскаго народонаселенія. Не говоримъ уже о Сибири; напрімѣръ, на сѣверѣ самой Великороссіи, они видѣли сплошное смѣшеніе новгородскаго славянства съ чудствомъ; на югѣ — смѣсь русскаго элемента съ татарщиной, и проч. Подъ вліяніемъ восточной крови, и характеръ восточный воспитывался въ большой части массы русскаго народа. Напрімѣръ, умственная и нравственная татаризація Москвы и московскаго княжества до того была несомнѣнна и очевидна для всѣхъ, что самъ народъ выразилъ это съ простодушной ироніей въ своихъ историческихъ пѣсняхъ...

Въ одной старинной пѣснѣ про свадьбу Грознаго поется:

Не женись ты, царь, въ проклятой Литвѣ,
 На той ли Марьѣ Темрюковѣ,
 А женись ты, царь, въ каменной Москвѣ,
 На той Супавѣ татарскіе.
 Есть у ней много приданого,
 Пановей, улановей и злыхъ поганыхъ татаровей,
 Есть у ней брателко родимое,
 Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ.

«Умирающая царица, — справедливо замѣчаетъ по поводу этой пѣсни г. Буслаевъ, — завѣщаетъ Ивану Васильевичу взять себѣ вторую жену лучше на Москвѣ, но *все же изъ породы татарской*, какъ бы въ томъ убѣжденіи, что *Москва до того отатарилась*, что Иванъ Васильевичъ не побрезгаетъ татарской родней. Изучившимъ московскую старину хорошо извѣстно, какъ вѣрна и метка эта простодушная иронія народной пѣсни, и какъ глубоко понимаетъ народъ тѣ темныя стороны своей исторіи, которыя напрасно стараются прикрыть читатели древней Руси своими дѣтскими идилиями» ¹⁾. Дѣйствительно, если не съ квасно-патріотической или славянофильской точки зрѣнія, а безпристрастно изучать умственный складъ и нравы русскаго народа, хоть по примѣру «Очерковъ жизни и нравовъ великорусскаго народа» — г. Костомарова, — то всякій убѣдится, что въ русской крови, въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ складѣ русскаго народа проглядываетъ не малая доля восточныхъ элементовъ — татарскихъ, финскихъ, монгольскихъ, и въ массахъ, особенно сѣверо-восточныхъ и юго-восточныхъ, эта доля умственного и бытового ориентализма даже всецѣло преобладаетъ надъ зачатками европейскій жизни. Последней въ массахъ даже вовсе незамѣтно. Восточная лѣнь, вялость, сонливость, неподвижность,

¹⁾ Лѣтоп. рус. лит. 1859, кн. 11, стр. 92.

восточный ужасный покой и застой, преобладаніе восточнаго суевѣрнаго страха передъ явленіями природы—вотъ тѣ признаки, по которымъ мы узнаемъ историческій складъ русскаго народонаселенія.—На этотъ разъ мы обратимъ вниманіе на этнологическое развитіе сибирскаго населенія.

Физиологическое развитіе, областное видоизмѣненіе и національное наростаніе славяно-русскаго народа въ Сибири, путемъ естественнаго, племенного подбора, представляетъ намъ живой примѣръ общаго антропологическаго образованія и видоизмѣненія расъ и націй. Въ западной Европѣ, еще во времена доисторическаго, каменнаго періода, племена длинноголоваго типа (*dolichoscephale*), одержавъ перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе и совершенствованіе, смѣшались съ племенами типа короткоголоваго (*brachycephale*) и породили смѣшанныя расы среднеголоваго или прямоголоваго склада (*mesoscephale*). Только такіе остатки изъ этихъ первобытныхъ племенъ, какъ, напримѣръ, баски, хорошо защищенные Пиринейскими горами, сохранили еще свою національность, свои нравы и свой языкъ. Теперь этнологи, анатомы и геологи европейскіе, какъ напр. Шмерлингъ, Велькеръ, Брока, Гексли, Ляйель и многіе другіе, копаясь въ глубинахъ пещеръ, въ родѣ Енгиса и Неандерталя, или роаясь въ могилахъ, въ родѣ парижскихъ *des Innocents*, *Morgue* и т. п., отыскиваютъ черепа расъ, предшествовавшихъ нынѣшней смѣшанной породѣ европейской и, на основаніи краниологическихъ изысканій, стремятся разъяснить естественно-историческую послѣдовательность и географическій ходъ смѣшенія и видоизмѣненія первоначальныхъ европейскихъ расъ или племенъ въ нынѣшнія европейскія націи, углубляясь въ отдаленную древность каменнаго періода и озерныхъ жилищъ, и кончая временами позднѣйшаго, историческаго смѣшенія, напримѣръ, высокорослыхъ кимбровъ или галловъ и малорослыхъ вельтовъ и т. п. Въ Сибири можно наблюдать процессъ смѣшенія племенъ и не доискиваясь череповъ изъ временъ допотопной фауны, остатки которой находятся во множествѣ въ низкихъ мѣстахъ Сибири, на берегахъ Иртыша или Тобола и въ другихъ мѣстностяхъ (1), не углубляясь во времена каменнаго періода или во времена чудскихъ копей (2). Въ Сибири и теперь еще совершается живое смѣшеніе

1) Гумбольдта Путешествіе по Сибири въ 1828 г., стр. 16 и 70.

2) Эйхвальда, О чудскихъ копяхъ. Труды восточ. отдѣл. археологич. общ., ч. III, стр. 1—104.

между расами короткоголовой и среднеголовой. Въ силу естественнаго подбора, этнологическая ткань русской національной жизни непрерывно снуется, нарастаетъ и слагается, невидимо, незамѣтно для насъ, по всѣмъ областямъ, по всѣмъ захоlustьямъ широтой русской земли. Организмъ народный постоянно совершаетъ свой національно-физиологическій ростъ и метаморфозъ, и, воспринимая въ свой составъ разнообразныя племенные элементы, одни, какъ отжившіе, негодныя, подвергаетъ разрушенію, выжиранію, другіе претворяетъ въ свою плоть и кровь. На это-то національно-физиологическое нарастаніе русскаго народа, на счетъ сибирскихъ инородческихъ племенъ, мы обратимъ вниманіе въ настоящей статьѣ.

I.

Въ низменностяхъ землш, говоритъ К. Риттеръ, гдѣ народы большею частію поселились гораздо позднѣе, уже послѣ того, какъ совершенно высохли эти низменности, обыкновенно совершались смѣшенія народовъ древняго и новѣйшаго происхожденія ¹⁾. Сибирская низменность—одна изъ самыхъ обширныхъ низменностей, какія извѣстны на земномъ шарѣ. По меньшей мѣрѣ, она простирается отъ Урала до Енисея на 102,000 кв. мпль. До гипсометрическихъ наблюденій Миддендорфа, ее считали еще больше, именно въ 186,300 кв. м., причисляя къ ней и болѣе возвышенную землю, простирающуюся на сѣверо-востокъ отъ Енисея до земли чукчей. Если присоединить къ сибирской низменности еще центральную бухарскую или туранскую (48,000 кв. м.) и другія отдѣльно-лежащія низменности (60,000 кв. м.), то эта огромная азіатско-сибирская низменность будетъ составлять 210,000 кв. м. (высокая страна, въ обширномъ значеніи слова, занимаетъ 440,000 кв. м.), стало быть, вдвое большее пространство, чѣмъ вся Европа. И вотъ, въ эту-то обширную сибирскую низменность, въ теченіи вѣхъ древнихъ и позднѣйшихъ вѣковъ, почти непрерывными, послѣдовательными гуннскими потоками стекались, вытѣсняя другъ друга съ пагорныхъ странъ возвышенной центральной Азіи, различныя народы и племена. И между ними, вслѣдствіе хаотическаго стеченія и борьбы племенъ, по антропологическому закону всеобщаго народо-образовательнаго тяготѣнія, взаимнаго притяженія и отталкиванія разноплеменныхъ элементовъ,—со-

¹⁾ Karl Ritter, Allgemeine Erdkunde, s. 193.

вершались: разнообразныя этнологическія метаморфозы, разнообразныя комбинаціи, смѣшенія, видоизмѣненія и перерожденія племенъ. Такова была преимственная сѣвна. и метисація народовъ: 1) Чудя, удѣлѣнней только въ немногихъ остаткахъ югро-финской группы и въ нѣкоторыхъ смѣшанныхъ племенахъ ¹⁾; 2) Усуней — отрасли индо-германскаго корня, смѣшавшейся въ Сибири съ киргизами и отчасти съ финнами, монголами и манджурами. ²⁾ и 3) племень

1) Древнѣйшая колонизація Сибири была *чудская*. (Эйхвальда, о чудскихъ копейхъ. Труды восточн. отд. ч. III, стр. 1—104). Судя по преимущественной горной сосредоточенности чудскыхъ копей, должно думать, что чуждъ населяла горы и предгорья Алтая и Урала еще въ тѣ отдаленныя времена, когда низменность сибирская еще не обоехла совершенно. Вся обширная низменности — сибирская и европейско-русская — окончательно образовались уже послѣ уральскихъ и алтайскихъ возвышенностей, или вслѣдствіе болѣе или менѣе быстрого поднятія Алтая и Урала. Они и теперь еще почти повсюду обнаруживаютъ явные слѣды своего девіальнаго и меласоваго, подводнаго образованія, и доселѣ еще окончательно не освободились отъ водъ. (См. Палеонтологію Россіи, Эйхвальда, 1850). Обиліе водъ на сибирской низменности и высыханіе ея, напримѣ въ барабинской степи, и въ наше время еще замѣчается (Гумбольдта; Путешествіе по Сибири, о замѣчательной странѣ озеръ въ Сибири и о высыханіи барабинской степи“ стр. 31—82). Поэтому чуждъ, по изслѣдованіямъ Муральта, Эйхвальда и Кастрена, первоначально, быть можетъ еще во времена каменнаго періода, населяла высокія предгорья и горы Алтая, вершины Алтау, скалисто-горныя верховья Иртыша и Оби; гдѣ выдѣляла изъ камня молотки, явнныя трубы, докота и другія орудія. (Муральта, въ Зап. археол. общ., Kistgen's, Reiseberichte und Briefe an den Jahrgang 1843—1849, s. 37—88. Эйхвальда, о чудск. копейхъ). Мюллеръ, знаменитый историкъ Сибири и финскихъ племенъ, приписываетъ важное культурно-историческое значеніе финскимъ племенамъ: «das mehrere durch ihre Kriegsthaten und ihre mercantile Thätigkeit weltberühmte Völker zu diesem Stamm gehören... Gerade die finnischen Völker haben den grössten impuls zu den Völkerbewegungen gegeben, welche man in Europa unter dem Namen der grossen Völkerwanderung zusammen zu fassen pflegt (Müller, der Ugrische Volkstamm, th. 1, s. 5).

2) По изслѣдованіямъ Ремюза, Клапрота и Риттера, часть усуней, жившихъ въ мирное, счастливое время своего пребыванія во вторыхъ азіатскомъ отечествѣ — на Или, до 120,000 семействъ и 680,000 человекъ, до 188,000 войска и своихъ князей — Кюнь-ми или Кюнь-мо (Kün-ig), послѣ раздѣленія своихъ княжескихъ владѣній, въ началѣ IV столѣтія во Р. X., бѣжала въ *Киргизскую степь къ Иртышу*. „Эти Усуны, говоритъ Риттеръ, по свѣдѣтельству А. Ремюза (Ab. Remusat Reue. s. Rechem p. 96), пріобрѣтаютъ особый интересъ для этнографіи Азіи тѣмъ, что они принадлежали къ ряду народовъ центральной Азіи, очень различныхъ, судя по китайскимъ описаніямъ, отъ остальныхъ по своей расѣ. Въ этомъ ряду народовъ изъ расы голубоглазыхъ и русоволосыхъ блондиновъ (Klaprot, Peuples de race blond, въ Tabl. histor. de l'Asie, p. 161—186), по свѣдѣтельству китайскихъ летописей, были между прочими: 1) Динь-Лянь, на сѣверъ отъ Усуней; при западной оконечности

монгольскимъ, индо-татарскимъ и манджурскимъ. Оставшіеся отъ этихъ народовъ на среднѣ исторіи племени сибирской низменности всѣ болѣе или менѣе сродны между собою, образуютъ развѣтвившуюся грушу одного отдаленнаго корня или происхожденія. Кастрень, внимательно изучавшій вопросъ о сродствѣ этихъ сибирскихъ племенъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «такъ какъ сродство финскаго племени съ самоѣдскимъ доказано, и такъ какъ финны очевидно сродны также съ турками и татарами, то естественно ближайшія данныя языкознанія, при помощи самоѣдскаго языка, должны указать посредствующее сродство между финнами и тунгусами. Отъ тунгусовъ, далѣе, открыть путь къ манджурамъ, и къ монголамъ ведутъ насъ такимъ образомъ всѣ пути, потому что какъ турки, такъ и самоѣды, тунгусы и манджуры являются сродными съ ними 1). Вслѣдствіе такого сродства всѣхъ сибирскихъ племенъ, тѣмъ возможнѣе и легче было между ними смѣшеніе, и тѣмъ ожесточеннѣе была между ними борьба, такъ какъ, по общему зооло-

Байкала; 2) Кянъ-Куанъ или Хакасъ, впоследствии кирязи на Енисей. Тогда, въ древнѣйшія, геродотовскія времена, турецкіе народы обитали къ В. отъ этого ряда и еще не распространялись далѣе къ З., за верхнее теченіе Окса и Яксарта. Напротивъ же, сродные между собою народы индо-германскаго происхожденія, т. е. говорящіе языками, которыхъ корни большею частью встрѣчаются въ санскритскомъ, персидскомъ, германскомъ и славянскомъ нарѣчіяхъ, занимали всѣ страны отъ индѣйскаго Паропамиза къ Оксу до Енисея и Байкала и оттуда къ Каспійскому морю. Самая восточная изъ этихъ народныхъ вѣтвей проишла отъ западныхъ оконечностей Байкала на в. отъ изгиба Хуанъ-хэ, подъ именемъ Усунъ до Китая. Эмиграціи ихъ повторялись нѣсколько разъ въ очень отдаленныя одна отъ другой эпохи, что объясняетъ, по крайней мѣрѣ гипотетически, различіе, примѣчаемое въ націяхъ и нарѣчіяхъ многоразвѣтвленной индо-германской группы. . Можетъ быть, изъ большого количества индо-германскихъ корней, встрѣчающихся въ турецкихъ и монгольскихъ языкахъ, можно было бы заключить, что индо-германскія племена, подобно Усунамъ, въ древнѣйшія времена были распространены гораздо далѣе къ с. и в. между народами восточной Азіи. Манджурскій языкъ, по изслѣдованіямъ Клапрота, въ самыхъ грамматическихъ формахъ сходствуетъ съ вѣдскимъ. Между манджурскими племенами береговъ Сунгари и Усури попадаются даже и дѣвныя блондины съ голубыми глазами, не встрѣчающіеся ни между какими другими народами восточной Азіи. Эмиграція этихъ народовъ къ С. становится вѣроятною и потому, что и тамъ попадаются племена съ тѣми же характеристическими признаками, обитавшія до новѣйшаго времени на верхнемъ Иртышѣ, Оби, Енисей и близъ Байкала. Вслѣдствіи они болѣе или менѣе смѣшались съ турецкими племенами, откуда и произошло смѣшанное племя киргизъ (Кянъ-юнъ, Хака-цзы), между которыми нѣрѣдко встрѣчаются голубые или зеленые глаза и красные волосы.» (К. Риттеръ, Землеводеніе Азіи, т. II, стр. 130—133).

1) Kastren's, Reiseberichte und Briefe an dem Jahren 1843—1849, s. 160—161.

ическому закону, борьба между близкими разновидностями одного вида, такъ же какъ и между видами одного рода, всегда бываетъ самая упорная и часто быстро разрѣшается. Безсознательно, невѣдомо для самихъ племень дѣйствовать и въ этой хаотической племенной борьбѣ всемірный антропологическій законъ народообразовательнаго подбора, стремясь организовать изъ наиболѣе умныхъ, сильныхъ и побѣдоносныхъ племень новыя историческія національности, а слабѣйшія изъ нихъ доводя до истребленія или вымиранія. «И саги, и исторія, говоритъ Кастренъ, согласно свидѣтельству, что задолго до Ермака дикія племена Сибири вели кровавыя войны между собою. На тѣхъ самыхъ поляхъ, гдѣ послѣ Ермагъ одержалъ лучшія свои побѣды, часто лежали рядомъ остяки и вогулы, вмѣстѣ съ ихъ самоѣдскими и татарскими сосѣдями. Было всеобщее безмірье въ землѣ — bellum omnium contra omnes. ¹⁾ И въ этой борьбѣ племень за существованіе, какъ въ борьбѣ разновидностей и видовъ царства животнаго, одну изъ существенныхъ ролей игралъ половой подборъ. Пѣсни самоѣдовъ, остяковъ и нѣкоторыхъ другихъ племень вспоминаютъ о герояхъ, которые воевали единственно изъ-за того, чтобы приобрѣсти руку и сердце молодой женщины. На вопросъ Кастрена, самоѣдскій пѣвецъ, воспѣвавшій женщину, какъ цѣль всѣхъ благороднѣйшихъ предпріятій, отвѣчалъ: «со временъ отцовъ нашихъ, мы свято держимся обычая, чтобъ женщинъ брать не изъ своего собственнаго, но изъ другого, чуждаго, неродственнаго племени.» ²⁾ Эта борьба племень за существованіе и за женщинъ вызывалась великимъ закономъ природы — инстинктивнымъ стремленіемъ каждаго племени къ преобладающему физиологическому и бытовому развитію и распространенію на счетъ другихъ племень, вслѣдствіе приобрѣтенія преимущества надъ ними, и къ организациі новой, самобытной національности. И вотъ, въ этой-то борьбѣ племень, въ сибирской низменности, неминуемо происходило смѣшеніе народовъ и развитіе новыхъ племенныхъ разновидностей. И всего болѣе смѣшеніе это совершалось въ низменности при-алтайской, въ ея предгорныхъ степяхъ и равнинахъ. По общему органическому закону перевѣса наиболѣе сильныхъ и развитыхъ видовъ или разновидностей, и здѣсь, въ средѣ борющихся и смѣшавшихся племень, выступило во главѣ народообразованія одно наиболѣе сильное племя. До прихода и распространенія славяно-русскаго племени, замѣтный пере-

¹⁾ Kastren's, Reiseber. u. Briefe, s. 101—102.

²⁾ Kastren's, Reiseberichte, s. 174.

вѣсь одерживало въ этой борьбѣ племя татарское, благодаря своему физиологическому и умственному преимуществу и наибольшей, исторически-развившейся національной устойчивости и побѣдоносности ¹⁾. Какъ въ царствѣ животномъ и растительномъ виды многочисленные одерживаютъ верхъ надъ видами малочисленными, такъ въ этнографической средѣ сибирской многочисленнѣйшее, въ сравненіи съ другими состязавшимися народностями, племя татарское одержало верхъ не только надъ многими малолюдными финскими племенами, но и надъ значительною частью монгольскаго племени, и такимъ образомъ, до появленія русскаго народа, приняло на себя главную роль видоизмѣняющаго, народообразовательнаго дѣятеля въ сферѣ сибирской племенной метисаціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по выраженію Кастрена, роль антропофагическую. При смѣшеніи съ монголами, кровь татарская преобладала, удержавъ только немного признаковъ монгольства. Георги говоритъ: «хотя Чингисъ, основатель татарскаго царства, былъ природный монголъ, ходилъ въ первые свои походы съ монголами, да и послѣ при войскахъ своемъ всегда имѣлъ монголовъ, но они со временемъ, между великимъ множествомъ татаръ, мало по малу перевелись, и языкъ ихъ пришелъ въ забвеніе. Нѣкоторыя поколѣнія татарскія по наружности кажутся какъ-будто они монгольскіе народы, какъ напр. кузнецкіе татары, якуты и нѣкоторые другіе; но это произошло только отъ смѣшенія во время войны; ибо побѣдители обыкновенно брали себѣ женъ изъ числа побѣжденныхъ или имѣли съ женами ихъ любовное обращеніе» ²⁾.

Въ смѣшеніи съ монгольскимъ племенемъ, именно съ калмыками, татарское племя образовало нѣсколько новыхъ разновидностей. Таковы, наприкладъ, телеуты, верхотомскіе татары, чуйскіе татары и другіе. Телеуты или бѣлые калмыки, въ XVII вѣкѣ сохранявшіе еще чистый монгольскій типъ, уже въ концѣ прошлаго столѣтія стали почти совершенными татарами. Удержавъ только нѣкоторые калмыцкіе признаки и усвоивъ татарскій языкъ и татарскую народность, они образовали среднюю, смѣшанную форму, съ преобладающимъ, впрочемъ, отпечаткомъ татарскаго типа. Георги, поэтому, замѣчаетъ: «съ виду телеуты совсѣмъ походятъ на татаръ, но притомъ нарочито подобны они и калмыкамъ» ³⁾. Верхотомскіе

¹⁾ Слич., наприм., по описанію Георги, физиологическое строеніе сибирскихъ татаръ (ч. II, стр. 9. 24 и др.) и финскихъ племенъ ч. I, стр. 67 ч. III, стр. 5 и мн. др..

²⁾ Георги. Опис. народовъ, ч. II, стр. 2.

³⁾ Георги. Опис. народ. ч. II, стр. 135.

татары, по словамъ Георги, такъ же, какъ телеуты и абинцы, походятъ на выродковъ калмыцкихъ и татарскихъ; значить, представляютъ помѣсную разновидность татаръ. Чумскіе татары, какъ таже монголо-татарская помѣсь, или помѣсная разновидность татарская, по свидѣтельству Георги, также съ виду походятъ и на татаръ, и на монголовъ, и особливо уподобляются бурятамъ (*ibid*). Точно также татарское племя, по выраженію Кастрена, *татаризировало* нѣсколько поколѣній финскаго племени, остяковъ и самоѣдовъ, и такимъ образомъ произвело новыя татарскія разновидности. Такъ произошли отатарившіеся изъ самоѣдовъ и остяковъ койбалы, бельтиры, моторы, караганы, сойеты и другія финско-татарскія разновидности. И какъ быстро совершалась эта татаризація финскихъ племенъ; койбалы, напримѣръ, еще въ прошломъ столѣтіи представляли всѣ признаки самоѣдскаго племени, съ малозамѣтною примѣсью татарскаго элемента, а спустя 50 или 70 лѣтъ, они уже совсѣмъ отатарились. Поэтому, Палласъ, Спаскій и Клапротъ признавали койбаловъ за самоѣдовъ, а Степановъ, не сообразивши прошлаго, рѣзко напалъ на всѣхъ этихъ писателей и положительно призналъ койбаловъ природными татарами ¹⁾. Навоенъ Кастренъ рѣшилъ вопросъ, раскрывши, что первоначально нѣкоторые койбалскіе роды были самоѣдскаго племени, а другіе — остяцкаго, и что теперь всѣ «они совершенно татаризированы» ²⁾; оттого и стали совершенно татарскою разновидностью. Но самую рѣзкую разновидность татарскаго племени представляютъ якуты. Они произошли отъ татаръ въ смѣшеніи съ бурятами и отчасти тунгусами. Татарское происхожденіе ихъ признается почти всѣми этнографами и путешественниками и подтверждается ихъ преданіями, физическимъ типомъ и языкомъ. Навоенъ, не говоря уже о томъ, какъ и теперь еще татарское вліяніе, во многихъ мѣстахъ, напр. въ Березовскомъ краю, преобладаетъ надъ русскимъ вліяніемъ въ языкѣ и нравахъ необрусѣвшихъ еще остяковъ и самоѣдовъ. ³⁾

Въ XV и XVI в. турко-татарское владычество въ Сибири особенно усилилось и стремилось, при помощи пропаганды ислама, воспреобладать надъ всѣми народами Сибири и окончательно татаризировать или отуретчить ихъ. Около 1555 года, западно-сибирскій, искерскій ханъ Кучумъ, происходившій въ 11 родѣ или колѣнѣ отъ Чингисъ-Хана, на основѣ ислама, корана, утвердилъ сибирское

¹⁾ Кавказск. губерн. ч. II, стр. 50.

²⁾ *Jeet vollkommen tatarisirt sind.*, Kastren's, Reiseberichte und Briefe s. 322.

³⁾ Кастренъ, *Reiseberichte* s. 3. 241. 121. Абрамова, Опис. Березовск. края въ Записк. геогр. общ. 1857 г. кн. XII, стр. 331.!

царство. Такимъ образомъ Сибиря угрожала роль новой азиатской турецко-татарской имперіи или порты ¹⁾. Но это было невозможно. Сибирь географически тяготѣетъ къ Европѣ, а не къ Азіи. Ея естественная географическая отдаленность и оторванность отъ древняго исходнаго пункта азиатской цивилизаціи — отъ южнаго азиатскаго міра и географическая, сѣверно-поморская и южно-низменная связь съ сѣверо-восточной и юго-восточной Европой, ея вдвойнѣ невыгодное полярное положеніе подъ возвышенною, въ номадіи консиѣющею центральною Азією, ея продуктивная природа, требующая интеллектуальной культуры европейской, превышающая умственные силы азиатскихъ народовъ и требующая участія европейскаго ума, недостаточность ея собственныхъ, мѣстныхъ средствъ и естественныхъ импульсовъ для возбужденія и поддержки народной цивилизаціи — вотъ тѣ главныя естественныя причины, почему Сибирь должна тяготѣть, въ дѣлѣ цивилизаціи и культуры, къ Европѣ, а не къ Азіи. И вотъ, въ силу этого географическаго и экономическаго тяготѣнія къ Европѣ, Сибирь магически привлекла къ себѣ славяно-русское народонаселеніе изъ сѣверной Европы.

Съ приходомъ славяно-русскаго племени и распространеніемъ его колонизаціи, внесенъ былъ въ среду сибирскихъ племенъ новый народообразовательный элементъ. Славяно-русскій народъ, благодаря огнестрѣльному оружію, мускульно-физическому превосходству и умственно-гражданскому преимуществу своихъ передовыхъ колоній — казаковъ, служащихъ, торговыхъ и промышленныхъ людей, благодаря своимъ богатырямъ, своимъ Кортесамъ и Пизарро — Хабаровымъ, Поярковымъ и т. п., — повсюду одержалъ верхъ надъ безоружными, слабосильными и разрозненными племенами Сибири, не только надъ болотно-чахлами финскими племенами, но и надъ этимъ могучимъ, антропофагическимъ племенемъ татаръ ²⁾. Вотъ главныя, естествен-

1) Миллера, Сибирская исторія, стр. 30—46. Фишера, Сиб. ист. стр. 95—98.

2) Не даромъ почти у всѣхъ сибирскихъ племенъ составились разныя легенды о приходѣ и распространеніи славяно-русскихъ племенъ. Кучуму грезились страшныя предвѣщательныя видѣнія; напр. ему мерещилось русское племя подъ образомъ небольшого, но могучаго звѣря, пришедшаго съ р. Тобола, который преодолѣлъ пришедшаго съ Иртыша большого звѣря, т. е. татарскую силу сибирскаго царства. (Миллера, Сибир. истор. 39 и 42).

Въ легендахъ минусинскихъ татаръ Ермакъ представляется колдуномъ, который убивалъ всѣхъ молніей и громомъ (т. е. огнестрѣльнымъ оружіемъ; котораго не знали сибирскія племена), а самъ не боялся ни стрѣлъ, ни мечей. (Записки К...на, въ Атенеѣ 1858 г. ч. II, стр. 267). Тамъ же общія многимъ инородцамъ легенда о бѣломъ березникѣ, какъ предвѣстникѣ жоравошевія ихъ бѣлымъ племенемъ.

но-историческія причины, обусловившія перевѣсъ русской національности въ средѣ сибирскаго этнологическаго народообразования.

По общему закону природы, виды, далеко распространенные, обильные особями, *уже восторжествовавшіе надъ многими соискателями въ собственной обширной родинѣ*, всегда имѣютъ наиболѣе шансовъ на захватъ новыхъ мѣстъ, при распространеніи въ другихъ странахъ. На новыхъ своихъ жилищахъ они подвергаются новымъ условіямъ и часто дальнѣйшему видоизмѣненію и совершенствованію; слѣдовательно являются еще болѣе побѣдоносными и производятъ группы видоизмѣненныхъ потомковъ (Дарвинъ). Этотъ же законъ природы обусловилъ преимущество славяно-русскаго племени въ новой области его распространенія, въ Сибири. Русское племя, путемъ своей тысячелѣтней колонизаціи отъ Карпатовъ до Урала, отъ Астрахани до Колы, уже на своей родинѣ, въ европейской Россіи, успѣло распространиться шире всѣхъ сосѣднихъ племенъ—турко-татарскихъ, финскихъ и монголо-татарскихъ. Оно уже въ Россіи одержало физиологическій перевѣсъ надъ многими племенами, частью побѣдило и истребило, частью, путемъ смѣшенія, претворило въ свою плоть и кровь, въ свою народность многія финскія племена, напримѣръ, чудь заволоцкую, мерю, весь, мурому, мещеру, мордву, зырянъ, пермяковъ, кореловъ, лопарей, а также многихъ татаръ и даже нѣмцевъ ¹⁾. Посредствомъ этого историко-физиологическаго процесса смѣшенія и неизбежнаго, вслѣдствие того, этнографическаго видоизмѣненія, оно уже въ Россіи, особенно по украинамъ или пограничнымъ областямъ, образовало нѣсколько областныхъ разностей, національныхъ разновидностей, напримѣръ, корело-лопарско-новгородскую разновидность своеобразнаго сѣверно-поморскаго типа—въ архангельской губерніи, зыряно-русскую и пермско-русскую разновидность—въ пермской и вологодской губерніи, вотячко-новгородскую разновидность въ Вятской губерніи, и т. п.

Вслѣдствие этого вѣкового состязанія и восторжествованія надъ многими соискателями въ собственной обширной родинѣ, русское племя естественно окрѣпло въ силахъ, оразнообразилось въ національной организаціи, въ смѣшанномъ составѣ своей народности, приобрѣло и развило въ себѣ физиологическую силу устойчивости и способность видоизмѣнять, претворять въ свою національность всякія иноплеменные народности, развило и усилило въ себѣ способность этнологическаго народообразования, національно-физиологическаго саморазвитія на счетъ чуждыхъ, разноплеменныхъ континген-

¹⁾ Объ этомъ будетъ подробно сказано въ историко-этнологической организаціи великорусскаго народа.

товъ, путемъ метисаціи и естественнаго, народообразовательнаго подбора. Ермалъ, путешествовавшій по Россіи въ 1828 году, представляетъ, какъ характеристическую особенность русскаго народа, его способность ассимилировать въ свою плоть и кровь все чужезарное, доводить другія національности до обрусвнія. Онъ сравниваетъ эту русскую національную силу съ рѣкой, поглощающей въ себя ручьи безъ измѣненія собственнаго имени, и съ крѣпкимъ, живучимъ организмомъ, который никакая, даже самая разнороднѣйшая пища не можетъ преобразовать или измѣнить совершенно. И вотъ, въ силу этой-то физиологической способности національной устойчивости и ассимиляціи, русское племя смогло одержать преимущество въ борьбѣ за существованіе съ равными зауральскими племенами, смогло широко распространиться въ новой области метисаціи и стало главнымъ организующимъ факторомъ въ историко-физиологическомъ процессѣ новаго народообразованія, новаго, дальнѣйшаго нарастанія, народожденія русскаго народа изъ разноплеменныхъ тѣней сибирскихъ народностей. А захватывая новыя мѣста, при распространеніи въ новыхъ этнологическихъ областяхъ Сибири, ища земель, понимая языкъ, — русское племя, естественно, еще болѣе изопрядлось и крѣпло въ своихъ физическихъ и умственныхъ ассимилирующихъ силахъ, въ ловкой и бойкой борьбѣ съ равными племенами, въ развѣдкѣ и открытіи сибирскихъ земель, въ постоянныхъ богатырскихъ походахъ и подвигахъ по рѣкамъ, по тундрамъ, по тайрамъ, по герамъ сибирскимъ, въ постоянныхъ промыслахъ и торгахъ, и, наконецъ, все болѣе и болѣе подрѣплялось воспринятіемъ и ассимиляціей въ свой національно-физиологическій составъ непрерывныхъ пригововъ свѣжей крови туземныхъ природныхъ племенъ. Вслѣдствіе этого, въ немъ развивались двѣ новыя особенности или два новыя преимущества—особенный туземный промышленный тактъ и способность туземнаго языкознанія,⁴⁾ и въ то же время усиливалась способность національной ассимиляціи. Въ силу подобныхъ преимуществъ и особенностей, своеобразно-видоизмѣняющая она плавяворусскаго племени еще болѣе преобладала въ физиологическомъ процессѣ смѣшенія съ сибирскими племенами и производила своеобразныя туземныя поколѣнія сибиряковъ, видоизмѣненныхъ потомковъ отдаленнаго славянства и великорусскаго народа. Рядомъ такъ, наприжѣръ, характеризуетъ это возрастающее преобладаніе и ра-

⁴⁾ Объ особенномъ, отличительномъ промышленномъ типѣ сибиряковъ, наслѣдственно передававшемся, и объ ихъ талантѣ изученія туземныхъ языковъ находимъ характеристическія свидѣтельства у того же Ермана; *Reise*, В. I, S. 466—467; В. II, с. 70, 170, и особ. 226.

распространеніе европейско-сибирскаго населенія и тина въ юго-восточной Сибири: «здѣсь на югѣ, игравшемъ въногда могущественную роль въ судьбахъ сосѣдникъ народовъ, досталась въ удѣлъ монгольскому племени большую часть только грубость неосѣдлыхъ кочевь или невѣжество ламантскаго духовенства, вмѣстѣ съ которыми оно воспѣетъ безнадежно въ совершеннѣйшемъ развѣдуніи ко всякому дальнѣйшему шагу. Выше, уже на самой границѣ или въ округѣ горнаго края, гдѣ распространенію скота часто очень препятствуетъ суровость климата, живутъ въ малыхъ группахъ западале, рѣдкіе остатки охотничьихъ племенъ, происхождение которыхъ трудно объяснить, и которые на восточномъ концѣ Саянскаго хребта становятся все рѣже и, наконецъ, на горахъ сибирскихъ, лежащихъ восточнѣе, сближаются далеко-распространеннымъ племемъ тунгусскимъ. Съ этими горнымъ народомъ, который, въ отдаленныхъ номѣхъ, все болѣе и болѣе приближается къ вымиранію, граничить на сѣверѣ, на возвышенномъ плоскогоріи плато-монгольское племя, которое, будучи стѣснено въ скотоводствѣ препятствіями густо-лѣсныхъ горъ, занимается имъ въ незначительныхъ, относительно, размѣрахъ, и потому все болѣе и болѣе вынуждается обращаться частью къ охотѣ, частью, побуждаемое европейско-сибирскимъ населеніемъ, къ агрикультурѣ, и вслѣдствіе этого, въ однихъ мѣстахъ болѣе, въ другихъ менѣе, но все мало по малу утрачиваетъ, сливаясь съ собой монгольство и нарождаетъ номѣемое потомство, фیزیомія котораго еще напоминаетъ о монголахъ, а между тѣмъ по образу жизни и по занятіямъ, оно уже сливается съ *сибиряками*. Наконецъ, этотъ *типъ сибиряковъ*, сложившійся силою судьбы изъ восточно-европейскихъ элементовъ въ пестрой, нестройной формѣ, распространился уже теперь шпрокою нитью по главной, большой дорогѣ, вплоть до Тихаго океана. Изъ несчастныхъ дѣлаются они счастливыми. Въ потомкахъ преступниковъ, ссыльныхъ и осужденныхъ сдѣлались и стерлись всѣ прежнія, часто очень рѣзкія личныя различія. Сынъ уже не несетъ на себѣ вины, такъ жестоко тяготѣвшей надъ его отцомъ, надъ его матерью; новое отечество представляетъ имъ новые источники пріобрѣтенія... Отъ этого обширнаго узла, переведенное изъ Россіи европейское населеніе Сибири развѣтвляется по сторонамъ на крѣпкія, отдѣльныя нити, слѣдуя болѣею частью по теченію рѣкъ и теряясь въ полярномъ кругѣ, въ странѣ самоѣдскаго племени ¹⁾.

¹⁾ Gustav Radde, Reisen in Sibirien von Ost-Sibirien im den Jahren 1855—1858. B. 1, s. XLIV.

Другая естественная причина преобладанія русскаго племени: «Организмы, стоящіе на низшей степени развитія, — говоритъ Дарвинъ, — болѣе измѣнчивы, чѣмъ организмы выше развитыя». — «А низшія племена человѣка, говоритъ Ляйель, представляютъ размѣры, которые во многихъ отношеніяхъ занимаютъ промежуточные степени между выскою или европейскою породою и обезьянами» ¹⁾. Точно также племена съ выдавшимися впередъ челюстями имѣютъ фізіономію болѣе приближающуюся къ звѣрямъ, вообще находятся на низшей степени физическаго, умственнаго и гражданскаго развитія, и потому не играютъ никакой дѣятельной роли въ совершенствованіи человѣчества. Напротивъ, племена, имѣющія челюсти короткія, не выдающіяся впередъ, а подобранныя подъ лобъ, имѣютъ и фізіологическій, и умственный, и гражданскій перевѣсъ, играютъ самую дѣятельную роль въ умственномъ развитіи человѣчества. Вместимость черепа также у низшихъ племенъ гораздо меньше, чѣмъ у европейцевъ, и представляетъ постепенности отъ 1228, 27 кубич. сантиметровъ у австралійцевъ, до 1572, 94 кубич. сант. у англичанъ ²⁾. По развитію физической силы, также низшія племена стоятъ ниже. Наприм. по динамометрическимъ изслѣдованіямъ, *forçénaire* вандименовца, новоголландца, французскаго матроса и англійскаго колониста въ Австраліи содержится какъ 50, 51, 58, 69, 71. ³⁾ Обращаясь къ сибирскимъ племенамъ, мы тоже видимъ и у нихъ или недоразвитіе, несовершенство организаціи, или неизопреніе однихъ органовъ и неправильное употребленіе и развитіе другихъ. ⁴⁾ Георги довольно подробно описалъ намъ это несовер-

¹⁾ Такъ напр. продолжаетъ Ляйель, — ростъ негра нѣсколько меньше, нежели европейца, и черепъ, какъ извѣстно, относительно костей лица, меньше. Изъ конечностей, верхнія относительно длиннѣе, и въ обѣихъ, какъ верхнихъ, такъ и нижнихъ, существуетъ не столь замѣтное преобладаніе въ величинѣ ближайшихъ къ тѣлу частей надъ отдаленными... Стопа у негра на одну восьмую, а кисть руки на одну двѣнадцатую длиннѣе, нежели у европейца. Изгибъ стопы, правильное строеніе которой очень важно для легкости и удобства ходьбы, болѣе нивокъ у негра, нежели у европейца... Вслѣдствіе этого сама стопа становится болѣе плоскою и длинною, подходя въ этомъ отношеніи къ стопѣ обезьяны, тогда какъ между послѣднею и стопою европейца существуетъ рѣзкое различіе въ этомъ отношеніи. (О древн. чолвѣка стр. 85).

²⁾ См. *Tablelle des Schâdelinbaltes bei verschiedenen Rassen* — у Форта. *Vorlesungen über die Menschen* 1, s. 104—105

³⁾ *Péron. Voyage de découverte aux terres Australes* 1, p. 472. [W. [Roscher, *Syst. d. Volkswirthsch.* 1, 68.

⁴⁾ Не говоря о черепахъ, укажемъ, на примѣръ, на маленькіе, узкіе глаза у гиперборейскихъ племенъ, обитающихъ по берегамъ Ледовитаго моря, и особенно у монгольскаго и мавджуро-тунгусскаго племени. Можно, кажется, по-

шенство физиологическаго развитія и структуры разныхъ сибирскихъ племенъ. Напримѣръ, о самоѣдахъ онъ говоритъ: «и росту они самаго небольшого, и рѣдко бываютъ ниже 4-хъ и выше 5 футовъ; ноги и шея у нихъ короткія, лицо и носъ особенно плоскіе; ниж-

лагать, что несовершенная форма малюнькихъ, щелевидныхъ, узкихъ глазъ, съ вѣками нѣскольکو сращенныхъ, у всѣхъ подобныхъ племенъ есть неугасшее еще и неуоовершенствовавшееся наслѣдіе отъ древнѣйшихъ жителей пещеръ, передаваемое потомственно и генеративно поддерживаемое жизненными условіями узкоглазыхъ племенъ. Ибо, во-первыхъ, извѣстно, что органичѣніе прошло нѣскольکو стадій развитія до совершеннѣйшей формы, напримѣръ, глаза европейца. Это прекрасно раскрыто Дарвиномъ (*Ueber die Entstehung der Arten* s. 213—222). Во-вторыхъ, по открытіямъ Турналя и Крестала, по изысканіямъ Шмерлинга и вообще по новѣйшимъ геологическимъ и палеонтологическимъ изслѣдованіямъ извѣстно, что люди нѣкогда жили въ пещерахъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ черепа человѣчскіе, найденные, напримѣръ, въ пещерахъ бельгійскихъ, въ Енглеовой, близъ Льежа, въ Неандертальской, въ Бриксгамской и во многихъ другихъ. «Пещеры, — говоритъ Лябель, — служили человѣку мѣстомъ жилища... Мрачныя пещеры и подземныя тоннели могли служить мѣстомъ убѣжища цѣлому ряду поколѣній людей» (О древности человека, стр. 56, 58). Древняя чюдъ тоже жила нѣкогда въ пещерахъ. (Эйхвальда, о Чудскихъ копахъ, — Труды вост. отд. III, стр. 104). «Тамо живущіи челоуѣцы, — говоритъ нашъ жизнеописатель Трифона печерегскаго и Зосими, и Савватія соловецкихъ, — ижора, чюдъ, лопъ, вдалѣе-жъ каане и мурмане и нини мювиіи явцыи переѣе быша яко звѣрїе нѣкіи, живущїе въ пещерахъ и расселїнахъ каменныхъ и земныхъ, некигуще храма (Сборн. Солов. Библ. № 175). Нѣкоторые сибирскїе народы, наприм. телеуты, юрако-чукотскїя племена, а также восточные островитяне тоже жили или въ каменныхъ раселїнахъ, или земляныхъ землянкахъ.» (Георги, Опис. народовъ, II, 158, III, 60, 75, 87). Въ такихъ мрачныхъ пещерахъ и подземныхъ тоннеляхъ органы зрѣнія у людей, естественно, должны были быть недоразвитыми, вслѣдствїе малаго употребленїа и употребленїа или вслѣдствїе постояннаго особеннаго напряженїа и настроенїа, неизбѣжно обусловливаемаго пещернымъ образомъ жизни, пещерными, подземными условїями свѣта и воздуха, — принять форму щелевидную, суженную, прищуренную, съ вѣками болѣе или менѣе сращенными, и въ такомъ видѣ, по закону медленнаго видоизмѣненїа и совершенствованїа органовъ, передаться потомъ вышнѣйшимъ племенамъ, имѣющимъ узкіе, недоразвитые, щелевидные глаза съ нѣскольکو сращенными вѣками. Ибо законъ употребленїа или употребленїа органовъ точно такую же форму и степень развитїа глазъ обусловливаетъ и у всѣхъ пещерныхъ животныхъ, наприм., у роющаго грызуна южной Америки, Тукоуко (*Chinchilla*), ведущаго жизнь подземную, у совершенно слѣпыхъ животныхъ, обитающихъ въ пещерахъ Стїрїи и Кенгуи, у пещерныхъ крысъ и проч. и точно также представляются различныя стадїи въ строенїи глаза у совершенно слѣпыхъ животныхъ, смотря по полу-тѣмъ или полной тѣмъ пещеръ и норъ подземныхъ. Законъ этотъ великоотлично раскрытъ и доказанъ Дарвиномъ (*Ueber die Entstehung der Arten*, s. 163 и слѣд. См. также Schmarda, *Die geographische Verbreitung der Thier* 1, s. 12). Унаслѣдованная вышнѣйшими племена-

няя часть лица слишком замѣтно выдалась впередъ; глаза маленькіе, волосъ, кромѣ головы, нигдѣ нѣтъ; у мужчинъ на бородѣ ви-

ми, наприм. монгольскими, гиперборейскими, тунгусскими и др., отъ древнѣйшихъ пещерныхъ племенъ, какъ неугасшій, незаглохшій еще остатокъ древней организаціи,—маленькая, щелевидная, суженная форма глазъ, съ нѣсколькимъ сращеніемъ вѣками, поддерживается у этихъ новѣйшихъ племенъ неправильнымъ изощреніемъ или злоупотребленіемъ органовъ зрѣнія, наприм. мракотъ и вѣчными дымою юртъ, ослабительнаго близноты сѣтчатки или крио-метаморфизма стенокъ и т. п. Наприм., Георги говорить о киргизахъ: «глаза у нихъ малые, можетъ быть и оттого единственно, что они болѣе сжимаютъ зѣнку по причинѣ желтнющихъ степенъ и ослабительнаго свѣту.» (Опис. народ., ч. II, стр. 423). Какъ у пещерныхъ криво и подземныхъ грызуновъ глаза страдаютъ воспаленіемъ, такъ и у русскихъ сибирскихъ племенъ (Палласъ, Георги, Врангель, Ерманъ—одноголосны). Точно также неправильное употребленіе или изощреніе другихъ органовъ, наприм. ногъ, обуславливаетъ неправильное ихъ развитіе. «Ноги у всѣхъ калмыковъ,—говоритъ Георги,—въ волѣхъ вытѣблены не по природѣ, но отъ сидѣнья въ присядну и отъ всегдашней верховой ѣзды (Опис. народ. ч. I, стр. 9). Лагавель тоже замѣчаетъ о бурятахъ: «мальчишья они съ малолѣтства приучаютъ ѣздить на лошадакъ верхомъ; оттого и отъ короткихъ ступеней у сѣделъ радѣй бурять имѣеть прямыя ноги (Сибир. Вѣст. 1824 ч. I, стр. 6). У монголовъ, а также у якутовъ и др. вообще, вслѣдствіе преобладающаго изощренія или употребленія челюстей, скуловыхъ мускуловъ (наим. zygomaticus), вслѣдствіе малаго изощренія органа мыслы—вогга, наиболѣе развиты и выдаются впередъ среднія части лица, скуловые мускулы, а лобъ неразвитъ и киваетъ назадъ (Ektognathes). Развитіе депозакальства важнаго значенія закона употребленія или неупотребленія, или образа употребленія органовъ въ организаціи сибир. племенъ представляетъ Радде въ характеристикѣ «физиологическаго строенія вѣнныа. бурять и тунгусовъ (Вѣст. геогр. общ. 1857 г. кн. XXI, стр. 137—146). Не говоря о климатѣ, мѣстаго жителства и проч., вообще равныя жизненныя условія оказывали и оказывають также влияніе на организаціи ивродческихъ племенъ. Напр. дѣятельна зависить отчасти и отъ образа жизни. Якуты—замѣчаютъ леур. д-ръ Киберъ,—при рожденіи бывають тѣломъ были, но съ лѣтами отъ неоправлености дѣлаются смуглыми. (Сибир. Вѣст. 1824 г. ч. II, стр. 133). Пища также имѣеть существеннѣйшее влияніе. Возьмемъ, наприм. соль. Не изслѣдовавшись Буссеяго, Албиха, де-Сэва и др., употребленіе соли дѣлаеть волоса и шерсть глянчи, тонкими, гладкими, возбуждаеть въ животныхъ игривость и похотность, увеличиваетъ плодотворность мужского и восприимчивость женскаго пола и удвоеннаеть питаніе зародыша, способствуетъ росту; напротивъ, неупотребленіе соли дѣлаеть волоса вѣрошешеными, жесткими, перенуцанными и безъ лоска, а кожу мѣстами гоау и вовсе безъ шерсти; температура животныхъ дѣлаеть холодною, походку пилую, препятствують росту. (Албиха, Писана о химіи II, стр. 102—109). Почти всѣ сибирскія племена, какъ извѣстно, а донынѣ еще вовсе не употребляютъ соли, даме чувствуютъ къ ней отвращеніе, какъ наприм. чучки, по свидѣт. д-ра Кибера, или употребляютъ ее весьма мало и рѣдко. (См. у Георги въ Опис. народ.). И вотъ не вслѣдствіе ли этого, между прочимъ, факта, всѣ сибирскія племена представляютъ неиз-

дѣнь одинъ только пухъ; они малорослы и худо размножаются.»¹⁾ Объ остякахъ Георги замѣчаетъ: «рѣдко кто изъ нихъ бываетъ средняго роста; лица особенно плоское и желтоватое; души тупыя и умылыя, и потому они боязливы; женщины съ самыхъ первыхъ родовъ становятся морщинистыми и безобразными; когда остяки не бываютъ на промыслахъ, то бываютъ нездоровы»²⁾. По словамъ Палласа, остяки большою частью средняго и малаго роста, слабыми, худощавы, съ особенно слабыми костями, трусливы или робки, простодушны и глуноваты.³⁾ О калмыкахъ Георги пишетъ: «рѣдко бываютъ выше средняго роста, но большей части сухощавы; лицо у нихъ столь плоское, что калмыцкій черепъ отъ всякаго другого удобно распознать можно; глаза узкіе, и углы у нихъ болѣе плоски, нежели у европейцевъ; губы толсты, носъ приплюснутъ и малъ; уши оттопырились и весьма велики; ноги у всѣхъ въ козѣняхъ выгибисты»⁴⁾. О бурятахъ Георги, между прочимъ, замѣчаетъ: «тѣло ихъ весьма мало имѣетъ крѣпости и силы. Одинъ русскій человѣкъ равнаго росту вѣсомъ всегда тяжелѣе бурята и, какъ шутя, такъ и на самомъ дѣлѣ, многихъ изъ нихъ можетъ преодолѣть»⁵⁾. Сѣверныя сибирскія племена, хотя и крѣпкаго тѣлосложенія, но вся ихъ структура полууродлива, не вполне развита. Врангель такъ характеризуетъ физическое строеніе племенъ сѣверовосточной Сибири: «подобно всѣмъ обитателямъ полярныхъ сѣверныхъ странъ, они не высокаго роста, но широковыя и крѣпкаго тѣлосложенія. Голова ихъ противъ туловища слишкомъ велика; руки и ноги слишкомъ коротки; лицо плоское и широко; большія щоки суживаютъ ротъ и даютъ ему слишкомъ круглую форму... Волосы черны и косматы, а маленькіе, узкіе глаза лишены огня и выраженія. Суровость климата, голодъ и недостатки, кажется, препятствуютъ здѣсь совершенному

во всѣхъ тѣхъ физиологическихъ свойствахъ, которыя, по наблюденіямъ Буссево, Либиха и Сена, замѣчались и на живочныхъ, неуотреблявшихъ соли. Именно, у многихъ сибирскихъ племенъ почти вовсе нѣтъ волосъ на тѣлѣ, исключая немногихъ мѣстъ; волосы б. ч. жесткіе, взеропенные, борода рѣдка, выгипаетъ назадно, длѣ и то у многихъ вовсе не бываетъ; волосы косматые, жесткіе, безъ всякаго температурнаго б. ч. холодный; олегчативевій, „души умылыя, тупыя“ — по выраженію Георги; ростъ почти у всѣхъ малый, низкій; плодотворность слабая. — 3, 4. дитяти. (Георги, 1, 26. Врангель, II, 114 и др.)

¹⁾ Опис. народ. вѣ. ч. III, стр. 5.

²⁾ Ibid. ч. I, стр. 67, 71.

³⁾ Pallas, Reise III, s. 39.

⁴⁾ Опис. нар. ч. 1, стр. 9.

⁵⁾ Ibid. Стр. 26. Смotr. его же. Bemerkungen einer Reise im russisch. Reich. im Jahre 1772. B. 1, s. 298.

развитію физической природы человѣка, и такое же вліяніе оказываетъ климатъ и на умственные силы сѣверныхъ сибиряковъ. Кровь течетъ медленно въ ихъ жилахъ; сердце ихъ бьется вяло и чувства, если не истреблены, то, по крайней мѣрѣ, почти совершенно подавлены.» — Сравнимъ теперь съ этимъ описаніемъ физиологическій типъ славяно-русскаго племени. Еще древніе западные путешественники единогласно отзывались о высокорослой, стройной и крѣпкой конструкціи русскаго народа. Напримѣръ, Петрей писалъ: «русскіе всѣ вообще люди рослые, сильные, дюжіе, тучные» ¹⁾. Олеарій писалъ: «у русскихъ всѣ мужчины вообще высокаго роста, полны и крѣпкаго сложенія; цвѣтомъ кожи сходны съ прочими европейцами... Женщины русскія вообще средняго роста, стройны, нѣжнаго тѣлосложенія, красивы... Русскіе — народъ сильный и здоровый, способный легко переносить и холодъ, и жаръ» ²⁾. По совершенству физическаго развитія и склада, славяно-русское племя существенно относится къ типу европейской породы и почти ничѣмъ отъ нея не отличается. Такъ, Причардъ относительно физико-этнографическаго характера славяно-русскаго племени замѣтилъ: «что если оно имѣетъ въ этомъ отношеніи какія-либо особенности, такъ эти особенности не должны быть рѣзки, и потому не легко могутъ быть и замѣчены» ³⁾. Въ частности, сибирское русское народонаселеніе, на взглядъ европейцевъ, выдавалось крѣпостью и развитостью своей организаціи. Напримѣръ, Шаппъ писалъ: «сибиряки росли, плотны и статны... женщины красивы, бѣлотѣлы, съ пріятною фізіономіей, съ черными глазами» ⁴⁾ и проч. Ганстенъ замѣтилъ: «сибиряки извѣстны въ Россіи за самый красивый народъ и пользуются желѣзнымъ здоровьемемъ» ⁵⁾. Однимъ словомъ, физическое строеніе славяно-русскаго племени и въ Россіи, и въ Сибири значительно выше и совершеннѣе, чѣмъ складъ сибирскихъ инородческихъ племенъ. И вотъ, въ силу этой физиологической крѣпости и наибольшаго совершенства, русское племя, естественно, устойчиво уцѣлѣло среди всѣхъ слаботѣлыхъ, физически недоразвитыхъ сибирскихъ племенъ. Оно въ существенныхъ чертахъ своихъ осталось неизмѣнно. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ и физическая, и этнографическая среда была крайне неблагоприятна для національнаго и физическаго развитія русскаго племени, даже и тамъ его природа сохранила свои физиологическія

1) Historien und Bericht von dem Grossfürstenthums Moskow. s. 583. 593.

2) Путеш. Олеарія, въ архивѣ 1859 г. IX, стр. 20. 21 и др.

3) Histoire naturelle de l'homme. Paris 1843 t. 1, p. 267.

4) Истор. обзорѣніе Сибири, Словцова 11, 84.

5) Reise in Sibirien 1828—1830.

черты. Взгляните хоть на природнаго русскаго въ Якутскѣ и сравните его съ природнымъ якутомъ.» Якуты,—замѣчаетъ Н. Щукинъ,—всѣ средняго роста; русскій крестьянинъ между ними кажется исполиномъ, особливо если ростъ его больше обыкновеннаго. Вы сравниваете русскаго съ якутомъ и не удивляетесь, что горсть казаковъ обращала въ бѣгство тысячи азiятцевъ. И монголь, и якуть, и тунгусъ называютъ русскаго лѣшимъ. Не мудрено, что съ густыми волосами и бородою, которой азiятцы не имѣютъ, съ оружіемъ, наносящимъ смерть въ отдаленіи и невидимо, русскій показался имъ духомъ «въ лѣсахъ обитающимъ» ¹⁾. Врангель замѣчаетъ о физической устойчивости русскихъ колонистовъ въ низовой части Колымы: «хотя обитающіе здѣсь собственно русскіе, черезъ смѣшеніе съ юкагирами и анюйскими якутами, заимствовали отъ нихъ многое въ одеждѣ, образъ жизни и даже въ чертахъ лица, но все еще отличаются весьма замѣтно крѣпкимъ своимъ сложеніемъ. Они вообще ростомъ выше, тѣломъ бѣлѣе и у многихъ свѣтлорусые волосы, чего не стрѣчается у природныхъ жителей. Русскія женщины, не смотря на трудныя работы, ими исправляемыя, и неопрятность, съ какою живутъ, съ чертами лица болѣе прiятными и правильными, нежели у настоящихъ юкагирокъ, тунгусокъ и якутокъ, и многія изъ нихъ могутъ похвастаться красавицами... Между здѣшними русскими видны еще нѣкоторая веселость и наслажденіе жизнью, а у природныхъ жителей этого, къ сожалѣнію, незамѣтно, исключая тѣхъ, которые вращались въ обществѣ русскихъ, но и тѣ не умѣютъ вполне изъяснять своей веселости. Однакожъ такое и многія другія, свойственныя русскому характеру, преимущества цѣнятся ими, и когда они хотятъ описать искуснаго, проворнаго и счастливаго промышленника, то говорятъ: «онъ настоящій русскій!» Дѣти здѣшнихъ русскихъ, не смотря на суровый климатъ, рано приходятъ въ возрастъ, и мальчики показываютъ особенное остроуміе и перемчивость» ²⁾. Такъ мало измѣнчива наиболѣе развитая и наиболѣе окрѣпшая русская національная организація. Между тѣмъ, менѣе развитыя сибирскія и инородческія племена, не болѣе какъ въ два столѣтія, болшею частью существенно измѣнились и измѣняются какъ это мы увидимъ дальне; многія утратили почти всѣ признаки своей коренной народности и сдѣлались совершенно русскимъ населеніемъ. Вслѣдствіе своей низшей организаціи, инородческія племена Сибири подвергались не только фізіологической вообще, но и

1) Поѣздка въ Якутскъ, стр. 230.

2) Врангель, Поляр. экспед. 1, 237—239.

мозговой, умственной измѣнчивости. Вѣковая физическая и умственная борьба за существованіе съ русскимъ племенемъ повела нѣкоторые сибирскія племена къ выгоднымъ измѣненіямъ, къ нѣкоторой степени усовершенствованіямъ. Это въ силу того естественнаго закона, что если какія нибудь низшія породы пріобрѣтаютъ способность противиться вторженіямъ въ свою область другихъ, пришедшихъ породъ, то они съ успѣхомъ видоизмѣняются. ¹⁾ Такъ, якутское племя, вслѣдствіе первоначальной мускулярно-физической борьбы съ русскимъ племенемъ, и потомъ вслѣдствіе интеллектуально-мозгового соперничества, — измѣнилось къ лучшему, даже пріобрѣло умственный перевѣсъ надъ русскими въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по Ленѣ, въ якутскомъ краю. Русскіе, прежде обманывавшіе якутовъ, какъ простаковъ, теперь съ уваженіемъ, даже съ умственнымъ раболѣпиемъ относятся къ ихъ умственнымъ успѣхамъ. Далѣе, самая организація нѣкоторыхъ инородцевъ замѣтно измѣняется, вслѣдствіе усвоенія русскаго образа жизни. Напримѣръ, буряты или тунгусы, живущіе смежно съ русскими селами и занимающіеся земледѣліемъ, принимаютъ обликъ менѣе дикій, степной, грубый, чѣмъ буряты, живущіе въ глуши дикихъ степей и занимающіеся исключительно охотою и пастушествомъ. У инородцевъ, живущихъ въ городахъ или селахъ въ работникахъ у русскихъ, также замѣтно нѣкоторое легкое измѣненіе въ чертахъ лица, въ движеніяхъ, въ голосѣ и проч. Дѣти бурятскіе, учащіяся въ русскихъ школахъ или живущія въ услуженіи у русскихъ, тоже мало по малу пріобрѣтаютъ нѣкоторое отличіе отъ дѣтей степныхъ, улусныхъ. Это происходитъ въ силу того естественнаго закона, что если дѣти ведутъ образъ жизни нѣсколько иной, чѣмъ ихъ родители, то, по началу естественнаго подбора, дѣятельные дѣти, сами себѣ пріобрѣтающіе пропитаніе, будутъ нѣсколько разниться въ самомъ строеніи отъ своихъ родителей. ²⁾ Если, такимъ образомъ, физически-недоразвитыя сибирскія племена замѣтно измѣняются отъ простаго сближенія и сожителства съ выше-организованнымъ русскимъ племенемъ, то, вслѣдствіе скрещенія, ихъ низшая организація, естественно, должна была еще болѣе измѣняться и уступать ассимилирующему вліянію выше-развитой корпораціи русскаго племени. Это мы дальне и увидимъ.

Далѣе, малоплодовитость сибирскихъ племенъ, ихъ слабая фи-

¹⁾ Darwin, s. 96.

²⁾ Darwin, s. 481. Точно также каждый органъ измѣняется, вслѣдствіе употребленія или неупотребленія, особенно вслѣдствіе новаго направленія его дѣятельности. См. у Дарвина, 480.

физиологическая способность къ размноженію, естественно, также не могла соперничать съ наиболѣе сильною плодовитостью и размножаемостью русскаго народа, и должна была поневолѣ уступить силѣ потомственнаго самовоспроизведенія и нарастанія русской народности. Покореніе сибирскихъ инородческихъ племенъ русскому владычеству, лишеніе ихъ свободы и простора въ предѣлахъ охоты и пастушества, — словомъ, измѣненіе ихъ жизненныхъ условий регрессивно, упадочно подѣйствовало на ихъ воспроизводительную энергію. «Главнѣйшая причина измѣнчивости живыхъ существъ, — говоритъ Дарвинъ, — заключается въ томъ замѣчательномъ дѣйствіи, которое производитъ прирученіе и лишеніе свободы на отправленія половой системы; потому что именно эта система гораздо болѣе, чѣмъ всякая другая часть организма, зависитъ отъ измѣненія жизненныхъ условий. Нѣтъ ничего легче, какъ приручить животное, но какъ трудно заставить ихъ обильно плодиться въ неволѣ, даже въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда бываетъ сближеніе между самцомъ и самкою. Сколько животныхъ вовсе не плодятся въ неволѣ, какъ бы долго не держали ихъ въ плѣну, даже самомъ просторномъ, и хотя бы это было въ самой ихъ родинѣ. ¹⁾ По этому закону природы, поработеніе сибирскихъ племенъ и лишеніе ихъ прежней свободы не только прямо уменьшило въ нихъ энергію плодородія, но и существенно измѣнило дѣйствіе ихъ производительной системы, ослабило ихъ организацію, парализировало ихъ физиологическій ростъ, и многія племена довело даже до вымиранія ²⁾. Вслѣдствіе этой общей физиологической парализаціи, естественно, также уменьшалась плодовитость и увеличивалась измѣнчивость организаціи поработенныхъ племенъ. Притомъ, и независимо отъ поработенія и лишенія свободы, уже природная низшая степень физиологическаго развитія и организаціи сибирскихъ племенъ, въ силу общаго естественно-экономическаго закона, обуславливаетъ у нихъ низшую степень воспроизводительной энергіи и плодородія. «У дикихъ племенъ, — скажемъ словами В. Ромера, — которыя упраж-

¹⁾ Darwin, über die Entsch. d. Arten, s. 18. 66.

²⁾ Многіе инородцы теперь съ грустью вспоминаютъ, что предки ихъ, до покоренія русскому владычеству, были и рослѣе, и сильнѣе, и плодовитѣе. Средне-колымскій якутъ, 82 лѣтній старикъ, съ горькимъ сокрушеніемъ жаловался Врангелю на безсиліе и недолговѣчность нынѣшняго поколѣнія якутовъ. Въ Якутскѣ Врангель тоже слышалъ горькія жалобы старожилонъ, что нынѣшнее поколѣніе якутовъ измѣнилось (Полярч. Путеш. 1, 172 — 11, 67). Бураты тоже говорятъ, что нынѣшнее поколѣніе ихъ стало мельче и слабѣе, и проч

няютъ естественныя силы только на охотничьемъ поприщѣ, уже вслѣдствіе тѣснаго пространства питанія, народонаселеніе должно быть рѣдкое. Главныя причины, препятствующія возрастанію населенія, суть: тяжкое обремененіе женщины и дурное обращеніе съ ними: причѣмъ почти невозможно бываетъ одновременное воспитаніе многихъ малыхъ дѣтей; необыкновенно продолжительное кормленіе дѣтей грудью; сильно распространенная безнравственность плодоистребленія; безчисленныя смертоубійства, особенно въ старости и въ болѣзняхъ; вѣчныя войны охотничьихъ племенъ изъ-за охотничьихъ округовъ или границъ. Кроме того, охотничьи племена еще чаще истребляются вслѣдствіе голодовъ и эпидемическихъ болѣзней — неизбѣжныхъ слѣдствій постоянныхъ и рѣзкихъ переходовъ отъ довольства къ крайней нуждѣ. Племена номадовъ, при ихъ всеобщемъ рыцарствѣ, лучше держать женъ, такъ что онѣ могли бы быть плодовитыми безъ особеннаго труда. Но обыкновенная, общая нужда въ естественныхъ пастбищахъ никогда не позволяетъ имъ возрастать съ наибольшею интенсивностью... Перекочевки и переселенія номадовъ дѣлаютъ ихъ браки мало-плодородными. Большая часть дикихъ народовъ живетъ очень неводержно, развратно; этотъ порокъ всегда ограничиваетъ естественное народоумноженіе. Преждевременные браки также у многихъ истощаютъ источникъ плодородія. Многоженство тоже служитъ препятствіемъ для умноженія народа. Абстрактная физиологія, правда, показываетъ, что мужчина, даже безъ ущерба для здоровья, можетъ производить дѣтей гораздо больше, чѣмъ можетъ родить ихъ женщина. Но въ дѣйствительности, одновременное сожителство со многими женами легко ведетъ къ неумѣренности и раннему истощенію. Турецкіе мужья часто съ 30 лѣтъ дѣлаются импотентными. У людей, имѣвшихъ до 18 женъ и 60 наложницъ, приходилось только по 1 дитяти на каждую, тогда какъ при моногаміи, отъ одной жены часто рождается дѣтей 20 — 25 ¹⁾. Всѣ эти препятствія плодородія и умноженія народонаселенія болѣе или менѣе имѣли и имѣютъ мѣсто и въ естественной жизни нашихъ сибирскихъ племенъ ²⁾. Поэтому они далеко меньше плодовиты, чѣмъ русское земледѣльческое и торгово-промышленное населеніе европейскаго зауралья и Сибири. Напримѣръ, объ остякахъ Палласъ писалъ: «браки ихъ неплодовиты: мало найдется отцовъ, у которыхъ было бы болѣе 3, много 4 дѣтей. Причина этого, можетъ быть, заключается въ томъ, что

¹⁾ W. Roscher, System der Volkswirtschaft. B. 1, s. 491—496.

²⁾ См. въ Описаніи народовъ — Исгоря, въ „путешествіи Врангеля и др.

дѣти у нихъ умирають въ раннемъ возрастѣ, вслѣдствіе грубаго содержанія и дурной пищи, и вслѣдствіе того, что матери ихъ сами себя истощаютъ тѣмъ, что кормятъ дѣтей грудью часто до 5 лѣтъ» ¹⁾.

Георги говоритъ о самоѣдахъ: «самоѣды роста самаго малаго, а жены ихъ еще ниже; груди у нихъ маленькія и плоскія, дѣтей начинаютъ они рожать очень рано: нѣкоторые изъ нихъ бываютъ матерями на 12 и на 13 году; но онѣ не очень плодородны, и съ 30 года перестаютъ уже рожать. Такое состояніе женщинъ и суровый климатъ ихъ страны составляютъ, конечно, причину и того, что они и малорослы, и худо размножаются, потому что ничто другое не препятствуетъ ихъ приращенію. Браки ихъ уничтожаются легко и скоро. «Женскій полъ, по самоѣдскому разсужденію, печистъ; почему и поступаютъ съ нимъ презрительно и безчеловѣчно» ²⁾. О тунгусахъ и о другихъ сибирскихъ племенахъ можно сказать то же самое. Сравнимъ теперь съ плодородіемъ ихъ плодовитость русскаго племени. Здѣсь, правда, нужно напередъ сказать ту грустную истину, что многовѣковое неблагоприятное экономическое положеніе русскаго народа, его крѣпостное состояніе и, по словамъ адм. Мордвинова, «грязный бытъ, недостатки хрощей пищи, одежды, воздуха въ жилищахъ, качество воды по отдаленнымъ отъ рѣкъ селеніямъ, отсутствіе по деревнямъ и селамъ больницъ, сильное распространеніе сифилиса и оспы составляли и составляютъ сильныя препятствія умноженію русскаго народа. Печальный и тотъ фактъ, что въ Россіи едва только 36 процентовъ всѣхъ новорожденныхъ переживаютъ 20 лѣтъ, тогда какъ въ Англіи, напримѣръ, 55 процентовъ. При всемъ томъ, плодовитость и размножаемость русскаго племени, въ сравненіи съ сибирскими племенами, далеко выше. Тогда какъ средней пропорціей рождаемости у сибирскихъ инородцевъ должно полагать никакъ не болѣе 1 на 30 и болѣе жителей; въ Россіи принимаютъ за эту пропорцію 1 на 21 — 23 жит. Между тѣмъ, какъ инородческіе браки въ Сибири даютъ только 3 — 4 дѣтей, браки русскихъ крестьянъ, по словамъ Гакстгаузена, приносятъ обыкновенно 10 — 12 дѣтей. Въ Сибири, по словамъ Палласа, русскіе жители обыкновенно производятъ многихъ дѣтей. Весьма многія русскія женщины рожаютъ 20 — 25 дѣтей. И естественная прибыль русскаго народа больше, чѣмъ инородческихъ племенъ; это видно уже изъ одного умноженія его отъ одной ревизіи до другой. Напримѣръ, съ 1722 по 1742 г. онъ умножился съ 14 мил. до 16; съ 1742 г.

¹⁾ Pallas, Reise III, s. 45.

²⁾ Георги, Опис. нар. ч. III, ст. 5 и 10.

по 1762 — отъ 16 мил. до 19; съ 1762 по 1782 г. — съ 19 мил. до 27½; съ 1782 по 1793 г. — съ 27½ мил. до 34; съ 1793 по 1803 г. — съ 34 мил. до 36; съ 1803 по 1806 г. — отъ 36 мил. до 41; съ 1806 по 1811 г. — отъ 41 мил. до 42; съ 1811 по 1815 г. — съ 42 до 45 мил.; съ 1815 по 1822 г. — отъ 45 мил. до 49; съ 1822 г. по 1829 — до 50½ мил.; въ 1832 г. — до 58 мил.; въ 1851 году — до 65 мил. и т. д. Среднимъ процентомъ естественной прибыли принимаютъ 1% въ годъ или меньшій 0,88°. Инородческія племена Сибири, какъ увидимъ дальше, напротивъ, большею частью годъ отъ году уменьшаются. Исчезаютъ цѣлыя племена, подобно шелагамъ, омокамъ, асанамъ, моторамъ и проч. Русское же населеніе Сибири отъ одного народженія ежегодно даетъ значительныя цифры прибыли. Напримѣръ, въ Иркутской губерніи въ годъ прибываетъ отъ народженія по 1576 дѣтей обоюго пола, въ Забайкальской области по 3332 д. об. п. ¹⁾ При такой преобладающей физиологической способности въ воспроизводительности и размножаемости, русское племя, естественно, должно было воспреобладать надъ малоплодовитыми инородческими племенами, погибающими какъ отъ голода и эксплуатаціи побѣдителей, такъ и отъ плохо развитой организаціи своей породы.

По общему органическому закону, чѣмъ разнообразнѣе по строенію, образу жизни и нравамъ потомки какого-либо вида, тѣмъ способнѣе они захватить многія и разнообразныя мѣста въ природномъ строѣ, слѣдовательно, тѣмъ способнѣе къ размноженію, распространенію и воспреобладанію надъ другими жителями. Выгоды разнообразія между жителями одной и той же мѣстности въ сущности тѣже, какъ и выгоды физиологическаго раздѣленія труда между органами одного и того же живого тѣла. Чѣмъ болѣе приспособлены жители къ разнымъ образамъ жизни, чѣмъ разнообразнѣе ихъ нравы и привычки, тѣмъ болѣе возможности для ихъ преобладающаго развитія въ средѣ малообразованныхъ жителей. Группа животныхъ съ малообразованною организаціею едва ли можетъ выдержать состязаніе съ другою группою, представляющею разнообразіе болѣе значительное ²⁾. Этотъ общій законъ органической природы проявился, нѣкоторымъ образомъ и въ органическомъ строѣ русскаго народонаселенія. Извѣстно, что охотничьи и пастушескія племена, вообще, имѣютъ организацію болѣе или менѣе однообразную. Индивидуальности между ними развиваются чрезвычай-

¹⁾ Изъ рукоп. сибирск. отд. географ. общ.

²⁾ Darwin, s. 130.

но мало, хотя часто повторяемая поговорка: «кто знает одного индѣйца, тотъ знаетъ всѣхъ ихъ»,¹⁾ требуетъ нѣкотораго оградиченія. Гумбольдтъ замѣчаетъ, что между охотничьими племенами физіологическія отличія представляютъ развѣ только цѣлмя племена и орды. Самые татуировки вызваны, какъ полагаютъ нѣкоторые, тою потребностью, чтобы, при большомъ сходствѣ, напримѣръ индѣйцевъ, можно было имъ различать другъ друга въ союзѣ или на войнѣ²⁾. По замѣчанію Вайца, различіе между родами некультурныхъ племенъ, по тѣлесному строенію и одеждѣ, гораздо менѣе замѣтно, чѣмъ въ культурномъ мірѣ³⁾. При физическомъ однообразіи, между племенами некультурными господствуетъ и однообразіе общественно-бытовое. У охотничьихъ племенъ почти нѣтъ никакого раздѣленія труда, и потому нѣтъ никакихъ общественныхъ званій или состояній. Почти такое же физіологическое и экономическое однообразіе замѣчаемъ и между нашими сибирскими племенами. Почти всѣ индивидуумы каждаго племени сложены совершенно одинаково, по одному племенному типу, и похожи одинъ на другого. Напримѣръ, по одному калмыку можно судить о физіономіи и складѣ почти всѣхъ калмыковъ; по одному природному явугу или тунгусу — о всѣхъ явугахъ и тунгусахъ чистой, несмѣшанной породы и т. п. Какъ одинъ буряты занимается скотоводствомъ, такъ же точно занимаются имъ и всѣ кочующіе буряты.

Однообразны ихъ степи, однообразны большею частью и стада, наприм. овцы больше все бѣлыя; такъ же однообразны ихъ физіономіи, костюмы, юрты, улусы и проч. Какъ одинъ бродячій тунгус охотничаетъ, такъ и всѣ прочіе бродячіе тунгусы охотничаютъ, и нѣтъ никакого у нихъ раздѣленія занятій. Какъ однообразны ихъ тонкія ноги, сплюснутые носы, узкіе глаза и все обличье, такъ однообразны ихъ лыжи, охотничьи орудія, костюмы и проч. Олень да береза — вотъ все для всѣхъ оленьихъ и бродячихъ тунгусовъ. Физическое сложеніе и экономическое устройство до того сходны, однообразны у большей части сибирскихъ племенъ, что Георги, въ своемъ описаніи наружнаго вида, образа жизни и правовъ разныхъ сибирскихъ племенъ, обыкновенно по физіономіи и образу жизни одного племени даетъ судить о наружномъ видѣ и бытовомъ устройствѣ 4-хъ, 5-ти и болѣе другихъ сходныхъ между собою племенъ. Напримѣръ, описавши строеніе, складъ и образъ жизни телеутовъ, онъ приравниваетъ къ нимъ, но

¹⁾ Spix и Martius III, s. 1279.

²⁾ Wetz, Anthropologie der Natur Völker 1, s. 76.

совершенному сходству во всемъ этомъ, вѣстимскихъ и тулибертскихъ татаръ, абинцевъ и верхотомскихъ татаръ, замѣчая: «въ разсужденіи вида, душевныхъ качествъ, внутренняго устройства, языка, нравовъ и обрядовъ во всемъ сходны и сообразны съ телеутами ¹⁾». По портрету татаръ туралинскихъ, онъ даетъ судить о складѣ, строеніи и образѣ жизни татаръ тобольскихъ, томскихъ, обскихъ и др. Въ бирюсахъ, саянахъ или сагайскихъ татарахъ и бельгирахъ онъ видитъ совершенное сходство съ татарами сибирскими, и по виду, и по языку, и по образу жизни. По изображенію наружнаго вида, склада и образа жизни койбаловъ, Георги даетъ судить о видѣ, складѣ и образѣ жизни камачинцевъ, моторовъ и сойетовъ, замѣчая вообще: «по виду, языку, одѣянію и проч. они совершенно подобны койбаламъ; почему на нихъ и ссылаюсь.» Такое одообразие и въ складѣ, и въ бытѣ племенъ особенно угрюмо и печально царствуетъ на сѣверѣ дикомъ, полярномъ. «Монотонія,—говоритъ гениальный географъ,—въ атмосферныхъ явленіяхъ, въ мірѣ животномъ и растительномъ, монотонія и въ человѣческомъ мірѣ составляетъ характеръ полярнаго міра... Повсюду однообразныя явленія и въ отношеніи природы, и въ отношеніи народовъ ²⁾.» Славяно-русское племя уже не представляетъ такого однообразія типа, состояній и быта, какъ сѣверо-восточныя сибирскія племена. Даже въ самыхъ фізіономіяхъ русскаго народа нѣтъ единства типа. Коренной малороссъ, напримѣръ, замѣтно разнится отъ настоящаго, природнаго великорусса. Рослый, бородастый, свѣтлорусый москвичъ, ярославецъ, нижегородецъ, и по фізіономіи, и по структурѣ, непохожъ точь-въ-точь на малорослаго, рѣдкородогаго, рыжеволосаго и часто подслѣповатаго вычегодца, печорца, ижемца — обрусѣлаго зырянина. Не даромъ для жителей центральной Россіи установлена общая меньшая рекрутская мѣра въ 2 арш. 3 верш., а для жителей уѣздовъ мезенскаго, пинежскаго, кемскаго, устьянскаго и яренскаго въ 2 арш. 2½ вершка. Не даромъ въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ средней ростъ жителей разнится, наприм. въ Казанской — около 2 арш. 3 верш., а въ Симбирской — 2 арш. 4 верш. ³⁾. Даже въ одной губерніи, въ разныхъ уѣздахъ, русскіе жители часто представляютъ не одинаковую физическую структуру, не одинъ ростъ, не однообразныя фізіономіи, какъ наприм. въ Рязанской губерніи, въ рязанской сторонѣ, въ прибрежныхъ Окѣ селеніяхъ, и въ степ-

¹⁾ Опис. нар. ч. II, стр. 134, 163 и слѣд.

²⁾ К. Ritter, Allgemeine Erdkunde s. 65.

³⁾ Казанск. губ. Матер. для географ. и статистики Россіи, стр. 103.

ной сторонѣ или въ Сапожковскомъ уѣздѣ ¹⁾. Ужь самая историко-этнографическая организація русскаго народа обуславливала его разнообразный физическій и умственно-бытовой складъ.

«Мы знаемъ,—скажемъ словами Надеждина,—что на безмѣрномъ пространствѣ нынѣшней Россіи русскій человѣкъ сложился въ свой нынѣшній видъ въ постоянномъ соприкосновеніи, подъ непрерывнымъ вліяніемъ различныхъ чуженародностей. Извѣстно, что востокъ и сѣверъ нынѣшней Россіи издревле заселены были сплошною Чудью, которая потому, быть можетъ, и названа такъ русскими что была для нихъ совершенно «чужою.» Съ этой, однакожь, Чудью среди которой онъ помнитъ себя новымъ, слабымъ пришельцемъ сѣверо-восточной Руси, обще и дружно заложилъ основанія той государственной цѣльности и жизненности, непосредственнымъ дѣйствіемъ которой выработался первенствующій нынѣ оттѣнокъ русской народности; оттѣнокъ такъ называемый *великороссійскій* — собственно ничто иное, какъ плодъ проникновенія грубаго чувства образовательною стихіею русскою. Затѣмъ, въ странномъ домыслии русскаго человѣка, на югѣ и западѣ нынѣшней Россіи, — сколько самому ему довелось вытерпѣть приливовъ и наплывовъ, отсѣдъ которыхъ не могъ не остаться на его природной физиономіи. Оттого въ нынѣшнемъ юго-западномъ обликѣ народности русской, особенно въ томъ оттѣнкѣ его, который принадлежитъ казачеству, многое отзывается чистою Азіею, изобличаетъ въ себѣ происхожденіе кавказское или, еще далѣе, — подъ-алтайское. Присовокупите къ тому еще менѣе матеріальное, но не менѣе могущественное вліяніе цивилизацій, прибывавшихъ на Русь въ разныя времена, съ разныхъ, болѣе или менѣе дальнихъ сторонъ — греческо-византійской изъ-за Дуная, латинно-польской изъ-за Вислы, нѣмецко-варяжской изъ-за моря ²⁾. «При такомъ разносоставномъ и разнообразномъ этнографическомъ складѣ, славяно-русское племя, сравнительно съ сибирскими племенами номадовъ и пастуховъ, уже успѣло значительно оразнообразить и свою соціально-экономическую организацію, хотя, разумѣется, далеко не въ такой мѣрѣ, какъ европейскіе народы. Русскій народъ уже вышелъ давно изъ однообразнаго состоянія охотничьяго и пастушескаго быта, позналъ болѣе или менѣе раздѣленіе труда, хотя, къ сожалѣнію, не всегда раціональное и правильное, создалъ не только села, но и города,

1) Рязанская губ. Матер. для географ. и статист. Россіи. стр. 133.

2) Надеждина, объ этнограф. изученіи народности русской. Записки русск. геогр. общ. 1849 г. кв. I и II. стр. 164—165.

не только фабрики и заводы, но и университеты, и другія научно-дѣятельныя общества. Онъ уже не состоитъ изъ однихъ охотниковъ или пастуховъ, но содержитъ въ своемъ обществѣ и земледѣльцевъ и фабрикантовъ и заводчиковъ, и купцовъ, и ремесленниковъ, и ученыхъ, хотя всѣ эти классы дѣятельнаго общества далеко не такъ развиты, многочисленны, разнообразны и производительны, какъ въ западной Европѣ.—Какъ ни отсталъ русскій народъ отъ западно-европейскихъ націй и отъ молодого сѣверо-американскаго народа, по своему социальнo-экономическому оразнообразенію, по социальному раздѣленію и развитію труда, но все же его общественный индустриальный складъ не такъ однообразенъ, какъ въ улусахъ и ордахъ; все же въ немъ приходится до 88% земледѣльцевъ, до $\frac{3}{4}$ % торговаго сословія и до $6\frac{1}{3}$ % мѣщанъ и цеховыхъ, занимающихся разными ремеслами. Хотя въ социальнo-экономической организаціи русскаго народа не распадается одна отрасль промышленности на 102 вѣтви или около, какъ напримѣръ, въ Англіи одно часовое мастерство подраздѣляется на столько вѣтвей, хотя далеко отсталъ онъ и отъ французской націи, которая въ одномъ Парижѣ имѣетъ до 325 отраслей промышленнаго труда, съ подраздѣленіемъ каждой индустриальной отрасли на десятки вѣтвей, напримѣръ — однихъ химическихъ работъ на 33 вѣтви, книгопечатныхъ на 27, металлическихъ и механическихъ на 33, по отдѣламъ благородныхъ металловъ и ювелирству — на 35, и т. п., все же русская социальнo-экономическая организація стоитъ выше того уровня, на которомъ находятся охотничьи и пастушескія сибирскія племена. И вотъ, благодаря этому разнообразію своего физическаго типа, склада и земско-хозяйственнаго строенія, благодаря своей способности жить промышленять и дѣйствовать не на однихъ степяхъ и тундрахъ, не въ однихъ охотничьихъ лѣсахъ, а повсюду, во всякомъ климатѣ русской земли, въ селахъ и городахъ, на пашняхъ, фабрикахъ и заводахъ и проч., — славяно-русское племя одержало верхъ въ состязаніи съ одностороннимъ, однообразнымъ некультуривованнымъ міромъ охотниковъ и пастуховъ. Вступивши въ эту среду этнографическаго однообразія и монотоніи, съ могучей силой и способностью къ борьбѣ мускулистыхъ, коренастыхъ поморскихъ новгородцевъ, закалившихся, окрѣвшихъ, — съ Ледовитымъ моремъ и съ тундрнымъ полярнымъ климатомъ, вступивши съ воинскими, боевыми способностями и съ воинственною храбростью, бойкостью и закаленностью донскихъ и запорожскихъ казаковъ, съ предприимчивостью, неустрашимостью и умомъ «старыхъ опытовщиковъ», въ родѣ Хабаровыхъ,

Нояржовыхъ и другихъ служилыхъ людей, съ эгоистическою смѣлостью, хитростью и смѣлливостью приволжскихъ великоруссовъ, съ хитростью и пощлостью московскихъ дьяковъ, подъячихъ и приказныхъ, съ особеннымъ промышленнымъ тактомъ торговыхъ и промышленныхъ людей, съ земледѣльческимъ навыкомъ пашенныхъ крестьянъ, съ искусствомъ или промышленною искательностью горнозаводчиковъ, въ родѣ Демидовыхъ, съ мастерствомъ кузнецовъ, оружейниковъ и проч., — русское племя, естественно, уже въ силу такого разнообразія своихъ передовыхъ бойцовъ, вслѣдствіе разнообразія своихъ физическихъ и умственныхъ [силъ и средствъ, имѣло всё шансы на физико-этнологическое преобладаніе въ средѣ сибирскихъ инородцевъ. Дальнѣйшее оразноображеніе его организациі въ Сибиріи, посредствомъ смѣшенія съ инородцами, распространеніе и умноженіе разныхъ отраслей европейской культуры и цивилизациі, устройство и развитіе такихъ, болѣе или менѣе европейскихъ городовъ, хоть въ родѣ Омска, Томска, Иркутска, — всё это еще болѣе усиливало русское племя относительно туземныхъ охотничьихъ и пастушескихъ племенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивало и его физиологическое преобладаніе между ними.

Вслѣдствіе такихъ преимуществъ, русское племя необходимо должно было воспреобладать надъ всѣми сибирскими племенами, распространяться въ ущербъ имъ, вытѣснить ихъ или довести до вымиранія. А племена сибирскія, по причинѣ собственнаго безсилія и маложизненности, должны были или вполне подчиниться вліянію русскаго племени, усвоить всё его національно-физиологическіе признаки, обуславливающіе жизненность народа, или оттѣсниться въ удаленныя, объединенныя горы и тундры и тамъ переживать медленный процессъ вымиранія. Какъ ни грустно это явленіе, но оно неизбежно по всеобщему органическому закону природы. «По мѣрѣ того, — говоритъ Дарвинъ, — какъ размножается всякая форма избранная, пользующаяся какими либо преимуществами, должны уменьшаться въ количествѣ формы менѣе приспособленныя къ жизненнымъ условіямъ... Теорія естественнаго подбора основана на убѣжденіи, что всякая новая разновидность, а затѣмъ и всякій новый видъ слагается и сохраняется въ силу какого-либо преимущества надъ формами, съ которыми онъ приходитъ въ состязаніе; а изъ этого почти неизменно слѣдуетъ вымираніе формъ, пользующихся меньшими преимуществами. Многимъ формамъ приходится уступить свои мѣста. И эти послѣднія, по большей части, будутъ формы средня, вслѣдствіе сгорающія какимъ-либо относительнымъ несовершенствомъ. Немногіе преставатели вытѣсненной группы

часто могут сохраниться надолго, если они приспособлены къ совершенно особому образу жизни или имѣють удаленное, объединенное мѣсто жительства, въ которомъ они могли избѣгнуть энергическаго сонсканія... Сверхъ того, когда чрезъ внезапное вторженіе или необыкновенно быстрое размноженіе многіе виды новой группы овладѣвали новою областью, они должны были столь же быстро истребить многихъ изъ прежнихъ ея жителей, и формы, такимъ образомъ вытѣсненныя, по большей части окажутся формами сродными, страдающими какимъ-либо общимъ несовершенствомъ». Въ силу этого закона природы, и на землѣ сибирской совершался и совершается непрерывный антропологическій метаморфозъ, съ печальнымъ исходомъ вымиранія многихъ племенъ. Русское племя, покоряя Сибирь и распространяя свою колонизацію, истребило множество (родовъ туземныхъ племенъ—вогуловъ, остяковъ, самоѣдовъ, калмыковъ, бурятъ, тунгусовъ, якутовъ, юраковъ, юагировъ, коряковъ, ламутовъ, чуванцевъ, ительменовъ и проч. Не вопіеть противъ русскаго племени та кровь сибирскихъ народовъ, которая пролита, истреблена въ борьбѣ за существованіе, въ силу естественнаго, постепеннаго вымиранія слабѣйшихъ, низшихъ племенъ въ состязаніи съ высшимъ и сильнѣйшимъ племенемъ. Но противъ него вопіеть передъ исторіей человѣчества та кровь, которая могла бы влиться, путемъ естественнаго подбора и скрещенія, въ его собственныя жилы и приобщить такимъ образомъ новыя твани, новые нервы, новое наростаніе его организму, и которая, однакожь, совершенно невинно пролита, уничтожена безъ слѣда единственно безчеловѣчнымъ насиліемъ русскаго пришлага племени. Вопіеть эта кровь потому, что у людей есть высшій руководитель въ борьбѣ за существованіе, кромѣ чисто-животнаго инстинкта и грубой физической силы, есть высшій, чѣмъ у животныхъ, разумъ, обязанный только человѣчно понимать истинныя человѣческія отношенія племени, рационально улучшать, облагороживать ихъ, а не вмѣшиваться въ право и законъ природы — постепеннаго приближенія естественно-отживающихъ племенъ къ вымиранію. Какъ бы, однакожь, ни было это грустно, но тѣмъ не менѣе русскимъ оружіемъ и насиліемъ истреблено въ Сибири множество инородцевъ. Независимо отъ этого, они, и вслѣдствіе естественныхъ законовъ, и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе перемѣны жизненныхъ условій, по причинѣ ограниченія русскими земледѣльческими колоніями и русскими узаконеніями ихъ свободнаго, географическаго и экономическаго простора, по причинѣ эпидемическихъ болѣзней и т. п., — неминуемо вымирали прежде и вымирають теперь. Гдѣ, напротивъ,

шелаги, омоки, анюилы и многія другія племена сѣверо-восточной Сибири? Всѣ давно исчезли. И осталось только на сѣверѣ преданіе, будто «на берегахъ Колымы было прежде огней у омоковъ болѣе, нежели звѣздъ на этомъ небѣ.» — «До покоренія русскими, говоритъ Врангель, народонаселеніе Сибири было гораздо многочисленнѣе и разнообразнѣе. Многія племена, какъ-то: шелаги, анюилы, омоки и другія, названія которыхъ сохранились въ преданіяхъ, нынѣ совершенно погибли. Однакожъ и въ наше время, на весьма небольшихъ пространствахъ, живетъ въ Сибири по восьми и по десяти различныхъ народовъ, всѣ отличающіеся одинъ отъ другаго языкомъ, обычаями и даже внѣшнимъ видомъ, и такое обстоятельство тѣмъ замѣчательнѣе, что нѣкоторые изъ этихъ такъ называемыхъ *народовъ*, состоятъ только изъ нѣсколькихъ семействъ, но тѣмъ не менѣе сохранили свою народную отличительность. Вѣроятно, различныя поколѣнія, здѣсь разсѣянныя, суть остатки первобытныхъ многочисленныхъ обитателей или отдѣльныя семейства, случаемо отторгнутыя отъ своихъ соотечественниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что покореніе Сибири заставило кочующіе народы, привыкшіе къ независимости, подвинуться далѣе на востокъ, а эти переселенія, также и кровопролитныя междоусобныя войны, опустошительныя болѣзни и наконецъ сгнѣніе различныхъ племенъ между собою и съ русскими, постепенно истребили первобытныхъ жителей страны. Такъ, между прочимъ, омоки, по преданію многочисленный и богатый народъ, совершенно погибли» ¹⁾. Точно такъ же вымерли, уже въ теченіи XVIII столѣтія, асаны, котты, хайдыны и многія другія племена ²⁾. Въ позднѣйшее время можно даже хронологически слѣдить за самымъ процессомъ постепеннаго вымирания нѣкоторыхъ племенъ. Такъ, аринцевъ уже въ 1735 г., во время путешествія по Сибири Миллера и старшаго Гмелина, было только 9 семействъ, и изъ нихъ одинъ только старикъ могъ еще говорить аринцкимъ языкомъ; а когда эти путешественники возвращались назадъ въ 1740 г., — не было уже въ живыхъ и этого старика ³⁾. «И слѣдовательно, — замѣчаетъ Георги, — купно съ жизнью его пресѣклась и живность аринцскаго языка» ⁴⁾. Въ 1847 г. аринцевъ было уже только 60 человекъ ⁵⁾. О котовцахъ и асанахъ Георги замѣчаетъ: «какъ котовцы въ 1628 г.

¹⁾ Путешест. Врангеля II, стр. 80—81.

²⁾ Kastren's, Reiseber. und Briefe, s. 510; Вѣстн. геогр. общ. Т. XX, отд. II стр. 121.

³⁾ Sammlung Russisch. Gesch. B. VI, s. 155 и 158.

⁴⁾ Опис. народ. ч. III, стр. 25—28.

⁵⁾ Kastren's, Reiseberichte, s. 314.

Россіи покорилась, то болѣно ихъ было слабое, какъ и аришцевъ и асанъ; нынѣ же они еще безсильнѣе. Асанъ нынѣ (въ 1772 г.) осталось уже не больше, какъ 10 или 12 семей. Миллеръ и старшій Гмелинъ въ бытность свою тамъ въ 1735 и 1740 году, нашли только 2-хъ или 3-хъ человѣкъ, которые могли говорить санскимъ языкомъ; нынѣ же онъ, конечно, уже и вовсе перевелся»¹⁾. Моторовъ за 50 лѣтъ было не болѣе 30 семействъ. Нынѣ повальныя горячки оставили ихъ не болѣе 9 семействъ²⁾. Въ биренскомъ округѣ число тунгусовъ отъ 7 до 8 ревизіи уменьшилось съ 825 до 200 душъ, тогда какъ число русскихъ крестьянъ, въ этотъ же періодъ времени, увеличилось до 1,996 душъ м. п. Нѣкоторыя племена, стѣсненные сначала татарами, потомъ русской колонизаціей, удалились въ полярную тундрную низменность, какъ наприм. самоѣды и остяки, или въ горы алтайскія и саянскія, какъ наприм. горные калмыки, сойеты и другія горныя племена, и тамъ медленно переживаютъ частью процессъ постепеннаго вымиранія, частью процессъ обрусенія. Наконецъ, многія племена, оставшіяся въ сосѣдствѣ съ русскими колоніями, постепенно сливаются съ русскою національностью, все больше и больше русьютъ и, вмѣстѣ съ обрусеніемъ усваяя земледѣліе и осѣдлый сельскій бытъ, обращаются въ русскихъ крестьянъ. И это единственный исходъ, спасающій сибирскія племена отъ совершеннаго истребленія ихъ среди преобладающаго надъ ними пришлаго населенія. Какъ часто ни тяжелъ этотъ исходъ, но все же онъ лучше того всепожирающаго антагонизма, который русскій народъ внесъ въ обильный сибирскій край.

А. Ш. Щеневъ.

1) Опис. народ ч. IV. стр. 25—28.

2) Степанова, Енисейская губ. II стр. 50.

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НА ПОГОСТЬ *).

I.

Лѣто. Рожь колосится; всякіе плоды наливаются; птицы повывели уже своихъ птенцовъ, и птенцы, расправляя крылушки, пробуютъ свои молодые силы на вольномъ воздухѣ. Жизнь въ полномъ разгарѣ явится и нарождается: новыя поколѣнія выступаютъ на смѣну старымъ и заявляютъ свои права на тѣ же жизненныя блага. . .

Въ это теплое время, какъ бы повинувшись тѣмъ же законамъ природы, и К-я семинарія успѣла высидѣть своихъ птенцовъ и, снабдивъ ихъ мудрыми наставленіями, выпустила на всѣ четыре стороны. Ошершавшися птенцы тоже расправляютъ свои крылушки и дружно разлетаются по сосѣднимъ городамъ и селамъ искать себѣ пріюта и хлѣба на разныхъ путяхъ дѣятельности человѣческой.

По проселочной дорогѣ, позднимъ вечеромъ, ѣдетъ старый крестьянскій сургонъ, крытый рогожною. На передкѣ сургона, доѣдая кра-

*) Первая часть этого романа составляла отдельную, законченную повѣсть, и, на этомъ основаніи, мы рѣшаемся печатать ее отдѣльно отъ прочихъ частей. Вторая часть романа начнется печатаніемъ съ августовской книжки нашего журнала за нынѣшній годъ.

Ред.

вху хлѣба, сидитъ мужикъ и лѣнливо подстегиваетъ обломкомъ вьюница свою сѣропѣгую клячу. Везетъ онъ по пути на Емельяновскій погостъ двухъ только что окончившихъ курсъ бурсаковъ, а бурсаки, какъ извѣстно, товаръ хоть и дешовый, но за то сговорчивый: «какъ, молъ, ни вези, только доставь когда нибудь къ мѣсту;» востому-то мужикъ и не торопится. Сѣдоки въ самомъ дѣлѣ упорно молчатъ; на загорѣлыхъ лицахъ ихъ выражается въ настоящую минуту полная покорность судьбѣ и въ то же время тоска неисходная. Одинъ изъ нихъ, Трепетовъ, развалился на снѣ поперегъ фургона, просверлялъ отъ нечего дѣлать дыру въ рогожѣ и сквозя эту дыру колузадумчиво смотритъ на дорогу. Другой, Маевскій, старается улечься какъ нибудь покомфортабельнѣе и сердито ворочается съ боку на бокъ, отмахиваясь отъ безотвязныхъ комаровъ, которые, какъ нарочно, кучей столпились надъ нимъ и заявляютъ самыя злодѣйскія намѣренія. Тутъ же въ углу, свернувшись въ клубокъ, крѣпко спитъ педагогическій недоносокъ, Боголюбовъ, только что переведенный во второуѣздный классъ. Снится ему что-то непривлекательное, въ родѣ майской лозы или лива смотрительскаго, потому что ему морщится и мотаеть во снѣ головую. А пусть его морщится;—не грошемъ его.

При первомъ взглядѣ на двухъ старшихъ птенцовъ уже сразу видно, что они не одинаковаго полета. Въ лицахъ ихъ, конечно, есть нѣчто общее, свойственное почти всѣмъ бурсакамъ: нѣчто грубое, закаленное, точно изъ бронзы вылитое, но въ то же время замѣтны и особыя, рѣзкія черты, по которымъ можно нѣсколько судить о ихъ личныхъ характерахъ и наклонностяхъ. Маевскій сутуловатъ, мускулистъ и сила физическая въ немъ крѣпко развита, такъ что, пожалуй, при случаѣ онъ можетъ дать кому нибудь затрещину не дюжинную, но онъ смотритъ на все окружающее точно спросонья, съ желнѣйшей анатіей; во всѣхъ движеніяхъ его проглядываетъ вялость сытаго мяса, а въ разговорахъ такъ и сквозитъ пресловутый дѣдовскій принципъ: «плевать мнѣ на это окружающее; кой чортъ разбереть его; былъ бы хлѣбъ да зубы, а тамъ хоть трава не рости.» Трепетовъ, напротивъ, имѣетъ въ своей фигурѣ нѣчто умное; на худощавомъ, продолговатомъ лицѣ его выраженъе осмысленное, а въ черныхъ, искрящихся и глубоко ввалившихся глазахъ видны признаки частой и долгой головной работы. Смотритъ онъ нежного изъ подлбья и какъ-то слишкомъ сосредоточенно и дерзко, такъ что когда бывало

онъ сбьчится и уставица на своего врага учителя, тотъ быстро жгать начнетъ и озлится не на шутку: «чего ты буркулы-то твои пучишь на меня мерз..!. закричить онъ, топая ногою, а обругать не посмѣетъ, потому что знаетъ характеръ Трететова. Онъ не такъ плотно сложенъ, какъ его товарищъ, но и не походить однако на тѣхъ дряблыхъ, изнѣженныхъ юношей, которыхъ зачастую мы видимъ въ нашихъ гимназіяхъ и пансіонахъ.

Ѣдетъ фургонъ по старой, пѣбитой колеѣ; Ѣдетъ гдѣ рысцою, гдѣ шагкомъ. Смерялось совсѣмъ; въ воздухѣ влажность и холодъ; на поляхъ, словно море, роса разлилась. Долго ворочался Маевскій, наконецъ вышелъ изъ терпѣнья и приподнялъ свое вспухшее отъ комаровъ лицо.

— Не заснуть, произнесъ онъ отчаянно, — душу всю вытрясло ..Эй, дѣдо, далеко ли до ночлега-то?

— Теперича скоро. Сейчасъ, выходитъ, на лѣво возьмемъ, а оттуда пролѣскомъ версть съ пятокъ будетъ, не болѣ.

— Плохо, коли такъ. Хотѣ бы водки добыть гдѣ.. А тутъ еще комары проклятые...

Маевскій зѣвнулъ во всю пасть и опять завалился на сѣно.

— Зачѣмъ это, право, человѣку хвоста Богъ не далъ? заговорилъ онъ лѣниво, а то бы славно: лежи себѣ да отмахивайся. А?

— Въ тебѣ, братъ, нынче замѣтнѣе становятся скотскія потребности, отвѣтилъ нехотя Трететовъ.

— Ей богу жалко. Да оно и въ другомъ отношеніи было бы удобно, продолжалъ Маевскій, увлекаясь своей фантазіей; теперь вотъ встрѣтишься съ начальствомъ или знакомыми, такъ изволь непременно снимать фуражку да чинно раскланиваться, а тогда бы безъ хлопотъ повилялъ маленько хвостикомъ, да и дѣлу конецъ.

— Погоди, и безъ хвоста завиляешь.

— Противъ этого не спорю: почему-жъ и не повилять при случаѣ!... Впрочемъ шутки въ сторону, я проголодался, какъ чортъ, и въ животъ у меня такъ же пусто, какъ....

— Какъ и въ карманѣ?

— Нѣтъ, какъ въ твоей головѣ, хотѣлъ я сказать.

— Послѣ этого ты совсѣмъ не голоденъ, — смѣясь произнесъ Трететовъ: — у меня въ головѣ теперь такая каша, что ты, пожалуй, и не переваришь ее.... Въ самомъ дѣлѣ мнѣ есть о чемъ подумать.

— Это ты на счетъ университета?

— Да, я рѣшился.

— И, по моему, глупость сдѣлать. Къ какому чорту, спрашивается, мучить еще себя, когда цѣль достигнута? По моему, коли получалъ аттестатъ, такъ и дѣло въ шляпѣ. Теперь по невѣсту.

— И ты ужь дальше не пойдешь?

— Да иди-то никуда, пришелъ ужь. Дадутъ теперь мнѣ бабу, рясу наденуть и живи себѣ, пока брюхо цѣло. Даромъ, что ли, я 29 наукъ вы зубрилъ да 15 лѣтъ теръ семинарскую лягу? Теперь меня и каланомъ учиться не заманишь.

— Скотина, братъ, ты Маевскій.

— Чего скотина? Мы люди темные, нато, что вы, баре, нахватались тамъ какихъ-то высшихъ потребностей да цѣлей. Моя цѣль въ утробѣ матери мнѣ назначена, и эти высшія потребности, по моему, пустяковина. Да и тебѣ-то, братъ, важется, не видать университета, какъ ушей своихъ: родителей-то твоихъ я вѣдь хорошо знаю. Вздуютъ.

— Это мы увидимъ.

Пріятели замолчали. Третовъ задумался. Маевскій оглядѣлся кругомъ, потомъ безперемонно запустилъ руку въ карманъ спящаго Боголюбова и вытаскилъ оттуда оглодохъ хлѣба. Это открытіе доставило ему немалое удовольствіе и привело его зубы въ дѣйствіе.

— Аглупѣйшее состояніе приходится намъ съ тобой переживать, Маевскій, проанешь. Третовъ въ раздумьи: въ головѣ какой-то бессмысленный винигретъ и чортъ знаетъ что...

— У меня нѣтъ винигрета, отвѣтилъ Маевскій, чавкая. Да и что жь тутъ глупаго?

— Мнѣ все хочется понять, къ чему мы учились столько лѣтъ? каковой общій смыслъ вынесли мы изъ всего ученья? Съ самаго малолѣтства вдалбливали намъ въ голову, что «учитель, молъ: науки полезны», и насильно заставляли учиться. Ну, вотъ мы теперь выучились, курсъ ученія прошли весь; поглядишь въ аттестатъ, такъ, важется, всю замную премудрость усвоили, а между тѣмъ какой толкъ выходитъ изъ всего этого? Каждая наука торчитъ въ головѣ какинь-то особнякомъ, нисколько не задрѣвая другъ друга; для каждой точно и мѣсто особое отведено въ мозгу, съ особенными стѣнками и перепонками, такъ что если, напримѣръ, придется когда въ жизни геометрію вспомнить, то надо ковырять въ мозгу гдѣ нибудь налѣво; придется отыскать Карла V-го — ищи его на право, да и то врядъ ли отыщешь, потому что на этого Карла V-го настѣли потомъ три бого-

словія да герминевица. Вотъ и думаешь теперь, въ чемъ же состоитъ осязательная польза подобнаго знанія, и какое изъ него можно сдѣлать примѣненіе къ жизни? Ну ты, положимъ, Маевскій, какую пользу вынесъ изъ всего ученья?

— А невѣста-то? Великъ я не пончикъ курса, мнѣ бы и дѣста поповскаго не дали. Живи весь вѣкъ дьячмомъ!

— Значить, только извѣстные права да льготы и заставляютъ учиться? Дѣйствительно выгода очевидная и прямое доказательство пользы науки... Эхъ, Маевскій, не того, братъ, мнѣ хочется; другія мысли являть голову. Я самъ учился только потому, что мать этого просила, да начальство требовало, а какъ вослужать умныхъ людей, такъ у меня точно глаза раскрылись. Они мимоходомъ говорятъ о такихъ вещахъ, о которыхъ нашему брату и во снѣ не грезилось, а между тѣмъ въ этихъ вещахъ, по моему мнѣнію, весь смыслъ нашей жизни.

— Это ты о Березинѣ, что-ли?

— Да какъ бы объ немъ. Березинъ учился въ университетѣ и вышелъ дѣльнымъ и практическимъ человекомъ; значить, тамъ наука не стоитъ особнякомъ отъ жизни, а указываетъ на самую дѣятельность... Стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, учиться, если наука сообщаетъ мнѣ, что у аширскаго дея пришла подъ носомъ, или что на лунѣ открыты новые вулканы? Чортъ ли мнѣ въ этомъ аширскомъ деѣ и лунныхъ вулканахъ, когда подобныя знанія не приносятъ видной пользы ни мнѣ, ни обществу!.. По моему, всѣ науки свободны, должны вырабатывать только одну практическую пользу, имѣть одинъ общій выводъ, направленный къ тому, чтобы улучшить нашу жизнь и находить выходы изъ разныхъ печальныхъ положеній. А то такую пользу высосешь, напримѣръ, изъ латинскаго языка или сирагдовской исторіи?.. Можетъ быть я и ошибаюсь, но потому-то именно и хочу идти въ университетъ: тамъ, вѣроятно, это все выяснится.

— На это я могъ бы возразить тебѣ «отъ противнаго», но вѣдь правиламъ хриіа противоположной, да право лѣнь, братъ, — проговорилъ Маевскій, зѣвая.

— У тебя все шуточка... Значить, мы другъ друга не поймемъ.

— Отчего-жь и не пошутить, коли есть охота? По правдѣ сказать, ты все чистѣйшіе пустяки говоришь, и всѣ мечты твои въ нухъ и прахъ разлетятся: пошлѣ Господу Богу. Вотъ уже пріѣ-

дежь мы на погостъ; тамъ народъ не мудрящій, пища не семинарская, природа не стриженная, и такъ все пріятно тебѣ покажется, что и книги побросашь въ печку. Да и хорошо мечтать тебѣ, коли у тебя о семьѣ заботы особенной нѣтъ; а у меня, братъ, мать старуха хлѣба просить, и идеями ее не накормишь.

— Прична резонная.

— Значить, такъ и порѣшимъ. Какъ пріѣду — женюсь и буду жить себѣ по отцовскому обычаю. А ты ступай себѣ куда угодно, добивайся тамъ правды, какой хочешь. Намъ это все едано.

— И пойду, и добыюсь. У меня, братъ, что засядеть въ голову, того скоро не выбьешь...

— Ну, а я по невѣсту.

— Всякаго, значить, вамъ благополучія!

— И вамъ также.

Маевскій доѣлъ пирогъ и флегматично раскинулся на снѣгъ, положивъ подъ голову связку книгъ, которыя везъ съ собою Тренетовъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ заснулъ такъ безмятежно, какъ могутъ спать только невиннѣйшія души.

Тренетовъ не могъ спать; онъ былъ взволнованъ и досадовалъ на себя, зачѣмъ высказалъ Маевскому свои задушевные думы, которыя никому еще не высказывалъ. Ему сдѣлалось грустно, такъ грустно, что самая поѣздка на родину и чувство свободы и простора потеряли для него свою заманчивую прелесть. Три года уже не бывалъ онъ на родномъ погостѣ, и много важныхъ переменъ произошло въ немъ въ эти три года, такъ что родители, пожалуй, теперь и не узнаютъ его. Нѣкоторые счастливыя обстоятельства вызвали его къ иной жизни, непохожей на жизнь его предковъ, и возбудили въ немъ желанія, какія имѣютъ не многіе бурсаки. Онъ уже не можетъ теперь примириться съ той скромной ролью, на которую предназначило его казенное воспитаніе, и потому не можетъ смотрѣть въ будущее съ такою самоувѣренностью и спокойствіемъ, съ какимъ глядитъ въ него Маевскій и большинство его товарищей. Впрочемъ онъ и не завидуетъ имъ, и не желалъ бы быть на ихъ мѣстѣ... Смутно пробивается въ немъ подъ часъ легкая тревога: «что-то скажутъ? какъ примутъ его желаніе учиться? не придется ли поссориться съ родными?..» Особенно боится онъ за свою добрую и слабую мать, которую онъ такъ страстно любитъ. Ему такъ и представляются ея горькія слезы, слышится самый голосъ ея, полный

любви и безвредѣльной грусти: «не поглядѣй меня, Коля, не поглядѣй твою старуху!» и невольнo сжимается сердце Трепетова отъ этой картины; она затрогиваетъ въ немъ одну изъ самыхъ вѣрныхъ привязанностей, противъ которой онъ, кажется, не въ силахъ бороться.—Но вѣдь поймутъ же они наконецъ, думаетъ онъ, что имъ еще надо учиться, что образованіе дастъ мнѣ большую независимость и больше средствъ къ жизни. Я имъ все расскажу и они поймутъ!.. Такъ думалъ Трепетовъ себѣ въ утѣшеніе и въ то же время сознавалъ, что надуваетъ себя; и какой-то другой, болѣе логичный голосъ подсказывалъ ему: «не надѣйся, не поймутъ.»—Ну, и къ чорту, коли такъ!—рѣшилъ онъ.

Долго раздумывалъ Трепетовъ и скоро думы его перешли въ полубезсознательное, въ то состояніе между сномъ и бодростью, когда человѣкъ не чувствуетъ уже ничего, что происходитъ вокругъ, а между тѣмъ у него глаза открыты и въ нихъ видны слѣды думы...

Телѣга заскрипѣла и остановилась.

— Вставай, ребята, пріѣхали!—сипло прокричалъ возница.

Трепетовъ вздрогнулъ. Кругомъ лаяли собаки и пахло свѣжимъ сѣномъ. Сквозь щели рогожи мелькнулъ огонекъ.

— Вылѣзайте, что-ли, повторилъ мужикъ, заглядывая въ фургоны.—Тутъ заночуемъ, а завтра чуть свѣтъ взбужу. Эй, вы!

Въ отвѣтъ на это изъ фургона послышалось смачное зѣванье...

II.

— «И такъ, опять глушь, опять темное царство, скажутъ недовольные читатели, опять семипаристъ-герой, какъ необходимая либеральная приправа современнаго романа. Надоѣло все это!..» Но что-жъ дѣлать, читатели, если наша родная глушь болѣе близка и знакома намъ, чѣмъ элегантная жизнь другихъ кружковъ нашего общественнаго строя, и если мы горячо надѣемся, что изъ этой глуши впоследствии выдвинутся наши лучшіе дѣятели!..

Прежде всего я долженъ сказать, что нашъ герой—вовсе не герод. Онъ просто хорошій мальчикъ, съ потребностями лучшей жизни и свѣтлымъ лучемъ въ головѣ, который освѣщаетъ ему путь жизненный и заставляетъ энергично добиваться и искать того, чего

вдуть не всё. Онъ одинъ изъ тѣхъ многихъ, которые, очнувшись среди тьмы глубокой, еще задолго до разсвѣта, напрягаютъ всё силы ума и энергій, чтобы не заснуть опять; но въ потьмахъ имъ трудно дѣйствовать и, выбиваясь изъ силъ, въ большинствѣ случаевъ, они, къ сожалѣнію, приходятъ къ плачевнымъ результатамъ, къ которымъ неминуемо долженъ придти и нашъ герой. Не смотря на очень стремную дѣятельность такихъ людей, — она не проходитъ безъ слѣда, и потому важно значеніе ихъ въ нашей жизни. Одинъ умный писатель очень удачно сравнилъ этихъ людей съ караллами. Что можетъ быть микроскопичѣе жизни и дѣятельности каралловыхъ животныхъ? — Однако изъ цѣлаго ряда такихъ жизней мало по малу образуется островъ, за которымъ и корабль часто ищетъ спасенія отъ бури...

Но до образованія этого острова еще слишкомъ далеко, и потому займемся пока однимъ изъ атомовъ этого будущаго острова.

Николай Васильичъ Трепетовъ впервые увидѣлъ свѣтъ божій съ высоты холма, на которомъ помѣщается погостъ Емельяновскій. Отецъ его былъ священникъ, Василій Петровичъ, человекъ неглупый, но очень небогатый и связавшій всё свои жизненные интересы съ жизнью тѣхъ 15 человекъ, которые составляли все говорящее населеніе погоста. Къ сыну онъ не высказывалъ особеннаго расположенія, и даже печально вздохнулъ въ тотъ моментъ, когда новорожденный выкрикнулъ свое появленіе; вздохнувъ, онъ резонно проговорилъ: «ну вотъ, начинаются съ легкой руки: теперь припасай только денежки!» Мать, напротивъ, отъ души привязалась къ своему первенцу и берегла его, какъ умѣла. И началъ съ этого дня нашъ герой таращить глаза на всё диковинки міра сего, бывшія на погостѣ, и тарачилъ онъ ихъ цѣлые десять лѣтъ, то есть, до тѣхъ поръ, пока не поступилъ въ училище, когда ему снова зажоглось закрыть глаза. Въ дѣтствѣ Трепетова много значило то обстоятельство, что онъ не имѣлъ товарищей-сверстниковъ и развивался среди взрослыхъ людей или въ полномъ одиночествѣ. Объ неукоснительномъ воспитаніи его, конечно, никто на погостѣ не заботился; мать старалась только покрѣпче накормить своего баловня, а тамъ пускай себѣ рѣзвится и гуляетъ гдѣ хочетъ, на вольномъ воздухѣ, благо простору кругомъ было вдоволь. И гулялъ маленькій Коля вельсть, иной разъ отъ зари до зари, и лѣтомъ, и зимою. Недостатокъ сверстниковъ и товарищества имѣлъ сильное

вліяніе на развитіе ребенка: онъ до того привыкъ къ одиночеству, что съ недоброжелательствомъ смотрѣлъ на всѣхъ приходившихъ ребяташекъ или убѣгалъ отъ нихъ въ лѣсъ. Лучшимъ другомъ его былъ дядюшкѣ Захарычъ, человекъ очень недалекій, но говорунъ большой; онъ иногда прочитывалъ мальчику вслухъ житіе разныхъ святыхъ или просто рассказывалъ сказки, пѣлъ пѣсни, словомъ, сообщалъ ему всѣ свои знанія и поемногу вводилъ его въ тотъ чудодѣйственный мірокъ, въ который и самъ онъ, казалось, погружался съ наслажденьемъ. Съ усиленнымъ вниманіемъ слушалъ мальчикъ рассказы Захарыча, и странными казались ему эти рассказы, хотя онъ не мало дивился имъ. Вздумалось ему почему-то провѣрять Захарыча, и сталъ онъ для этой цѣли дѣлать разные оригинальные опыты. Наслушавшись о разныхъ кладахъ, онъ много перерылъ земли на погостѣ, но потомъ, когда Захарычъ сообщилъ ему, что кладъ самъ въ руки не дается, что его лѣшье отерегутъ, мальчикъ не испугался и лѣшихъ. Въ глухую полночь, потихоньку отъ матери, забрался онъ въ лѣсное болото и тамъ протряса цѣлую ночь, призывая лѣшаго; утромъ онъ воротился домой промокшій и иззябшій, и сообщилъ Захарычу, что онъ все вретъ, что лѣшій не приходилъ. Однажды, выслушавъ рассказъ о какомъ-то пустынникѣ, ребенокъ до того увлекся, что два дня прожилъ въ какой-то ямѣ, почти безъ пищи, пока обезумѣвшая отъ страха мать не отыскала его и не выпорола за это раннее подвижничество. Видя, что всѣ жители погоста роютъ и пахуютъ землю, маленький Трепетовъ сначала полагалъ, что всѣ они кладовъ ищутъ, но когда отецъ объяснилъ ему, какъ изъ зерна хлѣбъ вырастаетъ, мальчикъ глубоко прызадумался, и въ головѣ его возникли новые вопросы: отчего растеть дерево, отчего растутъ люди, собаки и проч., и опять начались разные опыты. У него скоро сложилась въ головѣ своя оригинальная теорія. Всѣ растенія и травы, казалось ему, существуютъ только потому, что въ землю закапываютъ покойниковъ, и что эти покойники ни-что иное, какъ тѣ же сѣмена, изъ которыхъ потомъ возникаютъ деревья и травы...

Захарычъ ему рассказалъ однажды, что покойники иногда могутъ вставать по ночамъ и пугать спящихъ. Опять новый поводъ къ думленью и задумчивости ребенка на счетъ походовъ мертвецовъ и опять оригинальный опытъ. Выждавъ, когда соседніе мужики

притащили въ церковь гробъ, чтобы оставить его тамъ на ночь, Трепетовъ еще съ вечера запрятался за вырубкой церковной, и когда церковь заперли на замокъ, онъ осторожно подкрался къ гробу и, при свѣтѣ неугасимой лампады, началъ дѣлать свои эксперименты. Сначала онъ прислушался: «не встанетъ-ли, молъ, самъ», но потомъ ему вдругъ страшно сдѣлалось и онъ, забившись въ темный уголокъ алтара, долго не могъ избавиться отъ нервной дрожи. Ноутру мать съ ужасомъ выслушала его разсказъ объ этомъ опытѣ; на мальчика подивился весь погостъ, а старшій священникъ даже посовѣтовалъ его отцу прибрать сына къ рукамъ, а то, пожалуй, бѣду наживешь съ нимъ. Маленькій Трепетовъ понять не могъ всей этой тревоги и продолжалъ настойчиво доказывать всѣмъ и каждому, что Захарычъ вретъ. Захарычъ съ этой поры пересталъ ему разсказывать про разныя чудеса, не смотря на то, что мальчикъ по прежнему приставалъ къ нему съ разспросами.

— Глушь ты, Николка, ворчалъ Захарычъ, съ тобой какъ разъ въ отвѣтъ попадешь.

Были опыты и почище этихъ. Маленькій Трепетовъ, напримѣръ, очень заинтересовался такимъ вопросомъ: почему всѣ жители погоста кажутся совсѣмъ другими людьми, когда прѣзжаетъ сюда на ревизію благочинный или другое начальство? Почему всѣ они кланяются ему, наперерывъ приглашаютъ къ себѣ, дѣлаются добрыми, даже злой о. Никита, который постоянно съ кѣмъ нибудь бранится, — и тотъ въ это время ввѣрчиво улыбается и кажется смиренникомъ? Отецъ объяснялъ мальчику, что это самъ начальникъ, котораго надо уважать и проч., но мальчикъ, конечно, этимъ не удовлетворился и, по своему обыкновенію, рѣшился сдѣлать опытъ. Онъ спрятался въ кусты и, подкарауливъ, когда благочинный, въ сопровожденіи все гопричта, спускался съ холма, — пустилъ въ начальника большой комъ грязи. Онъ хотѣлъ только узнать, что изъ этого выйдетъ, и вышла штука скверная. Духовенство переполошилось, и общими силами принялось ловить наглеца. Самъ благочинный на первый разъ крѣпко надралъ ему уши, а потомъ отецъ, не смотря на заступу матери, задалъ ему такую порку, что шалуны печальнымъ образомъ почувствовали на своей собственной шкурѣ, — что значить сердить начальство.

— Вотъ ужъ я тебя, каналью, въ училище свезу, страцалъ.

его отецъ послѣ этого. Тамъ, братъ, такъ отхватываютъ за это, что будешь шолоховый. Бери букварь и учи сейчасъ же!

Дѣйствительно, въ тотъ же день, какъ уѣхалъ благочинный, Трепетова усадили за букварь, на который, конечно, онъ посмотрѣлъ, какъ на заслуженное наказанье. Вся эта сцена сильно подѣйствовала на мальчика. Сталъ онъ капризничать, рвался буквари, прятался отъ отца и только одна мать умѣла приневоливать его къ ученю.

Подъ вліаніемъ подобныхъ впечатлѣній и опытовъ создавался понемногу умственный складъ и характеръ ребенка. Весь міръ его ограничивался только тѣми предметами и лицами, которые наполняли и окружали погостъ; объ остальномъ мірѣ онъ имѣлъ самое смутное понятіе, и долго былъ увѣренъ, что на землѣ только и есть трехъ родовъ люди: священники, дьячки и мужики, которые по праздникамъ приходили къ нимъ Богу молиться. Правда, заѣзжалъ иногда на погостъ мѣстный помѣщикъ съ семействомъ, но на него смотрѣлъ Трепетовъ, какъ на какое-то особенное существо, въ родѣ благочиннаго. Вообще онъ сдѣлался нелюдьми; на каждаго, непринадлежащаго къ погосту, смотрѣлъ какъ на врага и считалъ своимъ долгомъ изъ-за угла пустить въ него камнемъ.

На одиннадцатомъ году, отецъ отвезъ сына въ губернской городъ и опредѣлялъ въ духовное училище. Дале оглядѣлся мальчикъ среди новой обстановки; его оглушило многолюдство, шумъ и вопли учениковъ; послѣ привольной жизни на погостѣ, ему особенно дикою показалась эта формальность, звонки, общія спальни, ежедневныя порки и прочее. Тутъ уже было не до опытовъ; Трепетовъ струснулъ, непонятная новизна ошеломила его до того, что онъ не вынесъ, и слегъ въ больницу. Въ страхѣ прибѣжала мать его, еще думавшая уѣхать; начались слезы; въ ногахъ валялась бѣдная у смотрителя и просила побережь ей Колю и унять сорванцовъ. Смотритель выгналъ ее и сказалъ Трепетову, чтобы онъ учился какъ можно прилежнѣе, и тогда его никто не тронетъ. Трепетовъ скоро и самъ замѣтилъ, что прилежнѣе учениковъ дѣйствительно не сѣнуть, и потому съ усиліемъ вошелъ въ учебники и скоро занялъ въ классѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. И пошла, передъ нимъ жизнь училищная... Задуманный Трепетовъ цѣлкомъ сторонился отъ товарищества и жилъ только одной смутной надеждой, что

онъ здѣсь только на время и тогда нибудь вернется опять на свободу.

Товарищи прозвали его «философомъ» и стали извлекать изъ него нѣкоторую пользу; передъ приходомъ учителей они обращались къ нему съ просьбами о пособіи: «переведи, братъ; сдѣлай задачку; растолкуй» и проч. и Трепетовъ помогалъ имъ, какъ могъ, за то товарищи и не обижали его. Но эта подпольная жизнь все-таки истомила мальчика; онъ худѣлъ, терялъ постепенно прежнюю бодрость и, вѣроятно, совсѣмъ одичалъ бы, если бы судьба не свела его съ однимъ товарищемъ Сергѣевымъ, съ которымъ онъ скоро крѣпко сдружился. Сергѣевъ жилъ въ училищѣ такимъ же бобылемъ, какъ и Трепетовъ, такъ же скучалъ о жизни домашней, и потому не удивительно, что оба они сошлись, поняли и стали поддерживать другъ друга: разговоры ихъ постоянно вертѣлись около предметовъ кнѣжныхъ, дорогихъ сердцу: они вмѣстѣ припоминали всѣ подробности прошлой жизни; передавали другъ другу свои дѣтскія мечты и такимъ образомъ могли забывать на время ту печальную дѣйствительность, въ которую ихъ вдвинула судьба. Много прекраснаго и жизненнаго было въ этой дѣтской дружбѣ, и только она спасла ихъ отъ гибели; какъ спасла многихъ буреаковъ, которые по природѣ не могли втянуться въ интересы бурсацкой жизни...

Такъ прошло три года. Пріѣхала мать и не узнала сына,—такъ онъ худѣ былъ. Въ слезахъ бросилась она опять къ смотрителю и начала упрекать его, зачѣмъ онъ испортилъ мальчика; смотритель озлился; обругалъ и выпальнулъ ее опять, а потомъ призвалъ Трепетова и приказалъ ему не бабничать и впередъ не пускать къ нему свою мать.

— Если я еще разъ увижу у себя эту дуру, говорилъ онъ мальчику;—я объ нее палку свою обломаю. Слышишь?

Какъ ни былъ робокъ Трепетовъ; однако онъ не смогъ перенести подобнаго оскорбленія. Не помнилъ себя отъ злости, онъ бросился на смотрителя и началъ судорожно колотить его. Вышелъ скандалъ. Трепетова связали и заперли въ караулку. По училищу разнесся шепотъ, что смиренника Трепетова драть будутъ «на смерть», и на всѣхъ учениковъ напалъ страхъ. Смотритель дѣйствительно собралъ всѣ классы, позвалъ мать Трепетова и въ ея присутствіи такъ отдралъ преступника, что его замятство стащали въ больницу. Душили даже исключить его изъ училища, но пріѣхавшій отецъ какъ-

то уладить дѣло и оно въ ходѣ не пошло. Трепетовъ ухалъ вывѣстѣ съ отцомъ на погостъ: его нарочно взяли на канникулъ изъ училища, чтобы успокоить и урезопить началька.

Этотъ фактъ сильно подѣйствовалъ на Трепетова и точно разбудить его: въ немъ вспыхнула непримиримая ненависть къ смотрителю и въ первый разъ явилось не дѣтское желаніе мстить и досаждать ему. Возвратившись послѣ канникулъ въ училище, онъ самъ собою примкнулъ къ той партіи товарищей, которые болѣе всего были ненавистны начальству, потому что лучше всѣхъ умѣли гадить ему. Онъ сдѣлался коноводомъ этихъ товарищей, и чего только не придумывалъ онъ, чтобы разозлить и ввести въ убытокъ смотрителя; съ какою безопасностью сталъ онъ преслѣдовать даже тѣхъ, кого любило начальство или кто прислуживался къ нему. Основной социальный принципъ бурсы, по которому «надуть товарищество» считается преступленіемъ, а нагадить начальству — подвигомъ — сталъ догматомъ для Трепетова, вошелъ въ плоть и кровь его. Этотъ же принципъ вынесъ онъ потомъ и за предѣлы бурсы, какъ выносятся его и всѣ «отпѣтые» бурсаки.

Начальство училищное употребляло всѣ мѣры, чтобы исправить Трепетова, и сѣкло его по нѣскольку разъ въ день, но Трепетовъ, казалось, не чувствовалъ боли и съ рѣдкимъ упорствомъ переносилъ всѣ истязанія. Страшная нравственная пытка происходила въ дѣтской натурѣ нашего героя; избитый, поруганный, близкий къ отчаянью, онъ искренно презиралъ тогда все окружающее и даже самого себя, по повориться не могъ и не хотѣлъ. Не разсуждая о томъ, къ чему приведетъ его эта неравная борьба и кто въ ней проиграетъ, и безъ всякой пощады къ самому себѣ шелъ дальше и дальше. Это было то состояніе преступленнаго ожесточенія, когда человѣкъ поставленный въ безвыходное положеніе теряетъ самую любовь къ жизни и, очертя голову, пускается на всевозможные скандалы; и съ этимъ-то ужаснымъ чувствомъ Трепетову пришлось познаться въ самый юный періодъ своей жизни, когда только что начинается характеръ: — ему тогда было всего только четырнадцать лѣтъ. Товарищи дивились ему и боялись за него; самъ Сергѣевъ не узнавалъ своего прежняго друга, а тотъ, въ свою очередь сталъ, видимо чуждаться его, смѣялся надъ нимъ; называлъ его трусомъ и «скромницей». Бывали впрочемъ такія минуты, когда Трепетову дѣлалось страшно за себя, когда въ немъ пробуждалась инстинктивная

любовь къ жизни: въ эти минуты ему рыдать хотѣлось, но не могли тогда и слезы.

Однажды ему сдѣлалось особенно грустно и онъ ушелъ на заднюю парту къ печкѣ, гдѣ бывало они сидѣвали вмѣстѣ съ Сергѣевымъ. Въ классѣ смеркалось, бурсаки возились и шумѣли въ потѣхахъ. Сергѣевъ, во избѣжаніе всякихъ скандаловъ, могущихъ произойти въ темнотѣ, отправился къ той же партѣ и друзья встрѣтились.

— Это ты, Трепетовъ? робко спросилъ Сергѣевъ.

— Я, другъ, мягко и надтреснутымъ голосомъ отвѣтилъ Трепетовъ, не поднимая головы.

У Сергѣева захолоуло сердце: давно прежній пріятель не говорилъ съ нимъ такъ ласково.

— Чтожь ты... за что ты сердишься на меня? Помнишь, мы прежде друзьями были.

— Были.

— Ты совсѣмъ теперь переѣнился; тебя....

— Слушай, Сергѣевъ, мнѣ сегодня что-то очень скучно, перебилъ его Трепетовъ.

— Вѣрно письмо отъ матери получилъ?

— Получилъ,—глухо отвѣтилъ мальчикъ, едва сдерживая слезу. Письма матери служили для него пыткой въ училищѣ. Ея безхитростныя строки такъ живо вызывали въ немъ полузадавленные воспоминанія о свободѣ и привольи домашней жизни, такъ сильно затрогивали его лучшія привязанности, что училищная жизнь становилась ему не по силамъ. Въ эти дни его дѣтская натура просила привѣта и ласки и такъ мучительно хотѣлось ему вырваться изъ своей тюрьмы, такъ вѣрно досадовалъ онъ на свое безсиліе...

То же испытывалъ онъ и въ настоящую минуту, и какъ ни силится сдержать свои слезы—не могъ. Радъ былъ Трепетовъ, что въ темнотѣ никто не можетъ видѣть этихъ слезъ; иначе товарищи осмѣяли бы его.

— Хочется мнѣ сегодня убѣжать отсюда,—произнесъ Трепетовъ,—и убѣгу, непременно убѣгу.

— А поймутъ если?

— Можетъ быть и не поймутъ.... Отчего это, право, такъ сдѣлалось?... зачѣмъ насъ заставляютъ непременно здѣсь учиться?... Дома я могъ бы учить то же самое... даже лучше учился бы...

— Ты плачешь, кажется?

— Нѣтъ, что ты? зачѣмъ плакать. Я просто говорю, что дома учиться лучше было бы...

Сергѣевъ самъ понялъ, что о слезахъ не говорить въ бурѣ. Трепетовъ смолкъ и привадутился.

— Вотъ что, шопотомъ произнесъ онъ, быстро оборотившись къ другу: ты трусь, или нѣтъ?

— А что?

— Хочешь сдѣлать сегодня со мною одно дѣло?.. Предупреждаю, что за него сильно вспороть могутъ.

— Ну, говори.

Трепетовъ наклонился къ самому уху товарища.

— Подождемъ-ка ночью училище!.. шопотомъ проговорилъ онъ. — Я, братъ, все думалъ сегодня объ этомъ, и рѣшилъ, что можно. Домъ зрителя деревянный, на лѣстницѣ у него чуланъ есть — какъ разъ загорится; а потомъ ищи себѣ, кто зажогъ. Впрочемъ, если и поймаютъ—не убьютъ вѣдь...

Сергѣевъ обомлѣлъ и задохся отъ страха. Хотя онъ былъ по лѣтамъ не старше Трепетова, однако умѣлъ смекнуть, что другъ его затѣваетъ дѣло опасное и не практичное, потому что если сжечь это училище, такъ скоро выстроятъ другое; стѣны-то будутъ новыя, а люди тѣже, значить и впечатлѣнія тѣже. Трепетовъ этого не смекнулъ.

— Чтожъ ты? хочешь?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Сергѣевъ.

— Отчего?

— Я боюсь....

— Трусь и сволочь ты послѣ этого, — сказалъ ему Трепетовъ и, выругавшись всласть, вышелъ изъ класса.

Мысль о поджогѣ, возникшая въ припадкѣ ожесточенія, заняла Трепетова не на шутку, и онъ, по строгому размышленіи, порѣшилъ училище сжечь, и сжечь именно такъ, чтобы прежде всего сгорѣлъ зритель. Два дня онъ мучился этою мыслью; ходилъ какъ сонный, механически ѣлъ, пилъ и выдерживалъ порку за незнанье урока, и, наконецъ, выбравъ ночь потемнѣе, рѣшился свой замыселъ исполнить. Выждавъ, когда всѣ уснули, онъ тихонько вышелъ изъ спальни, взявъ спички, бересту и два полѣна, приготовленные заранѣе, и поднялся по смотрительской лѣстницѣ въ узкій

коридоръ. Тамъ ошупью отыскалъ онъ старшій чужданъ, никогда не-
защипавшійся и находившійся какъ разъ подъ кабинетомъ смотри-
теля; потомъ приложилъ къ деревянной стѣнѣ чуждана оба полѣна,
подсунулъ подъ нихъ бересту, какъ это дѣлается при топкѣ печей,
и началъ зажигать спичку. Надо признаться, что нашъ герой ве-
роднѣе все это съ тѣмъ же присутствіемъ духа, съ какимъ выно-
силъ всѣ училищныя сѣченья и дѣлалъ всѣ прежніе опыты, и, хотя
чувствовалъ легкую нервную дрожь, но старался сдержать ее. Къ
счастью, ему помѣшали въ этомъ дѣлѣ. Въ тотъ моментъ, когда
онъ торопливо портилъ спичку за спичкой, стараясь поджечь бе-
ресту, — вверху отворилась смотрительская дверь и оттуда кто-то
вышелъ. При свѣтѣ вспыхнувшей спички, Трепетовъ увидѣлъ пе-
редъ собою товарища, котораго весь классъ давно подозревалъ въ
ажкальствѣ.

— Это—ты Іудскій? облигнулъ его Трепетовъ.

— Я, отвѣтилъ тотъ, узнавъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Іудскій
растерялся и струсилъ, хотя былъ вдвое сильнѣе Трепетова. Онъ
былъ увѣренъ, что Трепетовъ по порученью товарищей нарочно
поддарауливалъ его.

— А, такъ вотъ оно что?... произнесъ Трепетовъ, и, схвативъ
полѣно, онъ такъ огрѣлъ имъ Іудскаго по головѣ, что тотъ безъ
чувствъ полетѣлъ съ лѣстницы. Опомнился наконецъ и нашъ герой;
на него напалъ ужасъ и онъ бросился бѣжать, куда глаза глядятъ.
Его поймалъ привратникъ, стоявшій у училищныхъ воротъ.

Этимъ казусомъ кончилось образование и походы Трепетова
въ училищѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, онъ былъ публич-
но наказанъ розгами и исключенъ изъ училища, не дотянувъ
двухъ мѣсяцевъ до окончанія училищнаго курса. О его поджогѣ такъ
и не узналъ никто, а то бы не миновать ему гражданскаго суда.

Какого рода чувства и понятія вынесъ Трепетовъ изъ подобной
мрачноты—пусть судить самъ читатель....

III.

Освободившись такими радикальными средствами отъ училищной
жизни, Трепетовъ съ радостью поѣхалъ на родной погостъ. Онъ по
простотѣ душевной полагалъ, что родитали вмѣстѣ съ нимъ будутъ.

ликовать и радоваться этому случаю, но конечно ошибся въ расчетъ. Отецъ, узнавъ въ чемъ дѣло, испугался и едва не обезумѣлъ съ отчаянья; мать въ постель слегла; самъ Трепетовъ, неожиданный такого эффекта, совершенно растерялся и счелъ себя погибшимъ на вѣки. Особенно сокрушало его отчаянье матери, которую любилъ онъ такъ, какъ никого никогда не любилъ. Она по цѣлымъ днямъ причитала надъ нимъ и, надрываясь отъ рыданья, внушала ему горькія истины своего глупаго опыта. Умоляла она сына смириться передъ начальствомъ и не сердить его, старалась доказать мальчугу, что противъ силы ничего не подѣлаешь, что всѣ мы люди подневольные, съ которыми начальство можетъ распорядиться, какъ угодно; что всякое неповиновеніе тяжело отзовется на всѣхъ ихъ семействѣ, и проч. Плакала мать, и ея слезы свинцомъ падали на дѣтское сердце Трепетова, и этотъ гордый, непокорный и безстрашный мальчикъ въ подобныя минуты готовъ былъ на всякія униженія, лишь бы помириться съ начальствомъ и утѣшить мать. Такова иногда бываетъ сила материнскаго вліянія!...

Отецъ долго плакать не сталъ и рѣшился снова немедленно хлопотать объ опредѣленіи сына въ семинарію. Приѣхавъ онъ съ нимъ въ городъ и сталъ настойчиво умолять объ этомъ мѣстныхъ власти. Мольбы шло долго; отецъ кланялся, плакалъ и тратился, наконецъ мѣстный «владыка» повѣрилъ ему, что мальчишка буйствовалъ единственно по глупости своей, и приказалъ зачислить его на казенное содержаніе въ низшій классъ семинаріи, что конечно и было исполнено.

Такимъ образомъ Трепетовъ снова очутился среди прежнихъ товарищей, хотя и при другой обстановкѣ. Скучно показалось ему и здѣсь; форменная, монотонная жизнь семинаріи сразу отпугнула его отъ себя; безотвѣтность и скромность товарищей его бѣсила; однако, помня наставленія матери, онъ воздерживался отъ всякихъ столкновеній съ начальствомъ, хотя подѣ часъ ему и трудно было сдерживать свои вспышки. Въ классѣ его томило сознаніе полнаго одиночества; къ товариществу относился онъ безъ притимности, а прежняго друга, Сергѣева, здѣсь уже не было: кажется, исключили его. Новые заглавія наукъ сначала заинтересовали Трепетова и онъ съ жадностью началъ было слушать учителей и читать записки по ихъ лекціямъ; но записки и лекціи скоро начали нагонять на него непобѣдимую зѣвоту... Не разъ онъ задавалъ себѣ вопросъ: «къ чему все это? зачѣмъ насъ учить?» и постичь не могъ этой тайны. А

между тѣмъ онъ слышалъ, что учиться необходимо: объ этомъ въ каждомъ письмѣ умоляла его мать, этого требовало и начальство, и Трепетовъ не на шутку задумался, какъ бы облегчить себѣ этотъ насильственный трудъ. Средство скоро было найдено: онъ занялся тщательнымъ переписываньемъ рукописныхъ учебниковъ. Это приносило ему двоякую пользу: во-первыхъ, помогало убивать значительную часть празднаго времени, а во-вторыхъ, переписывая, онъ запоминалъ сущность уроковъ и безъ особеннаго труда могъ потомъ заучивать ихъ. Всю семинарскую жизнь онъ считалъ чѣмъ-то вѣшнимъ, постороннимъ, точно некасающимся его и смутно чувствовалъ потребность въ чемъ-то другомъ, болѣе интересномъ. Это *другое* доставили ему книги же, только не учебныя, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочиталъ первый свѣтскій романъ, началось его самостоятельное развитіе: все остальное отошло на второй планъ.

Кто имѣлъ несчастье воспитываться въ закрытомъ учебномъ заведеніи или жить въ какомъ нибудь захолустьи, тотъ пойметъ, какое важное, спасительное значеніе имѣютъ здѣсь популярныя кнпки и журналы. Въ этихъ оторванныхъ или искусственно-изолированныхъ отъ жизни труппахъ нашего быта, они часто служатъ единственными проводниками развитія и отголоскомъ того, что дѣлается и о чемъ размышляется въ лучшихъ кружкахъ общества; для многихъ эти книги и журналы замѣняютъ лучшихъ друзей, потому что даютъ возможность отдохнуть и забыться среди окружающей грязи и невѣжества. Это испыталъ на себѣ и Трепетовъ. Только дѣло въ томъ, что въ семинаріи, гдѣ прозябалъ нашъ герой, подобныя *друзья* были строго запрещены. Тамъ, какъ и во всѣхъ почти закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, воспитаніе было искусственное, составленное по напередъ написанной и утвержденной программѣ; поэтому здѣсь было дозволено къ чтенію только то, что возбуждало и укрѣпляло мысли назначенныя программой, и строго запрещалось все то, что наводило на мысли несогласныя съ программой. Но Трепетовъ страстно привязался къ чтенію свѣтскихъ книгъ, чувствовалъ уже на себѣ ихъ вліяніе и такимъ образомъ развивался втайнѣ, крадучись, какъ воръ, робѣющій, что его каждую минуту поймать могутъ.

Въ то недалекое, но безотрадное время, когда воспитывался Трепетовъ, (лѣтъ пятнадцать тому назадъ) въ нашей литературѣ преобладали элементъ чисто-романтической и фантастической; въ журналахъ цѣлыя сотни страницъ замѣщались стихами, въ повѣстяхъ и

романахъ описывались неземное счастье и неземное страданіе—и потому Трепетовъ поневолѣ погрязъ по уши въ эти неземныя описанія. Съ замираніемъ сердца прослѣдилъ онъ за тысячью, полусъюмашедшихъ героевъ и героинь, не на шутку задумывался о судьбѣ «таинственнаго монаха», даже видѣлъ во снѣ «чорную женщину» Греча, или какого нибудь Владиміра съ Маріей и трелями соловья, и совсѣмъ не могъ спать, когда коварный Владиміра покидалъ Марію... Это состояніе продолжалось года четыре, и въ теченіе этихъ несчастныхъ лѣтъ Трепетовъ измѣнился замѣтно къ худшему. Онъ такъ жадно впился въ отвлеченную поэтическую прелесть, что составилъ свой особый фантастическій міръ, полный разныхъ неземныхъ интересовъ.... И какъ жалка казалась ему грязная дѣйствительность съ ея практическимъ смысломъ, какъ апатично глядѣлъ онъ на все окружающее, или даже вовсе не замѣчалъ его. Онъ жилъ точно во снѣ или опьяненномъ полубытіи, механически исполняя все то, чего требовало отъ него начальство или законы брэннаго тѣла. Къ концу этого періода онъ совсѣмъ превратился въ какую-то отвлеченную личность, строилъ воздушныя замки, съ сладострастнымъ замираніемъ напрягалъ свой мозгъ, представляя себѣ разныя картины романической любви и идилліи, и услаждался ими до нервной дрожи, до истомы, близкой къ помѣшательству... А школьная жизнь между тѣмъ шла передъ нимъ такая простая и пустая, такъ дерзки равнодушная ко всему, что совершалось въ отуманенной головѣ Трепетова; товарищи устроивали прозаическіе скандалчики изъ-за лапши и лаши и даже какъ-то чуждались Трепетова. Очень рѣдко онъ принималъ участіе въ ихъ затѣяхъ, еще рѣже руководилъ ими, и дѣлалъ все это какъ-будто «между прочимъ». Чуть онъ оставался одинъ, мысль его, привыкшая къ извѣстнымъ занятіямъ, сама собою отправлялась въ заоблачную высь и далѣе, куда слѣдуетъ.

Въ это несчастное время умственнаго разврата, Трепетовъ, писавшій уже бездну стиховъ, рѣшился наконецъ написать повѣсть. И вотъ онъ соорудилъ какого-то бѣднаго художника, окруженнаго графами и князнями, словомъ лицами, которыхъ онъ ни разу нигдѣ не видалъ; затѣмъ послѣдовала любовь художника къ княжнѣ и разныя препятствія этой любви; въ заключеніи художнику заплатили деньги за работу, а тотъ пришелъ въ негодованіе, что «святое искусство вдохновенія толпа смѣетъ оцѣнивать презрѣннымъ металломъ» и проч. Словомъ, повѣсть вышла недурная. Трепетовъ за-

печатавъ ее и отправилъ въ Петербургъ, въ одинъ изъ самыхъ-убогихъ журнальцевъ, который онъ выбралъ собственно по авторскому смиренію. Это было при переходѣ его въ старшій власеѣ. Съ замираньемъ сердца прождалъ онъ два мѣсяца, и наконецъ получилъ повѣстку на 20 р. Видно, редакція была въ самомъ дѣлѣ убога, что она не только напечатала повѣсть, но даже просила и еще такого товару. Трепетовъ послѣдняго ужъ никакъ не ожидалъ. Задыхаясь отъ радостнаго волненія, побѣжалъ онъ въ слѣдующій праздникъ въ мѣстную городскую библіотеку, отыскавъ тамъ послѣдній № журнала и прочитавъ себя. Строки мелькали передъ нимъ, въ глазахъ рябили слезы; видѣлъ онъ, что многое тутъ измѣнено, но мысль-то все-таки его собственная. Съ какою гордостью онъ гулялъ въ этотъ день по городу; съ какимъ чванствомъ смотрѣлъ *на толпу*; какъ хотѣлось ему сказать каждому встрѣчному, что онъ поэтъ и литераторъ... Впрочемъ благоразуміе заставило его открыть свое высокое призваніе только очень немногимъ своимъ товарищамъ, и тѣ хотя посмотрѣли на него съ уваженьемъ и гордостью, однако до начальства это дѣло не дошло. Грубое, прозаическое начальство семинаріи поэзію ни въ грошъ не ставило.

Скоро Трепетовъ принялся сочинять поэму.

Эти годы имѣли огромное и, надо правду сказать, вредное вліяніе на характеръ и вообще развитіе Трепетова. Эти года приучили мозгъ его къ безиолезной идеализаціи, разстроили его нервную систему, сообщили его характеру болѣзненную мягкость и вялость, такъ что потомъ много ему надо было употребить энергическаго труда и самообладанія, чтобы по возможности уничтожить всѣ слѣды этихъ напрасныхъ увлеченій и вліяній. Но что же дѣлать, если въ замкнутой обстановкѣ, на готовомъ корму и среди общей апатіи къ существеннымъ интересамъ мозга, мыслящей головѣ не было другихъ занятій, кромѣ чтенія, а литература того времени вообще, а проживавшаяся въ семинарію въ особенности, была чисто-идеальная. И не удивительно, что этотъ фантастическій, прежде неизвѣстный Трепетову, міръ — увлекъ его; что по этимъ обольстительнымъ вымысламъ, онъ судилъ о жизни и дѣятельности другаго, лучшаго общества и такимъ образомъ дошелъ до своихъ художниковъ съ графинями. Кто изъ лицъ окружающихъ его тогда могъ объяснить ему настояція требованія и интересы жизни? Кто могъ тогда образумить его?.. Счастливъ еще былъ Трепетовъ тѣмъ, что

увлекся романтической поэзіей въ самые юные годы своей жизни, что еще въ эти годы онъ почувствовалъ ее наивозмъ и на собственной шкурѣ испыталъ ея влияние и результаты, за то впоследствии онъ могъ осмысленнѣе понять ея бесполезность и отрицать этотъ одуряющій и ведущій къ апатіи развратъ уметвенный. Хочешь знать, можетъ быть, воспитавшись на другихъ, болѣе суровыхъ началахъ и гораздо неже отвѣдавъ ядовитой сладости романтической и мистической поэзіи, онъ до того увлекся бы ея заманчивою прелестью, что его не спасло бы отъ этого болѣзненнаго [увлеченія никакое логическое лекарство, и лечить его тогда было бы такъ же трудно, какъ жителя востока, привычнаго къ опиуму и хашину. А теперь Трететовъ переживалъ поэзію, какъ эпидемическую болѣзнь, какъ неизбежную дань вѣку, и для неѣ есть еще спасенье, потому что онъ не видалъ еще обратной стороны медали и не извѣдалъ наслажденія отъ другой, болѣе здоровой дѣятельности.

Переломъ скоро совершился.

Почти въ каждомъ городѣ, въ настоящее время, найдутся люди хорошие, представители высшихъ интересовъ молодого поколѣнія, которые своими бесѣдами и влияніемъ забрасываютъ въ опущающееся общество тѣ великія мысли, которыя служатъ для него зачатками будущаго возрожденія. Въ нихъ воплотились лучшіе соны народа, они «сѣмя свято» городовъ нашихъ, они предвѣстники будущаго расвѣта. Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ ихъ становится больше и больше, но въ началѣ пятидесятихъ годовъ такіе люди были еще рѣдкостью, да и общество не понимало и чуждалось ихъ. Въ числу таковыхъ людей принадлежалъ нѣкто Березинъ. Онъ былъ ученикъ московскаго университета, пономиниъ Грановскаго, жилъ очень скромно, и силою разныхъ случайныхъ обстоятельствъ былъ такъ крѣпко прикованъ въ городу, что не имѣлъ никакой возможности отлучиться изъ него, хотя подѣ часъ и желалъ бы. Этому человеку пришлось произвести реформу въ головѣ Трететова и своимъ влияніемъ направить его на хорошую дорогу. Трететовъ встрѣтился съ нимъ въ городской публичной библіотекѣ, куда, по знакомству съ библіотекаремъ, онъ заходилъ по праздникамъ и наслаждался чтеніемъ. Библіотекарь, хорошо знакомый съ Березиннымъ, представлялъ ему Трететова, какъ страстнаго любителя чтенія. Тотъ немалъ ему руку и они тотчасъ же и познакомиться.

— Что же вы больше читаете? спросилъ Березинъ.

— Что придется. Больше, конечно, люблю беллетристику... Я и самъ даже пробовалъ свои силы въ литературѣ... поспѣшилъ прихвастнуть Трепетовъ. Юнъ еще очень былъ.

— Вотъ какъ? Приятно слышать... Позвольте однако узнать, въ какомъ родѣ трудъ вашъ?

Трепетовъ назвалъ свою повѣсть и журналъ, пріотившій ее. Онъ надѣялся пріятно изумить незнакомца, но вмѣсто того Березинъ мелькомъ скорчилъ гримасу.

— Вы читала? замирающимъ голосомъ спросилъ Трепетовъ.

— Читалъ-съ, — отвѣтилъ тотъ, внимательно разсматривая фигуру писателя. Произошло нѣкоторое замѣшательство съ той и другой стороны.

— Съ вами можно говорить откровенно? спросилъ Березинъ.

— О чемъ-съ?

— Скажите, по чистой совѣсти, съ какою цѣлью вы написали вашу повѣсть?

— Какъ, съ какою цѣлью?

— Извините, я спрошу еще прясше: что вамъ за охота была писать такую чушь?

Трепетовъ совѣмъ растерялся и могъ пробормотать только: «конечно... но... съ вашей точки зрѣнія...»

— И знаете ли, почему ваша повѣсть не понравилась мнѣ? продолжалъ Березинъ воодушевляясь,—въ вашей повѣсти слишкомъ сивозить барство и какое-то искусственное отвращеніе отъ толпы, которую, конечно, вы нисколько не знаете... Я думалъ, что это писалъ какой-нибудь избалованный баричъ, но никакъ не семинаристъ «сынъ толпы». Я плебей и кровный врагъ батства... Понимаете-ли вы, что я хочу сказать?..

Трепетова наконецъ задѣли эти слова за живое. Онъ вспыхнулъ.

— Я самъ плебей!.. закричалъ онъ приподнимаясь, я не баринъ... Вы не знаете меня!..

— Тише господа! прошипѣлъ испугавшійся бібліотекаръ, но его уже не слушали. И Трепетовъ, и Березинъ были еще слишкомъ молоды, чтобы удержаться отъ спора, и споръ закипѣлъ. Трепетовъ доказывалъ необходимость отвлеченной поэзии и ея назначенія «смягчать нравы», говорилъ, что для пониманія ея надобно имѣть особые нервы, что она умиротворяетъ душу, и проч. Березинъ, напротивъ, увѣрялъ, что романтическая повѣя, роскошь, вредная въ на-

стоящую минуту потому, что стводитъ вниманіе образованнаго общества отъ нуждъ народа, что, усыпляя, умъ, она поддерживаеъ нашъ общественный застой, что въ ней въ настошную минуту нѣтъ ни малѣйшей пользы, что Европа, становясь на реальную почву, далеко опередила насъ и т. п. Березинъ горячо нападалъ на бездѣйствіе образованныхъ классовъ, на крѣпостное право и проч. Онъ увлекся своею задушевною, горячею рѣчью и съ жаромъ и жолчью сообщалъ Трепетову фактъ за фактомъ изъ тѣхъ данныхъ, которыя тогда имѣлись на лицо, и все это свелъ къ тому заключенію, что порядочному и мало-мальски мыслящему человѣку стыдно заниматься такимъ бесполезнымъ писательствомъ, а надо понемногу изучать быть нашъ и отыскивать себѣ болѣе полезную дѣятельность. Трепетовъ смолкъ и чутко прислушивался къ новымъ, еще неслыханнымъ имъ рѣчамъ, а въ головѣ его уже завипала работа... Если бы, повторяю, Трепетовъ былъ «въ душѣ поэтомъ», онъ не сталъ бы и слушать Березина. Есть одна извѣстная черта, за которой баловство уже обращается въ потребность, за которой организмъ до такой степени привыкаетъ къ дѣятельности и ощущеніямъ какинъ-нибудь, что становится неисправимымъ, какъ спившійся съ кругу пьяница, для котораго водка стала уже потребностью организма. Но Трепетовъ не перешелъ еще эту границу; его идеализмъ былъ напускной, отъ нечего дѣлать, и потому, когда ему заговорили о новыхъ сторонахъ жизни, еще незнакомыхъ ему, — онъ будто очнулся, и ему даже стыдно стало за себя и за своего «художника съ графинями». Онъ чувствовалъ, что въ словахъ Березина есть неотразимая, хотя и горькая правда...

— Что же вы посовѣтуете мнѣ прочесть? спросилъ Трепетовъ послѣ глубокаго раздумья.

— Да что... Сказать по правдѣ: у насъ почти нечего читать *). Вы знаете какой нибудь иностранный языкъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Трепетовъ.

— Плохо. Знаете ли, чтобы вполне оцѣнить общественное положеніе и нужды нашего народа, надо ознакомиться съ жизнью цивилизованнаго запада и потомъ сличить, — что сдѣлано на западѣ и что есть у насъ. Изученіе запада, его исторіи и литературы подѣй-

*) Слѣшу повторить, что разговоръ этотъ происходилъ лѣтъ 13 тому назадъ. «Авт.»

ствууетъ на васъ развивающимъ образомъ и разъяснить вамъ многое. Тамъ литература стоитъ высоко и касается самыхъ насущныхъ вопросовъ общества, во всѣхъ отношеніяхъ... Изучайте языки: будете потомъ благодарны.

— А отчего же у насъ литература не такая? наивно допытывалъ Трепетовъ.

— Какъ бы вамъ сказать?.. Все зло конечно въ томъ, что мы начали развиваться очень поздно, да и приемы нашего воспитанія слишкомъ рутинны. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ и въ вашей бурсѣ, есть тоже опредѣленная программа, по которой воспитываютъ насъ. Все, что развиваетъ насъ въ томъ, или другомъ педагогическомъ направленіи, наши воспитатели возводятъ въ догматы, а что не подходитъ подъ программу и можетъ пробудить противоположныя ей мысли, то воспитатели старательно устраняютъ. Поэтому у насъ выходятъ только специалисты: доктора, священники, чиновники, офицеры и проч., которые уже по привычкѣ не могутъ интересоваться тѣмъ, что не касается ихъ специальности. Оттого-то у насъ литература больше специальная, подведенная подъ разныя программы.

— Значить, почти всѣ мы люди *искусственныя*?

— Значить.

— И выходитъ, что, кромѣ казеннаго, педагогическаго воспитанія, надо еще самостоятельно учиться?

— Выходить.

Оба они замолчали и призадумались. Березинъ наконецъ всталъ и взялъ фуражку.

— Будемте знакомы, проговорилъ онъ, сжимая руку Трепетова. Заходите ко мнѣ потолковать въ свободные часы. Я живу тамъ-то.

— Очень радъ, отвѣтилъ Трепетовъ, и въ самомъ дѣлѣ радъ былъ этому знакомству.— Посоветуйте же мнѣ, какую книгу взять отсюда? спросилъ онъ.

— Да я вамъ говорю, что нечего. Вы читали, конечно, Бѣлинскаго?

— Пробовалъ, да мнѣ скучно показалось...

— Ну вотъ, займитесь имъ пока: онъ будетъ теперь для васъ понятнѣе и пріучитъ къ болѣе серьезнымъ мыслямъ. Подумайте надъ «Мертвыми душами» Гоголя, а главное, заходите почаще ко мнѣ: мы виѣстѣ читать будемъ.

Они разстались.

Огромное значеніе имѣлъ этотъ случай въ жизни Трепетова. Ошеломленный, разбѣянный явился онъ въ семинарію, точно его разбудили во время сладкаго сна, точно кто передъ нимъ распахнулъ сундукъ съ непонятными диковинками, тогда какъ прежде онъ не зналъ, что этотъ сундукъ раскрывается, и любовался только наружной отдѣлкой его. На все окружающее онъ посматрѣлъ теперь другимъ взглядомъ и на первый разъ уже замѣтилъ многое, чего не замѣчалъ прежде. Но переломъ этотъ отъ сна къ дѣйствительности былъ слишкомъ быстръ и неожиданъ, — старыя привычки не уступили сразу напору новыхъ силъ, и вотъ началась въ головѣ его работа мучительная, безпокойная: старое нуталось съ новымъ, и жалко было покинуть ему это старое, да и новыя вопросы начали сверлить его мозгъ до боли. Какъ рѣшить эти вопросы? Съ нетерпѣньемъ ждалъ онъ праздничныхъ дней, чтобы сбѣгать къ Березину и потолковать съ нимъ. Березинъ, какъ опытный педагогъ, руководилъ его развитіемъ осторожно, начиналъ съ азбуки и старался, чтобы Трепетовъ, при его пособіи, самъ додумывался до истины, потому что только въ этомъ случаѣ истина переходитъ въ полную собственность мозга, какъ слѣдствіе его субъективной работы. Бѣлинскій увлекъ Трепетова и пробудилъ въ немъ множество новыхъ вопросовъ, сообщая мимоходомъ о такихъ вещахъ, которыя были новостью для Трепетова. Подъ вліяніемъ Бѣлинскаго у него появилась ненасытная любознательность и захотѣлось ему учиться, только не тому, чему учатъ въ семинаріи. Книжки онъ бралъ уже серьезныя, хотя и спеціальныя, въ журналахъ тоже читалъ преимущественно серьезныя статьи, и хотя большихъ усилій стоило ему приучить свой изысканный мозгъ къ этой сосредоточенной работѣ, однакъ одѣло понемногу двигалось впередъ. Въ свободные часы онъ занимался также и иностранными языками. Березинъ далъ ему легкое понятіе о значеніи этихъ языковъ въ дѣлѣ развитія; сообщалъ ему вкратцѣ, что нѣмцы народъ хоть и умный, но очень сухой и работаютъ преимущественно для будущаго, въ пользу абсолютной истины, и что литература ихъ мало отражается на политической жизни народа; что французы, напротивъ, затрогиваютъ животрепещущіе и практическіе вопросы жизни, и въ литературѣ ихъ много политическаго энтузіазма и жизненнаго смысла... На основаніи такихъ разсужденій, Березинъ совѣтовалъ Трепетову на первый разъ заняться изученіемъ фран-

цускаго языка. Заниматься однако приходилось ему урывками, потому что классныя занятія шли своимъ чередомъ и тоже требовали нѣкотораго вниманія. Зато съ какою злостью теперь принимался онъ за учебникъ или заданное сочиненіе.

Слушая рассказы Березина о жизни и литературѣ запада, Трепетовъ не разъ ощущалъ патріотическое недовольство и думалъ: «отчего это у насъ литература такъ односторонняя? Неужели въ самомъ дѣлѣ печего писать изъ русской жизни, когда ея недостатки и нужды сами собою бросаются въ глаза. Онъ рѣшился снова попытать свои силы въ писательствѣ и такимъ образомъ заглядить старые грѣхи. Не сказавъ никому ни слова, онъ написалъ небольшую замѣтку о недостаткахъ семинарскаго воспитанія и подъ строгимъ секретомъ отослалъ ее въ Петербургъ, въ одинъ изъ лучшихъ журналовъ. Онъ уже заранѣе предчувствовалъ, что Березинъ похвалитъ его за этотъ трудъ и мечталъ удивить его сюрпризомъ, но черезъ два мѣсяца онъ получилъ изъ редакціи коротенькое письмо, въ которомъ говорилось, что статья его очень хороша, но она напечатана быть не можетъ по независящимъ и т. д. Опечалился Трепетовъ; пошелъ онъ къ Березину и повѣдалъ ему свое горе. Березинъ назвалъ его за это *дитей*...—Учитесь лучше, совѣтовалъ онъ ему между прочимъ, тогда и писать научитесь.

— Такъ вотъ оно что, подумалъ Трепетовъ, учиться надо... И злость забрала его.

Однако ему во что бы то ни стало захотѣлось высказать комунибудь свои новыя мысли, и онъ, въ видѣ опыта, сдуру, рѣшился сообщить ихъ своему семинарскому начальству. Для этой цѣли, воспользовавшись однимъ изъ заданныхъ ему въ классѣ сочиненій, онъ вставилъ въ него нѣсколько разсужденій, вовсе неподходящихъ къ семинарской программѣ, и въ такомъ видѣ подалъ начальству. Это былъ одинъ изъ тѣхъ опрометчивыхъ, но важныхъ опытовъ, которые онъ бывало дѣлалъ на погостѣ. Результатъ вышелъ очень скверный. Трепетова призвалъ къ себѣ ректоръ семинаріи, далъ ему строгій выговоръ и сказалъ, что за подобныя сочиненія его въ монастырь сослать бы слѣдовало.

— Ты, я слышалъ, въ городѣ къ Березину шляешься? спросилъ его ректоръ.

— Хожу-съ.

— Ну, такъ впередъ не смѣй ходить. Это онъ развращаетъ тебя.

Въ шкатулкѣ Трепетова послѣ этого былъ сдѣланъ обыскъ; отобрали у него нѣсколько книгъ, запрещенныхъ программой, и перестали отпускать въ городъ. Трепетовъ, видѣ себя отъ злости, въ тотъ же день произвелъ ужасный скандалъ, попалъ въ карцеръ и если бы не одумался во время, онъ подвелъ бы себя подъ красную шапку. Но дѣлать печего, надо было покориться, и для Трепетова съ этого дня началась мучительная пытка бессмысленной злобы и ненависти; его натура неудержимо рвалась къ прерваннымъ занятіямъ и бесѣдамъ, а его держали въ тискахъ и начальство смотрѣло за нимъ въ оба. Душно, невыносимо душно показалось ему въ семинаріи и отъ души проклялъ онъ эту форменную, подневольную жизнь, которой насильно заставляли его подчиняться. А тутъ еще мать прислала съ погоста письмо съ своими вѣчными просьбами «учись, Боля, ради меня учись и не ссорься съ начальствомъ!» и т. д. Что было дѣлать? Онъ написалъ Березину отчаянное письмо и просилъ совѣта. Березинъ отвѣтилъ ему, что рано или поздно это должно было случиться, что духовенство вообще считаетъ его, Березина, волтеріанцемъ и человѣкомъ опаснымъ, но что все это сдѣлалось къ лучшему. Въ концѣ письма онъ просилъ его дотянуть до окончанія курса и понемногу готовиться къ университету, причемъ предлагалъ и самую программу для приготовленія. Трепетовъ поразмыслилъ и — смирился.

Цѣлый годъ еще послѣ того томился онъ въ семинаріи переживая апатично день за днемъ и считая сколько осталось до послѣдняго дня. Приготовляясь понемногу къ университету онъ въ это же время особенно заинтересовался богословскими и философскими науками и перечиталъ по этому предмету всѣ бывшія у него подъ руками книги. Работа была головоломная, но, надо правду сказать, Трепетовъ могъ уяснить себѣ очень немного....

Пришелъ и послѣдній день.

— Наконецъ я на свободѣ! воскликнулъ Трепетовъ, уходя изъ семинаріи; всѣ мускулы его играли, члены расправлялись и ощущали особую свѣжесть и силу, точно въ самомъ дѣлѣ на нихъ до этого лежали цѣпи.

Долго въ этотъ счастливый вечеръ онъ просидѣлъ у Березина и братски-задушевно была ихъ бесѣда.

— А вы можете быть и ясу еще надѣнете? спрашивалъ его между прочимъ Березинъ съ улыбкой.

— Нѣтъ не надѣну, отвѣтилъ Трепетовъ. Я не способенъ къ этому званію.

— То-то. Во всякомъ случаѣ, гдѣ бы не пришлось вамъ жить, помните, мой другъ, что надо жить не безъ пользы.... Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Я еще до этого увижусь съ вами, и мы еще потожмёмъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого свиданья, Трепетовъ продалъ всѣ свои классныя записки, закупилъ книги, необходимыя для университетской программы, и вмѣстѣ съ своимъ землякомъ по погосту, Маевскимъ, отправился на родину. Онъ разсчитывалъ прожить тамъ мѣсяца два не болѣе, такъ чтобы осенью опредѣлиться въ университетъ. Но...

Но не могъ онъ предвидѣть всего, что случится съ нимъ въ эти два мѣсяца.

IV.

Теперь мы пригласимъ читателя заглянуть въ одинъ изъ самыхъ благодатныхъ уголковъ нашей земли, въ глушь непроходимую, не привѣтливую, — словомъ на тотъ холмъ, на которомъ суждено было нашему герою родиться и провести первые годы своего дѣтства.

При впаденіи рѣчки Глыбовки въ рѣчку Дикую, на высокомъ холмѣ, отдѣльно отъ всего живого міра, состоитъ небогатый погостъ Емельяновскій. По скату холма раскинуто кладбище съ покосившейся деревянной оградой, при кладбищѣ стоятъ старинная, каменная церковь съ высокимъ зеленымъ шпиромъ, а противъ церкви въ разныхъ позахъ построено нѣсколько деревянныхъ домиковъ, въ которыхъ день за днемъ переживаетъ мѣстный причтъ. Два священника съ женами и дѣтьми, два дьячка съ женами и дѣтьми, пономарь холостой и. просвирня—вдова, вотъ все словесное населеніе погоста, но все это такъ прочно связано въ одну семью, такъ крѣпко сжилось съ мѣстомъ и его принадлежностями, что составляетъ будто нераздѣльную, органическую часть холма Емельяновскаго. Сама природа рѣзко отдѣлила этотъ мірокъ отъ остальной земли и приподняла его ближе къ небу, потому что этотъ мірокъ благодатный: много мертваго народу пашло здѣсь успокоеніе и приютъ вѣчный, да и живой народъ не лишентъ того же блаженнаго спокойствія и живеть

такъ же тихо, и безмятежно, какъ и мертвые земляки, которые волей-неволей сроднились съ этимъ холмомъ; и такъ же, какъ и они — «срама не вьмутъ». Никто почти изъ постороннихъ людей не тревожитъ мира и тишины этого угла, потому что на далекое пространство вдругъ нѣтъ ни одной души живой... Ближайшее село, Звучное, находится въ двухъ верстахъ отъ погоста. Тамъ живетъ около сотни обгладанныхъ барщиною мужиковъ, изъ которыхъ только очень немногіе приподяты на погостъ въ праздничные дни, за разными требамн; всѣ они свозятъ сюда только свою родную мертвечинну, но вообще особенной симпатіи къ погосту не питаютъ. За версту отъ нихъ въ ясный день виднѣтся усадьба самого помѣщика Вихляева, который заглядываетъ на погостъ тоже не болѣе двухъ разъ въ годъ, потому что онъ волтеріанецъ и, набожностью не отличается. Этотъ помѣщикъ Вихляевъ служитъ единственнымъ представителемъ «образованнаго» міра во всемъ здѣшнемъ окологдѣ. Далѣе тянутся длинными вереницами села бѣдные, люди невѣжественные, среди которыхъ едва сотая часть сумѣетъ разобрать церковную печать, а гражданскую и того меньше. Правда, на погостъ есть особое зданіе для сельской школы, однако это зданіе болышею частію остается впускъ; развѣ зимою изрѣдка прибѣжитъ сюда съ пятокъ мальчишекъ поиграть въ снѣжки, или въ бабки подлѣ школьнаго зданія, но грамота вообще дается имъ плохо. Желая какъ нибудь водворить въ этомъ краѣ любовь къ наукѣ, старый священникъ отецъ Никита ежегодно въ храмовой праздникъ сказываетъ собравшимся прихожанамъ горячую проповѣдь «о пользѣ просвѣщенія», но мужики—невѣжи этой пользы никакъ понять не могутъ и потому просвѣщенію не сочувствуютъ.

Этими немудрыми обязанностями ограничиваются всѣ отношенія жителей погоста къ остальному міру.

И живетъ этотъ мизерный кружокъ своею особенною, изолированою жизнью, и всѣ ихъ жизненные интересы сосредоточены теперь только на небольшомъ пространствѣ холма. Каждый дѣлаетъ свое дѣло и благодумствуетъ по своему: покойники гниютъ себѣ попенногу, и замѣтно удобряютъ почву, которою питаются живые обитатели ея; деревья густо разрослись по холму и обильно цвѣтутъ весной, люди справляютъ потребности своей плоти: пьютъ и ѣдятъ, сеются и мѣрятся, помогаютъ другъ другу убивать время, и вѣтъ имъ, никакого дѣла до жизни и интересовъ остальнаго міра.

Кругомъ ихъ жръзъ выработываетъ общечеловѣческій прогрессъ, геройствуютъ Наполеоны и Гарibaldi а они, сердечные, вовсе и не подозреваютъ такихъ диковинокъ; да если бы впрочемъ и узнали о нихъ, то и тогда нисколько не удивились бы и не отозвались бы сочувствіемъ къ общему дѣлу. И это происходитъ вовсе не потому, что они очень невѣжественны, а потому, что вполне довольны своею жизнью и другъ другомъ, и отвыкли думать и заботиться о чемъ нибудь кромѣ того, что касается ихъ лично. Если бы вдругъ ни съ того, ни съ сего провалилось куда-нибудь пол-свѣта, то это и здѣсь, вѣроятно, менѣе произвело бы впечатлѣнія, чѣмъ паденіе штука-турки съ карниза ихъ домашней церкви. Съ малолѣтства они сроднились со всѣми принадлежностями погоста и такъ привыкли видѣть передъ своими глазами эти принадлежности, что пропади изъ нихъ что нибудь — и жизнь становится не полна, чего-то для нея уже недостаетъ.

Жители Емельяновскаго погоста нигдѣ не бывали дальше ближайшаго губернскаго города, гдѣ они воспитывались въ мѣстной семинаріи. Туда же и теперь они ѣздить поочередно разъ или два въ годъ, но только на самое короткое время, и то по крайней необходимости, по консисторскимъ вызовамъ или для неизбѣжныхъ житійскихъ закупокъ. Во время пребыванія своего въ городѣ они испытываютъ непонятную тревогу и страхъ какой-то; они чувствуютъ себя не въ своей тарелкѣ, и старательно отыскиваютъ въ средѣ духовнаго званія, такихъ лицъ которыя ближе подходили бы къ нимъ по складу понятій. Дико и неловко кажется имъ въ постороннемъ обществѣ и всѣми силами торопятся они вырваться оттуда и добраться скорѣе до роднаго погоста.... А было время, когда и они что-то знали, о чемъ-то думали, чего-то желали. Священники тоже вызубрили множество мудреныхъ наукъ и въ молодости мечтали о какой-то лучшей жизни, хотѣли вліять на мѣстные нравы и даже запаслись на первое время книгами; но какъ поженались, да пообжились съ мѣстомъ: желанія куда то незамѣтно исчезли; науки, ни къ чему не пригодившіяся, остались неподвижно въ головномъ архивѣ и скоро заросли новымъ слоемъ мозга; книги и до сихъ поръ лежатъ по полкамъ и все еще не прочитаны; вліять ненакого; лучшей жизни не добьешься, — а кругомъ нужда бьетъ: землю обрабатывать надо. Тутъ даже совершилось нѣкое превращеніе, которое зачастую у насъ совершается при подобныхъ обстоятельствахъ. Вмѣсто того, чтобы вліять

на мужиковъ сосѣдей, сравнительно съ которыми они казались учеными людьми; вмѣсто того, что бы вносить въ ихъ бытъ начала лучшей жизни, — они, поѣздивъ по приходамъ, сами стали заимствоваться отъ нихъ мудростью и опытомъ житейскимъ. И вотъ стали впаиваться въ ихъ семейства сначала разныя присловья и примѣты, а потомъ и предрасудки да суевѣрья. Дѣло началось, конечно, съ женскаго пола, который, какъ извѣстно, особенно любитъ все загадочное, мистическое, — а отъ нихъ оно перешло и къ главамъ семействъ и ихъ малымъ дѣтямъ. Черезъ пѣскольно лѣтъ всѣ они уже вмѣстѣ съ крестьянами вѣрили, что въ паровозахъ печистая сила есть, что по проволокаѣ чортъ бѣгаетъ, что всякую болѣзнь заговорить можно, что лѣвой ногой нельзя сходить съ кровати и т. п. Отецъ Никита, какъ болѣе образованный и помнившій немного финку, иногда еще пробовалъ сомнѣваться въ томъ, напримѣръ, что въ паровозахъ сила нечистая скрывается, — «Тамъ паръ есть» объяснять онъ женѣ. — Паръ-то, паръ, отвѣчала та, а все таки и еще что то есть такое; вотъ наемщикъ Антипка Сѣрый сказывалъ, что онъ видѣлъ разъ эту самую машину, и что она... и т. д. — Слушаетъ, слушаетъ бывало отецъ Никита всѣ эти толки и рукою махнеть наконецъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что жильцы погоста приняли полный колоритъ мѣстности и только костюмомъ, должностью, да кое-какими природными замашками отличались отъ мѣстныхъ крестьянъ. Словомъ они сдѣлались тѣми добродушными и робкими существами, которыхъ мы привыкли представлять подъ именемъ «сельскихъ священниковъ.»

Всѣ обитатели погоста знали и понимали другъ друга какъ свои пять пальцевъ, потому что у всѣхъ ихъ жизнь шла открыто и гласно и ни одно малѣйшее желаніе или фраза, ни одинъ домашній погупогъ каждаго жильца не могъ укрыться отъ наблюдательнаго вниманія другихъ жильцовъ. Весь ходъ жизни каждаго индивидуума обсуждался всѣмъ погостомъ и имѣлъ надъ собою общій гласный контроль. Каждый зналъ до точности, сколько у его сосѣда бѣлья и посуды, что онъ ѣстъ и пьетъ, какииъ мыломъ моется, какіе сны вѣдѣть. Затеряется ли у кого деревянная ложка, прорвется ли сапогъ, кашу ли пересолить хозяйка, всѣ эти новости становятся общими достояніемъ погоста и поднимаютъ продолжительные толки и ахавья. Этотъ обобщенный надзоръ простирается даже и на живот-

ныхъ, которымъ пришлось связать свои судьбы, съ судьбами холма; новости коровья, лошадиныя, собачьи и кошечьи тоже подвергались общему обсужденію и смотря по качеству новости, принимались разныя мѣры. Всѣ сообща вырабатывали себѣ ширь и тишину и устраняли всѣ впѣшія причины, могущія нарушить эту тишину. Самые характеры ихъ, съ теченьемъ времени, такъ освоились и приноровились другъ къ другу, что если напримѣръ въ характерѣ одного были какія-нибудь угловатости и неровности, — то въ характерѣ другаго были непременно соотвѣтствующія имъ вогнутости и впадины, такъ что всѣ они другъ другу не мѣшали, были необходимы другъ другу и тосковали не на шутку если комунибудь изъ нихъ приходилось отлучиться на нѣсколько дней въ городъ, или въ дальнее село. Впрочемъ, какъ я уже замѣтилъ, подобныя отлучки бывали очень рѣдко и вообще правильное теченіе жизни на погостѣ нарушалось очень рѣдко. Развѣ только пріѣдетъ на ревизію благочинный и переполошитъ здѣшній людъ, или дѣячки подерутся изъ за лопаты, или какая сплетня скандальная выйдетъ и проч.

Всѣ обитатели погоста знакомы и намъ отчасти. Во всѣхъ ихъ есть нѣчто родное, близкое намъ, гдѣ-то прежде видѣнное нами: И это очень естественно, потому что холмъ, помѣщавшій на себѣ погостъ, состоялъ изъ земли русской, и потому конечно сообщилъ своимъ обитателямъ тѣ же типичныя черты и свойства, какія мы можемъ встрѣтить по всему остальному пространству русской земли. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ не знаетъ солиднаго и полного самодовольствія о. Никиту, или смиреннаго о. Василия, философа Захарыча и пьяницу-пономаря? Кто не встрѣчалъ здѣшнюю просвѣрню, Степаншу Петровну, вѣчно слезливую и охающую; которая однако не прочь при случаѣ уязвить ближняго и насплетничать на него? Все это — наши кровные...

Отецъ Никита, какъ старшій священникъ, смотритъ на другихъ обитателей холма свысока; онъ аристократъ погоста и потому считаетъ себя вправѣ читать всѣмъ замѣчанья. Съ нимъ живетъ его жена, Дарья Никитична, дочка лѣтъ четырнадцать и сиротка Таня, дѣвушка на возрастѣ. О. Никита привередливъ въ семействѣ; вѣчно ворчатъ, вѣчно чѣмъ-то недоволенъ и особенно злится на то, что жена въ грошъ его не ставитъ и наровитъ все дѣлать какъ бы на зло ему. Часто между ними бываютъ крупныя ссоры, послѣ которыхъ жена на нѣсколько времени смиряется и дѣло кончается.

домнымъ примиреньемъ. Эти ссоры однако не возмущаютъ жильцовъ погоста, потому что всё къ нимъ привыкли и смотрѣли какъ на дѣло обыкновенное. О. Никита не отпѣтый самодуръ, не изъ злости ссорится онъ съ семьей, а просто изъ за принципа «жена даботся своего мужа», который онъ двадцать лѣтъ силится водворить въ своемъ домѣ. Въ сущности дѣла онъ любить семью и часто, устроивъ какой нибудь скандалъ, или выгнавъ всѣхъ изъ дому, онъ потомъ неутѣшно плачетъ, что всё его бросили, что никто его не любитъ, а только боятся, и т. п.

При такомъ крутомъ характерѣ о. Никиты очень легко могли бы случаться частыя столкновенія между нимъ и вторымъ священникомъ, отцомъ Василиемъ, но эти столкновенія хотя и бывали, но очень рѣдко, потому что о. Василій отличался полною безотвѣтностью. Василій Петровичъ Трепетовъ, отецъ нашего героя, былъ широчайшее и смиреннѣйшее существо, которымъ легко управлять могъ всякій; кому вздумается. Это смиреніе и безотвѣтность были въ немъ, впрочемъ, не природныя, а благопріобрѣтенныя, вынесенныя изъ житейскаго опыта. По природѣ онъ былъ человѣкъ очень не глупый, но житейская практика еще въ бурѣ начала заѣдать его, и постепенно приучила къ полному безгласію передъ старшими. Рано постигъ сей старецъ великій смыслъ народной пословицы: «береженого и Богъ бережетъ», рано испыталъ на самомъ себѣ великое значеніе въ нашемъ быту всякаго поклона и смиренія, и эти качества, какъ очень выгодныя, онъ искусственно привилъ къ себѣ смолоду. Поклонами прошелъ онъ незамѣтно черезъ бурсу и дошелъ до философіи, откуда его исключили за малоуспѣшность; поклонами добился должности посошника, при мѣстномъ архіереѣ, потомъ сдѣлался дьякономъ на какомъ-то бѣднѣйшемъ погостѣ; и наконецъ переведенъ сюда вторымъ священникомъ. Теперь ужъ его карьера кончена: онъ достигъ апогея своего положенія въ свѣтѣ, дальше которой ему идти уже некуда. Казалось бы, что теперь и кланяться больше не къ чему, и можно было бы самодовольно наслаждаться плодами своего смиренія; а нѣтъ: онъ до сихъ поръ по привычкѣ кланяется и уступаетъ всякому, кто старше его чиномъ или лѣтами; и теряется отъ страха при видѣ благочиннаго, хотя не чувствуетъ за собой никакой провинности. Иногда, очень рѣдко, у него прорвется нечаянно, какое нибудь, по его мнѣнію, смѣлое слово, но потомъ самому страшно сдѣлается за свою смѣ-

лость и онъ снѣшить поправить дѣло неудачною лестью, или искусственнымъ, робкимъ смѣхомъ; иногда, присутствуя при разговорѣ и спорѣ старшихъ, онъ ясно понимаетъ въ чемъ дѣло и какъ разрѣшить его, но сказать безъ спросу боится, что бы не обидѣть кого. Отъ продолжительной дѣятельности въ этомъ направленіи, организмъ Василья Петровича скоро отвыкъ отъ всякой самостоятельности. Механически переживалъ онъ день за днемъ за обыденными механическими занятіями, и, отъ долгаго житія на одномъ мѣстѣ и въ однихъ формахъ, въ немъ постепенно угасли самыя потребности лучшей жизни и обстановки. Правда, изрѣдка заговаривалъ онъ съ женою о томъ, что хорошо было бы, если бы напримѣръ прибавили жалованья «хоть малость самую», или если бы въ городъ, напримѣръ, къ знаменью перевели: «тамъ доходы-то не такіе», но Василій Петровичъ, выражая подобные идеалы счастья, самъ сознавалъ, что это только одни пустые разговоры, и что этому никогда не бывать; скажетъ онъ, бывало такую штуку, да самъ и вѣвнеть первый. Если бы даже его насильно пересадить теперь въ другую, лучшую обстановку, онъ скоро соскучился бы о своемъ погостѣ, подобно тому, какъ выросшая въ клеткѣ птица, полетавъ по вольному воздуху, снова вернется опять въ свою клетку. Впрочемъ это послѣднее свойство, то есть привязанность къ насѣженному мѣсту, можно отнести ко всѣмъ безъ исключенія жильцамъ погоста, даже къ четвероногимъ и другимъ животнымъ, проживающимъ здѣсь. Еще недавно отецъ Никита, въ видѣ наказанія, завезъ свою домашнюю кошку за нѣсколько верстъ отъ погоста, но та черезъ нѣсколько дней опять-таки явилась сюда, и потомъ уже никакія силы не могли заставить ее покинуть этотъ благодатный уголокъ.

И живутъ всѣ эти отшельники мирно и тихо, безъ всякаго вреда себѣ и другямъ; и проживуть они еще долго и никакой памяти, никакго слѣда не останется отъ нихъ и послѣ смерти; развѣ вырастетъ изъ нихъ потомъ лопухъ какой-нибудь, который съ аппетитомъ сожретъ корова, еще не родившаяся теперь. Конечно они тоже наслаждаются жизнью, но такъ же, какъ наслаждается ею пономарскій баранъ, или какъ паразитъ, поѣдающій жирную шею того же барана.

Но объ этихъ наслажденіяхъ читатель узнаетъ ниже.

Понятно съ какиимъ нетерпѣньемъ ждали на погостѣ такихъ го-

стей, какъ нашъ Трепетовъ и Маевскій. На нихъ здѣсь смотрѣли, какъ на своихъ, какъ на продукты того же, милого имъ холма Емельяновскаго; смотрѣли даже съ нѣкоторою патриотическою гордостью, какъ на людей непосрамившихъ честь погоста и заработавшихъ аттестаты съ правами на іерейскій санъ, — а это не шутка. Всѣ смутно чувствовали, что, съ прїѣздомъ гостей, обычный ходъ жизни долженъ нѣсколько измѣниться; предвидѣлись свадьбы, разныя пиршества и проч.

Ждали ихъ съ часу на часъ. Матушка Трепетова была въ особенной ажитации и при каждомъ трескѣ подъѣзжавшей телѣги у ней захватывалось дыханье. Василій Петровичъ подсмѣивался надъ ней, а самъ все-таки глядѣлъ на всѣхъ царемъ праздника, точно уѣздный чиновникъ, который вычиталъ изъ газетъ о своемъ производствѣ и, въ ожиданіи патента, чувствуетъ уже въ себѣ задатки будущей радости и свысока глядитъ на товарищей. Весь причтъ смотритъ на отца Василя съ какою-то завистью, точно онъ награду большую получить долженъ.

— Сыночка поджидаете? говоритъ ему подобострастно дьячокъ послѣ обѣдни.

— Вотъ жду, на дняхъ долженъ прибыть, — отвѣчаетъ съ наружнымъ спокойствіемъ отецъ Василій, а у самого радостно замираетъ сердце.

— Ну, дай Богъ ему... Вотъ и пономаръ тоже сына да племянника ждетъ...

Наконецъ мальчишки съ испуганнымъ видомъ вбѣжали однажды на погостъ и впопыхахъ объявили, что около Мокраго лѣса телѣга видна, и что рядомъ съ телѣгой идутъ какіе-то господа.

— Это они, рѣшила матушка, и опроретью выбѣжала на улицу.

— Чего-жъ ты, мать... заговорилъ было вслѣдъ ей отецъ Василій, но и самъ не выдержалъ: взбрался на колокольню и оттуда подтвердилъ, что это дѣйствительно они.

Не безъ тревоги вступили наши юноши на родную землю. Трепетовъ улыбался полной счастья улыбкой; хотѣлъ было онъ, по бурсацкому обычаю, сдавить свои ощущенія, но не смогъ и упалъ въ объятія зарывавшей матери. Она такъ и повисла на немъ, страстно прижалась къ сыну любимцу, котораго не видала столько лѣтъ, и сладко было ей плакать...

На другомъ концѣ погоста происходила другая сцена: тамъ по-

номарь встрѣчалъ сына Боголюбова и племянника Маевского. Изъ дверей и окопъ домовъ выставились всѣ старыя и малыя обитатели ихъ и съ любопытствомъ созерцали такое, давно невиданное зрѣлище; на всѣхъ фюзіоніяхъ выразилось нѣчто необычайное, бессмысленно-сладкое; даже сама степенная Степанида Петровна, и та впопыхахъ совсѣмъ позабыла, что стоитъ безъ чепца, съ плѣшивой головою.

— Ну, что-жь ты?—тормошилъ отецъ Василій жену, —веди сына въ горницу. Чай онъ съ дороги-то голоденъ: поѣсть бы надо.

— Не говори ты мнѣ, отецъ; дай наглядѣться на моего ненагляднаго!.. завопила мать и снова припала къ груди сыновней. Наконецъ она очнулась.

— И впрямь, что же я такое? Можетъ ты и вправду ѣсть хочешь?

— Пойдемъ въ горницу, матушка, тутъ народъ посторонній, — произнесъ взволнованный Трепетовъ,

— Какой это народъ, Богъ съ тобой? Это все наши, емельяновскіе.

Вошли въ горницу. Отецъ чинно благословилъ сына, поздоровался еще разъ, потомъ спросилъ про отца ректора и инспектора. Нѣсколько минутъ, по обыкновенію, прошло въ замѣшательствѣ, потому что слишкомъ много накопилось у нихъ разговору и все это хотѣлось высказать вдругъ... А потомъ безъ перерыву потекли торопливыя рассказы о всемъ, что пережито и перечувствовано за это время. Больше и шибче всѣхъ говорила сама матушка, Катерина Ивановна, впопыхахъ сообщая сыну, какъ она упала однажды съ телѣги, какъ у нихъ корова околѣла, и т. п. Прижавшись къ стѣнѣ, въ углу скромно стояли двѣ дѣвочки, сестры Трепетова, и робко разматривали брата...

Долго говоръ не умолкалъ. А между тѣмъ, во все это время, мимо открытыхъ окопъ трепетовскаго дома шныряли дьячки и дьячихи, стараясь хоть однимъ глазомъ заглянуть на чужое счастье. На погостѣ подобныя минуты переживались рѣдко...

И. А. Благовѣщенскій.

(Продолженіе будетъ).

ГЛАВНЫЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ.

I.

Извѣстно, что предметы, разсматриваемые слишкомъ издалека, представляются не въ настоящемъ ихъ видѣ, а гораздо красивѣе. Тоже самое и съ историческими событіями. Самые обыкновенныя добродѣтели древняго Рима кажутся теперь чѣмъ-то поразительно-величественнымъ и совершенно не подѣ силу нынѣшнимъ людямъ; а пороки и злодѣйства гораздо менѣе ужасными, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Эта ошибка, какъ и большая часть человѣческихъ ошибокъ, заключается исключительно въ той стадности, по которой люди охотно идутъ по пробитой разѣ кѣмъ нибудь дорожкѣ и считаютъ однимъ изъ величайшихъ удобствъ жизни не затруднять себя размышленіемъ, если есть возможность жить не думая.

По отношенію къ римскому величію, служащему для многихъ идеаломъ государственной мудрости и до сихъ поръ, удобство такого путешествія по готовой дорожкѣ создало римское право и тѣхъ ученыхъ, которые бѣжали въ Италію послѣ завоеванія Константинополя турками.

Въ мрачныя времена среднихъ вѣковъ жить было конечно скверно и гораздо хуже, чѣмъ во времена римской республики; поэтому очень естественно, что когда убѣжавшіе ученые стали знакомить итальянскую молодежь съ древнимъ римскимъ бытомъ и съ добродѣтелями грековъ и римлянъ блестящаго періода ихъ жизни, то способные ученики, отлпчавшіеся, какъ и всѣ южные жители, богатымъ запасомъ воображенія и горячей кровью, не только представляли себѣ прошедшее болѣе красивымъ, чѣмъ оно было, но, проникнувшись римскимъ патриотизмомъ, предприняли кое-что противъ тѣхъ,

зѣмь они были недовольны, и охотно превращались въ брутовъ и массіевъ. Не пашлось только Лукрецій.

Но не одна молодежь обращала свои взоры назадъ и искала въ земь поученія. Мужи посѣдѣлые и, слѣдовательно, хладнокровныя точно также увлекались римской мудростью и старались всеми силами жить римскимъ умомъ. Безъ римскаго языка и римской науки не было спасенія, потому что еще не доставало силъ выдумать свое собственное.

Все это очень просто и понятно: если чужой умъ лучше и чужое знаніе полезнѣе, то выгоднѣе жить чужой мудростью, чѣмъ своей глупостью. Европа въ этомъ отношеніи поступала вполне разсудительно, потому что какъ бы ни было дурно многое римское, оно было все-таки лучше средневѣковой грубости, средневѣкового невежества и кулачнаго права. Потому и Карлъ Великій поступалъ, пожалуй, умно, взявъ себѣ образцомъ Римскую имперію, ибо если бы вздумали сочипять что нибудь свое, то надѣлали бы большей кутерьмы; чужой умъ сблегалъ Карлу умственный трудъ и спасъ Европу отъ худшаго.

Такимъ образомъ средніе вѣка поступали вполне благоразумно. Но вотъ, благодаря привычкѣ въ мысли и римской, и греческой наукѣ, Европа стала наконецъ думать своимъ умомъ, и создала науку совершенно незнакомую древнему міру. Очевидно, что нужно было разстаться съ древнимъ міромъ на вѣки, и вмѣсто того, чтобы оборачиваться назадъ, надо было смотрѣть впередъ и искать поученій и уроковъ въ своемъ собственномъ опытѣ.

На дѣлѣ вышло однако иначе: римское право, римское величіе, идея римскаго всемірнаго государетва закралась такъ глубоко въ понятія образованныхъ людей и заняли въ ихъ головахъ такъ много мѣста, что новыя мысли съ великимъ трудомъ проникали въ этотъ аракъ не алысей старины, гдѣ для нихъ или вовсе не оказывалось помѣщенія, или очень тѣсное. Даже такіе люди, какъ Наполеонъ I, въ умѣ которыхъ никто не сомнѣвается, были однако такъ имъ небогаты, что вмѣсто того, чтобы дѣйствовать въ духѣ своего времени, отправлялись за справками въ римскую исторію и тревожили даромъ тѣни почтенныхъ людей древности, которые хотя и были умны для своего времени, но конечно не на столько были проникательны, чтобы запастись мудростью, годною для насъ.

Если бы Наполеонъ не вздумалъ совѣтоваться съ Юліемъ Цеза-

решъ, то разумѣется, Европа не испытала бы и половины тѣхъ бѣдствій, которыя достались на ея долю, благодаря находчивости Наполеона. Безъ сомнѣнія, Наполеонъ былъ отличный полководецъ, но онъ никогда не былъ государственнымъ человѣкомъ. Только поэтому онъ и не умѣлъ понять ни своего времени и роли, какую ему слѣдовало бы играть, ни Юлія Цезаря и его времени. При большей прощительности, Наполеонъ увидѣлъ бы ясно, что между послѣдними временами римской республики и республикой французской не было ничего общаго; первый народъ склонился къ упадку, второй поднимался, чтобы идти въ гору; но Наполеонъ принялъ восходъ за закатъ, вздумавъ разыграть роль Юлія Цезаря и свалился. Этого бы, разумѣется, не случилось, если бы Наполеонъ былъ въ состояніи понять, что даже Цезарь, превосходившій его талантами, былъ плохой историческій дѣятель и игралъ не ту роль, какую ему слѣдовало. Но Наполеонъ увлекся честолюбіемъ военнаго генерала, предъ матеріальной силой котораго должно все склониться: онъ домылъ все, какъ стѣнбитная машина, и наконецъ сломился самъ. Такимъ образомъ единственное сходство Наполеона съ Юліемъ Цезаремъ заключается въ томъ, что оба они не поняли потребностей своего времени и за это заплатились довольно дорого.

Къ сожалѣнію, исторія не давала до сихъ поръ уроковъ практической мудрости даже людямъ сильнаго ума; поэтому нечего удивляться, что люди обыкновенные читаютъ въ ней совсѣмъ не то, что надо читать, и не понимаютъ смысла прочитаннаго. Не слѣдуетъ удивляться также и тому, что, послѣ урока даннаго дядѣ, племянникъ занимается сочиненіемъ исторіи Юлія Цезаря и, вѣроятно, дастъ его историческому значенію такое невѣрное толкованіе, которое еще на сто лѣтъ будетъ сбивать съ толку людей, неспособныхъ жить собственнымъ умомъ. Все это было бы неважно, если бы за ошибку платился только тотъ, кто ошибается; но за ошибки историческихъ дѣятелей расплачиваются обыкновенно люди невинные; роль Юлія Цезаря, разыгранная Наполеономъ, стоила Европѣ 8,000,000 жизней, не считая разореній и тѣхъ политическихъ бѣдствій, которыя были слѣдствіемъ этой дурной игры дурного актера.

Ничего бы этого не было, если бы настоящее не искало наставленій въ томъ давно отжившемъ, которое было худо даже въ свое время, и ужъ никакъ поэтому не можетъ быть полезнымъ при обстоятельствахъ совершенно иного рода.

Иначе, однако, думаютъ люди, изучающіе жизнь не въ самой жизни, а въ римскомъ правѣ и въ теоріяхъ средневѣковой Европы, и потому считающіе себя очень мудрыми. Имъ нѣтъ ровно никакого дѣла до того, какъ думаютъ и къ чему стремятся люди; всѣ вопросы новой жизни они считаютъ вздоромъ, потому что объ нихъ не говорится ни слова въ пандектахъ Юстиніана и не было ничего извѣстно при Карлѣ Великомъ. Эти казуистическія засушенки приносили во всѣ времена величайшее бѣдствіе Европѣ; изъ нихъ выходили люди, способные на всякую жестокость, на всякую несправедливость и обладавшіе при этомъ великимъ искусствомъ замаскировывать ложь, клевету и насиліе разными красивыми юридическими софизмами. Впрочемъ; они не всегда припимали на себя благовидную наружность, случалось, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ или въ забывчивости они высказывали изъ своей овечьей кожи, хотя въ сущности маскарадъ этотъ былъ совершенно излишенъ. Ненужно также думать, чтобы юридическія засушенки знали всегда юридическую науку; многія изъ нихъ не знали ровно ничего, и весь талантъ ихъ заключался въ способности смотрѣть назадъ, а не впередъ. Люди такой счастливой организациі могутъ въ теченіи десяти лѣтъ перемѣнить сорокъ разъ свои убѣжденія, какъ они мѣняютъ бѣлье, напр., Фуше, Талейранъ; или же, не владѣя змѣнной мудростью, они разыгрываютъ простую роль топоровъ и рубятъ съ одинаковымъ усердіемъ все, что заставляеть ихъ рубить рука, ими управляющая; рука можетъ перемѣниться, пхъ могутъ заставить рубить свое собственное мясо—и усердіе ихъ отъ того не уменьшится. Такими покорными орудіями были члены революціоннаго трибунала во время терроризма. Объ нихъ Шлоссеръ — человекъ ужь конечно не революціонный и судья вполне безпристрастный—говоритъ слѣдующе: «надобно сказать, что всѣ ужасы революціи были произведены людьми стараго образованія, а не народомъ и не людьми новаго времени; народъ всегда служилъ только молоткомъ и мечемъ. Слуги стараго порядка имѣли давнишнюю привычку быть орудіями всякихъ несправедливостей и облекать всякое дѣло въ приличныя фразы.» Можно бы привести много фактовъ подобнаго рода, чтобы показать на сколько люди сознательно или безсознательно—по тупости, трусости, или по денежнымъ причинамъ, изъ боязни остаться безъ хлѣба, или прямо подкупленные—служили такому дѣлу, которому при лучшемъ образованіи и при большемъ умѣ они служить бы не стали. Но ста-

рина еще сильна и древній Римъ своимъ государственнымъ величіемъ и правомъ сбиваетъ съ толку большинство такъ называемыхъ образованныхъ людей; а глядя на нихъ, сбивается съ толку и та молодежь, которая черпаетъ свою мудрость изъ старыхъ источниковъ. Изъ этой-то молодежи, посредственныхъ способностей, образуется обыкновенно та цивилизованная чернь, которая, смотря по обстоятельствамъ, то разыгрываетъ разные либеральные фарсы и комедіи, то съ неменьшимъ усердіемъ исполняетъ роль молотковъ.

Плѣнительность древне-римскаго величія представлялась во всё время въ римской идеѣ государства и въ томъ значеніи, которое шло *право*. Все это было бы дѣйствительно достойно удивленія, если бы идея государства и *право*, какъ ихъ понимали въ древности, дали бы Риму дѣйствительную государственную прочность; но этого-то именно и не было. Изъ 800 или 900 лѣтъ жизни Рима только 100 лѣтъ представляютъ блескъ и силу. Первые 250 л. (періодъ царей) онъ росъ и устроивался, затѣмъ 100 лѣтъ щеголялъ своими республиканскими добродѣтелями, и потомъ пошелъ постепенно къ упадку. Ужь этого расчета совершенно достаточно, чтобы видѣть, что основа была невѣрна, потому что иначе—выросло бы прочное и долговѣчное благосостояніе и сила.

Въ основѣ римскаго государственнаго быта лежало военное, завоевательное начало, что и не могло быть иначе, потому что у людей того времени бродила еще сырая, черноземная сила. Нужно было выбирать одно изъ двухъ: или бить, или быть битымъ. Римляне рассчитали, что бить лучше, и организовали весь свой внутренній порядокъ именно въ этомъ направленіи.

Сенатъ, въ которомъ, въ цвѣтущую пору, засѣдали дѣйствительно люди способные, который представлялъ замѣчательное собраніе талантовъ и нравственныхъ силъ, умѣлъ всегда ловко пользоваться народомъ для своихъ государственныхъ цѣлей. Даже религія служила ему исключительно, какъ политическое орудіе. Жрецы Рима не были духовенствомъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимается нынче. Они были просто государственные люди или чиновники, пользовавшіеся народными предрасудками и суевѣріемъ для политическихъ цѣлей. Все богослуженіе было чисто-свѣтскимъ дѣломъ, даже авгуры или высшіе жрецы-предсказатели были не больше, какъ сановники, истолковывавшіе волю боговъ чисто въ правительственныхъ интересахъ.

Такъ какъ высокое могущество было главной цѣлью всѣхъ стрем-

лений римской правительственной аристократіи, потому что только война давала богатство и господство надъ сосѣдами, то принимались всѣ мѣры, чтобы въ народѣ и въ молодежи развивать и поддерживать военный духъ и плѣнять ихъ воображеніе героическими подвигами болѣе отважныхъ людей. Для этого благородные патриоты не гнушались выдумками и разукрашиваніемъ, и преувеличиваніемъ фактовъ, лишь бы только достигалась цѣль и распалалось воображеніе юношей. Для этого же служило имъ и римское право съ его беспощадностью и неумолимостью, точно будто бы оно—законъ природы, а не выдумка самихъ римлянъ. Строгость, послушаніе, дисциплина, неуклонное исполненіе долга и обязательствъ, вотъ тѣ особенности юридическаго воспитанія римлянъ, которыя выразились въ страшной общей неумолимости и суровости отношеній домашнихъ, частныхъ, общественныхъ, и государственныхъ.

Изъ этихъ двухъ основъ римскаго воспитанія явились факты того грубаго и хладнокровнаго убійства и самоубійства, которымъ любители воинственныхъ упражненій придаютъ слишкомъ преувеличенное значеніе, выставляя ихъ, какъ подвиги высокаго самопожертвованія и мужества. Приведу нѣсколько фактовъ. Въ первыя времена республики составился заговоръ въ пользу стараго порядка. Въ числѣ заговорщиковъ были и два сына консула Юнія Брута, которыхъ отецъ приговорилъ къ смерти, вмѣстѣ съ другими заговорщиками, и велѣлъ при себѣ привести приговоръ въ исполненіе, и смотрѣлъ совершенно хладнокрово на убійство своихъ дѣтей. Этотъ фактъ служилъ для всего римскаго юношества поучительнымъ примѣромъ подчиненія долгу. — Урокъ впрочемъ не пропалъ и для послѣдующихъ поколѣній, когда Римъ уже не существовалъ. Такъ венеціанскій дожъ Фоскари выказалъ подобное же пониманіе своихъ гражданскихъ обязанностей. Когда его сынъ, по ложному доносу измученный до полусмерти нѣсколькими страшными пытками и приговоренный къ ссылкѣ, просилъ отца добыть ему разрѣшеніе провести свои послѣднія минуты жизни дома, то отецъ отвѣтилъ ему: «ступай и повинуйся безъ ропота повелѣнію отечества». Фраза конечно громкая, если не затруднять себя вопросами: точно ли звѣрство и произволъ Совѣта Десяти было то отечество, для котораго нужно жертвовать собой. Римляне, подобные Юнію Бруту и Фоскари, являлись и въ новой исторіи, и только потому, что они не затрудняли себя размышленіемъ надъ тѣмъ, что такое государство.

Нельзя также видѣть достаточный запасъ здраваго смысла и въ Маркѣ Курціѣ. На форумѣ, въ Римѣ, образовалась отъ землетрясенія пропасть, и хитрые жрецы объявили, что она закроется, если римляне бросятъ въ нее самую дорогую для нихъ вещь. Но что же могло быть дороже патриотизма и мужества? И вотъ горячій юноша, Маркъ Курцій, облачившись во всѣ доспѣхи, на конѣ, прыгнувъ, при огромномъ стеченіи народа, въ пропасть, и она тотчасъ же закрылась. Фактъ придуманъ искусно; но юнецъ Курцій все таия не больше, какъ сумасбродъ, разыгравшій печальный фарсъ для большаго утвержденія суевѣрнаго народа въ его суевѣріи. И это плодъ того же римскаго величія. А вотъ и еще одинъ плодъ: Манлій Торкватъ запретилъ, подъ смертною казнью, вступать, во время одной войны съ латинянами, въ единоборство. Сыпъ его, встрѣтясь во время рекогноспировки съ однимъ непріятельскимъ военначальникомъ, не утерпѣлъ, принялъ его вызовъ и убилъ. Когда юноша принесъ съ торжествомъ въ лагерь голову убитаго имъ врага, то отецъ приказалъ казнить юнаго героя.

Конечно, этими средствами римляне поддерживали дисциплину въ своемъ войскѣ и придавали ему необычайную силу; но вѣдь кромѣ міровозрѣнія съ точки военной дисциплины, есть и другая, посправедливѣе и пошире—ее, то и не могло быть въ римскомъ, чистѣ военномъ государствѣ.

Впрочемъ для практическихъ римлянъ, которымъ матеріальная сила приносила все — богатство, власть, міровое значеніе, — становиться на эти широкія точки зрѣнія не было никакого повода; они шли своимъ военнымъ путемъ и пришли куда онъ велъ. Римъ создалъ удивительно дисциплинированные легіоны. Свою военную доблесть римскіе легіоны показали особенно во времена Суллы, бывшимъ тоже однимъ изъ совѣтниковъ Наполеона. Сулла счумѣлъ сдѣлать себя кумиромъ солдатъ и ловко воспользовался ихъ талантами, чтобы перерѣзать всѣхъ тѣхъ, кто мѣшалъ ему, а такихъ мѣшающихъ людей оказалось ни больше, ни меньше, какъ 100,000 человекъ. Это конечно почище первой французской революціи. И для чего же пролилась вся эта кровь? Только для того, чтобы дать перевѣсъ аристократическимъ учрежденіямъ.—Послѣ Суллы вошло уже въ систему привязывать къ себѣ солдатъ дозволеніемъ имъ убійствъ и грабежей и достигать всѣхъ цѣлей военной силой. Такъ поступалъ Цезарь, Помпей, Антоній, Октавіанъ и друг. Про-

скрипции понравилась и гуртовое умерщвление цѣлыхъ сословій казалось благоразумной политической мѣрой. Мстѣ за смерть Цезаря, т. е. конечно по наружности, а въ сущности стремясь къ достиженію личной цѣли — его друзья, составившіе впоследствии второй триумvirатъ, распорядились такъ остроумно, что вся старшинная аристократія Рима, изображавшая собой цвѣтъ римской образованности, погибла подъ руками убійцъ. Погибли также и все богатые люди. Конечно послѣ этого императору Августу не мудро было имѣть покореннѣе сенатъ.

Несправедливо однако изобрѣтеніе подобныхъ рѣшительныхъ мѣръ приписывать Суллі, хотя конечно у него — человѣка рѣзавшаго людей систематически, хладпогровно, даже не оправдываясь ни политикой, ни государственной необходимостью, какъ это дѣлали слабохарактерные злодѣи, любившіе принимать на себя видъ невинности — достало бы на столько ума и изобрѣтательности. Еще Тарквиній Гордый, не желая сказать прямо, что для успѣха одного его предпріятія нужно вырѣзать всехъ его главныхъ противниковъ, далъ понять это тѣмъ, что сбивалъ у себя въ саду высокія маковыя головки. Онъ же поощрялъ доносы, паушничество, имѣя тайный совѣтъ. Такимъ образомъ эта система составляла очень древній плодъ человѣческой изобрѣтательности и находила себѣ полное оправданіе въ римскомъ правѣ и въ римской идеѣ о государствѣ.

Въ римской идеѣ о государствѣ не заключалось вовсе понятія о благосостояніи каждаго отдѣльнаго римлянина; напротивъ того, каждое отдѣльное лицо приносилось въ жертву государству. Все вопросы сводились къ одной видимой политикѣ, къ завоеваніямъ, расширеніямъ предѣловъ, къ господству надъ міромъ, къ приобрѣтенію богатствъ путемъ военного насилія. Римъ высасывалъ соки изъ всехъ своихъ провинцій, плодами завоеваній пользовался, только знатныя фамиліи. Народъ же хлопалъ глазами, шумѣлъ по временамъ на улицахъ, да бѣгалъ смотрѣть на кровавыя представленія, которыми отводили его вниманіе отъ дѣла и покупали расположение. Не давать народу подачки изъ награбленнаго было нельзя, потому что въ его силѣ нуждались для достиженія личныхъ цѣлей; да онъ наконецъ и не согласился бы смотрѣть равнодушно на то, что все богатства проходятъ мимо его рта только въ руки нѣкоторыхъ.

Какъ дорого обходилось провинціямъ и покореннымъ народамъ

это успокоиваніе римской черни, можно видѣть изъ того, что напр. Юлій Цезарь, устроивая народамъ игры, задолжалъ болѣе тридцати милліоновъ руб. Эти деньги слѣдовало, разумѣется, возвратить, и они брались въ видѣ военной контрибуціи и другихъ насильственныхъ поборовъ съ провинцій. Главнокомандующіе наживались иногда несмѣтно даже отъ одного похода; и всѣ баснословныя богатства Суллы, Лукулла, Красса, Лусція и имъ подобныхъ создались путемъ военныхъ грабежей или обираниемъ провинцій во время наѣстничества. Чиновничье воровство было системой и отличалось крайней беззащѣтностью, и провинции служили оброчными статьями не только для наѣстниковъ и ихъ подчиненныхъ, но и доставляли поживу знатымъ гражданамъ, жившимъ въ Римѣ. Многие изъ нихъ, кромѣ участія въ откупахъ, развѣзжали подъ предлогомъ государственныхъ надобностей собственно для того, чтобы вымогать дорогіе подарки.

Даже прославленный римскій патриотизмъ потерялъ много изъ своего блеска, когда правители познакомились короче съ выгодами, представляемыми золотомъ. Сципіона Африканскаго потребовали въ суду за то, что онъ, будто бы, взялъ съ Антіоха III деньги за заключеніе выгоднаго міра. Сципіона Азіатскаго обвинили въ томъ же и взыскали съ него значительный денежный штрафъ. Если бы все это было чистой клеветой, то уже самая возможность подобной клеветы, противъ первыхъ людей въ государствѣ, показывала, что она не далека отъ правды. Югурта, хорошо знавшій Римъ, сказалъ: «Римская республика продается за деньги, и нужно только, чтобы у кого нибудь ихъ нашлось достаточное количество, чтобы купить ее». Югурта въ этомъ случаѣ конечно авторитетъ, потому что онъ подкупилъ на своемъ вѣку не одного знатнаго римлянина.

Но что же дѣлалъ во всемъ этомъ народъ или, правильнѣе, римскіе граждане? Они были всегда послушнымъ орудіемъ того, кто умѣлъ съ ними обращаться. Даже республиканское воспитаніе народа служило во время борьбы партій — а когда же ихъ не было? — только для того, чтобы одолѣть противника. На клевету не скупилась и выборы средствъ не затруднялись. Когда богатый всадникъ, Спурий Мелій, желая помочь народу во время голода, раздавалъ хлѣбъ бѣднымъ бесплатно или по низкой цѣнѣ, то аристократы, испугавшись, что онъ пріобрѣтетъ большое вліяніе, распустили слухъ, будто онъ стре-

митя къ царской власти, и потребовали его къ суду. Въ томъ же обвинили и спасителя капитоліа, Мацціа Капитоліа, истратившаго почти все свое состояніе, чтобы помочь народу задолжавшему послѣ галльской войны. Богатые и знатные испугались его вліянія на народъ, и начали распускать противъ него слухъ, что онъ имѣетъ измѣнническіе замыслы. Наконецъ патриціямъ удалось посадить его въ тюрьму; выпущенный народомъ, онъ не спасся однако отъ преслѣдованій знати и былъ низвергнутъ съ Торпейской скалы. Даже Тиберій Гракхъ не избѣгнулъ подобной клеветы. Когда, желая объяснить народу, что его (Гракха) жизнь грозитъ опасность, Тиберій показалъ на свою голову, то аристократы перетолковали это тѣмъ, что онъ требуетъ у народа царской короны.

Такимъ образомъ искусные люди играли народомъ, какъ хотѣли, и пока въ Римѣ были еще истые республиканцы, съ ихъ суровыми, но великими добродѣтелями — и народъ годился для великихъ дѣлъ; но когда пора нравственнаго мужества начала проходить, военный грабежъ и несмѣтные богатства измѣнили прежнихъ суровыхъ римлянъ въ утонченныхъ аристократовъ, занимавшихся исключительно мотовствомъ и политическими интригами, то они развратили и народъ. Государство, государственная польза сдѣлались пустыми словами; никто не понималъ, что и кто государство. Аристократы думали, что государство составляютъ они, и что государственный интересъ есть ихъ личный интересъ. Народъ же, не желая знать политической философіи своихъ господъ и не обременяя себя размышленіями, къ которымъ, правда, его никогда и не приучали, считалъ себя вполне счастливымъ, если его потѣшали зрѣлищами. Когда республиканцы, убивъ Цезаря, обратились къ народу, призывая его къ свободѣ, то народъ слушалъ съ недоумѣніемъ, не понимая ничего, точно будто съ нимъ говорили по персидски. Въ немъ не было уже ни какого гражданскаго смысла и большинство осталось недовольно заговорщиками, но вовсе не за убійство, а просто потому, что это убійство разрушило мечты народа, надѣявшагося, что Цезарь доставитъ ему много зрѣлищъ и удовольствій.

Все это было необходимымъ слѣдствіемъ основного политическаго принципа. Римское государство составляло союзъ людей, создавшихъ себѣ цѣлью вышнія завоеванія, военное могущество и приобрѣтеніе средствъ существованія на счетъ покоренныхъ народовъ. Въ строгомъ смыслѣ это было отлично организованное разбойничье

учрежденіе, въ которомъ все клонилось къ тому, чтобы восвать и поблждать. Странно было бы считать Тиберія, Каллигулу, Нерона, Геліогабала людьми въ здоровомъ разсудкѣ. Каллигула приводилъ свою любимую лошадь къ себѣ въ столовую и кормилъ ее золоченымъ овсомъ, отчего конечно у нея разстроивался только желудокъ. Задумавъ приобрести военную славу, онъ выступалъ въ походъ, и впереди его мели и поливали дороги, чтобы императоръ не запылжился. Отправившись противъ бриттовъ, онъ выстроилъ свои легіоны на берегу канала и приказалъ имъ собирать выброшенныя водой раковины, какъ дань поблжденнаго океана. Не увидѣвъ ни одного непріятели, Каллигула воротился въ Римъ и устроилъ себѣ триумфъ, въ которомъ огромнаго роста галлы, переодѣтые въ германцевъ, изображали поблжденных враговъ. — Помпшательство нерона было основано на томъ, что онъ — великій поэтъ, музыкантъ и возница. Когда намѣстникъ Галліи, возмущенный тиранствомъ Нерона, поднялъ противъ него галловъ, то Неронъ огорчился совсѣмъ не возмущеніемъ, а тѣмъ, что намѣстникъ назвалъ его въ своихъ прокламаціяхъ плохимъ музыкантомъ; въ послѣднія же минуты жизни, когда, свергнутый съ престола, онъ велѣлъ заколотъ себя своему отпущеннику, Неронъ повторилъ нѣсколько разъ: «какого художника теряетъ во мнѣ міръ!» Этотъ художникъ, между прочимъ, съегъ Римъ, горѣвшій шесть дней и семь ночей, и, лкбуясь на пожаръ съ крыши одного высокаго зданія, девламиривалъ стихи о разрушеніи Трон. Геліогабалъ ввелъ служеніе Ваалу и Молоху и приносилъ человѣческія жертвы; онъ каждый день надѣвалъ новое платье, посыпалъ свои комнаты золотымъ и серебрянымъ порошкомъ, назначилъ свою лошадь консуломъ, кучеровъ опредѣлялъ на самыя важныя должности; чтобы возбудить удивленіе къ величію Рима, онъ велѣлъ собрать по всему городу паучину, которой оказалось дѣйствительно очень много и т. п. Все это факты полнаго, несомнѣннаго помпшательства, доказывающіе между прочимъ и то, что весь Римъ былъ похожъ на домъ сумасшедшихъ, если могъ быть управляемъ такими безумцами. Кто же изображалъ туя государство и чьи интересы составляли интересы государства?—

Римскому праву нероны и геліогабалы нанесли тоже порядочный афронть. У Римлянъ между плебензмомъ и патрицизмомъ шла постоянная борьба за уравниваніе правъ, пока при Неронѣ равенство это не дошло до того, что онъ заставлялъ самыхъ почтенныхъ представителей древнихъ аристократическихъ фамилій и первыхъ сановниковъ

государства паясничать на сценѣ наравнѣ съ комедіантами и гладіаторами, что по римскимъ понятіямъ было самымъ унижительнымъ дѣломъ и занятіемъ рабовъ. Болѣе этого сравнять римлянъ было уже нельзя.

Конечно, въ жизни Рима были и весьма свѣтлыя минуты, встрѣчались черты высокаго гражданскаго мужества, но этихъ свѣтлыхъ точекъ слишкомъ мало.

Въ исторіи цивилизаціи Европы, Римъ представляетъ первый опытъ государственнаго устройства на одностороннемъ началѣ военнаго могущества. — Опытъ неудавшійся и кончившійся паденіемъ государства и его учрежденій. Неудовлетворительность этой односторонности чувствовалось уже во времена существованія Рима, и протестомъ противъ рабства и личной подавленности человѣка, ради отвлеченнаго понятія о государствѣ—явилось христіанство, съ котораго и начинается второй моментъ въ исторической судьбѣ Европы.

II.

Обыкновенно употребляемое историками выраженіе — «Римъ палъ» имѣетъ то неудобство, что возбуждаетъ мысль о какой-то внезапности, о рѣзкомъ переходѣ отъ Рима къ чему-то другому. Въ дѣйствительности это было иначе.

Римскія учрежденія, право и вообще цивилизація проникали не только во всѣ римскія провинціи, но даже и къ варварамъ; съ появленіемъ христіанства оно точно также стало проникать повсюду. Когда Римъ пересталъ быть правительственнымъ центромъ, явились и переѣзны въ политическихъ границахъ: — вмѣсто одного государства образовалось нѣсколько. Но въ каждомъ такомъ отдѣльномъ государствѣ утвердились еще гораздо ранѣе римскія и христіанскія начала, и изъ смѣшенія ихъ образовалось то, что зовется исторіей среднихъ вѣковъ. Такимъ образомъ Римъ въ своей идеѣ не палъ; онъ или постепенно растворился въ началахъ новой жизни, провозглашенныхъ христіанствомъ, или сталъ съ ними рядомъ и создалъ тотъ дуализмъ, который дѣйствовалъ во всей силѣ въ средніе вѣка и окончательная борьба съ которымъ составляетъ задачу новѣйшаго времени. Римскія идеи легли въ основу свѣтской власти, а католическая

церковь явилась представительницей христіанства. Отъ этого средневѣковое государство не представляло единства древняго міра—оно было духовно-свѣтскимъ, съ двумя головами: папой и императоромъ. Эта двойственность проходила повсюду, въ учрежденіяхъ и во всемъ общественномъ бытѣ. «Мое царство не отъ міра сего» сказалъ Христосъ, и потому католическая церковь отдѣлила избранныхъ отъ дѣтей сего міра. Первыми были духовные, вторыми—міряне. Въ гражданскихъ отношеніяхъ явилось подобное же подраздѣленіе—дворяне и народъ. Право управленія принадлежало только избраннымъ т. е. духовенству и дворянству; первые завѣдывали церковными дѣлами, вторые — свѣтскими. Папа былъ прямымъ намѣстникомъ апостола Петра, который вручилъ ему ключи церкви; даже свѣтская власть требовала духовнаго освѣщенія. Какъ епископы заимствовали свою власть отъ папы, такъ дворянство отъ государей. Церковь взяла на себя заботы о душевномъ спасеніи вѣрующихъ, а государство, какъ представитель свѣтскихъ интересовъ,—поддержаніе общаго мира, спокойствія и гражданскихъ правъ. Такова была теорія, положенная въ основаніе государственныхъ учреждений среднихъ вѣковъ.

Практика однако не соотвѣтствовала этой теоріи, и въ дѣйствительности, вмѣсто мира, явилась постоянная внутренняя война, такъ что императорская власть, учрежденная для поддержанія народныхъ правъ и общаго спокойствія, скоро увидѣла, что ей нужно заботиться не о другихъ, а защищать свое собственное существованіе, за что она и принялась съ большимъ усердіемъ и замѣчательной энергіей.

Отдѣльнымъ гражданамъ грозила опасность также со всѣхъ сторонъ, и отсюда явились союзы и корпорации, въ которыхъ человѣкъ оставался вполне безпомощнымъ. Эту корпоративность воспитывали цѣлыя поколѣнія въ индивидуализмъ и эгоизмъ т. е. въ стремленіи пріобрѣтать выгоды на счетъ другихъ. А какъ пріобрѣтеніе выгодъ на счетъ другихъ не могло дѣлаться мирнымъ путемъ, то приходилось по необходимости ссориться и воевать, потому что каждая попытка корпорации усилиться и добыть себѣ новыя выгоды или привилегіи была въ сущности посягательствомъ на выгоду другой корпорации. Корпорации и привилегіи были единственнымъ якоремъ спасенія и въ ихъ существованіе человѣка было невозможно.

Въ этой борьбѣ христіанскій принципъ былъ, повидимому, совсѣмъ подавленъ римскимъ началомъ насилія и войны; завѣщаніе Іоанна:

«дѣти, братья, любите другъ друга! казалось тогдашнимъ людямъ неприимѣннымъ; да и въ самомъ дѣлѣ, какъ было любить брата, который нарочно отнять у брата собственность, а пожалуй и жизнь? и потому дѣти и братья распорядились такъ, какъ имъ казалось безопаснѣе, т. е. какъ древніе римляне — чѣмъ быть битымъ, лучше бить другихъ.

Не смотря на это, между древнимъ міромъ и средними вѣками была все-таки большая разница. Въ древности личность совершенно исчезла въ государствѣ, только государство давало цѣну и значеніе лицу; государство завѣдывало религіей, поглощая ее въ себѣ; государство завѣдывало средствами существованія народа, владея землей и распредѣляя ее между гражданами; оно давало право на занятія и промыслы и т. д. Взамѣнъ этого, частное лицо принадлежало тѣломъ и душой государству: оно прыгало въ пропасть, если людямъ, державшимъ въ своихъ рукахъ судьбу государства, это казалось полезнымъ; оно закалывалось, отравлялось или закалывало и отравляло другихъ, когда того требовалъ государственный интересъ. И все это дѣлалось весьма простодушно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ величественнымъ видомъ, не затрудняя себя вопросомъ, что такое государство и чьи интересы оно изображаетъ? Интересомъ же государства было не частное благополучіе, а военное могущество и величіе Рима. Служеніе этой отвлеченной идеѣ, требовавшей только жертвъ, а взамѣнъ ихъ не дававшей ничего, копчилось полнымъ нравственнымъ упадкомъ личности, а вмѣстѣ съ ней и паденіемъ государства.

Средніе вѣка были счастливѣе, потому что христіанство дало имъ понятіе о личной свободѣ, и идея древняго рабства такимъ образомъ исчезла и человекъ пересталъ быть рабомъ человека и государства. Какъ ни было сильно римское начало, но и христіанская идея была тоже сильна; она-то и придала среднимъ вѣкамъ тотъ переходный характеръ, который сдѣлалъ ихъ предисловіемъ новаго времени. Въ то время, какъ въ древнемъ Римѣ государство поглощало все и представляло одно неразрывное цѣлое, въ средніе вѣка явилось, напротивъ, множество государствъ въ государствѣ. Религія стала дѣломъ особаго сословія; каждая корпорація составляла тоже особнякъ, заботившійся самъ о своихъ нуждахъ; каждое сословіе хотѣло жить своей жизнью—однимъ словомъ, все расплывалось врознь отъ государства и какъ бы стремилось къ личной независимости.

Но отъ стремленія до цѣли было еще далеко; люди бродили, какъ въ потьмахъ, путаясь по разнымъ дорожкамъ, потому что римская наука закрывала имъ глаза, какъ повязка. Средніе вѣка не имѣли своего знанія; они заимствовали всю мудрость изъ древнихъ источниковъ, переработывая, объясняя и пережевывая то, что придумали древніе, вмѣсто того, чтобы создавать знаніе сампмъ изъ наблюденій надъ природой, новыми условіями общежитія и новыми стремленіями. Такимъ образомъ истиннаго знанія не было, а было только мертвое школьное образованіе (схоластика), чуждое настоящаго.

Такой порядокъ не могъ продолжаться, потому что жизнь требовала, чтобы люди жили своимъ умомъ, а не чужимъ, и стремленіе еѣ мысли и въ дѣйствіяхъ выразилось, наконецъ, въ томъ великомъ историческомъ явленіи, которое зовется реформаціей. Со времени ея наступаетъ къ судьбѣ Европы третій историческій моментъ.

Обыкновенно подъ словомъ реформація предполагаютъ Лютера и его церковныя преобразованія. Дѣйствительно Лютеръ былъ сильнымъ дѣятелемъ, но рядомъ съ нимъ стоятъ и другіе люди, явившіеся представителями остальныхъ общественныхъ интересовъ, которыхъ Лютеръ не касался. Люди эти имѣли болѣе широкій взглядъ на реформу и шли гораздо дальше. Ихъ стремленія не имѣли успѣха въ XVI столѣтіи; они осуществились, и то не вполне, въ XVII, XVIII и XIX столѣтіяхъ. Такимъ образомъ эти новаторы были настоящими людьми будущаго. Роль эта обошлась имъ не дешево; кромѣ того, что они заплатились за нее жизнью, на нихъ еще клеветали и послѣ смерти, и клеветамъ этимъ вѣрили почти триста лѣтъ, благодаря тому, что историки повторяли безъ всякой проверки рассказы ихъ враговъ. Только въ послѣднее время явилась имъ безпристрастная оцѣнка и опредѣлилось ихъ отношеніе къ нашему времени.

III.

Задолго до появленія Лютера и другихъ новаторовъ, Германія уже подготовилась къ реформациіи, и въ народной массѣ копилась и зрѣли элементы будущаго переворота. Общее народное настроеніе было повсюду одинаково; тамъ и здѣсь являлись даже отдѣльными попытками измѣненія прежнихъ общественныхъ условій; но этимъ по-

пыткамъ недоставало общей связи. Связь эту создало религиозное движеніе, соединившее народъ въ его стремленіяхъ къ одной общей цѣли.

Учителемъ народа и человѣкомъ движенія былъ собственно не Лютеръ, а другіе люди, которые, исходя съ Лютеромъ изъ однихъ началъ, пришли къ другимъ выводамъ, и это произошло совѣмъ не потому, чтобы они понимали ученіе неправильно, а потому что они понимали его иначе. Точно также и народъ въ своемъ практическомъ смыслѣ понималъ евангельское ученіе о христіанской свободѣ не однимъ освобожденіемъ совѣсти отъ человѣческихъ преданій, но и освобожденіемъ отъ барщины и крѣпостного быта. Поэтому народныя проповѣдники нисколько не ошибались, когда они соединяли вмѣстѣ понятіе о религиозной и гражданской свободѣ, и объявляли рабство между дѣтьми одного отца несомнѣемымъ съ христіанскимъ ученіемъ. Такъ ихъ понималъ и народъ.

Въ то время, какъ Лютеръ уклонился идти народно-революціоннымъ путемъ, другіе—частью его товарищи или послѣдователи—съ особенной любовью выступили именно на этотъ путь. Были между ними такіе, которые изъ слова божьяго сдѣлали своеобразные политическіе выводы и весьма страшныя заключенія, и хотя сердца этихъ мыслителей бились самой горячей любовью къ народу, по между ними было много и самыхъ дикихъ фанатиковъ. Кромѣ этихъ даровитыхъ и честныхъ людей, было много такихъ, которые по своимъ способностямъ стояли гораздо ниже своего дѣла; а были и такіе, которыми управляли однѣ низкія, своекорыстныя побужденія. Такъ бывало всегда.

Въ то время, какъ Лютеръ переводилъ въ Вартбургѣ библію, выпускались въ народѣ цѣлыя массы летучихъ листовъ, содержаніе и заключенія которыхъ имѣли всегда одинъ и тотъ же смыслъ, что дѣла не могутъ идти такъ, какъ они шли и, что все должно измѣниться.

Но проповѣди странствующихъ проповѣдниковъ дѣйствовали еще сильнѣе листовъ. Люди всѣхъ званій — ученые и не ученые, дворяне и не дворяне, всѣ, кѣмъ овладѣвалъ духъ проповѣди, переходили, какъ нѣкогда апостолы, изъ мѣста въ мѣсто, изъ страны въ страну и поучали народъ. Поученія ихъ имѣли цѣль довольно широкую; они хотѣли ни больше, ни меньше, какъ вызвать общее движеніе, чтобы создать новую христіанскую республику. Въ ихъ

проповѣдяхъ религія перемѣшивалась съ политикой; библейскими текстами они поясняли вопросы современнаго народнаго быта; безпощадно разбирали обычаи и права свѣтской и духовной власти и доставляли народу самое большое наслажденіе, « когда щекотали его уши возгласами противъ сильныхъ и богатыхъ ».

Эти проповѣдники являлись представителями трехъ главныхъ направлений. Одни хотѣли кореннаго религіозно-церковнаго преобразованія; другіе имѣли чисто-политическія цѣли; третьи соединяли политику съ религіей, придавая однако своимъ тенденціямъ болѣе религіозный характеръ.

Дѣло этихъ людей было проиграно, и въ этомъ заключается конечно главная причина, почему даже исторія относилась къ нимъ не съ тѣмъ безпристрастіемъ, каковаго бы слѣдовало ожидать. Или, выражаясь точнѣе, настоящей исторіи этой части реформаціонной эпохи и не было, потому что историки ограничивались большею частью повтореніемъ того, что писала партія Лютера и тѣ, чьи интересы были задѣты. Еще хуже:—этимъ людямъ приписали всѣ нечеловѣчскія и безумія, которыхъ они никогда не думали дѣлать. Съ такой аттестаціей пустили ихъ имена на поученіе міру, и Германія три съ четвертью вѣка читала эти невѣрные сказанія и поучалась, и каждый юнецъ заучивалъ на всю жизнь, что Томасъ Мюнцеръ былъ сумасшедшій, потому что такъ было напечатано въ учебникѣ исторіи. Но теперь нѣмецкіе юнцы, читая Циммермана, могутъ узнать ту правду, которой не знали ихъ отцы и дѣды.

При оцѣнкѣ Мюнцера не обращали обыкновенно вниманія на его лѣта. Онъ дѣйствовалъ какъ юноша и умеръ какъ юноша. Этимъ объясняется многое въ его поступкахъ.

Томасъ Мюнцеръ родился въ 1490 или въ 1493 году, и лишился отца очень рано. По одному сказанію, отецъ его былъ повѣшенъ графомъ Штальбергомъ, но причина и годъ казни неизвестны. Это обстоятельство, если оно правдиво, имѣло конечно вліяніе на направленіе Томаса Мюнцера.

Очень рано обнаружилось въ немъ реформаторское стремленіе. Послѣ серьезныхъ ученыхъ занятій, Мюнцеръ получилъ званіе доктора теологіи, и даже противникъ его, Меланхтонъ, сознается, что онъ былъ силенъ въ св. писаніи. Всякую свою мысль Мюнцеръ умѣлъ всегда подтвердить библіей. Гораздо раньше Лютера и совершенно независимо отъ него и его товарищей выступилъ Мюнцеръ противъ като-

лической церкви. Еще до Лютера видѣлъ онъ въ библіи единственный источникъ религіознаго ученія, и нашелъ, что ни верховный глава видной церкви, ни высшіе и низшіе служители не соответствовали тому первоначальному образу церкви христовой, съ которымъ познакомило его изученіе библіи.

Совсѣмъ юношей, почти ребенкомъ, находясь еще въ латинской школѣ, онъ составлялъ тайный союзъ противъ архіепископа Эрнста II. Цѣлью союза было «преобразовать духовенство.» Въ 1513 году, Мюнцеръ былъ прабатомъ въ женскомъ монастырѣ въ Фриза, и уже тогда при исполненіи мессы онъ отступалъ отъ правилъ католическаго ученія. Вскорѣ послѣ этого, онъ занялъ мѣсто учителя въ духовной школѣ въ Брауншвейгѣ, потомъ исповѣдника въ женскомъ монастырѣ въ Вейсенфельсѣ, а въ 1520 г. сдѣлаясь проповѣдникомъ въ Маріинской церкви въ Цвикау. Здѣсь уже онъ началъ горячо нападать «на слѣпыхъ пастырей слѣпыхъ овецъ», но его проповѣди, основанныя на чисто-евангельскомъ ученіи, встрѣтили сильное противо-дѣйствіе со стороны богатыхъ нищенствующихъ монаховъ. Одинъ изъ нихъ поучалъ съ кафедры, «что проповѣдывать исключительно по евангелію, значитъ проповѣдывать дурно, потому что придется противорѣчить постановленіямъ людей, которыя слѣдуетъ сохранять въ строгости. Къ евангелію должно было быть прибавлено многое, и нельзя идти тѣмъ путемъ, который оно указываетъ. Если бы бѣдность призналъ евангельскимъ основаніемъ, то короли и проч. не должны бы собирать богатствъ; имъ слѣдовало бы, какъ пастырямъ душъ, быть бѣдными и нищими».

Въ это время Мюнцеръ былъ горячимъ поклонникомъ Лютера, и ожидалъ, что онъ, какъ докторъ теологіи и профессоръ въ Виттенбергѣ, покровительствуемый сильнымъ государемъ, сдѣластъ многое, и гораздо больше того, что можетъ сдѣлать онъ самъ на своемъ незначительномъ мѣстѣ, и притомъ въ странѣ, государь которой противился всѣмъ нововведеніямъ. Но скоро Мюнцеръ замѣтилъ, что Лютеръ идетъ совсѣмъ не такъ далеко, какъ онъ надѣялся, и не имѣетъ намѣренія преобразовать такимъ кореннымъ образомъ, какъ это считалъ необходимымъ Мюнцеръ.

Послѣ выступленія Лютера на путь реформы, Мюнцеръ принялся еще разъ за изученіе теологіи; «буква библіи» его не удовлетворяла, и это новое изученіе возбудило въ немъ много сомнѣній, которыхъ онъ прежде не зналъ... Неудовлетворенный своимъ изслѣдо-

ваніями и вмѣстѣ съ тѣмъ видя непослѣдовательность и даже противорѣчія Лютера, Мюнцеръ впалъ въ мистицизмъ и, какъ человѣкъ поэтически-эксцентрической натуры, онъ, не смотря на всю силу своего ума, поддался чувству и воображенію. Мистики средних вѣковъ сдѣлались его любимыми авторами, и особенно читалъ онъ тѣхъ, которые говорили о своихъ неземныхъ видѣніяхъ и сношеніяхъ съ небесными силами. Между ними пророкъ XII столѣтія, аббатъ Іоахимъ, имѣлъ на него самое сильное вліяніе.

Іоахимъ жилъ въ тѣ времена, когда сухой схоластикой думали замѣнить сердечное христіанское ученіе, когда церковь достигла уже силы и когда церковныя и свѣтскія злоупотребленія стали давать себя чувствовать угнетенному народу. Многіе были недовольны настоящими и стремились душой къ лучшимъ временамъ. Это-то будущее и показалъ Іоахимъ въ мистическомъ зеркалѣ. Онъ предсказывалъ судъ божій, когда Христосъ изгонитъ изъ храма бичомъ всѣхъ покушниковъ и торговцовъ, когда наступитъ время духа, а съ нимъ любви, радости и свободы; когда все книжное ученіе исчезнетъ и духъ выступитъ свободно изъ мертвой буквы. Онъ говорилъ, что евангеліе писанное есть нѣчто временное, проходящее; но вѣчно только евангеліе духа; что не пришло еще время объявить его людямъ, потому что они понять его не въ состояніи; но это время наступитъ, и духъ уважетъ людямъ, истину. Тогда-то наступать на землѣ братская община сыновъ духа, которымъ святое писаніе будетъ служить живой водой, — писаніе писанное на бумагѣ перомъ и чернилами, но силой Святого Духа въ книгѣ человѣческаго сердца. Органы, которыми божественное сообщалось до сихъ поръ людямъ — духовные и наставники, — существовать не будутъ, потому что сыны духа не будутъ нуждаться въ такомъ посредничествѣ; самъ духъ будетъ ихъ наставникомъ; внутреннее откровеніе займетъ мѣсто внѣшняго авторитета; религія станетъ внутреннимъ, непосредственнымъ созерцаніемъ божества; всѣ тайны откроются, и исполнится пророчество Іереми, что самъ Богъ будетъ учителемъ каждаго и напишетъ свой законъ въ мысляхъ и сердцахъ всѣхъ, и все земное величіе посрамится предъ небеснымъ. (31, 33. § 4).

Эти мысли на такого человѣка, какъ Мюнцеръ, должны были произвести глубокое впечатлѣніе, и произвели въ дѣйствительности. Но мистицизмъ не убилъ въ немъ здравый смыслъ, какъ думали нѣко-

рые. Мюнцеръ понималъ многія вещи гораздо свѣтлѣе Лютера и его послѣдователей. Будь это иначе, онъ не имѣлъ бы столько послѣдователей. Прежде всего Мюнцеръ былъ понятнѣе народу въ своихъ проповѣдяхъ, потому что не толковалъ исключительно о вѣрѣ, какъ это дѣлали ученики Лютера, а напротивъ, требовалъ христіанской дѣятельности.—Лютеръ, говорилъ Мюнцеръ, поднимаетъ вѣру слишкомъ высоко, а дѣла опускаетъ низко; онъ оставляетъ народъ въ его старыхъ грѣхахъ, и его мертвыя проповѣди о вѣрѣ вредятъ евангелію больше, чѣмъ папистское ученіе.—Съ этимъ согласился впоследствии и Лютеръ, когда онъ писалъ, что нынче люди одержимы семью бѣсами, тогда какъ прежде были одержимы только однимъ.

Въ тѣ времена всеобщей восторженности повсюду явленіе очень обыкновенное при подобномъ религиозномъ настроеніи. Все и повсюду было возбуждено; религиозный элементъ проникалъ вездѣ и всему придавалъ особенный характеръ. Наклонность къ мистицизму и къ фанатизму составляла общую черту времени. Но больше всего грѣшила въ этомъ отношеніи тюрингенская мѣстность, гдѣ даже процвѣтала еще старинная секта духоборцевъ, называвшихъ себя крестовыми братьями. Эти братья явились наконецъ и тамъ, гдѣ проповѣдывалъ теперь Мюнцеръ. Сектаторы отвергали тѣлесное присутствіе Христа въ евхаристіи, церковныя церемоніи и священство. Въ то же время они хвалились непосредственнымъ откровеніемъ, созерцаемъ божественнаго и явленіями, и сами вѣрили въ это твердо. Главой братства былъ нѣкто Никлаасъ Шторхъ, суконщикъ, полагавшій, что ему дано свыше основать «тысячелѣтнее царство». По примѣру Христа, онъ овружилъ себя двѣнадцатью апостолами и семидесятью двумя учениками. Братство проповѣдывало приближеніе суда божьяго, который постребитъ всѣхъ грѣшныхъ и безбожныхъ, очиститъ міръ кровью и оставитъ въ живыхъ только добродѣтельныхъ. Тогда-то наступитъ на землѣ царство божіе и будетъ одна вѣра, одно крещенье.

Меланхтонъ вполне вѣрилъ въ этихъ, какъ ихъ называли, цвикаускихъ пророковъ. «Изъ многихъ признаковъ видно, говорилъ онъ, что въ нихъ присутствуетъ извѣстный духъ». Курфюрстъ Фридрихъ Саксонскій долго нерѣшался дѣйствовать противъ нихъ, потому что боялся подавить въ нихъ орудіе божіе. Но Лютеръ думалъ иначе; однако, когда разъ, въ доказательство своего небеснаго посланія и

дара предвидѣнія, пророки сказали Лютеру, что онъ думаетъ, и когда они удачно угадали, что онъ склоняется въ ихъ пользу, то и самъ Лютеръ призналъ въ нихъ присутствіе духа или силъ, но, по своему обыкновенію, не божественныхъ, а злыя демоической, саганнцской». Этимъ способомъ Лютеръ обыкновенно объяснялъ все то чего онъ не понималъ.

Лютеръ не вѣрилъ въ ихъ даръ пророчества, но и не возсталъ на нихъ, потому что думалъ воспользоваться ими, какъ орудіемъ. Онъ даже принялъ открыто ихъ сторону, хвалилъ съ кафедры Никласа Шторха и думалъ уже приступить къ реформѣ въ ихъ духѣ, когда городской совѣтъ запретилъ имъ проповѣдывать. Мюнцеръ утверждалъ, что нужно дозволить имъ проповѣдь; но совѣтъ стоялъ на своемъ, и когда они выступили враждебно противъ церковныхъ церемоній и магистрата, то слишкомъ горячившихся пророковъ посадили въ тюрьму.

Духовидцамъ это не понравилось; они видѣли, что имъ не взяты перевѣсы, и потому большая часть партіи оставила городъ. Одни отъправились въ Виттенбергъ, другіе въ Богемію. Между послѣдними былъ и Мюнцеръ.

Богемія, гдѣ дѣйствовали гусситы, была, повидимому, хорошей почвой для Мюнцера. Онъ выступилъ здѣсь смѣло и рѣшительно, и сказалъ въ Прагѣ горячую проповѣдь, совершенно въ тонѣ пророка и человѣка посланнаго свыше, призывая богемскихъ братьевъ на очищеніе міра отъ зла и общая имъ честь и славу, что у нихъ оснуется обновленная апостолическая церковь и распространится по всему свѣту. Чтобы возстать рѣзко на духовенство въ такомъ большомъ городѣ, какъ Прага, среди народа ему совершенно незнакомаго, нужно было имѣть, разумѣется, не только много смѣлости, но и полное убѣжденіе въ своемъ призваніи. А это-то именно убѣжденіе и давало силу Мюнцеру. Въ душѣ его было много смутнаго и дикаго, того, что создаетъ фанатика; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ согрѣтъ такой любовью къ человечеству, что всѣ силы своей страстной природы, все, что въ немъ было хорошаго и дурнаго, направилъ къ одной цѣли—освобожденію своего народа. Это стремленіе, развившееся до восторженности, овладѣло Мюнцеромъ такъ сильно, что ему казалось, что его влечетъ высшій, нисходящій на него духъ, и что онъ именно призванъ совершить то дѣло, за которое взялся. Но Мюнцеръ не былъ фанатикомъ събивовеннаго разбора:

онъ не мечталъ, не плавалъ въ одномъ туманѣ; опъ рассчитывалъ, соображалъ, обдумалъ все строго и дѣйствовалъ по опредѣленному плану. Мюнцеръ имѣлъ большое сходство съ Магометомъ, но онъ былъ молодъ, мало развитъ политически, не имѣлъ военныхъ талантовъ, и потому въ своей горячности увлекся на дѣло, превышавшее его силы.

Горячая проповѣдь Мюнцера кончилась тѣмъ, что онъ долженъ былъ оставить Богемію; преслѣдованіе не охладило его, и трудности его не пугали; онъ безъ боязни смотрѣлъ на терновый вѣнецъ народнаго избавителя и считалъ безбожнымъ не уподобиться Христу страданіями.

Въ Альтштетѣ, въ Тюрингенѣ, гдѣ онъ является послѣ этого въ должности проповѣдника, онъ устроилъ всю службу на нѣмецкомъ языкѣ. Проповѣди его по библіи, по евангелію привлекали народъ толпами; народъ изъ дальнихъ и ближнихъ окрестностей валилъ въ Альтштетъ, чтобы слушать Мюнцера. Самъ же онъ, иди все дальше и дальше, задумалъ наконецъ употребить государей для распространенія новой проповѣди силой. Онъ писалъ, между прочимъ, саксонскимъ курфюрстамъ: «Господь сказалъ: я пришелъ водрузить не миръ, а мечъ. Что же должны вы имъ дѣлать? Ничего больше, какъ удалить злыхъ и противниковъ евангелія, если вы хотите остаться слугами божьими. Христось строго повелѣлъ: возьмите мнѣхъ враговъ и изрубите ихъ предъ моими глазами. (Лука 19, 27). За что? За то, что они портили царство Христа. Тѣ, кто противится божьему откровенію, должны быть удалены безъ всякой пощады, какъ были разогнаны служители Ваала Іосіей, Даниломъ и Ильей, ипаче христіанская церковь не можетъ придти къ ея первоначальной чистотѣ. Нужно вырвать плевелы изъ вертограда господня во время жатвы. Богъ повелѣлъ: вы не должны миловать идолослужителей, но разрушите ихъ алтари и столбы ихъ да сокрушите, и дубравы ихъ да посѣчете, и ваянія боговъ ихъ да сожжете огнемъ.»

Когда онъ увидѣлъ, что его предложеніе не принимаютъ, онъ задумалъ обратиться къ помощи народа и составить общій громадный союзъ для возстановленія новаго царства божія, царства братскаго равенства, свободы и непорочности. Все что портитъ Христову паству, все что погружаетъ народъ въ бѣдствія, всякая деспотія буквы и все мѣшающее свободному развитію должно быть устранено. Весь нѣмецкій народъ, всѣ христіане должны быть привлечены въ

союзъ и приглашены для совокупной борьбы, для освобожденія міра и для восстановленія христіанскаго равенства. И государи не должны быть исключены изъ этого союза; имъ нужно тоже напомнить объ общемъ братствѣ, и можно дѣйствовать противъ нихъ только въ томъ случаѣ, если они откажутся отъ соединенія. Все должно быть общимъ: трудъ и собственность; каждому дается по его нуждѣ и обстоятельствамъ.

Чтобы устроить союзъ на такихъ началахъ, Мюнцеръ разослалъ людей по всѣмъ концамъ Германіи, и самъ въ то же время говорилъ на эту тему проповѣди и напечаталъ цѣлый рядъ брошюръ и листовъ, чтобы распространить свои мысли по Германіи. Тогда-то на него возсталъ Лютеръ. Онъ писалъ къ саксонскимъ курфирстамъ, что такъ какъ ложные пророки не хотятъ остановиться на словѣ, но думаютъ пустить въ дѣло и кулаки и возстать на власть силой, то онъ проситъ государей вооружиться противъ такого безчинства. Мюнцеръ же, съ своей стороны, упрекалъ открыто Лютера въ томъ, что онъ церковь, исторгнутую отъ папы, передалъ въ руки государей и хочетъ самъ сдѣлаться новымъ папой. Что онъ нападаетъ только на бѣдныхъ монаховъ, поповъ и купцовъ, тогда какъ безбожныхъ правителей никто не судитъ и не наказываетъ, хотя они попираютъ Христа ногами и не хотятъ отказаться отъ своихъ притѣсненій и поборовъ. Что онъ прежде возставалъ и на пртезави й, и даже недавно еще, чтобы удовлетворить народъ, онъ писалъ, что дурные правители сокрушатся по слову божію; но, какъ видно, по выѣ виттенбергскій папа сѣумѣлъ опять сойтись съ государями: онъ даритъ имъ монастыри и церкви, чтобы они остались имъ довольны. Курфирсты, разумѣется, приняли сторону Лютера, и Мюнцеръ долженъ былъ оставить Саксонію.

Нужно замѣтить, что Мюнцеръ обладалъ огромной силой рѣчи: каждое слово его было, какъ молоть; его вдохновеніе и восторженность дѣлали изъ него настоящаго пророка. Зная библію, какъ свои пять пальцевъ, Мюнцеръ изъ нея ковалъ свое оружіе; когда нужно было опровергать существующее, говорилъ противъ церкви или свѣтскаго управленія, онъ громилъ ихъ библейскими текстами и картинами патріархальныхъ добродѣтелей; его рѣчь гремѣла, какъ буря, и изумленный народъ впивался въ своего учителя, слѣдя за каждымъ его словомъ, движеніемъ, взглядомъ. Мюнцеръ зналъ хорошо, какою онъ имѣетъ силу надъ народомъ. Разъ онъ проповѣ-

дываль противъ изваяній и изображеній, употребляемыхъ въ католическихъ церквяхъ; а недалеко отъ города находилась капелла, куда стекались въ большомъ числѣ богомольцы. Народъ, возбужденный рѣчами Мюнцера, началъ грозить капеллѣ, и Мюнцеръ предупредилъ жившаго въ ней монаха. Только-что тотъ успѣлъ удалиться, какъ народъ бросился на капеллу, разбилъ все, что въ ней было, и сжегъ ее. Это-то обстоятельство и было одной изъ причинъ, что Лютеръ обратился противъ Мюнцера къ курфирстамъ.

Лютеръ возсталъ рѣзко противъ Мюнцера и всѣхъ тѣхъ народныхъ проповѣдниковъ, ученіе которыхъ не сходилось съ его собственнымъ. Вѣроятно, онъ боялся, что они могутъ помѣшать его дѣлу. Въ этомъ случаѣ Лютеръ дѣйствовалъ весьма непослѣдовательно. Вооружаясь противъ безбожнаго насилія и духовной тираніи католическихъ правительствъ, онъ самъ поступалъ точно такъ же относительно своихъ евангелическихъ противниковъ. «Противъ ихъ хитростей и обмановъ,—говорилъ онъ открыто,—я, ради спасенія души, считаю для себя все дозволеннымъ». Свобода печати, которой онъ самъ пользовался безусловно, не существовала для его противниковъ; онъ добился строгаго преслѣдованія ихъ полиціей, запрещенія печатать и публиковать ихъ листки и сочиненія, уничтоженія того, что уже напечатано, изгнанія ихъ типографчиковъ и даже ихъ семействъ. Въ особенности несправедливъ былъ Лютеръ противъ Карльштата, своего прежняго друга. Самъ Лютеръ, еще въ 1520 г., говорилъ о немъ, «что это человекъ невообразимой учености, что онъ превосходѣйшимъ образомъ объяснилъ Августина и что его сочиненіе «Мистическая нѣмецкая теологія» послѣ библіи и Августина есть лучшая книга». Долго шли они вмѣстѣ, такъ что Лютера звали большимъ свѣтомъ, а Карльштата малымъ. Болѣе пылкій и радикальный, чѣмъ Лютеръ, Карльштатъ выступалъ рѣзче на реформаціонный путь. Въ Виттенбергѣ народъ, возбужденный его рѣчами, уничтожилъ иконы въ соборѣ; онъ возсталъ противъ нищенства монаховъ, говорилъ, что въ христіанскомъ мірѣ нищихъ не должно быть, что пусть молодые монахи займутся ремеслами или искусствами; студентамъ онъ посоветовалъ тоже отправиться домой и приняться за ремесла или за земледѣліе; онъ говорилъ, что, подобно апостолу Павлу, каждый проповѣдникъ обязанъ добывать свой хлѣбъ ремесломъ. Самъ Карльштатъ отправился въ деревню къ своему тестю, надѣлъ крестьянскій кафтанъ, велѣлъ звать себя не докторомъ, а просто

сосѣдомъ или братомъ Андреемъ. Слова и примѣръ Карльштата по-дѣйствовали на студентовъ такъ, что университетъ опустѣлъ. Это взбѣсило Лютера; онъ пріѣхалъ изъ Вартбурга въ Виттенбергъ, куда воротился также и Карльштатъ,—и Лютеръ объявлялъ, что онъ не находитъ ничего особенно неправильнаго въ церковныхъ нововведеніяхъ Карльштата, но только сатана слишкомъ принуждалъ его поспѣшить. Не всякому принадлежить право дѣлать все то, что справедливо; но достаточно, если будетъ исполнять одинъ; кому это повелѣно. Многія изъ нововведеній, начатыхъ Карльштатомъ, Лютеръ впослѣдствіи продолжалъ; но его задѣло то, что Карльштатъ его предупредилъ, дѣйствовалъ безъ его согласія и вмѣшался въ его дѣла. Поэтому Лютеръ обрушился на него всей силой своей проповѣди и сталъ уничтожать всѣ его нововведенія. Это было первой ссорой между прежними друзьями. Но когда въ своихъ нападкахъ на Карльштата онъ требовалъ, чтобы ему запретили проповѣдывать, и хотѣлъ изгнать его изъ Орпанионде,—гдѣ народъ принималъ его съ радостью и гдѣ, напротивъ, Лютеръ потерпѣлъ великій скандалъ, такъ что только поспѣшнымъ стѣздомъ спасся отъ руготни и каменьева, которыми уже приготовились въ него кидать,—съ этихъ поръ судьба Карльштата была рѣшена, и Лютеръ настоялъ, чтобы онъ и его другъ Рейнгардъ были изгнаны изъ Саксоніи. Въ особенности же вооружило Лютера противъ Карльштата то, что послѣдній какъ разъ въ это время сталъ отвергать пресуществованіе и что это ученіе было принято первыми людьми въ Обергеймѣ, страасбургцами и даже Цвингли;—или, какъ выражался Лютеръ, что ядъ Карльштата проникъ повсюду. Ошибка Лютера въ этомъ случаѣ была въ томъ, что, положивъ въ основу своего религіознаго движенія свободное изслѣдованіе, онъ допускалъ его безгражданно только въ примѣненіи къ своему собственному дѣлу и не хотѣлъ, чтобы оно шло дальше тѣхъ границъ, которыя онъ ему назначилъ. Между тѣмъ тѣ, кто пошелъ инымъ путемъ, чѣмъ Лютеръ, тѣ, кто послѣ изслѣдованія религіозной истины обратился къ изслѣдованію истинъ политическихъ,—поступали только какъ люди, которымъ Лютеръ завоевалъ право свободнаго мышленія. Они хотѣли воспользоваться этимъ правомъ—и больше ничего; слѣдовательно, вооружаясь противъ нихъ, Лютеръ вооружался противъ собственного дѣла. Если право свободно мыслить и говорить принадлежало Лютеру — оно принадлежало и всѣмъ; если же имъ не могли

пользоваться всё—не могъ пользоваться имъ и Лютеръ. Но реформаторъ не понималъ и не предвидѣлъ, что пробитый имъ путь поведетъ къ болѣе разностороннему умственному движенію, чѣмъ то, которое было доступно его пониманію, и, при своей пылкой, огневой натурѣ, онъ обрушился всёми силами на тѣхъ, кто не хотѣлъ вращаться въ начерченномъ имъ кругѣ.

Если бы Лютеръ понималъ вполнѣ свою историческую роль, онъ бы не заперся въ свой тѣсный, замкнутый кругъ, изолировавъ себя отъ всёхъ тѣхъ, кто шелъ тѣмъ же путемъ. Ему не слѣдовало отвергать ни Мюнцера, ни Карльштата, ни Цвингли, ни Бальвина, а напротивъ, соединиться съ ними и составить одинъ общій планъ дѣйствій. Крайности бы смягчились, раздраженіе и противодѣйствіе, увлекавшее нерѣдко людей дальше того, куда имъ было идти не рассчитать, не существовали бы, и Германія, да и все человѣчество выиграло бы отъ реформациі гораздо больше при дружеской работѣ первыхъ, лучшихъ людей вѣка, чѣмъ при той войнѣ; какую они вели другъ съ другомъ. Въ этой враждебности и упорствѣ реформаторовъ на мелочахъ, которыя не стоили вниманія, заключается величайшая ихъ ошибка. И больше всёхъ ошибался въ этомъ отношеніи Лютеръ; другая его ошибка въ томъ, что онъ не хотѣлъ сдѣлать ни одного шагу для улучшенія свѣтскихъ—общественныхъ отношеній. Отказавшись отъ политики, онъ заставилъ тѣмъ рѣзче выступить на этомъ поприщѣ Мюнцера и Генриха Пфейфера.

Пфейферъ былъ тоже монахъ и выступилъ проповѣдникомъ по примѣру Лютера. Но, кромѣ церковнаго поученія и борьбы съ церковными злоупотребленіями, Пфейферъ пошелъ и противъ злоупотребленій свѣтскихъ. Его двѣнадцать пунктовъ, составленные для Мюльгаузена, были первообразомъ подобныхъ же требованій и въ другихъ мѣстахъ Германіи, и послужили впоследствии для Мюнцера знаменемъ, вокругъ котораго собралось его франкенгаузенское ополченіе. Этими пунктами заявлялось требованье, чтобы всё поля, виноградники и луга, принадлежащіе церкви, и всё монастырскія имѣнья были проданы и затѣмъ платили бы узаконенные налоги; чтобы народъ не былъ обязанъ служить графамъ и дворянамъ; подати, десятины и барщина, какого бы ни было происхожденія—церковнаго или свѣтскаго,—никто не обязанъ болѣе платить, за исключеніемъ только тѣхъ, которые существовали дѣйстви-

лѣтъ назадъ. Воды, выгоны и охота составляютъ общую собственность, и каждый можетъ ими пользоваться, на сколько ему нужно. Никакой горожанинъ и крестьянинъ не могутъ быть заключены въ тюрьму за обыкновенныя вины, а только въ случаѣ обвиненія въ уголовномъ преступленіи. Даже наказаніе виновныхъ должно быть мягкое, человѣческое.

Писать подобныя пункты было старымъ обычаемъ. Простой человѣкъ обозначалъ въ нихъ свои неудовольствія и жалобы. — Велѣдъ за пунктами Пфейфера явился протестацин крестьянъ и въ другихъ мѣстахъ. Число пунктовъ бывало, разумѣется, разное, смотря по пуждамъ народа и мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ Вюрцбургѣ, на примѣръ, крестьяне составили 50 пунктовъ, во Франкфуртѣ 41, въ Мюнширѣ 34, въ Питалѣ 19 и т. д. Но самое большое значеніе пріобрѣли знаменитыя верхошвабскіе 12-ть пунктовъ, сдѣлавшіеся общимъ манифестомъ и съ быстротою молніи распространившіеся по всей Германіи. Пункты эти касаются тѣхъ же общихъ основныхъ вопросовъ — личной свободы и облегченія матеріальныхъ тягостей, но они замѣчательны по своему тону. Чтобы познать ихъ съ ними читателя ближе, я приведу нѣкоторыя. Въ первыхъ двухъ пунктахъ говорится о выборѣ священниковъ, проповѣдн, десятицъ. Пунктъ третій: «Въ-третьихъ, до сихъ поръ былъ обычай, чтобы насъ держать, какъ собственность, что достойно сожалѣнія, ибо Христосъ искупилъ и освободилъ всѣхъ своею драгоценною пролитію кровью — какъ послѣдняго пастуха, такъ и самаго высокаго человѣка, безъ исключенія. (Исаи. 53. 1. Петр. 1. 1. Кор. 7. Рим. 13). Поэтому-то и говорится въ писаніи, что мы свободны; и мы хотимъ быть свободными. (Кн. Прем. 6. 1. Петр. 2.) Но это не значитъ, чтобы мы не хотѣли имѣть начальства: тому Богъ насъ не учить...» и т. д. — «Въ-четвертыхъ, былъ до сихъ поръ обычай, что ни одинъ бѣдный человѣкъ не смѣлъ ловить звѣря, птицу или рыбу въ текущихъ водахъ, что кажется намъ непристойнымъ и не братскимъ, своекорыстнымъ и несогласнымъ съ словомъ божьимъ. Также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начальство, во вредъ намъ, бережетъ дикихъ животныхъ, и такимъ образомъ, Богомъ данное человѣку на пользу поживрается даромъ бесполезными звѣрями, и мы должны еще молчать, хотя это противъ Бога и противъ ближняго. Когда Богъ создалъ человѣка, онъ далъ ему власть надъ всѣми звѣрями, надъ всѣми птицами въ воздухѣ

и надъ всѣми рыбами въ водахъ. (1. Моис. 1. Дѣя. Ап. 19. 1. Тим. 4. 1. Кор. 10. Колос. 2)...» и т. д.—Въ двѣнадцатомъ пунктѣ крестьяне говорятъ: «если одинъ или многіе изъ изложенныхъ пунктовъ несогласны съ словомъ божьимъ инесогласіе это будетъ указано намъ и доказано священнымъ писаніемъ, то мы отступаемся отъ своего требованья.»

Изъ самаго способа изложенія этихъ пунктовъ, въ которыхъ каждая мысль подтверждена ссылками на св. писаніе, можно видѣть, какое значеніе они имѣли для народа и какую твердую вѣру имѣлъ народъ въ свою правоту. И дѣйствительно, если его учили вѣрить св. писанію, а писаніе говоритъ, что съ нимъ обращаются не такъ, какъ велѣлъ Богъ, то кому же больше вѣрить, Богу или людямъ? Оттого-то простой человекъ и сказалъ въ заключеніе: докажете мнѣ словомъ божьимъ, что я ошибаюсь, и я отступлюсь отъ своихъ словъ. Онъ зналъ, что доказать этого ему нельзя. Этимъ глубокимъ убѣжденіемъ въ божественную правоту своихъ требованій объясняется и увѣренность крестьянъ, что Богъ ихъ заступникъ и что перевѣсъ остается на ихъ сторонѣ.

Въ этомъ былъ убѣжденъ и Мюнцеръ, который однако не полагался на исключительную божью помощь, и потому не пренебрегалъ и другими вещами, особенно когда дѣло шло о томъ, чтобы имѣть вліяніе на народъ. Такимъ образомъ онъ охотно заимствовалъ отъ анабаптистовъ нѣкоторые релігіозные знаки и формы, считая ихъ годными для своей дѣли.—Кстати замѣчу, что Мюнцера напрасно обвиняли въ анабаптизмъ, а другіе даже видѣли въ немъ основателя этой секты,—все это ложь. Ни онъ, ни его ученики не были никогда анабаптистами, а Мюнцеръ только пользовался болѣе вылыми сектаторами для своего дѣла.—Мюнцеръ увѣрялъ, что онъ имѣлъ откровенія во снѣ и въ видѣніяхъ. И когда, уединившись въ своей комнатѣ и предавшись своимъ размышленіямъ, онъ начиналъ иногда говорить громко, то, вѣроятно, ему и самому вѣрилось, что онъ велъ бесѣду съ духомъ, и ужь конечно онъ не разувѣрялъ въ противномъ и народъ. Такъ, когда онъ жилъ еще въ Альштегѣ, къ нему приходилъ разъ одинъ его послѣдователь и слышитъ, что въ комнатѣ говорятъ двое. Отворивъ дверь и найдя Мюнцера одного, онъ спросилъ, кто былъ съ нимъ? — Я, — отвѣтилъ Мюнцеръ, — спрашивалъ духа, что я долженъ дѣлать завтра. — Ну, и что же? онъ сейчасъ и далъ отвѣтъ? — Да, сказалъ Мюнцеръ. —

Онъ бралъ на себя роль пророка не потому, чтобы онъ ее выдумалъ и разыгрывалъ, какъ театральную сцену, а потому, что въ его восторженной натурѣ были всѣ элементы для того, чтобы считать себя призваннымъ на такое дѣло. Лютера еще ни одинъ нѣмецъ не считалъ ни притворщикомъ, ни лгуномъ, но и Лютеръ былъ убѣжденъ, что его устами говоритъ духъ, и многіе изъ народа считали его «божьимъ человекомъ», и Меланхтонъ писалъ, и говорилъ о немъ, какъ о «пророкѣ». Наконецъ извѣстно, что Лютера посѣщали галлюцинаціи; такъ, въ Вартбургѣ явился къ нему разъ чортъ, и Лютеръ пустилъ въ него чернильницею. Чернильное пятно на стѣнѣ и до сихъ поръ показываютъ путешественникамъ. Подобныя же галлюцинаціи, но чаще, посѣщали и Мюнцера. Тогда былъ вѣкъ религиозной восторженности, и цѣлыя секты, напр. цвѣтскіе проповѣдники, анабаптисты, духовидцы, состояли перѣдко изъ людей, имѣвшихъ галлюцинаціи и иллюзіи.

Народной восторженности, его вѣрѣ въ своихъ проповѣдниковъ и въ ожиданіе чего-то чрезвычайнаго способствовали разныя явленія въ природѣ и галлюцинаціи цѣлыхъ народныхъ массъ. То видѣли вокругъ солнца три круга и горящій факелъ, то два круга вокругъ мѣсяца съ крестомъ посрединѣ. Въ Венгріи видѣли на небѣ сражавшихся коронованныхъ людей; на Рейнѣ, среди бѣлаго дня, слышали въ воздухѣ шумъ и трескъ оружія, точно будто бы происходила битва. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ родились отъ животныхъ невиданные уроды; въ другихъ—ангсты или вороны п галви вели сильную вражду. На югѣ толковали о землетрясеніи. Въ Швабіи, Баваріи и Австріи свирѣпствовала болѣзнь въ родѣ чумы. Къ этому присоединились еще ливни, кометы, особенности во временахъ года. Въ послѣдніе три года зима была такъ тепла, что бѣдные люди ходили босикомъ и мухи летали, какъ лѣтомъ; въ февралѣ цвѣли вишни. Но за то на святой наступила зима. Плоды погубли и во многихъ мѣстахъ наступила нужда. Все это, разумѣется, сильно дѣйствовало на народное воображеніе; всѣ ждали чего-то необычайнаго и ожиданіе это было не только въ простомъ народѣ, но и въ томъ сословіи, которое пользовалось мудростью астрологовъ. Астрологи же предсказывали, что въ 1524 году произойдутъ такія измѣненія, о какихъ никто никогда не слыхивалъ. А въ народѣ сложилась поговорка: «кто въ 1523 году не умретъ, въ

1524 устоятъ и въ 1525 не будетъ убитъ, тотъ можетъ говорить о чудесахъ.

Въ то время, какъ народные проповѣдники и посланцы Мюнцера и Поейфера волновали Германію, а дворянство и духовенство еще болѣе разжигали народное неудовольствіе своей неуступчивостью, лучшіе изъ народа составили совѣтъ, чтобы порѣшить, какъ помочь родинѣ. Совѣтъ этотъ собрался въ Гейльбрунъ и составилъ слѣдующій «проектъ необходимыхъ преобразованій на пользу благочестивыхъ и для благосостоянія всѣхъ христіанскихъ странъ.»

1) Всѣ духовные, какъ высшіе, такъ и низшіе, будутъ реформированы и получать необходимое для ихъ существованія; ихъ имущества поступаютъ на общественныя надобности.

2) Всѣ свѣтскіе господа будутъ реформированы, чтобы бѣдный человѣкъ не былъ ими утѣсняемъ въ ущербъ его христіанской свободѣ: всѣ будутъ пользоваться одинакими правами, высшіе и низшіе. Государи и благородные должны защищать бѣдныхъ и держать себя по братски, довольствуясь честнымъ доходомъ.

3) Всѣ города и общины будутъ реформированы по божественному и естественному праву для христіанской свободы.

4) Никакой докторъ римскаго права не можетъ быть допущенъ въ судѣ или въ совѣтѣ правителей. Но въ каждомъ университетѣ будетъ по три доктора императорскаго права, чтобы обращались къ нимъ за совѣтомъ въ случаѣ нужды.

5) Никакой духовный, высшій или низшій, не можетъ засѣдать въ правительственномъ совѣтѣ, не можетъ имѣть никакой свѣтской должности.

6) Всѣ свѣтскія права имперіи, существовашія до сихъ поръ, отмѣняются и кончаются; дѣйствуетъ только божественное и естественное право, чтобы и бѣдный человѣкъ имѣлъ такой же доступъ къ праву, какъ сильный и богатый. Во всѣхъ судахъ имперіи, безъ исключенія, засѣдаютъ всѣ четыре сословія; но такъ, что народъ имѣетъ въ каждомъ судѣ четырьмя голосами болѣе.

7) Всѣ пошлины прекращаются, включая необходимыхъ для мостовъ и дорогъ.

8) Всѣ дороги свободны.

9) Подати прекращаются всѣ, кромѣ императорской, собираемой разъ въ десять лѣтъ.

10) Одна монета для всего нѣмецкаго народа.

11) Вездѣ одна мѣра и одинъ вѣсъ.

12) Ограниченіе роста большихъ мѣняль, привлекающихъ всѣ деньги въ свои руки и утѣсняющихъ бѣдныхъ и богатыхъ.

13) Освобожденіе дворянства отъ духовно-леннаго обязательства.

14) Прекращеніе отдѣльныхъ союзовъ государей, господъ и городовъ: вездѣ защита и покровительство только императора.

Нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ составляютъ для Германіи и до сихъ поръ мечту. Но тогда политическія преобразованія казались людямъ легко-достижимыми. И дѣйствительно, если весь расчетъ основывался на народѣ, то конечно препятствій не встрѣтилось бы никакихъ. Но кромѣ народа были еще и государи, и поддержка ихъ была всего необходимѣе. Изъ всѣхъ государей былъ только одинъ, на котораго можно было рассчитывать: самый вліятельный и лучший изъ всѣхъ — Фридрихъ Мудрый саксонскій. Когда начались народныя волненія, онъ сказалъ: «это божій судъ и наказаніе, которое свѣтскіе и духовные государи и господа навлекли на себя жестокостями и тираніей противъ подданныхъ и неисполненіемъ евангелія». Умирая, онъ собралъ вокругъ себя всю свою домашнюю челядь и обратился къ ней съ слѣдующими словами: «любезныя дѣти, если я обидѣлъ кого-либо изъ васъ, простите меня ради Бога. Мы, государи, дѣлаемъ бѣднымъ людямъ многое, чего не слѣдуетъ». Это былъ единственный государь того времени, который управлялъ своими народами не огнемъ и мечомъ, а кротостью и любовью; онъ никогда не хотѣлъ присоединяться къ тѣмъ, кто думалъ усмирять волненія казнями и насиліями; онъ хотѣлъ предоставить все Богу, и совѣтовалъ другимъ государямъ облегчить народныя тягости, снять съ подданныхъ ярмо и этимъ привести ихъ къ послушанію. Если предназначено, чтобы народъ пришелъ къ господству, говорилъ онъ, то никто не устоитъ противъ этого; если же на это нѣтъ божьей воли, то всѣ эти волненія продолжатся недолго. Только Фридриху Мудрому Лютеръ обязанъ своею жизнью и своимъ дѣломъ; безъ него Лютеръ погибъ бы, можетъ быть, подобно Гуссу. Къ этому-то государю и задумали обратиться свѣтскіе реформаторы, чтобы начать свои гражданскія преобразованія. Но когда они рѣшили это, Фридрихъ умеръ и дѣла пошли тѣмъ кровавымъ путемъ, на которомъ и народъ, и государи точно будто бы хотѣли превзойти другъ друга жестокостью.

И не смотря даже на смерть Фридрихъ Мудраго, дѣла могли бы

еще поправиться, если бы Лютеръ захотѣлъ стать во главѣ гражданской реформы. Послѣ появленія двѣнадцати пунктовъ, онъ было вздумалъ явиться примирителемъ; онъ говорилъ властямъ объ ихъ насилияхъ, онъ говорилъ, что не народъ возстаетъ на нихъ, но самъ Богъ, и что нужно ослабить утѣсненія и дать бѣдному человѣку воздухъ и мѣсто, чтобы онъ могъ свободно дышать и жить; «нужно сдѣлать уступки, нужно удовлетворить человѣческому праву», писалъ Лютеръ.

Этотъ добрый порывъ былъ, однако, непродолжителенъ. Лютеръ скоро бросился на свой старый путь. Много было причинъ тому. Во-первыхъ, его оскорбляло неуваженіе народа, который высказывалъ полную симпатію къ своимъ проповѣдникамъ и не обращалъ вниманія на Лютера, когда тотъ думалъ убѣждать его къ покорности. Далѣе, во главѣ народа стояли его злѣйшіе враги, Карлыштатъ и Мюнцеръ, которыхъ онъ ненавидѣлъ всею силой своей страстной натуры. Наконецъ, какъ на бѣду, пришло извѣстіе объ убійствѣ графа Гельфенштейна—дѣло, въ которомъ въ сущности не было ровно никого виноватыхъ, а ужъ если бы и приходилось кого винить, то конечно графа, за его прежніи вѣроломныя убійства крестьянъ.—Противники реформациі, въ родѣ герцога Георга, приписали не только это дѣло, но и все народное движеніе винѣ Лютера и его реформы. По ихъ мнѣнію, если бы Лютеръ не вздумалъ подняться противъ Папы, то и христіане сидѣли бы смирно. Это окончательно взбѣсило Лютера. Забывъ о томъ, что онъ самъ одобрилъ 12-ть пунктовъ, не разобравъ, отчего случилось убійство Гельфенштейна и кто былъ виноватъ въ этомъ, Лютеръ обрушился не на тѣхъ, кто бралъ приступомъ замокъ графа, а на всѣхъ крестьянъ Германіи безъ исключенія, и написалъ воззваніе «противъ убійцъ и разбойниковъ крестьянъ».

«Теперь они стоятъ совѣмъ виѣ закона, писалъ онъ; ихъ нужно преслѣдовать, рубить, колоть, тайно и явно, кто можетъ, убивать, какъ бьютъ бѣшеную собаку»... «Начальство, говоритъ онъ въ концѣ, которое медлитъ, дѣлаетъ грѣхъ, потому что крестьянинъ не удовлетворяется тѣмъ, что становится самъ чортомъ, но онъ принуждаетъ къ злу и къ гибели многихъ благочестивыхъ. Поэтому, любезные господа, освободите и спасите ихъ; колите, бейте, рубите, кто можетъ. А останешься ты мертвымъ на мѣстѣ — благо тебѣ; болѣе спасительной смерти ты никогда не достигнешь». Католическіе враги Лютера сказали тогда.—«Онъ самъ зажегъ этотъ огонь, а теперь

разжигаетъ начальство, чтобы колоть, рубить, убивать, и убѣждаетъ ихъ достигнуть этимъ путемъ царства небеснаго; и когда загорится всюду, онъ захочетъ опять тушить, но уже нельзя будетъ помочь». Съ этихъ же поръ, слыша лютеранскій колоколь, сзывающій на проповѣдь, паписты говорили: «вотъ бьютъ въ колоколь убійствъ». Такимъ образомъ Лютеръ, желавшій, въ началѣ реформаци, идти мирнымъ путемъ и называвшій Мюнцера и его послѣдователей «пророками убійствъ», самъ сдѣлался такимъ же пророкомъ и былъ одной изъ главныхъ причинъ дальнѣйшихъ кровопролитій крестьянской войны.

Когда дѣла стали въ такое положеніе, то о мирномъ исходѣ, конечно, нельзя было и думать. Мюнцеръ не хотѣлъ торопиться; онъ желалъ, чтобы народное возстаніе организовалось въ цѣлое и окрѣпло. Онъ не сомнѣвался въ побѣдѣ, но боялся только, чтобы господа не перехитрили мужиковъ. И надобно согласиться, что Мюнцеръ былъ правъ, потому что крестьяне въ эту войну теряли постоянно оттого, что попадались въ ловушку. Но не такъ случилось, какъ разсчитывалъ Мюнцеръ. Поейсеръ думалъ, что они своей медленностью упускаютъ удобный случай, и, не обращая вниманія на доказательства Мюнцера, что они недостаточно сильны, побуждалъ его выступить въ поле. Мюнцеръ былъ монахъ, ученый, а не воинъ. Подъ Франкенгаузеномъ, въ первой стычкѣ съ Филиппомъ, ландграфомъ гессенскимъ, былъ разбитъ и бѣжалъ вмѣстѣ съ остатками своего войска, удѣлѣвшаго отъ канібальства наемниковъ Филиппа. Мюнцеръ скрылся въ одномъ домѣ въ Франкенгаузенѣ, былъ узнанъ и приведенъ къ побѣдителямъ. Эти спросили его, зачѣмъ онъ увлекъ бѣдный народъ и подвергнулъ его такому кровопролитію?—И онъ съ той силой духа, которая отличала его, какъ проповѣдника, отвѣчалъ, что онъ поступилъ правильно, начавъ войну для наказанія тѣхъ правителей, которые противятся евангелію; что они дѣйствуютъ безъ милосердія противъ христіанской свободы и что за это ихъ слѣдовало обуздать. Если же при этомъ были побиты крестьяне, то это его не касается, потому что они и сами не хотѣли дѣйствовать иначе. Тогда двадцати-однолѣтній ландграфъ Филиппъ вздумалъ читать лютеровское наставленіе о повиновеніи старшимъ этому человѣку, которому внимала съ энтузіазмомъ вся Германія, который былъ страшенъ своимъ словомъ даже самому Лютеру. Мюнцеру показалось это уже слишкомъ навнымъ, и онъ

не удостоить ландграфа отвѣтомъ изъ гордости, а тотъ потомъ говорилъ, что ему удалось переспорить реформатора. Не диспутомъ, разумеется, кончилось дѣло. Мюнцера подвергли страшной пыткѣ, и когда боль заставила его крикнуть, то герцогъ Георгъ сказалъ ему съ добродушіемъ: «видишь, Томасъ, тебѣ дѣлаетъ это боль, а подумай-ка, каково бѣднымъ людямъ, которые по твоей милости сегодня побиты?» И Георгъ, вѣрно, думалъ, что онъ разсуждаетъ по христіански и умно. Пыткой, однако, они ничего не добились отъ Мюнцера, и потому отправили его къ мастеру этого дѣла, жестокому графу Эрнсту Мансфельдскому. Здѣсь съ нимъ распорядились иначе, такъ что въ придачу лихорадки отъ ранъ, сдѣланныхъ пыткой, онъ выпилъ двѣнадцать кружекъ воды. Герцогъ Георгъ и нѣкоторые изъ графовъ присутствовали на пыткѣ и допрашивали его о соучастникахъ; но онъ показалъ только тѣхъ, кто палъ въ битвѣ, но никого изъ живыхъ.

Пфейферъ былъ разбитъ въ другомъ мѣстѣ и взятъ въ плѣнъ съ 92 человекъ. Всѣхъ ихъ привели въ Мюльгаузенъ и казнили вмѣстѣ. Пфейферъ умеръ, не произнеся ни слова, безъ страха, съ презрѣніемъ къ смерти воина.

Мюнцера привели тоже въ Мюльгаузенъ прикованнымъ къ телѣгѣ. Когда вывели его на казнь, то подошли къ нему князья, и герцогъ Георгъ обратился къ реформатору съ увѣщаніями, желая конечно вразумить, по его мнѣнію, неразумнаго. «Худо поступилъ ты, Томасъ, что оставилъ свой орденъ, снялъ клобукъ и взялъ жену.» А молодой ландграфъ поспѣшилъ дополнить поученіе: «не это худо, Мюнцеръ, сказалъ онъ, а худо то, что ты взволновалъ народъ.»

Выслушавъ все это, прикованный поднялся и съ спокойствіемъ и твердостью духа, котораго не сломила пытка и физическія страданія, обратился къ окружающимъ. Онъ сказалъ, что предпринялъ дѣло, превышавшее его силы, и просилъ государей и князей, стоявшихъ подлѣ, чтобы они съ бѣдными людьми, своими подданными, не были слишкомъ жестоки, если не желаютъ подвергнуться той опасности, какой подвергались. Чтобы они внимательно читали св. писаніе и особенно вниги Самуила и Царствъ, гдѣ найдутъ довольно поучительныхъ примѣровъ — и пусть это да послужить имъ урокомъ.

Мюнцеръ замолчалъ и ждалъ смертнаго удара. Затѣмъ палачъ сдѣлалъ свое дѣло, и голова Мюнцера скатилась.

Головы Мюнцера и Пфейфера еще долго послѣ этого были выставлены на колыяхъ—на большихъ дорогахъ.

IV.

Существуетъ мнѣніе, довольно распространенное, что въ каждой странѣ и въ каждое время есть запасъ великихъ людей, которымъ недостаетъ только случая обнаружить свои силы. Въ примѣръ приводятъ Наполеона, который при иныхъ обстоятельствахъ остался бы, можетъ быть, весь свой вѣкъ артиллерійскимъ поручикомъ. Если подъ величіемъ понимать односторонность, то конечно справедливо и мнѣніе, правленъ и примѣръ; но если великими людьми считать только тѣхъ историческихъ дѣятелей, которые служили полными представителями стремленій своего народа въ извѣстную эпоху, то, за исключеніемъ Вашингтона, новая исторія цивилизованнаго міра не представляетъ другого примѣра. Реформація лучше всего подтверждаетъ справедливость этого заключенія.

Едва ли обстоятельства могли быть болѣе благоприятны для обнаруженія и развитія талантовъ отдѣльныхъ личностей, какъ въ это время общей восторженности и сильнаго напряженія умовъ.

Все что Германія имѣла въ себѣ замѣчательнаго, все выступило впередъ — Лютеръ, Мюнцеръ, Кальвинъ, Цвингли. Лютеръ и Кальвинъ, какъ представители болѣе односторонняго, Мюнцеръ и Цвингли — болѣе широкихъ стремленій. Но ни въ одномъ изъ нихъ не соединилось все, что было необходимо для той полной реформы, въ какой нуждалась страна. Только нѣжный, боявшійся сквознаго вѣтра, Меланхтонъ могъ думать, что общее движеніе, обратившее нѣсколько милліоновъ, и столкновеніе самыхъ широкихъ и разнообразныхъ интересовъ могли быть покончены домашнимъ, мирнымъ образомъ. Слѣдовательно, кромѣ книжной учености и монашескихъ добродѣтелей, реформаторамъ нужно было имѣть и военные таланты, но ни въ одномъ изъ нихъ не было и зерна военнаго смысла. Если бы реформой, во всемъ ея широкомъ объемѣ, долженъ бы былъ управлять одинъ человѣкъ, то онъ могъ бы быть приготовленъ только въ ла-

бораторіи, — для этого нужно бы было истолочь въ ступкѣ Лютера, Мюнцера, Кальвина, Цвингли, Юлія Цезаря и Наполеона, и изъ этой смѣси вылѣпить гиганта и поставить его во главѣ дѣла. Но такихъ людей нельзя готовить въ лабораторіи, если не дѣлаетъ ихъ сама природа; а потому, при враждебности, какую обнаружили реформаторы другъ къ другу, нужно было ожидать, что они выполнятъ только десятую долю своей задачи, а остальное предоставятъ закончить будущимъ поколѣніямъ. И не въ недостаткѣ народнаго сознанія было дѣло — программа была составлена; но въ Германіи не нашлось человѣка способнаго ее выполнить. Даже и свою одностороннюю задачу Лютеръ разрѣшилъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Однимъ словомъ, Германія въ реформаціи поступила такъ же, какъ поступала она всегда и поступаетъ еще и въ наши дни — отлично сообразила теоретическую часть, а когда коснулось дѣло до пранттики, то мудрецы оказались слабы и не нашлось вождей.

Но и при всѣхъ своихъ слабыхъ сторонахъ, реформація обнаружила такую зрѣлость народной мысли и была такъ плодотворна для всего міра, что конечно исторія древняго Рима не представляетъ ничего подобнаго.

Римскій народъ зналъ только одно: обращаясь къ своимъ правителямъ, онъ кричалъ: «хлѣба и зрѣлищъ!»! Его не смущало ни рабство, ни жизнь чужимъ трудомъ, ни полное поглощеніе его личности государствомъ. Принципы, заявленные людьми, вызвавшими и создавшими реформаціонное движеніе, — уже не этого закала. Здѣсь личность стремится къ полной свободѣ. Реформаторы говорятъ: мы хотимъ, чтобы община сама назначала себѣ проповѣдника и могла бы его смѣщать; проповѣдникъ долженъ былъ проповѣдывать по евангелію, не прибавляя къ этому ничего изъ послѣдующихъ человѣческихъ учений; духовники не могутъ занимать никакихъ общественныхъ должностей и выполнять свѣтскихъ обязанностей. Всѣ люди свободны и равны передъ закономъ, а потому человѣкъ не можетъ составлять собственности человѣка, и всѣ — богатые и бѣдные, сильные и слабые, — пользуются одинаковыми правами и одними, общими для всѣхъ законами. Никто ни на кого не долженъ работать даромъ: каждый трудъ долженъ получать свое вознагражденіе. Судьи должны судить безпристрастно; а для этого въ нихъ засѣдаютъ всѣ сословія. Наказанія не должны быть жестоки, въ тюрьму могутъ быть заключаемы только обвиняемые въ уголовныхъ преступленіяхъ.

Въ каждомъ изъ этихъ основаній проглядывало стремленіе къ самостоятельности въ духовныхъ и въ матеріальныхъ интересахъ. Авторитетъ папы въ дѣлахъ церкви отвергнуть; судьей совѣсти уже не онъ, спасеніе идетъ не отъ него; а всему основой вѣра, т. е. личное сознаніе человѣка, внутреннее свидѣтельство его духа.

Въ вопросахъ свѣтскаго, общественнаго значенія, хотя сдѣланы только намеки и нѣтъ того развитія, какого достигли вопросы духовнаго содержанія, но и въ этомъ немпогомъ указано прочное основаніе и отдѣлены, какъ ихъ называли реформаторы, «человѣческія выдумки» отъ законовъ природы и естественнаго права существовавшего ранѣе государства. Основываясь на разумной натурѣ человѣка, реформаторы хотѣли, чтобы существовало право, вытекающее изъ потребностей этой природы и независимое отъ авторитета государства, подобно искусственному римскому праву.

Въ государствѣ они видѣли общественный порядокъ, учрежденный людьми для защиты своихъ правъ, вольностей, благосостоянія. Каждый находится въ государствѣ ради своего благосостоянія. и правительство обязано это частное благосостояніе имѣть своей задачей. Мюнцеръ считалъ этотъ вопросъ до того важнымъ, что даже въ послѣднія минуты своей жизни обратился еще разъ къ государямъ и просилъ ихъ не забывать своихъ обязанностей относительно своихъ подданныхъ.

Однимъ словомъ, вмѣсто прежнихъ, весьма широкихъ, но отвлеченныхъ и невыгодныхъ римскихъ понятій, гдѣ государство было все, а человѣкъ — ничто, реформаторы провозгласили гражданскую свободу каждаго отдѣльнаго человѣка, народное право, народное благосостояніе. Все это было заявлено какъ требованіе, какъ теорія; но со смертью Мюнцера, когда дѣло свѣтскихъ реформаторовъ было проиграно, даже и теорія эта должна была искать себѣ пріюта болѣе безопаснаго, чѣмъ какой представлялся ей въ Германіи. Съ этихъ поръ отвергнутый принципъ жилъ только въ ученіяхъ отдѣльныхъ сектъ и только сектаторы являются представителями прогрессивной исторіи.

Кромѣ ученія Мюнцера, на образованіе и развитіе послѣдующихъ сектъ имѣли наибольшее вліяніе анабаптисты. Они стремились не только къ полному преобразованію церкви, исправленію нравовъ и общественныхъ порядковъ, но и хотѣли учредить общину истинно-вѣрующихъ, хорошихъ, правственныхъ людей. Они думали осуществ-

вить вполне христіанское ученіе о братской любви и составить своимъ союзомъ вѣрующіхъ особое политическое царство, какъ видимое проявленіе на землѣ царства божія. Чтобы попасть въ этотъ союзъ, нужно было принять новое крещеніе и отказаться отъ всей прежней мірской грѣховности. Анабаптисты проповѣдывали общеніе мучащихся и полное отреченіе отъ всякаго насилія и пролитія крови. Поэтому анабаптисты не могъ принять начальническаго мѣста, поступить въ военную службу, употреблять смертоносное оружіе, дать присягу. Вѣруя, что непосредственное божественное вдохновеніе и откровеніе нисходятъ на каждаго члена союза, и что всѣ имѣютъ одинаковое право на благодать, они не допускали ни священства, ни особаго сословія духовныхъ наставниковъ. Каждый братъ, почувствовавшій вдохновеніе, могъ поучать другихъ. — Послѣ пораженія анабаптистовъ, они разсыпались по всей Европѣ, пока Меннокъ не собралъ ихъ въ Нидерландахъ и въ сѣверной Германіи въ нѣсколько небольшихъ общинъ. По имени этого священника, они назвались Меннонитами. Меннониты не признаютъ священника, крещенія дѣтей, не даютъ присяги, не поступаютъ въ военную службу, не ведутъ тяжбъ, отличаются строгимъ, простымъ образомъ жизни и благочестіемъ.

Квакеры держатся такихъ же основаній. Непосредственное откровеніе составляетъ ихъ основной догматъ. Они убѣждены въ томъ, что каждый можетъ удостоиться божественнаго откровенія, если углубится съ полной вѣрой и чистымъ сердцемъ въ самосозерцаніе. Такое личное вдохновеніе каждаго они ставятъ выше поученія библіи, и полагаютъ, что для людей, посѣщаемыхъ этимъ внутреннимъ свѣтомъ, не нужны уже никакія внѣшнія или наружныя выраженія божественныхъ таинствъ. Допуская, такимъ образомъ, одну духовную церковь, опивотвергаютъ священство, внѣшніе обряды, они не признаютъ военной службы, не даютъ присяги, считаютъ всѣхъ вполне и совершенно равными, и потому смотрятъ на власть нѣсколько иначе. Секта эта, находящаяся въ прямой связи съ анабаптизмомъ, была основана въ Англіи, почти чрезъ 120 лѣтъ послѣ казни Мюнцера, сапожникомъ Фоксомъ, въ 1649 г.; явилась она вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, какія создавали и другія секты. Фоксъ былъ пораженъ общимъ развратомъ и грѣховностью, угѣсеніемъ, которыя терпятъ слабые и бѣдные, и ради спасенія людей пошелъ проповѣдывать покаяніе и соединеніе ихъ въ союзъ друзей.

Но самой важной, по своему историческому значенію, является секта пуританъ или индепендентовъ. Это были люди строгихъ, простыхъ нравовъ, глубоко-проникнутые христіанскимъ ученіемъ и вѣрой въ божье всемогущество. Познаніе этого высшаго существа считали они величайшей цѣлью жизни. Богъ и совѣсть—вотъ единственные руководители человѣка. Свѣтская власть занимаетъ, по ихъ ученію, уже второстепенное мѣсто; она заслуживаютъ уваженія и повиновенія только въ той мѣрѣ, на сколько удовлетворяетъ правосудію и нравственности. Дѣйствуя иначе, она навлекаетъ на себя гнѣвъ божій и гибнетъ. Погруженные въ помыслы о высшихъ интересахъ человѣка, пуритане усвоили суровый взглядъ на всѣ земныя отношенія, почести и отличія. Они одинаково смотрѣли на знатныхъ и простыхъ, сильныхъ и слабыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, потому что все людское величіе и сила ничтожны предъ божьимъ всемогуществомъ. Это безграничное поклоненіе Богу и увѣренность, что они его единственные избранныки, давали пуританамъ необыкновенную нравственную мощь; они съ презрѣніемъ смотрѣли на богатыхъ и сильныхъ, считая себя богаче всѣхъ, какъ осѣненные высшей благодатью. Такой взглядъ на жизнь и на людскія отношенія могли усвоить, конечно, только люди сильные духомъ, и вся исторія пуританъ показала, что они именно были такими. Въ ученіи пуританъ немалая доля принадлежитъ вліянію Мюнцера.

Всѣ эти качества были не такого свойства, чтобы могли обратить на пуританъ благосклонное вниманіе англійскаго правительства. Особенно не правилось ихъ притязаніе на свободное мышленіе и духовную независимость. Даже Елисавета, обязанная своимъ престоломъ протестантской религіи, смотрѣла неблагоклонно на пуританъ. «Кто нападаетъ на церковныя учрежденія, говорила она, тотъ оскорбляетъ меня, какъ власть установленную Богомъ; паписты—миѣ личные враги; а сектаторы—враги всякаго королевскаго правительства».—На пуританъ поднялись гоненія; но они были не такого сорта люди, чтобы это могло ихъ смирить; напротивъ, они становились мрачнѣе и строптивѣе, и составили наконецъ сильную партію. Крайніе выдѣлялись изъ нихъ подъ названіемъ индепендентовъ; это были представители полной личной свободы и демократическихъ началъ—свободы въ религіи, въ мысли, въ рѣчи и въ печати.

Во время междоусобной войны въ Англіи, индепенденты перенесли свои свободныя воззрѣнія съ церкви на государство и пошли противъ короля. Какимъ значеніемъ пользовались они въ войнѣ парламента съ королемъ, видно изъ донесенія Ферфокса парламенту. Когда Кромвель, глава индепендентовъ, хотѣлъ оставить войско, то Ферфоксъ писалъ, что Кромвель ему необходимъ, что только онъ одинъ можетъ начальствовать надъ копницей, и что гдѣ онъ съ своимъ богобоязненнымъ войскомъ бьется во имя Господне, тамъ всегда побѣда. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого королевское войско было разбито и совершенно разсѣяно индепендентами. Съ восшествіемъ на престолъ Карла II начались гоненія на пуританъ.

Если устранить всѣ чудачества и все мистическое, заключающееся въ ученіи анабаптистовъ, квакеровъ и даже пуританъ, то останется очень простая сущность, — а въ ней-то и главное дѣло, потому что все остальное только оболочка, дѣйствующая на внѣшнія чувства и воображеніе. Всѣ эти сектаторы хотѣли общаго братства и равенства въ гражданскихъ отношеніяхъ; нѣкоторые же, для устраненія бѣдности, допускали и общеніе имущества; они требовали строгой нравственной жизни, доходившей у нѣкоторыхъ до такой суровости, что они не допускали даже никакихъ свѣтскихъ удовольствій; они требовали согласія, мира, справедливости и евангельской любви; всякое насиліе и произволъ исчезали при этомъ, конечно, сами собой; наконецъ они хотѣли полной свободы совѣсти, мысли и слова.

Но именно въ этой простотѣ и заключается вся трудность. Если бы во время реформаціи всѣ люди были способны понимать и дѣйствовать такъ, какъ понимали и дѣйствовали реформаторы, то конечно не было бы особеннаго труда водворить на землѣ то благоденствіе, о которомъ мечтали патриоты. Если бы всѣ люди были способны жить правдивой и суровой жизнью пуританъ и квакеровъ, то реформаторамъ пришлось бы умереть съ голоду, потому что реформировать имъ было бы нечего. Въ томъ-то и дѣло, что исполненіе простыхъ житейскихъ правилъ, проповѣдуемыхъ новыми христіанскими учителями, требовало тѣхъ же качествъ, которые встрѣчаются у людей только хорошей натуры, у людей лучшихъ. И какъ эти лучшіе люди не были въ состояніи заставить всѣхъ держаться своихъ правилъ, то имъ осталось только одно — выдѣлиться и составить свои отдѣльные союзы. Такимъ образомъ, на секты вре-

мень реформаціи нужно смотрѣть, какъ на выдѣленіе изъ общества благонамѣренныхъ и энергическихъ людей, желавшихъ жить иною жизнью и имѣвшихъ для того достаточно твердости характера и силы воли. Теперь будетъ понятно, почему пуритане пользовались такимъ нравственнымъ вліяніемъ во времена Карла I и при Кромвелѣ; почему они и квакеры лучше согласились подвергнуться всѣмъ случайностямъ переселенія въ незнакомую и дикую страну, чѣмъ измѣнить хотя на іоту своимъ принципамъ. Такъ поступаютъ только люди очень честныхъ убѣжденій и желѣзнаго характера. Результатъ этого переселенія читателю извѣстенъ — явился союзъ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ, — это дѣтище реформаціи, практическое осуществленіе выраженныхъ тогда стремленій. Уже разумѣется, Лютеръ никакъ не предполагалъ, что вслѣдствіе его богословскаго спора явится за океаномъ новое, самое сильное, богатое и цвѣтущее государство, съ населеніемъ болѣе тридцати милліоновъ!

Въ то время, какъ пуритане и квакеры устроивали въ Америкѣ свое новое государство и освобождали его отъ метрополи, континентъ Европы знакомился все болѣе и болѣе съ принципами, заявленными въ реформаціи, и наконецъ на столько освоился съ ними, что почувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобы измѣнить средневѣковыя учрежденія. Это случилось въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Слѣдовательно Европѣ понадобилось триста лѣтъ, чтобы осуществить желанія и стремленія лучшихъ людей временъ реформаціи; между тѣмъ эти желанія принадлежали не двумъ-тремъ энтузіастамъ или утопистамъ, не исключительно Мюнцеру или Пейферу; напротивъ, и Мюнцеръ, и Пейферъ, и всѣ ихъ ученики были только сознательнымъ, яснымъ выраженіемъ того, что не умѣли формулировать милліоны нѣмецкаго народа, представителемъ нуждъ котораго они явились. А сторонники медленнаго прогресса все увѣряютъ, что нужно идти тише. Неужели и это скоро? Фактъ этотъ можетъ пригодиться для тѣхъ горячихъ и скорыхъ людей, которые быстроту своего личнаго развитія хотятъ сдѣлать масштабомъ развитія народа или вліятельныхъ, такъ называемыхъ образованныхъ сословій. Вѣдь только для этихъ образованныхъ нѣмцевъ и потребовалось триста лѣтъ, потому что народъ былъ согласенъ на всѣ преобразованія еще въ 1522 году. Не одна горячая надежда разбилась объ этихъ образованныхъ людей, да вѣроятно еще долго-

долго будутъ изображать они собой подводные камни житейскаго моря. И не смотря на то, что Европа переживала триста лѣтъ все одну и ту же мысль, осуществленіе ея не было вовсе такъ легко и просто, какъ бы можно было ожидать.

Съ XIX-го вѣка наступилъ для передовыхъ государствъ Европы четвертый историческій моментъ — разрѣшеніе вопросовъ преимущественно экономическаго порядка. Это не значитъ однако, чтобы всѣ старые вопросы были покончены, чтобы съ идеями римскаго величія Еврона распростилась окончательно, чтобы гражданское равенство установилось вполнѣ, чтобы появленіе новаго Наполеона I было невозможно, чтобы римское право не засушило мозговъ юристовъ, судей и всякихъ законниковъ, чтобы жестокія наказанія были вполнѣ отмѣнены, чтобы не существовало случаевъ произвола и насилія, чтобы благополучіе каждаго отдѣльнаго человѣка было бы задачей всѣхъ правительствъ, однимъ словомъ, чтобы евангельское равенство, справедливость и согласіе, о которомъ хлопотали реформаторы XVI столѣтія, вытѣснило бы вполнѣ римскую сухость и каменность, съ его военнымъ громомъ. Барабанъ еще гремитъ и труба трубитъ, и солдатъ ловится колоть штыкомъ и стрѣлять въ цѣль, и радуется, если попадетъ въ сердце, и практическіе, умные люди говорятъ, что безъ всего этого обойтись нельзя.

Чтобы осуществить мечты анабаптистовъ и квакеровъ, нужно воспитывать новыя поколѣнія въ началахъ гуманности и отвращенія отъ всякаго насилія и создать каждому отдѣльному человѣку матеріальное обезпеченіе и благосостояніе, ибо только тотъ гражданинъ — вполнѣ свободный человѣкъ, у кого есть вѣрный кусокъ хлѣба. Въ этомъ стремленіи и заключается историческая задача нашего вѣка.

и. Шелгуновъ.

ВЕНГЕРСКАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ Леопарди)

Мадьяръ, будь вѣренъ неизмѣнно
Родной странѣ своей!
Въ ней свѣтъ увидѣлъ ты впервые,
И ляжешь въ землю въ ней.
Она тебя раститъ, делѣтъ,
Пускаетъ въ дальній путь,
Ты на груди ея по смерти
Ложись отдохнуть.

На всемъ, на всемъ обширномъ свѣтѣ
Другого мѣста нѣтъ,
Гдѣ-бъ ты нашелъ такія ласки
И дружбу, и привѣтъ.
Здѣсь для борьбы съ своею судьбою
Носить ты долженъ мечъ,
Здѣсь долженъ ты и жить, и биться,
И славно въ землю лечь.

Мадьяръ, будь вѣренъ неизмѣнно
Родной землѣ своей!
Уже не разъ кровь нашихъ предковъ
Лилась рѣкой на ней.
И цѣлый рой воспоминаній
Живетъ на той землѣ,
Сверкая яркими звѣздами
Въ простертой всюду мглѣ.

Герой Арпадъ свои дружины
Здѣсь грозно велъ на бой,
И съ ними доблестно сражался
За свой очагъ родной.

Здѣсь мечъ героя Гуніада
 Враговъ своихъ крошилъ,
 И силу ихъ, и иго рабства
 Надолго сокрушилъ.

Свобода! часто развѣивалась
 Твоя знамена здѣсь
 И за тебя вставалъ съ восторгомъ
 Нашъ край родимый весь.
 И наши лучшіе собратья,
 Краса родной земли,
 Въ борьбѣ кровавой, неустанной
 Костями здѣсь легли.

О, край родной! Ударовъ много
 Ты видѣлъ отъ судьбы,
 Потрясся ты до основанья
 Отъ губельной борьбы;
 Но и подъ бременемъ ударовъ
 И бѣдствій, и невзгодъ,
 Остался живъ, хотя согбенный,
 Нашъ доблестный народъ.

Онъ живъ, онъ живъ—и неустанно
 Взываетъ къ міру онъ,
 И громко по свѣту несется
 Его великій стонъ.
 Тысячелѣтнія страданья
 Ужасно вопіютъ,
 И жизнь или смерть родному краю
 Настойчиво зовутъ.

Не можетъ быть, чтобъ столько крови
 Впивалось землей
 Лишь для того, чтобъ былъ позоромъ
 Покрытъ нашъ край родной;

Не можетъ быть, чтобъ, видя муки
Своей родной земли,
Сердца высокiя бесплодно
Страданiя несли!

Не можетъ быть, чтобъ эти силы,
И теплыя сердца,
И этотъ духъ высоко-мощный,
И храбрость безъ конца—
Лишь потому погибли жалко
Въ борьбѣ съ своей судьбой,
Что тяжело лежитъ проклятье
Надъ нашею страной.

Не можетъ быть!.. Пора иная,
Соотчичи, придетъ,—
Придутъ тѣ дни, которыхъ каждый
Съ такою вѣрой ждетъ;
Тѣ дни, что цѣлыя милльоны,
Упавши ницъ въ молебъ,
Съ глубокой, гжучею тоскою
Давно зовутъ къ себѣ!

А если намъ тѣ дни увидѣтъ
Не суждено судьбой,
То смерть придетъ—и въ морѣ крови
Все унесетъ съ собой.
Придетъ она за всѣми нами,
И грудь земли тогда
Надъ трупомъ цѣлаго народа
Сомкнется навсегда.

И будутъ чуждые народы,
Раскрывъ свои сердца,
Смотрѣтъ на страшную могилу
Народа—мертвеца.

И обратятъ туда миллионы
 Печальные глаза,
 И въ тѣхъ глазахъ сверкнетъ печально
 Сочувствія слеза!

Такъ будь же вѣренъ неизмѣнно,
 Мадьяръ, странѣ своей!
 Въ ней свѣтъ увидѣлъ ты впервые
 И ляжешь въ землю въ ней.
 Она хранитъ тебя, лепѣтъ,
 И павшаго тебя
 Привѣтнымъ дерномъ покрываетъ,
 Страдая и любя!

На всемъ, на всемъ широкомъ свѣтѣ,
 Другого мѣста нѣтъ,
 Гдѣ-бъ ты нашелъ такія ласки
 И дружбу, и привѣтъ.
 Здѣсь для борьбы съ своей судьбою
 Носить ты долженъ мечъ,
 Здѣсь долженъ ты и жить, и биться,
 И славно въ землю лечь!

И. Вейнбергъ.

МЕЖДУ ЛЮДЬМИ.

(Изъ воспоминаній прошлаго).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ ПРОВИНЦІИ.

I.

Воспитаніе мое было очень плохое. Если бы мнѣ привелось родиться отъ образованныхъ родителей, съ которыми бы я прожилъ лѣтъ пятнадцать, если бы при этомъ я имѣлъ хорошихъ товарищей и получилъ реальное образованіе, изъ меня, можетъ быть, на девятнадцатомъ году вышелъ бы человѣкъ порядочный и на столько развитой, на сколько можно при реальномъ образованіи развиться въ эти года. Но родитель мой, при бѣдности своей, былъ пьяница, человѣкъ грубый, и все его образованіе состояло въ томъ, что онъ умѣлъ кое-какъ сочинять письмо, въ которомъ, какъ я замѣтилъ изъ чтенія, описывались нужды и жалобы на то, что онъ обиженъ судьбою. Мать моя, которую я не помню, говорятъ, была добрая женщина, красавица и умница. На сколько была она умна, я не знаю, да и воспитатели мои не могли объяснить это. Запало ли что нибудь въ мою кровь изъ ея свойствъ, была ли во мнѣ частичка ея характера, я, не видавши ее, судить не могу; только воспитатели говорили, что я похожу на нее, упрямятъ такъ же, какъ и она, и такъ же, какъ и она, люблю постоять на своемъ. Воспитатели мои, дядя и

тетка, были люди неразвитые, непонимавшіе, что такое книги; при бѣдности своей, они думали, что если я буду учиться въ гимназій, имъ не на что будетъ кормить меня и одѣвать. Дядя нигдѣ не учился, выросъ на заводѣ, рано поступилъ въ почталыоны и въ продолженіе всей своей службы думалъ только о томъ, какъ бы приобрѣсти побольше денегъ, да получше угодить своему начальству. Разныя неудачи привели его къ тому заключенію, что если начальство беретъ доходы, то отчего же и ему не брать ихъ, но если начальство дѣлаетъ пакость, ему какое дѣло... Дома онъ жилъ такъ: придеть со службы, раздѣнется молча; молча обѣдаетъ со мной или теткой, и если скажетъ что нибудь, такъ только какое нибудь замѣчаніе; послѣ обѣда спать ляжетъ; если ему не спится, онъ долго курить лежа или играетъ на скрипкѣ: «барыню», «среди долины ровныя» и «выйду-ль я на рѣченьку». Больше онъ не умѣлъ играть, и эта тяжелая музыка, надоѣдавшая часто мнѣ, продолжалась иногда очень долго. Если не хотѣлось ему играть; онъ пѣлъ тѣже «среди долины ровныя», «я вечеръ во лугахъ гуляла» и «возлѣ рѣчки, возлѣ мосту», причемъ ему подтягивала тетка очень не громко, себѣ подъ носъ, гнусливымъ голосомъ. Но дядя игралъ и пѣлъ больше послѣ чаю. Послѣ чаю, если ему не зачѣмъ было идти въ почтовую контору, онъ очень скучалъ; пѣсни ему надоѣдали, съ женой говорить нечего; онъ шелъ въ халатѣ въ почталыонскую холостую и тамъ имъ игралъ съ почталыонами въ карты-бабки, или только смотрѣлъ на играющихъ, или слушалъ разные рассказы о разныхъ почтмейстерахъ; шелъ въ контору и тамъ тоже слушалъ разные сплетни, но самъ не сплетничалъ. Видимо дядя скучалъ и, ненавидя вообще всякія игры, которыя онъ называлъ вадоромъ, онъ не зналъ, какъ провести время, и потому очень любилъ свое занятіе по своей должности въ конторѣ и дѣлалъ почти все самъ. Поэтому онъ ничего не могъ дать хорошаго для моего развитія, да если бы я сказалъ ему: «вы меня не развиваете, а мѣшаете моему развитію, у меня голова кружится отъ моихъ мыслей», онъ обругалъ бы меня, не понялъ бы меня — какое-де ему надо развитіе, и сказалъ бы мнѣ: убирайся вонъ... Онъ былъ убѣжденъ, что сдѣлалъ все для моего развитія: онъ воспиталъ меня, хлопоталъ за меня въ то время, когда я дѣлалъ большія глупости не по лѣтамъ, отдалъ меня въ уѣздное училище и имѣеть теперь мой аттестатъ объ окончаніи курса въ этомъ училищѣ, и промѣ этого, я подъ его руководствомъ узналъ

всю лоттовую премудрость. Онъ видѣлъ, что я расту съ него; въ разговорѣ моихъ замѣчалъ, что я знаю больше его; зналъ, что я умѣю красиво переписать, кое-что сочинить, даже что-то такое, о чемъ онъ не имѣеть ни малѣйшаго понятія, — и радовался этому. Радовался онъ этому потому болѣе, что я кончилъ курсъ въ университетѣ, имѣю права, могу служить, могу получить чинъ — и, стало быть, чего же мнѣ еще надо? Я долженъ благодарить его, что онъ на ноги меня поставилъ... А что мнѣ еще нужно учиться — это онъ считалъ неслѣпостью. Также съ нимъ ссладилась и жена его, моя тетя. Эта женщина была очень неразвита. Воспитывалась она очень бѣдно, съ десяти лѣтъ торговала на рынкѣ галанчами, на семнадцатомъ сидѣла въ лавочкѣ и на восемнадцатомъ году вышла замужъ за почтальона, которому она поправилась лицомъ и которого она впоследствии очень полюбила. Не обученная грамотѣ, путавшаяся въ денежныхъ расчетахъ, она хороша была для мужа тѣмъ, что умѣла хорошо стряпать и печь, умѣла шить, любила чистоту и старалась во всемъ угодить *самому*, который былъ для нея выше всего на свѣтѣ. Ей ничего не нужно было, кромѣ того, чтобы мужъ ея былъ здоровъ. Безъ мужа она бы погибла, потому что на чужихъ людей ей стыдно было работать, а ремесла она никакого не знала. При мужѣ она была сыта, спала въ волю, вѣдила знакомство только съ тѣми, кто ей нравился: больше ей ничего не нужно было, даже религія для нея послѣ мужа была на второмъ планѣ. — Могла ли эта женщина развить мой умъ? Нисколько. Она учила меня быть честнымъ, не воровать, любить и почитать старшихъ для того, чтобы они любили меня, а если старшіе будутъ любить меня, я буду жить такъ же, какъ и ея мужъ, мой дядя. — Часто я что нибудь рассказывалъ ей изъ исторіи; она удивлялась, но черезъ недѣлю забывала. Она даже забыла много молитвъ, не знала, кто раньше жилъ: Авраамъ или Христосъ, вѣрила предрасудкамъ и снамъ, гадала въ карты, ходила въ ворожеямъ и т. п. Изъ моихъ рассказовъ она выводила то заключеніе, что я очень уменъ, и удивлялась: отчего это я много знаю, а она и дядя ея ничего не знаютъ? Я говорилъ ей, что я еще ничего не знаю, мнѣ надо еще многому учиться; она морщилась и говорила: «будетъ. Зачитаешься — съ ума сойдешь». Еще чернокнижникомъ сдѣлаешься»..

Но былъ ли я на самомъ дѣлѣ уменъ, какими считали меня дядя и тетя? По ихъ разумѣнію, я былъ уменъ и мнѣ больше образе-

вываться пѣтъ надобности, такъ какъ они думали, что я уже все знаю, знаю больше ихъ, и слава Богу. Не хотѣли они бѣльшаго моего образованія потому еще, чтобы я не зазнался и не отдѣлился отъ нихъ. По моему же понятію выходило то, что хотя я и зналъ больше дяди, но зналъ очень мало.

Въ дѣтствѣ я принялъ много побоевъ, изучилъ хорошо различные способы воровства, за что былъ крѣпо наказываемъ. Моя тяжелая жизнь дѣтства, прошедшая безъ ласкъ, безъ утѣшеній, сдѣлала меня задумчивымъ; и я часто не на шутку задумывался: что я за человѣкъ такой? для чего я живу и какую я припошу пользу? Я сталъ приглядываться къ жизни, къ людямъ, наблюдалъ надъ взглядами и манерами людей, потомъ сравнивалъ ихъ съ собою, съ дядей и теткой, но выходилъ какой-то хаосъ. Проводя большую часть дня безъ дѣла дома или на рѣкѣ, или въ лѣсу, я крѣпко задумывался о многомъ. Простору было много, но толку все-таки не выходило. Часто случалось, что я, сидя на рѣкѣ въ лодкѣ, глядѣлъ куда нибудь вдаль, глаза останавливались на одномъ мѣстѣ, а въ головѣ чувствовалась какая-то тяжесть и вертѣлись только слова: «какъ же это?.. отчего же это?..» и въ отвѣтъ ни одного слова. Очнешься и плюнешь въ воду; начнешь удить и думаешь: ахъ если бы у меня были деньги, я бы купилъ книгъ много, много, я бы все выучилъ... и человѣка бы такого надо, который бы объяснилъ мнѣ все это. Въ головѣ чортъ знаетъ что; осердишься, вздохнешь и скажешь: зачѣмъ же они взяли меня къ себѣ, измучили, сдѣлали изъ меня дурака? Зачѣмъ же я не остался такимъ же дуракомъ, какъ и почталыоны, нигдѣ не учившіеся, которые только и думаютъ объ томъ, какъ бы имъ паѣстся, напиться, поспать, да угодить начальству?.. И жилъ бы я какъ животное, а то вотъ все думаешь. все хочется узнать что и какъ, и отъ чего, и почему происходитъ, Узнаю я, другихъ буду учить, пользу какую нибудь принесу, спасибо скажутъ, а то что же за человѣкъ, когда я ничего не знаю, когда я гожусь только въ переписчики!

Многого мнѣ хотѣлось, много хотѣлось знать мнѣ, но мнѣ мѣшали, меня ругали за это жеманіе; и чтобы я не думалъ много, не сидѣлъ понапрасну долго и не маралъ понапрасну бумагу, дядя рѣшилъ опредѣлить меня на службу, какъ можно скорѣе. До сихъ поръ чиновный людъ я понималъ такъ, что они только пишутъ и за это получаютъ деньги и чины, но я не думалъ, чтобы они при-

носили кому набудь какую-нибудь пользу. Для кого же они пишут-то? думалъ я, и спрашивалъ дядю. Онъ говорилъ, что они служатъ.

— Кому? спрашивалъ я.

— Царю и отечеству.

— Что же они дѣлають?

— Служать.

Значить, думалъ я, кто пишетъ и кто носить форменную одежду, тотъ служить царю и отечеству. Что же они дѣлають? Дядя не объяснялъ, его знакомые тоже не объясняли и я думалъ: ужели у царя и отечества такъ много дѣла?.. Да, думалъ я, значить они служатъ и за это имъ дають чины такого рода, что они возвышаются во мнѣніи другихъ людей, гордятся этимъ, а раньше полученія чина, хлопчуть, чтобы получить этотъ первый чинъ. Дядя говорилъ, что получить чинъ не всякій можетъ, что чиновникъ избавляется отъ тѣлеснаго наказанія и не платитъ никакихъ податей.— «Чтожь, думалъ я, поступлю и я на службу, коли ужъ дядѣ не хочется, чтобы я учился; буду и на службѣ учиться. — Это самое важное—служба коронная, говорилъ дядя, на эту службу не всякъ можетъ поступить, и чиновника никакъ нельзя сравнить съ купцомъ или мѣщаниномъ, или солдатомъ, такъ же какъ нельзя сравнить почтальона съ сортировщикомъ или почтмейстеромъ. Дядя говорилъ это по своему понятію, и потому что онъ очень рано поступилъ на коронную службу; служить купцу или вообще частному лицу онъ считалъ послѣднимъ дѣломъ, не смотря на то, что у этихъ господъ служащіе получали гораздо больше жалованья, чѣмъ коронные. — «Тамъ служить кто?—мѣщане... А мѣщане подати платять, рекрутъ ставятъ; да и поправишься ты купцу—ладно, не поправишься—проговить; а въ нашей службѣ, шалишь, на все законъ, силой же выгонишь». Но какъ дядя ни рассуждалъ, а я чувствовалъ, что мнѣ не стерпѣть этой тяжелой службы, что мнѣ долго придется служить до чину, и я завидовалъ такимъ людямъ, которые на пятнадцатомъ году были уже чиновниками или на девятнадцатомъ году, кончивши курсъ въ университетахъ, поступали столоначальниками губернскихъ присутственныхъ мѣстъ или становыми приставами. . «Служи, говорилъ дядя, я тридцать лѣтъ служу и все жду чина»...

II.

Дядя ждалъ первый чинъ какъ нѣчто великое, особенное, что должно передѣлать его. Онъ никакъ не думалъ, что Богъ пошлетъ ему эту благодать, потому что ни отецъ его, ни вся его родня не имѣли чиновъ. Я тоже ждалъ этотъ чинъ и думалъ: что это такое? какъ изъ нечиновнаго дядя превратится въ чиновника?—Четыре раза по какому-то причинамъ ему отказывали отъ чина и дядя каждый разъ печалился отъ этихъ отказовъ. Чинъ ему нуженъ былъ еще и потому, что ему хотѣлось получить должность почтмейстера, а безъ чина его не хотѣли опредѣлить, хотя онъ и исправлялъ, во время отсутствія почтмейстеровъ, ихъ должности. Каждую почту онъ справлялся въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ»: не произведенъ ли онъ въ чинъ, и одинъ разъ самъ своими глазами увидалъ въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» свою фамилию и производство его въ коллежскіе регистраторы. Съ неописаннымъ восторгомъ дядя сообщилъ это теткѣ, которая отъ радости заплакала, но все еще плохо вѣрила.

— Ты бы хорошенько посмотрѣлъ.

— Ужь не безнохойся... Произведенъ.

— Слава тебѣ Господи. А ты бы еще посмотрѣлъ.

Но этому случаю тетка, посившая на головѣ косынку, купила теперь шляпку. Она была того убѣжденія, что шляпку слѣдуетъ носить только чиновницамъ.—Особенной перемены я не замѣтилъ ни въ дядѣ, ни въ теткѣ: дядя только хвалился своимъ чиновничествомъ.

— Теперь меня ни одна свинья не смѣетъ обижать, говорилъ онъ храбро.

— Ты бы того... Да у тебя въ которомъ мѣстѣ чинъ-то?

— Чинъ въ головѣ!

Тетка не понимала: она предполагала въ чинѣ какое нибудь отличие.

— Все бы надо что-нибудь...

— На бумагѣ произвели—прямо въ коллежскіе *регистраторы*. — Да.

— Ты бы скрутку съ позументомъ заказалъ.

— Закажу, когда буду почтмейстеромъ... А мнѣ, слышь, плохо

зѣрится, что и произведенъ въ чинъ. Чинъ,—чинъ говорятъ... Они бы звѣзду лавную набудъ дали.

— Тё-то. А то чиновникъ говорить, а кто тебя узнаеть, что ты чиновникъ.

— Въ головѣ, сказано, чинъ...

Повидимому, дядя обижался, что ему не дали такого отличія, по которому бы его всё люди знали, что онъ чиновникъ. Онъ ходилъ по прежнему въ контору въ сюртукъ, дома въ халатъ, но съ почтальонами уже не игралъ въ карты; по прежнему ѣлъ, пилъ, спалъ, пѣлъ и свучалъ, только почтальоны при встрѣчѣ стали снимать ему свои шапки, чего прежде не дѣлывали. Тетка надѣла новую шляпку, и эта шляпка была ей не къ лицу, какъ мнѣ показалось съ перваго раза и какъ показалось также почтальонкамъ, да и самой ей какъ то неловко было идти по улицѣ; такъ вотъ и казалось, что она думала: меня всё знаютъ, всё удивятся, что я чиновница. Дѣйствительно, нечиновныя ея знакомки удивлялись такому наряду и спрашивали:

— Чтой-то съ тобой? али муженекъ-то чинъ получилъ?

— Получилъ, слава тѣ Господи; первый чинъ получилъ.

— Слава тѣ Господи! Гляжось... а шляпка-то ровно у тѣ бокомъ, matka...

Тетка досадовала на это замѣчаніе. Раньше она многимъ почтальонкамъ говорила *вы*, теперь ей казалось неприлично говорить такъ и она говорила на ты, что очень обижало почтальонковъ; онѣ говорили промежь собой: завналась дѣвнѣ!.. не къ лицу это сѣдало напягла, и ругали мужей за то, что они, вахлаки, не купятъ нишъ шляпки для того, чтобы протереть глаза модницѣ, моей теткѣ.

Это произшествіе случилось какъ разъ въ то время, когда я кончилъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ, т. е. на девятнадцатомъ году моего существованія въ мірѣ семъ. По заведенному издавна порядку, дядѣ слѣдовало сдѣлать поздравку для почтовыхъ, на томъ основаніи, что онъ получалъ большую радость, которую должны раздѣлять и почтовые; но дядя не сдѣлалъ поздравки, говоря напрашивающимся: она важность, что я чинъ получилъ! А сколько я до него служилъ-то? Потрите-ка вы лампу-то...

— Да вѣдь вы получили и должны на радостяхъ сдѣлать поздравку.

— За што? Безъ васъ произвели бы—выслужилъ, значить.

Сталъ онъ просить губернскаго почтмейстера назначить его уѣзднымъ почтмейстеромъ; тотъ представилъ другого за сто рублей; открылась вакансія помощника почтмейстера въ одномъ богатомъ уѣздномъ городѣ; попросилъ онъ почтмейстера, тотъ отказалъ. Дядя послалъ прошеніе выше. До этого времени, онъ, въ надеждѣ на опредѣленіе, былъ нѣсколько веселъ и любезенъ съ теткой. Особенно онъ хвалилъ себя:

— Наткось, и я чиновникъ.

— И я чиновница, говорила тетка.

— Конечно, ты не кухарка какаянибудь... А все это по моей милости.

— У, ты мое золото!.. Тетка цѣловала дядю; дядя тоже цѣловалъ ее щетинистыми губами. А это случалось очень рѣдко, потому что онъ не любилъ любезничать, и я рѣдко замѣчалъ, какъ дядя цѣлуетъ тетку.

— Да, толкуй тутъ, а я свой родъ возвеличилъ! хорохорился дядя.

— Все божья воля.

— Ну ужь... А я все-таки одинъ изъ всего своего рода чинъ получилъ и тебя чиновницей сдѣлалъ, и Петюшку чиновникомъ сдѣлаю... Вотъ каковъ я!

Дядю опредѣлили помощникомъ почтмейстера туда, куда онъ просился. По этому случаю онъ сдѣлалъ поздравку—обѣдъ, на который пригласилъ почтовую аристократію. Тетка прилежно стряпала, послѣ стряпни нарядилась въ шелковое платье, бѣгала, суетилась, ворчала на меня; дядя тоже суетился и просилъ тетку не подгадить. Миѣ велѣно было сидѣть въ кухнѣ за дверьми. Я никогда не бываю среди «аристократіи» и потому миѣ очень хотѣлось узнать, что это за штуки такія. Въ двѣнадцать часовъ стали собираться гости со-всѣмъ трезвые, поздравляя дядю и тетку съ чиномъ и съ должностью. Когда собрались всѣ, выпили по рюмкѣ водки и вели разговоры какъ-то натянуто, какъ-будто находя, что они пришли къ человѣку низшаго сорта. Выпили по двѣ и по три, развязались языки, поздравляли дядю и тетку, за обѣдомъ больше молчали и отшучивались, подсмѣиваясь надъ угловатостью дяди. Дядя и тетка усердно подчивали, говорили имъ любезности, и особенно усердствовали передъ губернскимъ почтмейстеромъ, которому они льстили, поддакивали и старались ловить каждый его разговоръ. Дядя бывалъ въ

такихъ обществахъ, но все какъ-то велъ себя принужденно, загибая лѣвую руку назадъ, а правой почесывая правый високъ, тетка не бывала въ такихъ обществахъ,—робко подносила кушанья и убирала посуду. По ея неряшеству оказывались невымытыя ложки, ножи, о чемъ ей замѣчали любезно:

— Пожалуйста, возьмите ложку, я не хочу больше.

— И, полноте! у меня другія есть.

Впрочемъ она старалась пустыми мелочами угодить гостямъ: подносила другія салфетки, просила ѣсть больше; гости подсмѣивались надъ ней. Но больше всего гости разсуждали про меня.

— Ну что ваше-то чадо?

— Кончилъ курсъ.

— Дѣло. А какой господинъ замѣчательный!.. Бѣдовый парень!

— Что дѣлать, смучился...

— Я бы не сталъ такого держать.

— Теперь онъ ничего. Не знаю куда опредѣлить бы его. Денегъ нѣтъ.

— Полно-ка. Поди, ящики у тебя ломаются, говорилъ почтмейстеръ по дружески.

Подъ конецъ гости тоже разсуждали по дружески, и повидимому, вполне остались довольны поздравкой.

III.

Въ губернскомъ городѣ дядя не пріискалъ мнѣ мѣста и повезъ меня съ собой въ уѣздный городъ. Этотъ городъ вдвое больше и богаче губернскаго, поэтому дядя и разсчитывалъ на богатые доходы; но онъ не умѣлъ сойтись съ почтмейстеромъ, который забралъ всѣ доходы себѣ; особенно почтмейстеру не понравилось то, что ему въ помощники назначенъ не тотъ, о которомъ онъ просилъ, а мой дядя, который хвалился честностью. На первыхъ порахъ онъ не далъ дядѣ казенной квартиры; потомъ говорилъ корреспондентамъ, что ему послали помощника невѣжу, незнающаго свое дѣло. Дядя написалъ въ губернскій городъ, что его обижаютъ, и вслѣдствіе этой жалобы почтмейстеръ очень не залюбилъ дядю и все-таки далъ ему казенную квартиру. Въ губернской почтовой конторѣ дядю уважалъ почт-

мейстеръ, не смотря на то, что онъ былъ сортировщикомъ; сюда онъ ѣхалъ какъ начальникъ, для отдыха, и какова же была его досада, когда почтмейстеръ говорилъ всѣмъ объ немъ очень худо и заставлялъ его заниматься наравнѣ съ почтальонами и каждую недѣлю ѣздить на станціи разбирать жалобы проезжающихъ на ящичковъ и смотрителей? Дядя ничего не могъ сдѣлать съ почтмейстеромъ и былъ доволенъ только тѣмъ, что получалъ порядочное жалованье и занималъ три комнаты и свою кухню. Такъ какъ комнаты были расположены дурно—на два семейства, то мнѣ комнаты не полагалось, а были отведены антресоли въ прихожей между двумя комнатами, которыя я называлъ полатами; тутъ-то я устроилъ свой кабинетъ, гостиную и спальню, въ которыя надо было влѣзть по лѣстницѣ, стоявшей у печки. Но моя палата была тѣмъ хороша, что изъ гостиной дяди меня никто не могъ видѣть, а я все могъ видѣть. Теперь мнѣ, какъ кончившему курсъ, было разрѣшено курить табакъ и читать книги. Я покупалъ махорку и, къ радости дяди, сталъ выживать имъ нелюбимыхъ гостей. Книги мнѣ свѣтло было читать, и я доставалъ всякія безъ разбору у теткинскихъ знакомыхъ; но всѣ эти книги были пустыя, потому что у дяди не было образованныхъ знакомыхъ.

По почтовому вѣдомству дядя не хотѣлъ меня опредѣлить; притомъ здѣсь у него не было такихъ людей, которые бы приняли меня на службу. Одинъ только уѣздный судья былъ ему знакомый. Этотъ судья и рѣшилъ мое дѣло. Онъ согласился принять меня въ уѣздный судъ.

Идти въ судъ зачѣмъ нибудь дядя считалъ за безчестіе, — такъ былъ ему сомонъ судъ. Поэтому можно судить, каково было мнѣ забалитъ себя на службу въ этомъ мѣстѣ. Поплакалъ я съ дуру ночью, а утромъ почтальонъ привелъ меня въ судъ. Я шелъ туда съ намѣреніемъ узнать, что такое судъ, изучить дѣлопроизводство и потомъ перейти куда нибудь въ другое мѣсто, со временемъ, когда дядя познакомится съ важными должностными лицами. Въ судѣ я ничего худого по наружности не замѣтилъ: стѣны выщелатурены и бѣлыя, на стѣнахъ два портрета, служащіе одѣты прилично. Только мнѣ не нравилось, какъ говорили служащіе, оглядывая меня:

— Это что за лица?

— Вѣрно на службу... Всякую дрянъ принимаютъ.

Судья мнѣ ничего не сказалъ, а призвавъ какого-то Загибина въ

сѣренкомъ пальто, велѣлъ ему взять меня къ себѣ. Я сѣлъ смиренно, меня окружили шесть служащихъ, въ числѣ которыхъ были и коложе меня. Всѣ они распрашивали меня, кто я такой, гдѣ учился, что новаго въ губернскомъ городѣ, скоро ли къ нимъ будетъ губернаторъ?.. Сталь я вглядываться къ служащимъ. Многие изъ нихъ писали очень скоро, перья сильно скрипѣли, многие шептались, немногіе перекидывались. Вонъ всталъ одинъ, сидѣвшій на концѣ стола, взялъ въ губы перо и чуть не бѣгомъ пришелъ къ шкафу, откуда онъ скоро выгналъ какое-то дѣло, посмотрѣлъ въ него и опять бросилъ въ шкафъ. Къ нему подошелъ высокой служащій и ударилъ верхушку его головы рукой, предварительно плюнувъ на ладонь; какой-то служащій, смотрѣвшій на это, захихикалъ, а получившій любезность схватилъ за волосы обидчика и такими манерами притянулъ его въ полу, тотъ вскрикнулъ: отпусти, торгъ!.. Вонъ какой-то служащій среди типны сазалъ на всю канцелярію: Пичужкинъ, дай табачку... На это ему отвѣтили: хера не хопь ли?.. Вонъ изъ другой комнаты выбѣжалъ въ шапкѣ и въ пальто догвозазый служащій; его остановилъ сидѣвшій на углу: «куда?..» — «Хапать!» сказалъ служащій въ сѣромъ сюртукѣ, продолжая писать... Вонъ привели арестантовъ, подвели ихъ къ наному-то столоначальнику; тотъ съ одного просить за что-то деньги... Но это не такъ занимало меня, какъ занимало меня сидѣвшій противъ меня за однимъ столомъ человекъ лѣтъ сорока пяти въ горнозаводскомъ сюртукѣ. Лицо варявое, давно небритое, глаза плутоватые; на переноси торчатъ очки съ засаленными стеклами въ мѣдной оправѣ. Онъ то и дѣло выглядывалъ изъ-за очковъ, то на меня, то на обѣ стороны и часто сморкался на полъ, придерживая одну половину носдрей, держа перо въ зубахъ. Онъ, согнувши спину, наклонивши голову на лѣвый бокъ и высунувши языкъ на лѣвую сторону къ усамъ, писалъ очень старательно косыми строчками, такъ и казалось, что онъ не пишетъ перомъ, а емобитъ. У дверей въ прихожую какой-то служащій съ гербовымъ листомъ бумаги беретъ отъ женщины, бѣдно одѣтой, мѣдные деньги.

— Ишь собака! много ли дала? спросилъ мой визави у этого служащаго, считавшаго деньги.

— Молчи, варявая рожа, отвѣчалъ тотъ.

— Будь ты проклять песь! сказала рожа.

Вдругъ подскочилъ къ нему Загибинъ и ударилъ его по головѣ

линейкой; онъ плюнулъ на него и попалъ какъ разъ плевкомъ въ лѣвую щоку. Къ нему подошли еще трое служащихъ и, трепля его, приговаривали ему: формочка, формочка! Усь! усь!.. Онъ залился, плевался, ругался, отмахивался линейкой...

У меня попросили папирось и я отправился курить.—Судъ помѣщался во второмъ этажѣ; внизу помѣщался земскій судъ. Служащіе уезднаго и земскаго судовъ зимой и лѣтомъ курили на крыльцѣ подъ уѣдно-судейской лѣстницей. Сойдетса человекъ во-семь изъ обоихъ судовъ: кто свою курить папироску, а кто и на счетъ другого пробавляется; одна папироска часто курится четырьмя, и хояину ея рѣдко достается окурокъ. Здѣсь они занимаются, между прочимъ, *политикой*, т. е. говорятъ о новостяхъ и сообщаютъ другъ другу разныя свѣденія, не касающіяся службы. Отъ судейскихъ служащихъ я узналъ, что въ судѣ три столоначальника, одинъ занимаетъ должность надсмотрщика крѣпостныхъ дѣлъ и прихода-расходчика, котораго любить судья, и этотъ судья такъ довѣрился ему, что даже опредѣляетъ и увольняетъ служащихъ по его желанію и назначаетъ жалованье по его же совѣту; писцовъ штатныхъ шесть, вольнонаемныхъ тринадцать. Во всей канцеляріи только два чиповника. Всей суммы на канцелярію полагается въ мѣсяць сто пять рублей и такъ какъ ея немного, то многіе писцы получаютъ только по три рубля, а новички по два мѣсяца служатъ даромъ.

Второй и третій день я привыкалъ къ служащимъ, и уже не дичился ихъ. До прихода секретаря служащіе ничего не дѣлали, а рассказывали разныя исторіи, сообщали другъ другу разныя свѣденія, бранились и корили другъ друга чѣмъ нибудь, не обижаясь впрочемъ ругательствами. Приходилъ секретарь, ему кланялись, не вставая со стульевъ и табуретокъ, разбѣгались по своимъ мѣстамъ и начинали писать. Секретарь здоровался за руку только съ надсмотрщикомъ, на служащихъ онъ глядѣлъ гордо, вообще держалъ себя по секретарски и говорилъ всѣмъ: «на, перепиши! Дай миѣ такое-то дѣло.» Засѣдателямъ отдавали тоже такую честь, какъ и секретарю, и они тоже здоровались только съ надсмотрщикомъ. При нихъ служащіе уже врѣпко занимались, но держали себя по прежнему вольно. Судья приходилъ въ судъ тихо, но какъ только служащіе завидятъ его въ прихожей, столпившіеся разбѣгутся на свои мѣста, схватываютъ перья и дѣлаютъ видъ, что они пишутъ, или показываютъ,

что они чинятъ перья. Незанятыя ничѣмъ, служащіе тоже держатъ въ рукахъ что нибудь, или томъ свода, или какую нибудь бумагу. Въ это время всё затихаютъ. Показался въ канцеляріи судья, загремѣли стулья вразъ, вразъ всё встали, каждый пошевелилъ губами: здравствуйте, молъ! Судья важно клапается два раза на обѣ стороны и молча проходитъ въ присутствіе. Случалось, что судья заставлялъ канцелярію въ расплохъ, какъ бывало въ училищѣ грозный смотритель или инспекторъ, тутъ служащіе терялись: стоявшіе не смѣли идти на свои мѣста, говорившіе на своихъ мѣстахъ точно присѣдали еще ниже. Выходило очень смѣшно. Въ присутствіи начинался говоръ, оживлялась и канцелярія; начинался гвалтъ, крикъ, драка. Выходитъ секретарь изъ присутствія и говоритъ грозно: тише вы!.. Канцелярія смолкаетъ, потомъ опять слышны хихванья и гвалтъ. — Смирно вы, сволочь! говоритъ секретарь... Такъ и проходило время въ судѣ. Каждый служащій долженъ былъ непремѣнно придти на службу вечеромъ, не смотря ни на какую погоду и на то, что онъ жилъ далеко. Служащіе готовы были заниматься прилежнѣе дѣломъ до пяти часовъ, только бы имъ не ходить по вечерамъ; они даже совѣтовались объ этомъ между собой, но предложить судѣ не смѣли, да судья, пожалуй и не разрѣшилъ бы этого, имѣя въ виду расходъ на свѣчи.—Вечеромъ служащіе очень мало занимались дѣломъ, потому что судья никогда вечеромъ не бывалъ въ судѣ, а засѣдатели бывали очень рѣдко, и когда приходили, то разговаривали съ столоначальниками о чемъ нибудь. Вечеромъ служащіе рассказывали другъ другу или компаніи человекъ въ пять о своей удали, хвастались, какъ они разбили стекла въ какомъ-то открытомъ домѣ и какъ надули такую-то дѣвицу за доставленное такому-то судейскому ловеласу удовольствіе. Меня очень злили эти разговоры, но приводилось ихъ слышать каждый день, потому что они забавляли служащихъ да и кромѣ этого предмета не о чемъ было говорить.

IV.

Въ первый день моей службы я переписывалъ копію и плохо понималъ ея содержаніе, потому что переписывалъ съ неразборчиваго почерка очень старательно, боясь пропустить какую нибудь строчку

или букву. — Миѣ стыдно было, когда я что либуудь приписывалъ лишнее, и это лишнее нужно было скоблить; и краснѣлъ, когда мой столоначальникъ говорилъ миѣ: «вы соврали немножко, нужно поправить». А безъ опыбокъ я никакъ не могъ переписать бумаги, вѣроятно потому, что такое занятіе было для меня новостью. На другой день миѣ дали переписать рапортъ въ губернское правленіе. Я долго ломался, не зная какъ начать; два раза прочиталъ черное и ничего не понималъ, что надо уѣздному суду, чего-то онъ просить покорнѣйше и о чемъ-то имѣть честь довести. Слово довести было для меня новостью. Миѣ показали, какъ нужно писать; я писалъ очень старательно, выводы какъ можно красивѣе буквы, и въ это время думалъ: неужели мое занятіе или моя служба въ томъ заключается, чтобы выводить на бумагѣ красивыя буквы? Омо на первый разъ такъ и вышло: я протянулъ *p* очень далеко, поставилъ не русское; засѣдатель велѣлъ переписать миѣ. Все-таки я считался переписчикомъ лучшаго сорта, и поэтому миѣ давали переписывать рапорты и донесенія. Занятія въ судѣ было много, такъ что и занимался и дома; время шло незамѣтно, но развитія для меня все таки не было. За то темеръ и былъ уже служащій человекъ и самъ получалъ жалованье. А получалъ я уже три рубля серебромъ въ мѣсяцъ. Я понималъ, что я служу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣшаются дѣла о людяхъ, и гордился этимъ, хотя, повидимому, никто изъ канцелярскихъ братій не гордился своей службой. Дядя интересовался моей службой. Приду я домой,—онъ уже спитъ. Встанетъ къ чаю и спрашиваетъ:

— Ну что, какъ служба?

— Ничего.

— Судья ничего?

— Ничего.

— Ты-бы попросилъ, чтобы онъ прибавилъ ему жалованья, а то и на сапоги не достанетъ, просила тетка дядю.

— Они вѣдь, скоты, все любятъ, чтобы имъ даромъ дѣлали.

— Да и работы-то палата, все копія.

Дядя обижался, что миѣ давали мало жалованья, онъ понималъ, что я смыслю сочинять, но просить судью не хотѣлъ и думалъ, что я вѣрно самъ того заслуживаю. Я не обижался таянимъ жалованьемъ, потому что служащіе, поступившіе раньше меня, получали по рублю и меньше, да миѣ и хорошо жилось у дяди. Тамъ

прошло два мѣсяца. Наконецъ получался указъ губернскаго правленія о зачисленіи меня на службу. Дядя обрадовался этому. Нужно было принимать присягу на вѣрность службы.

Присяжныхъ листовъ на этотъ предметъ въ судѣ не имѣлось; служащіе наизусть присяги не знали. Поэтому я цѣлые два дня ходилъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и только въ одномъ нашелъ добраго человѣка, который снабдилъ меня присяжнымъ листомъ. Попалъ я въ соборъ, стоящій противъ суда. Тамъ я попросилъ священника привести меня къ присягѣ, но онъ запросилъ рубль; я попросилъ другого, тотъ сказалъ, что ему некогда. Въ судѣ говорили, что меня можно привести въ присутствіи при всѣхъ членахъ, и тогда я ничего не заплачу священнику. Въ нашъ судъ почти каждый день ходилъ одинъ священникъ и приводилъ къ присягѣ арестантовъ при отобраніи допросовъ. Въ этотъ день онъ былъ въ присутствіи, и я вошелъ туда съ присяжнымъ листомъ и попросилъ секретаря объ этомъ предметѣ.

— Батюшка, вотъ еще этого приведите къ присягѣ, сказалъ секретарь священнику.

— Этого? Неужели такой молодой попался?

— На службу опредѣланъ.

— А! Да мнѣ некогда. Ужо, въ другой разъ.

Отложили до другого разу. На этотъ разъ священника просилъ самъ судья. Мнѣ велѣли стать къ столу и поднять руки къ верху. Судья и члены смотрѣли на меня. Я, молчалъ и смотрѣлъ въ окно, дожидаясь конца присяги.

— Вслухъ говоритѣ! прикрикнулъ на меня судья. Я сталъ повторять слова шопотомъ, смотря въ окно, клялся, забывая все окружающее. Повторяя слова, я думалъ: зачѣмъ я измѣню?.. Я буду вѣрно служить, не такъ какъ они; буду служить для пользы людей... Когда, вечеромъ, я легъ спать, я долго думалъ объ этой присягѣ. «Не глалъ-ли я?»—Нѣтъ, я клялся отъ чистаго сердца, и когда я представилъ себѣ всѣхъ служащихъ, всѣ ихнія дѣянія, я ужаснулся: гдѣ-же клятва? гдѣ же тѣ желанія? Отчего ата. присяга имѣетъ свою силу только тогда, когда произносятся слова ея... Неужели то же будетъ и съ мной? Отъ этого я перешелъ къ тому, что я въ судѣ служу честно, не реписываю, знакоплюсь съ служащими, нахожусь въ ихъ обществѣ—и только; я получаю жалованья три рубля, хотя и стараюсь каждую бумагу

переписать на отличку, и если я грѣшу чѣмъ-нибудь противъ присяги, такъ развѣ тѣмъ, что я досажую, что мнѣ даютъ немного жалованья. Отдавая дядѣ три руалы, я вполне обезпеченъ: у меня есть теплая квартира—полати, меня одѣваютъ, кормятъ, мнѣ даютъ деньги на махорку. Больше мнѣ ничего не нужно было. Я даже думалъ, что я все буду жить у дяди и буду служить честно; потому дядя похлопочетъ за меня, и судья сдѣлаетъ меня столоначальникомъ, и я буду получать жалованья десять рублей, изъ которыхъ пять я буду отдавать дядѣ, а половину буду держать у себя... При этомъ я представлялъ себѣ положеніе бѣдныхъ служащихъ. Многіе изъ нихъ получали отъ пяти до семи рублей и жили съ женами на квартирахъ; кромѣ этого они пили водку въ компаніи, ходили въ разныя увеселительныя заведенія... Я думалъ, что жить на такомъ жалованьи нельзя, имѣть постороннюю работу невозможно при судейскихъ занятіяхъ, и сначала я обвинялъ служащихъ въ пьянствѣ; и въ томъ, что они не умѣютъ беречь деньги, но потомъ и самъ рассудилъ, что жить честно на пятирублевомъ жалованьи совершенно невозможно въ большомъ городѣ, и что нужно пріобрѣтать какіе-нибудь доходы,—брать взятки. Но вѣдь это не честно... А жить если вѣчѣмъ? Голодомъ живи?.. А для какого чорта?... Долго ядумалъ, и сбившись совсѣмъ съ толку, заснулъ, но и во снѣ мнѣ мерещились разныя страшныя хари, которыя я почему-то называлъ судейскими.

И сталъ я служить въ уѣздномъ судѣ и прослужилъ уже полгода и многому насмотрѣлся я тамъ, многое я изучилъ тамъ; но мнѣ не приводилось получать доходовъ, потому что я только переписывалъ то, что мнѣ дадутъ члены и мой столоначальникъ.

У.

Дома я постоянно сидѣлъ на полатахъ и читалъ книги. Книги религіознаго содержанія почему-то мнѣ наслучили и я читалъ разныя повѣсти или романы, разныя старыя газеты, какія я только доставалъ у теткыныхъ знакомыхъ. Дядя и тетка на мое чтеніе смотрѣли равнодушно, называя меня уже большимъ человѣкомъ, которому можно читать книги для того, чтобы не дичиться передъ людьми;

но могъ ли я не дичиться, забившись на полати? Если къ теткѣ или дядѣ приходили гости, они не рекомендовали меня имъ, а гнали прочь: чего сидишь, пошелъ на свое мѣсто... Съ своей стороны, и я не желалъ знакомиться съ гостями, отъ которыхъ я кромѣ хвастовства ничего не слыхалъ хорошаго. — Ходилъ къ дядѣ помощникъ казначея, повидимому не глупый человѣкъ и шутникъ до того, что я, сидя на полатахъ, заслушивался его, и ежели слышалъ что-нибудь смѣшное, хохоталъ, зажавши ротъ. Разъ я не утерпѣлъ и высунулъ съ полатей голову. Чиновникъ рассказывалъ о какихъ то старинныхъ своихъ похожденияхъ и о карточной игрѣ и взглянувъ на полати, струхнулъ.

— Это что у тебя за звѣрь? спросилъ онъ дядю. Я тотчасъ же спрятался и сталъ слушать.

— Гдѣ?

— Вонъ тамъ.

— Это мой племянникъ.

— Какъ онъ меня испугалъ! Я часто вслушивался: что это такое скрываетъ тамъ?..

— Это онъ. Я тебѣ шельма! Что ты тамъ не сидишь смирно!..

— Я ничего, сказалъ я.

— Что-же ты не покажешь его мнѣ.

— Не для чего. И дядя принялся рассказывать съ разными прикрасами исторію про меня. Я злился и досадовалъ, что рекомендуетъ меня очень худо.

Этотъ чиновникъ часто ходилъ къ дядѣ для того, чтобы онъ отправлялъ его письма во всякую пору; за что онъ угощалъ дядю виномъ. Онъ былъ богатый человѣкъ, имѣвшій много знакомыхъ, но сколько дядя ни просилъ его пристроить меня въ казначейство, онъ говорилъ, что нужны для этого деньги. Казначей также не любилъ его, какъ и дядю почтмейстеръ и эти два пріятеля постоянно ругали своихъ начальниковъ, съ тою только разницею, что дядя ругалъ рѣшительно всѣхъ, а его пріятель хвалился тѣмъ, что ему председатель обѣщалъ мѣсто казначея. Странно мнѣ казалось то: почему это помощникъ казначея не познакомитъ мою тетку съ своей женой и самъ рѣдко приглашаетъ къ себѣ дядю, хотя онъ и жилъ очень близко отъ почтовой конторы. Когда онъ приходилъ къ намъ, постоянно говорилъ какія-нибудь любезности теткѣ, которыя даже казались ей приторными. Тетка въ свою очередь справлялась у дя-

динаго пріятеля о здоровьѣ его жены и послала ей свой поклонъ, хотя никогда и не видала ее. «Моя жена такая хвора, занятая дѣтьми...» говорилъ обыкновенно чиновникъ, а на самомъ дѣлѣ это была тучная женщина, въ родѣ африканокъ, живущихъ на верховьяхъ Нила, но рѣдко встававшая съ постели. Жизнь этихъ обонхъ супруговъ, какъ надо полагать, была очень легкая, время шло незамѣтно. Онъ впрочемъ рассказывалъ, что онъ женился на богатой, образованной воспитанницѣ какого-то московскаго института и жена ему каждый годъ исправно рождаетъ ребенка. Поэтому дядя и прозвалъ жену своего пріятеля *утробой*, а тетка—модницей, на томъ основаніи, что она, т. е. жена пріятеля, ничего не дѣлаетъ. Вслѣдствіи пріятель сталъ ужь очень надѣдаться дядѣ своими письмами, частыми посѣщеніями, отъ которыхъ дядя выпивалъ двѣ лишнія рюмки водки, буянилъ дома, втянулся въ карточную игру и всегда проигрывалъ деньги. Тетка начала сначала съ неудовольствіемъ принимать дядинаго пріятеля, говоря: вы человекъ богатый, вамъ ничего не значитъ проиграть десять рублей, а у насъ гдѣ деньги-то.

— Ну, ну! Поди, у васъ тысячи водятся. Нечего прикидываться-то, говорилъ пріятель.

Тетка хмурилась. Стала она бранить дядю, что, какъ придетъ его пріятель, водки и папирозъ много выходитъ; полъ онъ вымаралъ плѣвками и проч.

Сначала дядѣ весело было съ нимъ; но потомъ и онъ соскучился; онъ былъ сосредоточенный человекъ и любилъ больше одиночество.

Дядя часто скучалъ по губернскомъ городѣ, гдѣ у него было много знакомыхъ, жилось хорошо, можно было порыбачить; а здѣсь народъ гордый, городъ скверный, рыбачить далеко. Въ самомъ же дѣлѣ у него въ губернскомъ городѣ хотя и было много знакомыхъ, но ни эти знакомые не ходили къ нему въ гости; ни онъ не ходилъ къ нимъ—значитъ, шапопное знакомство; конечно, ему бы можно приглашать ихъ и ходить къ нимъ, но у него не было много денегъ, чтобы играть съ ними въ стуколку, безъ чего дружба въ губернскомъ городѣ была не мыслима. Здѣсь у него было много знакомыхъ того времени, когда онъ еще былъ почтальономъ въ здѣшней канторѣ, но многіе его знакомые изъ бѣдняковъ сдѣлались теперь богачами, золотопромышленниками, у которыхъ все власти были въ рукахъ и у которыхъ эти власти эти пранили. Такіе

люди уже, конечно, за стыд считали водить прѣжнюю дружбу съ дадею. Злился дядя на этихъ людей, очень злился еще потому, что онъ весь вѣкъ мается для другихъ, и чортъ знаетъ для чего онъ мается.

— Хоть бы до пенсіи, будь она проклята, дали дослужить, а то съѣзжать, подлецы, раньше гроба... Тогда бы и я на боку лежалъ или пошелъ бы на параводъ въ капитаны... И злился же дядя очень, представляя свое незавидное положеніе. — «Скоро пятьдесятъ лѣтъ будетъ, какъ я живу на семь свѣтъ; сколько городовъ изъѣздила, сколько людей видаль, а что нажилъ для себя?.. Ну-ка вы, свиньи эдакіе, ткните сундучнишко-то! Вы говорите я богатъ; ткните-ко; все переверочайте... Скажите, гдѣ я запряталъ деньги?.. Подлецы, вотъ что я вамъ скажу! Напрасно только обижаете бѣднаго человѣка. Если бы я во ч овалъ, да обманывалъ,—сталъ бы я развѣ служить? Я бы торговлю открылъ; а то какъ жилъ честью, и ничего не нажилъ. Умри я, жена по міру пойдетъ. Къ роднѣ ей, что-ли, идти—свои деньги неси, такая же голь... И чортъ это знаетъ, зачѣмъ человѣкъ родится? Живешь—все зависть беретъ, все мало, все бы хапалъ... А и завидно опять, что люди хорошо живутъ, ты ни то, ни се; да они же и смѣются надъ тобой, понукають тобой, проклятые...

— Ну, полно, унижаетъ его тетка, на Бога надѣйся.

— Ты надѣйся, а я усталъ.

— О-о-хо-хо, грѣхъ тяжкій.

— Гдѣ грѣхъ? Ну-ка скажи, что я худое сдѣлалъ? Обидѣлъ ли я кого нибудь.

— Нѣтъ, а все же...

— Ну то-то и есть. Ты вотъ молишься, а все кому нибудь хочешь отомстить. Все на мужнину шею надѣешься. Ну, что ты сдѣлала для меня?

Тетка въ слезы. Она дѣйствительно немного сдѣлала для дяди: она была ему жена, любила его, стряпала на него, шила на него а деньги приобрѣтала все-таки онъ. На себя она ничего не приобрѣла, потому что мать ея была бѣдная, а потомъ она сама не умѣла нажить денегъ.

Съ почтмейстеромъ дядя не могъ ладить. Главное обстоятельство, послужившее къ этому, было то, что почтмейстеръ, во-первыхъ, былъ сынъ предсѣдателя, во-вторыхъ, женившійся на бога-

той, и въ-третьихъ, называлъ дядю невѣжей, необразованнымъ и свиньей. Почтмейстеръ подъ конецъ предоставилъ ему простую корреспонденцію, т. е. письма и пакеты. Приходилъ почтмейстеръ въ контору раньше дяди. Дядя приходилъ, подавалъ ему руку; почтмейстеръ нехотя протягивалъ ему свою лѣвую руку, лдовито улыбаясь, или говорилъ: позднеенько пришли.

Дядя садился на свое мѣсто молча или, когда былъ сердитъ, говорилъ: что мнѣ здѣсь дѣлать? Вѣдь я здѣсь вмѣсто мебели у васъ.

Почтмейстеръ злился, но, какъ вѣжливый человѣкъ, говорилъ: все-же вы вѣдь помощникъ, должны раньше меня приходите.

Дядю взорветъ и онъ скажетъ: что же, по вашему, я долженъ на стѣны смотреть, да слушать, какъ корреспонденты будутъ ругаться?

— Ну, хоть бы и такъ, все же вы должны приходите раньше меня.

— А отчего вы запираете печать? Чѣмъ я буду письма запечатывать?

— До меня оставьте. Я приду и выну казенную печать.

— Покорно благодарю... Да и вы не приказываете мнѣ принимать денежныя и страховыя письма.

— Разумѣется.

— Дядя что нибудь скажетъ про себя шопотомъ.

— Скотина! скажетъ почтмейстеръ.

Такъ и сидятъ почтмейстеръ съ помощникомъ, какъ два медвѣдя; сидятъ молча, косятся другъ на друга и каждый думаетъ: вотъ съ какимъ чортомъ Богъ сподобилъ меня служить.

Почтмейстера не любилъ весь городъ за то, что онъ, во первыхъ, спускался изъ своей конторы внизъ поздно, и не довѣрялъ помощнику принимать и выдавать корреспонденцію, для того чтобы онъ не получалъ доходовъ; корреспонденты дожидались его по долгу въ приемной конторы, ругая его, на чемъ свѣтъ стоитъ. Когда онъ приходилъ, то отпускалъ такихъ корреспондентовъ, которые часто слали ему подарки, а тѣ, которые не присылали подарковъ, проставляли до перваго часу, когда почтмейстеръ уходилъ и приходилъ на другой день, а потому и случалось, что они ходили цѣлую недѣлю. Писать жалобу на почтмейстера не стоило, потому что губернская контора на такія жалобы «плевать хотѣла». Если кто нибудь замѣчалъ почтмейстеру: «вѣдь у васъ помощникъ есть», онъ говорилъ: «а это дрянъ! я боюсь, вредный человѣкъ»... Корреспонденты знали дядю за чест-

наго человѣка, дивились слышанному и пересказывали дядѣ все, что слышали. Во вторыхъ, почтмейстеръ никому не отдавалъ мелкой сдачи. Напр., если нужно сдать одну или три коп., онъ говорилъ: а сдачи нѣтъ, послѣ сдать; или, на томъ свѣтѣ жаромъ разсчитаемся.

Чтобы избавиться на нѣкоторое время отъ дяди, почтмейстеръ, то и дѣло, посылалъ его разбирать жалобы проѣзжающихъ на ямщиковъ и станціонныхъ смотрителей. Дядя не могъ противиться волѣ почтмейстера и развѣзжалъ почти каждую педѣлю. Съ ямщиками и смотрителями онъ поступалъ добросовѣстно. Жалобы писались капризными проѣзжающими, которые думали, что если дорога худая, такъ въ томъ непремѣнно виноваты ямщики. Но случалось обыкновенно такъ, что ямщики, жалѣя своихъ лошадей и зная, сколько имъ полагается ѣздить въ часъ версты, гнали ихъ, какъ имъ вздумается, ишѣ въ виду то, что этимъ лошадямъ придется еще раза два сбѣгать до этой станціи; случалось, что смотрители пьянствовали болѣе ямщиковъ, которые изъ злобы къ смотрителю старались ему чѣмъ нибудь насолить. Дядя дѣлалъ по совѣсти, стараясь выслужиться передъ губернской конторой, но съ управляющими вольныхъ почтъ и смотрителями онъ ничего не могъ сдѣлать, потому что они дарятъ начальство по начальству, и отъ этого бывало то, что вольныя почты лишали дядю мѣсячнаго жалованья, и ямщики все-таки не получали никакого удовлетворенія; смотрители отдавали все свое жалованье почтмейстеру, при жалобахъ дарили его; почтмейстеръ писалъ на дядю доносы, что онъ беретъ съ ямщиковъ деньги, и потомъ прекращалъ дѣла по своему усмотрѣнію. Дядя злился, называлъ всѣхъ подлецами, и говорилъ: а гдѣ же правда-то, черти вы эдакіе!

Меня почтмейстеръ не любилъ, никогда не кланялся на мои поклонны, и такъ какъ я былъ посторонній въ конторѣ человѣкъ, онъ не приказывалъ пускать меня въ контору. Я часто ловилъ рыбу неводомъ и послѣ рыболовства всегда развѣшивалъ неводъ посреди двора, а когда онъ просыхалъ, починивалъ прорванные мѣста. Дворникъ почтмейстерскій часто гналъ меня прочь съ неводомъ, по тому случаю, что куры почтмейстерскія, будто бы, ломали свои лапы объ ячейки невода. Я не слушалъ дворника; развѣсилъ неводъ по заплоту, и тогда дворникъ разовралъ неводъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. За это я, какъ только увидалъ около невода любимую почтмейстерскую курицу, свернулъ ей голову и потомъ бросилъ въ отхожее мѣсто. Это было ночью. Почтмейстеръ рѣшилъ, что это сдѣлалъ я, и при

выдачѣ дядѣ жалованья удержалъ изъ него пять рублей. Дядя злился, но деньги отдалъ и все-таки велѣлъ мнѣ развѣшивать неводъ. Разъ я починялъ неводъ. Почтмейстеръ сидѣлъ у окна съ женой, дядя у своего окна. Я скоса поглядывалъ на почтмейстера и по старой привычкѣ высунулъ ему языкъ. Вдругъ почтмейстеръ сказалъ:

— Ты, скотина, опять тутъ съ неводомъ.

Я посмотрѣлъ на дядю, тотъ мигнулъ мнѣ, какъ будто говоря: не показывай виду, что я здѣсь.

— А что? спросилъ я.

— Конечно, вотъ пошлю дворника, будетъ что, скотъ....

— Съѣмъ что ли, я вашъ-то дворъ?

— Тебѣ коли сказано нельзя тутъ развѣшивать—и баста.

— А что такое баста?

— А то, что если ты еще развѣсвишь, я велю собрать и запру въ кладовую.

— Ну и будешь ты хорошій мошенникъ.

Я взглянулъ на дядю, тотъ показалъ мнѣ кулакъ.

— Поговори ты еще-плутъ ты эдакой.

— Самъ плутъ! Колбасы берешь, сдачи не отдаешь...

— Это что такое значить, щенокъ ты эдакой!

Вышелъ почтальонъ. Почтмейстеръ увидалъ его и сказалъ ему: сбри неводъ и принеси ко мнѣ. Почтальонъ не зналъ, что дѣлать.

— Не тронь! заревѣлъ дядя. Вы не смѣете брать мою вещь, потому что она моя и дарить вамъ я ее не намѣренъ. А если надо, то я подарю вамъ на саванъ, отнесся онъ почтальону.

— Молчи грубиянъ!

— Дворъ не вашъ, а казенный, сказалъ я.

— У, кривотворъ! сказалъ почтмейстеръ неизвестно кому.

Послѣдствіемъ этой ссоры было то, что дядю вытребовали въ губернскую контору, откуда его послали исправлять должность какого-то почтмейстера, на время его отпуска. Я развѣшивалъ неводъ на другомъ дворѣ, съ хозяевами котораго тетка была знакома.

Почтмейстерша была гордая женщина, какъ ее называли всѣ почтовые женщины. Она, кромѣ одной почтальонки, исправлявшей у нее должность горничной и повѣренной ея сердечныхъ тайнъ, никого изъ почтовыхъ не принимала, да и посторонніе бывали у нея рѣдко, и она такъ была недоступна, что дядя прозвалъ ее китайскимъ императоромъ, о которомъ я когда-то вычиталъ ему изъ ка-

кой-то книги. Тетку она никогда не принимала; не принимала ее даже и тогда, когда тетка въ большие праздники приходила къ ней съ визитомъ. Тетка была женщина тоже не уступчивая, и послѣ того, какъ ее почтмейстерша не приняла два раза, она въ третій плюнула въ ея дверь почтмейстерскую, а двери не отворила, и тѣмъ прекратила всякія путешествія въ почтмейстерскія обиталища. Почтмейстерша обзывала тетку разными заворыными словами, говорила всѣмъ своимъ знакомымъ, что *ея помощница* грубая, необтесанная женщина. Если случалось почтмейстершѣ встрѣтиться съ теткой, она отворачивала голову въ противоположную сторону; тетка смотрѣла въ землю, какъ-будто не примѣчая почтмейстерши.

VI.

Въ этомъ городѣ, да и во многихъ городахъ нашего православнаго отечества жены любятъ присвоивать себѣ какую-то мнимую власть надъ другими женщинами, такъ же какъ и мужчины надъ мужчинами. Жена чиновника, просто на просто писца, — уже модница, считаетъ себя дворянкой, хотя бы мужъ получилъ чинъ на пятидесятомъ году своего служебнаго поприща; считаетъ за необходимость носить шляпки, брезгаетъ не чиновницами, забывая свое прошлое, и терпѣть не можетъ, если, не чиновница, жена писца, мѣщанина, солдата, одѣвается приличнѣе ея, носить шляпки. Жена столоначальника уже требуетъ, чтобы жены писцовъ, служащихъ въ столѣ ея мужа, приходили къ ней съ визитомъ, т. е. поздравить съ рождествомъ, новымъ годомъ и пасхой. Жена начальника принимаетъ уже женъ помощниковъ ея мужу, ведетъ себя съ достоинствомъ, требуетъ отъ нихъ повиновенія, капризначаетъ, заставляетъ ждать себя подолгу, и если женщина чѣмъ нибудь не поправила ее, она никогда не приметъ ее въ свое общество, какъ бы та не добивалось этого. Такова была тетка и почтмейстерша. Тетка уже зазнавалась, обижалась тѣмъ, что къ ней зачѣмъ нибудь приходили почтальонки, никогда не угощала ихъ, не ласкала по прежнему, говоря: онѣ не стоятъ чести... Она хотѣла, чтобы къ ней ходили съ визитами, приходили прощаться въ прощенный день, и если кто не дѣлалъ этой чести, она высказывала какой нибудь почтальонкѣ свое не расположеніе. Съ своей сто-

троны, почтальонки старались выслужиться передъ ней, надѣясь на то, что ихъ мужьямъ будетъ не большое облегченіе, потому что етѣа попросить объ нихъ дядю, а тотъ напишетъ въ губерискѣ Сортировщицы приходили съ визитами только ради формы, и у теткн не заискивали пичего, зная отъ мужей, что дядя въ конторѣ ни рыба, ни мясо. Но тетка не хотѣла заводить знакомства съ женщинами неравными ей, т. е. по должности ея мужа. Она хотѣла знакомиться и вести дружбу съ женщинами такими, мужья которыхъ занимали важныя должности. Но при бѣдности дяди, при томъ, что она не любила гулять, ходить въ театръ, была не развита и даже неугомонна, въ такомъ большомъ городѣ ей трудно было свести знакомство. Она бы свела знакомство съ старушками и съ женами другого меньшого городка, гдѣ по своему характеру, можетъ быть, скоро бы нашла такихъ женщинъ.

То же почти было и съ почтмейстершей. Почтмейстерша хотя и была угомонная, но жила прежде въ глухомъ уѣздномъ городѣ и была купеческой породы. Воспитанная на богатый манеръ, вышедши замужъ и попавши въ большой городъ, она возмечтала, что она въ этомъ городѣ важная птица, тѣмъ болѣе, что почтмейстеръ не признавалъ надъ собой никакого начальства въ этомъ городѣ и гордился тѣмъ, что онъ почтмейстеръ первоклассной конторы. Поѣхала она съ визитами, ее вездѣ приняли сухо; заговорили съ ней по французски, она не знаетъ; заговорили о какихъ-то глубокомысленныхъ предметахъ, она сказала глупость, и ее никто не сталъ приглашать, да и въ городѣ должность почтмейстера считали за пустую, безтолковую, на которую можно посадить кое-какого грамотнаго. Поэтому почтмейстерша должна была всегда сидѣть дома. Если она являлась въ клубъ или въ театръ нарядившись, ее осмѣивали, и смѣялись болѣе надъ ея физиономіей, называя ее коровой, а шляпку коровьимъ сѣдломъ. Были у нея, правда, двѣ-три постоянныя гости, но и эти были такія же «коровы», нигуда непринимаемыя и всѣми осмѣиваемыя.

Отчего жена почтмейстера и ея пріятельницы, жены стряпчачо и казначей, не могли сойтись съ обществомъ города, видно изъ того во первыхъ, что ихъ мужья занимали незначительныя должности, во вторыхъ, они были не образованы и не умѣли вести себя хорошо въ аристократическомъ обществѣ, и въ-третьихъ городское общество раздѣлялось на три особыя общества. Главное и первое общество въ

этомъ городѣ тогда состояло изъ богатыхъ купцовъ, торговыхъ людей и золотопромышленниковъ, большею частію единовѣрцевъ и различныхъ сектаторовъ, которые знали только съ своимъ кругомъ, дѣлали вечера по своему и приглашали къ себѣ своихъ людей, даже приглашниковъ, и гнушались чиновниковъ, которые «ѣли пряники» и заводили своимъ женамъ шелковыя платья. Второе общество состояло изъ горныхъ инженеровъ и вообще горныхъ чиновъ, представителемъ которыхъ былъ главный начальникъ этого горнаго люда и всѣхъ горныхъ заводовъ. Такъ какъ этотъ городъ былъ горный, имѣлъ свое горное воинство, главнаго начальника, свои управленія, свою полицію и свои горныя порядки, чиновники были люди бывалые, и большинство ихъ щеголяло высшимъ образованіемъ, то они относились къ другимъ чиновникамъ, не изъ ихъ круга, съ презрѣніемъ, называя ихъ не своими людьми, людьми грубыми и необразованными и поэтому конечно считали не приличнымъ знакомиться съ чиновниками низшаго сорта и льнули къ купцамъ, желая выжать изъ нихъ какую нибудь пользу для себя. Остальные чиновники составляли не большой кружокъ, оставленный большинствомъ въ сторонѣ и презираемый всѣми. Они, съ своей стороны, презирали горныхъ, и жили здѣсь исключительно для службы, погрязли въ службѣ, никакъ не хотѣли развиваться, называя себя единственными дѣловыми людьми. Такимъ образомъ въ этомъ городѣ и до сихъ поръ существуютъ двѣ враждующія партіи, изъ которыхъ горная, какъ самая сильная имѣетъ свои права, и такое вліяніе производитъ на остальные партіи, что имъ необходимо нужно подчиняться горному элементу. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, три четверти населенія состоятъ изъ горныхъ людей — чиновниковъ, мастеровъ и рабочихъ, а оставшая четверть состоитъ изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, изъ которыхъ каждое считаетъ себя самостоятельнымъ, и раздѣляется на четыре, не зависима другъ отъ друга, мѣста: суды съ магистратомъ и думой, мѣста финансовъ, почта и училища съ гимназіей. Въ этомъ же числѣ и горные учителя, купцы, мѣщане и праздный пріѣзжій народъ. Каждое изъ этихъ обществъ дѣлаетъ собранія и вечера для своего общества. Такъ, купцы и мѣщане имѣютъ свои собранія подъ предѣлательствомъ своего туза — городского головы; свои вечера, на которыя, ради только приличія, приглашаютъ главныхъ лицъ, которыя нужны очень богатому человѣку, какъ напр. губернаторъ, главный начальникъ, генералы и прочая подначальная знать, въ кото-

рую никакъ не входятъ судья или какойнибудь почтмейстеръ съ назначаемъ. Богатые люди знаютъ тоже, кого нужно пригласить. Горное вѣдомство имѣетъ свои собранія, похожія на губернскую аристократію и благородное собраніе, гдѣ собираются исключительно горные — генералы, инженеры, управляющіе заводами и купцы съ женами и дочерьми, которыя особенно славятся красотой, а главное хорошими приданымъ, потому что оно часто попадаетъ въ руны инженеровъ. Остальные чиновники собираются кое у кого только для картъ; дамы сплетничаютъ и рассказываютъ городскія новости, полученныя или отъ мужей, или отъ дѣтей, или отъ знакомыхъ людей, и большею частію отъ прислуги.

Почтмейстеру, какъ имѣющему сношеніе со всѣми горожанами, можно бы было попасть во всѣ кружки городскихъ обществъ. Но онъ почему-то очень зазнался и никого не хотѣлъ знать; очень грубъ и не образованъ, и на вечерахъ затѣвалъ какойнибудь скандалъ. Кромѣ этого онъ къ себѣ никого не приглашалъ, отъзываясь бѣдностью. Впрочемъ онъ иногда и дѣлалъ вечера, но это были вечера глухіе, осмѣиваемые остальными обществами. Онъ ходилъ даромъ въ театръ и влюблялся въ актрисъ, и этихъ-то актрисъ принималъ къ себѣ съ танцмейстеромъ, а потомъ самъ отправлялся изъ театра къ какойнибудь актрисѣ. Такимъ образомъ онъ изъ артистическаго искусства извлекалъ очевидную пользу и злилъ свою жену. Особенно хвастался знакомствомъ съ однимъ сочинителемъ, учителемъ уѣзднаго училища, который сочинялъ эпиграмы и кое-какіе стихи, которые онъ дарилъ разнымъ барышнямъ. Этого учителя рѣдкіе принимали, потому что онъ былъ очень вспыльчивъ и рассказывалъ разныя сплетни.

VI.

Дядя не любилъ этого сочинителя за то, что тотъ, встрѣчаясь съ нимъ въ конторѣ, не кланялся ему; да и дядя говорилъ, что этотъ сочинитель только людей обманываетъ, опиваетъ и объѣдаетъ ихъ. За то онъ полюбилъ другого сочинителя, какаго-то господскаго челоуѣка, живущаго въ городѣ и промышленнаго сочинителемъ разныхъ прошеній, частью клеузныхъ, частью довольно правдивыхъ. Чиновники городскіе, особенно горные, не любили его. Этотъ сочинитель

называлъ себя литераторомъ, говоря, что онъ помѣщаетъ разные сочиненія въ періодическихъ изданіяхъ. Поэтому его боялись въ городѣ и ненавидѣли за то, что въ какой-то газетѣ былъ описать городской скандалъ, и этотъ сочинитель разболталъ своимъ знакомымъ, что скандалъ описалъ онъ, и еще послалъ въ редакцію что-то умерительное. Больше всѣхъ его уважалъ почтмейстеръ, говоря, что онъ либераль, не терпитъ неправды, не слушаетъ главнаго начальника края, который приказывалъ не отсылать въ редакцію статьи этого сочинителя; а болѣе онъ уважалъ его за то, что онъ похвалилъ почтмейстера опять въ той же газетѣ. Этотъ литераторъ часто былъ приглашаемъ къ дядѣ, который, считая его за правдиваго человека, просилъ его отдѣлать почтмейстера и помочь мнѣ въ чемъ нибудь. Въ это время я сочинилъ одну драму изъ дѣлъ суда, показавъ ее судѣ, судья похвалилъ ее, но не рѣшался хлопотать напечатать ее въ какомъ нибудь журналѣ. Въ это время я постоянно мечталъ сдѣлаться сочинителемъ, быть извѣстнымъ, и танцить, чтобы меня уважали и черезъ меня дали бы хорошее мѣсто дядѣ. Дядя на мои сочиненія смотрѣлъ, какъ на глупость. Я часто сидѣлъ долго по ночамъ и дядя злился. Придетъ онъ ко мнѣ къ окошку, долго смотреть на меня, двѣ папироски выкурить и скажетъ:

— Какую ты черную немочь пишешь?

— Я свое пишу.

— Кому?

— Да напечатать хочу.

— Я вотъ-тѣ напечатать. Гаси огонь, пошелъ спать!

— Я деньги получу. Вонъ судья тоже хватилъ.

Подойдетъ въ другой разъ. Опять долго стоитъ и скажетъ: смотри, парень, чтобы тебѣ худа не было!..

Я разсержусь, что дядя не уважаетъ моего труда, и хочу сказать: я вѣдь вамъ не мѣшаю, а скажу: я своихъ свѣчь куплю.

— Никогда не смѣй писать. Только бумагу марашь. Читалъ бы лучше законы, да изъ суда посылъ бы писать, чтобы жалованья больше дали.

А въ это время я много мечталъ объ себѣ. Еще когда я учился, то писалъ все проповѣди. Потомъ я понялъ, что я проповѣдями никого не удивлю, бросилъ писать проповѣди и сталъ сочинять стихи. Стиховъ я писалъ много, все большею частью оды, читалъ ихъ товарищамъ, тѣ говорили, что они сами лучше меня сочинять и чи-

тали свои стихи, которые дѣйствительно казались мнѣ лучше моихъ. Учителя говорили, что я не умѣю сочинять, но не рассказывали, какъ нужно писать, и смѣялись. Только разъ я удивилъ въ училищѣ однимъ рассказомъ о какомъ-то разбойникѣ, и меня тогда еще прозвали сочинителемъ. Но кромѣ этого рассказа я ничего не могъ выдумать. Когда я поступилъ на службу, то постоянно писалъ стихи. Стихи писать мнѣ казалось легко, прозой я не умѣлъ писать. Стихи я писалъ большею частью про судью, засѣдателя и секретаря, читалъ ихъ служащимъ, которые меня слушали. Когда я былъ въ театрѣ, я вздыхалъ, сердце щемилось и я думалъ: погодите—я вотъ свою драму скоро дамъ для представленія, самъ буду сидѣть въ парадизѣ; всѣ будутъ хвалить драму, хлопать въ ладоши, меня будутъ вызывать; я спрячусь... Про меня всѣ будутъ говорить.

И я постоянно мечталъ о себѣ много: лежу я, — мнѣ хочется написать хорошее; во снѣ я бредилъ хорошими знакомствами; шелъ куда нибудь,—я воображалъ себя сочинителемъ; на службѣ ненавидѣлъ служащихъ и думалъ: погодите, будете вы бояться меня; погодите, я самъ получу со временемъ должность судьи, и заведу такіе хорошіе порядки, что всѣ будутъ довольны мной. Но я былъ еще далеко неразвѣтъ въ это время: я читалъ только старыя книги, и то повѣсти и романы; ученаго я не понималъ и не хотѣлъ читать...

Дядя хотѣлъ пристроить меня куда нибудь въ домашніе учителя, но, при всемъ его знакомствѣ, ему не удалось этого сдѣлать. А хотѣлось ему, чтобы я былъ учителемъ, для того, чтобы я получалъ побольше денегъ. Горные служащіе занимались этимъ и получали въ мѣсяцъ отъ 5 до 10 р. за уроки, но ихъ считали за людей образованныхъ, и ихъ однихъ только нанимали, да и они не занимались службой послѣ обѣда. Богатые купцы нанимали учителей изъ училищъ и платили имъ большія деньги. Найти же мнѣ какое нибудь постороннее занятіе, кромѣ службы, было довольно трудно и неудобно, потому что я одѣвался въ худенькое пальтишко, былъ робокъ, застѣнчивъ, не умѣлъ отвѣчать на вопросы и не умѣлъ занять человека разговоромъ; кромѣ этого въ пять часовъ вечера я долженъ былъ идти на службу. Дядя влился, что мнѣ Богъ не даетъ счастья получать деньги изъ-за службы, и называлъ меня дармоедомъ, бумагомарателемъ. Но онъ не велѣлъ мнѣ брать взятокъ въ судѣ, не получать тамъ никакихъ доходовъ и не заводить дружбы съ служащими. Онъ думалъ, что брать взятки, значитъ сдѣлаться плу-

томъ и нигуда негоднымъ человѣкъ; если онъ получалъ самъ доходы, то называлъ ихъ дѣломъ безгрѣшнымъ, и даже злился тогда, когда какой пибудь богатый корреспондентъ давалъ только одному почтмейстеру; а если получать доходы въ судѣ — значитъ, стать наравнѣ съ служащими, а служащихъ судейскихъ онъ ненавидѣлъ.

Долго дядя ломалъ голову надъ тѣмъ, какую бы такую прискаты мнѣ работу, и ничего не придумалъ. Былъ у пась въ судѣ служащій Прохоровъ. Онъ, не смотря на то, что крѣпко пилъ водку, постоянно переписывалъ комедии, драмы и водевили для ролей актерамъ. Изъ театра ему платили по три и по пяти рублей за комедію или драму, и если работа была спѣшная, требовалась къ утру, онъ просиживалъ всю ночь. Работы у него было много, и часто онъ, пьяный, не могъ поспѣть къ утру. Я подлаживался къ нему, просилъ у него его работы и онъ удѣлялъ мнѣ половину, обѣщая заплатить рубль. Я переписывалъ цѣлую ночь; дядя съ теткой радовались, что я тружусь. Такимъ манеромъ я писалъ цѣлую недѣлю и за работу получалъ только одинъ рубль, потому что Прохоровъ остальныхъ денегъ не заплатилъ. Дядя называлъ Прохорова подлецомъ, велѣлъ мнѣ пожаловаться на него судѣ; но я жаловаться не сталъ. Дядя наконецъ придумалъ: хорошо бы мнѣ переписывать сочиненія у уважаемаго имъ литератора, потому-де, что я самъ умѣю сочинять и потому могу переписать безъ ошибокъ.

Этотъ литераторъ Николаевъ былъ какъ-то разъ въ конторѣ вечеромъ, онъ справлялся, не вышелъ ли такой-то журналъ, въ редакцію котораго онъ послалъ свою статью. Дядя затащилъ его къ себѣ, но предварительно велѣлъ теткѣ убрать какъ можно чище и наряднѣе комнату.

— Какого ты лѣшаго зазвалъ опять? спросила тетка сердито.

— Молчи; сочинителя Николаева... Онъ для него годится.

— Ну ужъ. Какой набудь кляузникъ! Наживешь ты съ нимъ бѣды.

Все-таки тетка вымела комнату, убрала съ дивана валявшіяся вещи, скатерти на столахъ приладила, цвѣты на овиѣ поправила. Наконецъ вошелъ дядя съ постороннимъ человѣкомъ. Я торчалъ на полатахъ и, притаившись, закурилъ трубку.

— Милости просимъ! милости просимъ, пожалуйста, говорилъ дядя вошедшему съ нимъ литератору.

— Вотъ вы гдѣ обитаете?

— Извините, что хата-то дырвата! състроилъ дядя. Подлецъ

почтмейстеръ вонъ куда меня стуриль. А миѣ, сами знаете, не такія должно имѣть комнаты.

— Скотина.

— Садитесь, пожалуйста. Извините—мебель-то у меня дрянъ. Бѣдность, съ житьемъ смучился.

— Да, нынче все дорого.

Дядя принесъ графинъ водки и двѣ рюмки; тетка принесла закуски.

— Выпьемъ-те. Извините...

— Я не пью-съ... Простую я не могу.

Дядя досталъ изъ шкафа дареную ему бутылку хересу, напѣвая какую то пѣсню, вѣроятно отъ радости, что онъ можетъ угостить гостя и дорогимъ виномъ. Литераторъ выпилъ рюмку хересу и похвалилъ вино. Я выглянулъ изъ-за полатей въ комнату: что, жолъ, это за штука сочинитель?

Эта штука была не высоаго роста, съ долгими волосами, маленькимъ, блѣднымъ лицомъ, обросшимъ бабенбардами и бородой. На немъ былъ сюртукъ, жилетка съ цѣпочкой, вѣроятно, отъ часовъ. Онъ, то и дѣло, поправлялъ галстукъ и загибалъ голову къ верху. Наружность его миѣ очень не нравилась.

— Ну, какъ дѣла ваши? спросилъ его дядя.

— Да пока ничего. Вотъ только въ прошлый разъ редакція не приняла статью, назадъ возвратила.

— Экіе скоты! — Дядя не зналъ еще въ то время, что такое редакція.

— Впрочемъ я передѣлалъ. Въ другую редакцію хочу... Да и эта редакція за одну статью миѣ и спасибо не сказала.

— А туда вы еще не посылали?

— Нѣтъ. Тамъ лучше платять.

— Это хорошо, что платять. Они скоты рады на доровщинку-то жить.

— Свины... Вотъ я теперь написалъ хорошую статью о мастеровыхъ. Я всегда съ маленькихъ начинаю, а потомъ гдѣ нибудь влею главное начальство.

— Это хорошо. Оно и выходитъ не замѣтно.

— Они-то замѣчаютъ. Потомъ ночи не спать, такъ ихъ, знаете, и подергиваетъ... Ужъ они думаютъ, думаютъ, какой это шельма отдѣлалъ ихъ.

Дядя захохоталъ.

— А если бы не наша братья, не то бы было. Повѣрьте, было бы хуже. Мы только и урезониваемъ ихъ: свиньи вы этикіе, что вы дѣлаете-то? поглядите-ка, какъ объ васъ весь свѣтъ судить.

— То-то, то-то.— Ну-съ!

— И въ нашей братьи есть тоже дрянн. А кто у насъ сочиненіями занимается?—управляющіе заводами, разные богатые люди, которые дальше носу ничего не видятъ.

— Подаетцы!.. Пожалуйте рюмочку.

Послѣ выпивки, литераторъ вытащилъ изъ кармана тетрадку, спитую изъ почтовой бумаги. Я видѣлъ, что на ней было что-то написано мелко, изчервано, запачкано разными цвѣтами — краснымъ и зеленымъ...

— Вотъ я эту статью посылалъ въ редакцію. Видите какъ изчерчено?.. А тутъ вонъ цѣлый уголъ оторвали, я ужъ самъ по памяти записалъ... Теперь я передѣлалъ.

— А!.. Я думаю, сколько вы это писали?

— Это все въ сутки.

— Ну-те-ка прочитайте .. А еще винца?

— Нельзя. Я прочитаю.

Литераторъ сталъ читать, но я ничего не понималъ: ужъ больно хитро было написано, да и самъ-то онъ едва разбиралъ.

— Видите, какъ я мелко пишу? Просто всѣ глаза испортилъ, да я въ редакціяхъ, поди, ругаютъ меня.

— Вы бы переписать отдали.

— О! наврутъ; да еще перескажутъ, пожалуй.

Литераторъ принялся читать; читалъ долго что-то такое, чего я не могъ понять, часто останавливался; дядя заглядывалъ въ тетрадку съ боку, улыбался. Въ такомъ умиленіи я рѣдко видалъ дядю; такъ онъ улыбался, когда клалъ въ мѣшокъ любимую имъ рыбу, приговаривая: вшь шельма!.. Когда литераторъ кончилъ, дядя сказалъ: такъ ихъ скотовъ и надо! Литератору это понравилось и онъ захохоталъ. Потомъ литераторъ началъ выхвалять свои достоинства: даромъ что я нигдѣ не обучался, а тоже ставлю имъ шпильки. Ужъ больно я соловъ имъ: какъ, говорятъ, такая бестія вонъ что пишеть. Боятся, каналы. Вонъ тоже есть чиновничшки литераторы: начнутъ съ конца, да и кончатъ началомъ; такъ тѣ въ хорошіе дома вхожи, потому что они двораци, а я, ничто, по ихъ мнѣнію, выхожу.

Тоже печатать посылаю. Вонъ хоть, по примѣру, Гавриловъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» статью объ улучшеніи нашей промышленности напечаталъ, да такую дрянь, что чортъ знаетъ что! въ свою пользу такъ и паровитъ пригнуть... Писали мнѣ, что ему за эту статью прислали пятьдесятъ рублей, тогда какъ она и копейки не стоитъ, да и онъ, знаете, тысячами ворочаетъ. Меня въ то время не было. Приѣзжаю я сюда, здѣсь по всему городу только и новостей, что Гавриловъ статью напечаталъ. Что, говорятъ мнѣ: Гавриловъ-то каковъ! у Гаврилова протекція есть. Ну, вотъ я и накаталъ опроверженіе, просто бѣда...

— А за это ничего? Не посадятъ?

— За что?.. — Ну, и послалъ въ «Сѣверную пчелку;» ждалъ мѣсяцъ, ждалъ два. Написали: нельзя принять. Я письмо туда, прошу назадъ, черти, пришлите, денегъ послалъ. Возвратили. Значитъ брезгаютъ, что я не чиновникъ.

— То-то нынѣ времена-то сѣверныя: каждый такъ и паровитъ напакостить другому.

— Это такъ. Вотъ меня и подергиваетъ обличить это.

— Ну ужъ это тоже загвоздка.

— Ничего. Лишь бы только не мѣшали мнѣ.

— Это главное... Ну, такъ у васъ какъ теперь?.. Вы печатаете гдѣ нибудь?

— Теперь меня три редакціи приглашали печатать, самыя лучшія: «Сѣверная Пчела», «Современникъ» и «Отечественныя Записки».

— Что же тамъ, какъ?

— Тамъ можно все такое забористое писать, и платятъ тамъ хорошо.

— А вы черезъ кого деньги получаете?

— Мнѣ высылаютъ черезъ одного здѣшняго купца... Такъ-то неловко... Да я и посылаю больше не по почтѣ, и своей фамиліи не подписываю.

— А! боитесь, значить... Какой хитрецъ!

Литераторъ захохоталъ.

— Ужо я принесу вамъ свою печатную повѣсть...

— Хорошо. Я никогда не читаю книжекъ, не охотникъ, а вашу прочту.

— Моя — маленькая, веселая: животъ надорвете отъ смѣху и юмору... Эффекты какіе, виды; чувства сколько...

— Ишь ты какой храбрый! Не врешь, такъ правда, подумалъ я. А тотъ, то и дѣло, хвалить себя. Дядѣ онъ, повидимому, надоѣлъ: дядя не любилъ хвастливыхъ людей, тѣмъ болѣе такихъ, которые не живутъ въ ладу съ людьми. Сочинителей онъ считалъ за шарлатановъ, которые на службу не ходятъ, а пишутъ про себя и куда-то посылаютъ. Дядя рѣшительно не понималъ, за что этотъ литераторъ получаетъ деньги? Тотъ говорилъ, что за то, что онъ матеріалы доставляетъ. Дядя обругалъ редакцію и спросилъ: а имъ на что матеріалы?.. Печатать, сказалъ тотъ. Дядя понялъ, по спросилъ: вѣрно они богаты тамъ? Литераторъ растолковалъ ему, что редакція издаютъ книжки на счетъ подписчиковъ, и оставшуюся сумму отъ расходовъ за печатаніе дѣлятъ съ сотрудниками; что редакторы-издатели поэтому очень богатые люди. Дядя дивился, слушалъ, повидимому, литератора съ удовольствіемъ, но у него часто вырывались слова: я васъ хотѣлъ... Но литераторъ не давалъ говорить дядѣ и ораторствовалъ о своихъ дѣяніяхъ очень горячо. Наконецъ-таки дядя сказалъ:

— Я васъ хотѣлъ попросить на счетъ моего парнишки...

— А у васъ развѣ сынъ есть?

— Нѣтъ, племянникъ, въ уѣздномъ судѣ служить.

— Большой?

— Да вотъ ужъ двадцатый годъ пошелъ

— Велико ли жалованье получаетъ?

Начался разговоръ о моей службѣ; оба ругали судъ, судью и служащихъ судейскихъ; литераторъ хотѣлъ видѣть меня.

— Онъ гдѣ у васъ теперь?

— Не знаю. А онъ съ большими способностями... Самъ что-то пишетъ:

— А! что же онъ пишетъ, стихи?

— Не знаю... Петенька, что ты пишешь? вскричалъ дядя.

— Ничего, сказалъ я.

Лицо у меня яри этихъ словахъ покраснѣло; я озлился на дядю, не зналъ сказать ли, что я пишу, но мнѣ очень хотѣлось спуститься съ полатей и показать ему драму.

— Дуракъ! тебя спрашиваютъ! закричалъ дядя.

— Да я такъ, ничего... Я драму пишу.

— О, нынче трудно писать драмы. Мечта одна... Я послалъ одну драму, пропала въ редакцію.

— Вотъ я хотѣлъ попросить васъ, чтобы вы прочитали его сочиненіе, а потомъ похлопотали бы о деньгахъ.

— Хорошо, если время будетъ, похлопочу. Знаете тутъ работы много.

По уходѣ этого литератора, дядя обругалъ его плутомъ. «Всю бутылку, шельма, выпилъ, а какъ закинулся за парня заступиться—и домой пошелъ. Сквалыга, право!»... Черезъ недѣлю этотъ литераторъ былъ у дяди и просилъ его отправить страховое письмо въ какую-то редакцію даромъ, потому-де, что у него теперь нѣтъ ни копѣйки денегъ, и помимо почтмейстера, потому что почтмейстеръ, пожалуй, прочтаетъ его статью и разболтаетъ въ городъ. Дядя сказалъ, что онъ письмо, пожалуй, отправитъ, но у него, впрочемъ, нѣтъ казенной печати, да и онъ боится отправить письмо, чтобы не нажить себѣ бѣды. Литераторъ остался не доволенъ этимъ. Черезъ нѣсколько времени кто-то сказалъ дядѣ, что литераторъ Николаевъ собирается описать въ газетѣ почтмейстера, помощника съ племянникомъ за ихъ-де тупоуміе. Дядя озлился, обругалъ Николаева, меня прозялъ и обозвалъ какъ-то всякія книжки и всѣхъ сочинителей. Съ этихъ поръ на мои занятія онъ со злостью смотрѣлъ; одинъ разъ даже оплеуху мнѣ засвѣтилъ, и я писалъ секретно, когда не было дома дяди и тетки, или лежа съ карандашемъ на полатахъ.

VIII.

Развитіе мое плохо подвигалось. Въ судѣ я только переписывалъ очень скоро безмысленныя бумаги, въ которыхъ рѣшительно не понималъ, къ чему онѣ и для чего такая формальность безтолковая? Дѣла мнѣ не давали читать, потому что меня считали не достойнымъ этой чести; читалъ я законы, но ихъ мудрое изрѣченіе плохо понималъ: читаешь какуюнибудь статью, не понимаешь; а если и поймешь, такъ забудешь гдѣ ее найти, такъ они отбиваютъ охоту отъ чтенія. Но все-таки я понималъ въ судѣ очень много, даже больше, чѣмъ другіе служащіе, прослужившіе въ судѣ два года. Я, напри- мѣръ, научился составлять бумаги: отношенія, указы, донесенія и рапорты, и форма ихъ изложенія казалась мнѣ безтолковою и пустою; по одной бумагѣ я слѣдилъ за ходомъ дѣла; въ копіяхъ съ рѣше-

ній я видѣлъ цѣлое короткое дѣло и представлялъ себѣ -положеніе обвиняемыхъ людей въ такомъ видѣ, что они не виноваты. Зная очень хорошо тѣхъ людей, которые сочиняли проекты рѣшеній, тѣхъ людей, съ которыми я служилъ, — я думалъ, что они пишутъ рѣшенія не такъ, какъ должно: я сравнивалъ ихъ съ хвастливымъ литераторомъ Николаевымъ, который, по моимъ понятіямъ, писалъ не дѣло, а фантазію. Но сочинять рѣшенія мнѣ казалось довольно труднымъ и тяжелымъ дѣломъ: я думалъ, что я въ рѣшеніи имѣю дѣло съ людьми; содержаніе дѣла казалось мнѣ неполнымъ; мнѣ хотѣлось самому поговорить съ обвиняемымъ: какъ было дѣло, а тамъ уже писать проектъ рѣшенія, не опираясь на показанія и разныя бумаги, составляющія дѣло. Кромѣ этого мнѣ страшно показалося рѣшать участь человѣка. Я понималъ теперь, что я служу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣшаются участи людей, откуда человѣкъ выходитъ запятанный позоромъ на всю жизнь или теряетъ все свое достояніе. Вотъ я и сталъ читать бумаги и дѣла, заглядывалъ въ разныя мѣста, читалъ различныя копія, реестры и все то, что попадалось мнѣ на глаза. Когда я былъ дежурнымъ, то рылся вездѣ, гдѣ не было заперто, и узналъ очень многое. Страшная небрежность, и хаосъ такъ-таки и царилъ тогда въ нашемъ судѣ: бумаги и дѣла разбросаны такъ, что ихъ или не скоро отыщешь, или совсѣмъ не найдешь; многія дѣла вовсе не запирались, а оставлялись служащими на окнахъ, когда они уходили домой; все дѣлалось такъ, какъ кому захочется, дѣлалось машинано, принужденно, такъ и казалось, что служащіе или вовсе не знаютъ своего дѣла, или только пишутъ для денегъ цѣлый мѣсяцъ, цѣлый годъ и цѣлую жизнь, пишутъ и сидятъ въ судѣ для должностей, или для чиновъ, или для пенсіи, или только изъ-за куска хлѣба... Отъ нихъ я ничего не могъ приобрести хорошаго. Соберутся они рано, поздороваются, обругаютъ другъ друга, расскажутъ какую нибудь новость, или что нибудь интересное для нихъ, напр. похождения кого нибудь въ открытые дома, какъ кто нибудь словилъ на бульварѣ дѣвицу и обманулъ ее, или какъ кто нибудь изъ нихъ у какой-то Машки разбилъ стекла въ окнѣ, выказывая свою удалъ и храбрость. Неучаствующіе въ этихъ разговорахъ, люди большею частью чиновные и заваленные работой, перемолвливались о томъ: сколько то имъ дадутъ за этотъ мѣсяцъ жалованья, когда-то будетъ ревизоръ и губернаторъ, и утѣшались тѣмъ, что судья и засѣдатели получили выговоръ. Члены разсуждали только о

картахъ и о городскихъ скандалахъ, да кричали на служащихъ. Служащіе ничего не читали хорошаго, да имъ и некогда, и нечего было читать, развѣ кромѣ сказокъ и смѣшнаго. Въ судѣ хотя и получались губернскія и сенатскія вѣдомости, но тамъ читались только распоряженія правительства и начальства, указы, производства и объявленія.

Черезъ годъ меня сдѣлали столоначальникомъ горнозаводскаго стола и я крѣпко принялся за изученіе дѣлъ. Дѣлъ было немного и я одинокъ справлялся со всемъ, что у меня было въ шкафу. Больше меня занимало сначала то, что у меня въ карманѣ ключъ отъ шкафа, а въ этомъ шкафѣ дѣла, которыя ввѣрены мнѣ для храненія, и въ этихъ дѣлахъ заключаются судьбы, счастье и горе нѣсколькихъ людей. Дѣла въ моемъ столѣ были: о кражѣ горнозаводскаго имущества, казеннаго и частнаго, о спорныхъ лѣсныхъ дачахъ, о лѣсныхъ порубкахъ, объ уничтоженіи межевыхъ знаговъ и спорныя дѣла объ имѣніяхъ мастеровыхъ. Многіе изъ этихъ дѣлъ лежали по пяти и десяти лѣтъ, не многіе рѣшались скоро, или отсылались къ заводскимъ исправникамъ для перепроверки. Я тотчасъ принялся за лежалыя дѣла, сталъ читать ихъ и рѣшительно не понималъ: кто правъ, кто виноватъ и что дѣлать? По своему соображенію я писалъ доклады, несъ дѣла въ присутствіе, членъ отглядывалъ читать до другого разу. Мои доклады оказались нигуда негодными; членъ сказалъ мнѣ, что я не знаю дѣла и долженъ спрашивать своего предметника; тотъ мнѣ или указывалъ, что дѣлать, или говорилъ: право не знаю, спросите горнаго члена.—Такъ какъ я былъ одинъ въ столѣ, то мнѣ, при всемъ моемъ стараніи, никакъ не удавалось упресить читать большія дѣла, да если я и читалъ, такъ не зналъ, что тутъ нужно дѣлать? Справившись въ законѣ, найдешь что-то подходящее къ этому дѣлу, прочитаешь въ законѣ дальше, другія статьи другое говорятъ... и думаешь, хлопаешь глазами; думаешь: какъ? что же дѣлать-то?—Такъ долго сидишь, въ жаръ тебя бросить, отупѣешь и бросишь дѣло въ шкафъ... А чортъ съ нимъ! скажешь. Въ другой разъ хорошенько займусь. Черезъ мѣсяць займешься, и опять тоже самое. И досадно мнѣ, что у меня лежатъ такія старыя и тяжелыя дѣла, досадно, что я понять содержаніе ихъ не могу, зачѣмъ пишутъ такъ непонятно, досадно, что другіе столоначальники въ одинъ день прочитаютъ дѣло и на другой напишутъ по этому дѣлу прозектъ рѣшенія.

Пробовалъ и я писать проекты рѣшеній, но сочинялъ ихъ цѣлую недѣлю, потому что раза по три переписывалъ, но горный членъ не читалъ моихъ рѣшеній, а сочинялъ самъ. Поэтому, чтобы приохотить его къ занятію и сбыть скорѣе дѣла, я уседно принялся писать доклады, и, хотя горный членъ передѣлывалъ ихъ, дѣла въ моемъ шкафу долго не залеживались. За это мнѣ давали жалованья сначала семь рублей, а потомъ, когда я сталъ ссориться съ судьей, мнѣ опять стали давать по три рубля въ мѣсяць.

Въ два года я узналъ все, что дѣлалось въ судѣ и, мнѣ ужасно тяжело было служить тамъ. А служилъ я вотъ съ какими людьми.

IX.

Судья и засѣдатели получали не большое жалованье, но все-таки имъ на это жалованье было можно жить, если не допускать излишней роскоши. За то имъ платили отъ заводовъ, потому что тогда была крѣпостная зависимость. Въ судьи попадалъ человѣкъ, состоявшій въ роднѣ съ правителемъ губернаторской канцеляріи или совѣтникъ губ. правленія; въ засѣдатели — столоначальники губ. правленія, люди мало знающіе судебную часть. Нашъ судья былъ человѣкъ богатый, родня правителю канцеляріи губернаторской, нигдѣ не кончившій курса, человѣкъ добрый, но пріѣхавшій въ судъ учиться судопроизводству и для того, чтобы считаться въ уѣздѣ важнымъ лицомъ. Приходилъ онъ на службу въ первомъ часу и выходилъ въ четвертомъ. По приходѣ начиналъ разговаривать съ засѣдателями о карточной игрѣ и о прочемъ постороннемъ цѣлѣйшій часть, потомъ начиналъ распечатывать пакеты. Онъ читалъ только предписанія и указы начальства, и на всѣхъ бумагахъ писалъ число и мѣсяць. Это продолжалось съ часъ. Остальное время онъ употреблялъ на подписыванье журналовъ, бумагъ и протоколовъ, прошеній и вставокъ въ рѣшенія опредѣленія времени наказанія или числа розогъ и плетей. Число и время въ рѣшеніяхъ онъ выставлялъ по своему желанію; противъ поля въ журналѣ обыкновенно выставлялось засѣдателемъ, число: отъ 30 до 40 ударовъ или отъ 3 мѣсяцевъ до 6 м., а судья писалъ «тридцатью пятью ударами», «на четыре мѣсяца». Случалось, что ему приходила охота заняться дѣломъ,

не доклады ему было лѣнь читать, потому что ихъ было много. — Полагаясь вполнѣ на членовъ и секретаря, онъ спрашивалъ ихъ:

— О чемъ этотъ докладъ?

Членъ объяснялъ ему.

— Ну-съ, какъ по вашему?

— Да ничего. Надо журналъ писать.

— Какъ вы находите?

— Надо въ Сибирь сослать.

— Ну ужъ эта Сибирь! Наполнимъ же мы ее всякими людьми. Эяя канальи, не живется имъ на одномъ мѣстѣ.

— Мы свое дѣло сдѣлали, а тамъ Палата пусть по своему рѣшаетъ.

— То-то и есть.

— Вотъ я не знаю только, какъ имъ не стыдно писать намъ выговоры? говорить другой засѣдатель.

— Что эти выговоры! Стоитъ обращать вниманіе. Знаемъ мы, сколько они сами-то получаютъ выговоровъ....

До положенія служащихъ судья не касался и считалъ ихъ за черно-рабочихъ людей. Онъ только опредѣлялъ и увольнялъ ихъ и зналъ только столоначальниковъ. Впрочемъ онъ давалъ на канцелярію къ новому году и къ пасхѣ по десяти рублей изъ своихъ денегъ.

Засѣдателей было въ то время два. Одинъ по уголовной части, котораго называли «сальной бочкой», а другой по гражданской, и этого звали «пряничнымъ пѣтушкомъ». Сальная бочка и пряничный пѣтушокъ знали свое дѣло и извлекали изъ него каждый пользу для себя, но если случалось, что одному засѣдателю нельзя быть въ судѣ, то другой занималъ его должность и въ его должности ничего не смыслилъ. Оба засѣдателя гдѣ-то учились, но нигдѣ не кончили курса, а на службу поступили копѣистами чуть ли не съ пятнадцатилѣтняго возраста. Каждому было по пятидесяти лѣтъ и каждый не одинъ разъ былъ подъ судомъ, изъ подъ котораго каждый ловко вывернулся. Прежде они писали рѣшенія и различные доклады, когда же сдѣлались засѣдателями, то восчувствовали барство, облѣнились и всю обязанность сочиненія докладовъ и рѣшеній предоставили столоначальникамъ, или простымъ канцелярскимъ служителямъ, которые исключительно занимались только рѣшеніемъ дѣла и получали за это жалованье больше столоначальниковъ. Большую часть времени засѣдатели проводили въ разгово-

рѣ съ судьей, секретаремъ, повѣренными отъ заводовъ, съ знаковыми просителями и съ столоначальниками. Къ своему дѣлу они относились какъ-то шутя, подписывали бумаги, распекали столоначальниковъ, писали въ настольныхъ журналахъ резолюціи и при этомъ говорили, что они «о-охъ, какъ ужасно смучились!». Когда имъ бывало скучно дома, они приходили въ судъ по вечерамъ, не для занятій по дѣламъ, а для препровожденія времени разговорами съ секретаремъ, надсмотрщикомъ и столоначальниками, и при этомъ дѣлали видъ, что они это дѣлаютъ какъ-будто изъ милости къ маленькимъ людямъ. Вечеромъ они только мѣшали занятіямъ; впрочемъ служащіе рады были услышать какую нибудь сплетню отъ засѣдателя и потомъ перетолковать ее по своему. Когда убрали «сальную бочку», въ судъ пріѣхалъ Добрынинъ, имѣвшій чинъ коллежскаго регистратора и тридцать три года. Онъ приходился судьѣ родней по женѣ, и дѣла рѣшительно не смыслилъ. Помню я, когда ему положили въ первый разъ кучу дѣлъ безъ докладовъ и настольный реестръ со входящими бумагами, и онъ, желая поназаться знающимъ дѣло, долго перебиралъ дѣла, но и эта переборка ему стала не подъ силу. Онъ призвалъ столоначальника.

- А зачѣмъ вы дѣла ко мнѣ положили?
- Для того, чтобы вы прочитали.
- А вы на что столоначальникомъ сдѣланы?
- У меня очень много дѣлъ.
- А сколько?
- Да дѣлъ восемьдесятъ не рѣшенныхъ.
- Такъ вы и напишите по всѣмъ доклады; тогда и дѣла подайте.
- Времени нѣтъ.
- А я судьѣ пожелаюсь.

Судья сказалъ Добрынину, что столоначальникъ правъ, потому что по закону доклады долженъ писать самъ членъ. Послѣ этого Добрынинъ ласково просилъ столоначальника избавить его отъ сочиненій и обидѣлся, что столоначальникъ не уноситъ книгу и бумаги.

- Зачѣмъ они лежатъ тутъ?
- Вы резолюціи должны написать.
- Какія?
- А что сдѣлать съ бумагой. Которую нужно приобщить къ дѣлу, такъ вы пишете: «приобщить къ дѣлу, строго подтвердить или увѣдомить...» или какъ найдете лучше.

Засѣдатель, не понимая сущности дѣла, такъ и сдѣлалъ. Столоначальникъ показавъ всѣмъ служащимъ книгу и служащіе прозвали его пробкой, а дѣла по его части началъ читать и поправлять секретарь.

Эти засѣдатели едва умѣли читать и подписывать свою фамилію; бывали и такіе, которые, по безграмотству, прикладывали свои печати. Они были въ земскомъ судѣ въ то время, когда они нужны были для подписыванія бумагъ. Больше они не нужны были ни на какія потребности, и хотя они носили форму, но служащіе земскаго суда часто посылали ихъ за водкой и колотили пьяныхъ. Эти засѣдатели—люди изъ врестьянъ и выбираются въ засѣдатели сельскимъ обществомъ. Въ селахъ они дѣйствительно полезнѣе всякихъ ученыхъ засѣдателей, потому что при словесномъ разбирательствѣ они обсудятъ дѣло вѣрнѣ всякаго судейскаго засѣдателя, не знавши грамоты. Но въ суды ихъ приглашаютъ не для словесныхъ разбирательствъ, а для подписыванія бумагъ, въ которыхъ они ничего не смыслятъ и которыя во многихъ случаяхъ рѣшаютъ судьбу человека. Такой засѣдатель знаетъ, что онъ подписываетъ въ судахъ бумаги, а судъ онъ понимаетъ также, что тамъ рѣшаются дѣла такіа, какія рѣдко, или вовсе не бываютъ на словесномъ разбирательствѣ. Онъ боится подписывать, опасаясь за отвѣтственность, чувствуетъ, что это дѣло не его, но его силой заставляютъ, не даютъ жалованья, а отказаться онъ не можетъ, потому что таковъ существующій законъ и таковы понятія дѣйствительныхъ членовъ суда, которые на свою должность смотрятъ, какъ на препровожденіе времени и на поживу.

Нужно, напримѣръ, одного изъ засѣдателей, и идетъ изъ уѣзднаго суда въ земскій писецъ. Тамъ спрашиваетъ онъ сторожа:

- Гдѣ засѣдатель?
- Сельскій?
- Ну.
- На рынокъ ушелъ.
- Отыщи его пожалуйста.

Сторожъ отыщетъ сельскаго засѣдателя гдѣ нибудь въ кабацѣ и приведетъ въ уѣздный судъ.

- Эй ты, засѣдатель! Поди подписывай, справь службу.
- Не могу, братцы, хмѣленъ больно.
- Ну-ну!

И его за волосы притащатъ въ присутствіе уѣднаго суда, а дорогой надають подзатыльниковъ, издѣвались надъ его мужичествомъ.

— Пиши, морда!.. Пиши свою тамгу!—И засѣдателя щелкають по лбу.

— Што писать?

— У, дубина. Пиши фамилію; вотъ здѣсь... И столоначальникъ комотитъ засѣдателя въ спину.

— А тутъ што?

— Ну, еще спрашивать вздумалъ. Какъ скажу судьѣ, онъ тѣ задасть.

И подписываетъ засѣдатель бумаги, или прикладываетъ къ нимъ печать... Если же онъ слишкомъ пьянъ, то у него берутъ его печать и безъ его вѣдома прикладываютъ ее. Если трезвый и толковый засѣдатель захочетъ читать бумаги, ему не даютъ читать, говоря: не твое дѣло; коли старшіе подписали, подписывай.

— А если я подъ судъ попаду?

— Эка важность.

И подписываетъ засѣдатель, самъ не зная, что заключается въ бумагѣ... .

Не лучше этихъ засѣдателей были также бургомистръ и ратманы.

Бургомистръ и ратманы вообще выбирались изъ богатыхъ купцовъ, и эти господа, попавши какимъ нибудь образомъ на такіе почетныя должности, старались долго удержаться на нихъ. Они шли на нихъ ради формы и почета и имѣли большое вліяніе на податное сословіе города. Они рѣдко занимались дѣлами даже по магистрату, предоставляя всякія разбирательства и рѣшенія магистратскому секретарю, который могъ сдѣлать съ своими начальниками все, что хотѣлъ, и получалъ за свои труды отъ нихъ большое жалованье. Купецъ занять весь день коммерческими дѣлами и всякому говорилъ, что онъ не знаетъ, зачѣмъ это его выбрали еще на должность въ магистратъ, какъ будто не знаютъ, что у него и безъ магистрата много дѣлъ. «Ужъ этотъ мнѣ магистратъ!... Я бы съ радостью уступилъ свое мѣсто другому»... говорилъ обыкновенно этотъ должностной человѣкъ и бранилъ судью и прочихъ тѣмъ, что они не даютъ ему покою съ своими бумажонками, до которыхъ ему, коммерческому человѣку, нѣтъ дѣла. Но посторонніе знали, что этотъ купецъ лицемеритъ. Всякій видѣлъ, что бургомистръ и ратманы загибали голову передъ своими товарищами, говорилъ свы-

вока, жили дружно съ тѣми, отъ кого зависѣли выборы и утверженіе ихъ въ должностяхъ, и очень любили свою форму. Въ магистратъ они ходили рѣдко, а въ уѣздный судъ ихъ едва могли призвать, потому что они отговаривались недосугомъ. Такъ какъ нѣкоторые дѣла не терпятъ отлагательствъ, то секретарь посылалъ имъ докладъ и разныя бумаги на домъ. Если есть у купца охота читать, онъ станетъ читать дѣло, но онъ напередъ знаетъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ ничего не понимаетъ, и если секретарь что говорить, стало быть это такъ и должно, на то онъ и секретарь, на то и выписанъ изъ губернскаго города. Купецъ даже обидится, если секретарь попроситъ прочесть его дѣло.

— Поди-ка мнѣ есть время читать тутъ всякую дрянъ... Стану я заниматься!... У меня и безъ этихъ дѣловъ своего дѣла много, жоважнѣе этого... Ты, значить, секретарь и долженъ все знать, за то ты и деньги получаешь.

Поэтому бургомистръ и ратманы только носили званіе, одѣвались въ форму, ѣздили въ магистратъ для приличія и занимались только подписываніемъ бумагъ. Когда назначалось въ уѣздномъ судѣ общее присутствіе уѣзднаго суда съ магистратомъ, то магистратскихъ членовъ приглашали въ судъ. Въ это присутствіе являлся обыкновенно одинъ ратманъ и бургомистръ, а другой ратманъ подписывалъ журналъ или протоколъ на дому. Придутъ купцы въ длинныхъ мундирахъ, сядутъ на назначенныя имъ мѣста и начнется разговоръ о торговлѣ, или о городекихъ новостяхъ. Станетъ секретарь читать докладъ, купцы слушаютъ и хлопаютъ глазами.

— А ну, какъ по вашему? спросилъ судья.

— Что?

— А рѣшеніе.

— Да ничего, ровню ладно. Мы въдь эвто дѣло не знаемъ... Ужь вы и рѣшайте.

Случалось что они и спорили, но едва ли это дѣло было не по нимъ, потому что, во первыхъ, они не знали сущности дѣла, а во вторыхъ, если и знали, то соблюдали свой интересъ; въ этомъ случаѣ они горячо заступались за своего брата, ругая судью и всѣхъ судейскихъ членовъ, на что судья имъ замѣчалъ о приличіяхъ и намекалъ на ихъ должности. Купцы утихали, молчали и стояли на своемъ, что знать не хотятъ судъ, что они выше суда и никакихъ

дѣловъ послѣ этого не хотять имѣть съ судьою. Ихъ просили написать свое мнѣніе тутъ-же, но они уѣзжали домой, а потомъ просили секретарей сочинить протестъ. А такъ какъ по дѣламъ ихъ всегда просили и они ненавидѣли вообще приказныхъ, то часто случалось, что они не соглашались съ мнѣніемъ суда, а потомъ, когда судья пугалъ ихъ опозовкой, они дарили его.

Все-таки купцы были очень осторожны: они никогда не подписывались раньше подписи судейскихъ членовъ. Они говорили, что «они отъ короны служатъ, они и должны за все отвѣчать. Подпиши они и мы подпишемъ. А то кто ихъ знаетъ, что они тамъ напелли! Ужъ если подѣ судѣ идти, такъ всѣмъ». Купцы, конечно, не боялись идти подѣ судѣ, потому что они были богатые, и они всегда радовались, если чиновниковъ отдавали подѣ судѣ.

И такъ, значитъ, секретарь главное лицо въ судѣ. Вся вина обыкновенно падаетъ на него: отдадутъ членовъ подѣ судѣ, — отдадутъ и его, да еще члены обругаютъ его; сдѣлаютъ имъ выговоръ, — сдѣлаютъ и секретарю выговоръ, да еще члены обругаютъ его, что «это мы по вашей милости влопались». Секретарь долженъ прочитать каждое дѣло, прочитать каждый докладъ и каждую бумагу и знать наизусть все, что есть въ судѣ: знать все содержаніе всѣхъ дѣлъ и всѣ судейскіе порядки. Понятно, каковъ долженъ быть секретарь?.. Нашъ секретарь прошелъ огонь и воду: онъ служилъ сначала въ канцеляріи губернатора, потомъ въ губернскомъ правленіи, оттуда его за пьянство сослали въ какой-то судѣ, онъ опять поѣхалъ въ губернское правленіе, оттуда въ нашъ судѣ. Въ этомъ судѣ онъ служилъ столоначальникомъ во всѣхъ столахъ, нѣсколько разъ былъ смѣняемъ съ должностей за пьянство, и только послѣ женитьбы на богатой эконогѣ богатой купчихи попалъ въ секретари. Ему очень трудно было слѣдить за всѣми порядками въ судѣ; у него очень много было работы, а такъ какъ въ нашемъ судѣ было очень много всякихъ дѣлъ, то онъ, запутавшись въ нихъ, заставлялъ столоначальниковъ сочинять рѣшенія, доклады и занимался только чтеніемъ дѣлъ, поправками докладовъ и подписаніемъ бумагъ. За то если ему случалось сочинять, то всѣ его сочиненія утверждались безъ всякихъ поमारокъ. Судья не даромъ называлъ его своею *правою рукой*; а секретарь называлъ себя *хозяйномъ суда*.

Всѣхъ служащихъ въ судѣ было пятнадцать человѣкъ. Изъ нихъ штатныхъ было девять человѣкъ, въ томъ числѣ столоначальникъ съ надсмотрщикомъ, а остальные служащіе — по найму. Изъ дворникъ были только одинъ судья, а изъ канцелярской братіи только два чпловника. Каждому изъ канцелярскихъ были распределены занятія: одни сочиняли рѣшенія и больше ничѣмъ не занимались, другіе докладами, третьи журналами, четвертые протоколами; переписки вообще было не много. Здѣсь два разряда работы: одна машинная, другая умственная. Къ машинной причисляются переписка бумагъ, записка ихъ въ книги и написаніе журналовъ. Умственная работа — это было сочиненіе бумагъ и все то, что требовало соображеній. Сидить, напримѣръ, столоначальникъ или писецъ, сочиняетъ отношеніе, и долго долго онъ мучится; ужъ кажется, привыкъ къ сочиненіямъ отношеній, но все какъ-то ему хочется сочинить лучше, для того, чтобы сбыть бумагу поскорѣе или чтобы она понравилась члену. Впрочемъ людямъ привычнымъ къ канцелярскому строченію, подобная работа ничего не значила: они въ одинъ присѣсть написывали по рѣшенію и были довольны тѣмъ, что отдали его въ присутствіе, а тамъ цензурой кто хочешь, потому что, какъ ни сочиняй, какъ ни старайся отличиться, — а все безъ помарокъ не обойдется.

Ф. Рѣшетниковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Т Е Р Е З А .

І .

Мы — дядя мой, докторъ Яковъ Вагнеръ, старая служанка его Лизбета и я, — жили тихо и мирно въ деревнѣ Анштатъ, среди вѣмецкихъ Вогезъ. Дядя Яковъ взялъ меня къ себѣ, когда умерла сестра его Христина. Мнѣ было около десяти лѣтъ; я былъ бѣлокурый, розовый и свѣжій, какъ херувимъ. Носилъ я бумажный колпакъ куртку коричневаго бархата, перешитую изъ старыхъ дядиныхъ панталонъ, старые холщевые штаны и деревянные башмаки, скрапленные сверху клочкомъ шерсти. Въ деревнѣ звали меня маленькимъ Фрицелемъ. Дядя Яковъ, всякій вечеръ, возвращаясь отъ больныхъ, сажалъ меня къ себѣ на колѣни и училъ читать по французски по «Естественной исторіи» Бюффона.

Передо мною живо рисуется наша низенькая комната, по потолку которой идутъ закопченныя балки. Я точно еще вижу на лѣво маленькую дверь изъ гарридора и дубовый шкафъ; на право альковъ, задернутый зеленой саржевой занавѣской; въ глубинѣ проходъ въ кухню, подлѣ него чугунную печку съ большими вылитыми украшеніями, изображающими двѣнадцать мѣсяцевъ года, — оленя, рыбу, козерога, водолюбъ, снопъ и т. д., а со стороны улицы, два не большія окошечка, выглядывавшія изъ-за виноградной зелени на площадь съ фонтаномъ.

Какъ теперь вижу я и дядю Якова, высокаго роста, съ большимъ лбомъ, окаймленнымъ славными бѣлокурыми волосами, граціозно обрисовывающими его широкіе виски, его носъ съ небольшимъ горбомъ, голубые глаза, округленный подбородокъ, нѣжныя и добрыя губы. На немъ черныя ратиновые панталоны, небесно-голубаго цвѣта, сюртукъ съ мѣдными пуговицами, мягкіе сапоги, съ свѣтло-желтыми отворотами и съ выточкой спереди. Вижу я, какъ онъ сидитъ въ своемъ кожаномъ креслѣ, положивъ руки на

столь, и читаетъ, а солнце играетъ черезъ виноградную зелень на лицѣ его, нѣсколько продолговатомъ и загорѣломъ.

Дядя былъ человѣкъ сентиментальный и миролюбивый; ему было около сорока лѣтъ, и онъ считался лучшимъ докторомъ во всемъ околodкѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ увлекался теоріями общаго братства, и что связки книгъ, что приносились по временамъ почтальнономъ Фрицомъ, трактовали объ идеѣ всеобщаго братства.

Все это я будто вижу; вижу и нашу Лизбету, нашу морщинистую и улыбающуюся старуху, въ синей холщевой кофтѣ и юбкѣ, сидящую за пряхкой въ углу, вижу и кота Роллера, который, сидя на хвостѣ за печкой, о чемъ-то мечтаетъ, вынувшивъ большіе глаза, свѣтящіеся въ потемкахъ, какъ глаза совы.

Мнѣ кажется, что стоишь -миѣ пройти только корридоръ, и я попаду въ кладовую, благоухающую овощами; стоишь только подняться на лѣстницу, и я очутюсь въ моей комнатѣ, гдѣ я выпускалъ зеленыхъ и лазоревыхъ птичекъ, которыхъ мы ловили съ Гансомъ Аденомъ, сыномъ сапожника, приманивая ихъ дудочкой. Маленькая Лиза Мейеръ, дочь бургомистра, часто приходила смотреть на птичекъ и выпрашивала ихъ у меня; и когда всѣ мы, Гансъ Адень, Людвигъ, Францъ Сепель, Карлъ Штенгеръ и я, отпирывались вмѣстѣ къ Биркенвальду пасти коровъ и козъ, она всегда прищиплялась къ моей курткѣ, говори миѣ:

— Фрицель, дай я погоноу вашу корову... не прогоняй меня!

И я давалъ ей свой хлѣстъ; мы разводили на лугу огонь и некли въ золѣ картофель.

Хорошее было время! Какъ все вокругъ насъ глядѣло тихо и мирно! Какъ все шло весело! никогда ни малѣйшаго безпокойства: понедѣльникъ, вторникъ, среда, всѣ дни недѣли проходили совершенно одинаково.

Всякій день мы вставали въ одинъ и тотъ же часъ, одѣвались и садились ѣсть мучной супъ, приготовленный Лизбетой. Дядя уѣзжалъ верхомъ, а я отправлялся устраивать силки и петли для сѣрыхъ дроздовъ, воробьевъ или зеленыхъ дубоносокъ, смотря по времени года.

Въ двѣнадцать часовъ мы возвращались и ѣли салникъ съ капустой, лапшу или клецки. Потомъ я отправлялся или пасти, или осматривать силки, или, въ жаркій день, кунаться въ Квечѣ.

Вечеромъ, къ концу ужина, когда по комнатѣ разстилался полумракъ отъ сѣровой ночи, въ корридорѣ раздавались тяжелые шаги, дверь отворялась; и на порогѣ показывался коренастый, широкоплечій мужчина, въ большой пуховой шляпѣ.

—Здравствуйте, господинъ докторъ, говорилъ онъ.

— Садитесь, кротоловъ, отвѣчалъ дядя. Лизбета, отвори кухню. Лизбета отворяла дверь, и красное пламя, нправшее въ очагѣ, освѣщало кротолова, сидѣвшаго за нашимъ столомъ и смотрѣвшаго своими маленькими, сѣрыми глазами на нашу Ъду. Физиономія его очень походила на морду полевой мыши: длинный носъ, маленькій ротъ, сѣзанный подбородокъ, четыре волоска рыжихъ, торчавшихъ вмѣсто усовъ. Его сѣрый холщевой парусинникъ едва доходилъ до низа спины, широкій красный жилетъ съ огромными карманами болтался на бедрахъ, а въ громадныхъ, отъ пыли пожелтѣвшихъ, башмакахъ были вбиты толстые гвозди, блестящіе спереди, какъ когти, до самаго верха подошвъ.

Кротолову было, по всей вѣроятности, лѣтъ пятьдесятъ; волосы его начинали сѣдѣть, глубокія морщины испещряли его красноватый лобъ, а бѣлыя брови, съ рыжеватымъ отгѣнкомъ, падали ему почти на глаза.

Его постоянно встрѣчали, или въ полѣ, разставляющимъ кашканы, или у дверей его косаго улья, въ пустошахъ Биркенвальда, въ маскѣ изъ проволочной сѣтки, въ толстыхъ холщевыхъ рукавицахъ и съ большой острой ложкой для подрѣзыванія пчелинаго меда.

Въ концѣ осени онъ уходилъ изъ деревни на цѣлый мѣсяцъ, съ котомкой за спиной, неся съ одной стороны большой горшокъ съ медомъ, а съ другой куски желтаго воска, который онъ отправлялся продавать окрестнымъ понамъ для церковныхъ свѣчей.

Таковъ былъ кротоловъ.

Осмотрѣвъ внимательно столъ, онъ говорилъ:

— Это сыръ... это орѣхи...

— Да, отвѣчалъ дядя, милости просимъ.

-- Благодарю; теперь я лучше выкурю трубку.

Затѣмъ онъ вынималъ изъ кармана черную трубку съ мѣдною крышечкою и маленькою цѣпочкою. Онъ тщательно набивалъ ее, не переставая все смотрѣть, потомъ отправлялся въ кухню, бралъ своей мозолистой рукой уголь изъ печки и клалъ его на табакъ. Я точно вижу его передъ собою, съ его мышиною мордочкой, какъ онъ, закинувъ голову, выпускалъ передъ яркимъ пламенемъ очага большіе клубы дыма; потомъ входилъ въ комнату и садился, положивъ ногу на ногу, въ тѣни, въ углу печки.

Кромѣ кротовъ, пчелъ, воска и меда у кротолова было еще одно важное занятіе: онъ предсказывалъ будущее по полету птицъ, по количеству кузнечиковъ и гусеницъ, и по нѣкоторымъ преданіямъ.

записаннымъ въ толстой книгѣ съ деревяннымъ переплетомъ, которая досталась ему по наслѣдству отъ старой его тетки изъ Геминга.

Но, чтобы заговорить о предсказаніяхъ, ему необходимо было присутствіе друга его, Коффеля, столяра, токаря, часовщика, собачьяго лекаря, ветеринара, словомъ самаго, талантливаго человѣка въ Анштатѣ и окрестностяхъ.

Коффель былъ, что называется, человѣкъ на всѣ руки: онъ чинилъ битую посуду, связывая ее проволокой, лудилъ кастрюли, исправлялъ старую поломанную мебель, приводилъ въ порядокъ органъ, когда портились въ немъ флейты и мѣхи; дядѣ Якову пришлось даже просить его не мѣшаться въ докторскую практику и не лечить сломанные руки и ноги. Кротоловъ сильно восхищался имъ и говорилъ иногда: «Досадно, что Коффель не ученъ... Досадно!» У деревенскихъ кумушекъ онъ считался человѣкомъ всевѣдущимъ.

Но изъ всего этого похлебки не сварить, и потому Коффель прибѣгалъ къ болѣе вѣрному источнику. Осенью онъ отправлялся, съ выдвижнымъ ящикомъ въ видѣ корзинки и со стругомъ за спиной, шинковать кислую капусту, покрикивая у каждой двери: «капусты, не надо ли капусты?». Вотъ какъ вознаграждаются великіе умы!

Маленькій и гениальный Коффель, съ черной бородой и черными волосами, съ тонкимъ носомъ, прямымъ, какъ у дикой утки, также являлся къ намъ по вечерамъ. Онъ входилъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ кротолова и, подходя тихими шагами, говорилъ:

— Хлѣбъ-соль, господинъ докторъ.

— Не покушаете ли съ нами? отвѣчалъ дядя.

— Покорно благодарю; мы ѣли сейчасъ салатъ; салатъ я всего больше люблю.

Послѣ этихъ словъ, Коффель садился за печкой и не трогался до тѣхъ поръ, пока дядя не приказывалъ:

— Ну, Лизбета, зажги свѣчку и убери со стола.

Тогда дядя, въ свою очередь, набивалъ трубку и подвигался къ печкѣ. Разговоръ шелъ о дождѣ, о хорошей погодѣ, объ урожаѣ и т. д. о томъ, что кротоловъ поставилъ въ тотъ день столько-то вапкановъ, отвелъ во время грозы воду отъ такого-то поля, или о томъ, что онъ сръзалъ столько-то меду на своемъ пчельникѣ, что пчелы его должны скоро роиться, что у нихъ начался шумъ и что онъ заранѣе приготовлялъ короба для принятія молодого роя.

Коффель же вѣчно мечталъ о какомъ нибудь изобрѣтеніи; онъ то говорилъ о своихъ часахъ безъ гирь, въ которыхъ, въ то время, какъ они были двѣнадцать, должны были являться двѣнадцать апостоловъ, пѣть пѣтухъ, а смерть косить; то мечталъ о телѣжкѣ,

которая, когда ее заведешь, какъ часы, сама ѣздила, или о какомъ нибудь другомъ чудесномъ открытіи.

Дядя слушалъ серьезно, поддакивалъ и кивалъ головою, думая о своихъ больныхъ.

Ѣтомъ, передъ нашими открытыми окнами на каменную скамейку садились сосѣдки и болтали съ Лизбетой о хозяйственныхъ предметахъ: одна соткала въ прошлую зиму столько-то аршинъ холста, у другой куры снесли нынче столько-то яицъ въ одинъ день и т. п.

Пользуясь удобнымъ случаемъ, я убѣгалъ въ конецъ деревни, въ кузницу Клипеля, свѣтъ отъ которой виднѣлся въ потьмахъ издали. Гансъ Адень, Францъ Сепель и многіе другіе сидѣли уже тамъ. Мы смотрѣли, какъ, точно молніи, вылетали искры изъ подъ молотка и свистѣли подъ шумъ наковальни. Когда приводили ковать какую нибудь старую клячу, мы помогали поднимать ей ногу. Мальчики постарше пробовали курить орѣховые листья, отчего ихъ мучило; нѣкоторые гордились тѣмъ, что по воскресеньямъ ходятъ танцевать,—такимъ было лѣтъ пятнадцать, шестнадцать. Они носили шапки на бекрень и курили съ важнымъ видомъ, засунувъ руки въ карманы.

Въ десять часовъ вся ватага расходилась; всякій отправлялся во свояси.

Такимъ образомъ проходили шесть дней въ недѣлѣ. Но по недѣльникамъ и по пятницамъ дядя получалъ Франкфуртскую газету, и въ эти дни у насъ дома собиралось больше народа. Кромѣ вртолова и Коффеля, къ намъ приходили нашъ бургомистръ Христіанъ Мейеръ и Каролусъ Рихтеръ, внукъ стараго слуги графа де-Сальмъ-Сальма. Ни тотъ, ни другой не хотѣли подписаться на газету, а любили слушать ее на даровщинку.

Сколько разъ съ тѣхъ поръ припоминалъ я нашего толстаго бургомистра съ красными ушами, въ шерстяной курткѣ и бѣломъ бумажномъ колпакѣ, сидящаго въ креслѣ, на обычномъ мѣстѣ дяди! Онъ, казалось, размышлялъ о вещахъ глубокомысленныхъ; но главное стараніе его заключалось въ томъ, чтобы запомнить новости и рассказать ихъ потомъ женѣ, добродѣтельной Варварѣ, управлявшей подъ его именемъ деревней.

Длинный Каролусъ, походившій на борзую собаку, ходилъ въ охотничьемъ платьѣ и въ кожаной фуражкѣ. Онъ былъ самый большой ростовщикъ околodka и смотрѣлъ на всѣхъ крестьянъ свысока, потому что дѣдъ его служилъ лакеемъ у Сальмъ-Сальма. Каролусъ, въ видѣ одолженія, курилъ чужой табакъ и постоянно го-

ворилъ о паркахъ и птичьихъ дворахъ съ фазанами, о большихъ ехотахъ и травляхъ, о правахъ и привилегіяхъ Сальмъ-Сальма. Какъ часто снилось мнѣ, что онъ ходитъ передо мною взадъ и впередъ по нашей низенькой комнатѣ, слушаетъ, хмурия брови, вдругъ засовываетъ руку въ широкій карманъ дяди за кисетомъ съ табакомъ, набиваетъ трубку, закуриваетъ ее на свѣчѣ и говоритъ: «повольте!»

Да, все это и будто еще вижу.

Бѣдный дядя Яковъ, добродушно позволялъ курить свой табакъ; да онъ съ такимъ вниманіемъ читалъ новости, что не замѣчалъ даже этого. А новости были съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе интересныя. Республиканцы овладѣли Палатиномъ; они спустились по Рейну, осмѣлились стать противъ трехъ курфирстовъ, короля прусскаго Вильгельма и императора Юсифа.

Всѣ присутствующіе дивились ихъ смѣлости.

Господинъ Рихтеръ говорилъ, что такъ продолжаться не можетъ, и что всѣ эти дрянные бродяги будутъ истреблены.

Дядя заканчивалъ всегда чтеніе какимъ нибудь разсужденіемъ; складывая газету онъ обыкновенно говорилъ:

— Поблагодаримъ Бога, что живемъ въ лѣсахъ, а не въ виноградникахъ, въ неплодныхъ горахъ, а не въ плодородной долинѣ. Этимъ республиканцамъ здѣсь нечѣмъ поживиться; поэтому мы, слава Богу, безопасны и можемъ спокойно спать. Но сколько другихъ терпятъ отъ ихъ грабежа! Эти люди хотятъ взять все силой: а между тѣмъ сила никогда не создавала ничего хорошаго. Они говорятъ намъ о любви, о равенствѣ, о свободѣ, не примѣняя однако на дѣлѣ этихъ истинъ; они полагаются больше на свои руки, чѣмъ на справедливость своихъ убѣжденій. Еще очень задолго до нихъ тоже приходили люди освобождать міръ: тѣ не дрались, не разрушали, а погибали сами тысячами, и послѣдующія поволѣнія представляли ихъ себѣ, какъ агнцевъ, пожранныхъ волками. Можно было подумать, что объ этихъ людяхъ не останется и воспоминанія, а между тѣмъ они побѣдили міръ; правда, они побѣдили не плоть, а душу человѣчества,—но въ душѣ заключается все! — Отчего же эти не слѣдуютъ ихъ примѣру?

Послѣ этого Каролусъ Рихтеръ восклицалъ тономъ презрѣнія:

— Отчего? оттого, что они смѣются надъ душою и завидуютъ мірской власти. Прежде всего, всѣ эти республиканцы — отъ перваго до послѣдняго — атеисты; они не уважаютъ ни престола, ни церкви; они ниспровергли вещи, установленныя споконъ вѣка; дворянства они не признаютъ, какъ будто дворянство не основа всего

на землѣ и на небесахъ, точно будто не признано, что одни рождаются для рабства, другіе для господства; какъ будто не тотъ же порядокъ мы видимъ и въ природѣ: мохъ ниже травы, трава ниже кустарника, кустарникъ ниже деревьевъ, а деревья ниже свода небснаго. Точно такъ же и крестьянство ниже мѣщанства, мѣщанство ниже чиновнаго дворянства, чиновное дворянство ниже военнаго дворянства, военное дворянство ниже короля, король ниже папы, представителями котораго служатъ его кардиналы, архіепископы и епископы. Вотъ естественный порядокъ вещей!

— Что ни говори, а чертополоху не сравнятся съ дубомъ, и никогда мужикъ не будетъ держать меча, какъ потомокъ изъ знаменитаго рода воиновъ.

— Эти головорѣзы достигли нѣсколькихъ кажущихся успѣховъ, и этимъ они обязаны удивленію, произведенному ими на міръ своею, дѣйствительно-поразительною храбростью и отсутствіемъ здраваго смысла. Отрицая всѣ правила и всѣ установленные принципы, они поразили людей благоразумныхъ, — въ этомъ единственная причина переворотовъ. Какъ иногда случается видѣть быка или вола, вдругъ останавливающагося и бѣгущаго при видѣ выскочившей изъ земли и остановившейся передъ нимъ мыши, такъ и наши солдаты удивлены и даже смущены такою смѣлостью. Но всему этому будетъ конецъ, и я увѣренъ, что когда пройдетъ первое удивленіе, наши старые генералы семилѣтней войны побьютъ порядкомъ эту кучку босоногихъ шалопаевъ, такъ что ни одинъ изъ нихъ не вернется въ свою несчастную страну!

Провозгласивъ все это, Каролусъ снова закуривалъ трубку и продолжалъ ходить взадъ и впередъ съ самодовольнымъ лицомъ, заложивъ руки за спину. Всѣ остальные обдумывали слышанное ими. Послѣ нѣкотораго молчанія, говорилъ обыкновенно кротоловъ.

— Чему быть — тому не миновать, такъ начиналъ онъ. Если республиканцы эти выгнали своихъ господъ и аббатовъ, значитъ такъ и было написано на небесахъ отъ сотворенія міра: Богу было угодно! Отъ него зависитъ также — возвратится ли имъ, или нѣтъ.

— Готовъ объ закладъ биться, закричалъ опять Каролусъ Рихтеръ, что Коффель думаетъ тоже.

Тогда маленькій столяръ, до сихъ поръ молчавшій, отвѣчалъ, подмигивая глазомъ:

— Господниъ Каролусъ, еслибъ я имѣлъ счастье быть внукомъ лавка какого нибудь Уери Петера или Сальмъ-Сальма, и если бы я наслѣдовалъ послѣ него богатства, которыя дали бы мнѣ возможность жить въ изобиліи и въ бездѣйствіи, тогда я сказалъ бы,

что трутни—работники, а пчелы—тунеядцы. Мнѣ же въ моемъ положеніи приходится нуждаться во всемъ, чтобы жить, и потому я не скажу ничего. Я молчу. Но все-таки думаю, что всякому слѣдовало бы получать по заслугѣ своей.

— Дорогіе друзья мои, начиналъ тогда серьезнымъ тономъ дядя, не будемъ касаться этихъ предметовъ, мы не сойдемся другъ съ другомъ. Миръ! миръ! вотъ что намъ надо. Миръ доставляетъ людямъ благоденствіе и даетъ каждому свое. Война, напротивъ, будитъ всѣ дурныя наклонности — къ убійству, грабежу и т. д. Поэтому, всѣ безпутные люди любятъ войну; для нихъ это единственный способъ сдѣлаться чѣмъ нибудь. Въ мирное время они были бы ничтожествомъ, потому что вся несостоятельность ихъ мысли, инициативы и стремленій обнаружилась бы слишкомъ ясно. Богъ создалъ человѣка для мира, для труда, для любви своего семейства и своихъ ближнихъ. Война, которая идетъ противъ всего этого, представляетъ настоящее бѣдствіе.—Но вотъ бьетъ десять часовъ, и мы могли бы проспирить хоть до завтра, ни въ чемъ не убѣдивъ другъ друга. Предлагаю разойтись спать.

Тогда всѣ обыкновенно вставали, и бургомистръ, опираясь толстыми ладонями на ручки кресель, восклицалъ:

— Дай Богъ, чтобы ни республиканцы, ни пруссаки, ни австрійцы, не проходили бы здѣсь, потому что всѣмъ имъ хочется ѣсть и пить! Но такъ какъ пить свое вино самому приятнѣе, чѣмъ смотрѣть, какъ его глотаютъ другіе, то и мнѣ гораздо лучше слышать такія вещи изъ газетъ, чѣмъ видѣть ихъ собственными глазами. Вотъ мое мнѣніе.

Съ этими словами онъ направлялся къ двери; остальные слѣдовали за нимъ.

— Доброй ночи! говорилъ дядя.

— Прощайте, отвѣчалъ кротоловъ, удаляясь по темной улицѣ.

За ними затворялась дверь, и задумчивый дядя говорилъ мнѣ:

→ Ну, Фрицель, спокойной ночи.

— И вамъ также, дядюшка, отвѣчалъ я.

Мы съ Лизбетой поднимались на лѣстницу.

Четверть часа спустя, во всемъ домѣ царствовала глубокая тишина.

II.

Разъ въ пятницу вечеромъ, въ ноябрѣ 1793 года, Лизбета растворяла послѣ ужина тѣсто, приготавлиаясь, по своему обыкновенію,

печь домашній хлѣбъ. Такъ какъ изъ этого же тѣста должны были выйдти и хлѣбная лепешка, и сладкій яблочный пирогъ, то я вертѣлся около нея въ кухнѣ, смотря на нее и предаваясь самымъ приятнымъ мечтаніямъ.

Когда тѣсто было готово, въ него положили шивныхъ дрожжей, отскоблили вокругъ квашню, и наложили на нее толстый пуховикъ, чтобы дать тѣсту выходиться; потомъ Лизбета сгребла угли изъ очага въ печку и пихнула туда шестомъ три связки хворосту, вспыхнувшія подъ чернымъ сводомъ. Наконецъ, когда огонь хорошо разгорѣлся, она закрыла печь заслонкой и сказала мнѣ:

— Теперь, Фрицель, пойдемъ спать; завтра, когда встанешь, пирогъ будетъ готовъ.

Мы пошли къ себѣ въ комнаты. Дядя Яковъ ужъ цѣлый часъ храпѣлъ въ глубинѣ своего алькова. Я легъ, мечта о заманчивыхъ вещахъ, и тотчасъ заснулъ.

Этo длилось довольно долго, но ночь еще не миновала и мѣсяцъ ясно свѣтилъ въ мое маленькое окошечко, когда я былъ разбуженъ страннымъ шумомъ. Можно было подумать, что вся деревня высыпала на улицу: издали слышалось, какъ отворялись и затворялись двери, какъ цѣлая толпа переходила черезъ грязныя лужи улицы. Въ нашемъ домѣ тоже поднялась бѣготня, и на моихъ окнахъ стали отражаться тѣни огней.

Можете себѣ представить мой ужасъ!

Послушавъ нѣсколько минутъ, я потихоньку всталъ и отворилъ окно. Вся улица была полна народомъ, и не только улица, но даже полисадники и боковые переулки: вездѣ ходили высокіе молодцы въ огромныхъ трехугольныхъ шляпахъ, въ длинныхъ синихъ плащахъ съ красными отворотами, съ широкими бѣлыми перевязями черезъ плечо и съ большой косой, висѣвшей на спинѣ; о сабляхъ и лядункахъ, болтавшихся на бедрахъ, которые я видѣлъ въ первый разъ въ жпзни, и говорить нечего. Они сложили ружья пирамидой передъ нашимъ овиномъ; вокругъ шагало двое часовыхъ; прочіе входили въ дома, какъ въ свои собственные.

Въ углу конюшни ржали три лошади. Далѣе, передъ мясной лавкой Сепеля, по ту сторону площади, у стѣны съ крюкомъ, гдѣ обыкновенно кололи телятъ, висѣлъ цѣлый быкъ, освѣщавшійся поднимавшимся и опускавшимся пламенемъ разведеннаго на площади огня; голова и спина быка лежали на землѣ. Одинъ изъ этихъ людей, засучивъ рукава рубашки на своихъ мускулистыхъ рукахъ, потрошилъ его; онъ распоролъ его сверху до низу; спневатыя шип-

ки падали вмѣстѣ съ кровью въ грязь. Видъ этого человѣка, съ его обнаженной шеей и косою на спинѣ, былъ ужасенъ.

Я тотчасъ же понялъ, что республиканцы внезапно явились въ деревню, и, одѣваясь, призывалъ на помощь императора Юсифа, о которомъ такъ часто говорилъ Каролушъ Рихтеръ.

Французы пришли въ нашу деревню, едва она успѣла заснуть, но общая суматоха подняла всѣхъ на ноги. Когда я наклонился, спускаясь по лѣстницѣ, я увидѣлъ трехъ человѣкъ, тоже съ засученными рукавами рубашки, какъ у мясника, вынимавшихъ хлѣбъ изъ нашей печи, нашею же лопатою. Они избавили Лизбету отъ труда печь, какъ другой солдатъ избавилъ Сепеля отъ труда заколотъ быка. Эти люди умѣли дѣлать все, и ничто ихъ не затрудняло.

Лизбета сидѣла въ углу, скрестивъ на колѣняхъ руки, и смотрѣла на нихъ довольно спокойно, такъ какъ первый страхъ ея уже прошелъ. Увидавъ меня на верху у перилъ, она сказала:

— Сходи, Фрицель... они не тронуть тебя!

Я сошелъ; хлѣбопеки продолжали работу, не обращая на меня вниманія. Дверь на лѣво въ корридоръ была отворена, и я увидѣлъ въ кладовой, гдѣ были овощи, еще двухъ не прошенныхъ гостей мѣсившихъ тѣсто для втораго и третьяго печенья. Наконецъ, на право, черезъ полуотворенную дверь залы, я увидѣлъ дядю Якова, сидѣвшаго на стулѣ подлѣ стола; на креслѣ сидѣлъ коренастый человѣкъ съ большими рыжими бакенбардами, короткимъ и круглымъ носомъ, выдающимися бровями, торчащими ушами и съ косою коноплянаго цвѣта, толщиною съ руку; онъ съ аппетитомъ рѣзаетъ и ѣтъ одинъ изъ нашихъ окороковъ. Держа въ своихъ большихъ загорѣлыхъ рукахъ — въ одной вилку, въ другой ножъ, онъ то и дѣлаетъ, что поднималъ и опускалъ ихъ, шевеля вмѣстѣ съ тѣмъ толстыми, мускулистыми щеками. Отъ времени до времени онъ бралъ стаканъ, поднималъ локоть, порядочно отпивалъ и снова продолжалъ свое дѣло.

На немъ были эполеты свинцоваго цвѣта, большая сабля въ желѣзныхъ ножнахъ, рукоятка которой торчала выше локтя, и сапоги до того грязные, что, кромѣ желтыхъ отворотовъ, начинавшихъ просыхать, ничего не было видно. На шляпѣ его, лежавшей на буфетѣ, торчалъ пучекъ красныхъ перьевъ, колыхавшійся отъ сквознаго вѣтра, потому что, не смотря на холодъ, окна были отворены; передъ ними ходилъ часовой, останавливавшійся отъ времени до времени и поглядывавшій на столъ.

Не переставая рѣзать и ѣсть, человѣкъ съ рыжими бакенбардами говорилъ рѣзкимъ голосомъ:

— Такъ ты докторъ? говорилъ онъ дядѣ.

— Да, господинъ командиръ.

— Называй меня просто «командиромъ» или «гражданиномъ командантомъ», какъ я ужь говорилъ тебѣ; господа и госпожи вышли изъ моды.— Но къ дѣлу, ты долженъ знать мѣстность страны; деревенскій докторъ вѣчно рыскаетъ по дорогамъ. Сколько миль отсюда до Кайзерлаутерна?

— Семь миль, командиръ.

— А, до Пирмазенса?

— Около восьми.

— А до Ландау?

— Должно быть добрыхъ миль пять.

— Около.... должно быть.... почти.... такъ развѣ можетъ говорить человѣкъ, живущій въ странѣ? Миѣ кажется, ты трусишь; ты боишься, что, когда здѣсь будутъ проходить бѣлые мундиры, тебя повѣсятъ за твои отертыя. Выбрось это изъ головы: ты подъ защитой французской республики.

И потомъ, взглянувъ своими сѣрыми глазами прямо на дядю онъ воскликнулъ, поднимая стаканъ:

— За здравіе республики единой и нераздѣльной!

Они чокнулись, и дядя, поблѣднѣвъ какъ полотно, выпилъ за республику.

— Ну-ка, продолжайте командиръ, не видать ли тутъ около австрійцевъ?

— Нѣтъ, командиръ.

— Ты въ этомъ увѣренъ? Ну-ка, посмотри мнѣ въ глаза.

— Я не видалъ.

— Не ѣздилъ ли ты недавно въ Рееталь?

За три дня передъ этимъ дядя былъ въ Рееталѣ. Думая, что кто нибудь изъ крестьянъ говорилъ объ этомъ командиру, онъ отвѣчалъ:

— Да, командиръ.

— Да! — И тамъ не было австрійцевъ?

— Нѣтъ.

Командиръ опорожнилъ стаканъ, и бросивъ на дядю Якова подозрительный взглядъ, взялъ его за руку съ страннымъ видомъ.

— Ты говоришь, что нѣтъ?

— Да, командиръ.

— Ты врешь!

И онъ прибавилъ тихимъ голосомъ:

— Мы не вѣшаемъ, но разстрѣливаемъ иногда тѣхъ, кто насъ обманываетъ!

Дядя поблѣднѣлъ еще болѣе, но, поднявъ голову, онъ повторилъ довольно твердымъ голосомъ:

— Командиръ, честию увѣряю васъ, что три дня тому назадъ въ Рееталѣ не было австрійцевъ.

— А я, вскричалъ республиканецъ, глаза котораго горѣли подъ нависшими густыми рыжими бровями, говорю тебѣ, что они тамъ были. Понимаешь?

Съ минуту длилось молчаніе. Всѣ бывшіе въ кухнѣ, обернулись; выраженіе лица командира не обѣщало ничего добраго. Я заплакалъ, вошелъ въ комнату, чтобы защитить дядю, и сталъ за его стуломъ. Республиканецъ смотрѣлъ на насъ обоихъ, нахмуривъ брови, что не мѣшало ему съѣсть еще кусокъ ветчины, какъ будто для того, чтобы дать себѣ время обдумать. Въ кухнѣ Лизбета громко рыдала.

— Командиръ, твердо продолжалъ дядя, вамъ можетъ быть неизвѣстно, что есть два Реетали, одинъ со стороны Кайзерлаутерна, другой на Квечѣ, мили три отъ Ландау. Австрійцы, можетъ быть, были тамъ; но съ этой стороны, въ среду вечеромъ, я ихъ не видалъ.

— Вотъ какъ! сказалъ командиръ ломанымъ нѣмецкимъ лотарингскимъ нарѣчіемъ, шутливо улыбаясь, это не глупо. Но и мы, жители Битча и Саргемюнда, не глуше васъ. Если ты не докажешь, что есть два Реетали, я долженъ сказать тебѣ, что тебя арестуютъ и будутъ судить военнымъ судомъ.

— Командиръ! вскрикнулъ дядя, протягивая руку, доказательство, что существуетъ два Реетали, можно видѣть на любой картѣ страны.

И онъ указалъ на нашу старую карту, висѣвшую на стѣнѣ.

Тогда республиканецъ обернулся, не поднимаясь съ кресла, и сказалъ:

— А! это карта страны? Дай-ка ее сюда.

Дядя снялъ карту и, разложивъ ее на столѣ, указалъ обѣмъ деревни.

— Правда, сказалъ командиръ, ну и хорошо; лучшаго доказательства мнѣ и не надо!

Онъ облокотился обоими локтями на столъ и, положивъ голову между рукъ, сталъ разсматривать карту.

— Отлично, отлично, говорилъ онъ. Откуда у тебя эта карта?

— Ее сдѣлалъ мой отецъ. Онъ былъ геометромъ.

Республиканецъ улыбался.

— Да, лѣса, рѣки, дороги, все обозначено, говорилъ онъ; я узнаю ихъ... мы тамъ проходили... хорошо... очень хорошо.

Приподнявъ голову, онъ сказалъ по нѣмцки:

— Карта эта вѣдь ненужна тебѣ, гражданинъ-докторъ; мнѣ же она нужна, и я требую ее у тебя для службы республики. Ну, теперь удовлетвореніе по чести. Выпьемъ еще, для скрѣпленія праздниковъ согласія.

Можете себѣ представить, съ какой быстротой Лизбета сбѣгала въ погребъ за новой бутылкой вина.

Между тѣмъ дядя Яковъ видимо успокоился. Командиръ, глядѣвшій тогда на меня, спросилъ его:

— Это сынъ твой?

— Нѣтъ, племянникъ.

— Мальчуганъ славно сложенъ. Мнѣ очень понравилось, что онъ пришелъ къ тебѣ на помощь. — Ну, подойди, сказалъ онъ, притянувъ меня за руку.

Погладивъ меня по головѣ, онъ сказалъ голосомъ, хотя и грубымъ, но все-таки добрымъ:

— Воспитаи мальчугана этого въ любви къ правамъ человѣка. Въмѣсто того, чтобы пасти коровъ, онъ можетъ сдѣлаться, какъ всякій другой, командиромъ или генераломъ. Теперь всѣ пути открыты, каждому доступны всѣ мѣста; для удачи надо только сердце и счастье. Вотъ и я самъ, ни больше, ни меньше, какъ сынъ кузнеца въ Саргемюндѣ; не будь республики, я и теперь колотилъ бы по наковальнѣ; нашъ долговязый графъ, что теперь съ австрійцами, былъ бы орломъ, а я осломъ; теперь же, благодаря другимъ порядкамъ, вышло на оборотъ.

Онъ залпомъ осушилъ стаканъ и, лукаво прищуривъ глаза, сказалъ:

— Въ этомъ есть маленькая разница.

Подлѣ окорока стояла лепешка, испеченная республиканцами раньше, при первой топкѣ; командиръ отрѣзалъ мнѣ кусокъ.

— Проглоти молодцомъ, сказалъ онъ мнѣ уже совсѣмъ весело, и постарайся стать человѣкомъ!

Потомъ, обернувшись къ кухнѣ:

— Сержантъ Лафлешъ! закричалъ онъ громовымъ голосомъ.

На порогъ показался старій сержантъ съ сѣдыми усами, сухой какъ копченая селедка.

— Сколько хлѣбовъ, готово?

— Сорокъ.

— Надо, чтобы черезъ часъ было пятьдесятъ; при десяти печкахъ пятьсотъ: три фунта на человѣка

Сержантъ вышелъ въ кухню.

Мы съ дядей смотрѣли на все, не трогаясь съ мѣста.

Командиръ опять облокотился надъ картой, положивъ голову на руки.

На улицѣ стали показываться свѣтъ сѣренькаго дня; передъ нами виднѣлась тѣнь ходившаго взадъ и впередъ часового съ ружьемъ на плечѣ. Вездѣ было тихо; большинство республиканцевъ, вѣроятно, спало, прислонясь головами къ мѣшкамъ, вокругъ разведеннаго ими большаго огня; нѣкоторые отдыхали въ домахъ. Часы медленно постукивали, огонь все еще трещалъ на очагѣ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ, какъ вдругъ на улицѣ поднялся страшный шумъ; вылетѣло и разбилось окно, съ трескомъ отворилась дверь, и сосѣдъ нашъ, Иосифъ Спикъ, цѣловальникъ, сталъ кричать:

— Помогите! горимъ!

Но въ деревнѣ никто не шевельнулся; всѣ были слишкомъ довольны, что могутъ не выходить изъ дому. Командиръ слушалъ.

— Сержантъ Лафленъ! сказать онъ.

Сержантъ пошелъ посмотрѣть, и черезъ нѣсколько минутъ вернулся.

— Что случилось? спросилъ командиръ.

— Какой-то бурбонъ цѣловальникъ отказывается исполнить требованіе гражданки Терезы, съ серьезнымъ видомъ отвѣчалъ сержантъ.

— Пусть приведутъ его сюда!

Сержантъ вышелъ.

Минуты черезъ двѣ, корридоръ нашъ наполнился народомъ; дверь отворилась; на порогѣ показался Иосифъ Спикъ въ маленькой курткѣ, широкихъ холщевыхъ штанахъ и въ колпакѣ фризированной шерсти, между четырьмя державшими его солдатами республиканской арміи, съ желтыми, какъ пряники, лицами, въ старыхъ шляпахъ, съ продранными локтями, съ большими заплатками на колѣняхъ и съ дырявыми башмаками, запитыми нитками, что, однакожъ, не мѣшало имъ задирать голову и быть гордыми, какъ орлы.

Засунувъ руки въ карманы куртки, согнувъ спину, съ плоскимъ лбомъ и отвислыми щеками, Иосифъ не держался болѣе на своихъ длинныхъ ногахъ, а смотрѣлъ въ землю, какъ безумный.

Сзади, въ тѣни, виднѣлась голова блѣдной и худой женщины, тотчасъ же привлекавшей мое вниманіе: у нея былъ высокій лобъ, прямой носъ, продолговатый подбородокъ и синевато-чернаго цвѣта волосы. Волосы спускались на щеки широкими прядями и, подо-

бранные за уши, были тамъ заплетены, что вытягивало лицо ея, профиль котораго былъ закрытъ. Глаза у нея были большіе и черные. На головѣ она носила пуховую шляпу съ трехцвѣтной кокардой, а подъ шляпой красный платокъ, завязанный у подбородка. До тѣхъ поръ я видалъ въ нашей мѣстности только бѣлокурыхъ или смуглыхъ женщинъ, а эта, не смотря на мою молодость, произвела во мнѣ удивленіе и восхищеніе; я смотрѣлъ на нее, совершенно смущенный; казалось, дядя былъ удивленъ не менѣе меня; она вошла въ сопровожденіи пяти или шести республиканцевъ, одѣтыхъ такъ же, какъ и первые, и мы во все время ея присутствія не спускали съ нея глазъ.

Когда она вошла въ комнату, на ней надѣтъ былъ большой синій суконный плащъ, съ тремя воротниками, падавшими ниже локтей, маленькій боченокъ, привязанный черезъ плечо, наконецъ, на шеѣ толстый черный шелковый галстукъ съ длинной бахромой, вѣроятно, какая нибудь военная добыча, очень ловко украшавшая эту спокойную и гордую голову.

Командиръ ждалъ, чтобы всѣ вошли, и глядѣлъ, почти не спуская глазъ съ Иосифа Спика, который стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Потомъ, обратившись къ женщинѣ, приподнявшей шляпу, движеніемъ головы, онъ сказалъ:

— Ну, Тереза, что случилось?

— Вамъ извѣстно, командиръ, что на послѣднемъ привалѣ у меня не было уже ни капли водки, сказала она твердо и ясно; явившись сюда, я прежде всего обѣжала деревню, чтобы достать водки, само собою разумѣется, не даромъ. Но здѣшніе люди все прячутъ, и только съ полчаса тому назадъ я увидала елку на дворахъ этого человѣка. Капраль Мерло, фузелеръ Цинциннатъ и барабанщикъ Гораций Коклесъ ходили со мной, чтобы помочь мнѣ. Мы вошли, спросили вина или водки, но у *кайзерлика* ничего не оказалось; онъ не понималъ насъ, и притворялся глухимъ. Тогда мы принялись искать и шарить во всѣхъ углахъ, и наконецъ въ глубинѣ дровяного двора открыли таки входъ въ погребъ, заложенный хворостомъ. вмѣсто того, чтобы разсердиться, на что мы имѣли полное право, мы спустились, нашли вино, сало, кислую капусту и водку; тогда мы налили свои боченки, взяли сала и пошли потихоньку на верхъ. Увидавъ, что мы возвращаемся не съ пустыми руками, этотъ человѣкъ, спокойно сидѣвшій у себя въ комнатѣ, сталъ вдругъ кричать, какъ бѣшеный, и вмѣсто того, чтобы взять, ассигнаціи, которыя мы ему вручили, разорвалъ ихъ, схватилъ меня за руку и дернулъ изъ всей мочи. Цинциннатъ поло-

жить носу свою на столъ, взять этого долговязаго за шиворотъ и выбросить его за окно его балагана. Вотъ тогда-то и пришелъ сержантъ Лафлепъ.

Проговоривъ все это, Тереза отошла и стала позади другихъ. Тогда впередъ выступилъ маленькій, худощавый человѣчекъ, сухой и живой, съ шляпою на бекрень и длинной палкой съ мѣднымъ набалдашникомъ, въ видѣ луковницы, подъ мышкой, и сказалъ:

— Командиръ, гражданка Тереза говорила вамъ о негодованіи и непріятности каждаго, кому пришлось бы столкнуть носомъ къ носу съ *кайзерникомъ*, лишеннымъ всякаго гражданского чувства и воображавшимъ...

— Хорошо, прервалъ его командиръ, съ меня довольно показаній гражданки Терезы!

И обратившись къ Юсифу Спику, онъ сказалъ ему по нѣмецки, нахмуривъ брови:

— Ну-ка, отвѣчай: хочешь, чтобы тебя разстрѣляли? Стоитъ только свести тебя въ твой же садъ! Развѣ ты не знаешь, что бумаги республики лучше вашего золота? На этотъ разъ я прощаю тебя, взявъ во вниманіе твое невѣденіе, но если тебѣ случится еще разъ прятать припасы и не брать въ уплату ассигнацій, я велю разстрѣлять тебя на деревенской площади, въ примѣръ другимъ. — Ну, убирайся, долговязый дуракъ!

Командиръ выразительно произнесъ эту маленькую рѣчь, и потомъ, обратившись къ маркитанткѣ, сказалъ:

— Хорошо, Тереза, ты можешь теперь наполнить боченокъ, человѣкъ этотъ не станетъ мѣшать тебѣ. — А вы отпустите его.

Толпа вышла, Тереза впереди всѣхъ, Юсифъ сзади. Бѣдняга былъ блѣденъ, какъ мертвецъ; вѣдь онъ едва спасся.

Между тѣмъ разсвѣло.

Командиръ всталъ, сложилъ карту и положилъ ее въ карманъ. Потомъ онъ подошелъ къ одному изъ оконъ и сталъ смотрѣть на деревню. Мы съ дядей стали смотрѣть въ другое окно. Тогда было часовъ около пяти.

III.

Я никогда въ жизни не забуду эту тихую улицу, набитую спящими людьми: одни лежали въ растяжку, другіе положили головы на мѣшки. Передо мною живо рисуются грязныя ноги, продранныя подошвы, заплатанная одежда, молодыя, загорѣлыя лица и старыя морщи-

ипстыя щеки, закрытыя вѣки, большія шляпы, выцвѣтшія эпо лет шипши на киверахъ, перстыя одѣяла съ красными мохнатыми каемками, совершенно продранные, сѣрые плащи и салома, разбросанная по грязи. Помню я эту глубокую тишину, послѣ усиленной ходьбы, этотъ покой, напоминающій смерть, голубоватый полусвѣтъ, охватывающій все своею колеблющеюся тѣнью, солнце, встающее въ туманѣ, избы съ широкими соломенными крышами, глядящія черными маленькими окошечками, а вдали, съ обоихъ концовъ деревни, на Альтенбергѣ и Респекелѣ, надъ фруктовыми садами и конопляниками, между потухающими звѣздами, блескъ штыковъ часовыхъ; нѣтъ, никогда не забыть мнѣ этого страннаго зрѣлища. Я былъ тогда еще очень молодъ, но такія воспоминанія никогда не сглаживаются.

По мѣрѣ приближенія дня, одушевлялась и картина: поднималась какая нибудь голова, облакачивалась на локоть, смотрѣла, зѣвала и снова ложилась. Потомъ вдругъ вскакивалъ какой нибудь старшій солдатъ, стряхивалъ съ себя солому, надѣвалъ шляпу и начиналъ складывать свое вѣтхое одѣяло; другой свертывалъ свой плащъ и пристегивалъ его ремнями къ мѣшку; третій вытаскивалъ изъ кармана трубку и высѣкалъ огонь. Первые поднявшіеся собрались въ кучку и разговаривали между собою; къ нимъ подходили другіе, похлопывая ногами о землю, такъ какъ на дворѣ было холодно въ это время; огонь, разведенный на улицѣ и площади, уже погасъ.

Противъ насъ, на небольшой площадкѣ, стоялъ фонтанъ; нѣсколько республиканцевъ, окруживъ обросшую мхомъ колоду, мылись, смѣясь и подшучивая, не смотря на холодъ; другіе подходили къ жолобу и прикладывали рты, чтобы напиться.

Потомъ мало по малу стали отворяться дома и изъ нихъ начали выходить солдаты, наклоняясь, чтобы не задѣть въ дверяхъ своими большими шляпами и ранцами. Почти у всѣхъ въ зубахъ торчали закуренныя трубки.

На право отъ нашего овина, передъ харчевней Слика, стояла телѣжка маркитантки, крытая холстомъ; это была двухколесная одноколка, и оглобли ея лежали на землѣ.

Сзади одноколки стоялъ мулъ, прикрытый старой шерстяной попоной, съ красными и синими клѣтками, и вытягивалъ изъ напихъ яслей длинный клочекъ сѣна и сентиментально жевалъ его, прищуривъ глаза.

Маркитантка сидѣла у окна противоположнаго дома и чинила

маленькіе панталоны, наклоняясь, отъ времени до времени, чтобы взглянуть подъ навѣсъ.

Тамъ барабанщикъ Горацій Коклесь, Цинциннатъ, Мерло и еще одинъ высокій, веселый и сухопарый парень сидѣли другъ за другомъ верхомъ на вязанкѣ сѣна; они плели одинъ у другаго косу, поплеывая въ руку и приглаживая ея; Горацій Коклесь сидѣлъ спереди и напѣвалъ пѣсенку, которую остальные подтягивали въ полголоса.

Рядомъ съ нимъ, прислонившись къ двумъ старымъ бочкамъ, спалъ маленькій барабанщикъ лѣтъ двѣнадцати, бѣлокурый какъ я, и сильно интересовавшій меня. На него-то и заглядывала маркитантка, чиня, по всей вѣроятности, его штаны. Маленькій красный носъ его торчалъ на воздухъ, ротъ былъ полуоткрытъ, а спиною онъ прислонялся къ двумъ бочкамъ, положивъ одну руку на барабанъ; барабанныя палочки лежали съ аммуниціей, а на ногахъ, прикрытыхъ нѣсколькими клочками соломы, лежала грязная курчавая собака, согрѣвавшая его. Собака поднимала ежеминутно голову и глядѣла на него, какъ бы говоря: «миѣ очень хотѣлось бы прогуляться по деревенскимъ кухнямъ!» Но мальчикъ не двигался, онъ сладко спалъ! Когда вдали раздавался лай, собака зѣвала; она не прочь была бы тоже залаять.

Вскорѣ изъ сосѣдняго дома вышли два офицера, хорошо сложенные, молодые, съ затянутою тальею. Когда они проходили мимо насъ, командиръ закричалъ имъ:

— Дюшень! Рихтеръ!

— Здравствуйте, командиръ, сказали они обернувшись.

— Смѣнены ли посты?

— Да, командиръ.

— Ничего новаго?

— Ничего.

— Черезъ полчаса трогаемся въ походъ. Рихтеръ, вели бить сборъ. Дюшень, зайди сюда.

Одинъ изъ офицеровъ вышелъ, другой направился подъ навѣсъ и сказалъ нѣсколько словъ Горацію Коклесу. Я разсматривалъ вошедшаго къ намъ офицера. Командиръ велѣлъ принести бутылку вина; они стали пить его, въ то время, какъ на дворѣ поднялся какой-то шумъ: это били сборъ. Я побѣжалъ посмотреть, что тамъ дѣлается. Горацій Коклесь, стоя съ поднятою вверхъ палкою передъ пятью барабанщиками, изъ которыхъ самый маленькій стоялъ слѣва, приказывалъ бить дробь. Дробь били, пока онъ держалъ палку вверхъ. Республиканцы сходились со всѣхъ сторонъ деревни,

они равнялись въ два ряда передъ фонтаномъ, и сержанты начали переключку. Мы съ дядей были поражены порядкомъ, царствовавшимъ у этихъ людей; на переключку сержантовъ, они отвѣчали такъ скоро, что казалось, будто со всѣхъ сторонъ раздается говоръ. Они взяли ружья и держали ихъ какъ попало, на плечѣ и прикладами къ землѣ.

Послѣ переключки водворилось молчаніе, и нѣсколько человѣкъ изъ каждаго взвода, выйдя подъ предводительствомъ капраловъ, пошли за хлѣбомъ. Гражданка Тереза впрягала мула въ одноколку, Черезъ нѣсколько минутъ солдаты возвратились, неся мѣшки и корзины съ хлѣбомъ. Началась раздача.

Такъ какъ по приходѣ въ деревню республиканцы ѣли супъ, то хлѣбы они стали привязывать другъ другу къ ранцамъ.

— Ну, закричалъ командиръ веселымъ голосомъ, въ путь!

Онъ взялъ плащъ свой, набросилъ его на плечи, и, не простившись съ нами, вышелъ.

Мы думали, что уже на вѣки избавились отъ этихъ людей.

Когда командиръ выходилъ, бургомистръ, пришелъ звать дядю къ себѣ, говоря, что жена его захворала, увидавъ республиканцевъ,

Они тотчасъ же вмѣстѣ ушли. Лизбета стала разстанивливать стулья и мести залу. На улицѣ слышалась команда офицеровъ: «Впередъ! маршъ!» Барабанъ загремѣлъ; маркитантка кричала: «Ну! пошелъ!» и батальонъ двинулся уже въ путь, какъ вдругъ въ концѣ деревни раздался страшный трескъ. Послышались выстрѣлы, то по нѣсколку вдругъ, то по одиночкѣ.

Республиканцы уже входили въ улицу.

— Стой! вскрикнулъ командиръ, приподнявшись на стременахъ, глядя и прислушиваясь.

Я бросился къ оену и увидалъ, что всѣ эти люди внимательно прислушивались, а офицеры, выступивъ изъ рядовъ, съ жаромъ о чемъ-то говорили съ начальникомъ.

Вдругъ на поворотѣ улицы показался солдатъ; онъ бѣжалъ съ ружьемъ на плечѣ.

— Командиръ, издали кричалъ онъ, едва переводя духъ, кроаты! Они разбили аванпостъ... и идутъ сюда!..

Услыхавъ это, командиръ тотчасъ же повернулъ, маршъ-маршомъ, бросился къ линіи и закричалъ:

— Стройтесь въ каре!

Офицеры, барабанщики, маркитантка тотчасъ же придвинулись къ фонтану, а роты между тѣмъ сходились, перекрещиваясь, какъ колода картъ; они въ одну минуту образовали каре изъ трехъ ря-

довъ, оставивъ первыхъ посрединѣ. Почти въ то же время на улицѣ послышался страшный шумъ, кроаты мчались такъ, что земля дрожала! Какъ теперь вижу ихъ на поворотѣ улицы, въ широкихъ красныхъ плащахъ, развивавшихся, сзади какъ складки пятидесяти знаменъ, наклонившимися впередъ надъ сѣдлами, что почти совсѣмъ скрывало ихъ костлявыя и смуглыя лица съ желтоватыми усами.

Въ дѣтяхъ точно бѣсъ сидитъ; по крайней мѣрѣ, вмѣсто того, чтобы спрятаться, я остался, и таращилъ глаза, глядя на битву, хотя я и очень трусилъ, но любопытство взяло верхъ.

Пока я смотрѣлъ и дрожалъ, кроаты уже прискакали на площадь. Въ ту же секунду послышался крикъ командира: «Пали!» Раздался ударъ грома и въ ухахъ у меня все затрепетало. Вся сторона каре, обращенная къ улицѣ, сразу выстрѣлила; стекла въ нашихъ окнахъ посыпались съ трескомъ; комнаты наполнились осколками картечи, дымомъ и запахомъ пороха.

Волосы у меня стали дыбомъ, но я продолжалъ смотрѣть, какъ кроаты, приподнявшись на своихъ большихъ лошадяхъ, подсакивали, падали и снова подсакивали, въ сѣромъ дыму, какъ будто желая влѣзть на каре; сзади постоянно подѣзжали кроаты и дикимъ голосомъ кричали: «впередъ! впередъ!»

— Второй разъ пали! крикнулъ командиръ, среди ржанія лошадей и безконечныхъ криковъ.

Голосъ его былъ такъ ровень, какъ будто онъ говорилъ у насъ въ комнатѣ.

Раздался снова ударъ грома; черепцы попадали съ крыши, небо и земля точно смѣшались, а Лизбета, сзади въ кухнѣ, кричала такъ пронзительно, что, не смотря на весь гамъ, крики ея раздавались какъ свистки.

Послѣ запа цѣлаго взвода, началась перестрѣлка бѣглымъ огнемъ. Видно было, какъ ружья второй шеренги наклонялись, выстрѣливали и поднимались; первая шеренга, стоя на колѣняхъ, держала штыки на отлетѣ, а третья заряжала ружья и подавала второй.

Кроаты бугедали вокругъ каре, издали ударяя большими шашками; отъ времени до времени падала чьянибудь шляпа, а иногда и человѣкъ. Одинъ изъ кроатовъ, поднявъ лошадь на дыбы, скакнулъ такъ сильно, что перелетѣлъ всѣ три шеренги и попалъ въ средину каре, но республиканскій командиръ бросился на него и страшнымъ ударомъ точно пригвоздилъ его къ спинѣ лошади. Я видѣлъ, какъ республиканецъ вытащилъ красную до рукоятки саблю, и у меня по кожѣ точно морозъ пробѣжалъ. Я, хотѣлъ бѣжать

но не успѣлъ еще встать, какъ кроаты круто повернули и ускакали, оставивъ на площади кучу людей и лошадей.

Лошади пытались встать, и опять падали. Пять или шесть кавалеристовъ, попавшихъ подъ лошадей, всѣми силами старались освободить свои ноги; другіе въ крови ползли на четверинкахъ съ поднятою рукою и, боясь быть добытыми, жалобнымъ голосомъ молили: «прости, французъ!» (Pardône Française!); нѣкоторые отъ нестерпимой боли молили докончить ихъ. Большая часть лежала безмолвно.

Въ первый разъ я вполне понялъ что такое смерть: эти люди, которыхъ за нѣсколько минутъ видѣлъ полныхъ жизни и силы, съ бѣшенствомъ нападавшихъ на враговъ, теперь лежали безчувственные, какъ булыжникъ на дорогѣ.

Въ рядахъ республиканцевъ тоже были пустыя мѣста, тѣла, лежавшія ницъ, и нѣсколько раненыхъ съ окровавленными щеками и лбомъ; они завязывали себѣ голову, придерживая ружья ногами и не выходя изъ рядовъ; товарищи помогали имъ бинтовать раны и надѣвать сверху шляпы.

Командиръ, верхомъ на лошади, стоялъ около фонтана; уголокъ большой шляпы его съ перьями касался спины, въ рукѣ онъ держалъ саблю и приказывалъ шеренгамъ сдвинуться; подлѣ него рядомъ стояли барабанычники, а нѣсколько поодаль, подлѣ колоды маркитантка и ея одноколка. Трубы кроатовъ трубили отступление. Они остановились за поворотомъ улицы; тамъ, за угломъ сборнаго дома, стоялъ ихъ часовой — и виднѣлась только голова лошади. Изрѣдка раздавались еще выстрѣлы.

— Прекратить огонь! скомандовалъ командиръ.

Наконецъ все стихло, только издали слышалась труба.

Маркитантка стала обходить по рядамъ, наливая солдатамъ водки, а семь или восемь здоровыхъ дѣтний пошли къ фонтану почерпнуть деревянными чашками воды для раненыхъ, жалобнымъ голосомъ просившихъ пить.

Висунувшись изъ окошка, я глядѣлъ на конецъ опустѣвшей улицы, спрашивая себя: осмѣлятся ли красные плащи опять явиться? Командиръ смотрѣлъ туда же, разговаривая съ однимъ изъ своихъ офицеровъ, который стоялъ подлѣ него, облокотившись на его сѣдло. Вдругъ капитанъ пробѣжалъ каре, раздвинулъ шеренги и бросился къ намъ, закричавъ:

— Хозяинъ дома?

— Онъ вышелъ.

— Ну, такъ... ты... сзеди меня къ вамъ на чердакъ... скорѣе!

Я оставилъ на мѣстѣ свои деревянные башмаки, и, какъ вѣкъ,

взобрался вверхъ по лѣстницѣ, находившейся въ концѣ корридора. Капитанъ шелъ за мной. На верху онъ съ перваго взгляда захватить лѣстницу на голубятню и вошелъ przede меня. Въ голубятнѣ онъ облокотился обѣими руками на низенькое слуховое окно и сталъ смотрѣть. Я глядѣлъ черезъ его плечо. Вся дорога, на сколько ее можно было видѣть, была покрыта кавалеріей, инфантеріей, пушками, зарядными ящиками, красными плащами, зелеными тулупами, бѣлыми мундирами, касками, латами, рядами пимъ, штыковъ, лошадей, и все это двигалось въ деревнѣ.

— Это цѣлая армія! прошепталъ капитанъ.

Онъ быстро повернулся, чтобы спуститься, но вдругъ у него блистнула какая-то мысль и, указывая мнѣ вдоль деревни, выстрѣла за два, на красные плащи, входившіе въ углубленіе между фруктовыми садами; онъ сказалъ:

— Видишь эти красные плащи?

— Да.

— Есть тамъ проѣзжая дорога?

— Нѣтъ, но есть тропинка.

— Глубокъ ли оврагъ, идущій тамъ по серединѣ, прямо передъ нами?

— Да, глубоко.

— Можно ли проѣхать черезъ него въ телѣгахъ или въ одноколкахъ?

— Нѣтъ, нельзя.

Тогда, не спрашивая меня болѣе, онъ задомъ спустился съ верхней лѣстницы, какъ только могъ скоро, и потомъ сбѣжалъ со второй. Я бѣжалъ за нимъ; мы скоро были внизу, но не успѣли дойти до конца корридора, какъ дома уже задрожали отъ приближавшейся кавалеріи. Не смотря на это, капитанъ перешелъ черезъ площадь, раздвинуть двухъ человѣкъ въ шеренгѣ и скрылся.

Улица съ начала до конца огласилась тысячами криковъ, обрывистыхъ, странныхъ, похожихъ на карканье воронъ, «ура! ура!» почти заглушавшихъ топотъ лошадей.

Возгордившись объясненіемъ съ капитаномъ на голубятнѣ, я имѣлъ неосторожность показаться въ дверяхъ. Уланы мчались какъ вихрь, съ пиками на отлетъ, за спинами ихъ развѣвались долманы изъ мерлушекъ, уши были спряганы въ огромныя мѣховыя шапки, глаза вытаращены, носы уткнуты въ усы, и за поясомъ по большому столетю съ желѣзной ручкой. Все это представилось мнѣ, точно какое-то видѣніе. Я едва успѣлъ отскочить; кровь у меня точно за-

стыла въ жилахъ, и только, когда началась перестрѣлка, я очнулся въ глубинѣ нашей комнаты, противъ разбитыхъ оконъ.

Въ воздухѣ потемнѣло отъ дыма, а каре покрылось бѣлымъ паромъ. Сзади видѣнь былъ только командиръ, неподвижно сидѣвшій на лошади подлѣ фонтана; онъ походилъ на бронзовую статую, среди этихъ голубоватыхъ волнъ, изъ которыхъ выскакивали сотни яркихъ огоньковъ. Уланы, какъ громадные кузнечики, скакали вокругъ, вонзали и вытаскивали пики; нѣкоторые изъ нихъ въ четырехъ шагахъ отъ неприятельскихъ рядовъ выстрѣливали изъ своихъ большихъ пистолетовъ.

Мнѣ казалось, что каре стало подаваться, и это было такъ.

— Сомкнитесь тѣснѣ! Не поддавайтесь! спокойнымъ голосомъ кричалъ командиръ.

— Сомкнитесь тѣснѣ! Сомкнитесь! повторяли отъ времени до времени офицера.

Но каре отступало, образуя въ серединѣ полукругъ; задніе ряды почти прижались къ фонтану. Всякій ударъ пики отражался, какъ молніей, штыкомъ, но иногда съ ударомъ падалъ человекъ. Республиканцамъ некогда уже было заряжать, они больше не стрѣляли, а уланы все наѣзжали, все въ большемъ количествѣ, все смѣлѣе окружали и бушевали вокругъ каре, и, увѣренные въ побѣдѣ, уже выпускали побѣдоносные крики.

Я тоже думалъ, что республиканцы погибли; но, въ самомъ сильномъ разгарѣ битвы, командиръ поднялъ свою шляпу на саблю и началъ пѣть пѣсню, отъ которой морозъ по кожѣ подиралъ; весь батальонъ, какъ одинъ человекъ, запѣлъ съ нимъ.

Въ одинъ мигъ вся передняя сторона каре двинулась, отбрасывая въ улицу всю массу улановъ, которые, сдвинутые такимъ образомъ, походили съ своими длинными пиками на поле съ колосьями.

Эта пѣснь точно приводила республиканцевъ въ бѣшенство; ничего ужаснѣе я не видывалъ! Съ тѣхъ поръ мнѣ часто приходило въ голову, что люди, разъяренные битвой, болѣе жестоки, чѣмъ хищные звѣри.

Послѣдніе ряды австрійской колонны, находившіеся въ концѣ улицы, не видя, что дѣлается впередъ, все двигались, продолжая кричать «ура! ура!», такъ что первые ряды, отталкиваемые спереди штыками республиканцевъ, не могли отступать, и, бросаясь въ страшномъ безпорядкѣ, отчаянно кричали; большія ихъ лошади уколоты въ ноздри штыками, становились на дыбы, выпучивъ глаза, дико ржали и страшно брыкались. Я издали смотрѣлъ на этихъ несчастныхъ улановъ, обезумѣвшихъ отъ ужаса, видѣлъ, какъ

они обертывались и рукояткою пикн били своихъ же, прочищая себѣ дорогу и убѣгая, точно зайцы, за домики.

Черезъ двѣ минуты улица опустѣла. На площади оставались замкнутыми человѣкъ двадцать пять или тридцать. Они не видали, что товарищи ихъ бѣжали, и, не зная теперь куда дѣться, совѣмъ растерялись; но и это длилось недолго: съ новымъ залпомъ, они легли на мѣстѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ, бросившихся въ переулокъ кожевниковъ.

Остались только груды убитыхъ лошадей и людей; кровь текла по жолобу до нашей канавки.

— Не стрѣляй! вторично крикнулъ командиръ, заряжай ружья!

Въ эту минуту на церковной башнѣ пробило девять часовъ. Трудно описать, какой видъ представляла собою деревня: дома, ищещренныя пулями, окна, висящія на крюкахъ, разбитыя стекла, качающіяся трубы, улицы, полныя черепицъ и сломанныхъ кирпичей, прострѣленные на сквозь крыши навѣсовъ и груды опрокинутыхъ лошадей, которыя бились, исходя кровью.

Республиканцы, потерявшіе половину своихъ, отодвинувъ свои большія шляпы на затылокъ, ждали съ оружіемъ въ рукахъ, глядя стойко и свирѣпо. Позади ихъ, за нѣсколько шаговъ отъ нашего дома, командиръ разсуждалъ съ офицерами. Миѣ ясно слышались слова его:

— Передъ нами цѣлая австрійская армія, отрывисто говоритъ онъ, дѣло въ томъ, чтобы уйдти цѣлыми. Черезъ часъ передъ нами будетъ двадцать, или тридцать тысячъ человѣкъ; они съ инфантеріей обогнутъ деревню, и тогда мы всѣ пропали. Я велю бить отступленіе. Есть противъ этого возраженіе?

— Нѣтъ, дѣло очевидно, отвѣчали другіе.

Они удалились. Минуты черезъ двѣ множество солдатъ вошли въ дома и стали набрасывать въ груды стулья, столы, шкапы, нѣкоторые бросали съ чердаковъ сѣно и солому; другіе привозили изъ подъ навѣсовъ одноколки и телѣги. Не болѣе чѣмъ въ десять минутъ при въѣздѣ въ улицу возвышалась высокая баррикада; сверху и снизу баррикады были наскладены сѣно и солома. Барабанный бой отозвалъ людей, строившихъ баррикаду; вслѣдъ за этимъ огонь началъ пробѣгать змѣйками до верху баррикады, заметая краснымъ пламенемъ боковыя крыши и распуская по деревнѣ черныи дымъ.

Съ другой стороны баррикады раздались громкіе крики; послышалось нѣсколько выстрѣловъ, но ничего не было видно, и командиръ отдалъ приказаніе отступать.

Я видѣлъ, какъ республиканцы проходили мимо насъ, твердымъ

и тихимъ шагомъ, съ сверкающими глазами, красными штыками, закопченными руками и ввалившимися щеками. Позади шли два барабанщика, но въ барабанъ они не били; одинъ изъ нихъ былъ тотъ маленькій, что спалъ подъ нашимъ навѣсомъ; барабанъ у него висѣлъ на плечѣ, онъ шель согнувъ спину; по круглымъ щекамъ его, почернѣвшимъ отъ пороха и дыма, текли крупныя слезы; товарищъ его говорилъ ему:

— Полно, Жанъ, не горюй!»

Но онъ, казалось, не слушалъ его.

И Горацій Коклесъ и маркитантка — исчезли. Я провожалъ республиканцевъ глазами до поворота улицы.

Въ сборномъ домѣ били въ набатъ и издали долетали жалобные крики: «пожаръ! пожаръ!»

Я взглянулъ на баррикаду республиканцевъ; пламя охватывало дома и поднималось къ небу; съ другой стороны шумъ оружія наполнялъ улицу, и уже въ сосѣднихъ домахъ изъ слуховыхъ оконъ высовывались длинныя черныя пики, которыми разламывали горѣвшую баррикаду.

IV.

По уходѣ республиканцевъ, еще по крайней мѣрѣ съ четверть часа никто не показывался съ нашей стороны улицы. Всѣ дома казались точно пустыми. Но съ другой стороны баррикады смятеніе все увеличивалось, и крики: «горимъ! горимъ!» раздавались все жалобнѣе и жалобнѣе.

Испуганный пожаромъ, я вышелъ подъ навѣсъ. Ничто не двигалось, только огонь трещалъ и раздавались стоны раненаго, который сидѣлъ въ нашемъ хлѣвѣ, прислонившись къ стѣнѣ; у него въ поясищѣ засѣла пуля, и онъ подпирался обѣими руками, чтобы не упасть: это былъ кроатъ; на меня онъ глядѣлъ страшно и безнадежно. Нѣсколько поодаль, лежала на боку лошадь и, какъ маятникъ, качала головой на длинной шеѣ.

Въ то время, какъ я стоялъ и думалъ, что французы эти должны быть страшные разбойники, такъ какъ они безъ всякой причины подошли насъ, за мной что-то слегка зашевелилось; я увидѣлъ въ глубинѣ навѣса, за влочьями соломы, упавшей съ балокъ, полуотворенную дверь нашей риги, и въ дверяхъ блѣдное, съ вытаращенными глазами лицо сосѣда нашего Спика. Высунувъ тихонько го-

лову, онъ прислушивался; потомъ, увѣрившись, что республиканцы ушли, онъ выскочилъ и, поднимая топоръ, закричалъ, какъ бѣшеный:

— Гдѣ эти негодяи, гдѣ они? Я веѣхъ ихъ перебью!

— А! сказать я, ушли; но бѣжите, вы догоните ихъ въ концѣ деревни.

Онъ искоса посмотрѣлъ на меня, и увидавъ, что я говорю не шутя, побѣжалъ на пожаръ.

Тотчасъ же стали открываться и другія двери; мужчины и женщины, выходили изъ нихъ, смотрѣли и, поднявъ руки къверху, восклицали: «Будь они прокляты! будь они прокляты!» Потомъ они оспѣшно брали ведра и шли тушить.

Скоро около фонтана толпился кучами народъ; вокругъ не оставало мѣста; съ обѣихъ сторонъ образовались цѣпи до самыхъ стѣнъ угрожаемыхъ домовъ. Нѣсколько солдатъ, стоя на крышахъ, лили воду въ пламя; но все что можно было сдѣлать,—это предохранять сосѣдніе дома. Къ одиннадцати часамъ изъ баррикады поднялся голубой огненный столбъ: въ числѣ сложенныхъ въ баррикаду телѣгъ была одноколка маркитантки; два ея боченка съ водкой вспыхнули.

Дядя Яковъ находился тоже въ цѣпи съ другой стороны, подъ присмотромъ австрійскихъ часовыхъ; но, проходя черезъ дворъ, ему удалось однако ускользнуть, и онъ прошелъ домой огородами.

— Слава Богу! воскликнулъ онъ,—Фрицель спасенъ!

Этотъ случай показалъ мнѣ, что онъ сильно любилъ меня. Цѣлуя меня, онъ спрашивалъ:

— Гдѣ же ты былъ, бѣдняжка?

— У окна, отвѣчалъ я.

Вдругъ онъ поблѣднѣлъ и закричалъ:

— Лизбета! Лизбета!

Она не только не отвѣчала, но мы даже не могли найти ее, мы пошли по всѣмъ комнатамъ, смотрѣли даже подъ постелями, и предположили, что она убѣжала спасаться къ какойнибудь сосѣдкѣ.

Между тѣмъ пожаръ потушили и до насъ долетали крики австрійцевъ: «Съ дороги!.. съ дороги!.. назадъ!..»

Въ ту же минуту мимо насъ пронесся, какъ молнія, полкъ кроатовъ. Они бросились тотчасъ за республиканцами.—На слѣдующій день мы узнали, что они не догнали; французы добрались до Ротальскихъ лѣсовъ, начинавшихся за Пирмазенеемъ. Только тогда поняли мы, зачѣмъ люди эти устроили на дорогѣ баррикаду и зажали дома: имъ хотѣлось задержать погоню кавалеріи, а это, конечно, показываетъ ихъ опытность въ военныхъ дѣлахъ.

Съ этихъ юръ и до пяти часовъ это деревнѣ передъ нашими окнами все тянулись двѣ австрійскія бригады: уланы, драгуны, гусары; потомъ пунки, фургоны, зарядные ящики; часовъ обою трехъ проѣхалъ главнокомандующій, окруженный офицерами, высокой старикъ въ трехъугольной шляпѣ и длинной бѣлой венгерскѣ съ такою бездною шнуравъ и золотато шитья, что республиканскій командиръ, съ своею шляпою и истертымъ мундиромъ, походилъ въ сравненіи съ нимъ на простого капрала.

Бургомистръ и совѣтники Анштата, въ суконныхъ платьяхъ съ широкими рукавами, безъ шапокъ, ждали его на площади. Онъ остановился минуты на двѣ, посмотрѣлъ на убитыхъ, наваленныхъ въ кучу около фонтана, и спросилъ:

— Сколько французовъ было здѣсь?

— Батальонъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ бургомистръ, перегнувшись въ дугу.

Генералъ не сказалъ ни слова, приподнял шляпу и поѣхалъ далѣе.

За генераломъ ѣхала вторая бригада: впереди тирольскіе охотники, въ зеленыхъ мундирахъ, черныхъ шляпахъ съ приподнятыми полями, вооруженные маленькими инспрукскими ружьями; за ними шла другая инфантерія, въ бѣлыхъ мундирахъ и небесно-голубыхъ штанахъ, съ пшблетами, доходившими до колѣнъ; потомъ тяжелая кавалерія изъ людей ростомъ въ шесть футовъ, обложенныхъ латами, изъ подъ касокъ которыхъ виднѣлись одни ихъ рыжіе усы; наконецъ аріергадъ составлялъ походный госпиталь, затянутый по обручамъ сѣрымъ холстомъ, и на самомъ задѣ слабые ногами, отстававшіе и трусы.

Хирурги арміи обонли площадь. Они подняли раненыхъ и посадили ихъ въ свои фуры; а одинъ изъ главныхъ хирурговъ, маленькій старичокъ въ бѣломъ парикѣ, сказалъ бургомистру, показывая на убитыхъ:

— Какъ можно скорѣе, велите похоронить все это.

— Радъ стараться, почтительно отвѣчалъ бургомистръ.

Наконецъ къ шести часамъ вечера уѣхали и послѣднія телѣги. Смеркалось. Мы съ дядей стояли на порогѣ нашего дома. Шаговъ на пятьдесятъ передъ нами, у фонтана, на всѣхъ ступеняхъ лежали въ порядкѣ тѣла, лицами вверхъ и съ широко-раскрытыми глазами: отъ потери всей крови, они казались бѣлыми какъ воскъ. Женщины и дѣти деревни прохаживались вокругъ.

Явился могильщикъ Жефферъ и сыновья его, Карль и Людвигъ, съ заступами въ рукахъ; бургомистръ сказалъ имъ:

— Возьмите съ собой человѣкъ двѣнадцать и выройте большую яму для всѣхъ этихъ господъ въ долину Вольфталъ; понимаете? Всѣ, у кого есть телѣги или дроги, должны дать ихъ, вмѣстѣ съ лошадьми, такъ какъ это общественная служба.

Жефферъ поклонился, и тотчасъ же отправился въ Вольфталъ съ своими работниками и съ другими взятыми имъ людьми.

— Гдѣ же однако наша Лизбета? сказалъ мнѣ дядя.

Мы возобновили наши поиски на чердакѣ и въ погребѣ, и только подъ конецъ, поднимаясь, увидали въ тѣни, за кадкой съ кислой капустой, между двухъ отдушникъ, грудку грязнаго бѣлья, которую дядя сталъ разрывать. Лизбета тотчасъ же закричала жалобнымъ голосомъ:

— Не убивайте меня! Ради Бога, пожалѣйте меня!

— Встань, ласково сказала дядя, все кончено!

Но Лизбета была еще такъ разстроена, что не могла передвигать ногами, и мнѣ пришлось вести ее на верхъ, какъ ребенка, за руку. Только увидавъ свѣтъ въ своей кухнѣ, сѣла она у очага и стала благодарить Бога за спасеніе: доказательство, что старые люди дорожатъ жизнью, не менѣе молодыхъ.

Никогда мнѣ не забыть минутъ отчаянья, наступившихъ потомъ, и бѣготни дяди, принужденнаго ходить на зовъ всѣхъ, требовавшихъ его помощи. Не проходило минуты, чтобы не являлась какая нибудь женщина или ребенокъ, восклицавшіе:

— Господинъ докторъ... поскорѣе... пусть придетъ... мужъ мой... братъ мой... сестра нездоровы!

Одинъ былъ раненъ, другой точно съ ума сошелъ отъ страху, третій лежалъ безъ всякихъ признаковъ жизни.

Дядя не могъ всюду поспѣть.

— Онъ тамъ-то, у такихъ-то, говорилъ я этимъ несчастнымъ, торопитесь!

И они уходили.

Онъ пришелъ домой очень поздно, часовъ около десяти. Лизбета нѣсколько оправилась отъ перепугу; она развела огонь въ очагѣ и накрыла на столъ, какъ обыкновенно; но штукатурка потолка, обломки рамъ и дерева еще лежали на полу. Посреди всего этого мы сѣли за столъ и стали молча ѣсть.

Дядя отъ времени до времени поднималъ голову и смотрѣлъ на факелы, съ которыми ходили около покойниковъ, на черныя телѣги съ маленькими лошаденками, стоявшія около фонтана, на могильщиковъ, на любопытныхъ. На все это онъ смотрѣлъ серьезно,

и вдругъ, къ концу ужина, протянувъ туда руку, сталъ мнѣ говорить:

— Вотъ что значить война, Фрицель! смотри и помни ее!.. Да, вотъ война: смерть и разрушеніе, бѣшенство и ненависть, забвеніе всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Когда Господь, выражая гнѣвъ свой, насылаетъ на насъ чуму и голодъ,—эти неизбежныя бѣдствія опредѣлены, по крайней мѣрѣ, его мудростью; а тутъ вѣдь самъ человѣкъ насылаетъ несчастье себѣ подобнымъ и самъ безжалостно вноситъ разрушеніе.—Еще вчера мы жили въ мирѣ, не прося ничего у другихъ и не сдѣлавъ никому зла, какъ вдругъ чужіе люди пришли бить, разорять и уничтожать насъ. Проклятіе этимъ честолюбцамъ! пусть они будутъ считаться позоромъ вѣка.

— Фрицель, помни это; на землѣ нѣтъ ничего хуже этого. Люди, незнающіе другъ друга, никогда невидавшіе другъ друга, вдругъ бросаются другъ на друга! Ужь это одно можетъ заставить увѣровать въ Бога, потому что за такія дѣла нуженъ мститель.

Такъ говорилъ дядя; онъ былъ сильно взволнованъ, а я, потупивъ голову, слушалъ со вниманіемъ и запоминалъ каждое слово его.

Мы просидѣли съ полчаса; на площади между тѣмъ начался какой-то споръ; до насъ доходили глухое ворчаніе собаки и голосъ нашего сосѣда, Спика, говорившаго съ раздраженіемъ:

— Пстой!.. погоди!.. негодная собачонка, я вотъ дамъ тебѣ затрепину лопатой. Ты такое же животное, какъ и хозяева твои: вишь, вздумали платить ассигнаціями и бранью, но не на такого напали! Собака заворчала еще сильнѣе.

Посреди ночной тишины слышались и другіе голоса, говорящіе:

— Право, странно... Смотрите... Не оставляетъ эту женщину... можетъ быть, она еще не умерла?

Дядя быстро всталъ и вышелъ. Я пошелъ за нимъ.

Нѣтъ ничего страшнѣе лицъ мертвецовъ, освѣщенныхъ красноватымъ свѣтомъ факеловъ. Хотя вѣтру и не было, но пламя колыхалось, и казалось, будто всѣ эти блѣдные мертвецы съ открытыми глазами шевелятся.

— Не умерла! кричалъ Спикъ, да что ты съ ума сошелъ, Жефферъ? Не бось, ты знаешь больше хирурговъ арміи? Нѣтъ... нѣтъ... дѣло ея покончено... и хорошо, что покончено... это вѣдь та женщина, что заплатила мнѣ за водку бумажками. Ну, пустите меня, я хвачу собаку, и всему будетъ конецъ!

— Что тутъ дѣлается? громкимъ голосомъ сказалъ дядя.

Всѣ стоявшіе обернулись, точно испуганные.

Могильщикъ снялъ шапку, а два или три человѣка посторонни-

лись, и мы увидѣли на ступени фонтана распростертую маркитантку, бѣлую какъ снѣгъ; ея прелестные черные волосы распустились въ кровавой лужѣ, на бедрѣхъ была еще маленькій боченокъ, а распнутые руки лежали на мокромъ камнѣ, по которому текла вода. Вокругъ нея лежало еще нѣсколько труповъ; а мохнатая собачонка, которую я видѣлъ утромъ съ маленькимъ барабанщикомъ, оцѣтнѣвшися, сверкая глазами и дрожа губами, стояла у ногъ женщины, ворчала и тряслася, глядя на Спика.

Не смотря на храбрость и заступъ, цѣловальникъ не смѣлъ приблизиться, понимая, что если онъ промахнется, собака вцѣпится ему въ горло.

— Что тутъ такое? повторилъ дядя.

— Тутъ стоитъ собака, смѣясь отвѣчалъ Спикъ, вотъ они и думаютъ, что эта женщина не умерла.

— Они правы, рѣзко сказалъ дядя, у нѣкоторыхъ животныхъ больше сердца и ума, чѣмъ у нѣкоторыхъ людей.— Отойди!

Онъ оттолкнулъ его локтемъ и, наклонившися, подошелъ прямо къ женщинѣ. Собака не только не бросилась на него, но, казалось, успокоилась и позволяла ему дѣлать, что угодно. Всѣ придвинулись; дядя сталъ на колѣни, отеръ грудь женщины и положилъ ей руку на сердце. Всѣ молчали; водворилась мертвая тишина. Такъ прошло съ минуту.

— Хе, хе, хе! надо похоронить ее; не правда ли, господинъ докторъ? спросилъ Спикъ.

Дядя всталъ, нахмурилъ брови и, осмотрѣвъ Спика съ головы до ногъ, сказалъ:

— Несчастный! изъ-за нѣсколькихъ жалкихъ мѣровъ воды, за которыя эта бѣдная женщина заплатила тебѣ, чѣмъ могла, тебѣ хотѣлось бы видѣть ее мертвою или даже, можетъ быть, заживо погребенною!

— Господинъ докторъ, началъ съ наглостью цѣловальникъ, извѣстно ли вамъ, что есть законы, и что....

— Молчи! прервалъ его дядя, поступокъ твой мерзковъ!

И, обращаясь къ другимъ, онъ сказалъ:

— Жефферъ, перенеси эту женщину ко мнѣ; она еще жива.

Онъ бросилъ на Спика послѣдній взглядъ негодованія, а могильщикъ и сыновья его положили маркитантку на носилки. Всѣ мы пошли; собака побѣжала за дядей, прижимаясь къ его ногамъ. Цѣловальникъ, глядя намъ вслѣдъ, бормоталъ насмѣшливымъ тономъ:

— Женщина эта умерла, докторъ понимаетъ не больше моего заступа! Женщина умерла,.... а что ее похоронять завтра, а не сегодня, въ этомъ разница не велика... посмотришь, кто изъ насъ правъ?

Переходя площадь, я увидѣлъ, что кротоловъ и Коффель шли за нами, что успокоило меня, потому что, съ наступленіемъ ночи, мною овладѣлъ какой-то страхъ, въ особенности, въ присутствіи покойниковъ, и я былъ радъ, что насъ много.

Кротоловъ шелъ передъ носилками и несъ большой факель; Коффель шагаль подлѣ дяди и казался серьезнымъ.

— Ужасныя вещи, сказалъ онъ, продолжая идти.

— А, это вы, Коффель! сказалъ дядя. Да, да, духъ зла парить въ воздухѣ, и появились духи тьмы!

Въ это время мы вошли въ маленькій корридоръ, заваленный обвалившейся штукатуркой; кротоловъ остановился на порогѣ, свѣта Жефферу и сыновьямъ его, ступавшимъ тяжелыми шагами. Всѣ мы вошли за ними въ комнату, и кротоловъ, поднявъ факель, торжественно воскликнулъ:

— Гдѣ они, дни спокойствія, минуты мира, отдыха и довѣрія послѣ трудовъ.... гдѣ они, господинъ докторъ? Увы! они вылетѣли во всѣ эти отверстія.

Тутъ только я хорошенько увидѣлъ жалкій видъ нашей старой комнаты, разбитыя стекла; ихъ острые края и блестящіе углы обрисовывались на черномъ фонѣ ночного мрака; я понялъ слова кротолова, и подумалъ, что мы очень несчастливы.

— Жефферъ, положите ее на мою постель, сказалъ дядя съ грустью, не надо изъ-за своихъ бѣдствій забывать тѣхъ, которые еще несчастнѣе насъ.

Обратившись къ кротолову, онъ прибавилъ:

— Оставайтесь посвѣтить мнѣ, а Коффель поможетъ намъ.

Могильщикъ и сыновья его поставили носилки на полъ, а женщину положили въ глубину алькова. Кротоловъ, кирпичныя щои котораго приняли отъ факеловъ алый отгѣнокъ, свѣтилъ имъ.

Дядя далъ нѣсколько крейцеровъ Жефферу, и тотъ вышелъ съ сыновьями.

Старая Лизбета пришла посмотрѣть; подбородокъ ея дрожаль, она не смѣла подойти, и я слышалъ, какъ она потихоньку шептала «Ave Maria.» Страхъ ея началъ переходить и на меня, когда дядя вскричалъ:

— Лизбета, что у тебя въ головѣ? Побойся Бога, съ ума ты сошла, что ли? Не похожа ли эта женщина на другихъ, и не помогала ли ты мнѣ сотни разъ при моихъ операціяхъ? И вотъ.... вдругъ дурь взяла верхъ.... Пойди.... нагрѣй воды; большаго отъ тебя мнѣ не добиться.

Собака усѣлась передъ альковымъ и смотрѣла изъ подъ кудрявыхъ бровей на лежавшую на постели женщину, неподвижную и блѣдную, какъ покойница.

— Фрицель, сказалъ мнѣ дядя, затвори ставни, здѣсь будетъ теплѣе. А въ Коффель, затопите печку, на помощь Лизбеты рассчитывать нечего. Хоть бы сохранить спокойствіе среди столькихъ бѣдствій! Но всѣ бѣды идутъ вмѣстѣ: когда чортъ поскачетъ, не знаешь, гдѣ онъ остановится.

Такъ говорилъ дядя съ видомъ отчаянья. Я побѣжалъ затворять ставни, и слышалъ, что онъ затворялъ крючки изнутри. Взглянувъ на фонтанъ, я увидѣлъ, что оттуда отправлялись еще двѣ телѣги съ мертвыми. Войдя въ комнату, я весь дрожалъ.

Коффель развелъ огонь, трещавшій въ печкѣ; дядя разложилъ на столѣ инструменты; кротоловъ ждалъ, глядя на блескъ множества ножичковъ.

Дядя взялъ зондъ и подошелъ къ постели, раздвигая занавѣски. Кротоловъ и Коффель пошли за нимъ. Меня одолѣло любопытство, я пошелъ смотрѣть: свѣча освѣщала весь альковъ; женщина лежала обнаженная до пояса, дядя разрѣзалъ на ней одежду; Коффель мылъ ей большой губкой шею и грудь, покрытыя запекшеюся кровью, собака сидѣла, не шевелясь и не спуская глазъ. Лизбета снова вошла въ комнату; она держала меня за руку и шептала какую-то молитву. Въ альковѣ всѣ молчали, и дядя, услыжавъ голосъ старой служанки, закричалъ на нее, серьезно осердившись:

— Замолчишь ли ты, старая дура? Ну, кротоловъ, подними руку.

— Красивая женщина, сказалъ кротоловъ, и какъ молода еще.

— Какъ она блѣдна! сказалъ Коффель.

Я подошелъ ближе и увидалъ женщину, блѣдную какъ снѣгъ, съ прекрасною грудью; голова ея была откинута назадъ и волосы распущены. Кротоловъ держалъ ея руку поднятою, и подъ нею между грудью и подмышкою, виднѣлась синеватая рана, изъ которой сочилась кровь. Стиснувъ зубы, дядя Яковъ зондировалъ рану; зондъ не входилъ. Никогда не видавъ ничего подобнаго, я сталъ такъ внимателенъ, что все существо мое перенеслось въ глубину этого алькова, и я слышалъ, какъ дядя прошепталъ: «странно!»

Въ эту минуту женщина глубоко вздохнула, а собака, до сихъ поръ молчавшая, стала плакать жалобнымъ и кроткимъ голосомъ, точно человѣкъ; у меня волосы стали дыбомъ. Кротоловъ закричалъ:

— Молчать!

Собака замолчала, а дядя сказалъ:

— Кротоловъ, поднимите же руку. Коффель, пройдите сюда и поддержите тѣло.

Коффель обошелъ за кровать и взялъ женщину за плечи; зондъ тотчасъ же глубоко вошелъ.

Женщина застонала, а собака заворчала.

— Ну, сказалъ дядя, она спсена. Смотрите, Коффель, видите: пуля прошла на ребра; она здѣсь подъ плечомъ, слышите ее?

— Слышу!

Дядя вышелъ и, увидавъ меня подъ занавѣской, воскликнулъ:

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Смотрю.

— Ну такъ, теперь онъ смотреть! Вѣрно такъ и надо, чтобы все шло на выворотъ.

Онъ взялъ со стола ножъ и снова вошелъ.

Собака смотрѣла на меня сверкающими глазами, что меня безпокоило.

Вдругъ женщина воскликнула, и дядя весело проговорилъ:

— Вотъ она!.. это пуля изъ пистолета. Бѣдняжка потеряла много крови, но ничего, поправится.

Пуля попала въ нее во время сильного залпа уланъ, сказалъ Коффель я былъ въ то время у старика Крогера, въ первомъ этажѣ; чистилъ его часы, и видѣлъ, что они выстрѣлили подѣзжая.

— Можетъ быть, отвѣчалъ дядя, которому только теперь пришло въ голову взглянуть на женщину.

Онъ взялъ свѣчку изъ рукъ Кротолова, и вставъ за кроватью, задумчиво смотрѣлъ нѣсколько минутъ на больную.

— Да, сказалъ онъ — красивая женщина и благородная голова! Какое несчастіе, что подобныя существа ходятъ за арміями! Не лучше ли было бы, если бы онѣ жили въ кругу честнаго семейства, окруженныя прекрасными дѣтьми, подлѣ хорошаго человѣка, осчастливленнаго ими? Жаль? Впрочемъ... это воля Господа...

Онъ вышелъ и кликнулъ Лизбету.

— Дай одну изъ своихъ рубашекъ этой женщинѣ, сказалъ онъ: и сама надѣнь на нее. — Кротоловъ, Коффель пойдѣте; выпьемте по стагану вина, сегодняшній день былъ для всѣхъ тяжелымъ днемъ.

Онъ самъ сходилъ въ погребъ и возвратился въ ту минуту, какъ старуха пришла съ рубашкой. Лизбета, видя, что маркизантка не умерла, сдѣлалась похрабрѣе; она вошла въ альковъ и задернула занавѣски, пока дядя откупоривалъ бутылку и открывалъ буфетъ,

доставая. оттуда стаканы. Кротоловъ и Коффель казалось были довольны. Я тоже подошелъ къ накрытому еще столу, и мы досончили ужинъ.

Собака издали посматривала на насъ; дядя бросилъ ей нѣсколько кусочковъ хлѣба, которые она однако не тронула.

Въ это время церковные часы пробили часъ.

— Это бьетъ половина, сказалъ Коффель.

— Нѣтъ, уже часъ; я думаю, намъ пора лечь спать, отвѣчалъ Кротоловъ.

Лизбета вышла изъ алькова; всѣ пошли взглянуть на женщину, одѣтую въ рубашку; она, казалось, спала. Собака сидѣла на заднихъ лапкахъ на краю кровати и тоже смотрѣла. Дядя погладилъ ее по головѣ у сказалъ:

— Нечего больше бояться: она поправится... ручаюсь тебѣ!

Бѣдное животное точно поняло его, и вротко завывло.

Наконецъ всѣ вышли.

Дядя проводилъ Коффеля и кротолова со свѣчой до низу, и, вернувшись, сказалъ намъ:

— Теперь идите лягте, пора спать.

— А вы, господинъ докторъ? спросила старая служанка.

— Я не буду спать... женщина эта въ опасности, да и кромѣ того меня могутъ позвать въ деревнѣ.

Онъ подложилъ полѣно въ печку и растянулся позади въ креслѣ, свертывая ключомъ бумаги, чтобы закурить трубку.

Мы съ Лизбетой отправились по своимъ комнатамъ; но, не смотря на сильную усталость, я долго не могъ заснуть, потому что каждые полчаса слышался стукъ проѣзжавшей телѣги и свѣтъ факеловъ, напоминавшіе мнѣ, что везутъ мертвыхъ.

Къ разсвѣту шумъ затихъ, и я крѣпко заснулъ.

V.

Любопытно было видѣть деревню на слѣдующій день, когда каждый разыскивалъ, что у него оставалось и чего не доставало, и когда послѣдствія доказали, что множество республиканцевъ, улановъ, и кротовъ, пройдя въ дома съ задней стороны, все обчистили въ нихъ, тогда негодование было всеобщее, и я понялъ, какъ правъ былъ кротоловъ, сказавъ: «теперь дни спокойствія и мира вылетѣли въ эти отверстія!»

Чтобы видѣть произведенное онустоженіе въ двери и окна были отворены настежь, вся улица завалена мебелью, тѣлгами, скотскою и весь народъ кричалъ: «о негоди!.. о разбойники!.. все взяли!»

Одинъ искалъ утокъ, другой куръ; третій, заглянувъ подъ кровать, нашелъ вмѣсто сапоговъ старыя изношенные башмаки; четвертый, посмотрѣвъ въ печь, гдѣ еще наканунѣ утромъ коптились болбасы и свиной жиръ, и увидѣвъ ее теперь пустою, приходилъ въ неописанную ярость; женщины, поднимая руки къ небу, приходили въ отчаянье, а дѣвушки казались смущенными.

Масло, яйца, табакъ, картофель, даже бѣлье,—все было взято; тѣмъ больше глядѣли, тѣмъ больше оказывался недочетъ.

Сердились всего болѣе на кроатовъ, потому что послѣ прѣзда генерала, когда нечего было бояться жалобъ на нихъ, они бросились въ дома, какъ стая голодныхъ волковъ, и Богъ знаетъ чего не приходилось имъ давать, чтобы выпроводить ихъ, не считая уже того, что они сами брали.

Какое несчастье однакожь, что у старей Германіи такіе солдаты, которыхъ надо бояться больше, чѣмъ французовъ. Избави Богъ въ другой разъ отъ ихъ помощи!

Мы же, дѣти, Гаясъ Аденъ, Францъ Сепель, Никель, Юганнъ и я, ходили отъ одной двери къ другой и разсматривая сломанныя черепицы, сломанныя окна, поваленные нарѣсы, подбирая всякій хламъ, бумажныя трубочки отъ зарядовъ, пули, засвѣнія въ стѣны.

Эти выходы такъ насъ радовали, что никому изъ насъ и въ голову не приходило идти домой ранѣе ночи.

Около двухъ часовъ, мы встрѣтили Заферн Шмука, сына плетельщика корзины; онъ задиралъ рыжую голову и казался важнѣе обыкновеннаго. Подъ блузой онъ что-то пряталъ; и когда мы спросили его: «что у тебя?» онъ показалъ намъ рукоятку большаго уланскаго пистолета.

Тогда вся ватага пошла за нимъ.

Онъ шелъ между нами, какъ генералъ, и встрѣчая какогонибудь мальчика, мы говорили: «у него пистолеты!» Встрѣченный присоединялся къ гурьбѣ.

За цѣлое царство не отстали бы мы отъ Шмука; намъ казалось, что слава его пистолета распространяется и на насъ.

Вотъ каковы дѣти,—но таковы же и взрослые!

Мы всё хвалились опасностями, перенесенными во время большой битвы.

— Я слышалъ, какъ свистѣли пули, говорилъ Францъ Сепель.

— А я видѣлъ, какъ проскакалъ уланскій генераль въ красной шляпѣ, кричалъ Гансъ Адень; это гораздо страшнѣ свиста пуль.

Я гордился всего болѣе тѣмъ, что республиканскій командиръ далъ мнѣ лепешки и сказалъ: «проглоти молодцомъ!» Послѣ этого я считалъ себя достойнымъ обладать такимъ же пистолетомъ, какъ Зафери; но никто не вѣрилъ мнѣ.

Проходя мимо дверей приказа, Шмукъ вскричалъ:

— Пойдемъ смотрѣть!

Мы поднялись за нимъ по большой лѣстницѣ; остановясь передъ большою дверью совѣта, въ которой было квадратное окошечко, онъ сказалъ намъ:

— Посмотрите, тамъ одежда убитыхъ... Дядя Жефферъ и господинъ бургомистръ привезли ихъ сюда сегодня утромъ въ телѣжкѣ.

Больше часа смотрѣли мы на платья, взбираясь другъ другу на плечи и вздыхая: «пусти и меня посмотрѣть, Гансъ Адень,.. теперь моя очередь!»

Одежда лежала въ кучѣ посреди большой пустой залы, плохо освѣщенной двумя высокими рѣшетчатыми окнами. Тамъ валялись и республиканскія шляпы, и уланскія шапки, перевязи и лядунки, голубые мундиры и красные плащи, сабли и пистолеты. Направо стояли ружья, прислоненныя къ стѣнѣ, а далѣе цѣлый рядъ шикъ.

Глядя на это, морозъ подиралъ по кожѣ, и у меня все ясно сохранилось въ памяти.

Черезъ часъ стало смеркаться; кому-то изъ насъ вдругъ сдѣлалось странно: онъ побѣжалъ съ лѣстницы, крикнувъ отчаяннымъ голосомъ: «вотъ они!»

Тутъ вся ватага бросилась съ лѣстницы, поднимая руки, прыгая и соскакивая въ потьмахъ. Удивительнѣе всего, что никто не сломалъ себѣ шеи, такъ великъ былъ страхъ. Я остался позади всѣхъ и хотя сердце у меня страшно билось, но я обернулся внизу лѣстницы и взглянулъ: въ сѣняхъ все было въ полусвѣтѣ, и маленькое окошечко на правой сторонѣ слабо освѣщало черныя ступеньки; подъ темнымъ сводомъ не было слышно ни малѣйшаго движенія. На улицѣ вдали замирали крики. Мнѣ пришло въ голову, что дядя безпокоится обо мнѣ, и я пошелъ одинъ, не разъ обертываясь, такъ какъ мнѣ казалось, что за мною слѣдуютъ поспѣшные шаги, и я не смѣлъ бѣжать.

Передъ гостиницей «Двухъ ключей», окна которой горѣли во мракѣ, я остановился. Толпа пившихъ тамъ успокоила меня; взглянувъ въ форточку, отворенную въ залъ, гдѣ раздавалось множе-

ство голосовъ, я увидѣлъ Коффеля, кротолова, господина Рихтера и многихъ другихъ, сидѣвшихъ за длиннымъ сосновымъ столомъ, облокотившись локтями на столъ противъ кружекъ и стакановъ.

Угловатая фигура г. Рихтера, въ охотничьемъ платьѣ и кожаной шапкѣ, размахивала руками въ сѣроватомъ дымѣ подл лампой.

— Вотъ — эти знаменитые республиканцы, говорили онъ: — эти страшные люди, которые должны были перевернуть мѣръ и для разсѣянiя которыхъ довольно было тѣни фельдмаршала Вурмзера. Вы видѣли, какъ они, поджавши хвосты, стали улепетывать! Не говорили ли я вамъ сотни разъ, что всѣ ихъ великiя предпрiятiя кончатся бѣгствомъ? Кротоловъ, Коффель, не говорили ли это я?

— Ну да, говорили! отвѣчаютъ кротоловъ: — но это еще не причина такъ кричать. Садитесь, г. Рихтеръ, и велите подать бутылку вина; — мы съ Коффелемъ уже заплатили свою долгу. Вотъ въ чемъ вся суть!

Г. Рихтеръ сѣлъ, а я отправился домой. Было часовъ семь; коридоръ нашъ уже вывели, окна вставили. Я вошелъ сначала въ кухню; Лизбета, увидѣвъ меня, вскричала:

— А! вотъ онъ!

Она отворила дверь въ комнаты и сказала, понизивъ голосъ:

— Г. докторъ, ребенокъ тутъ.

— Хорошо, сказалъ дядя, сидѣвшiй за столомъ, — пусть войдетъ! Я заговорилъ громко.

— Тише! сказалъ мнѣ дядя, указывая на альковъ. — Садись, ты должно быть, голоденъ?

— Да, дядя.

— Гдѣ ты былъ?

— Ходилъ осматривать деревню.

— Ладно, Фрицель; я безпокоился о тебѣ, но радъ, что ты видѣлъ послѣдствiя этого бѣдствiя.

Лизбета принесла мнѣ хорошую тарелку супа, и, пока я ѣлъ, дядя прибавилъ:

— Теперь ты знаешь, что такое война. Не забывай этихъ вещей, Фрицель, и проклинай ихъ вѣчно. Это хорошiй урокъ; что видишь въ дѣтствѣ, того не забываешь всю жизнь.

Онъ говорилъ какъ-будто разсуждая самъ съ собою; я продолжалъ ѣсть, уткнувъ носъ въ тарелку. Послѣ супа Лизбета принесла мнѣ овощей и говядину; но только что я хотѣлъ взять вилку, вдругъ увидѣлъ подлѣ себя на полу что-то, неподвижно смотрѣвшее на меня. Я испугался.

— Не бойся, Фрицель, улыбаясь связалъ мнѣ дядя.

Я взглянул и узналъ собаку маркитантки. Она важно сидѣла, поднявъ къ верху морду, повѣсивъ уши и внимательно слѣдя за мною.

— Дай ей овощей—и вы скоро подружитесь, сказалъ дядя.

Онъ поманилъ ее; собака сѣла подлѣ его стула и, казалось, была очень довольна, что дядя похлопывалъ ее по головѣ.

Окончивъ ужинъ, я хотѣлъ встать; вдругъ слышались неясныя слова. Дядя сталъ прислушиваться; маркитантка говорила очень скоро и тихо; эти неясныя таинственныя слова, раздававшіеся въ тишинѣ, смущали меня болѣе всего; я поблѣднѣлъ. Дядя, наклонивъ голову, смотрѣлъ на меня; но мысль его была далеко: онъ прислушивался. Собака тоже обернулась.

Женщина говорила много, нѣкоторыя слова произносила яснѣе: «Мой отецъ... Жанъ... убиты... всѣ... всѣ... родина!»

Взглянувъ на дядю, я увидѣлъ, что глаза его подернулись влагой и щеки дрожали. Онъ взялъ со стола лампу и подошелъ къ постели. Лизбета вошла убирать со стола; онъ обернулся и сказалъ ей:

— Начинается лихорадка.

Потомъ онъ раздвинулъ занавѣски; Лизбета пошла за нимъ. Я не трогался съ мѣста и не чувствовалъ болѣе голода. Женщина на минуту замолкла. На занавѣскахъ виднѣлись тѣни дяди и Лизбеты; дядя держалъ женщину за руку. Собака была съ ними въ альковѣ. Я началъ трусить, оставшись одинъ въ темной комнатѣ. Женщина заговорила громче; тогда мнѣ показалось, что въ комнатѣ становится темнѣе, и я пошелъ къ свѣту. Но въ эту же минуту тамъ начало что-то биться: Лизбета, державшая лампу, отскочила, а женщина блѣдная какъ мертвецъ, съ открытыми глазами привстала, крича:

— Жанъ... Жанъ... защищайся!.. я иду!

Потомъ она открыла ротъ, вскрикнула: «да здравствуетъ республика!» и снова упала.

Дядя вышелъ встревоженный, говоря:

— Лизбета, скорѣе, скорѣе, сбѣгай на верхъ... тамъ въ шкапу... сѣрая стеклянка съ стеклянной пробкой... Живѣ!

И онъ снова вошелъ туда.

Лизбета побѣжала; я держался за дядинъ сюртукъ. Собака ворчала; женщина лежала какъ мертвая.

Старуха прибѣжала съ стеклянкой; дядя взглянулъ и сказалъ отрывистымъ голосомъ:

— Ложку!

Я побѣждалъ за своей ложкой; дядя вытеръ ее, налилъ нѣсколько капель и, поднявъ голову женщины, далъ ей выпить, говоря съ необыкновенной нѣжностью:

— Ну, ну!.. потерпите, дитя мое, потерпите!

Я никогда не слышалъ, чтобы онъ такъ нѣжно говорилъ; отъ его голоса у меня сжалось сердце.

Женщина тихо вздохнула, и дядя положилъ ее на постель, поправивъ подушку. Онъ вышелъ совершенно блѣдный и сказалъ намъ:

— Отправляйтесь спать, оставьте меня одного... я не лягу...

— Г. докторъ, возразила Лизбета, вѣдь и прошлую ночь...

— Идите спать, повторилъ сердитымъ голосомъ дядя; мнѣ некогда слушать вашу болтовню. Ради Бога, оставьте меня въ покоѣ. Болѣзнь можетъ сдѣлаться серьезною.

Мы убрались. Поднимаясь на лѣстницу, Лизбета, дрожа всѣмъ тѣломъ, сказала мнѣ:

— Видѣлъ эту несчастную, Фрицель? Вѣдь, можетъ быть, умираетъ... а все-таки думаетъ о своей дьявольской республикѣ. Эти люди— настоящіе дикіе. Намъ остается только молить Бога простить имъ.

И она дѣйствительно начала молиться.

Я не зналъ, что и думать объ этомъ. Но, набѣгавшись и перемаравшись, я едва успѣлъ добраться до постели, какъ заснулъ глубочайшимъ сномъ, такъ что даже возвращеніе самихъ республиканцевъ и пальба ихъ не разбудили бы меня ранѣе десяти часовъ утра.

VI.

На другой день по уходѣ республиканцевъ вся деревня уже знала, что у дяди Якова лежитъ француженка, что у ней рана отъ пушечнаго выстрѣла и что она не скоро оправится. Но у всякаго было столько своихъ заботъ за починою крышъ, дверей и оконъ, что некогда было думать о другихъ, и только на третій день, когда почти все привелось въ порядокъ, снова вспомнили о женщинѣ.

Тогда же и Иосифъ Спикъ началъ распространять слухъ, что француженка приходила въ ярость и ужаснымъ голосомъ кричала: «Да здравствуетъ республика!»

Скрестивъ руки, опершись плечомъ объ стѣну и дѣлая видъ, что онъ куритъ трубку, негодяй этотъ становился на порогѣ своего кабака, и говорилъ проходжимъ:

— Эй! Никель... Йокель... послушай-ка... послушай-ка, какъ она кричитъ! Не отвратительно ли это? Не слѣдовало бы деревнѣ запретить это?

Дядя Яковъ, лучший изъ людей, дошелъ до такого негодованія на Спика, что я слышала, какъ онъ нѣсколько разъ повторялъ, что его слѣдовало бы повѣсить.

Къ несчастью, нельзя было отрицать, что женщина говоритъ о Франціи, о республикѣ и другихъ вещахъ, противныхъ установленному порядку; между тѣмъ эти мысли не выходили у нея изъ головы, и это немало смущало насъ, потому что всѣ кумушки, всѣ старыя Саломси деревни по очереди приходили къ намъ: одна со щоткою въ рукѣ, подобравъ юбку, другая воткнувъ въ волосы чулочныя иголки, съ чепцомъ на сторону, третья съ веретеномъ, будто намѣревалась прясть около очага. Кто приходилъ попросить рѣшетку, кто купить горшокъ кислаго молока, кто спрашивалъ дрожжей, чтобы поставить опару. Какая гадость! у насъ въ корридорѣ появилось на два пальца грязи отъ ихъ башмаковъ.

И перемывая тарелки или заглядывая въ горшки, Лизбетъ приходилось слушать ихъ стрекотанье, встрѣчать ихъ, присѣдать и приятно изгибаться.

— А! здравствуйте, мадмуазель Лизбета! Давно васъ не видно!

— А! это вы, мадмуазель Урсула! Боже мой! какъ я рада васъ видѣть! Садитесь же! мадмуазель Урсула.

— Какъ вы добры, мадмуазель Лизбета... Славная погода сегодня утромъ.

— Да, мадмуазель Урсула, славная... хороша для ревматизмовъ.

— Хороша и для насморковъ.

— Да и для всѣхъ болѣзней. Какъ поживаетъ батюшка священникъ, что его ревматизмъ, мадмуазель Урсула?

— Да что тутъ и говорить, какъ поживаетъ: ревматизмъ бросается то туда, то сюда. Вчера былъ въ плечѣ, сегодня въ поясницѣ. Переходить. Все хвораетъ, все хвораетъ.

— Ахъ, какъ жаль... какъ жаль!

— Кстати, мадмуазель Лизбета,—не называйте меня любопытной, но вся деревня говоритъ:—ваша французенка все еще больна?

— Ахъ, мадмуазель Урсула, и не говорите; была одна такая ночь... такая!..

— Можетъ ли быть? Такъ этой бѣдняжкѣ не лучше?

Кумушки всплескивали руками, наклонялись съ видомъ состраданія, поводили глазами и качали головой.

Первые два дня дядя, думая, что пощщенія прекратятся, когда

любопытство будетъ удовлетворено, не говорилъ ничего. Но види, что они не прекращаются, онъ разъ утромъ, когда у женщины была сильная лихорадка, вдругъ вошелъ въ комнату и довольно сердито сказалъ бабамъ:

— Что вамъ тутъ надо? Отчего вы не сидите дома? Развѣ у васъ тамъ нѣтъ дѣла? Стыдились бы проводить всю жизнь въ трескотнѣ, строить изъ себя барынь, когда сами простыя служанки. Это смѣшно и мнѣ надоѣло.

— Я пришла, отвѣчала одна изъ нихъ, купить горшокъ молока.

— Чтобы купить горшокъ молока, развѣ надо два часа? отвѣчалъ дядя ужъ совсѣмъ сердито.—Лизбета, дай ей горшокъ молока, пусть отправляется во свояси. Все это мнѣ наскучило. Я не позволю шпионить за собою, набираться у меня разныхъ сплетней и разносить ихъ по деревнѣ.—Идите, и нечего больше ходить сюда.

Кумушки вышли совершенно сконфуженныя.

Въ тотъ же день у дяди былъ еще большой споръ. Господинъ Рихтеръ позволилъ себѣ сказать ему, что напрасно онъ интересуется иностранцами, пришедшими грабить страну, въ особенности женщиной, которая не богъ знаетъ что за важная птица, такъ какъ она пошла за солдатами.—Холодно выслушавъ его, онъ отвѣчалъ:

— Господинъ Рихтеръ, когда я исполняю долгъ челоѣколюбія, я не спрашиваю у людей: «изъ какой вы страны?» Однихъ ли вы со мною убѣждены? Можете ли отплатить мнѣ за то, что я для васъ дѣлаю? Я слѣдую движеніямъ моего сердца, а до остального мнѣ нѣтъ дѣла. Француженка или нѣмка эта женщина, республиканскія у нея мысли или какія нибудь другія, пошла ли она за солдатами по доброй волѣ или по нуждѣ—мнѣ это все равно. Я видѣлъ, что она умираетъ, и я долженъ спасти ей жизнь; а теперь я обязанъ продолжать, что началъ съ божьей помощью. Что же касается до васъ, господинъ Рихтеръ, я знаю, что вы эгоистъ и не любите ближнихъ: вмѣсто того, чтобы оказывать имъ услуги, вы стараетесь извлекать изъ нихъ личныя выгоды. Вотъ основаніе вашихъ мнѣній обо всемъ. Но подобныя сужденія возмущаютъ меня, и потому я прошу васъ не посѣщать меня болѣе.

Онъ отворилъ дверь; Рихтеръ хотѣлъ возражать, но дядя, не дослушавъ его, взялъ его учтиво за руку и вывелъ.

Кротоловъ, Коффель и я, всѣ мы присутствовали при этомъ, и твердость дяди Якова удивила насъ, потому что намъ никогда не случалось видѣть его такимъ спокойнымъ и рѣшительнымъ.

Друзьями его остались кротоловъ и Коффель; они по очереди

проводили ночи около женщины, что не мешало имъ днемъ заниматься своими дѣлами.

Съ тѣхъ поръ у насъ водворилось спокойствіе.

Разъ утромъ, проснувшись, я увидѣлъ, что наступила зима; бѣлый свѣтъ освѣщаль мою комнату; бѣлыя хлопья мириадами валили съ неба и вертѣлись около моихъ оконъ. На улицѣ было тихо, не показывалось ни единой души, всѣ заперлись, куры не кудахтали, собаки сидѣли въ своихъ конурахъ, а въ сосѣднихъ лѣсточкахъ бѣдныя зеленныя дубоноски, дрожавшія подъ своими растрепанными перьями, оглашали окрестность жалобными криками.

Подперевъ голову рукою, совершенно ослѣпленный, я смотрѣлъ, какъ свѣтъ наваливался на края маленькихъ оконъ, и вспоминать прошедшія зимы: свѣтъ отъ нашей большой печки, падавшій по вечерамъ то дальше, то ближе по полу, согрѣвалъ кротолова, Коффеля и дядю, сидящихъ во кругъ съсогнутыми спинами, съ трубками во рту и говорящихъ о всякой всячинѣ. Мнѣ слышались даже въ тишинѣ стукъ Лизветиной самопрялки, походившій на шелестъ драблѣхъ крыльевъ ночной бабочки, слышалось, какъ нога ея била въ тактъ стонамъ сырого полѣна, плачущаго въ очагѣ. На дворѣ я представлялъ себѣ катанье по льду на саняхъ, битвы снѣжками, хохоть, трескъ разбивающагося окна, старуху, бранящуюся въ концѣ корридора, и разбѣгающуюся стремглавъ ватагу.

Все это въ одинъ мигъ пришло мнѣ на память, и я полу-печально, полу-радостно подумалъ: «Вотъ и зима!»

Потомъ, вспомнивъ, какъ хорошо сидѣть теперь передъ очагомъ и ѣсть мучной супъ Лизветиной стряпни, я соскочилъ съ постели и, весь дрожа, поспѣшно одѣлся. Потомъ, набросивъ куртку на одну руку, я скатился съ лѣстницы, какъ кубарь.

Лизвета мела корридоръ. Дверь въ кухню была отворена; и потому, не смотря на яркій огонь, трещавшій вокругъ висѣвшаго котла, я побѣжалъ въ комнату.

Дядя Яковъ только-что пришелъ отъ какого-то больного; его лисья шуба и бобровая шапка висѣли на стѣнѣ, а высокіе сапоги стояли подлѣ печки; они пили съ кротоловомъ, просидѣвшимъ эту ночь у больной, киршассеръ. Оба казался въ хорошемъ расположеніи духа.

— Значить, кротоловъ, говорилъ дядя: — ночь прошла хорошо?

— Очень хорошо, господинъ докторъ; мы всѣ спали: больная въ постели, я въ креслѣ, а собака подъ занавѣской. Никто не пошевелился. Сегодня поутру, отворяя окошко, я увидѣлъ, что все бѣло, какъ паяцъ, вылѣзающій изъ мучного мѣшка; превращеніе

совершилось безъ шума. Когда я отворилъ окно, вы шли уже въ концѣ улицы; мнѣ хотѣлось крикнуть вамъ «здравствуйте», да она спала, и я боялся разбудить ее.

— Такъ, такъ, вы хорошо сдѣлали.— За ваше здоровье, кротоловъ!

— И за ваше, господинъ докторъ!

Они залпомъ выпили рюмки и, улыбаясь, поставили ихъ на столъ.

— Все идетъ хорошо, продолжалъ дядя: — рана закрывается, лихорадка проходитъ, не достааетъ только силъ, — бѣдная потеряла много крови. Но все пройдетъ со временемъ.

Я сѣлъ въ печкѣ. Собака вышла изъ алькова и стала ласкаться къ дядѣ, который, глядя на нее, заговорилъ:

— Славное животное! Взгляните, кротоловъ, можно подумать, что она понимаетъ насъ. Она точно повеселѣла сегодня? Меня никто не увѣритъ, что эти животныя не понимаютъ многого; у нихъ нѣтъ разсудка, но за то есть сердце.

— Это такъ, сказалъ кротоловъ. Во время лихорадки я постоянно смотрѣлъ на собаку и думалъ: «Она скучна, значить больной хуже!— Она весела, значить лучше!»— Да, я съ вами согласенъ, господинъ докторъ, я очень вѣрю животнымъ.

— Ну, кротоловъ, продолжалъ дядя: — еще рюмочку, на дворѣ, холодно, а старый киршвассеръ согрѣваетъ, какъ солнышко.

Онъ отворилъ буфетъ, принесъ хлѣбъ и два ножа, и сказалъ:

— Съѣдимъ по куску.

Кротоловъ кивнулъ головой, а дядя, увидавъ меня, сказалъ, улыбаясь:

— Ну вотъ, Фрицель, начнутъ снѣжки, ватанья по льду! Развѣ это не радуеть тебѣ?

— Радуеть, дядя.

— Да, да, веселись! самыя счастливыя годы въ жизни—твоя, мальчуганъ. Только не дѣлай слишкомъ твердыхъ снѣжковъ. Кто дѣлаеть твердые снѣжки, тотъ думаетъ не о весельи, а о вредѣ другимъ это злые мальчики.

— Э! смѣясь сказалъ кротоловъ, я всегда дѣлалъ твердые снѣжки.

— И были неправы, кротоловъ, отвѣчалъ дядя; это довазываетъ, что въ глубинѣ души у васъ была злость. Къ счастью, вы преодолѣли ее разумомъ. Я увѣренъ, что вы рассказываете, что валяли твердые снѣжки?

— Да! отвѣчалъ кротоловъ, не зная, что сказать:— хотя вѣдь и другіе дѣлали ихъ такими же.

— Никогда не надо указывать на другихъ; надо дѣлать то, что

подсказываетъ намъ наше доброе сердце, сказалъ дядя. Всѣ люди отъ природы добры, но ихъ увлекаютъ дурныя примѣры.

Во время этого разговора изъ алькова послышались какія-то слова; всѣ стали прислушиваться.

— Кротоловъ, прошепталъ дядя, это не бредъ, это хотя слабый, но естественный голосъ.

Онъ всталъ и раздвинулъ занавѣски. Мы съ кротоловомъ стали за нимъ, вытянувъ шею. Блѣдная и исхудалая женщина, казалось, спала; дыханіе ея едва было слышно. Но скоро она открыла глаза и съ удивленьемъ стала осматривать всѣхъ насъ по очереди, глубину алькова, окна, заваленныя снѣгомъ, шкафъ, старые часы, собаку, которая поднялась на заднія лапы, положивъ переднія на постели. Это длилось съ минуту; потомъ она опять закрыла глаза, и дядя тихо проговорилъ:

— Она пришла въ себя.

— Да, такъ же тихо сказалъ кротоловъ.....она насъ увидѣла, но не знаетъ насъ, и теперь думаетъ о томъ, что видѣла.

Мы хотѣли выйдти, но женщина опять открыла глаза и, сдѣлавъ усиліе, хотѣла заговорить. Дядя ласково сказалъ ей:

— Не волнуйтесь, будьте покойны и не бойтесь... Вы у людей, которые сдѣлаютъ для васъ все, что нужно... Вы были больны... теперь вамъ лучше..... Но, пожалуйста, увѣрьтесь, что вы у друзей..... у истинныхъ друзей.

Пока онъ говорилъ, женщина глядѣла на него во всѣ глаза; видно было, что она понимала его. Однако, не смотря на его совѣтъ, черезъ минуту молчанія, она опять сдѣлала попытку говорить и тихо сказала:

— Барабанщикъ.... маленькій барабанщикъ....

Взглянувъ на кротолова, дядя спросилъ его:

— Понимаете?

Кротоловъ пощупалъ ея голову и сказалъ:

— Остатки бреда, докторъ, легкаго бреда; пройдетъ.

Но женщина повторила нѣсколько громче:

— Жанъ.... маленькій барабанщикъ!

Я сталъ на цыпочки, внимательно прислушиваясь, и вдругъ мнѣ пришло въ голову, что она говоритъ о маленькомъ барабанщикѣ, котораго я видѣлъ въ день битвы спящимъ подъ нашимъ навѣсомъ. Я вспомнилъ, что она глядѣла на него изъ окна, чиня его маленькіе палталоны, и сказалъ:

— Дядя, она говоритъ, можетъ быть, о маленькомъ барабанщикѣ, что былъ съ республиканцами?

— Да, да.... сказала она,...Жанъ... мой братъ!

— Тише, не двигайтесь, проговорилъ дядя:—рана ваша можетъ открыться.—Кротоловъ, дайте сюда стулъ.

Онъ, взявъ меня подъ мышку, поднесъ къ ней и сказалъ:

— Расскажи, Фрицель, что ты знаешь. Помнишь ты маленькаго барабанщика?

— Помню; утромъ передъ сраженьемъ онъ лежалъ подъ нашимъ навѣсомъ, сабака лежала у него на ногахъ; онъ спалъ, я отлично его помню!—отвѣчалъ я, совершенно смутившись, потому что женщина пожирала меня глазами, какъ прежде дядю.

— И потомъ, Фрицель?

— Потомъ онъ былъ среди батальона съ другими барабанщиками, когда пріѣхали кроаты. И подъ конецъ, когда деревня загорѣлась и республиканцы уходили, я его видѣлъ позади ихъ.

— Раненаго? прошептала женщина такъ тихо, что едва можно было слышать.

— Нѣтъ! на плечѣ онъ несъ барабанъ и плакалъ, а другой барабанщикъ, побольше, говорилъ ему: «полно, маленькій Жанъ, не горюй!» Но онъ не слушалъ его.... и по щекамъ его лились слезы

— Ты увѣренъ, Фрицель, что видѣлъ, какъ онъ ушелъ? спросилъ дядя.

— Да, дядя: мнѣ было жаль его; я смотрѣлъ на него все время, пока они шли по деревнѣ.

Больная закрыла глаза и мы услышали, какъ она внутренно рыдала. Слезы текли у нея по щекамъ, но безъ всхлипыванья. Тяжело было смотрѣть, и дядя тихо сказалъ мнѣ:

— Сойди, Фрицель, надо дать ей выплакаться на свободѣ.

Но когда я хотѣлъ слѣзть, она протянула руку и остановила меня, шепча какія-то слова:

— Вы хотите поцѣловать ребенка?

— Да, сказала она.

Онъ наклонилъ меня къ ея лицу; она поцѣловала меня, продолжая плавать. Я тоже началъ плавать.

— Хорошо, замѣтилъ дядя, хорошо. Вамъ надо теперь успокоиться; постарайтесь заснуть, здоровье возвратится.... Вы опять увидите вашего брата... Полноте!..

Онъ вывелъ меня и задернулъ занавѣски. Кротоловъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, лицо его было красно; онъ сказалъ:

— Да, господинъ докторъ, это хорошая женщина, честная женщина.... республиканка она или что другое—считать ее нехорошей можетъ только негодай.

— Да, отвѣчалъ дядя, у нея благородное сердце, я это сейчасъ же увидѣлъ по лицу. Хорошо, что Фрицель помнилъ о ребенкѣ. Бѣдная женщина такъ страшно безпокоилась. Теперь мнѣ понятно! почему въ бреду она постоянно повторяла имя Жана. Все пойдетъ хорошо, кротоловъ, хорошо пойдетъ, слезы облегчаютъ.

Они вышли вмѣстѣ въ сѣни; я слышалъ, какъ они говорили еще о томъ же на порогѣ дома.

Я сѣлъ за печкой и, вытирая глаза рукавомъ, вдругъ замѣтилъ подлѣ себя собаку, кротко смотрѣвшую на меня. Она положила мнѣ на колѣни лапу и ласкалась; въ первый разъ я безъ страха взялъ въ обѣ руки ея мохнатую голову. Мнѣ казалось, что мы уже давно друзья и что я никогда ее не боялся.

Поднявъ черевъ минуту голову, я увидѣлъ только-что вошедшаго дядю, который смотрѣлъ на меня.

— Видишь, Фрицель, какъ бѣдняжка любитъ тебя, сказалъ онъ; теперь она узнала твое доброе сердце и будетъ за тобой бѣгать.

И точно, съ тѣхъ поръ собака всегда ходила за мной, когда я ее звалъ, ходила съ важнымъ видомъ по всей деревнѣ, чѣмъ я гордился больше Захери Шмука, владѣтеля уланскаго пистолета; она садилась подлѣ меня лизать мою тарелку и дѣлала все, что мнѣ угодно.

VII.

Цѣлый день и всю ночь продолжалъ валить снѣгъ; всѣ надѣялись, что онъ занесетъ горныя дороги и этимъ избавитъ насъ отъ улановъ и отъ республиканцевъ; какъ вдругъ одно пустое происшествіе напомнило снова намъ о печальныхъ послѣдствіяхъ войны и навело на размышленія о несчастіяхъ сего міра.

Это случилось на другой день послѣ того, какъ женщина пришла въ себя, между восьмью и девятью часами утра. Дверь въ кухню была отворена, чтобы дать теплу пройти въ залу. Я стоялъ подлѣ Лизбеты, сбивавшей около очага масло. Обернувшись, я увидѣлъ дядю, сидѣвшаго у бѣлаго окна; онъ читалъ календарь и отъ времени до времени улыбался. Слипшонъ (такъ звали собаку) неподвижно и важно сидѣлъ подлѣ меня и меланхолически зѣвалъ, въ то время, какъ я безпрестанно пробовалъ сливки изъ маслостойки.

— Что съ тобой, Фрицель? говорила Лизбета; если ты съѣшь всѣ сливки, у насъ не будетъ масла.

Въ залѣ медленно стучали часы; на улицѣ царствовала мертвая тишина.

Такъ прошло съ полчаса, и Лизбета уже положила сбитое масло на тарелку, какъ вдругъ на улицѣ раздались голоса; потомъ дверь въ корридоръ отворилась и кто-то сталъ стряхивать о порогъ снѣгъ съ сапоговъ. Дядя повѣсилъ на стѣну календарь и сталъ смотрѣть на дверь; въ комнату вошелъ бургомистръ Мейеръ, въ шерстяномъ колпакѣ съ двойными кисточками, нахлобученномъ на уши; воротникъ его былъ совершенно заиндивѣвшій отъ снѣга, а руки до локтей покрывались заячьими рукавицами.

— Здравствуйте, господинъ докторъ, здравствуйте! сказалъ толстякъ. Прихожу къ вамъ, не смотря на снѣгъ; но что же дѣлать, надо — дѣло!

Страхнувъ съ себя рукавицы, привязанныя тесемочкою къ шеѣ, онъ снялъ шапку и продолжалъ:

— Какой-то бѣдняга лежитъ, господинъ докторъ, въ Ребокскомъ дровяномъ дворѣ за грудой хвороста. Солдатъ онъ, капраль или капитанъ, не умѣю сказать. Онъ ушелъ туда, чтобы спокойно умереть во время битвы. Теперь надо бы составить свидѣтельство о смерти, а я не могу удостовѣрить, чѣмъ онъ умеръ, это не входитъ въ мои обязанности.

— Хорошо, бургомистръ, сказалъ вставая, дядя — я иду. Но вѣдь надо еще одного свидѣтеля?

— Михаилъ Фюрстъ внизу, сказалъ бургомистръ; онъ ждетъ меня въ сѣняхъ. Что за снѣгъ! что за снѣгъ! до колѣнъ, господинъ докторъ. Это хорошо для посѣвовъ и для войскъ его величества; они останутся зимовать. Господь съ ними! Пусть лучше останутся зимовать около Кайзерлаутерна, чѣмъ здѣсь: своя рубашка ближе къ тѣлу.

Во время разсужденій бургомистра, дядя надѣлъ сапоги, шубу, свою большую бобровую шапку и сказалъ:

— Я готовъ!

Они вышли, а за ними поспѣшилъ ускользнуть и я, не смотря на просьбы Лизбеты, желавшей остановить меня; мною одолѣло чертовское любопытство: мнѣ хотѣлось видѣть солдата.

По пустой улицѣ шли дядя Яковъ, бургомистръ и Фюрстъ; но по мѣрѣ того, какъ они проходили ее, въ окнахъ домовъ показывались лица и издали слышались отворявшіяся двери. Видя бургомистра, доктора и полевого сторожа, народъ думалъ, что случилось что нибудь необыкновенное; многіе даже выходили, но, не видя ничего, снова возвращались домой.

Придя въ домъ Ребока, — одинъ изъ *самыхъ старыхъ домовъ деревни, съ ригою, конюшнями и навѣсомъ со стороны полей, и хлѣбами, покрытыми соломой и обросшими мохомъ, на право — придя туда, бургомистръ, Фюрстъ и дядя вошли въ сѣни узенькія и темныя, устланныя изломанной плитою.

Я вошелъ за ними, но они меня не замѣтили.

Старикъ Ребокъ, увидѣвъ ихъ изъ оконъ, отворилъ комнату, наполненную паромъ, какъ баня, гдѣ жили бабушка, два сына его и двѣ невѣстки.

Собака ихъ, съ длинной сѣрой шерстью и съ опущеннымъ хвостомъ, тоже вышла и начала обнюхивать Сципіона, пришедшаго со мной и гордо поднявшаго голову, между тѣмъ какъ хозяйка обходила вокругъ него, чтобы завязать знакомство.

Я васъ проведу, сказалъ старій Ребокъ; это тамъ, подальше... за ригой.

— Нѣтъ, останьтесь, дѣдушка Ребокъ, отвѣчалъ дядя: — холодно, а вы стары, сынъ вашъ проведетъ насъ.

Но сынъ, найдя солдата, убѣжалъ.

Старикъ пошелъ впередъ; мы шли за нимъ по одиночкѣ. Сѣни были совершенно темныя. Мы прошли черезъ хлѣвъ, освѣщенный окномъ въ крышѣ, — въ немъ стояло пять козъ съ раздутыми вымями, посмотрѣвшими на насъ своими золотыми глазами, и два козленка, закричавшіе жалобными и дрожащими голосами; потомъ прошли черезъ конюшню, гдѣ увидѣли двухъ быковъ и корову, проточенныя рѣшетки и подстилку изъ сухихъ листьевъ. Животныя молча обернулись.

Мы шли вдоль стѣны; что-то подвернулось мнѣ подъ ноги: это былъ кроликъ, убѣгавшій подъ ясли; Сципіонъ не бросился за нимъ.

Послѣ этого мы вошли въ низенькую ригу, до верху набитую соломой и сѣномъ. Въ глубинѣ видѣлось голубоватое слуховое окно, выходявшее въ садъ; свѣтъ отъ него падалъ на груду дровъ и нѣсколько связокъ хвороста, уложенныхъ по стѣнѣ; ниже все было темно. — Странно, что въ слуховомъ окнѣ сидѣли пѣтухъ и двѣ или три курицы, засунувъ головы подъ крылья; ихъ темныя фигуры обрисовывались на свѣтѣ.

Сначала я ничего не могъ разглядѣть въ потьмахъ. Всѣ остановились. Курицы потихоньку закудахтали.

— Лучше было бы зажечь фонарь, сказалъ старикъ Ребокъ: плохо видно.

Въ то время, какъ онъ заговорилъ, я примѣтилъ вправо отъ окна,

у стѣны, между двумя связками, большой вытянутой плащъ; потомъ, посмотрѣвъ попристальнѣе, я увидѣлъ черную голову и длинные желтые усы: пѣтухъ соскочилъ съ окна и въ ригѣ стало свѣтлѣе.

Мною овладѣлъ страхъ, и не будь около меня Сципіона, я убѣжалъ бы.

— Вижу, началъ дядя, вижу.

И онъ подошелъ, говоря:

— Это кроатъ. Ну-ка, Фюрстъ, надо его вытянуть немного впередъ.

Но ни Фюрстъ, ни бургомистръ не двигались.

Тогда дядя взялъ его за ногу и вытянулъ на свѣтъ: лицо его было кирпичнаго цвѣта, глаза ввалились, носъ вытянулся, губы сжалась, а на подбородкѣ виднѣлся клокъ рыжихъ волосъ.

Дядя отстегнулъ его плащъ, отбросивъ полы на дрова, и мы увидѣли въ рукѣ кроата саблю съ длиннымъ, изогнутымъ лезвиемъ. Съ лѣвой стороны мундира широкое черное пятно обозначало мѣсто, откуда текла кровь. Дядя разстегнулъ пуговицы и сказалъ:

— Онъ умеръ отъ удара штыка, вѣроятно въ послѣднюю стычку. Онъ ушелъ съ мѣста сраженія. Меня удивляетъ, дѣдушка Ребокъ, что онъ не постучался къ вамъ въ двери, а пошелъ умирать такъ далеко.

— Мы всѣ спрятались въ погребъ, отвѣчалъ старикъ; дверь въ комнату была заперта. Мы слышали, что кто-то ходилъ въ сѣняхъ; но вѣдь на улицѣ былъ такой шумъ! Миѣ скорѣе кажется, что несчастный хотѣлъ скрыться въ домѣ; только за домомъ нѣтъ двери. Вѣрно, какой нибудь республиканецъ, какъ дикій звѣрь, бѣжалъ за нимъ до самой риги. Въ сѣняхъ мы не видали крови. Тутъ въ потьмахъ они, должно быть, дрались, и французъ, ударивъ его штыкомъ, спокойно вышелъ. Вотъ что миѣ кажется. Иначе, увидѣли бы гдѣ нибудь кровь; но ничего не было ни въ хлѣбѣ, ни въ конюшнѣ. И только сегодня утромъ, когда намъ понадобились дрова для печки, Сепель, войдя сюда, нашелъ этого несчастнаго.

Слушая эти объясненія, всякій представлялъ себѣ республиканца съ косою въ видѣ колбасы и большой трехъ-угольной шляпой, бѣжавшаго въ потьмахъ за кроатомъ, и всѣхъ пробрала дрожь.

— Да, сказали дядя, вставая и печально глядя на бургомистра; должно быть все это такъ и было.

Всѣ о чемъ-то задумались; молчаніе въ присутствіи этого мертвеца наводило страхъ.

— Смерть будетъ засвидѣтельствована черезъ минуту, замѣтилъ дядя; мы можемъ отправляться.

Потомъ, подумавъ прибавилъ:

— Есть, можетъ быть, средство узнать, кто онъ такой!

Онъ опять сталъ на колѣни, сунулъ руку въ карманъ мундира кроата и нашелъ бумаги. Въ то время онъ снялъ мѣдную цѣпочку съ его груди и изъ кармана панталонъ выпали большіе серебряные часы.

— На-те часы, сказалъ онъ бургомистру; я возьму бумаги, чтобы написать свидѣтельство.

— Возьмите все, господинъ докторъ, отвѣчалъ бургомистръ: — мнѣ не хотѣлось бы нести къ себѣ въ домъ часы, найденные на покойникѣ... нѣтъ, возьмите ихъ. Послѣ мы объ этомъ поговоримъ. Теперь можно намъ отправляться.

— Да и вы можете прислать Жеффера.

Замѣтивъ тогда меня, дядя сказалъ:

— Ты тутъ, Фрицель? Тебѣ надо все знать!

Онъ не сказалъ мнѣ ничего больше, и мы вмѣстѣ пошли домой. Бургомистръ и Фюрстъ отправились по домамъ.

На ходу дядя читалъ бумаги кроата. Отворивъ дверь въ комнату, мы увидали, что больная только-что поѣла супу, — занавѣски были еще отдернуты и тарелка стояла на ночномъ столигѣ.

— Ну, улыбаясь сказалъ дядя Яковъ: — лучше ли вамъ?

Она обернулась и, кротко взглянувъ на него своими большими черными глазами, отвѣчала:

— Да, господинъ докторъ, вы спасли меня, — я чувствую, что оживаю. Потомъ, спустя минуту, прибавила тономъ сожалѣнія:

— Вы нашли еще несчастную жертву войны.

Дядя понялъ, что она слышала разговоръ, когда полчаса тому назадъ за нимъ приходилъ бургомистръ.

— Да, сказалъ онъ, да, мадамъ; еще одинъ несчастный, который не увидитъ кровли своей, и еще несчастная мать, которая не обниметъ болѣе сына.

Больная казалась тронутой и тихо спросила:

— Кто нибудь изъ нашихъ?

— Нѣтъ, кроатъ. Идя сюда, я прочелъ письмо, которое три недѣли тому назадъ писала ему мать. Бѣдная женщина проситъ его не забывать молиться по утрамъ и по вечерамъ и хорошо вести себя. Она пишетъ ему съ нѣжностью, какъ ребенку. А это между тѣмъ старый солдатъ, но для нея онъ остался такимъ же розовымъ и бѣловурымъ, какимъ, рыдалъ, обнимала она его въ послѣдній разъ.

Говоря объ этомъ, голосъ дяди дрожалъ; онъ глядѣлъ на женщину, казавшуюся тоже тронутаю.

— Да, вы правы, сказала она: — должно быть ужасно узнать, что не увидишь больше своего ребенка. Я, по крайней мѣрѣ, утѣшаю себя тѣмъ, что не могу быть причиною горя людей, любящихъ меня.

При этомъ она повернула голову, а дядя, сдѣлавшійся серьезнымъ, спросилъ ее:

— Но вы не одиѣ же на свѣтѣ?

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери, отвѣчала она глухимъ голосомъ. Отецъ мой былъ командиромъ батальона, что вы видѣли; у меня было три брата; мы всѣ вмѣстѣ отправились въ 92 изъ Фенетранжа въ Лотарингію. Отецъ и два старшихъ брата умерли, и васъ осталось только двое: я и Жанъ, маленькій барабанщикъ.

Говоря это, больная готова была залиться слезами: Дядя, наклонивъ голову и сложивши руки за спину, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Опять наступило молчаніе.

Вдругъ француженка проговорила:

— У меня есть до васъ просьба, господинъ докторъ.

— Что такое?

— Напишите матери несчастнаго кроата. Конечно, ужасно получить вѣсть о смерти сына, но постоянно ждать его, дѣльные годы надѣяться, что онъ возвратится, и видѣть, что онъ не возвращается даже въ послѣдній часъ, это еще ужаснѣе.

Она замолчала, а дядя задумчиво отвѣчалъ:

— Да... да... это мысль хорошая! Фрицель, принеси чернила и бумагу. Какое несчастье, Господи! думать, что, извѣщая о подобныхъ вещахъ, дѣлаешь доброе дѣло! О война... война!...

Онъ сѣлъ писать. Въ это время вошла Лизбета накрывать на столъ; она поставила тарелки и хлѣбъ на буфетъ. Боло полдень, больная точно заснула.

Наконецъ дядя кончилъ письмо, сложилъ его, запечаталъ, написалъ адресъ, и сказалъ мнѣ:

— На, Фрицель, брось это письмо въ ящикъ и торопись. Спроси газету у старухи Эбергардъ; сегодня суббота, мы узнаемъ что нибудь о войнѣ.

Я нутился бѣгомъ и бросилъ письмо въ ящикъ. Но газета не приходила; снѣга задержали Клеменца, что вовсе не удивило дядю, такъ какъ подобныя задержки случались почти каждую зиму.

VIII.

Возвращаясь съ почты, я издали увидѣлъ, на большомъ общественномъ лугу, за церковью, Ганса Адена, Франца Сепеля и бездну другихъ товарищей, катающихся по льду канавки. Они катались одинъ за другимъ, летали какъ стрѣлы, согнувъ спину и растопыривъ руки, чтобы сохранить равновѣсiе; до меня долетали стукъ ихъ деревянныхъ башмаковъ по льду и ихъ радостные крики.

Какъ прыгало сердце мое, глядя на нихъ! какъ мнѣ хотѣлось покататься съ ними! Къ несчастью, дядя, Яковъ ждалъ меня тогда, и я воротился домой, только и думая объ этомъ весельѣ. Въ продолженiи всего обѣда мысль бѣжать туда не покидала меня ни на минуту; но я и не заикнулся объ этомъ дядѣ, такъ какъ онъ всегда запрещалъ мнѣ кататься по канавкѣ, боясь несчастья. Наконецъ онъ ушелъ изъ дому къ священнику, страдавшему ревматизмомъ.

Я дождался, пока онъ не вошелъ въ большую улицу, потомъ свиснулъ Сципiона и, какъ заяцъ, побѣжалъ въ улицу Гу. Собака скакала за мной, и мы перестали бѣжать только въ переулкѣ, набитомъ снѣгомъ.

На канавѣ я рассчитывалъ встрѣтить всѣхъ своихъ товарищей, но онц пошли обѣдать, и, повернувъ за церковъ, я увидѣлъ поле уже пустое. Пришлось кататься одному, и такъ какъ было холодно, то черезъ полчаса мнѣ это надоѣло.

На возвратномъ пути въ деревню, изъ узенькаго переулка, между двухъ заборовъ, покрытыхъ инеемъ, выскочили вдругъ Гансъ Адены, Францъ Сепель и двое или трое другихъ, съ раскраснѣвшимися щеками, въ бумажныхъ колпакахъ, нахлобученныхъ на уши, и съ засунутыми въ карманы руками.

— А! это ты, Фрицель! сказалъ Гансъ Адены; ты ужь уходишь?

— Да, я катался, а дядя Яковъ не любитъ, чтобы я катался по льду; я лучше уйду.

— А я, сказалъ Францъ Сепель, изломалъ себѣ сегодня башмакъ на льду, но отецъ починилъ мнѣ его. Посмотрите!

Онъ снялъ деревянный башмакъ и показалъ его намъ. Отецъ Франца Сепеля положилъ поперегъ листочекъ жести и привѣрѣпилъ его четырьмя остроголовыми гвоздями. Мы разсмѣялись, а Францъ Сепель вскрикнулъ:

— Не совѣмъ-то удобно кататься! Вотъ что, лучше поѣдемте въ саняхъ; взберемся на Альтенбергъ, а оттуда скатимся вихремъ.

Мысль ѣхать въ саняхъ показалась мнѣ тогда такой заманчивой

что я уже воображалъ себя на санихъ, скатывающимся съ горы, управляя пятками и крича во все горло: катай, валяй, катай валяй!

У меня духъ заняло.

— Хорошо бы, сказалъ Гансъ, но какъ добыть сани?

— Я ужь достану, отвѣчалъ Сепель, самый хитрый изъ всѣхъ насъ. У отца моего были сани въ прошломъ году, но они сгнили и бабушка сожгла ихъ. Все равно, идемте!

Мы пошли за нимъ, полные надеждъ и сомнѣній. Идя по большой улицѣ, мы останавливались у каждаго навѣса и, поднявши носы, завистливо смотрѣли на сани, повѣшенные на балкахъ.

— Вотъ, — говорили ктонибудь изъ насъ, — славныя сани, на нихъ мы удобно усѣлись бы всѣ.

— Да, отвѣчалъ ктонибудь другой; но ихъ не втащить на гору, слишкомъ тяжелы, вѣдь они изъ сырого лѣсу.

— Э! замѣчалъ Гансъ Аденъ, кабы дядя Гитцигъ далъ ихъ, ужь какънибудь да стащили бы; но онъ скупой, бережетъ сани для себя, какъ-будто сани могутъ изнаositся.

— Идемте же! кричалъ Францъ Сепель, шедшій впереди.

И вся ватага двигалась. Отъ времени до времени вниманіе обращалось на Сципіона, бѣжавшаго подлѣ меня.

— У тебя славная собака, замѣчалъ Гансъ Аденъ, французская собака; у нихъ шерсть точно у овецъ, и онѣ даютъ себя стричь.

Францъ Сепель утверждалъ, что видѣлъ въ прошломъ году на ярмаркѣ въ Кайзерлаутернѣ французскую собаку въ очкахъ, умѣвшую считать на барабанѣ до ста. Она тоже умѣла отгадывать разныя вещи, и бабушка Анна считала ее колдуньей.

Во время этихъ разговоровъ Сципіонъ останавливался и смотрѣлъ на насъ. Я страшно гордился имъ. Маленькій Карлъ, сынъ ткача, говорилъ, что если собака колдунья, то она можетъ достать намъ сани, но что за это надо въ промѣнъ дать ей душу, а никто изъ насъ не отдастъ ей души.

Такъ ходили мы изъ дому въ домъ. На церковной башнѣ пробыло два часа, когда господинъ Рихтеръ проѣхалъ на санихъ, могоняя свою тощую клячу, похожую на козу.

— Пошла, Шарлота, пошла!

Несчастная скотина тянулась изъ всей мочи, а господинъ Рихтеръ, противъ обыкновенія, казался очень веселымъ. Проѣзжая мимо дома мясника Сепеля, онъ крикнуть:

— Добрыя вѣсти, Сепель, добрыя вѣсти!

Онъ щелкнулъ бичомъ, а Гансъ Аденъ сказалъ:

— Господишь Рихтеръ немного подъ хмѣлькомъ; ему вѣрно удалось гдѣ инбудь выпить на даровщинку.

Всѣ отъ души расхохотались, такъ какъ еса деревня знала, что Рихтеръ скупои.

Мы дошли до конца большой улицы, до дома дѣдушки Адама Шмидта, стараго солдата Фридриха Ц, получавшаго маленькую пенсію, хватавшую ему на хлѣбъ, табакъ и иногда на водку.

Адамъ Шмидтъ былъ въ семилѣтнюю войну и во всѣ компаніи въ Силезіи и Помераніи. Теперь онъ былъ дряхлымъ старикомъ, и со смерти сестры своей Резель жилъ одинъ въ краю деревни, въ маленькомъ домишкѣ, крытомъ соломой и состоящемъ изъ одной комнаты внизу, одной на верху и одной подъ крышей съ двумя слуховыми окнами. Сбоку у дома былъ тоже навѣсъ, сзади свинярия, а со стороны деревни маленькій садикъ, обнесенный живой изгородью, за которой усердно ухаживалъ дѣдушка Шмидтъ.

Дядя Яковъ любилъ этого стараго солдата; види, что онъ проходить мимо, дядя стучалъ въ окно и кричалъ ему: «Адамъ, войдите же!»

Старикъ немедля входилъ, зная, что въ шкапу у дяди стоитъ настоящій французскій коньякъ, и что онъ звалъ его выпить рюмочку.

Мы остановились у его дома, и Францъ Сепель, наклонясь черезъ заборъ, сказалъ намъ:

— Взгляните-ка на эти сани. Я увѣренъ, что дѣдушка Шмидтъ дастъ намъ ихъ, если Фрицель смѣло войдетъ, приложитъ руку къ уху старика и скажетъ: «Дѣдушка Адамъ, одолжите намъ ваши сани.» Да я готовъ биться объ закладъ, что онъ дастъ ихъ намъ, — увѣренъ въ этомъ; надо только быть по смѣлѣе.

Я покраснѣлъ какъ ракъ; однимъ глазомъ я смотрѣлъ на сани, а другимъ на крошечное окно, почти вровень съ землею. Товарищи, стоя у угла дома, толкали меня въ плечо, говоря:

— Иди, онъ дастъ тебѣ.

— Не смѣю, шопотомъ говорилъ я имъ.

— Ты трусъ, отвѣчалъ Гансъ Аденъ; будь я на твоёмъ мѣстѣ я сейчасъ вошелъ бы.

— Дайте, я посмотрю въ какомъ онъ расположеніи духа.

Наклонившись къ окну и заглянувъ въ него, я увидѣлъ, что дѣдушка Шмидтъ сидитъ на скамейкѣ передъ плитою очага, гдѣ пылало нѣсколько угольевъ посреди кучи золы. Онъ сидѣлъ спиною къ окну; намъ видѣлась только его спина, взогнутыя плечи, короткая синяя холщевая куртка, такая короткая, что она даже не доходила до сѣрыхъ толстыхъ холщевыхъ штановъ, клочъ сѣдыхъ

волось, спускавшійся на спину, голубой бумажный колмакъ, съ кисточкой на лбу, большія красныя уши, стоящіе торчкомъ, и его большіе деревянныя башмаки, которыми онъ упирался въ плитку очага. Онъ курялъ изъ глиняной трубки, торчавшей нѣсколько изъ-за его впадой шеи.

Вотъ все, что я увидѣлъ, вмѣстѣ съ сломанными плитами пола, а въ глубинѣ, на лѣво, родъ лавки съ наваленной на нее соломой. Все это не придавало мнѣ мужества; я хотѣлъ ударить, но товарищи толкнули меня въ сѣни, шепча:

— Фрицель... Фрицель... онъ дастъ тебѣ... навѣрно дастъ.

— Нѣтъ.

— Да.

— Я не хочу.

Гансъ Адень отворилъ дверь и я, вмѣстѣ съ Сципіономъ, очутился въ комнатѣ; товарищи стояли за мною, наклонившись, выпустивъ глаза и настороживъ уши.

О! какъ хотѣлось мнѣ ударить! Къ несчастью, Францъ Сенель держалъ снаружи дверь полуотворенною, такъ что въ нее могла просунуться только его голова и голова Ганса Адена, стоявшаго за нимъ на цыпочкахъ.

Старикъ Шмидтъ обернулся.

— А, это вы, Фрицель! сказалъ онъ, вставая. Что надо?

Онъ отворилъ дверь; вся ватага разлетѣлась, какъ стая птицъ. Я остался одинъ. Старый солдатъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня.

— Что же вамъ надо, Фрицель? спросилъ онъ, взявъ съ очага уголь, чтобы закурить трубку.

Потомъ, увидѣвъ Сципіона, онъ внимательно посмотрѣлъ на него, пуская большіе клубы дыма.

Я нѣсколько успокоился.

— Дѣдушка Шмидтъ, сказалъ я ему, они вонъ котятъ, чтобы и попросилъ у васъ ваши сани скатиться съ Альтенберга.

Старый солдатъ, глядя на собаку, подмигивалъ глазомъ и улыбался. Вмѣсто того, чтобы отвѣтить, онъ почесалъ за ухомъ, приподнял колмакъ и спросилъ меня:

— Это ваша собака, Фрицель?

— Да, дѣдушка Адамъ, это собака женщины, которая у насъ.

— Вотъ что! это, должно быть, солдатская собака, она вѣрно знаетъ службу.

Сципіонъ, поднявъ голову, глядѣлъ на насъ, а старикъ Шмидтъ, вынувъ изъ рта трубку, сказалъ:

— Это полковая собака; она походить на старого Мишку, что былъ у насъ въ Силезіи.

Потомъ, поднявъ трубку, онъ вскрикнулъ: «Руки по швамъ!» такимъ громовымъ голосомъ, что хата его задрожала.

Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что Сципіонъ сѣлъ на заднія лапы, повѣсилъ переднія и держался какъ солдатъ!

— Ха! ха! ха! вскрикнулъ старый Шмидтъ, я зналъ это!

Товарищи мои вернулись; одни глядѣли въ полурастворенную, дверь, другіе въ окно. Сципіонъ не трогался, а старикъ Шмидтъ, сдѣлавшись такъ же веселъ, какъ онъ былъ серьезенъ передъ этимъ, сказалъ ему:

— «Слушай!»

Потомъ, подражая звуку барабана и маршируя сзади на своихъ огромныхъ деревянныхъ башмакахъ, онъ началъ кричать:

— «Маршъ! Трамъ.... та... парамъ.... там.... там.... Разъ.... два!... разъ.... два!

И Сципіонъ ходилъ съ удивительно серьезнымъ видомъ, повѣсивъ на плечи свои длинныя уши и поднявъ хвостъ.

Картина была поразительная, сердце мое билось. Всѣ мальчики казались пораженными удивленіемъ.

— Стой!—вскрикнулъ Шмидтъ; Сципіонъ остановился.

Послѣ этого я не думалъ больше о саняхъ; я такъ гордился талантами Сципіона, что хотѣлъ бѣжать домой и кричать дядѣ: «У насъ собака умѣетъ маршировать!» Но Гансъ Адень, Францъ Сепель и остальные, ободренные хорошимъ расположеніемъ старого солдата, вошли въ комнату и стояли въ восхищеніи, обернувшись спиною къ двери и съ кошаками подъ мышкою.

— На мѣсто! спокойно! сказалъ Шмидтъ.

Сципіонъ всталъ на всѣ четыре лапы, потряхнулъ головою и почесалъ лапою спину, какъ бы говоря:—«Ужъ минуты двѣ меня кусаетъ блоха, но во время службы нельзя чесаться!

Видя все это, я онѣмѣлъ отъ радости и не смѣлъ позвать Сципіона, боясь пристыдить его; но онъ самъ скромно подошелъ ко мнѣ, что доставило мнѣ громадное удовольствіе: я считалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ фельдмаршаломъ во главѣ своихъ армій; всѣ окружающіе завидовали мнѣ.

Старикъ Шмидтъ нѣжно смотрѣлъ на Сципіона; видно было, что онъ напоминалъ ему его хорошее военное время.

— Да, сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, это настоящая солдатская собака. Остается узнать, знаетъ ли она политику, такъ какъ многія собаки не знаютъ политики.

Онъ взялъ за дверью палку и, держа ее поперегъ, закричалъ:

— Слушай!

Сципионъ приготовился.

— За республику! крикнулъ старый солдатъ.

Сципионъ перескочилъ, какъ олень, черезъ палку.

— За генерала Гоша!

Сципионъ перескочилъ.

— За пруссаковъ!

Сципионъ съ очень рѣшительнымъ видомъ сѣлъ на заднія лапы, и старивашка началъ тихо улыбаться, прищуривъ глаза и говоря:

— Онъ знаетъ политику.... Хе! хе! хе! Ну-ка.... иди сюда!

Онъ потрепалъ его по головѣ, и Сципионъ казался очень довольнымъ.

— Фрицель, сказали мнѣ тогда старикъ Шмидтъ, собака ваша стоитъ вѣса золота; это настоящій солдатскій песъ.

И посмотрѣвъ на насъ, онъ прибавилъ:

— Такъ какъ у васъ превосходная собака, я дамъ вамъ свои сани; но вы должны привезти мнѣ ихъ въ пять часовъ, и смотрите, не сломайте шеи!

Онъ вышелъ съ нами и снялъ сани съ балки.

Я разрывался между желаніемъ бѣжать и рассказать дядѣ о необыкновенномъ искусствѣ Сципиона и удовольствіемъ скатиться съ Альтенберга на саняхъ. Но посмотрѣвъ на Ганса Адена, Франца Сепеля и другихъ товарищей, тащившихъ сани, кто спереди, кто сзади, и скакавшихъ, какъ счастливыя, я не могъ противостоять удовольствію побѣжать вмѣстѣ съ ними.

Шмидтъ смотрѣлъ на насъ, стоя въ дверяхъ.

— Смотрите, не упадите! сказали онъ намъ еще разъ.

Потомъ онъ вошелъ въ домъ, а мы побѣжали по снѣгу. Сципионъ скакалъ рядомъ съ нами. Предоставляю вамъ судить о нашей радости, нашихъ крикахъ, нашемъ смѣхѣ во время ходьбы на гору. А когда мы взобрались на верхъ, Гансъ Адена усѣлся впереди, ухватившись обѣими руками за изогнутые коньки, остальные сѣли по трое вряду; Сципиона помѣстили въ серединѣ; и когда вдругъ сани покатались, качаясь въ колеяхъ и скользя по скатамъ, восторгъ былъ невыразимый!

Только разъ въ жизни бываешь молодъ!

Только-что сани тронулись, Сципионъ скакнулъ черезъ наши головы. Онъ предпочиталъ бѣжать, прыгать, лаять, какъ ребенокъ, валяться въ снѣгу, чѣмъ ѣхать въ саняхъ. Но все это не мѣшало намъ глубоко уважать его за его способности; всякій разъ, какъ мы

поднимались на гору, онъ шелъ подлѣ насъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, и кто бы не обернулся, продолжая тащить сани, всякій говорилъ:

— Какой ты счастливецъ, Фрицель, что у тебя такая собака; Адамъ Шмидтъ говоритъ, что ее купить на вѣсъ золота.

— Да, но вѣдь собака не ихъ, кричалъ кто нибудь, она французенкина.

Мысль, что собака принадлежитъ больной, приводила меня въ смущеніе, и я думалъ: «Хоть бы обѣ онѣ остались у насъ!»

Мы скатывались и поднимались до четырехъ часовъ. Когда начало смеркаться, вѣвъ вспомнили обѣщаніе, данное старику Шмидту. Мы направились къ деревнѣ. Приближаясь къ дому старика, мы увидали его стоящимъ на порогѣ. Онъ издали слышалъ нашъ смѣхъ и разговоръ.

— Ну, вотъ и вы, крикнулъ онъ; никто не ушибся?

— Нѣтъ, дѣдушка Шмидтъ.

— Слава Богу!

Онъ повѣсилъ сани подъ навѣсъ, а я, не прощаясь, помчалъ домой, довольный тѣмъ, что могу объявить дядѣ, что у насъ за собака. Эта мысль такъ восхищала меня, что я и не замѣтилъ, какъ прибѣжалъ домой; Спидионъ бѣжалъ за мной.

— Дядя Яковъ! закричалъ я, отворяя дверь, Спидионъ умѣетъ маршировать! Дѣдушка Шмидтъ сейчасъ узналъ, что это настоящая солдатская собака; онъ заставилъ ее ходить на заднихъ лапахъ, какъ какого нибудь гренадера, говоря только: «Разъ...два!»

Дядя читалъ за печкой; видя, какъ я взволнованъ, онъ положилъ книгу на уступъ печки и сказалъ мнѣ съ видомъ удивленія:

— Можетъ ли быть, Фрицель? Какъ!... какъ?!...

— Да! воскликнулъ я, онъ знаетъ тоже и политику: прыгаетъ за республику, за генерала Гоша и не хочетъ прыгать за пруссаковъ.

Тутъ дядя началъ хохотать и, взглянувъ на женщину, омерзевшуюся на локоть и тоже улыбающуюся въ альковѣ, серьезно сказалъ ей:

— А вы еще не говорили мнѣ о талантахъ вашей собаки. Правда ли, что Спидионъ знаетъ столько хорошихъ вещей?

— Правда, господинъ докторъ, сказала она, лаская собаку, водѣбжавшую къ ея постели и съ радостью подставлявшую ей голову; да, онъ все это знаетъ, онъ былъ любимцемъ всего батальона; маленький Жанъ каждый день показывалъ ему что нибудь новенькое.— Не такъ ли, бѣдняжка Спидионъ? ты игралъ въ шашки, предлаживалъ имъ счастье. билъ зорю? Сколько разъ отецъ и оба старшихъ брата на большихъ привалахъ любовались, какъ ты стоишь на караулѣ?

Ты смѣшилъ все наше общество своимъ серьезнымъ видомъ и своими способностями; вокругъ тебя забывали усталость долгаго пути и хохотали отъ души!

Она растроголась и говорила это кроткимъ голосомъ, но улыбаясь. Сципионъ положилъ переднія лапы на край постели и слушалъ похвалы себѣ.

Дядя Яковъ, видя, что эти воспоминанія все болѣе и болѣе разстраиваютъ Терезу и могутъ повредить ей, сказалъ мнѣ:

— Очень радъ слышать, Фрицель, что Сципионъ умѣетъ маршировать и знаетъ политику; ну а ты, что ты дѣлалъ съ обѣда?

— Мы катались въ саняхъ съ Альтенберга, дядя; дѣдушка Адамъ далъ намъ свои сани.

— Все это хорошо. Но всѣ эти пропешкетвія заставили насъ забыть господина Бюффона и Клопштока; если такъ продолжится, Сципионъ скоро будетъ знать больше тебя.

Послѣ этого онъ всталъ, взялъ въ шкафу *Естественную Историю* Бюффона и, поставивъ свѣчку на столъ, сказалъ мнѣ, улыбаясь на мое постное лицо, такъ какъ я расквашался, что кришель рано:

— Ну, Фрицель, начнемъ!

Онъ сѣлъ и посадилъ меня къ себѣ на колѣни.

Послѣ восьми свободныхъ дней, мнѣ показалось очень горькимъ возвращаться къ господину Бюффону; но дядя своимъ терпѣньемъ вселялъ и въ меня терпѣнье, и мы начали нашу французскій урокъ.

Урокъ длился съ часъ, до тѣхъ поръ, какъ Лизбета пришла накрывать на столъ. Тогда, обернувшись, мы увидали, что большая задремала. Дядя закрылъ книгу и задернулъ занавѣски, нова Лизбета накрывала.

IX.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ ужина, дядя молча курить за печкой трубку. Я сушилъ низъ своихъ панталонъ, сѣдя передъ открытыми дверцами печки и положивъ голову Сципиона межъ колѣнъ и смотрѣлъ, какъ красный отсвѣтъ пламени отдалился и приближался по полу. Лизбета, по обыкновенію, унесла свѣчу, и мы сѣдѣли въ потьмахъ; огонь бушевалъ, какъ въ болыіе морозы, часы медленно стучали, а изъ кухни слышалась, какъ старуха мыла тарелки надъ сточной трубой.

Сколько мыслей мелкало тогда у меня въ головѣ! Я думалъ то

о мертвомъ солдатѣ въ ригѣ Ребока и чорномъ пѣтухѣ въ слуховомъ окнѣ, то о дѣдушкѣ Шмидтѣ, заставлявшемъ Сципіона маршировать, потомъ объ Альтенбергѣ и о скатываньи нашихъ саней. Все это припоминалось мнѣ какъ сонъ, а посвистываніе огня точно поддгрывало музыку подъ мои воспоминанья, и я чувствовалъ, какъ глаза мои потихоньку закрывались.

Такъ прошло около получаса, какъ вдругъ меня разбудилъ стукъ деревянныхъ башмаковъ по корридору; въ то же время дверь отворилась, и въ комнатѣ раздался веселый голось кротолова:

— Снѣгъ, господинъ докторъ, опять снѣгъ началъ идти! теперь на всю ночь!

Кажется, дядя тоже дремалъ, потому что онъ пошевелился только черезъ минуту и отвѣчалъ:

— Что же дѣлать, кротоловъ, теперь такое время; надо этого было ожидать.

Потомъ онъ всталъ и пошелъ въ кухню за огнемъ. Кротоловъ подошелъ въ потьмахъ ко мнѣ.

— Это что? Фрицель тутъ! сказалъ онъ.— Да ты еще не спишь?

Дядя вошелъ. Обернувшись, я увидѣлъ кротолова въ зимней одеждѣ, въ старой куньей шапкѣ съ изношеннымъ хвостомъ на спинѣ, въ кафтанѣ изъ козьяго мѣха, шерстью внутрь, въ красномъ жилетѣ, карманы котораго болтались на бедрахъ, въ старыхъ коричневыхъ бархатныхъ штанахъ, заплатанныхъ на колѣняхъ. Онъ улыбался, прищуривая свои маленькіе глазки, и держалъ что-то подъ мышкой.

— Вы пришли слушать газету, кротоловъ? сказалъ дядя. Ее не принесли сегодня, почтальонъ не пришелъ.

— Нѣтъ, господинъ докторъ, нѣтъ, я пришелъ не для газеты.

Онъ положилъ на столъ старую квадратную книгу въ деревянномъ переплетѣ, толщиною по крайней мѣрѣ въ три линіи, и всю покрытую мѣдными бляхами въ видѣ виноградныхъ листьевъ; листья на ней были совершенно грязные и жирные отъ долгаго употребленія, и изъ каждой страницы торчали шнурочки и ниточки, отмѣчавшіе хорошія мѣста.

— Вотъ зачѣмъ я пришелъ! сказалъ кротоловъ; мнѣ не надо новостей; когда мнѣ хочется знать, что творится въ свѣтѣ, я раскрываю и смотрю.

Онъ улыбнулся и показалъ свои длинные, желтые зубы подъ четырьмя волосками усомъ, закрученными въ иголочки.

Дядя, не говоря ни слова, пододвинулъ столъ къ печкѣ и сѣлъ въ уголъ.

— Да, продолжалъ кротоловъ, тутъ есть все; но надо умѣть понимать... да, понимать,—замѣтилъ онъ задумчиво, указывая на свою голову.—Буквы ничего не значуть; а духъ... надо понимать духъ.

Сказавъ это, онъ сѣлъ въ кресло, съ какимъ-то благоговѣніемъ положилъ книгу на свои тощія колѣна и открылъ ее. Дядя не спускалъ съ него глазъ.

— Господинъ докторъ, продолжалъ кротоловъ, я сотни разъ говорилъ вамъ о книгѣ тетки моей Розель изъ Гемминга; сегодня я принесъ ее вамъ, чтобы показать прошедшее, настоящее и будущее. Вы увидите, вы увидите! Все, что случилось въ послѣдніе четыре года, заранѣе было написано; я понималъ это и прежде, но не хотѣлъ говорить, изъ-за этого Рихтера, который смѣялся бы надо мной, такъ какъ онъ дальше своего носа ничего не видитъ. Будущее тутъ тоже показано, но я объясню его только вамъ, господинъ докторъ, вы человекъ умный, разсудительный и дальновидный. Вотъ зачѣмъ я пришелъ.

— Послушайте, кротоловъ, сказалъ дядя, я очень хорошо знаю, что въ нашемъ мірѣ много тайнъ, и я не такъ тщеславенъ, чтобы не вѣрить предсказаніямъ и чудесамъ, сообщеннымъ намъ такими серьезными людьми, какъ Моисей, Геродотъ, Фукидидъ, Титъ-Ливій и многіе другіе. Я слишкомъ чту волю Всевышняго, чтобы желать проникнуть тайны, хранимыя его безпредѣльной мудростью; въ вашей книгѣ я желалъ бы болѣе увидѣть исполненіе прошедшаго, чѣмъ будущаго. Къ тому же, это будетъ гораздо яснѣе.

— Хорошо, хорошо, вы узнаете все, отвѣчалъ кротоловъ, довольный серьезнымъ видомъ дяди.

Онъ пододвинулъ кресло къ столу, положивъ на край его книгу; потомъ, порывшись въ карманъ, онъ вытащилъ старыя мѣдные очки, и надѣлъ ихъ на носъ, что придавало ему дѣйствительно странный видъ.

Можно представить себѣ мое вниманіе: я тоже придвинулся къ столу, положилъ на него локти, подперъ руками подбородокъ и смотрѣлъ, притавивъ дыханіе и выпучивъ глаза.

Эта сцена всегда будетъ мнѣ живо представляться: мертвая тишина въ комнатѣ, стукъ часовъ, шорохъ огня, свѣчка, стоящая посреди насъ и освѣщающая, какъ звѣзда, напротивъ меня дядя, сидящій въ темномъ углу, Сципионъ у ногъ моихъ, и кротоловъ, нагнувшись надъ книгой предсказаній, за нимъ маленькія черныя окошечки, въ которыхъ виднѣется на темномъ фонѣ падающій снѣгъ; все это живо мнѣ представляется, и мнѣ даже кажется, что я еще слышу

голосъ и бѣднаго старика кротолова, и добраго дяди Якова, такъ давно уже сошедшихъ въ могилу.

Это была странная сцена.

— Какъ, кротоловъ, сказалъ дядя, вамъ нужны очки, въ ваши годы? А я думалъ, что у васъ превосходное зрѣнiе.

— Мнѣ не надо очковъ для чтенiя вещей объективныхъ, ни для того, чтобы смотрѣть на улицѣ, отвѣчалъ кротоловъ,— у меня хорошия глаза, и весною я вижу отсюда на Альтепбергѣ всѣ плечи гнѣзда на деревьяхъ; но очки эти тетя моей Розель изъ Геминга, и ихъ надо надѣвать, чтобы понимать эту книгу. Иногда они мнѣ мѣшаютъ, но я читаю или сверху, или изъ-подъ нихъ главное, чтобы они были надѣты.

— А, это другое дѣло, совершенно другое дѣло, серьезно замѣтилъ дядя.

У него было слишкомъ доброе сердце, чтобы выказать удивленiе кротолову.

И кротоловъ началъ читать.

«Годъ 1793. — Трава посохла и цвѣтъ опалъ, ибо на нихъ вѣялъ вѣтеръ. Это значитъ, что зима: трава посохла, потому что на нее дулъ вѣтеръ!»

Дядя кивнулъ головой, а кротоловъ продолжалъ:

— «Острова видѣли и ихъ обуялъ страхъ; края земли были испуганы; они соединились и пришли.» Видите,—господинъ докторъ, тутъ говорится, что Англія и даже острова, находящіеся далѣе въ морѣ, испугались республиканцевъ.—«Они соединились и пришли!» Всѣмъ извѣстно, что англичане высадились въ Бельгiи, чтобы воевать съ французами. Но слушайте дальше: «Въ это время, предводители народовъ будутъ какъ огонь посреди лѣса, какъ факель посреди сноповъ; они будутъ пожирать на право и на лѣво — всѣ страны.»

Тутъ кротоловъ съ важнымъ видомъ поднялъ палецъ и сказалъ:

— «Эти короли и императоры, двигающіеся посреди своихъ армій и пожирающіе все въ странахъ, черезъ которыя проходятъ. Мы, къ несчастію, по опыту знаемъ эти вещи; наша бѣдная деревня долго этого не забудетъ.»

И такъ какъ дядя не отвѣчалъ, онъ продолжалъ:

— «Въ такое время,—горе пастырю ничтожества, который броситъ свое стадо; мечъ выпадетъ изъ руки его и онъ ослѣпнетъ правыми окомя.» Эти слова указываютъ намъ на Майенскаго епископа, бѣжавшаго въ прошломъ году съ своей кормилицей и пятью любовницами, при приближеніи генерала Кюстина. Онъ былъ чисто

пастыремъ ничтожества и сражать всю страну: у него высохла рука и ослѣпъ правый глазъ.

— Но вспомните, кротоловъ, возразилъ дядя, — спискonné не одинъ такъ вель себя; въ Германіи, Франціи и Италіи было много подобныхъ негодяевъ.

— Тѣмъ болѣе, господинъ докторъ, отвѣчалъ кротоловъ, въ книгѣ говорится о всѣмъ на землѣ, «ибо, — продолжалъ онъ, указывая пальцемъ на страницу, — ибо въ то время, говоритъ Всевишній, я уничтожу на землѣ лженороковъ, чудодѣевъ и духа порочности.» Что же это можетъ означать, докторъ Яковъ, какъ не людей, безпрестанно говорящихъ о любви къ ближнему, чтобы вытѣлуть у насъ деньги, ни во что невѣрящихъ, а намъ грозящихъ адомъ, облачающихся въ пурпуръ и золото и проповѣдующихъ намъ о человеколюбіи, говорящихъ: «Оставь все свое и иди за Христомъ!» и накопляющихъ богатства въ своихъ дворцахъ и монастыряхъ, людей, толкующихъ намъ о вѣрѣ и смѣющихся надъ дураками, слушающими ихъ?... Развѣ это не духъ порочности?

— Да, сказалъ дядя, это отвратительно.

— Ну, вотъ для нихъ-то и для всѣхъ дурныхъ пастырей эти вещи и написаны, сказалъ кротоловъ.

Онъ продолжалъ:

— Въ это время въ горахъ послышится шумъ волны, какъ будто встаетъ великій народъ, шумъ собравшагося народа. Сосѣдніе народы будутъ слушать, и сердце человеческое смигнется. Гордые погубиутъ, міръ будетъ страдать, какъ жевница въ родахъ, добрые будутъ глядѣть другъ на друга съ пылающими лицами, они въ первый разъ услышатъ рѣчь о великихъ дѣлахъ, узнаютъ, что передъ Всевишнимъ всѣ равны, что всѣ рождены для правды, какъ деревья въ лѣсу для свѣта!»

— И это дѣйствительно написано, кротоловъ? спросилъ дядя.

— Взгляните сами, отвѣчалъ кротоловъ, передавая ему книгу.

Дядя началъ глядѣть въ смущеніи.

— Да, написано, тихо замѣтилъ онъ, написано! Ахъ! еслибъ Господь совершилъ въ наше время такія великія дѣла! еслибъ онъ порадовалъ сердца наши подобнымъ вѣрліищемъ!

Онъ вдругъ остановился, точно пораженный своимъ энтузіазмомъ:

— Возможно ли, чтобы я въ мои года такъ волновался! Я ребенокъ, чистый ребенокъ.

Онъ отдалъ книгу кротолову, который, улыбаясь, сказалъ:

— Я вижу, господинъ докторъ, что это мѣсто вы понимаете такъ

же, какъ и я: шумъ встающаго великаго народа и есть Франція, провозглашающая права человѣка.

— Какъ? вы думаете, что это относится къ французской революціи? спросилъ дядя.

— А то къ чему же? замѣтилъ кротоловъ; это ясно, какъ день.

Потомъ, надѣвъ опять очки, которые онъ снялъ, онъ прочелъ:

— Въ семьдесятъ недѣль можно совершить грѣхъ, испустить несправедливость и вызвать правосудіе вѣковъ. Послѣ этого люди бросятъ серебряныхъ идоловъ кротамъ и летучимъ мышамъ. И многіе народы скажутъ: «Передѣлаемъ шпаги на вилы, и алебарды на рѣзакі.»

Въ этомъ мѣстѣ кротоловъ, положивъ оба локтя на книгу, сталъ почесывать бороду, поднявъ носъ къ верху и, казалось, глубоко размышлять. Я не спускалъ съ него глазъ; мнѣ казалось, что въ тѣни, вокругъ насъ, происходятъ странныя вещи, движется невѣдомый міръ; слабый трескъ огня и вздохи Сципіона, уснувшаго подлѣ меня, представлялись мнѣ отдаленными голосами, даже молчаніе безпокоило меня.

Дядя Яковъ, казалось, возвратился къ обычному спокойствію. Онъ положилъ свою большую трубку, поднесъ къ ней свернутую бумажку и сталъ раскуривать ее, сильно затянувшись раза два-три и медленно выпуская дымъ. Онъ закрылъ крышку, вздохнулъ и растянулся на креслѣ.

— «Люди бросятъ серебряныхъ идоловъ», продолжалъ кротоловъ, это значить ихъ эку, флорины и всякія монеты. «Они бросятъ ихъ кротамъ» — значить слѣпымъ, такъ какъ вамъ извѣстно, господинъ докторъ, что кроты слѣпы; несчастные слѣпые, какъ дѣдушка Гаришъ, настоящіе кроты; среди бѣлаго дня они ходятъ въ потьмахъ, какъ-будто подъ землею. И такъ, люди этого времени отдадутъ свои деньги слѣпымъ и летучимъ мышамъ. Подъ летучими мышами подразумѣваются старья, престарья старухи, которыя не могутъ болѣе работать, лысыя и сидяція около печей, какъ Христина Бэмъ, которую вы знаете такъ же хорошо, какъ и я. Эта несчастная Христина такъ худа, у ней такъ мало волосъ, что всякій, глядя на нее думаетъ: «это летучая мышь.»

— Да, да, да! какимъ-то страннымъ тономъ говорилъ дядя, тихо качая головой, ясно, кротоловъ, совершенно ясно. Теперь я понимаю вашу книгу, — прелестная книга!

— И такъ, люди отдадутъ свои деньги слѣпымъ и несчастнымъ старухамъ по чувству благотворительности, продолжалъ кротоловъ, и этимъ положится конецъ бѣдствіямъ сего міра; бѣдныхъ больше

не будетъ. «Въ семьдесятъ недѣль,» тутъ подразумѣвается недѣля не изъ дней, а изъ мѣсяцевъ, и «они передѣлаютъ шпаги свои въ вилы, чтобы обрабатывать землю и жить въ мирѣ.»

Это объясненіе кротовъ и летучихъ мышей до того меня поразило, что я такъ и замеръ, выпучивъ глаза и воображая, что это странное превращеніе совершается въ углу, гдѣ сидитъ дядя. Далѣе я не слушалъ; голосъ кротолова продолжалъ еще свое однообразное чтеніе, какъ дверь снова отворилась. Морозъ пробралъ меня по кожѣ, и я испугался бы не больше, если бы въ комнату вошли подѣ руку старый, слѣпой Гарихъ и старуха Христина, въ ихъ новомъ видѣ. Я обернулся, разинувъ ротъ, и вздохнулъ свободнѣе, въ комнату вошелъ другъ нашъ, Коффель; я два раза взглянулъ на него и только тогда узналъ его, такъ сильно овладѣли мною мысли о летучихъ мышахъ и кротахъ.

На Коффелѣ была его старая, сѣрая зимняя визанная одежда, суконная шапка, нахлобученная до спинны, и большіе стоптанные башмаки, на старыхъ носкахъ, которые онъ надѣвалъ, когда выходилъ со двора; онъ стоялъ, согнувъ колѣни и засунувъ руки въ карманы, какъ человѣкъ продрогнувшій; его совсѣмъ засыпало снѣгомъ.

— Здравствуйте, господинъ докторъ, началъ онъ, стряхивая въ сѣняхъ шапку; я прихожу поздно, меня много народу останавливало по дорогѣ; въ «Красномъ Быкѣ» и въ «Золотой Кружкѣ»

— Войдите, Коффель, сказалъ ему дядя. Хорошо ли вы заперли дверь въ сѣни?

— Да, докторъ Яковъ, не беспокойтесь.

Онъ вошелъ и, улыбаясь, сказалъ:

— Сегодня нѣтъ газеты?

— Нѣтъ, да намъ ее и не надо, отвѣчалъ дядя какимъ-то добродушнымъ, но комичнымъ голосомъ, у насъ книга кротолова, въ которой говорится о настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ.

— А говорить ли она о нашей побѣдѣ? спросилъ Коффель, подходя къ гечкѣ.

Дядя и кротоловъ съ удивленьемъ взглянули другъ на друга.

— О какой побѣдѣ? спросилъ кротоловъ.

— Да о той, что была третьяго дня въ Кайзерлаутернѣ. Во всей деревнѣ только объ этомъ и говорятъ; Рихтеръ, господинъ Рихтеръ пріѣхалъ оттуда часа два назадъ и привезъ эту новость. Въ «Золотой Кружкѣ» осушили бутылку пятьдесятъ въ честь пруссаковъ; республиканцы совершенно разбиты.

Только что онъ произнесъ слово республиканцы, какъ мы взглянули на альковъ, вспомнивъ, что тамъ французенка и что она насъ

слушается. Это насъ огорчило, потому что она была женщина хорошая, и мы боялись, что такая новость сильно опечалитъ ее. Дядя поднялъ руку, поначаль головой съ видомъ сожалѣнiя; потомъ онъ потихомьку всталъ и поднялъ занавѣски чтобы посмотрѣть спитъ ли больная.

— Это вы, господинъ докторъ? тотчасъ же сказала она: — я нѣль часть слушаю предсказанiя кротолова; я все слышала.

— Э! мадамъ Тереза, сказалъ дядя, это невѣрные слухи.

— Не думаю, господинъ докторъ. Если третьяго дня было сраженiе въ Кайзерлаутернѣ, — мы были побиты, а иначе французы сейчасъ вошли бы на Ландау, чтобы заставить непрiямель снять съ него осаду и отрѣзать австрiйцамъ возможность отступленiя; правое крыло ихъ прошло бы черезъ деревню.

Потомъ, возвысивъ голосъ, она сказала:

— Господинъ Коффель, не расскажете ли вы мнѣ подробности, какiя знаете?

Изъ всѣхъ давно прошедшихъ сценъ эта всего болѣе запечатлѣлась въ моей памяти, такъ какъ въ эту ночь мы узнали, какую женщину спасли, и поняли, что за раса эти французы, возставише поголовно чтобы преобразовать мiръ.

Кротоловъ взялъ со стола свѣчку, и мы всѣ вошли въ альковъ. Я сталъ въ ногахъ у постели, Циционъ прижался къ ногамъ, молча смотря; я въ первый разъ замѣтилъ, что мадамъ Тереза такъ похудѣла и стала походить на мужчину: ея длинное, костлявое лицо, съ прямымъ носомъ, впавшими глазами и торчащимъ подбородкомъ, опиралось на сухую и смуглую руку, выходившую до локтя изъ ноцъ толстой Лизбетинной рубашки; красный шолковый платокъ, завязанный на лбу, падалъ на костлявую спину; великолѣпныхъ волосъ не было видно, а за ушами, въ которыхъ были продѣты два большихъ золотыхъ кольца, торчало только нѣсколько волосковъ. Вниманiе мое приволакъ всего болѣе, висѣвшiй у нея довольно низко на шеѣ медальонъ красной мѣди, изображавшiй голову молодой дѣвушки съ шляпою, надѣтою въ видѣ каски; этотъ образокъ привлекъ мое вниманiе, и впоследствии я узналъ, что это изображенiе республики; тогда же воображалъ, что это Божья Матерь французовъ.

Когда Коффель поднялъ за нами свѣчку, весь альковъ освѣтился, и мадамъ Тереза показалась мнѣ болѣе обыкновеннаго, ноги ея касались подъ одеяломъ конца постели. Я никогда прежде не замѣчалъ этихъ вещей, поразившихъ меня тогда. Она смотрѣла на Коффеля, неспускавшаго глазъ съ дяди Якова, какъ бы спрашивая у него, что дѣлать.

— Это слухи, распространившіеся въ городѣ, сказали онъ съ замѣшательствомъ; этому Рихтеру ни на грошъ нельзя вѣрить.

— Все равно, господинъ Коффель, разскажите мнѣ, сказала она, господинъ докторъ позволяетъ. Не правда ли, господинъ докторъ, вы позволите?

— Конечно, съ сожалѣніемъ сказалъ дядя.—Но не надо вѣрить всему, что говорятъ.

— Нѣтъ... я знаю, что преувеличиваютъ; но лучше знать дѣло какъ оно есть, чѣмъ беспокоить себя разными мислями; это менѣе мучительно.

Коффель началъ разсказывать, что два дня тому нападъ французамъ осадили Кайзерлаутернъ и что они отчаянно дрались съ семи часовъ утра до самой ночи, чтобы пробиться черезъ насыпь; что пруссаки тысячами убивали ихъ, что во рвахъ, на горѣ, вдоль дорогъ и въ Лаутернѣ только и были видны тѣла убитыхъ, что французы бросили все: пушки, зарядные ящики, ружья, патронташи, что ихъ били всюду и что Брунсвикская кавалерія, посланная въ погоню, кучами хватала ихъ въ плѣнъ.

Подперевъ подбородокъ рукою, устремивъ глаза въ уголокъ алькова и сжавъ губы, Тереза не говорила ни слова. Она слушала, и когда Коффель иногда останавливался—такъ какъ ему было очень больно разсказывать подобныя вещи при этой бѣдной женщинѣ, она—вглядывая на него очень покойно, и онъ продолжалъ, говоря: «говорить еще и то, и это, но я не вѣрю этому».

Наконецъ онъ замолчалъ; въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ мадамъ Тереза о чемъ-то думала. Потомъ, когда дядя сказалъ: «Все это только слухи.... Ничего положительнаго неизвѣстно.... Вы напрасно будете отчаяваться, мадамъ Тереза»,—она слегка приподнялась, чтобы опереться на спинку кровати, и совершенно спокойно сказала намъ:

— Выслушайте, мы очевидно были мобиты. Но не думайте, господинъ докторъ, что это приводитъ меня въ отчаянье;—нѣсколько; дѣло, которое вамъ кажется важнымъ, я считаю пустяками. Я видѣла, какъ тотъ же самый Брунсвикъ вторгнулся въ Шампанію, во главѣ ста тысячъ человѣкъ, распространялъ прокламаціи, лишенныя всякаго здраваго смысла, грозилъ Франціи и потомъ отступилъ къ самой Пруссіи передъ мужиками въ деревянныхъ башмакахъ. Отецъ мой—бѣдный школьный учитель, сдѣлавшійся начальникомъ батальона,—братья мои—бѣдные ремесленники, назначенные капитанами за ихъ храбрость,—и сзади ихъ я съ маленькимъ Жаномъ въ телѣжкѣ, мы вывели его послѣ битвы подъ Аргонскими ущельями

и при Вальми. Не думайте, что подобныя вещи пугаютъ меня. Нась не одна, не двѣ сотни тысячъ, насъ шесть милліоновъ мужиковъ, которые хотятъ сами ѣсть хлѣбъ, выработанный тяжкимъ трудомъ. Это справедливо, и съ нами Богъ.

Говоря, она одушевилась и протянула свою худую руку кротолову; дядя и Коффель смотрѣли съ удивленіемъ.

— Нась не могутъ ослабить ни одна неудача, ни двадцать, ни сто продолжала она: когда одинъ изъ насъ падаетъ, десять другихъ уже встаютъ. Мы идемъ не за кого нибудь, а идемъ за уничтоженіе различныхъ привиллегій, за свободу, за правосудіе, за права человѣка! Чтобы побѣдить насъ, надо уничтожить насъ до послѣдняго человѣка, замѣтила она, странно улыбаясь, а это не такъ легко, какъ думаютъ.

Послѣ этого она опять легла, а дядя Яковъ, пораженный справедливостью ея словъ, оставался нѣсколько минутъ безмолвнымъ.

Кротоловъ и Коффель молча смотрѣли другъ на друга; видно было, что разсужденія француженки поразили ихъ и что они думали: «эта женщина права!»

Только черезъ минуту дядя сказалъ:

— Успокойтесь, мадамъ Тереза, успокойтесь, все пойдетъ хорошо, о многочѣ мы одного съ вами мнѣнія, и если бы отъ меня зависѣло, мы жили бы съ вами мирно.

— Да, господинъ докторъ, отвѣчала она, я это знаю, потому что вы человѣкъ справедливый, а мы только и хотимъ справедливости.

— Постарайтесь забыть все это, опять сказалъ дядя Яковъ, — для нашего здоровья вамъ теперь надо только спокойствіе.

— Постараюсь, господинъ докторъ.

Мы вышли изъ алькова, и дядя, задумчиво глядя на насъ, сказалъ:

— Скоро десять часовъ, пора спать.

Онъ проводилъ на улицу кротолова и Коффеля и, по обыкновенію, заперъ дверь на задвижку. Я уже поднимался на лѣстницу.

Въ эту ночь я долго слышалъ, какъ дядя ходилъ по комнатѣ; онъ ходилъ взадъ и впередъ тихо и твердо, какъ человѣкъ, размышлявшій о чемъ-то. Наконецъ все стихло, и я уснулъ.

ЧУЖИЕ МЕЖЪ СВОИМИ.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Въ воскресенье на хуторѣ у старика Дымова собрались гости. Говорю объ этомъ собственно для того, чтобы рассказать,—что за люди дѣйствующія лица моей повѣсти, такъ какъ они почти всѣ собрались здѣсь.

Самъ старикъ Дымовъ былъ добрый, чудачествующій, даже нѣсколько страдающій мозгами старикъ, который, немного лѣтъ назадъ, выйдя въ отставку съ чиномъ полковника, посвятилъ свои знанія и силы торговлѣ. Лѣтъ десять тому назадъ, Дымовъ имѣлъ случай посѣтить Туркестанъ, Хиву и Бухару, и такъ какъ онъ былъ человѣкъ предприимчивый, то здѣсь у него внезапно возникла гениальная мысль о возможности завоеванія Азіи торговымъ путемъ. Напечаталъ онъ объ этомъ предметѣ проэктъ, хлопоталъ объ устройствѣ торговаго товарищества, но ничего изъ этого грандіознаго предпріятія не вышло, ибо Дымовъ былъ изобрѣтателемъ гениальнымъ, но ничимъ и непрактическимъ.—Гениальные, но нищіе и непрактическіе изобрѣтатели обыкновенно или сходятъ съ ума или умираютъ голодною смертію, что очень понятно, такъ какъ они, хотя и заботятся о благоденствіи человѣчества, но не имѣютъ силъ и средствъ для собственнаго своего прокормленія. Съ голоду Дымовъ не умеръ потому только, что былъ заслуженный и израненный штабъ-офицеръ русской арміи, склонялся уже къ старости и въ наслѣдственномъ хуторѣ имѣлъ двухъ взрослыхъ дочерей; а что касается до сумасшествія, то оно въ старикѣ продолжало развиваться, хотя тихо и незамѣтно—по старчески.

Къ съумасшествію старикъ имѣлъ свои резоны. Явилась и окрѣпла въ немъ грандіозная мысль о завоеваніи торговымъ путемъ Азіи,—мысль эта не перешла въ дѣло, а такъ и осталась въ головѣ до болѣе благопріятнаго времени, — и ждалъ этого времени бѣдный старикъ, находя несказанное удовольствіе возбуждать и разрабатывать свою несчастную мысль. Устроилъ онъ, съ помощью богатаго сослуживца, неразсчетливо ввѣрившаго ему свои капиталы,—пароходное общество; но общество несло только громадныя убытки, а Дымовъ по прежнему мечталъ о завоеваніи Азіи. Сѣдною покрылась уже голова Дымова; порой ныли и раскрывались старыя раны, что случалось больше осенью; и вотъ, въ какой нибудь дождливый, туманный вечеръ, лежитъ старикъ изнуренный и блѣдный на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, куритъ изъ длиннаго чубука азіатскій табакъ и съ глубокой тоской вспоминаетъ пустыни Хивы, караваны, бредущіе по этой пустынѣ, рѣдія, безмолвыя рѣки... а между тѣмъ, несчастный прозѣтъ съ осязательною ясностью возникаетъ передъ нимъ и мучитъ бѣдную стариковскую голову... У него, я сказалъ, было двѣ дочери. Старшую звали Варварой Борисовной, а младшую—Александрой Борисовной, и жизнь этой-то младшей дочери Дымова хочу я рассказать между прочимъ.

Воспитаніе наше извѣстно. Съ самаго дѣтства скрываютъ отъ насъ жизнь въ ея настоящемъ свѣтѣ, не только скрываютъ, но нарочно даже представляютъ ее въ уродливомъ видѣ. Большая часть людей сживается съ этой уродливостью и, по силѣ привычки, считаетъ ее совершенно нормальною жизнью... Но есть и такіе люди, которые не сживаются съ уродливостью, организмъ которыхъ требуетъ воздуха не зараженнаго, а чистаго, нищи не гнилой, отягощающей только желудокъ, а свѣжей и дѣйствительно питательной. Такіе люди не очень часто встрѣчаются, но бывають,—и имъ приходится работать самимъ, потому что ближніе ихъ свѣжаго ничего не имѣютъ и не вѣдаютъ. Начнутъ они сами работать, —и съ перваго же шагу оказывается, что жизни они вовсе не знаютъ, силы ихъ или уничтожены, или неразвиты, и потому конецъ этихъ людей большею частью очень печаленъ.

Александра Борисовна родилась на хуторѣ. Организмъ ея скоро и легко привыкъ къ жизни на божьемъ свѣтѣ, потому что въ томъ краѣ, гдѣ живетъ она, нѣтъ рѣзкихъ переходовъ отъ тепла къ холоду, отъ влажности къ сухости,—въ комна-тахъ хутора не стѣяль или холодъ, или удушающій, угарный жаръ, какъ въ жилищахъ бѣдняковъ, не было грязи и всякихъ миазмовъ. Дѣти бѣдняковъ могли умирать сколько угодно, по-павъ прямо изъ утробы матери въ обстановку своихъ роди-телей, въ которой недолго живутъ и взрослые,—а Сашѣ не изъ чего было умереть или много болѣть.

Затѣмъ она стала развиваться. Мать ея была женщина здоровая и сама кормила дѣтей, — значитъ, и въ отношеніи пищи не послѣдовало особенно рѣзкаго перехода. Саша бы-стро росла и крѣпла, тѣмъ болѣе, что жизнь давала много дѣятельности младенческимъ органамъ. Хочешь не хочешь, а смотри и слушай, а затѣмъ мозги сами станутъ работать. Уху же и глазу ребенка много задавалось работы... Шумѣлъ по-стоянно лѣсъ на разные тоны и голоса; вечеромъ стаями съ крикомъ летѣли въ лѣсъ птицы; за лѣсомъ на рѣкѣ пѣлись часто пѣсни; по дорогѣ, мимо хутора, ѣздили крестьяне, дребезжа-ли телѣги, ржали лошади; кругомъ цестрѣли цвѣты; ночью становились видны звѣзды и дрожаньемъ своимъ привлекали къ себѣ глаза ребенка; а отъ нихъ переходилъ глазъ къ облакамъ, мѣсяцу, млечному пути... Каждый предметъ и звукъ передавался мозгу и запоминался въ немъ. Сначала должны были быть одни только отдѣльныя впечатлѣнія отдѣльныхъ предметовъ и звуковъ; а потомъ видѣлъ ребенокъ, что каж-дый день утромъ блеститъ роса на растеньяхъ, свѣжо и про-хладно, потомъ жарко бываетъ, душно, точно пылъ носится въ воздухѣ; затѣмъ опять холодѣетъ, ложатся длинныя тѣни, закатывается солнце и мало по малу становятся опять видны звѣзды; видитъ онъ все это много разъ, вѣчно въ одномъ и томъ же порядкѣ, и составляетъ у него понятіе о ходѣ дня. Видѣла Саша, что спать ли она хочетъ, ѣсть ли хо-четъ, голова ли у нея болитъ, — вѣчно ухаживаетъ за ней, ласкаетъ ее, поетъ ей пѣсни добрая женщина, которая учитъ Сашу произносить слово «мать», — и вотъ съ фигурой этой женщины, съ ея голосомъ и словомъ «мать» связывается у Саши понятіе о существѣ, которое всегда готово утѣшить ее,

приласкать и помочь ей. Такъ-то узнавала понемногу Саша и ходъ времени, и значеніе окружающихъ ее предметовъ, и отношенія свои къ тѣмъ лицамъ, которыя жили вокругъ нея; опытомъ узнала она, что кошка царапается, а огонь жжется, и много еще она узнала; но еще больше оставалось явленій, которыя не могли войти въ обыкновенный ходъ ея жизни. Лѣсъ обыкновенно такъ тихо шумить, какъ-будто убаюкивается,—а вдругъ иногда пойдетъ въ немъ трескъ, свистъ и стоны, деревья качаются, листья летять по воздуху, — и смотритъ Саша съ страхомъ и недоумѣньемъ на лѣсъ. Небо обыкновенно ясно и чисто, идутъ по немъ красивыя облака, а иногда оно почерпѣетъ, сдѣлается темно, блескитъ молнія — и опять страшно Сашѣ и въ недоумѣньи смотритъ она на небо...

Видѣла Саша, что каждый вечеръ птицы стадами летять въ лѣсъ, и захотѣлось ей узнать, что они тамъ дѣлаютъ? Вечеромъ, когда слетѣлись птицы съ полей, вышла Саша на дворъ, въ поле и пошла въ лѣсъ. Увидѣла она тамъ своими зоркими глазами, что на деревьяхъ въ лѣсу у птицъ есть свои дома, и поняла, что утромъ птицы вылетаютъ въ поля за кормомъ, а къ ночи опять слетаются въ свои гнѣзда, спать. Узнала Саша что такое птицы и полюбила ихъ.

Изъ лѣса пошла она мимо хутора по дорогѣ, идущей черезъ лѣсъ. Куда ведетъ эта дорога — Саша не знала, но хотѣлось ей узнать. И вотъ прошла она съ четверть версты по дорогѣ; лѣсъ кончился, и увидѣлъ ребенокъ внизу, въ покатыхъ берегахъ, широкую, свѣтлую рѣку. Солнце закатилось уже и рѣка блестѣла ровнымъ, одинаковымъ блескомъ на всемъ видимомъ длинномъ протяженіи; на берегу пестрѣли цвѣты; тихо шумѣла трава и всплески воды, взбѣгавшіе на берегъ. Въ первый разъ была Саша около рѣки, и глубоко было ея впечатлѣніе. Не въ красотахъ и не въ поэзіи было дѣло, а въ самомъ организмѣ. Грудь дышала въ высшей степени чистымъ воздухомъ, кровь обращалась ровнѣе, слухъ не поражался ни однимъ рѣзкимъ, ненормальнымъ звукомъ, зрѣнію не представлялось никакихъ быстрыхъ, лишенныхъ связи явленій. Глубокое спокойствіе и наслажденье было въ организмѣ ребенка.

Не мудрено, что послѣ этого Саша часто убѣгала къ рѣкѣ, играла на берегу, бѣгала, потомъ засыпала на травѣ, и слав-

но ей спалось въ здоровомъ воздухѣ. Хорошо живетъ не испорченному организму въ неиспорченной обстановкѣ!

И дѣлалъ здоровый организмъ Саша все, что онъ можетъ самъ по себѣ сдѣлать. А могъ онъ сдѣлать много: могъ усвоить все, кромѣ тѣхъ знаній, для которыхъ нужны вспомогательныя средства науки — микроскопы, телескопы, реторты и т. д. — и кромѣ того еще, для разъясненія чего нужно много фактовъ и данныхъ, какъ напр. для разъясненія дѣйствій окружающихъ Сашу людей, — а фактовъ Саша успѣла набрать еще очень немного. Жизнь мало по малу будетъ ей давать эти факты: факты будутъ производить впечатлѣнія, а впечатлѣнія создадутъ понятія. Значить, нужны ребенку только факты, а понятія создадутся сами и будутъ, конечно, вѣрнѣе понятій взрослыхъ людей, потому что организмъ ребенка не изувѣченъ, не свылся со всякими ненормальными положеніями, и поэтому они не покажутся ему обыкновенными. Гнилой воздухъ не покажется здоровому ребенку хорошимъ, потому что здоровыя легкія не свылись съ этимъ воздухомъ, и дышать ему будетъ тяжело. Значить, нужны ребенку только факты, и главное — факты, неприкрытые никакими покрывалами, незатѣмненные никакими убѣжденіями большихъ людей, которые свылись въ всякихъ міазмахъ и воображаютъ, что дышать чистымъ воздухомъ, каковой и нуженъ для человѣка. Свыкнется, пожалуй, съ этими міазмами и ребенокъ, и ему они будутъ казаться хорошимъ воздухомъ; но много страданій придется потомъ вынести ему въ теченіи жизни и на много лѣтъ сократится эта жизнь.

Пришла и для Саша нужда въ фактахъ и объясненіи ихъ. Гроза, громъ, молнія, буря въ лѣсу и на рѣкѣ дѣлали на нее сильное впечатлѣніе, но не нашлось въ ея памяти ни одного факта, въ которомъ бы она могла угадать причину этихъ явленій. Саша спросила у взрослыхъ людей: отчего лѣсъ шумитъ? отчего громъ? отчего молнія?.. Въ отвѣтъ на это слышала она, между прочимъ, рассказы о лѣшихъ, о русалкахъ, о водяныхъ и проч. Страшенъ сталъ Сашѣ, послѣ такихъ рассказовъ, тѣнистый, прохладный и полный жизни лѣсъ; стала она боязливо смотрѣть на рѣку, около которой было ей такъ отрадно и легко; начала со страхомъ смотрѣть на небо, на которое смотрѣла прежде спокойно и весело. Много она уже испытала хорошаго

въ жизни и многое изъ этого хорошаго разомъ отняли у нея большіе люди.

Росла Сапа.

Работа доставляла ей наслажденье, поэтому она по цѣлымъ часамъ возилась въ саду, строила себѣ изъ досокъ домъ, пыталась сдѣлать сама столъ и стулья, но мало по малу отняли у ней и это наслажденье, подъ тѣмъ предлогомъ, что она ужъ большая и шалить ей не надо.

Любила она смотрѣть въ саду, какъ развиваются цвѣты, какъ живутъ бабочки, муравьи, жуки; думала о томъ, какъ измѣняется все въ саду, на дорогѣ и въ полѣ послѣ дождя, въ лѣсу, и старалась угадать причину этихъ переменъ и самый смыслъ ихъ. Разъ какъ-то, послѣ сильнаго дождя, она почувствовала, что ей дышется такъ же легко, какъ бывало дышалось около рѣви, растенія на берегу такъ же свѣжи, какъ здѣсь, послѣ дождя, и готово уже было у ней составить самостоятельное понятіе, — но не составилось... Много силъ отняли у Саши большіе люди.

Затѣмъ отдали ее въ пансіонъ и окончательно отдѣлили отъ живой жизни. Изъ школы она не вынесла ничего пригоднаго въ жизни. вмѣсто понятія о живомъ организмѣ, она вынесла нѣсколько зоологическихъ названій, вмѣсто знанія земли, воздуха и всей неорганической природы, вынесла нѣсколько географическихъ терминовъ, а вмѣсто пониманія человѣческихъ отношеній, — нѣсколько десятковъ именъ давно стившихъ людей.

II.

Изъ другихъ лицъ, бывшихъ въ воскресенье на хуторѣ Дымова, я прежде всего расскажу о Братановѣ, потому во-первыхъ, что онъ имѣлъ большое вліяніе на жизненный путь Александры Борисовны, во-вторыхъ потому, что и самъ по себѣ Братановъ былъ человѣкъ оригинальный и замѣчательный. Человѣкъ этотъ былъ молодой и здоровый, съ широкими плечами и широкимъ лбомъ, размѣрами котораго можно объяснить его совершенное равнодушіе къ красивымъ выраженіямъ, поэтическимъ картинамъ, возвышеннымъ мыслямъ и къ заявленіямъ о разныхъ убѣжденіяхъ.

— Миѣ, говорилъ онъ, до убѣжденій вашихъ нѣтъ никакого дѣла, а съ дѣйствіями вашими, пожалуй, познакомлюсь.

Вообще Братановъ въ выраженіяхъ былъ грубъ, потому отчасти, что былъ поповскій сынъ, обучался въ семинаріи, а выйдя оттуда, скоро убѣдился, что въ отношеніяхъ съ людьми не стоитъ особенно церемониться и для всякой мысли прибавлять смягчающія, а иногда и совсѣмъ каверкающія смыслъ выраженія. Мозги у него развились самостоятельно вслѣдствіе того, что въ низшихъ слояхъ русскаго люда по большей части не существуетъ никакихъ особенныхъ способовъ для приуготовленія мозговой силы. Растетъ себѣ ребенокъ на полной волѣ, бѣгаетъ, ѣстъ, спитъ, смотритъ и слушаетъ, т. е. принимаетъ всяческія впечатлѣнія, надъ которыми, хочешь не хочешь, а мозги работать стануть. Не стануть работать они тогда только, когда эта работа предупредится со стороны разныхъ воспитателей вложеніемъ въ голову ребенка уже готовыхъ сужденій, обыкновенно въ высшей степени безтолковыхъ, и главное дѣло отвѣчающихъ на все, т. е. дѣлающихъ ненужною дальнѣйшую работу мозга. Этимъ можно объяснить, отчего дѣти, имѣющія очень мудрыхъ наставниковъ, не дающихъ ребенку даже шевельнуть мозгами, выходятъ обыкновенно дураками, хотя верѣдко обладаютъ громаднѣйшими знаніями. У Братанова не было не только мудрыхъ, но и какихъ бы то ни было воспитателей; поэтому онъ мозгами работалъ самостоятельно.

Затѣмъ его отдали на обученіе въ семинарію, гдѣ тоже, благодаря рутинному преподаванію, семинарскія науки не могли сдѣлать на мальчика ни малѣйшаго впечатлѣнія, и мозгъ Братанова продолжалъ работать надъ объясненіемъ окружающихъ людей, надъ добытіемъ ѣды и прочей жизненной обстановкой; да кромѣ того, Братановъ пристрастился къ чтенію.

Я не берусь рѣшить, отчего ребенокъ, прочитавшій одну-двѣ книги, большею частью страстно привязывается къ чтенію. Думаю пока, что дѣло здѣсь заключается опять-таки въ мозговую работу, которая у дѣтей совершается гораздо настойчивѣе, потому что дѣтямъ безпрестанно представляются новыя впечатлѣнія, т. е. новые предметы, сцены, дѣйствія и т. д.—Ничто не можетъ имѣть для ребенка такого интереса, какъ дѣйствія окружающихъ его большихъ людей; но яснаго понятія объ этихъ дѣйствіяхъ и причинахъ ихъ — у него нѣтъ. И вотъ эти первія двѣ-три книги показываютъ ребен-

ку не отдѣльные поступки, а иногда цѣлую жизнь, многихъ людей; показываютъ, повидимому, основанія порочныхъ и добродѣтельныхъ дѣйствій, — и конечно, ребенокъ съ жадностью станетъ читать, потому что чувствуетъ, что его впечатлѣнія связываются въ понятія. Основанія человѣческихъ дѣйствій безъ книгъ онъ узнаетъ позже, при помощи книгъ—раньше; и скажутъ родители въ послѣднемъ случаѣ: «ребенокъ этотъ развивался рано», что и на самомъ дѣлѣ говорится родителями о читающихъ дѣтяхъ, такъ какъ дѣтей читающихъ очень мало сравнительно съ дѣтьми, пребывающими въ милой невинности. На самомъ же дѣлѣ, всѣ дѣти, даже и читающіе, развиваются поздно оттого, что взрослые всячески стараются скрывать отъ нихъ дѣйствительный смыслъ явленій за разными бессмысленными объясненіями, которыя большею частью прикрываютъ только собственное невинное невѣжество родителей и воспитателей.

Когда у ребенка составится довольно ясное понятіе о человѣкѣ и его жизни, тогда онъ самъ увидитъ, что его понятія о внѣшней природѣ сравнительно очень неопредѣленны, и тогда первая хорошая книга, объясняющая природу, увлечетъ его къ занятію наукой.

Пока, я держусь этого мнѣнія, отъ котораго не задумаюся отказаться, если увижу другое, болѣе основательное. Прибавлю, что одно изъ самыхъ сильныхъ основаній для этого мнѣнія вижу въ томъ, что даже взрослый человѣкъ, изучившій основательно законы какихъ нибудь отдѣльныхъ явленій и усвоившій излѣдованія науки объ этихъ законахъ, начинаетъ чувствовать, что свѣдѣнія его о законахъ другихъ явленій очень шатки.

Это случилось и съ Братановымъ. Отъ чтенія онъ легко обратился къ наукѣ, и для занятія ею нашелъ лучшимъ перейти изъ семинаріи въ университетъ. Оттуда его выгнали,— за что, не знаю, но, вѣроятно, опять-таки за то, что онъ, не увлекался никакою величавостью и мощью, ерунду вездѣ называлъ ерундою, какими бы прелестями она ни была прикрыта.

И вышелъ Братановъ на жизненное поприще. Борода у него была уже густая, организмъ сильный и здоровый, а денегъ въ карманѣ не было. Онъ не сталъ отыскивать свое

призваніе, потому—былъ увѣренъ, что призваніе существуетъ только для людей съ одностороннимъ направленіемъ мыслей, т. е. съ болѣзненно-развившимися мозгами, а на дѣлѣ существуютъ только законы, по которымъ совершается жизнь и, на основаніи этихъ законовъ, разнообразныя потребности организма; безъ удовлетворенія этихъ потребностей, законы будутъ нарушены и жизнь прекратится; а отъ неполнаго удовлетворенія этихъ потребностей, думалъ Братановъ, и происходитъ всякое людское несчастье.

Прежде всего нуженъ былъ хлѣбъ. Для этого слѣдовало работать, а работа есть одна изъ первыхъ потребностей здороваго организма, потому что если работы дается именно столько, сколько требуетъ организмъ, то она доставитъ только удовольствіе, какъ пища, принятая въ мѣру. Поэтому Братановъ работы отнюдь не пугался. Но за какую работу взяться? спросилъ онъ и тутъ, какъ и тогда, когда принужденъ былъ разочароваться въ плодахъ своего ученія и почувствовать осязательно ясно, что жизнь идетъ не очень-то сообразно съ требованіями человѣческаго организма. Во всякомъ случаѣ, въ ожиданіи, пока жизнь перестроится на другой манеръ, нельзя было сидѣть безъ работы, хлѣба и прочаго. Думалъ Братановъ заняться учительствомъ, но нашель, что эта работа не соответствуетъ его характеру и потребностямъ.

— Поможешь, пожалуй, говорилъ онъ, ребенку понять что за штука такая—жизнь, передамъ ему немногіе положительные факты, которые самъ знаешь, а потомъ, какъ выйдетъ питомецъ самъ на жизненное поприще, такъ и охватятъ его со всѣхъ сторонъ разныя прелести житейскія.... Человѣкъ врядъ ли не испортится подъ ихъ вліяніемъ; потому—глупо предполагать, что какія бы то ни было научныя данныя подѣйствуютъ на организмъ сильнее, чѣмъ вся окружающая жизнь.....

— Какъ бы за самую жизнь приняться? раздумывалъ Братановъ.

— А вотъ какъ, сказалъ онъ наконецъ самъ себѣ. Нужно дать самую возможность жить, а не приготовить къ жизни. Деньги нужно добыть, забрать въ руки торговлю, и представится тогда возможность самому жить независимо и другимъ доставлять честную и нормальную жизнь.

Разсужденіе было хорошее; но денегъ у Братанова не было. Впрочемъ, онъ не печалился этимъ обстоятельствомъ, потому что былъ здоровъ и имѣлъ еще въ виду ясную и опредѣленную цѣль, которая вовсе не была недостижимой или даже особенно трудной. Сталъ Братановъ приглядываться и прислушиваться къ людямъ, и захотѣлось ему узнать болѣе настоятельными и практическія потребности различныхъ русскихъ мѣстностей. Въ этихъ поискахъ онъ встрѣтилъ человѣка, какового ему и нужно было. Человѣкъ этотъ былъ анатомистъ, пренебрегнутый бродяжничествомъ до послѣдняго мускула организма, несходившій или взлѣзавшій всю Россію. Какія могутъ быть основанія этой привязанности къ бродяжничеству я уже говорилъ въ «Рулевѣ», на поводу Вальтера и самого Рулева. (*) Этотъ человѣкъ былъ такого же разбора — мускулистый, худой, съ загорѣлымъ лицомъ; онъ не могъ усидѣть долго безъ движенія, не могъ жить безъ чистаго воздуха полей и рѣкъ, — такъ привыкъ жить его организмъ; да и мудро не увлечься его вольной жизни, если въ случаѣ необходимости приходится жить въ зараженномъ всякими гніеніемъ воздухѣ, среди всякаго рода грязи и мерзости, и въ мертвящей бездѣятельности. Это былъ чистый самородокъ, добывшій самостоятельный взглядъ на человѣческую жизнь безъ помощи науки, и поэтому, конечно, недокодиршій въ своихъ разсуждахъ до физиологическихъ данныхъ, а основывавшійся на томъ только, что когда человѣку ѣсть хочется и добыть онъ хлѣбъ, и хлѣбъ этотъ не отнимаютъ у него, то онъ доволенъ. Если человѣку нужно работать и не отнимаютъ у него возможности работать, не заставляютъ также работать черезъ силу, то и работа ему счастье приноситъ. Какъ выводъ изъ его понятія о жизни, я приведу слѣдующія, весьма обыкновенныя его слова:

— Не связывай мнѣ только рукъ и ногъ, любезный, говоривалъ онъ, — не грабь меня и не мѣшайся въ мои дѣла, а счастье свое я ужъ и самъ по себѣ устрою.

Но это «не мѣшайся, не грабь и не связывай» было у него утопией; потому что въ послѣднее время онъ до того былъ ослѣпленъ, на нашъ общественный строй, что на каж-

(*) См. XI и XII книжки «Русскаго Слова» за прошлый годъ.

даго человека смотрѣлъ, какъ на врага, отъ котораго надо спасать свою независимость.

Для людей, которыхъ онъ ненавидѣлъ, это былъ страшный человекъ, потому главное, что подкупать его, увлечь какими нибудь прелестями, обольстить нельзя было. Всѣ его потребности ограничивались кускомъ хлѣба и мяса, табакомъ и движеніемъ; а дѣло противъ ненавистныхъ людей онъ велъ рассчитанно-хладнокровно, безъ необдуманныхъ порывовъ, которые могли бы повести къ тому, что люди, которыхъ онъ ненавидѣлъ, ему самому сломили бы шею.

Съ этимъ-то человекомъ сошелся Братановъ и разсказалъ ему свои расчеты. Чудагъ посмотрѣлъ на Братанова.

— Брр!.. протянулъ онъ, уставившись въ землю и заложивъ руки въ карманы. — Гдѣ у меня до сихъ поръ банка-то была?..

Съ этимъ господиномъ Братановъ началъ въ нетронутомъ еще, дѣйствиномъ краю мелкую торговлю; но не прошло и полугода, какъ его товарища ограбили и зарѣзали на дорогѣ. Дорого отдалъ свою жизнь энергичный чудагъ, но Братанову было не легче отъ этого, потому что онъ опять-таки остался безъ денегъ.

Многое узналъ Братановъ отъ своего товарища, многія мысли окрѣпли въ немъ подъ вліяніемъ разсказовъ этого чудака, но страсть къ бродяжничеству не привилась Братанову. Не успѣлъ онъ втѣнуться въ степную жизнь. Затѣмъ ему пришлось принять предложеніе старика Дымова поступить къ нему, Дымову, помощникомъ управляющаго, такъ какъ старику нуженъ былъ человекъ, знающій этотъ край. Бѣдный старикъ мечталъ устроить какъ нибудь въ этомъ край парходство.

III.

Еще былъ на хуторѣ гость — Иванъ Ивановичъ Черноперовъ, угрюмый, безродный и бездѣтный, содержащій въ городѣ книжную лавку и библиотеку для чтенія по деновой цѣнѣ. Личность эта была странная, Высокій, худой, съ очень

выразительнымъ и очень блѣднымъ лицомъ, съ глубоко-впавшими глазами, вѣчно застегнутый въ свой старый, просторный сюртукъ наглухо, часто обутый въ заплатанные сапоги, онъ съ перваго разу бросался въ глаза. Онъ имѣлъ великолѣпную бороду, въ которой теперь уже выразительно проглядывалась сѣдина.

На этомъ Иванъ Ивановичъ съ страшною ясностью сказалося, что мысль человѣческая не есть невѣсомый эфиръ, неимѣющій ни малѣйшаго вліянія на нервы, желудокъ и мускулы, а есть сила, и сила большая. Иванъ Ивановичъ пятнадцать лѣтъ думалъ о томъ, какъ лучше устроить жизнь свою; и хорошія, свѣтлыя были у него думы, но въ результатѣ его непрерывныхъ поисковъ за эти пятнадцать лѣтъ оказалось столько безотрадныхъ фактовъ, что Иванъ Ивановичъ, смотрѣвшій на жизнь честно и прямо, пришелъ къ тому убѣжденію, что его думы только думами и останутся. Мысль, непокидавшая его пятнадцать лѣтъ, не могла покинуть его и теперь, но теперь съ нею неразрывно связанъ весь его горькій жизненный опытъ, и рядомъ съ свѣтлою мыслью въ его головѣ припоминался рядъ фактовъ, доказывающихъ ея не осуществимость. Впрочемъ ходъ своей болѣзни Черноперовъ разскажетъ и самъ, а я повторю только, что ему теперь 35 лѣтъ, а между тѣмъ у него волосы уже быстро сѣдѣютъ. Еще скажу, что онъ былъ прежде крѣпокъ и силенъ, но и это жизнь уничтожила, такъ что теперь, если случится ему стать лицомъ къ лицу съ какой нибудь мерзостью, имъ овладѣваетъ уже нервная дрожь, сердце бьется ненормально-быстро и сильно, кровь стучитъ въ голову... Изболѣлъ человекъ.—Онъ большой пріятель старшей дочери Дымова, Варвары Борисовны, а самъ старикъ уважаетъ его, какъ практическаго и ученаго человѣка, хотя и не понимаетъ его вѣчнаго недовольства.

— Ну, чего еще тебѣ надо? говорилъ иногда старикъ Черноперову.—Щи да каша всегда есть; дома, не бось, сквозь крышу не каплетъ, на сапоги тоже хватить капитала... Чего еще?

— А вонъ у лакея твоего виши башку стѣлп, замѣчалъ мимоходомъ Черноперовъ. Жретъ онъ сегодня, чортъ знаетъ что, а завтра Богу душу отдастъ.... Весело и смотрѣть!

Только съ Варварой Борисовной, которая искренно любила

его и очень вѣрно смотрѣла на него, какъ на тяжело больную, Черноперовъ былъ всегда откровененъ и будто отдыхалъ съ нею.

Варвара Борисовна росла почти такъ же, какъ и Саша, съ тою только разницею, что часто болѣла въ дѣтствѣ, а отъ этого была впечатлительнѣе. Послѣ болѣзней съ большою радостью убѣгала она изъ душныхъ комнатъ, воздухъ которыхъ смѣшивался съ ароматами всякихъ домашнихъ лекарствъ, — въ лѣсъ или на берегъ, къ рыбацъему куреню, и съ безотчетнымъ наслажденьемъ нѣжила она свое ослабѣвшее послѣ болѣзни тѣло, укладываясь на траву или сѣно въ тѣни куреня, дыша влажнымъ, чистымъ воздухомъ и слушая тихій степной, рѣчной и лѣсной шумъ.

Не любила она своихъ домашнихъ, запиравшихъ ее въ душные комнаты, недававшихъ ей ѣсть того, чего просилъ ея организмъ, — а безъ людей трудно живется ребенку, — и вотъ опять-таки шла она въ рыбацй курень или къ придорожному колодцу, у котораго отдыхали крестьяне, странники и всякій прохожй людъ. У этого-то колодца наслушалась она разказовъ о далекихъ многолюдныхъ городахъ, о дальнихъ пустынныхъ дорогахъ, по которымъ и день, и ночь идутъ странники, съ котомками за плечами; объ иновѣрныхъ племенахъ и о многомъ другомъ, новомъ, а потому интересномъ. Была и она въ школѣ, но заболѣла тамъ и опять домой воротилась, къ болѣе живому люду. Изъ школы она вывела, впрочемъ, любовь къ чтенію и начала жадно читать, не бросая впрочемъ для книгъ свои, съ каждымъ днемъ расширяющіяся знакомства. Была она знакома и съ барынями, и со швеями, и съ бабами-хозяйками, и съ странницами. Съ этими огромными знакомствами и чтеніемъ быстро развилась Варвара Борисовна. Въ восемнадцать лѣтъ она полюбила какого-то господина, но, къ счастью, не вышла за него замужъ, и поэтому, когда она увидала вскорѣ всю гадость натуреши своего прежняго любимца, то ничто не помѣшало ей отъ всего сердца плюнуть на него. Дома ей приходилось высушивать за эту любовь много оскорбленій и разныхъ намековъ; Варвара Борисовна сильно задумалась, сдвинувъ свои черныя брови, и наконецъ порѣшила тѣмъ, что тайно ушла съ знакомыми странницами въ путешествіе. Путешествовала

она три мѣсяца, а вернувшись домой, сдѣлалась на хуторѣ полной хозяйкой, такъ какъ мать ея умерла во время ея отсутствія.

IV.

Александра Борисовна подружилась съ Братановымъ очень скоро. Люди, подобные Братанову, знаютъ свою силу, заискивать ни въ комъ не будутъ, честные и сознательные взгляды свои на жизнь не станутъ прикрывать красивыми фразами, и вообще говорятъ искренно; поэтому люди, которымъ нравятся ихъ дѣйствія, сразу начинаютъ имъ вѣрить, а люди, которымъ ихъ дѣйствія не по душѣ, такъ же сразу начинаютъ ихъ ненавидѣть.—Братановъ долго говорилъ со старикомъ Дымовымъ о краѣ, въ которомъ онъ, Братановъ, дѣйствовалъ съ своимъ покойнымъ товарищемъ. Слушала его и Александра Борисовна, потомъ начала расспрашивать о подробностяхъ его походовъ, — и разговорилась молодежь. Братановъ говорилъ съ увлеченьемъ, потому что вообще пріятно шевелить въ памяти здоровыя впечатлѣнія жизни: опять мозгъ начинаетъ работать въ прежнемъ направленіи, сообщаетъ организму прежнее настроеніе и опять дыханіе становится полнѣе, кровь течетъ быстро, глаза заблестятъ... Болезненно воспоминаніе объ энергичной дѣятельности только для тѣхъ, кто или состарѣлся и обезсилѣлъ, или у кого организмъ изнемогъ преждевременно, — потому болезненно, что для такихъ людей возвратъ къ прежней энергичной дѣятельности уже невозможенъ. Но для Братанова возвратъ былъ возможенъ и легокъ, потому что Братановъ сталъ сильнѣе и крѣпче прежняго, и на были впечатлѣнія отыскались въ немъ новыя и свѣжія силы. Весело было Братанову. Дышалъ онъ полнѣе, голосъ былъ звученъ, глаза блестящи и легко ходилъ онъ по комнатамъ.

— Пойдемте гулять, Александра Борисовна, сказалъ онъ, взглянувъ въ открытое окно на темнѣющее поле.

Пошли они по дорогѣ черезъ лѣсъ. Братановъ сломалъ по дорогѣ вѣтку и безсознательно-весело началъ играть ею. Славно было его крѣпкому, сильному организму.

— Всегда вы въ такомъ настроеніи бываете?, спросила его Александра Борисовна.

— Почти всегда, отвѣтилъ Братановъ.

— Хорошо же, какъ видно, вамъ живется.

— А нилево, ладно.

— Вотъ какъ! — тихо и прозябно связала Александра Борисовна.

— Что съотъ какъ?

— Счастливы, значить?..

— Пожалуй и счастливы...

— Вотъ какъ! — повторила Александра Борисовна. — Теперь я не задумуюсь, когда стануть мнѣ говорить, что нѣтъ счастливыхъ людей — прямо на васъ и укажу: вотъ, скажу, счастливый человекъ.

— Сегодня придется сказать, такъ ничего, скадите... А то завтра я, пожалуй, и не очень буду счастливъ...

— А, это не то, сказала Александра Борисовна. — На одинъ день всякій бываетъ счастливъ. Вотъ другое дѣло знать, что ни завтра, ни черезъ годъ, никогда и нито не разрушить моего счастья...

— Невозможно, Александра Борисовна, сподойно сказалъ Братановъ.

— Отчего?

Братановъ подумалъ.

— Нѣтъ, невозможно... Оттого, что какъ бы я, положимъ, силенъ ни былъ, а въ окружающей меня жизни все-таки небольшие силы.

— Въ жизни?... Не понимаю...

— То есть, въ людяхъ меня окружающихъ, въ воздухѣ, которыми я дышу, въ водѣ, въ землѣ...

— Ну?

— Большая сила... Что вотъ за радость человеку красть, грабить, болѣть, голодать? — А человекъ и крадетъ, и болѣетъ, и голодаетъ. Живнѣто все съблаетъ, Александра Борисовна. Сегодня я, Братановъ, хорошій человекъ, а завтра жизнь не дастъ работы, поладомъ отниметь силу, изнуритъ мозгъ, а наконецъ, пожалуй, в веромъ съблаетъ. Сегодня я вотъ благодушествовую, смотрю на жизнь посмихаюсь, а завтра жизнь подведетъ свои комбинаціи: переболѣетъ каждый нервъ, ка-

дый мускуль, къ организму притронуться будетъ страшно, — ну, я тогда плюну на жизнь и иначе поведу дѣло: я тогда или другихъ изуродую, или самъ себя убью...

— Живутъ однако люди, сказала Александра Борисовна.

— Однако живутъ... Даже не всѣ крадутъ и горло себѣ перерѣзываютъ, но всѣ каждый божій день морщатся и страдаютъ: одинъ въ одномъ чувствуетъ себя обиженнымъ, другой въ другомъ... Никому бы страдать не хотѣлось, а всѣ страдаютъ.

— Правда ваша — всѣ страдаютъ... Только неужели же, Николай Егорычъ, это всегда такъ будетъ?..

— Ну, всегда-то этого не будетъ... И теперь легче стало, потому что узнаемъ понемногу законы, по которымъ жизнь совершается, и слѣдуетъ только не идти противъ этихъ законовъ... Но все-таки пока еще трудно жить, потому что свои же возлюбленные братья на каждомъ шагу ногу подставляютъ...

— Притомъ вѣдь многое нужно для счастья...

— Ну, не очень...

— Немного?..

— Конечно... Да если хотите говорить откровенно, такъ я полагаю, что въ настоящую минуту вы сами чувствуете нѣкоторое довольство. Не правда ли?

Александра Борисовна не ожидала этого вопроса; она остановилась, посмотрѣла на Братанова и засмѣялась.

— Ну нѣтъ, не совсѣмъ, сказала она.

— Чего вамъ еще надо? равнодушно спросилъ Братановъ.

— Да я устала, сказала смѣясь Александра Борисовна.

— Экое горе!.. такъ садьте. .

Александра Борисовна сѣла на опрокинутую лодку и глупо вздохнула. Они были на берегу рѣки. Съ рѣки несло свѣжестью, вѣтеръ съ нея дулъ, шелестилъ травой, тихо шумѣлъ по лѣсу и хватывалъ прохладой и нѣгой усталое тѣло Александры Борисовны.

— Ну, теперь хорошо? немного насмѣшливо спросилъ Братановъ.

— Хорошо, сказала Александра Борисовна. Досадно только, когда подумаешь, что завтра опять не будетъ хорошо.

— А отчего бы это?

— Не знаю....

— Глужо, что не знаете... Необходимо нужно знать, что требуется для организма. А иначе, «тяжело; жизнь обижаетъ»; а что въ ней именно обижаетъ насъ, противъ чего нужно всѣми силами бороться? — неизвестно.... Выйдетъ въ результатѣ, что человекъ или станетъ глушо, бедѣтельно страдать, или выходить на слѣбую борьбу, въ которой болышею частью самого же себя и уродуетъ... Такъ было до сихъ поръ: тѣснить жизнь человека то съ той, то съ другой стороны, тяжело ему живется — онъ и кончитъ тѣмъ, что порѣшитъ со всѣми своими остальными радостями: перерѣжетъ себя горло или въ келью запрется; то есть, выходить то, что, стараясь избѣжать боли въ одномъ органѣ, онъ превращаетъ весь свой организмъ въ гниющій трупъ...

— Что же нужно организму? спросила Александра Борисовна.

— Не богъ знаетъ фиміамы какіе... Необходимо-то вотъ что: чистый воздухъ, здоровая пища и работа....

— Работа?..

— Ну да... Дѣятельность, которой не было бы слишкомъ мало и которая не превышала бы силу организма.

Александра Борисовна молчала.

— Работы у васъ нѣтъ, продолжала Братановъ: — ну, и являются отъ этого безпредметныя томленія.

— Скажите, гдѣ-жъ ее взять?

— Мало ли работы... Бѣда въ томъ только, что человекъ, почувствовавшій нужду въ работѣ, требуетъ непременно, чтобы работа была грандіозная... Хорошая штука!.. Только до начала грандіозной работы нужно пройти прежде работу мелочную, подготовительную... Есть, Александра Борисовна, нѣкоторое удовольствіе въ чувствѣ, что я не отступилъ передъ трудностями грандіозной работы, узналъ, какія нужны для нея средства, приобрѣлъ ихъ... Знаній нѣтъ — приобрѣлъ знанія; денегъ нѣтъ — приобрѣлъ деньги; людей нѣтъ — нашелъ и людей.... Этакая работа, какъ видите, не всякому подь силу — обыкновенная лучше.... Отдохнули вы?..

— Отдохнула....

— Ну, такъ поидемте домой.

Тихо и молча шли они домой, — потому собственно молча, что Александръ Борисовнѣ подумать хотѣлось надъ этими

новыми словами. И дома они сидѣла тоже молча и задумчиво. А Братановъ сыгралъ еще партію въ шахматы со старикомъ и собрался уходить... Черноперовъ тоже шелъ домой. Дѣловъ предвѣщать было имъ свою конца, но Братановъ продолжительно объявлять, что намеренъ прогуляться и побѣдетъ въ городѣ и въ немъ.

Черноперовъ уже вышелъ на дворъ. Варвара Борисовна провожала его на ворота.

— Прощай, — сказала она тихо, крѣпко-сжала его руку и поцѣловала его.

Было уже совсѣмъ темно. На небѣ горѣли звѣзды, а въ темныхъ сѣняхъ свѣча Александры Борисовны освѣщала дорогу Братанову.

V.

Черноперовъ, нагнувъ себѣ на глаза фуражку, стучалъ своею здоровенной палицею по плотно укатанной дорогѣ и молча шелъ впередъ. Братановъ отсталъ немого. Въ пѣть, далеко отъ дороги, горѣлъ огонь; съ другой стороны видѣлась черезъ дѣла рѣка, какъ зеркало ровная и спокойная; не было кругомъ ни стука, ни говора, только вѣтеръ вѣялъ путешникамъ въ лица и шептѣлъ нескатой рожью.

Братановъ разстегнулъ куртку и жилетъ, снялъ галстукъ и пошелъ быстрее. Хорошо ему чувствовалось, когда прохладный вѣтеръ вѣялъ на его грудь и шею. Братанову весело было, а Черноперовъ шелъ не-то усталый, не-то угрюмый.

— «Что въ немъ творится?» спросилъ самъ себя Братановъ.

— Сильно же любятъ васъ наши горожане, Иванъ Ивановичъ, сказалъ онъ, поровнявшись съ Черноперовымъ.

— Барство-то? спросилъ Черноперовъ.

— Ну, не одно барство...

— А все, что жирно жреть и сладко спать... Барство оно потому, что слышать не можетъ, чтобы ктонибудь икъ нраву препятствовалъ и икъ обычай въ грошъ не считалъ...

— До резюновъ икъ лѣтъ дѣла?

— Нетъ. Да если бы и полюбовничествовали, такъ врядъ ли бы вышла польза, потому что перержавѣвшій гвоздь скорѣе можно сломать, чѣмъ выпрямить... Во вторыхъ, не зачѣмъ тутъ давать резонъ... Найдись у меня сила, такъ я ихъ отдаю, а окажись, что у нихъ силы побольше, такъ они меня при первомъ случаѣ раздавятъ.

Черноперовъ говоритъ тихо; но при свѣтѣ мѣсяца, освѣщавшаго его лицо, полуопущенные глаза его нехорошо блестѣли.

Они прошли нѣсколько времени молча. Братановъ раздумывалъ объ этомъ барствѣ, потомъ взглянулъ на холмистую, широкую степь, на свѣтящуюся, какъ зеркало, глубокую рѣку, глубоко вздохнулъ и громко запѣлъ «хуторочекъ».

Твердо и ровно шли они по дорогѣ; деревья въ лѣсу точно придвигались къ нимъ на встрѣчу; темная рожь въ полѣ точно убѣгала назадъ, и громко, выразительно пѣлъ Братановъ.

— Эхъ, семинарія! сказалъ онъ въ заключеніе.

— Хорошій голосъ, замѣтилъ Черноперовъ.

— Пѣсни-то ужъ больно задушевная, сказала Братановъ.. Жизнь простая... Нароботался и усталъ; — любить захотѣлось — люби: женщина хорошая, кругомъ лѣсъ шумитъ, соловей въ немъ поетъ; съ рѣки благодать таяная посылается на уста мое чѣло... Стань тебѣ на дорогѣ къ счастью, неортили его, — ну; и види, куда натура твоя ведетъ, сбрасывай помяху съ дороги, борись... Не отступай только передъ препятствіемъ, а хорошо ли, дурно ли — борись, — скажется въ этомъ сила человѣческая... Эхъ, задушевная эта пѣсня!... Въ ней сила, а не отчаяньедохлое...

— Да, въ пѣснѣ хороша выходить человѣческая сила, сказалъ Черноперовъ.

— Ну, а на дѣлѣ?

— А на дѣлѣ пѣту се... мало очень...

Братановъ задумался на минуту.

— Мало, согласился онъ.

— Эхъ, Николай Егорычъ, — горько заговорилъ Черноперовъ, — знаю я, что жизнь можетъ быть хороша. Не только по теоріямъ выводу, а вотъ и пѣсня ваша шевельнула во мнѣ свѣтлый взглядъ на жизнь, только видѣль-то я очень ужъ много всякой гадости и безсилія, и какъ поднимутся въ

памяти всё эти грозные факты, такъ право не до поэзии... Воздуха свѣжаго пѣть...

— Такъ надо добыть его.

— Свѣтло вы смотрите на жизнь, Николай Егорычъ. Приглядитесь къ ней подристалльнѣе, гдѣтъ этакъ съ десять...

— Ну, прервалъ Братановъ...

— Съ приобрѣтеньемъ жизненнаго опыта, т. е. знамя всѣхъ этихъ живущихъ субъектовъ право же руки опустятся...

— Такъ онѣ и опустили, съ замѣтной насмѣшкой отвѣтили Братановъ.— Вотъ оно что!.. Жизнь-то мы мало видали, продолжалъ онъ отрывисто и сердито, обдумывая слова Черноперова.

Черноперовъ молчалъ.

— А ничего, громче и суровѣе заговорилъ Братановъ, поднимая голову. Мы тоже кое-что видали и кое-что работали, хоть работа-то и не грандіозная, а черная была. Притомъ, какъ дѣло не поворачивай во всѣ стороны, но только если смотрѣть на него прямо и честно, то въ результатѣ получится слѣдующее: либо эти опытные люди хоть маленько и работали, но терпѣли на каждомъ шагу пораженія и наконецъ изнурились, либо же они только посмотрѣли кругомъ, понюхали да и руки у нихъ за этимъ опустили...

— Такъ во всякомъ случаѣ что же? спросилъ Черноперовъ.

— А во всякомъ случаѣ влохи они, — вотъ что...

— Объяснитесь, холодно сказалъ Черноперовъ.

— Объяснюсь. Есть нѣкоторыя вредныя гадости, — ну, хоть болѣзни напимѣръ. Этими гадостями претъ теперь на насъ вся обстановка нашей жизни — и воздухъ, и вода, и люди. Поэтому, если мы, опытные люди, станемъ бороться только съ этими болѣзнями, то выкажемъ тупоуміе безпримѣрное, ибо возмечтаемъ въ такомъ случаѣ уничтожить болѣзнь, не уничтожая ея источниковъ. Если же мы возьмемся за самые источники, — станемъ, напимѣръ, лицомъ къ лицу съ человекомъ, который только по тупоумію своему и невѣжеству производить и употребляетъ гнилой воздухъ, и съ нимъ ничего не подѣлаемъ,—то тутъ и толковать нечего. Мы въ такомъ случаѣ окажемся безсильною дрянью, на дыханіи которой и смотрѣть не слѣдуетъ.

— Какой же вывод из всего этого слѣдуетъ? спросилъ Черноперовъ.

— Тотъ, что всякій человѣкъ съ здоровымъ мозгомъ имѣетъ возможность работать съ успѣхомъ, потому именно, что ему придется имѣть дѣло съ забитостью, тупоуміемъ и невѣжествомъ... Слѣдовательно, въ безнадежную апатію впадать не слѣдуетъ, — жить можно...

— Не въ апатію, горячо и съ досадой сказалъ Черноперовъ.

— Ну, а какъ же эта штука называется — опущеніе рукъ-то?..

— Изнуреніе, болѣзнь... Злостью одной, какая бы ни была натура, не проживете, потому что человѣку все-таки жить хочется; а какая тутъ жизнь, когда дышать чортъ знаетъ чѣмъ приходится?

— Какія еще яства медвяныя нужны? спросилъ Братановъ саркастически.

— Никакія яства ненужны. А если на каждомъ шагу все колеть глаза, рѣжетъ уши, кровь портитъ, мозгъ кровью обливается, — то не легко живется и трудно до сѣдыхъ волосъ доживается. Отчего люди, которыхъ конечно и вы уважаете, мрутъ и спиваются?..

— Справедливо, что отъ изнуренія, отвѣтилъ задумчиво Братановъ. Я людей этихъ люблю и уважаю... Умирал, они говорили: «шестуй тою же дорогой»; а не о томъ говорили, что ничего не подѣлаешь.

Братановъ говорилъ уже тихо и задумчиво; Черноперовъ тоже затихъ.

— Я только то говорю, тихо продолжалъ Братановъ, что если есть силы, такъ работай себѣ, пока руки работаютъ, ноги ходятъ и голова не отупѣла... Развеселое житье!.. Если не удалась работа, такъ не говори, что и никто тутъ ничего не подѣлаетъ. У одного однѣ силы, у другого другія; одинъ идетъ этимъ путемъ, а другой пойдетъ къ той же цѣли другимъ...

— Предположите, тихо заговорилъ Черноперовъ, что на дорогѣ лежитъ камень, своротить который необходимо нужно, ради моей жизни; а гдѣ-жъ тутъ силы-то? силы-то вать среди этихъ труповъ разлагающихся?

— Будте ужь и трущы все? спросил насмѣшиво Братановъ.

— Ну да.

— Ёдять щють и дюбятся — значить живы еще, отвѣтил Братановъ. Службите показатъ имъ, что всякому удобше будетъ, если одвинуть камень, и тогда сами залюбуесть, какъ онъ потѣшно полетитъ къ чорту...

Черноперовъ ничего не сказалъ. Они шли уже по городу.

— Вотъ моя квартира... До свиданья пока. Найдете нужнымъ говорить со мной, такъ милости просимъ, сказалъ Черноперовъ, остановившись у воротъ своей квартиры.

— Зайду, отвѣчалъ Братановъ. Пока до свиданья!

VI.

Братановъ, закуривъ въ своей квартирѣ сигару, сѣлъ на окно и раздумывалъ опять о томъ краѣ, гдѣ погибъ его нудакъ-товарищъ. Братановъ не тосковалъ объ этомъ краѣ, потому что и здѣсь хороша жилось, тѣмъ болше, что съ каждымъ мѣсяцемъ, кладя въ карманъ заработанными деньга, онъ чувствовалъ, что ближе и ближе становится время, когда онъ опять, съ новыми, крѣпкими силами, посѣтитъ эти степи и начнетъ самостоятельную дѣятельность. Въ томъ и была сила Братанова, что онъ не тосковалъ бесплодно, издавна совершая свою цѣль, а высмотрѣлъ дорогу, по которой, на его взглядъ, было лучше идти, и шель, не сворачивая.

— Тысячу идти, не зная дороги, говорилъ онъ когда-то умершему товарищу. Хороша у человека цѣль, да чортъ ли въ ней! Идетъ человекъ въ Нью-Йоркъ, а поживни пропадется по Москвин, проплутаетъ въ Китаѣ, забредетъ наконецъ въ какия нибудь туманныя страны, да и умреть въ нихъ чуждой. Нужно знать и видѣть, что какой бы смертельной борьбой ни стоилъ намъ каждый шагъ, только съ каждымъ шагомъ мы ближе къ цѣли и столько-то еще шаговъ осталось до нея. Въ такомъ-то вотъ обстраиваньи своей жизни доводить не издохнуть чакатвой, а закалить каждый нервъ, каждый мускуль, и пить ему непома, да и противно будетъ.

— Правильно ты судишь, отбывалъ ему обыкновенно его товарищъ.

Въ другой комнату, послѣдней етъ комнатой Братанова, тихо стучалъ молодежь. Тамъ работаль, не смотря на позднюю ночь, сосѣдъ Братанова, сапожникъ. Жизнь, — конечно, вовсе не разсуждая о томъ, что дѣлаетъ, — поставила его поперегъ дороги Братанова, и Братанову пришлось вполсѣдствіи тяжело работать, чтобы опять прочистить себѣ свою дорогу. — Скажу объ этомъ сапожнику нѣсколько словъ. Всю жизнь его пересказывать не ачѣмъ, потому что не только у него, но и у всякаго подобнаго ему рѣдко случаются даннія, которыя помогли бы ему выйдти изъ его вѣчнаго мѣста въ нашей общественной жизни. Вѣчнымъ мѣстомъ я называю вотъ что: фабричный работникъ вѣчно безъ воздуха, безъ пищи, вѣчно на изнурительной работѣ, и возможности у него нѣтъ покинуть это мѣсто. Паргвой тоже безъ воздуха и безъ пищи, одни мускулы вѣчно работаютъ, другіе вѣчно вѣдуютъ, — и тоже у него нѣтъ силъ и средствъ занять другое мѣсто. Баринъ имѣетъ воздухъ и пищу, но работы, т. е. собственно, силъ на дѣльную работу не имѣется. Сапожнику Григорьеву жизнь дала въ руки только сапожные инструменты, и потому ему пришлось бороться съ окружающими субъектами съ помощью только дротвы и пила, — другихъ же силъ и средствъ у него не было.

Съ средствами, данными даннью, Григорьевъ могъ добыть только сидячую, однообразную работу, жалъе нѣ спертомъ воздухѣ, пищаю пищу, жалкую одежду и дѣкторое количество воды.

Громадное большинство этихъ вѣчныхъ работниковъ до того привыкаетъ къ спертому воздуху, гнилой пищѣ, вѣчной работѣ и водкѣ, что это становится для нихъ нормальной жизнью. Эстерлендъ говоритъ, что арестантъ, просидѣвшій много лѣтъ въ тюрьмѣ, съ грустью покидаетъ ее. Рѣдко бываютъ процѣствия, которыя выведи бы работника изъ его вѣчнаго мѣста, но иногда бываютъ. Дастъ ненаясно жизнь какое нибудь неслаженное, усталому, измороженному органу, разшевелитъ весь организмъ, и тогда рѣче почувствуется ему боль въ другихъ органахъ. Движся недоразумѣно жизнью, охота бороться съ нею, а средствъ и знанія жизни нѣтъ, — и выйдетъ

бойня съ закрытыми глазами, въ которой человекъ большею частью самого же себя уродуетъ.

Григорьевъ былъ еще молодъ. Полунынная жизнь среди миазмъ, блохъ, клоповъ и таракановъ сдѣлалась для него уже обыкновенною жизнью, но въ немъ не замерли еще впечатлѣнія дѣтства, въ которомъ мать ласкала его, потому что горячо любила своего сына. У большей части вѣчныхъ работниковъ не было этихъ впечатлѣній, а если и были, то скоро они замерли въ другой обстановкѣ жизни; но у Григорьева онѣ не изгладились еще, и поэтому онъ любилъ приласкать ребенка, чтобы и тотъ приласкался въ нему, потеревилъ его бороду, погладилъ огрубѣлую шею и шевельнулъ въ немъ опять эти пріятныя впечатлѣнія. Легче становилось послѣ нихъ въ организмѣ.

Григорьевъ увидѣлъ какъ-то молодую дѣвушку, хорошенькую и веселую, и полюбилъ ее. Сталъ Григорьевъ мыть свои широкія, черныя ладони и угрюмое лицо, сталъ чаще мыть бѣлье и шилъ себѣ новые сапоги. Сталъ онъ засиживаться за работой до поздней ночи, — только деньги туго прибывали, — ничего не подѣлаешь. Трудно было ему бороться съ нуждою съ помощью шила и дратвы, а нужда вызывала на борьбу, и потому приходилось драться закрывши глаза. Угрюмо поглядывалъ въ послѣднее время Григорьевъ, не разъ останавливался у стѣны, заложивъ руки за спину, выпрямившись во весь высокій ростъ и неподвижно смотря на какойнибудь предметъ. Тронулся наконецъ онъ на борьбу: пропилъ всѣ скопленные деньги и новые сапоги, передрался съ пріятелями, но отрезвившись, опять угрюмо сѣлъ за работу, благо пропивать больше печего было. И вотъ сидитъ онъ теперь, стучитъ молоткомъ, а кругомъ тишина мертвая, только храпятъ по угламъ подмастерья и мученикъ.

Наконецъ онъ оставилъ работу, высыпалъ изъ банки на ладонь табакъ, подумалъ и отправился къ Братанову. Дверь не была заперта. Братановъ безъ куртука лежалъ на диванѣ, курилъ и читалъ книгу.

— Что скажете? спросилъ онъ, медленно поднимаясь.

— Бумаги одолжите, — сказалъ Григорьевъ тихо, облокотясь о косякъ двери и смотря на чистую, тонкую рубашку Братанова.

— На сигарку?

— На сигарку...

Братановъ подошелъ къ столу и началъ перебирать бумаги, а сапожникъ задумчиво осматривалъ уютную, чистую комнату. Братановъ подошелъ къ нему и посмотрѣлъ въ его задумчивое лицо.

— Что? спросилъ онъ, кладя руки на плечи сапожника.

— А ничего. Хорошо ужъ очень у васъ, отвѣчалъ сапожникъ.

Братановъ засмѣялся.

— Въ первый, что ли, разъ видите?

— Право, точно въ первый...

Братановъ пристально посмотрѣлъ въ его поблѣднѣвшее отъ усталости лицо.

— Сегодня мы что-то долго заработались, замѣтилъ онъ вопросительно.

— Много ли часовъ?..

— Ужъ два часа.

— Вы тоже работаете?...

— Я-то? спросилъ Братановъ. Нѣтъ, сегодня отдыхаю — внигу вонъ читалъ....

Сапожникъ помолчалъ немного; а Братановъ все еще держалъ руки на его плечахъ. Онъ любилъ Григорьева за тѣ проблески человѣчности, которые я уже указалъ въ Григорьевѣ.

— А много ли вы получаете въ мѣсяцъ? спросилъ сапожникъ...

— Жалованья-то?

— Жалованья.

— Много. Семьдесятъ пять рублей...

Сапожникъ покачалъ головой.

— А вы сколько выработываете? спросилъ Братановъ.

Сапожникъ только засмѣялся и махнулъ рукой.

— Вотъ и скверно становится, замѣтилъ Братановъ. Работаете вы чуть не больше моего, работа ваша тяжелѣе, а зать не на что.

— Что ужъ наша работа, — съ пренебреженіемъ сказалъ Григорьевъ.

— Тяжелая работа...

— Правда, что тяжелая...

— А неприбыльная, -- что уж тутъ ночи за ней просиживать! Плюньте...

— И радъ бы, да ничего не подѣлаешь... Куда больше-то дѣваться?

Братановъ молчалъ.

— Ну, и спокойной ночи, сказалъ сапожникъ.

Невесело ему было.

VII.

Ради полной характеристики Братанова, считаю нужнымъ прибавить еще небольшую главу о швеѣ Вѣрочкѣ, тѣмъ болѣе, что безъ Вѣрочки знакомство Братанова съ Александрой Борисовной кончилось бы, вѣроятно, иначе.

Вѣрочка была очень красивая, стройная и задумчивая дѣвушка; притомъ дѣвушка умная, и если не совсѣмъ понимавшая нѣкоторыя мысли Братанова, то потому только, что не имѣла нужныхъ для этого пониманія фактовъ. Работница она была хорошая. Комнатка у ней была свѣтлая, чистая, богатая цвѣтами.

— Лучше работается въ чистой комнатѣ, обыкновенно говорила Вѣрочка.

Каждые три-четыре дня она отправлялась въ магазинъ Черноперова, предъявляла ему свой билетъ на полученіе изъ его библиотеки книгъ и большею частью съ полнымъ довѣріемъ говорила ему:

— Дайте мнѣ опять какую нибудь хорошую книгу.

Черноперовъ, конечно, давалъ ей дѣйствительно хорошія книги.

Получивъ хорошую книгу, Вѣрочка скорѣе обыкновеннаго оканчивала свою работу, раздѣвалась, ложилась въ постель и долго-долго читала, такъ долго, что иногда, наконецъ, встанетъ она, откроетъ окно, — а на небѣ ужъ невидны звѣзды, и вѣтеръ въ ея лицо и грудь холоднымъ утреннимъ вѣтромъ. Отъ этого чтенія, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ накопиться богатый матеріалъ. Осмыслить его Вѣрочка могла и сама, но, вѣроятно, на это потребовалось бы много времени, и потому хорошо, что представился случай осмыслить его скорѣе.

Недавно Вѣрочка познакомилась съ Братановымъ, узнала, что это за человѣкъ, и искренно полюбила его. Она была молода, здорова и, слѣдовательно, организмъ неизбѣжно требовалъ любви.

Она была красивая и умная дѣвушка, говорила просто и откровенно, жила своимъ собственнымъ, независимымъ трудомъ, — значить, была человѣкомъ, какимъ, по мнѣнiю Братанова, человѣкъ и долженъ быть.

— Хорошая дѣвушка, думалъ о ней Братановъ. — Сила въ ней если не развита, то и не сгнила еще, — значить, способна къ развитiю.

Онъ тоже полюбилъ Вѣрочку.

Они уже высказались другъ передъ другомъ и были теперь искренними друзьями. Въ тотъ день, когда они откровенно высказались, произошла между ними небольшая сцена, которую я приведу здѣсь, потому что она характеризуетъ и искреннюю любовь Вѣрочки, и взглядъ Братанова на человѣка.

Въ тотъ вечеръ Вѣрочка вдругъ задумалась среди разговора, брови ея сдвинулись, губы сжалась и тяжело стала дышать молодая дѣвушка.

— Что это? спросилъ Братановъ, пристально смотря на нее.

— Что я прежде дѣлала, заговорила Вѣрочка, положивъ шитье и задумчиво облокотившись на столъ. Это такъ недавно было... Глаза у меня болѣли, работать нельзя было, хлѣба не было, холодно....

Вѣрочка вдругъ зарыдала...

Братановъ отодвинулъ стулъ и заходилъ по комнатѣ.

— Ну, не буду, быстро сказала Вѣрочка и удержала слезы.

Братановъ опять сѣлъ.

— Слезъ не стойтъ, сказалъ онъ тихо.

— Тяжело вѣдь.

Тяжело, Вѣрочка... Только жизнь и голодъ посильнѣе насъ съ тобой... Да и не въ томъ дѣло. — Вѣдь ты справилась же?

— А вспоминать каково?..

— Слезъ не стойтъ... Изъ этого прошлаго видно только то, что ты хорошая женщина, и гадость эта не по душѣ тебѣ. Жизнь обезсилила тебя прежде, изморила голодомъ и

холодомъ, и тогда ужъ только столкнула въ эту гадость, да и то на минуточку.... Прошлое доказываетъ только то, что ты хорошая женщина.

Братановъ не успокоился на этомъ, а много разъ возвращался къ этому разговору, пока наконецъ изъ возраженій и вопросовъ Вѣрочки увидѣлъ, что она вполне поняла его мысль.

— Знаетъ теперь, въ чемъ гадость-то заключается, подумалъ онъ весело.

VIII.

Пришла и осень. Братановъ рѣже сталъ бывать на хуторѣ, куда отправлялся ради прогулки и для того, чтобы поиграть съ старикомъ Дымовымъ въ шахматы. По долгу разговаривалъ Братановъ съ Александрой Борисовной, гулялъ съ ней и, какъ въ первый разъ, такъ и послѣ, всегда былъ одинаково искрененъ, спокоенъ и грубоватъ въ выраженіяхъ.

Александрѣ Борисовнѣ жить хотѣлось, и не мудрено, что она полюбила Братанова, — организмъ ея тоже требовалъ любви. Люби: — человекъ хорошій, кругомъ лѣсъ шумитъ, соловей въ лѣсу поетъ, съ рѣки прохладой вѣетъ на молодое тѣло. — Часто Александра Борисовна неподвижно останавливалась на берегу — и не смотритъ ни на рѣку, ни на берегъ, ни на лѣсъ, а просто представится ей фигура Братанова, и задержитъ молодая дѣвушка дыханіе, припоминаетъ черты и слова Братанова и потомъ глубоко-глубоко вздохнетъ.

Не слѣдуетъ допускать въ подобныхъ случаяхъ кавихъ бы то ни было симпатій и таинственныхъ узъ; дѣло даже и не въ сердцахъ, а въ головахъ и въ здоровомъ организмѣ. Прежде всего въ головахъ, въ впечатлѣніи, такъ какъ мысль вовсе не есть невѣсомый эфиръ, немогущій имѣть никакого вліянія на организмъ.

Въ первый разъ, когда Александра Борисовна встрѣтила Братанова, онъ разъяснилъ ей нѣкоторые недоумѣнія, вызвалъ ее на мысленную работу, и дѣвушка забыла свою безпредметную тоску, — легче ей стало. Много разъ потомъ Братановъ былъ на хуторѣ, и всегда въ разговорахъ съ нимъ

хорошо было Александрѣ Борисовнѣ, такъ что мало по малу съ воспоминаніемъ о Братановѣ соединилось у молодой дѣвушки чувство свѣтлаго и спокойнаго взгляда на жизнь, которое сообщала ей Братановъ. Поэтому ей было пріятно чаще и чаще вспоминать о немъ; а затѣмъ это воспоминаіе стало являться и само собой... (*) Здоровый организмъ сдѣлалъ остальное, и горячо полюбила Александра Борисовна Братанова.

Какъ-то она всплакнула, — всплакнула и грустно немного, и сладко.

— Ты любишь Братанова? спросила ее сестра.

— Люблю, Варя, призналась молодая дѣвушка.

— Хорошій онъ человѣкъ, можно его любить, — тихо проговорила Варвара Борисовна, лаская сестру, и сама задумалась. Она знала, что Братановъ любитъ Вѣрочку, и немного калъ ей стало сестру.

— Что же, Саша?

— Что?

— Что же ты дѣлать хочешь? спрашивала Варвара Борисовна.

— Что же дѣлать?.. нечего мнѣ дѣлать, отвѣчала Саша и все плакала.

А былъ въ это время славный, тихій осенній вечеръ, — лѣсъ потемнѣлъ, надъ рѣкой туманъ носился, птицы слетались въ лѣсъ... И было все кругомъ спокойно, тихо и гармонично, такъ что, кажется, и нервы Черноперова испытали бы здѣсь полное спокойствіе.

— Скажи ему все, говорила тихо старшая сестра...

Александра Борисовна все плакала...

— И люби, докопчила Варвара Борисовна.

— Что скажутъ, Варя? что скажутъ?..

У Варвары Борисовны глаза блеснули.

— Что хотять... Тебѣ какое дѣло?

Александра Борисовна задумалась.

— Что хотять... Ты живи, какъ живетъ, а не какъ другимъ хочется, — горячо и тихо сказала Варвара Борисовна и ушла.

(*) Родъ помѣшательства, лучшимъ представителемъ сильнѣйшей степени котораго служить Вергеръ. *Лет.*

Задумалась Александра Борисовна и надъ этими новыми словами.

IX.

Поцѣлуй между Варварой Борисовной и Черноперовымъ при прощаньи значилъ то, что Варвара Борисовна любила Черноперова, а Черноперовъ ее любилъ. Любовь этого изувѣченнаго человѣка была грустная любовь. Устанеть онъ послѣ добыванья насущнаго хлѣба, руготни или молчаливой переработки своихъ неотвязныхъ мыслей, ослабѣютъ нервы, члены опускаются, точно избитые, — вотъ въ такую-то пору и любилъ онъ уходить къ Варварѣ Борисовнѣ.

На этотъ разъ Варвара Борисовна пришла къ нему. Черноперовъ только что кончилъ читать полученныя отъ его друзей письма и, повѣсивъ голову и заложивъ руки за спину, расхаживалъ въ своемъ старенькомъ сюртукѣ по комнатѣ. Варвара Борисовна поцѣловала его блѣдный лобъ, потомъ посмотрѣла ему въ глаза и покачала головой.

— Плохо живется? спросила она.

— Живется пока, тихо отвѣчалъ Черноперовъ.

Потомъ онъ сѣлъ къ столу, облокотился на колѣни и задумчиво посмотрѣлъ на распечатанныя письма.

— Какъ эти господа хорошо пишутъ, сказалъ онъ тихо. Эхъ, Боже мой! Пишетъ вотъ одинъ хорошій человѣкъ, что «не зачѣмъ много волноваться, потому что не требованья нужно предъявлять жизни, а понимать ее...» Красиво-то какъ, да удобно... Голова у меня болитъ, — такъ взялъ просто на просто и сказалъ, что не хочу я, чтобы она болѣла, а затѣмъ и выздоровѣлъ сейчасъ... Понимать жизнь, это у нихъ значить убѣдиться, что такое-то мое желаніе неисполнимо, и затѣмъ перестать желать. А какъ перестать, когда желается? Нуженъ мнѣ, положимъ, свѣжій воздухъ, воздуха этого нѣтъ и нельзя его достать—значить, по ихнему, нужно перестать желать, а какъ перестать желать, когда легкія ноютъ, дышать больно, задыхается человѣкъ?.. Любятъ они мысленно, ненавидятъ мысленно, а организмъ ни бѣ чемъ не участвуетъ.

Черноперовъ остановился на минутку.

— Лгутъ они, сказали онъ коротко и горько.—За ихъ прасивныя слова якъ раздавить бы можно было, прибавилъ онъ вспыхнувъ, и разокъ разорвалъ письмо. Руки его дрожали.

— Будетъ тебѣ, сказала Варвара Борисовна, обнимая его шею и дѣлуя.—Ну, какъ это можно?—дрожить весь...

— Не бойся, отвѣтила Черноперовъ. Я не жестикулирую:—если дрожу, такъ вѣрно нельзя не дрожать.

Варвара Борисовна ласкала его, и онъ понемногу какъ будто успокоился и заговорилъ о другомъ.

— Торгуемъ, говорилъ онъ. Варыней большіе нѣтъ, а кусокъ хлѣба всегда имѣемъ... Выписалъ сегодня съ полсотни книгъ, да написалъ, чтобы выслали еще на комиссію штукъ сотню дешевыиъ. Ожѣ спорѣ раскодаются.

— Знаешь что? спросила потомъ Варвара Борисовна.

— Что?

— Мнѣ кажется нюрда, что ты не любишь меня.

— Скажи мнѣ твои основанія, тихо сказалъ Черноперовъ.

— Счастья тебѣ моя любовь не приноситъ.

Черноперову досадно стало.

— Не знаю... Люблю я тебя... Знаешь, что мнѣ кажется?—Кажется, что безмятежная любовь всѣхъ этихъ хорошихъ господъ не похвала имъ, а вызовъ не на животь, а на смерть... Каби ты да я одни были въ божьемъ мѣрѣ — ну, можно бы было порядочно жить. А те вѣдь кромѣ насъ много есть другихъ субъектовъ: одинъ главъ колетъ, другой по головамъ ѣздитъ; трудно, кажется, наслаждаться, а вѣдь этотъ народъ ухитряется. Натура ужъ такія дубовая отъ мозга до послѣдняго нерва. Возьми такого человѣка за руку, да подведи его къ гниющему субъекту и скажи ему, что вотъ, молъ, гниетъ человѣкъ, съ голоду умираетъ—ну, тогда тотъ и скажетъ, что какъ-де это жалко. Скажи, что вонъ, молъ, человѣкъ дерется — онъ и скажетъ, что не слѣдуетъ драться, а у самого ни одинъ нервъ не дрогнетъ,—какъ отвернется, такъ и забудетъ. Можно имъ вполнѣ наслаждаться, когда не болѣтъ ни одинъ нервъ, ни одинъ мускулъ.

— И я дубовалъ? спросила, улыбаясь, Варвара Борисовна.

— Будто тебѣ ни разу не было тяжело съ тѣхъ поръ, какъ ты меня нелюбила?

— Злилась часто.

— Ну, и прекрасно... Одному тяжело, другому легче... У одного нервы просто напряжены, у другого болят... Вонъ Братановъ: у него много ненависти, но ненависть до поры, до времени сдержана. Не изболѣлъ еще человѣкъ.

— А я болѣнъ, говорилъ потомъ Черноперовъ. Думаю будущей весной сдать магазинъ прикащику, взять за плечи чемоданъ и отправиться бродить, — отдохну, можетъ быть...

За свѣтлой мыслью по ходу его болѣни вспомнились всѣ безотрадные факты его былыхъ странствованій и всей жизни.

— Не отдохну, сказалъ онъ.

Лицо его поблѣднѣло еще больше, губы сжались, началъ онъ дышать тяжело и холодныя слезы такъ и полились по его щекамъ. Видѣлась ему широкая Волга со своимъ бурлачествомъ, Донъ среди тихихъ полей, лиманы и многое еще, когда-то свѣтлое для него, неизувѣченное никакими страданіями. Долго и тяжело рыдалъ Черноперовъ.

X.

А черезъ нѣсколько дней къ Черноперову зашелъ Братановъ. Въ комнатѣ пахло водкой. На столѣ горѣла свѣча, а Черноперовъ спалъ, уткнувшись лицомъ въ подушку.

Видѣлъ Черноперовъ во снѣ жизнь, далеко непохожую на ту, которая существовала на самомъ дѣлѣ. Прежде, въ теченіи многихъ лѣтъ, Черноперовъ мечталъ объ этой иной жизни, обдумывалъ ее, надѣялся дожить до осуществленія этихъ мечтаній, а въ послѣдніе годы, на основаніи многихъ фактовъ и горькихъ, безконечныхъ разочарованій въ людяхъ, пытался уничтожить эти вѣрованія и порѣшиться съ ними, какъ съ недостижимыми въ настоящее время мечтаніями. Много лѣтъ надѣялся Черноперовъ, обдумывалъ эту жизнь, полагалъ свое счастье только въ этой новой жизни, и не могли эти годы не оставить никакихъ слѣдовъ въ его организмѣ. Днемъ онъ уничтожалъ эти мечтанія сопоставленіемъ фактовъ, а ночью они являлись еще ярче... И видѣлъ теперь Черноперовъ во снѣ, что черезъ поля проложены въ его родинѣ желѣзныя дороги, на рѣкахъ толпятся суда подъ разными фла-

гами, вмѣсто зеленыхъ болотъ раскинулись нивы; видѣлъ онъ другой народъ; слышалъ другой языкъ.

Братановъ сѣлъ къ столу и началъ читать какую-то историческую книгу. Онъ просидѣлъ такъ съ полчаса и наконецъ прилегъ къ спинкѣ стула и задумался. Черноперовъ тяжело дышалъ; на столѣ стучали его карманные часы, а комнату наполнялъ запахъ водки. Братанову тяжело становилось.

Черноперовъ наконецъ проснулся и сѣлъ на кровати. Лицо его было блѣдно, глаза красны, а на лбу выступилъ холодный потъ. Онъ взялъ со стола платокъ и вытеръ лобъ.

— Голова болитъ, сказать онъ коротко, и опять прилегъ на подушку, подложивъ руку подъ щоку и смотря на Братанова

Братановъ молча смотрѣлъ въ его лихорадочно-горящіе глаза.

— Сильно здѣсь пахнетъ водкой? спросилъ Черноперовъ.

— Сильно, повторишь Братановъ.

— Я сплю ужъ часа три, пьянъ сегодня...

— Какой вы вкусъ въ водкѣ находите? спросилъ Братановъ.

— Что за вкусъ?.. Никакого не нахожу.

Братановъ молча облокотился на столъ и продолжалъ смотрѣть на Черноперова...

Вы полагаете, что я пью ради возбужденія? спросилъ Черноперовъ. Ошибетесь въ этомъ случаѣ. Возбужденія я не люблю, а пью наповаль, т. е., чтобы послѣ питья осталась возможность только спать... Хорошо, если бы еще сновъ не было, прибавилъ онъ мимоходомъ.

— Что же? вамъ жизнь надоѣла? спросилъ Братановъ.

Черноперовъ задумался, какъ бы взглядываясь въ самого себя. Въ немъ мелькнуло какое-то ожиданіе, образъ Варвары Борисовны, всяческая ненависть, — и вышло смутное, тяжелое чувство.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Черноперовъ нерѣшительно. А нужна мнѣ водка, какъ лекарство больному. Дѣло въ томъ, что я устаю страшно, — не руки, не ноги устаютъ, а устаютъ мозгъ, прибавилъ онъ и сжалъ рукой лобъ.

— Отчего? спросилъ Братановъ. — Ему тяжело было въ этомъ воздухѣ напитанномъ водкой.

Черноперовъ сѣлъ на кровать.

— Отчего? повторилъ онъ. А оттого, мнѣ кажется, что мозгъ

мой устроенъ не по настоящей жизни, а жить приходится въ ней.—Жизнь всегда давала мнѣ вовсе не то, что нужно было моему организму. Когда я ребенкомъ былъ, мать меня раза два чуть не отравила молокомъ; но все-таки я остался, какъ видите, живъ и вышелъ въ жизнь съ человѣческими силами и стремленіями. Моимъ силамъ и стремленіямъ жизнь не дала мѣста. Началь я думать о томъ, какъ бы создать себѣ иную жизнь, какая нужна мнѣ? и получилъ въ результатѣ, что иной жизни создать нельзя...-

— Не думаю, сказалъ Братановъ.

— А я знаю... Но дѣло въ томъ, что теперь организмъ мой безпрестанно проситъ иной жизни, а память безпрестанно приводитъ факты, доказывающіе неисполнимость этого требованья... Вотъ отчего я устаю... Сердце обливается кровью... Я пьянъ, Николай Егорычъ,—скорѣе мозгъ обливается кровью, хоть и это вздоръ, потому что когда мозгъ оболетъ кровью, я сойду съ ума и умру... Но чувство-то мое бываетъ въ родѣ этого, и потому я устаю.

— Позвольте, заговорилъ Братановъ. На мой взглядъ, это не ладно — слова больше пустяки. Организмъ у васъ не по жизни, что ли, сложился, вы говорите?

— Мозгъ скорѣе...

— Мозгъ не по жизни сложился, повторилъ Братановъ...

Ну, хорошо.... Да вѣдь жизнь же ему дала направленіе извѣстное?

— Жизнь...

— Ну....

— Что же?..

— Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Не понимаю...

— Мозгъ создала жизнь, — какъ же онъ вышелъ не по жизни? пояснилъ Братановъ.

— Дѣйствительно нелогично, сказалъ Черноперовъ.. Видно, не одна дѣйствительная жизнь давала направленіе мозгу... А вотъ мы посмотримъ, какъ моя жизнь шла. Можетъ быть, и найдемъ разгадку.

Черноперовъ слѣзъ съ кровати, заложилъ руки въ карманы и началъ довольно твердо ходить по комнатѣ.

— Первое, сказалъ онъ, остановившись передъ Братано-

вымъ, — въ дѣтствѣ меня не ломали, и росъ я, значитъ, какъ слѣдуетъ расти человѣку.

Затѣмъ онъ опять началъ ходить. Братановъ сидѣлъ верхомъ на стулѣ и, положивъ подбородокъ на спинку стула, смотрѣлъ на Черноперова.

— Дѣтство было нормально, повторилъ Братановъ.

— Второе, продолжалъ Черноперовъ, — въ школѣ съ самаго начала я тоже росъ недурно, ерунды всякой не долбилъ, а дрался, бѣгалъ, ѣлъ, смотрѣлъ, что совершается въ природѣ и какіе люди бываютъ... Людей явилось два разряда: одни, такіе же, какъ я, молодые, растущія животныя, и хорошія животныя; а другіе насъ пороли немилосердо и требованья нашего организма въ грошъ не ставили.

Черноперовъ остановился прямо и близко передъ Братановымъ.

— Вышло раздвоеніе....

— Понятно... Ему и слѣдовало произойти, повторилъ Братановъ.

— Одну жизнь я любилъ, а другую ненавидѣлъ; къ однимъ людямъ былъ привязанъ, а другихъ готовъ былъ уничтожить, продолжалъ Черноперовъ и сталъ медленно ходить. Дальше набралось много фактовъ, которыхъ значеніе нужно было узнать: нужно было понять законы совершающейся кругомъ меня жизни — обратился я самъ уже къ паугѣ и книгамъ. И вынесъ я изъ этихъ книгъ много теорій, которыя сходились и съ требованьями человѣческаго организма, поэтому очень привлекательны были. Съ этими теоріями вступилъ въ жизнь...

— Раздвоеніе произошло, сказалъ Братановъ.

— Раздвоеніе.... Я порѣшилъ, что если не дають свѣжаго воздуха, такъ надо его добыть...

Черноперовъ остановился и скрестилъ на груди руки.

— Жилъ я больше въ лѣсахъ дремучихъ, продолжалъ онъ. Сходилъ съ людьми, о значеніи и существованіи которыхъ у насъ мало знаютъ; предложилъ въ кругу хорошихъ людей прозѣтъ, который хорошихъ людей въ ужасъ привелъ... Ъздилъ, ходилъ, думалъ, толковалъ и пришелъ къ тому заключенію, что счастья мнѣ не найдти теперь.

Черноперовъ погладилъ бороду, слегка наклонился и началъ рассказывать по комнатѣ. У Братанова дрожь пробѣжала по

тѣлу. Ее вызвало блѣдное лицо Черноперова, его свержающіе глаза и сдержанный, но удивительно выразительный голосъ его, особенно, когда онъ произносилъ свое заключеніе.

— Въ романахъ, напримѣръ, безнадежная любовь къ женщинамъ весьма раздирательно описывается, но право же я сильнѣе люблю жизнь, которую мнѣ книги и организмъ крупѣ указали, — произнесъ мимоходомъ Черноперовъ и опять прилегъ на кровать.

— А какъ я ненавижу... прибавилъ онъ черезъ минуту очень тихо и коротко; но Братанова такъ и повернуло этимъ шопотомъ...

— Отчего? спросилъ онъ рѣзко и вставая, отчего ненависть ваша ограничилась однимъ толкованьемъ и отчего сами вы стараетесь уничтожить даже *ваши* личныя стремленія? Скажите, если наконецъ желаете толковать откровенно.

Черноперовъ тоже всталъ, засунувъ руки въ карманы и сжалъ кулаки. Приходилось окончательно выяснить мысли, которыя мучили его цѣлую жизнь; приходилось наконецъ взвѣсить и рассчитать для самого себя, что ему осталось дѣлать въ жизни; да наконецъ онъ пьянъ былъ. Нервная дрожь овлаѣла имъ, и онъ сжалъ кулаки и напрягъ всѣ мускулы, чтобы удержаться отъ вздрагиваній.

— Оттого, отвѣчалъ онъ, стоя неподвижно, что исполненіе желаній съ неба не падаетъ, и нужно для этого исполненія много жизней и работы... Гдѣ эти бойцы?

У Черноперова глаза злобно засвѣтились.

Братановъ сѣлъ.

— Гдѣ эти бойцы? повторилъ Черноперовъ.

— Если настоящая жизнь васъ сдѣлала, то можно предполагать, что подъ ея влияніемъ и другіе выросли, отвѣтилъ Братановъ.

— Не выросли, сказалъ Черноперовъ... У меня есть младшій братъ, — продолжалъ онъ и губы его задрожали. Онъ получилъ по наелѣдству тотъ же организмъ, какъ и я; росъ такъ же, какъ я; въ школѣ шелъ по моимъ слѣдамъ; но теперь онъ раздушенный господинъ и ѣстъ сахаръ съ медомъ. Онъ чудесно говоритъ о человѣкѣ, о новой жизни, о томъ, что надо дѣлать, по спросите его, что онъ знаетъ, что искалъ, что сдѣлалъ? и скажите ему, что онъ лжець и мерзавецъ...

— А что же съ нимъ приключилось? Почему такая разнища вышла?

— Ничего не приключилось... Жизнь обыкновенную велъ... Вы знаете ли что первое въ жизни?

— Что?

Привычка.... втянуться пужно въ дѣло—это первое. Сядьте-ка лѣтъ на пять за карты — и десяти лѣтъ будетъ мало, чтобы заглушить эту страсть. Проведите вы десять лѣтъ въ пьянствѣ или въ развратѣ—и никакія силы земныя и небесныя не перенесутъ васъ на другую дорогу... А для того, чтобы выйдти человѣкомъ, какихъ теперь нужно, — гдѣ практика, гдѣ можно втянуться въ дѣло?

— А вы?

— А я сказалъ вамъ, какъ я провелъ мою жизнь. Мени не притянула и не заманила меня никакая отрасль нашей общественной жизни...

— Одинъ въ полѣ не воинъ,—прибавилъ Черноперовъ и сѣлъ на кровать; потомъ прилегъ было головой на подушку и опять поднялся. Онъ взглянулъ на Братанова, налилъ стаканъ водки, выпилъ и легъ на кровать.

— Я иду, сказалъ Братановъ, вставая.

— Идите, сказалъ Черноперовъ, устало протягивая ему руку.

— Еще спрошу васъ: отчего вы хоть для будущаго не хотите работать? спросилъ Братановъ, держа его руку.

— Оттого, полагаю, что въ другое втянулся. У всякаго своя спеціальность. Вонъ въ этомъ домѣ артель каменьщиковъ живетъ. Каждый изъ нихъ стумбѣтъ ограду разбивать, а собирать матеріалы для разрушенія ограды — врядъ ли... Я тоже простой каменьщикъ.

— Прощайте! сказалъ Братановъ.

— Прощайте!

И. Холодовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

(Изъ Гейне).

Черезъ лѣсъ широкій, зеленью одѣтый,
Всадникъ безъ оглядки, бѣшено несется;
Громко въ рогъ трубитъ онъ, громко распѣваетъ
И съ веселымъ взоромъ весело смѣется.

Онъ закованъ въ панцырь, крѣпкій какъ желѣзо,
Но желѣза крѣпче духъ его свободный.
То Ричардъ, что въ свѣтѣ прозванъ Львинымъ—Сердцемъ,
Рыцарь знаменитый, воинъ благородный.

—Здравствуй!—восклицаютъ всѣ деревья,—здравствуй,
Ты, пришедшій снова къ своему народу!
Рады мы душевно, что съумѣлъ ты ловко
Изъ темницъ австрійскихъ выйти на свободу!»

Весело Ричарду на просторѣ вольномъ,
Радостью и мощью гордо блещутъ взоры...
Вдругъ онъ вспомнилъ запахъ крѣпостей австрійскихъ—
И коню-красавцу далъ скорѣе шпоры.

Е. Зинковъ.

ВИНОВАТА-ЛИ ОНА?

ГЛАВА XXXV

ГОСТИНИЦА ВЪ ШЭМЪ.

Джоржъ Вавазоръ вышелъ изъ конторы мистера Скребя (читатель не забылъ конечно, что въ это свиданье съ мистеромъ Скребя нашъ герой имѣлъ случай убѣдиться въ необходимости, какъ можно скорѣе, раздобыться малою толикою денегъ),—и такъ, онъ вышелъ изъ конторы стряпчаго подъ тѣмъ впечатлѣнiемъ, что дѣло, лежавшее у него на рукахъ, весьма неприятное дѣло: не по сердцу ему была необходимость занять денегъ у Алисы.

Всѣ мы знаемъ, что господа нечистые на руку, откалываютъ подъ часъ очень грязныя штуки, и мы вообще склонны думать, что они находятъ извѣстнаго рода наслажденье въ откалываньи этихъ штукъ; но въ этомъ, мнѣ кажется, мы жестоко ошибаемся. Не легко обнищавшему дворянину выслушивать отказы; не легко ему получать подачку, которую выдаютъ ему съ презрѣнiемъ; но и того тяжелѣе достается ему подачка, которую даютъ ему съ видомъ довѣрiя къ его честности.—Чортъ возьми! говоритъ онъ самому себѣ въ подобныхъ исключительныхъ случаяхъ, этому человѣку я непременно заплачу,—а самъ знаетъ, какъ нельзя лучше, что этому человѣку онъ во всю жизнь не заплатитъ.

Джоржъ Вавазоръ становился въ тупикъ, какъ ему сдѣлать первый шагъ къ присвоенiю себѣ кошелька Алисы? Когда онъ

пришелъ къ ней, прося ея любви, она отвернулась отъ него съ содроганьемъ; онъ зналъ очень хорошо, что въ просьбѣ о деньгахъ онъ не получитъ отказа, но какъ было ему заняться о деньгахъ въ томъ положеніи, въ которомъ онъ стоялъ относительно ея?

Наконецъ онъ рѣшился взвалить это дѣло на плечи сестрѣ. Кэтъ могла свободнѣе его объясниться съ Алисою; да и наконецъ, между женщинами вся жесткая сторона этихъ дѣловыхъ переговоровъ должна была сгладиться за романтическою фразеологіей, на которую самъ онъ былъ не мастеръ.

И такъ, Джоржъ порѣшилъ повидаться съ сестрою и съ этою цѣлью отправился въ Уэстморландъ, предупредивъ сестру, что остановится въ небольшой одинокой гостиницѣ въ Шэпъ, и попросивъ ее побывать у него пораньше утромъ на другой день его пріѣзда.

Часовъ около девяти вечера, темною, ненастною ночью, Вавазоръ прибылъ въ маленькую гостиницу.—И живутъ же люди въ этой проклятой странѣ, проворчалъ онъ сквозь зубы, и тутъ же порѣшилъ, что непременно продастъ Вавазорскій замокъ, безъ малѣйшаго уваженія къ связаннымъ съ нимъ семейнымъ преданіямъ, если онъ только когда нибудь попадетъ въ его руки.

— Вы ли это, мистеръ Джоржъ? встрѣтилъ его хозяинъ гостиницы. Сколько лѣтъ, сколько зимъ мы васъ здѣсь не видали!

Но Джоржъ не испытывалъ ни малѣйшаго желанія пускаться въ разговоры съ хозяиномъ гостиницы и объяснять ему причину своего долгаго отсутствія. Онъ ограничился тѣмъ, что проворчалъ себѣ что-то подъ носъ, вмѣсто отвѣта, и попросилъ приготовить для него небольшую отдѣльную комнату на верху. Вечеръ онъ провелъ въ одиночествѣ, не слишкомъ-то поощряя навязчивость хозяина, который, не смотря на то, раза три или четыре навѣдывался къ нему въ комнату, пока, наконецъ, Джоржъ не объявилъ, что у него болитъ голова и что онъ желаетъ остаться одинъ.

— Споконъ вѣку онъ былъ такой необходимый, разсудилъ про себя хозяинъ гостиницы; никто отъ него никогда не слыхалъ добраго слова. Точно, право, этотъ рубецъ, что обезобразилъ ему лицо, разсѣкъ ему и сердце.

Оставшись одинъ, Джоржъ принялся обдумывать, не лучше ли ужъ будетъ разомъ попросить у Алисы двѣ тысячи фунтовъ, чтобы избавиться отъ непріятной необходимости занимать у нея деньги до свадьбы въ нѣсколько приѣмовъ. Не радостно у него было на душѣ. Вплоть до послѣдней минуты его не покидала увѣренность, что Алиса все еще его любитъ, и эта увѣренность, не смотря на всю жесткость и испорченность его природы, все же доставляла ему минуты чистаго наслажденья; но жолчное чувство замѣнило это наслажденье въ послѣднее свиданье его съ Алисою. Онъ готовъ былъ отказаться отъ нея и отвергнуть ту, которая когда-то отвергла его; но онъ вспомнилъ, что нуждается въ ея деньгахъ, и удержался, внутренно обозвавъ себя подлецомъ.

Вавазорскій замокъ отстоялъ миляхъ въ пяти отъ Шэпа, и Кэтъ волей-неволей должна была сообщить дѣду о задуманной поѣздѣ и ея цѣли.

— Куда это ты собираешься? спросилъ старикъ въ отвѣтъ на ея просьбу одолжить ей телѣжку.

Въ такихъ домахъ, какъ Вавазорскій замокъ, единственная хозяйская лошадь несетъ обыкновенно двойную службу: сегодня на ней развѣзжаетъ хозяйка дома, а завтра та же лошадь не брезгаетъ возить на возъ. Обыкновенно бываетъ такъ, что самъ сваядръ ставитъ послѣднюю службу куда какъ выше первой. Владѣлецъ Вавазорскаго замка вполне раздѣлялъ это воззрѣніе, и всякого, кто обращался къ нему за разрѣшеніемъ проѣхаться на его лошади, считалъ крайне дерзкимъ попросайкой.

— Недалеко, дѣдушка: въ Шэпъ.

— Въ Шэпъ? Какого чорта тебѣ тамъ понадобилось? Вѣдь къ Шэпъ, кажись, нѣтъ магазиновъ?

— Я не за покупками туда отправляюсь, мнѣ надо тамъ повидаться съ однимъ человѣкомъ.

— Это съ кѣмъ?

Кэтъ подумала, что ужъ лучше сказать дѣду всю правду.

— Братъ приѣхалъ туда и дожидается меня въ тамошней гостиницѣ, отвѣчала она. Я было не хотѣла вамъ говорить это, потому что положила себѣ не упоминать при васъ его имени, пока вы не согласитесь принять его здѣсь.

— А онъ рассчитываетъ приѣхать сюда теперь, — такъ, что ли?

— О нѣтъ, сэръ! не думаю. Онъ просто пріѣхалъ пови-
даться со мною,—по дѣламъ, если не ошибаюсь.

— Какія это такія дѣла? Ужь не подбирается ли онъ къ
твоимъ деньгамъ?

— Чуть ли не по дѣламъ, касающимся его женитьбы; онъ,
кажется, хочетъ, чтобы я уговорила Алису не откладывать
свадьбу въ долгій ящикъ.

— Слушай, Кэтъ! если ты когда нибудь дашь ему денегъ
взаимы изъ твоего капитала,—я съ тѣмъ и въ гробъ сойду, что
не пущу его къ себѣ на глаза. И это еще не все, Кэтъ.
Пока, не смотря на всѣ его продѣлки, я не хочу лишить
его наслѣдства; по моей смерти имѣнье перейдетъ въ его по-
жизненное владѣніе; но если онъ приберетъ къ рукамъ твои
деньги, то я уничтожу это завѣщаніе и смерть моя не обо-
гатитъ его ни на одинъ шиллингъ.—Можешь сказать, чтобы
тебѣ запрягали лошадь.

И нужно же было, чтобы подобная догадка пришла въ го-
лову старику именно въ это утро! Кэтъ совсѣмъ было порѣ-
шила предложить брату свое маленькое состояніе. Сердце
ея чуяло, что онъ пріѣхалъ переговорить съ нею касательно
денегъ Алисы; ее бросало въ краску при этой мысли, а она
повторяла про себя, что надо, такъ или иначе, спасти его отъ
подобнаго искушенія. Будь Алиса только кузиною Джоржа,
быть можетъ, Кэтъ ничего бы не имѣла противъ его намѣ-
ренія занять у нея денегъ; она была того мнѣнія, что въ ка-
чествѣ Вавазоровъ всѣ они обязаны поддерживать будущаго
главу семейства въ его предпріятіи, долженствовавшемъ сооб-
щить новый блескъ всему ихъ дому; но она никакъ не могла
помириться съ мыслью, что братъ ея воспользуется деньгами
своей невѣсты. Наконецъ она пришла къ тому заключенію,
что единственный честный выходъ изъ этого затрудненія,—за-
нять денегъ у тетюшки Гринау, которая не разъ уже предла-
гала Кэтъ воспользоваться ея кошелькомъ. За себя Кэтъ по-
стоянно отказывалась отъ подобнаго рода предложеній, но
тамъ, гдѣ дѣло касалось интересовъ брата, вся ея совѣстли-
вость исчезала.

— Дѣдушка знаетъ, что ты здѣсь, Джоржъ, сказала она по-
слѣ первыхъ привѣтствій.

— Тѣмъ хуже, чортъ возьми! И кто тебя просилъ говорить ему?

— Я не допросилась бы у него экипажа, если бы не сказала ему, на что онъ мнѣ понадобился.

— Что за глупое оправданье! Точно ты не могла выдумать какойнибудь предлогъ. Я положительно не желалъ, чтобы онъ пронохалъ о моемъ прїѣздѣ.

— Я, право, Джоржъ, не вижу въ этомъ бѣды.

— Да я-то вижу, и очень большую бѣду. Быть можетъ, это навсегда уничтожить возможность моего примиренія съ нимъ.—Что онъ сказалъ, узнавъ что я здѣсь?

— Онъ не распространялся объ этомъ.

— Ни слова не говорилъ онъ о томъ, чтобы я прїѣхалъ къ нему?

— Ни слова.

— Да я бы и такъ не поѣхалъ. Ужь коли мириться, то мириться такъ, чтобы изъ этого вышелъ какой прокъ, чтобы заставить его измѣнить завѣщаніе въ мою пользу; а для этого понадобится слишкомъ много времени; и все-то имѣнье не стоитъ этихъ хлопотъ. Старикъ онъ до того взбалмошный и безтолковый, что надо грѣха сторониться. Но, Кэтъ, чтожь ты не поздравляешь меня съ предстоящей женитьбой?

— Я уже поздравляла тебя, Джоржъ, въ моемъ послѣднемъ письмѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А я и забылъ. Ну, да особенно-то поздравлять, пожалуй, и не съ чѣмъ.

— Джоржъ!

— Видишь ли, Кэтъ, я не умѣю смотрѣть на вещи съ твоей романтической точки зрѣнія. А полдюжины дѣтей при ограниченныхъ средствахъ, право, не слишкомъ-то завидная перспектива для человѣка, желающаго составить себѣ карьеру.

— Но вѣдь ты же всегда желалъ назвать ее своей женою.

— Ну, этого я что-то не припомню. По этой части ты всегда находилась подъ вліяніемъ какой-то галлюцинаціи; впрочемъ, твое сватовство увѣнчалось успѣхомъ, и ты имѣешь полнѣйшее право торжествовать побѣду.

— Ты знаешь, что я ничего для себя не желаю.

— За то я скажу тебѣ, Кэтъ, чего я для себя желаю. Я желаю достать денегъ.—И онъ прїостановился, какъ бы выжи-

дая отвѣта, но она молчала, и онъ поневолѣ долженъ былъ продолжать:—Я далеко не увѣренъ въ томъ, что не далъ маху, стараясь попасть въ парламентъ; чего добраго, цѣль, которую я помѣтилъ, слишкомъ высока для меня.

— Не говори этого, Джоржъ.

— Этой мысли у меня ничѣмъ не выбьешь. Нечего и говорить тебѣ, что я, съ своей стороны, готовъ пожертвовать всѣмъ, что имѣю; я, кажется, не задумался бы и передъ такимъ дѣломъ, черезъ которое, въ случаѣ неудачи, могъ бы — прогуляться вмѣсто парламента на висѣлицу. Но въ томъ-то и бѣда, что тутъ однихъ моихъ личныхъ жертвъ мало; денегъ у меня больше нѣтъ, а въ шеѣ моей, хоть бы я и охотно поставилъ ее на карту, — проку мало.

— Все мое маленькое состояніе въ твоемъ распоряженіи, — проговорила Кэтъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ. Сколько ни вѣщицалась она, не могла она не предложить брату все что имѣла, хотя угроза дѣда все еще раздавалась въ ея ушахъ и она понимала, что, дѣлая Джоржу подобное предложеніе, она его же губить.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я не возьму твоихъ денегъ.

— Но если бы ты зналъ, какъ охотно я ихъ отдаю тебѣ!

— А взять я ихъ все-таки не могу; я бы себѣ этого никогда не простилъ. Всего твоего состоянія еле-еле хватитъ на покрытіе моихъ расходовъ текущей минуты; къ тому же, я вовсе не желаю пустить тебя по мірѣ. Ну, да словомъ, дѣло это неподходящее и о немъ не стоитъ больше и говорить.

— Чего-жъ ты желаешь? спросила Кэтъ, а сама, между тѣмъ отлично догадывалась, чего онъ хочетъ.

— А вотъ, слушай: когда я женюсь на Алисѣ, за нею, конечно, укрѣпять часть состоянія на случай моей смерти; а такъ какъ старый сквайръ ей такой же дѣтъ, какъ и мнѣ, то я предложу передать ей все наше родовое имѣніе въ пожизненное владѣніе, на тотъ случай, если она переживетъ меня.

— Что же далѣе? проговорила Кэтъ.

— Какъ скоро мы условимся относительно этого, я не вижу, почему мнѣ не взять впередъ часть ея состоянія, которое конечно, при подобнаго рода сдѣлкѣ, перейдетъ послѣ свадьбы въ мои руки.

— Но старикъ можетъ оставить имѣнье кому ему заблагоразсудителъ.

— Онъ ни за что не передастъ его въ чужія руки. Къ тому же, онъ будетъ радъ-радешенекъ предлагаемой мною сдѣлкѣ, ужь имѣ-за того одного, что лишитъ меня такимъ образомъ всякой власти распорядиться имѣньемъ.

— Но сдѣлка эта не можетъ состояться до вашей свадьбы.

— Слушай, Кэтъ: брось ты эту манеру возражать мнѣ; если ты не хочешь мнѣ помочь, то лучше такъ прямо и скажи, и я ворочусь въ Лондонъ.

— Я рада помогать тебѣ всѣмъ, что лежитъ въ моей власти; но не требуй отъ меня, чтобы я поступала противъ моей совѣсти.

— Этакъ-то могъ бы отвѣтить и всякій встрѣчный; что мнѣ въ твоей готовности помочь, коли ты ставишь подобнаго рода оговорки? Скажи-ка мнѣ лучше — согласна ты написать Алисѣ или, и того лучше, сама съѣздить въ Лондонъ и передать ей, что мнѣ нужны ея деньги?

— Какъ же могу я теперь ѣхать въ Лондонъ?

— Могла бы, если бы только захотѣла. Ну, да положимъ, что это ужь слишкомъ большое требованье; за то написать-то ужь, кажется, ничто тебѣ не мѣшаетъ? Тебѣ ловчѣ вести эти переговоры, чѣмъ мнѣ. Объясни Алисѣ, что мнѣ необходимо впередъ заплатить всѣ расходы по выборамъ, что безъ этого мнѣ нечего и думать объ успѣхѣ. Я не ожидалъ, что деньги понадобятся такъ скоро; но народъ этотъ знаетъ, что я человекъ не денежный, а потому очень естественно желаетъ заручиться своей платой, прежде чѣмъ переведетъ дѣло въ мою пользу. Скѣрби уже раза два надували кандидаты по столичнымъ выборамъ, и онъ далъ себѣ зарокъ, что въ третій разъ его не надукоуть.

И онъ замолчалъ, выжидая, что скажетъ Кэтъ.

— Джоржъ! проговорила она съ разстановкой.

— Ну-съ!

— Послушайся меня! Испробуй лучше другой какой нибудь, только не этотъ планъ.

— Другого плана нѣтъ. Ужь вотъ сейчасъ видна женщина: ей говорятъ о единственномъ возможномъ выходѣ, а она его-то и не хочетъ.

— Мнѣ кажется, что тебѣ не слѣдуетъ брать деньги Алисы.

— Милая Кэтъ! предоставь ужь мнѣ, пожалуйста, самому судить о томъ, что мнѣ слѣдуетъ и что не слѣдуетъ дѣлать. Сама Алиса, какъ нельзя лучше, понимаетъ это дѣло. Она знаетъ, что безъ денегъ я не могу занять то положеніе, которое столько же желательно для нея, какъ и для меня, и она предложила мнѣ денежную помощь. Если я прошу тебя сказать ей, что деньги эти понадобились мнѣ именно теперь, то прошу тебя потому, что черезъ тебя мнѣ какъ-то ловчѣе вести эти переговоры. — Или я сильно ошибался до сихъ поръ въ твоемъ умѣ, или ты сразу поймешь, что я хочу сказать.

Кэтъ поняла его какъ нельзя лучше; она видѣла, что брать ея стыдится задуманнаго дѣла и потому хочетъ сдѣлать ее своей посредницей.

— Я бы желала, что быты написала ей безъ отлагательствъ, продолжалъ Джоржъ, ужь если ты не находишь нужнымъ безпокоиться и самой съѣздить въ Лондонъ.

— Не о безпокойствѣ тутъ рѣчь, отвѣчала Кэтъ. Я не подѣнилась бы нѣшкомъ сходить въ Лондонъ, если бы только могла этимъ доставить тебѣ деньги.

— Такъ ты думаешь, что Алиса откажетъ мнѣ въ нихъ?

— Напротивъ, я убѣждена, что она тебѣ дастъ ихъ; но мнѣ кажется, что тебѣ-то не слѣдовало бы брать ихъ у нея. Деньги той дѣвушки, на которой ты задумалъ жениться, должны бы быть для тебя, по моему, священны.

— Ужь какъ я ненавижу всѣ эти романтическія тонкости, проговорилъ Джоржъ, рассказывая по комнатѣ. Если бы ты только съ минуту подумала о томъ, что сказала, то увидѣла бы, что несешь страшную дичь. Мы съ Алисой готовимся стать мужемъ и женою; имущество, общественное положеніе, интересы — все у насъ будетъ общее; а между тѣмъ, къ ней-то, вишь, я и не долженъ обращаться за деньгами, которые мнѣ необходимы, чтобы упрочить какъ себѣ, такъ и ей лучшую будущность. И это, по вашему, называется деликатностью? — по моему, это просто гиль и чепуха.

— Слушай, Джоржъ, что я придумала: я попрошу тетюшку Гринау дать мнѣ взаймы нужную для тебя сумму денегъ.

— Не думаю, чтобы она раскошелилась для меня. Къ тому

же, деньги эти нужны мнѣ сейчасъ а тутъ еще письменные переговоры; всякая же проволочка для меня гибельна. Если ты не хочешь переговорить съ Алисой, то я буду принужденъ обратиться къ ней самъ; такъ скажи же, пожалуйста, хочешь ты или нѣтъ оказать мнѣ эту услугу?

Прежде чѣмъ Кэтъ собралась съ духомъ отвѣчать, кто-то постучался въ дверь и ей подали измятый клочекъ бумаги, только-что принесенный мальчикомъ изъ Вавазора. Записка была отъ ея дѣда и содержала въ себѣ слѣдующія слова:

«Если Джоржъ желаетъ побывать въ замкѣ, то пускай придетъ; если онъ удостоитъ извиниться передо мною, то я охотно приму его».

— Это что за записка? спросилъ Джоржъ.

Кэтъ передала ему записку.

— Ну, это онъ напрасно изволить беспокоиться, замѣтилъ Джоржъ. И что я выиграю тѣмъ, что поѣду къ нему?

— Страшно много выиграешь, отвѣчала Кэтъ. Если ты не воспользуешься настоящимъ случаемъ, то тебѣ никогда не переступить черезъ порогъ этого дома.

— Да, пока онъ не сдѣлается моимъ.

— Но въ томъ-то и бѣда, что онъ никогда не будетъ твоимъ, если ты покажешь старику, что не желаешь съ нимъ мириться; быть можетъ, когда нибудь ты и вступишь въ этотъ домъ, но не ты будешь хозяйпомъ; онъ пойдетъ въ приданое за Алисой. Подумай объ этомъ, Джоржъ! Вѣдь не захочешь же ты всѣмъ быть ей обязанъ.

Джоржъ ходилъ по комнатѣ, бормоча сквозь зубы проклятiя.

— Ты еще не отвѣтила на мой вопросъ, проговорилъ онъ наконецъ. — Положимъ что, я поѣду къ старику; обещаешься ли ты тогда написать Алисѣ?

— Нѣтъ, Джоржъ, я не могу писать Алисѣ о ея деньгахъ.

— Такъ ты не напишешь?

— Это свыше силъ моихъ.

— А, коли такъ Кэтъ, то дѣйствуй себѣ на здоровье съ старикомъ за одно; оно же и выгодно для тебя: коли ловко поведешь дѣло, то, можетъ статья, и уломаешь его оставить наслѣдство тебѣ.

— Я не заслужила этого упрека, твердо проговорила Кэтъ.

Если въ тебѣ осталась хоть капля сердца или совѣсти, ты и самъ долженъ это почувствовать.

— Ну, нельзя сказать, чтобы я страдалъ отъ избытка того или другого; да оно и лучше въ моемъ положеніи.

— Возьми, Джоржъ, мои деньги.

— Ни за что. Хоть совѣсти у меня вообще и не много, но все же малая толика ея уцѣлѣла и во мнѣ.

— Позволь мнѣ написать тетужкѣ Гринау.

— Пиши, я ничего не имѣю противъ этого, но только врядъ ли что изъ этого выйдетъ.

— Какъ бы то ни было, я напишу ей. А теперь отвѣчай мнѣ, ѣдешь ты въ Вавазоръ или нѣтъ?

— Просить прощенья у этого полоумнаго старика? Слуга покорный. Я вовсе не въ такомъ расположеніи духа, и мой прїѣздъ раздражитъ его только еще больше. Скажи ему, что мнѣ необходимо было возвратиться въ Лондонъ по спѣшнымъ дѣламъ.

— А жаль, очень жаль!

— Чтожъ дѣлать, помочь я тебѣ не могу.

— Но подумай, вѣдь это можетъ имѣть вліяніе на всю твою будущность, настаивала Кэтъ.

— Слушай, Кэтъ, проговорилъ Джоржъ: я поѣду въ Вавазаръ и терпѣливо подвергнусь нахальству старика, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты взяла на себя переговоры по моему дѣлу съ Алисой.

Кэтъ начинала сдаваться; она чувствовала, что все на свѣтѣ готова сдѣлать, лишь бы помирить брата съ дѣдомъ.

— Но ты позволишь мнѣ попытать прежде счастья у тетужки Гринау? проговорила она. Вѣдь на это понадобится всего какихъ нибудь два, много три дня.

На это Джоржъ согласился съ такимъ видомъ, какъ-будто дѣлалъ сестрѣ невѣсть какую уступку; Кэтъ, съ своей стороны, обѣщавшись, скрѣпя сердце, въ случаѣ отказа отъ тетужки Гринау, обратиться за деньгами къ Алисѣ. Затѣмъ Джоржъ милостиво отправился къ себѣ въ спальню укладывать свои вещи и собираться въ замокъ.

Дорогою братъ и сестра молчали вплоть до воротъ замка.

— Вы ли это, мистеръ Джоржъ? проговорила старая привратни-

ца, вышедшая отпереть имъ ворота. Сколько лѣтъ, сколько зимъ мы васъ не видали?

Въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ и съ тою же искренностью привѣтствовалъ Джоржа и хозяинъ гостиницы. Джоржъ никогда не умѣлъ снискать общее расположеніе въ этомъ околodкѣ, но все же не даромъ онъ былъ наслѣдникъ Вавазорскаго замка!

— Миѣ кажется, тебѣ лучше отправиться въ гостиную, проговорила Кэтъ; а я между тѣмъ схожу къ дѣду. Только вотъ жаль, что въ гостиной каминъ не топится.

— Дѣлай какъ знаешь; только, пожалуйста, не морозь меня слишкомъ долго. Господи, что за домъ! На дворѣ январь мѣсяцъ, а комнаты стоятъ нетопленныя.

— Да не забудь, Джоржъ, когда увидишь его, выразить ему твое сожалѣніе о томъ, что произошло между вами. Ужъ разъ ты пріѣхалъ сюда, — не надо доводить дѣло до ссоры.

— А между тѣмъ безъ ссоры врядъ ли дѣло обойдется, проговорилъ Джоржъ. Только бы вотъ онъ миѣ въ лошади не отказалъ доѣхать до Шэпа, если мы съ нимъ переругаемся. А вотъ онъ и самъ стоитъ на крыльцѣ, такъ что миѣ не зачѣмъ идти въ нетопленную комнату.

Когда телѣжка остановилась у подъѣзда, старикъ протянулъ руку Кэтъ и помогъ ей выйти изъ экипажа, а самъ, между тѣмъ, не сводилъ глазъ съ Джоржа.

— И такъ, ты воротился подъ родной кровъ, обратился онъ къ нему.

— Да, сэръ, точь въ точь какъ блудный сынъ въ притчѣ.

— Но блудный сынъ воротился съ раскаяньемъ въ сердцѣ; надѣюсь, что и ты раскаяваешься.

— Какъ же, какъ же, сэръ; отъ души жалѣю объ этихъ прошлыхъ недоразумѣніяхъ и т. д.

— Вылѣзай, сердито кривнулъ старый сквайръ. Захотѣлъ я отъ кого дождаться путнаго слова! Скорѣе жемчугу отъ свиньи дождешься.

Джоржъ послѣдовалъ за нимъ въ домъ и только пожалъ плечами, когда глаза его встрѣтились съ глазами сестры. Такъ состоялось примиреніе стараго сквайра съ его наслѣдникомъ.

ГЛАВА XXXVI.

ХЛѢБЪ-СОЛЬ МИСТЕРА ЧИЗСАКЕРА.

По мѣрѣ того, какъ проходила зима, возрастало нетерпѣніе мистера Чизсакера привести къ желанной развязкѣ отношенія, связывавшія его съ интересной вдовушкой. Два опасенія не давали ему покоя: онъ боялся, что мистриссъ Гринау отдатся себя и свои денежки въ распоряженіе этого прощальги, Бельфильда; и боялся, съ другой стороны, что она растратитъ свое состояніе такъ, что если кладъ въ одно прекрасное Утро и достанется ему, Чизсакеру, то достанется значительно поурѣзанный въ своей цѣнности. — Чортъ возьми! да она никакъ свой собственный экипажъ завела, проворчалъ онъ, повстрѣчавшись, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Норвичъ, съ мистриссъ Гринау, прокатившей мимо его въ красивомъ кабріолетѣ, вовсе непоходившемъ на извозничій.

Не беремся судить, на сколько мистеръ Чизсакеръ былъ правъ въ первомъ своемъ опасеніи; но второе положительно не имѣло никакого основанія. Мистрисъ Гринау могла потягаться съ любой дамой въ цѣлой Англій въ умѣнны распоряжаться своими деньгами. Кабріолетъ, надѣлавшій мистеру Чизсакеру столько тревогъ, былъ просто наемнымъ и брался не помѣсячно.

Но страшнѣе кабріолета былъ для мистера Чизсакера капитанъ Бельфильдъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что капитанъ придерживался того правила, что на войнѣ да въ любви всякія хитрости позволены, иначе мы не можемъ вообразить, какъ только стало! у него безстыдства на тѣ чудовищныя выдумки, которыми онъ угощалъ мистера Чизсакера на каждомъ шагу. Да не подумаетъ читатель, что мистеръ Чизсакеръ вѣрилъ ему хоть на грошъ; онъ очень хорошо зналъ, что Бельфильду ни въ чемъ нельзя вѣрить, что онъ вотъ уже цѣлыхъ дѣсять лѣтъ только лганьемъ и промышляетъ; но бываетъ же такъ, что люди, извѣстные цѣлому свѣту за отъявленныхъ лжецовъ, успѣваютъ, при всѣмъ томъ, надувать другихъ. Мистеръ Чизсакеръ не выходилъ изъ самыхъ мучительныхъ сомнѣній во все время, какъ капитанъ Бельфильдъ про-

живалъ въ Нирвелѣ. Онъ не жалѣлъ денегъ на подкупъ Жанеты; даже миссъ Чарли Ферстеръ была у него на откупъ и онъ щедро награждалъ ее перчатками и цыплятами изъ Ойлинда, въ надеждѣ получить такимъ образомъ обстоятельнѣйшія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ злого коршуна, вившагося надъ его голубкой. Мало того, онъ подкупилъ самаго капитана, обязуя его въ оплату за кое-какія денежные ссуды прекращеніемъ наступательныхъ дѣйствій противъ голубки. Онъ покусился даже было подкупить вдовушку и въ одно прекрасное утро, склонивъ передъ нею колѣна, поднесъ ей брошку, величиною съ нагрудникъ, при чемъ позволилъ себѣ предостеречь ее противъ хищническихъ покушеній злого коршуна.

Но вдовушка отвела рукою брошку — нагрудникъ и объявила, что послѣдній предметъ, сработанный для нея золотыхъ дѣлъ мастеромъ, — это кольцо съ прядью сѣдыхъ волосъ, которое она носитъ на память о бѣдномъ Гринау, и что она навѣки отреклась отъ всякихъ другихъ украшеній. Что же касается капитана, продолжала она, то напрасно мистеръ Чизсакеръ беспокоится — она совершенно равнодушно къ этому чело-вѣку. Впрочемъ это не должно падавать и мистеру Чизсакеру какія либо надежды, потому что сердце ея погребено подъ сырой землею. — Предосадное то было положеніе! А при всемъ томъ, въ самомъ процессѣ ухаживанья за мистрисъ Гринау заключалось своего рода удовольствіе, долженствовавшее мирить ея поклонниковъ съ неудачностью результата. Ну, съ какою дамою можно какъ ни въ чемъ не бывало усѣсться къ чайному столу, предварительно простоявъ передъ ней чуть не пол-утра на колѣняхъ? А съ мистрисъ Гринау это дѣлалось очень просто. Выслушавъ самыя страшныя увѣренія въ любви, она возвращалась къ своей роли хозяйки съ такою скромностью и радушіемъ, что у огорченныхъ поклонниковъ разомъ отлегалось отъ сердца. А тамъ, на прощанье она допускала долгое, долгое пожатіе руки, приговаривая только для формъ: ну, будетъ, будетъ! перестаньте. Уходя отъ нея мистеръ Чизсакеръ обыкновенно клялся и божился, что она на слѣдующій же базарный день будетъ его, но увь! пріѣзжая въ слѣдующій понедѣльникъ въ городъ, онъ узнавалъ, что наканунѣ капитанъ Бельфордъ цѣлый вечеръ просидѣлъ у чародѣйки, и еще онъ, Чизсакеръ нарочно ссудилъ этого поддеца пятью

фунтами, чтобы дать ему возможность провести это воскресенье въ обществѣ нѣсколькихъ офицеровъ изъ Соффольскаго отряда волонтеровъ.

Доведенный, наконецъ, до отчаяннѣя, онъ рѣшился пригласить Бельфильда на мѣсяць къ себѣ, въ Ойлимидъ. Денежныя обстоятельства капитана были плохи, и онъ охотно принялъ приглашеніе.—Мы съ вами поохотимся, позаймемся стрѣльбою въ цѣль, сказала ему мистеръ Чизсакеръ, только я, знаете ли, не желалъ бы, чтобы вы куда нибудь безъ меня отправлялись.—Бельфильдъ согласился. Каждый изъ соперниковъ смекать про себя, въ чемъ состоитъ главная суть условія; но все же, сдается мнѣ, прозорливѣйшимъ изъ двухъ оказался капитанъ Бельфильдъ. Онъ понялъ, что его ищутъ удалить отъ вдовушки, а впрочемъ онъ сообразилъ, что то же разстояніе будетъ отдѣлять отъ нея самого радушнаго амфитріона. Милѣе въ двухъ отъ Ойлимиды находилась станція желѣзной дороги, а оттуда до Норвича было всего какихъ нибудь полчаса пути. Весьма вѣроятно было, что мистеръ Чизсакеръ будетъ коситься на отлучки своего гостя, но все же воспрепятствовать этимъ отлучкамъ онъ не могъ.

— Такъ вотъ какъ! вы отправляетесь въ Ойлимидъ! проговорила мистрисъ Гринау, когда капитанъ Бельфильдъ пришелъ съ ней проститься. При этомъ свиданіи присутствовала Чарли Ферстерсъ, такъ что капитанъ не могъ извлечь изъ него для себя всей той пользы, которую бы желалъ. По чести, продолжала вдова, такая трогательная дружба, какъ ваша съ мистеромъ Чизсакеромъ, на рѣдкость.

— Эти мужчины ужъ всѣ такіе охотники палить у холостяковъ, замѣтила Чарли Ферстерсъ, жизнь которой сглагалась до сихъ поръ далеко не такъ удачно, какъ бы она желала.

— Ну, что до этого касается, отвѣчалъ Бельфильдъ, то я отъ души желаю этому добряку Чизи поскорѣе обзавестись женою. Онъ безъ жены совсѣмъ пропадетъ: шутка ли! хозяйство завелъ самое отлѣнное, и все-то это осталось въ тунѣ. Вотъ, что бы вамъ, миссъ Ферстерсъ, въпречь его въ супружеское ярмо?

— Фермера-то! благодарю покорно! проговорила Чарли, которая имѣла свои причины не желать, чтобы добрая ея

повровительница, мистрисъ Гринау вышла за мужъ за мистера Чизсакера, и потому всячески старалась умалить его достоинства въ ея глазахъ.

— Передайте ему отъ меня дружескій поклонъ, проговорила мистрисъ Гринау, которой не понравилось непрошенное вмѣшательство.

— Да вотъ что, капитанъ Бельфильдъ, 'что бы вамъ съ мистеромъ Чизсакеромъ отобѣдать у меня въ воскресенье?

Капитанъ объявилъ, что съ своей стороны сочтегъ за величайшее счастье явиться на приглашеніе.

— И Чарли тоже прїѣдетъ попытать счастья съ мистеромъ Чизсакеромъ, продолжала вдова, благосклонно поглядывая на капитана.

— Я прїѣду съ большимъ удовольствіемъ, но только отнюдь не для этого, отвѣчала Чарли. Мать Чарли была дочь мелкопомѣстнаго сквайра, сдававшего свою землю на аренду, а потому не удивительно, что она относилась свысока къ какому нибудь фермеру.

Уговорившись на счетъ воскресенья, капитанъ Бельфильдъ отправился въ Ойлимидъ. Порядки этого дома были ему коротко знакомы и потому онъ нисколько не удивился, что вплоть до сумерокъ никто объ немъ и не освѣдомился.

Не удивило его и то обстоятельство, что вмѣсто одной изъ нарядныхъ спаленъ, съ мебелью краснаго дерева, ему отвели для ночлега дрянную комнату безъ камина, выходившую окнами на задній дворъ; капитану не впервые было нести послѣдствія своей бѣдности и онъ помирился бы съ этими неудобствами, если бы ихъ прошли молчапьемъ; но мистеръ Чизсакеръ будто на смѣхъ, вздумалъ извиняться.

— Ужь вы, дружище, не взыщите, обратился онъ къ своему гостю,— оно, конечно, парадныя спальни все равно стоятъ пустыя, да ужъ очень, знаете ли, хлопотливо вынимать бѣлье, да развѣшивать занавѣски; а вамъ и въ этой коморкѣ будетъ хорошо.

— Отлично, чего же лучше, отвѣчалъ капитанъ довольно угрюмо.

— И точно, чего же лучше? Эта комната самая теплая въ цѣломъ дому, если хотите. Мистеръ Чизсакеръ не объяснилъ

почему эта комната была самая теплая въ цѣломъ дому. Должно полагать, что согрѣвалась она близостью конюшенъ.

За обѣдомъ нельзя сказать, чтобы оба пріятеля сошлись въ наилучшемъ расположеніи духа. Послѣ обѣда подали трубки и пуншъ. Бельфильдъ предпочелъ бы, конечно, сигары, но мистеръ Чизсакеръ находилъ что расходоваться для такой голи, какъ Бельфильдъ—ужь слишкомъ много будетъ чести. Впрочемъ пуншъ если и не улучшилъ расположеніе духа собесѣдниковъ, то, по крайней мѣрѣ, развязалъ ихъ языки. Капитанъ передалъ мистеру Чизсакеру приглашеніе мистрисъ Гринау. Сначала онъ погрузился было въ раздумье, ужь не лучше ли ему позабыть объ этомъ порученіи; но потомъ сообразилъ, что мистеръ Чизсакеръ для него не опасенъ и рѣшился исполнить порученіе.—Вы понимаете, надо же мнѣ было завернуть къ ней на минутку передъ отъѣздомъ, добавилъ онъ въ видѣ извиненія.

— Ну, необходимости-то я особенной и не вижу, замѣтилъ мистеръ Чизсакеръ.

— Эхъ, дружище, забрали же вы себѣ въ голову эту глупую ревность. Еслибы я не соблюлъ въ отношеніи ея простой вѣжливости, какъ вамъ бы того, кажется, хотѣлось, то я подаль бы поводъ къ различнымъ догадкамъ.

— Съ чего вы взяли, что я ревную? Человѣку съ такими землями и угодыми, какъ мои, не приходится ревновать.

— Не знаю, какое тутъ значеніе могутъ имѣть ваши земли и угоды, ну, да объ этомъ мы, пожалуй, и не будемъ спорить.

— Земли и угоды въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ не пустыя. Ужь если человѣкъ задумалъ жениться, то надо, чтобы у него хозяйство было въ порядкѣ. Пожалуй есть и такіе молодцы, которые не прочь пожить на женины денежки, но ужь это, по моему, послѣднее дѣло; я бы, кажется, скорѣе согласился землю копать. Такія рѣчи проняли бы кого хотите; проняли онѣ даже капитана Бельфильда; но, дѣлать нечего, онъ проглотилъ обиду, утѣшая себя надеждою на скорую расплату.

— На васъ не угодишь, проговорилъ онъ. Ну, да какъ бы тамъ ни было, я былъ у нея и она просила меня передать вамъ это приглашеніе. Что жъ? Ѣдемъ мы или нѣтъ?

Мистеръ Чизсакеръ отвѣчалъ не вдругъ, онъ, видимо, соображалъ что-то въ своей головѣ.

— Слушайте-ка, Бельфильдъ, заговорилъ онъ наконецъ, вѣдь вамъ нѣтъ рѣшительно никакого интереса быть у нея. и если вы не обидитесь, я поѣду одинъ. Мистрисъ Джонсъ изготovitъ вамъ къ обѣду, что вы ей тамъ сами закажете, а я угощу васъ, въ придачу, бутылкою стараго портвейна.

— Ну нѣтъ, пріятель, отвѣчалъ капитанъ, этимъ меня не поддѣнешь, она звала меня къ обѣду и я намѣренъ ѣхать. Я вовсе не желаю дѣлать видъ, что боюсь ея или васъ.

— И это ваше послѣднее слово?

— Послѣднее, отвѣчалъ капитанъ Бельфильдъ съ рѣшительнымъ видомъ.

— А знаете ли что, продолжалъ мистеръ Чизакеръ, пора бы вамъ отдать мнѣ хоть часть тѣхъ денегъ, которыя вы у меня занимали.

— А вотъ, погодите женюсь на вдовушкѣ, тогда заплачу вамъ все сполна, ха, ха, ха!

Первымъ движеніемъ мистера Чизакера было сказать этому человѣку, чтобы онъ убирался изъ его дома; но подумавъ, онъ сообразилъ, что вѣдь тогда капитанъ Бельфильдъ прямымъ путемъ отправится въ Норвичъ гдѣ ему раздолье ухаживать за вдовушкой. — Ну, да вѣдь она тоже, небось, не дура, проговорилъ онъ наконецъ.

— А вотъ потому-то я и не вижу причины не ѣхать мнѣ къ ней въ воскресенье.

— Причина вамъ не ѣхать та, что вы мнѣ мѣшаете. Дернулъ меня чортъ рассказывать вамъ всѣ мои планы; я принималъ васъ за друга, да и на то полагался, что много я вамъ денегъ переплатилъ, чтобы пріобрѣсти въ васъ сообщника; а вы вмѣсто того, только и наровите, какъ бы подставить мнѣ ногу; жаль только, что вамъ не удастся.

— И что вы за дуракъ, посмотрю я на васъ, проговорилъ капитанъ Бельфильдъ послѣ небольшой паузы. Выслушайте-ка, что я вамъ скажу: вѣдь эта выдра, Чарли Ферстерсъ, непременно будетъ тамъ.

— Вы почѣмъ знаете?

— Да ужъ знаю. Небось при мнѣ ее приглашали. И я самъ своими ушами слышалъ, какъ она сказала, что и не подумаетъ ловить такого жеѣиха какъ вы, потому что вы фермеръ.

— Въ самомъ дѣлѣ! вишь какая добренькая, проговорилъ

мистеръ Чизакеръ, краснѣя отъ злости. Да знаетъ ли она, что самъ-то я побрезгалъ бы дотронуться до такого влада какъ она; она и прикациву-то моему не годится въ жены, не только что мнѣ.

— Ну, да какъ бы то не было, надо же, чтобы кто-нибудь занялся ею въ воскресенье, если вы хотите чтобы ваше дѣло со вдовушкой пошло на ладъ.

— И съ какой стати приглашаетъ она къ себѣ эту дрянь!

— Нужно же ей имѣть кого-нибудь около себя для компаніи. Когда вы женитесь на ней, тогда отъ Чарли вамъ легко будетъ отдѣлаться.

— Отдѣлаться! Да я просто не пушу её черезъ порогъ моего дома. Я ее съ поконъ вѣку терпѣть не могъ.

— А все же вамъ предстоитъ отобѣдать въ ея обществѣ, замѣтилъ капитанъ Бельфильдъ; я же того мнѣнія, что въ подобныхъ случаяхъ четыре собесѣдника куда лучше трехъ.

Съ этимъ мистеръ Чизакеръ принужденъ былъ нехотя согласиться. Вслѣдъ за тѣмъ мистрисъ Гринау получила отъ обоихъ пріятелей по запискѣ, въ которой они увѣдомляли ее что будутъ. Мистеръ Чизакеръ писалъ въ единственномъ числѣ, игнорируя капитана, какъ онъ игнорировалъ бы своего лакея, если бы намѣревался взять его съ собою. Капитанъ удостоился выразиться во множественномъ числѣ.

— Для насъ этотъ день будетъ настоящимъ праздникомъ, писалъ онъ. Добрякъ Чизи съ радости послѣдній умъ потерялъ и уже принялся отчищать свою особу отъ принадлежностей скотнаго двора.

— Отъ принадлежностей скотнаго двора! повторила мистрисъ Гринау, прочитавъ эти строки. Не мѣшало бы капитану Бельфильду самому имѣть побольше того добра, которое наживается скотными дворами.

ГЛАВА XXXVII.

Мистрисъ Гринау даетъ друзьямъ невольшой овъдь.

Какимъ, какимъ хитростямъ не надоумитъ любовь! Когда настало утро торжественнаго дня, мистеръ Чизакеръ потихоньку, стащилъ во дворъ чемоданъ, набитый всевозможными туа-

летними принадлежностями; чего, чего тутъ не было: и мозговая помада для волосъ, и рубашка съ необыкновеннымъ шитьемъ на груди и лакированные сапоги, словомъ полный приборъ. Но увы! Напрасно думалъ мистеръ Чизсакеръ скрыть эти приготовленія отъ Бельфильда, въ надеждѣ, что капитанъ не дагадается запастись съ своей стороны переѣмнымъ платьемъ. Слыханное ли дѣло, чтобы такой хватъ — капитанъ упустилъ изъ виду, что либо касавшееся его внѣшности? Возвращаясь домой черезъ кухню Чизсакеръ наткнулся на порогъ на другой чемоданъ, по видимому столь же плотно набитый, какъ и его собственный.

— На какого чорта упаковали вы все это добро? спросилъ онъ капитана.

— Да на такого же, на какого вы положили свой чемоданъ на задокъ телѣжки, какъ я видѣлъ изъ окна моей комнаты, отвѣчалъ Бельфильдъ.

— Проклятое окно! воскликнулъ мистеръ Чизсакеръ. За тѣмъ оба пріятеля сѣли завтракать. — И кто васъ проситъ такъ бромсать ветчину, заговорилъ мистеръ Чизсакеръ. Не бось, не ваше добро, такъ за чѣмъ его беречь? — Это ужъ было изъ рукъ вонъ грубо; даже Бельфильду ветчина стала послѣ подобной выходки поперегъ горла и онъ принялся за лица. — Если вы не хотите ветчины, то за чѣмъ же было ее бромсать? продолжалъ мистеръ Чизсакеръ.

— Однако, Чизсакеръ, вы заходите слишкомъ далеко, проговорилъ капитанъ чуть не на взрыдъ.

— Это еще что такое?

— Не видалъ я что ли вашей ветчины?

— Да какъ видно не видали, не то не стали бы ее такъ рѣзать.

— Нѣтъ, Богъ съ вами, не нужно мнѣ вашей хлѣба-соли. Развѣ такъ порядочные люди поступаютъ? Зазвать человѣка въ домъ, а тамъ наговорить ему чортъ знаетъ чего. Нѣтъ, мистеръ Чизсакеръ, я не привыкъ къ подобнаго рода обращенію.

— Та, та, та.

— Вамъ хорошо говорить: та, та, та; а я желаю, чтобы со мною обращались какъ съ джентльменомъ. Мы съ вами давнишніе знакомые и въ уваженіе этого я многое спускалъ вамъ, чего не сталъ бы спускать другому. Но всемо есть мѣра...

— Скажите, пожалуйста, Бельфильдъ, можете ли вы заплатить мнѣ мой долгъ? перебилъ его мистеръ Чизсакеръ, пристально глядя ему въ глаза.

— Нѣтъ, не могу, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту.

— А коли такъ, то завтракайте себѣ, да молчите.

Послѣ этихъ словъ капитанъ дѣйствительно замолчалъ и принялся уплетать завтракъ, обходя, впрочемъ, ветчину; въ душѣ онъ давалъ себѣ торжественныя обѣты мщенія. Впрочемъ вслѣдствіе этого разговора поѣздка въ Норвичъ состоялась гораздо миролюбивѣе, чѣмъ можно было ожидать. Чизсакеръ сознавалъ, что онъ уже немного пересолил и потому, садясь въ телѣжку, предложилъ своему спутнику сигару; капитанъ не отказавшись и выкурилъ трубку мира.

— А теперь намъ надо условиться, проговорилъ мистеръ Чизсакеръ, въѣзжая во дворъ гостиницы: гдѣ вы думаете провести утро?

— Да думаю провѣдать кое-кого изъ своихъ офицеровъ.

— Ладно. Такъ смотрите же, Бельфильдъ, уговоръ лучше денегъ; вы отнюдь не явитесь къ ней раньше четырехъ часовъ—

— Раньше четырехъ часовъ ни за что не явлюсь.

— То-то же, смотрите. Если вы обманете меня, то я не возьму васъ съ собою назадъ въ Ойлимидъ.

Но на этотъ разъ у капитана и въ мысляхъ не было обмануть своего пріятеля. Капитанъ Бельфильдъ зналъ по опыту, что самый ранній гость не всегда бываетъ самымъ желаннымъ въ дамскомъ обществѣ. И такъ, соборные часы давно уже пробили четыре, когда Бельфильдъ вошелъ въ гостиную мистрисъ Гринау; тамъ онъ засталъ мистера Чизсакера, разодѣтаго и распомаженнаго.

— Вы еще не видали ее? спросилъ капитанъ почти шопотомъ.

— Нѣтъ, угрюмо отвѣчалъ Чизсакеръ.

— И Чарли Ферстерсъ не видали?

— Не видалъ, не видалъ.

Въ эту минуту въ комнату вошла мистрисъ Гринау въ сопровожденіи своей гостьи.

— Вотъ это мило, джентльмены, что вы такъ аккуратно явились въ назначенный часъ, заговорила она. Такой аккуратности я никакъ и не ожидала отъ васъ, особенно въ базарный день.

— Что мнѣ до базара, когда я собирался къ вамъ, отвѣчалъ мистеръ Чизакеръ. Что же касается до капитана Бельфильда, то онъ просто обратился съ какимъ-то комплиментомъ къ Чарли, предпочитая держаться выжидательной политики.

Пышно красовалась вдова въ своемъ траураомъ нарядѣ. Строго соблюдая букву законовъ, установленныхъ высокопочтенными авторитетами, относительно внѣшнихъ проявленій вдовей скорби, она умѣла чрезвычайно ловко обойти духъ этихъ законовъ. Траурный чепецъ кокетливо сидѣлъ на ея головѣ и выказывалъ ровно столько волосъ, сколько было нужно для приданія ея физиономіи маложавости. Мистеръ Чизакеръ порицалъ ее къ душѣ за деньги, которыя она тратила на экипажъ; но едва ли не дороже кабриолета обходился ей креплъ, который на ней никогда не рыжѣлъ и не мялся. Буквою закона не воспрещалось ношеніе кринолина, а потому вдоль одежда раскидывалась пышными складками вокругъ ея стана. Траурная косынка была заколота подъ самое горло и плотно облегла грудь; но Жанета, припиливавшая ее, знала свое дѣло, да и госпожа Жанеты была себѣ на умѣ.

Мистрисъ Гринау продолжала оплакивать покойнаго мужа, точно потеряла его только вчера, но она какъ-то запомнила число и утверждала, что несчастье постигло ее годъ и три мѣсяца тому назадъ, тогда какъ всѣмъ было извѣстно, со дня кончины мистера Гринау не прошло и девяти мѣсяцевъ. Какъ бы то ни было, никто изъ близкихъ, или не домашнихъ ей лицъ не считалъ нужнымъ освѣжить ея память, и Чарли Ферстерсъ, не краснѣя, утверждала съ ея голоса, что мистеръ Гринау умеръ годъ и три мѣсяца тому назадъ.

— Вы находите, что у меня цвѣтущій видъ! отвѣчала мистрисъ Гринау на одинъ изъ комплиментовъ мистера Чизакера. Да, на здоровье я, слава Богу, не могу пожаловаться; но еслибы вы схоронили любимую жену всего какихъ-нибудь полтора года тому назадъ, то вы поняли бы, почему я такъ равнодушно смотрю на всѣ эти вещи.

— Я никогда и женатъ еще не былъ, отвѣчалъ мистеръ Чизакеръ.

— Потому-то вы и не можете понимать меня; вамъ все улыбается въ жизни. Будь я на вашемъ мѣстѣ, мистеръ

Чизсакеръ, я ни за что бы не рѣшилась на этотъ рискованный шагъ.

За кратковременное счастье приходится платиться слишкомъ большими страданіями. — И она привела въ дѣйствіе носовой платокъ.

— А все же я намѣревался попытать счастья, нѣжно проговорилъ мистеръ Чизсакеръ.

— Желаю вамъ счастья въ вашей попыткѣ, мистеръ Чизсакеръ, дай Богъ, чтобы смерть не слишкомъ рано похитила ее у васъ. Обѣдъ готовъ, Жанета?—хорошо. Мистеръ Чизсакеръ, потрудитесь подать руку миссъ Ферстерсъ.

Капитану Бельфильду, какъ человѣку военному, досталась честь вести хозяйку дома къ столу. Но Чизсакеръ смотрѣлъ на это дѣло съ нѣскольکو иной точки зрѣнія. Онъ никакъ не могъ забыть, что капитанъ жилъ за послѣднее время на его счетъ, пріѣхалъ въ Норвичъ по его же милости и задолжалъ ему порядочную сумму.—Я за все расплачиваюсь чисто ганомъ, ужъ это одно, казалось бы, должно было дать мнѣ преимущество надъ такимъ оборванцемъ капитанишкой; да еще и капитанъ ли онъ? Мнѣ что-то сильно сдается, что нѣтъ.—Съ этими сѣтованьями обротился онъ въ тотъ же вечеръ къ миссъ Чарли Ферстерсъ. — Военному чину всюду оказывается почетъ, отвѣчала миссъ Ферстерсъ; ужъ очень обидно ей показалось, что мистеръ Чизсакеръ ей же самой жалуется на то, что принужденъ былъ вести ее къ столу.— Вотъ еслибы вы были судьей, мистеръ Чизсакеръ, то и у васъ было бы совсѣмъ другое общественное положеніе. — Чарли Ферстерсъ знала, что мистеръ Чизсакеръ сильно хлопоталъ попасть въ мировые судьи, но не успѣлъ въ этомъ.

— Ахъ ты мерзкая ободранная кошка! подумалъ про себя мистеръ Чизсакеръ и отвернулся отъ своей собесѣдницы.

Между тѣмъ мистрисъ Гринау не положила охулки на свое хлѣбосольство. Обѣдъ былъ какъ разъ такой, какимъ и долженъ быть дружескій обѣдъ за просто. Жанета ловко подавала кушанья и все шло какъ нельзя болѣе удачно.

Скорбь, удручавшая мистрисъ Гринау, не портила ее аппетита и она сдумѣла подавить на время свои личныя печали такъ, что онѣ не мѣшали ей исполнять обязанности гостеприимной хозяйки. Она умѣла такъ безпристрастно распредѣ-

лять свои улыбки между обоими соперниками, что даже Жанета не могла подмѣтить, къ которому изъ нихъ оно относится благосклоннѣе; она болтала сама, вызывала на болтовню другихъ, такъ что наконецъ мистеръ Чизакеръ просіялъ не смотря на свою ревность.

— Теперь, проговорила она, вставая изъ за стола, мы съ вами, Чарли, предоставимъ этихъ джептъменовъ на полчасака самимъ себѣ; а тамъ, милости просимъ къ намъ на верхъ.

— Съ насъ и десяти минутъ будетъ довольно, отвѣчалъ мистеръ Чизакеръ, желавшій выгадать какъ можно больше времени.

— Нѣтъ ужъ, я сказала полчаса, ни больше, ни меньше, осадила его мистрисъ Гринау съ легкимъ оттѣнкомъ повелительности въ голосѣ.

Бельфильдъ проводилъ дамъ до дверей и получилъ въ награду отъ вдовушки прощальный взглядъ. Чизакеръ подмѣтилъ этотъ взглядъ и счелъ нужнымъ обидѣться.—Знаете ли что, Бельфильдъ, заговорилъ онъ, угрюмо грѣясь у камина, я не хочу, чтобы вы таскались сюда, пока это дѣло окончательно не рѣшится.

— Про какое это вы дѣло говорите? спросилъ Бельфильдъ, наливая себѣ вина.

— Вы очень хорошо знаете про какое.

— Да ужъ больно долго вы съ нимъ возитесь что-то.

— Совсѣмъ нѣтъ; этокое дѣло никакъ нельзя скоро обдѣлать. Со смерти того, перваго-то, прошло только девять мѣсяцевъ и ужъ я многое успѣлъ обработать.

— Да я-то чѣмъ вамъ помѣха?

— А тѣмъ, что вы разстроиваете меня и ее разстроиваете. Вы думаете, я не вижу, что вы все это дѣлаете нарочно? Слушайте-ка что я вамъ предложу: если вы согласитесь уѣхать изъ Норвича на одинъ мѣсяць, я обещаюсь дать вамъ займы двѣсти фунтовъ въ тотъ день, когда она сдѣлается моею женою.

— Куда же это вы мнѣ прикажете уѣхать?

— Да, пріѣзжайте жить въ Ойлимидъ, если хотите; но съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы вы дѣйствительно жили тамъ и не таскались то и дѣло сюда.

— А вы будете попрекратъ меня тѣмъ, что я будто кром-

саю ветчину, потому что она не моя? Слуга покорный! Эхъ, Чизсакеръ! сказать вамъ что ли откровенно мою мысль?

— Что вы хотите сказать?

— А то, что женщина эта и въ мысляхъ не имѣеть идти за васъ за мужъ. Выкиньте-ка эту затѣю изъ головы и не тратьте по пустому денегъ на шитыя рубашки, да на лакированные сапоги. Дѣло, видите-ли, въ томъ, Чизсакеръ, что отъ васъ подѣ часъ разить скотнымъ дворомъ, да и слишкомъ ужъ вы начали говорить про свои деньги, а мистрисъ Гринау такихъ не любить. Еще вы могли бы надѣяться на успѣхъ, еслибы взяли примѣръ съ меня и откровенно говорили ей про ея денешки, но теперъ ваши дѣло въ конецъ проиграно.

И говоря это Бельфильдъ какъ ни въ чемъ не бывало попивалъ вино и казался въ высшей степени доволенъ самимъ собою. Чизсакеръ былъ такъ изумленъ, слушая такия рѣчи отъ человѣка, котораго онъ поилъ и кормилъ изъ милости, что у него не хватало голоса и словъ, чтобы ему отвѣчать.

— Такъ-то, милѣйшій вы мой Чизи, продолжалъ капитанъ, я высказалъ вамъ свою мысль безъ утаекъ и вы, право, хорошо сдѣлаете, если послушаете моего совѣта. Она и не думаетъ идти за васъ за мужъ; по всѣмъ вѣроятіямъ, она выдетъ за меня, но, если бы даже и не такъ, то за васъ-то она ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ.

— Скажите, сэръ, намѣрены вы отдать мнѣ мой долгъ? вымолвилъ наконецъ, мистеръ Чизсакеръ, не находя другаго болѣе дѣйствительнаго способа задѣть своего противника.

— Какъ же намѣренъ, непременно.

— Но когда, позвольте спросить?

— Когда я женюсь на мистрисъ Гринау; а потому я и рассчитывалъ на ваше содѣйствіе въ этомъ предпріятіи. Выпьемъ-ка за ея здоровье. Вы всегда будете у насъ самымъ дорогимъ гостемъ, Чизи, и мы не будемъ дѣлать вамъ замѣчаній, если вы какъ нибудь случайно искромсаете ветчину.

— Вы мнѣ за все это заплатите, сэръ, проговорилъ мистеръ Чизсакеръ, задыхаясь.

— Ну да, дружище, конечно заплачу вдовушкиными деньгами. Однако полчаса уже прошло, намъ пора къ дамамъ.

— Я выведу васъ на свѣжую воду.

— Ну, полноте, за что такая немилость.

— Не удостоете ли вы мнѣ сказать, капитанъ Бельфильдъ, гдѣ вы намѣрены провести сегодняшнюю ночь?

— Знаю одно только, что я проведу ее въ Ойлимидѣ не иначе, какъ если вы мнѣ обѣщаетесь отвезти для начлега одну изъ царядныхъ спаленъ съ мебелью изъ краснаго дерева.

— Никогда нога ваша не переступитъ черезъ порогъ моего дома, въ этомъ я вамъ ручаюсь. Подлецъ вы, милостивый государь.

— Полноте, полноте, Чизи, не хорошо затѣвать ссору въ гостяхъ у дамы. Что-жъ вы не допиваете вино? Выпили бы еще стаканъ и мы пошли бы на верхъ.

— Вашъ скарбъ остался въ Ойлимидѣ и я не выдамъ вамъ его, пока вы не выплатите мнѣ моихъ денегъ до послѣдняго шиллинга. Посмотримъ, какъ-то вы попляшете безъ него; не бось, у васъ дома и рубашки не осталось.

— По счастью я захватилъ съ собою перемѣнную рубашку изъ Ойлимида; вотъ такъ во время догадался, не такъ ли Чизи? Однако, если вы не хотите больше пить вина, я могу позвонить, чтобы Жанета его убрала. — И, позвавъ Жанету, капитанъ легкою поступью отправился въ гостиную.

— Былъ онъ здѣсь на дняхъ? спросилъ Чизсакеръ, кивнувъ головою въ слѣдъ капитана.

— Кто, капитанъ? И нѣтъ! онъ теперь не больно то часто сталъ ѣздить.

— Онъ отъявленный мерзавецъ.

— Что это вы говорите, мистеръ Чизсакеръ.

— Да ужъ такъ, такъ! и мнѣ что-то сдается, что и иные прочіе немногимъ лучше его.

— Если вы это про меня намекаете, мистеръ Чизсакеръ, то, видите Богъ, вы вводитѣ на меня большую напраслину.

— Не даромъ же онъ такъ зазнался.

— Ничего-то я не знаю про ихнія дѣла, мистеръ Чизсакеръ; а что я всегда держала вашу сторону, сэръ, такъ ужъ это точно что всегда.—И Жанета приложила къ глазамъ носовой платокъ.

Мистеръ Чизсакеръ направился къ двери, но, озаренный вне-

запную мыслью, остановился и, вынувъ изъ кармана полвронну, вручилъ ее Жанетѣ. Жанета присѣла и еще разъ повторила свое послѣднее увѣреніе, что завсегда держала сторону мистера Чизакера.

Когда Чизакеръ вошелъ въ гостиную, глазамъ его представилось слѣдующее зрѣлище: капитанъ Бельфильдъ сидѣлъ на диванѣ возлѣ вдовушки и разсматривалъ вмѣстѣ съ нею альбомъ фотографическихъ портретовъ. Мистриссъ Гринау поклонилась такъ низко, что край ея воротника пришелъ какъ-то разъ въ соприкосновеніе съ усами капитана, причемъ на лицѣ капитана изобразилось чувство удовлетвореннаго самолюбія.

— Да, говорила мистриссъ Гринау, вы видите его на этой карточкѣ, какъ живого.—Милый Гринау, продолжала она, обращаясь къ карточкѣ усопшаго мужа, добрый другъ мой! если я не свято сохранила вѣрность твоей памяти, то да лишусь я единственнаго утѣшенія, оставшагося мнѣ въ жизни. Пускай твой духъ перестанетъ тогда посѣщать меня въ моихъ сновидѣніяхъ.—И говоря это, она нажимала мизинцемъ мизинецъ Бельфильда, придерживавшаго вмѣстѣ съ нею альбомъ.

Подъ обаяніемъ ся краснорѣчія Бельфильдъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ заглянулъ въ альбомъ; онъ увидѣлъ передъ собою неказистую, дюжинную физиономію старика съ глазами, напоминавшими поросычьи, и съ беззубымъ ртомъ. То было одно изъ тѣхъ лицъ, которымъ, по настоящему, никогда бы не слѣдовало отдавать себя на жертву безпощадной правдивости солнца-портретиста. Всякая другая вдова, если бы сохранила въ своемъ альбомѣ портретъ такого мужа, то ни за что не отважилась бы обратить на него вниманіе постороннихъ.—Вы не видали этого портрета, мистеръ Чизакеръ, продолжала мистриссъ Гринау.

— Я видѣлъ его въ Ярмоутѣ, угрюмо проговорилъ мистеръ Чизакеръ.

— Этого портрета вы никакъ не могли видѣть въ Ярмоутѣ,—возразила мистриссъ Гринау даже съ легкимъ оттѣнкомъ упрека въ голосъ,—по той простой причинѣ, что его вовсе и не было со мною въ Ярмоутѣ. Можетъ статься, вы видѣли другой, большой портретъ, который всегда стоитъ и будетъ стоять у моего изголовья.

— Ну нѣтъ, ужь что до этого касается, то мы похлопочемъ, чтобы вышло иначе,—подумалъ просебя капитанъ Бельфильдъ.

Подали кофе, и капитанъ сѣмѣлъ и тутъ досадить мистеру Чизсакеру; онъ взялся накладывать сахаръ и передвигать чашки остальному обществу. Онъ даже подаль чашку своему врагу.

— Покорнѣйше благодарю, капитанъ Бельфильдъ, я не хочу кофе, проговорилъ мистеръ Чизсакеръ, и по тону его мистриссъ Гринау угадала, что соперники перессорились.

Мистеръ Чизсакеръ твердо рѣшился не уходить, пока у мистриссъ Гринау будетъ сидѣть капитанъ Бельфильдъ; затѣмъ онъ положилъ непремѣнно добиться отъ вдовушки рѣшительнаго отвѣта, если не нынче, то, по крайней мѣрѣ, завтра; а до тѣхъ поръ ему ничего болѣе не оставалось, какъ пассивно переносить свое незавидное положеніе. И такъ, онъ сидѣлъ и дулся, между тѣмъ, какъ Бельфильдъ такъ и сыпалъ милой болтовней; въ душѣ мистеръ Чизсакеръ утѣшалъ себя размышленіями о томъ, какой онъ достаточный человекъ и что за голь этотъ капитанъ, и съ какимъ наслажденіемъ онъ, мистеръ Чизсакеръ, при первомъ же случаѣ, откроетъ мистриссъ Гринау глаза относительно этого прощальги.

Къ удивленію его, случай для этого представился гораздо ранѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Едва пробило семь, какъ капитанъ всталъ и началъ прощаться. Прежде всѣхъ онъ обратился къ миссъ Ферстерсъ; потомъ перешелъ къ своему недавнему амфириону. — Покойной ночи, Чизсакеръ, проговорилъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и затѣмъ пожалъ руку вдовы и провоковалъ ей что-то на прощанье.

— Какъ! вы развѣ не гостите въ Ойлимидѣ? воскликнула мистриссъ Гринау.

— Я пріѣхалъ оттуда сегодня утромъ, отвѣчалъ Бельфильдъ.

— Но назадъ онъ туда больше не поѣдетъ, въ этомъ ручаюсь вамъ, вмѣшался мистеръ Чизсакеръ.

— Вотъ какъ! Надѣюсь, что у васъ не вышло никакихъ непріятностей, сказала мистриссъ Гринау.

— О, розно никакихъ, отвѣчалъ капитанъ, и вышелъ изъ комнаты.

— Я обѣщалась маменькѣ воротиться въ семи часамъ. до-
отд. 1.

мой, проговорила Чарли Ферстерсъ, вставая. Должно полагать, что она желала угодить своимъ уходомъ отнюдь не мистеру Чизсакеру, а мистриссъ Гринау; она, правда, не совсѣмъ была увѣрена, что мистриссъ Гринау желаетъ остаться наединѣ съ своимъ поклонникомъ, но все же считала болѣе безопаснымъ удалиться; за это на нее ни въ какомъ случаѣ не могли быть въ претензіи, тогда какъ если бы она осталась, то еще богъ знаетъ, какъ бы на это взглянули.

— Мнѣ очень прискорбно видѣть, что между вами и капитаномъ вышло какое-то недоразумѣніе, заговорила мистриссъ Гринау, оставшись съ мистеромъ Чизсакеромъ вдвоемъ.

— Мистриссъ Гринау! воскликнулъ собесѣдникъ, вскакивая съ своего мѣста, — человѣкъ этотъ отъявленный негодяй.

— Что это вы говорите, мистеръ Чизсакеръ!

— Увѣряю васъ, что такъ. Онъ вамъ рассказываетъ, что былъ подъ Инкерманомъ, а я знаю, что онъ чуть ли не все это время просидѣлъ въ тюрьмѣ.

Мистеръ Чизсакеръ зналъ, что капитанъ раза два подвергался аресту, и на основаніи-то этого факта взводилъ на него вышесказанное обвиненіе.

— Да онъ врядъ ли когда и порохъ-то нюхалъ.

— Что-жъ, въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды.

— А ужъ какъ онъ вретъ, такъ это ума помраченье! И притомъ, у него нѣтъ ни гроша за душой. — Какъ бы вы думали, примѣрно, сколько онъ мнѣ долженъ?

— Сколько бы онъ ни былъ вамъ долженъ, надѣюсь, что вы слишкомъ порядочный человѣкъ, чтобы это разглашать.

— Ну да, ну да, конечно, поправился мистеръ Чизсакеръ. Но знаете ли, что онъ мнѣ сказалъ, когда я спросилъ его, скоро ли онъ намѣренъ отдать мнѣ мой долгъ? Онъ отвѣтилъ, что отдастъ мнѣ его тогда, когда приберетъ ваши денежки въ рукавъ.

— Мой? онъ не могъ этого сказать.

— Ей Богу же сказалъ, мистриссъ Гринау! Такъ-таки и сказалъ: я расплачусь съ вами тогда, когда приберу вдовушкины деньги въ рукавъ.

— Однако, въ лестныхъ же выраженіяхъ вы отзываетесь обо мнѣ, господа, за моей спиной.

— Что до меня касается, мистриссъ Гринау, то я въ жизнь

свою, ничего непочтительнаго про васъ не смѣлъ не только вымолвить, но и подумать. Вотъ онъ — такъ другое дѣло. О, онъ говорить ужасныя вещи.

— Какія же такія уже ужасныя вещи?

— Этого я не могу вамъ сказать, но вѣрьте мнѣ, что ужасныя. Да ужь чего хорошаго ожидать отъ человѣка, которому завтра не во что будетъ переодѣться? Гдѣ онъ нынѣшнюю ночь проведетъ?— вотъ это для меня загадка: если не ошибаюсь, у него и полкроны не наберется капитала.

— Бѣдный Бельфильдъ!

— Да, бѣдень-то онъ очень бѣдень.

— Но какъ благородно переноситъ онъ свою бѣдность!

— Ну, по моему, такъ очень неблагородно.

На это мистриссъ Гринау ничего не отвѣчала, и мистеру Чизакру показалось, что теперь какъ разъ можно приступить къ задуманному объясненію.

— Мистриссъ Гринау! заговорилъ онъ, — или, быть можетъ вы позволите мнѣ называть васъ Арабеллою?

— Что это значить, мистеръ Чизакеръ?

— Какъ, неужто не позволите? Полноте, мистриссъ Гринау, вѣдь вы, какъ нельзя лучше, понимаете, что я хочу сказать; къ чему же отлынивать?

— Отлынивать, мистеръ Чизакеръ? Въ первый разъ слышу подобное выраженіе. Ну а что, если я пожелаю вамъ спокойной ночи и попрошу васъ ѣхать себѣ домой, — вы это тоже назовете отлыниваньемъ?

— Простите меня, мистриссъ Гринау, воскликнулъ мистеръ Чизакеръ, клянусь вамъ, я не хотѣлъ васъ обидѣть!

Раскаянье его было такъ глубоко и искренно, что вдовушка положила гнѣвъ на милость. Не въ ея характерѣ было ссориться съ кѣмъ бы то ни было, и всего менѣе съ окружавшими ее поклонниками. — Хорошо, я прощаю васъ, проговорила она, но помните же, мистеръ Чизакеръ, никогда не говорите дамѣ, что она отлыниваетъ. Да вотъ что еще, мистеръ Чизакеръ: если вамъ когда нибудь доведется не на шутку указывать за женщиной...

— Да ужь чего менѣе не на шутку, чѣмъ теперь! перебилъ ее мистеръ Чизакеръ.

— Так смотрите тогда, побольше говорите ей о своей любви и поменьше о своемъ кошелькѣ.—Теперь, покойной ночи.

— Но вѣдь мы остаемся друзьями?

— О да, совершеннѣйшими друзьями.

Возвращаясь домой, Чизсакеръ старался утѣшить себя въ своей неудачѣ, живо воображая себѣ затруднительное положеніе капитана Бельфильда, оставленнаго имъ въ Норвичѣ безъ перемѣннаго платья. Но у самыхъ воротъ его дома ему встрѣтились двѣ человѣческія фигуры, изъ которыхъ одна несла чемоданъ, другая же шляпный картонъ.

— Не пугайтесь, Чизи, это я, послышался голосъ капитана Бельфильда. Я сейчасъ только пріѣхалъ за своими вещами по желѣзной дорогѣ и уѣзжаю опять въ Норвичъ съ девятичасовымъ поѣздомъ.

— Если вы обокрали меня, то я развѣдаюсь съ вами судебнымъ порядкомъ, проревѣль ему Чизсакеръ въ догонку.

Конецъ первой части.

ПЕРЕЛОМЪ ВЪ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЕВРОПЫ.

I.

Въ средневѣковыхъ государствахъ господствовала такая путаница политическихъ элементовъ, о которой человекъ XIX столѣтїя съ трудомъ можетъ составить себѣ ясное и отчетливое понятїе. О разграниченіи судебныхъ, административныхъ и законодательныхъ властей нечего было и думать. Невозможно даже опредѣлить, гдѣ кончается господство церковной іерархіи и гдѣ начинается дѣятельность свѣтской власти. Все зависѣло отъ частныхъ обстоятельствъ, мѣста и времени. Все обусловливалось наклонностями, дарованїями и минутными интересами отдѣльныхъ личностей, державшихъ въ своихъ рукахъ ту или другую отрасль общественной власти. Разумѣется, хаосъ былъ всего сильнѣе въ первые вѣка послѣ великаго переселенїя народовъ. Всѣ умные правители, начиная отъ Теодориха Великаго, старались распутывать и приводить въ порядокъ нестройные элементы общественной жизни. Но хаосъ на всѣхъ пунктахъ упорно отстаивалъ свое нелѣпое существованїе. То, что называется духомъ времени — именно, мысли, чувства и страсги тогдашнихъ людей — шло въ разрѣзъ съ самыми умными и добросовѣстными попытками организаторовъ. Что сильный и гениальный человекъ устраивалъ въ теченїе цѣлой жизни, съ изумительною настойчивостью и съ громадными усилїями, то разваливалось послѣ его смерти само собою или разстроивалось въ какое нибудь десятилѣтїе, слабыми и глупыми преемниками, безъ малѣйшаго труда. Личныя страсти, неукротенныя образованїемъ, рвали и ломали всѣ рамки общественной жизни. Чтобы эти страсти улег-

лись и подчинились контролю разума, необходима была не желѣзная воля какой нибудь одной, хотя бы и гениальной личности, а долговременное, постоянное, глухое, но неотразимое вліяніе цѣлыхъ вѣковъ. Надо было, чтобы дикари переродились въ гражданъ, а всякія перерожденія органическихъ существъ совершаются въ природѣ съ такою невыносимою медленностью, которая всегда приводитъ въ отчаяніе всѣхъ историческихъ дѣятелей, успѣвшихъ переродиться раньше своихъ современниковъ.—Для католической іерархіи средневѣковая путаница общественныхъ отношеній была очень выгодна. Пользуясь хаосомъ понятій и учреждений, іерархія захватила въ свои руки всю жизнь средневѣкового общества и начала диктаторскимъ тономъ произносить свои приговоры въ такихъ дѣлахъ, которыя никакое благоустроенное государство въ мірѣ никогда не рѣшится отдать въ распоряженіе церкви. Конечно, европейскіе дикари были совсѣмъ не такіе люди, чтобы безусловно подчиняться кому бы то ни было, когда это подчиненіе было черезчуръ невыгодно или стѣснительно. Въ самые золотые вѣка римскаго владычества, личныя страсти сплошь и рядомъ брали верхъ надъ суевѣріемъ. Полудикій баронъ или рыцарь, избивенный какимъ нибудь черезчуръ задорнымъ аббатомъ или епископомъ, садился на коня, бралъ въ руки какое нибудь дреколье, колотилъ крестьянъ своего обидчика, вытаптывалъ ихъ поля, при случаѣ захватывалъ въ плѣнъ неприкосновенную личность самого церковнослужителя, прикасался къ этой личности очень безцеремонно и, закусивши такимъ образомъ удила, не смирился даже передъ проклятіями соборовъ и папъ. Но церковь все-таки одерживала верхъ. Дикіе феодалы умѣли только драться, а представители іерархіи умѣли, кромѣ того, интриговать, аргументировать, опутывать своихъ противниковъ кляузными трактатами, поддѣлывать старинные документы и, что всего важнѣе, вести общими силами стройную и послѣдовательную политику тамъ, гдѣ ихъ свѣтскіе и безграмотные противники дѣйствовали въ разсыпную, безъ всякаго плана, по внушенію личной страсти или подъ вліяніемъ ближайшаго, мелкаго и минутнаго интереса.— На средневѣковомъ латинскомъ языкѣ слово *clericus* имѣло два значенія. Во-первыхъ, — церковникъ, причетникъ. Во-вторыхъ, — грамотный человекъ. Соединеніе этихъ двухъ значеній въ одномъ словѣ показываетъ ясно, что было время, когда всѣ грамотные люди входили въ составъ духовенства. вмѣстѣ съ грамотностью, духовенство удерживало въ своей средѣ и скудные остатки классической образованности. Это обстоятельство, разумѣется, давало духовенству огромный перевѣсъ надъ

представителями свѣтской власти. Духовныя лица занимали важнѣйшія государственныя должности и, пользуясь самымъ высокимъ положеніемъ, поддерживали съ нетерпимою энергіею всѣ интересы своего сословія и всѣ неумѣреннѣйшія требованія церковной іерархіи. Когда грамотность начала распространяться между свѣтскими людьми, когда свѣтскіе люди начали составлять себѣ общія понятія о теченіи государственныхъ дѣлъ, тогда они увидѣли, что церковь захватила все, и что императоры, короли, герцоги и всѣ прочіе властители земли превращены *de jure*, если и не *de facto*, въ крѣпостныхъ работниковъ римскаго первосвященника. Тогда началась борьба, не такая, какую вели прежде разрозненные буяны, а борьба систематическая, въ которой уже обѣ стороны, — папство и свѣтская власть, стали драться и оружіемъ, и аргументами, и насилиемъ, и надувательствомъ, и ссылками на вымышленные или подложные историческіе документы. Разсматривать причины или предлоги каждой отдѣльной схватки я, конечно, не буду. Причина, въ сущности, была всегда одна и та же: обѣимъ властямъ хотѣлось развернуться пошире; а предлогъ найдти было ужь очень не трудно, при тогдашней неопредѣленности всѣхъ правъ, обязанностей и отношеній. Гораздо интереснѣе будетъ бросить бѣглый взглядъ на приемы, употреблявшіеся въ этой борьбѣ обѣими сторонами. Любопытно посмотрѣть, на какія общественныя силы опирался, съ одной стороны, Папа, съ другой стороны, императоръ и короли. Не мѣшаетъ также взвѣснить и измѣрить количество той добросовѣстности и деликатности, которую обнаруживали обѣ стороны въ выборѣ и употребленіи полемическихъ средствъ. — Для достиженія этихъ двухъ цѣлей, всего удобнѣе будетъ разсказать нѣсколько наиболѣ замѣчательныхъ эпизодовъ изъ этой драматической борьбы. Разказы эти покажутъ читателю, въ чемъ заключалось вліяніе этой борьбы на умственную жизнь средневѣковой Европы. Я начну съ XIII вѣка, потому что фізіономія предыдущихъ столѣтій была уже очерчена мною въ статьѣ «Историческое развитіе европейской мысли», напечатанной въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Русскаго Слова» за 1864 годъ.

II.

Въ 1198 году, на папскій престолъ вступилъ, подъ именемъ Иннокентія III, тридцати-семилѣтній, умный и энергическій итальянецъ, графъ Сеньи. Онъ тотчасъ началъ борьбу противъ свѣтской

власти, въ самомъ Римѣ, въ Италиі и во всей Европѣ. Онъ повторилъ и поддерживалъ въ теченіе всей своей жизни всѣ требованія Григорія VII, подчинившаго папской власти, по крайней мѣрѣ въ теоріи, всѣхъ государей католическаго міра. Прежде всего онъ разрѣшилъ жителей Рима и другихъ городовъ папской области отъ присяги императору; всѣхъ чиновниковъ, назначенныхъ императоромъ, онъ или смѣнилъ, или подчинилъ себѣ. Чтобы навсегда загородить нѣмцамъ путь въ среднюю Италію, онъ убѣдилъ тосканскіе города составить федерацію, подобную той, которая уже давно существовала въ Ломбардіи и которая уже не разъ дѣлала императорамъ много хлопотъ и непріятностей. Работая, такимъ образомъ, противъ свѣтской власти, папа поневолѣ принужденъ былъ опираться на республиканскій и демократическій элементъ. Но такъ какъ этотъ элементъ былъ опасной игрушкой въ рукахъ римскаго первосвященника, то Иннокентій избралъ другое оружіе для борьбы съ свѣтскою властью, а именно интригу и обманъ одного властителя на счетъ другого,—смотря по надобности. Соперники зорко слѣдили другъ за другомъ, подниживали одинъ другого и пользовались всѣмъ, что могло ослабить или опрокинуть оплошавшаго врага. И мнѣ еще не разъ придется замѣтить, что, взаимно подкапывая другъ друга, представители двухъ враждующихъ принциповъ, оказывали, совершенно помимо собственнаго желанія, драгоценнѣйшія и незамѣнимыя услуги развитію народной свободы и прогрессивному движенію европейской мысли.

Въ первые двѣнадцать лѣтъ своего царствованія, неумолимый Иннокентій III успѣлъ перессориться со всѣми сильнѣйшими государями католическаго міра. Въ 1199 году, онъ отлучилъ отъ церкви Филиппа-Августа французскаго; въ 1208—Іоанна Безземельнаго англійскаго; въ 1210—Оттона IV германскаго. Проклиная государей, Иннокентій въ то же самое время вытягивалъ изъ ихъ государствъ людей и деньги. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ успѣлъ направить въ разныя стороны три крестовыя похода: одинъ въ Палестину, другой — въ Испанію, противъ Мавровъ, третій въ южную Францію, противъ еретиковъ. Эти подвиги Иннокентія тѣмъ болѣе замѣчательны, что крестовыя походы въ это время уже потеряли прелесть новизны; они продолжались уже цѣлое столѣтіе; Европа была утомлена жертвованіями и неудачами; надежда слабѣла, энтузіямъ угасалъ; рождалось печальное подозрѣніе, что деньги расходятся по карманамъ итальянскихъ прелатовъ; подозрѣніе это высказывалось даже такъ громко, что Иннокентій, приказавши духовенству проповѣдывать новый крестовый походъ, былъ принуж-

день сдѣлать особенное распоряженіе. «Онъ объявилъ, говорить Шюссеръ, что жертвуетъ на крестовый походъ десятую часть своихъ доходовъ, и обложилъ все духовенство западной церкви сбсомъ на это предпріятіе по полтора процента со всѣхъ церковныхъ доходовъ; когда же стали говорить, что онъ возьметъ эти деньги себѣ, Иннокентій приказалъ, чтобы каждый епископъ, при содѣйствіи одного іоаннита и одного тампліера, раздавалъ собранныя суммы крестоносцамъ своей епархіи» (Т. VII. Стр. 131). Хотѣлъ или не хотѣлъ Иннокентій зажить пожертвованія благочестивыхъ католиковъ, это — дѣло его личной совѣсти, которой приходится рѣшать много подобныхъ вопросовъ. Для историка же чрезвычайно важенъ и интересенъ тотъ фактъ, что, уже въ началѣ XIII вѣка, общественное мнѣніе, такъ или иначе, контролировало поведеніе папъ, и что даже такой желѣзный человекъ, какъ Иннокентій III, не могъ оставаться совершенно равнодушнымъ къ неопредѣленному говору толпы. Чтобы снова поднять на ноги утомленную Европу, Иннокентій употреблялъ всѣ средства; въ циркулярахъ своихъ онъ повторялъ съ дикою энергіею насмѣшки магометанъ надъ безсиліемъ христіанской религіи. «Гдѣ, говорилъ онъ отъ лица магометанъ, гдѣ вашъ Богъ, когда онъ не можетъ избавить васъ изъ нашихъ рукъ? Смотрите! мы осквернили ваши святилища, мы простерли впередъ наши руки, мы взяли съ перваго приступа, мы держимъ въ обиду вамъ эти ваши желанныя мѣста, въ которыхъ зародилось ваше суевѣріе. Гдѣ же вашъ Богъ? Пускай поднимется! Пусть придетъ спасать васъ и самого себя!—Если ты въ самомъ дѣлѣ сынъ божій, защити себя, если можешь; вырви изъ нашихъ рукъ страну, въ которой ты родился. Возврати поклонникамъ креста твой крестъ, который мы захватили.» Этотъ риторическій приѣмъ Иннокентія имѣетъ, конечно, свои достоинства; онъ могъ подѣйствовать, какъ испанская мушка или какъ хорошій ударъ кнута на чувство утомленныхъ, но искреннихъ католиковъ. Онъ могъ вызвать еще нѣсколько судорожныхъ усилій; но нельзя не замѣтить, что, пуская въ ходъ такое краснорѣчіе, папа ставилъ на карту отчаянно-крупный кушъ. Онъ самъ ревностно распространялъ въ массѣ католическаго населенія ту чрезвычайно-опасную и соблазнительную мысль, что истинность и достоинство религіи могутъ и даже должны измѣряться успѣхомъ чисто-земного предпріятія. И эта мысль прививалась особенно легко къ умамъ тогдашнихъ европейцевъ. Ордаціи и судебный поединокъ считались въ то время превосходными юридическими доказательствами. Если какойнибудь Иванъ обвинялъ какуюнибудь Марью въ томъ, что она

завела себѣ любовника, то Марья не зачѣмъ было оправдываться фактическими и логическими аргументами; надо было только, чтобы ея любовникъ или какой нибудь другой человекъ убилъ или изувѣчилъ Ивана въ назначенное время, на опредѣленномъ мѣстѣ и при законныхъ свидѣтеляхъ; тогда Ивана объявляли подлымъ клеветникомъ, а Марью—цѣломудренною женщиною. Если приводили въ судъ старуху, обвиненную въ колдовствѣ, то судья не зачѣмъ было разбирать вопросы, дѣйствительно ли она совершила взведенное на нее преступленіе и возможно ли такое преступленіе вообще?—Бросить старуху въ прудъ! командовалъ судья.—Старуху раздѣвали и бросали; если она шла ко дну, ее вытаскивали и отправляли домой; если она оставалась на поверхности воды, ее сжигали, потому что тогда уже невозможно было сомнѣваться въ томъ, что она дѣйствительно колдунья и любовница сатаны.—Въ одномъ народномъ собраніи германцевъ возникъ вопросъ: должны ли дѣти вступать во владѣніе отцовскимъ наслѣдствомъ при жизни своего дѣда? Одни говорили въ пользу дѣтей, другіе поддерживали права дѣда. Голоса раздѣлились поровну; тогда положено было рѣшить спорный вопросъ судомъ божьимъ. Каждая сторона выдвинула одинаковое число бойцовъ. Партія дѣтей побѣдила, и законъ быть составленъ въ ихъ пользу. Гражданскія тяжбы, уголовные процессы и законодательные вопросы съ одинаковымъ успѣхомъ рѣшались испытаніемъ или поединкомъ, немѣющимъ ничего общаго съ внутреннимъ смысломъ разбираемаго дѣла. — Понятно, что простые и недалѣковидные люди были не прочь отъ того, чтобы прикладывать тотъ же самый, привычный масштабъ къ религіознымъ вопросамъ. Простодушный фанатикъ Францискъ, основавшій, съ разрѣшенія Иннокентія III, орденъ нищенствующихъ монаховъ, францисканцевъ, вздумалъ проповѣдывать христіанство египетскому султану, и при этомъ дошелъ до такого пафоса, что предложилъ испытать посредствомъ суда божія, которая изъ двухъ религій лучше,—христіанство или магометанство? Прикази, говорилъ онъ, зажечь два костра: на одинъ я брошусь, а на другой пусть бросится кто нибудь изъ твоихъ имамовъ: кто изъ насъ останется живъ и здоровъ, тотъ и правъ. Султану это предложеніе показалось остроумнымъ, но неисполнимымъ. Нашихъ имамовъ, замѣтилъ онъ, на эту штуку не поймашь: они знаютъ безъ всякихъ испытаній, что человекъ неудобно лежать въ огнѣ. Но единовѣрцамъ Франциска его предложеніе вовсе не казалось забавнымъ; они были твердо увѣрены въ томъ, что Богъ непременно долженъ творить, по первому востребованію, чудеса для своихъ усердныхъ и незаблуждаю-

нихся поклонниковъ. Римская іерархія старалась поддерживать и эксплуатировать эту увѣренность во всѣхъ мелкихъ случаяхъ ежедневной жизни. Въ мелкихъ случаяхъ эта тактика была дѣйствительно очень удобна, потому мелкое чудо можно было поддѣлать разными дешовыми средствами. Такъ оно и дѣлалось. Но во всемъ надо знать мѣру. Не слѣдуетъ уподобляться глупому скрагъ, зарѣзавшему золотоносную курицу. Католическіе іерархи ни подъ какимъ видомъ не должны были выходить изъ безопасной области мелкаго чудотворенія. Подвергать свой принципъ такому испытанію, которое, по своей міровой колоссальности, не допускало никакой подтасовки, — значило ставить на карту основной капиталъ, съ котораго можно было постоянно получать самыя приличные проценты. Многимъ отдѣльнымъ папамъ, епископамъ и монахамъ крестовые походы доставили много денегъ, почета и могущества, но для теократическаго принципа они были губительны. Всѣ проповѣдники крестовыхъ походовъ говорили въ сущности то же самое, что говорилъ Иннокентій III, хотя, быть можетъ, въ ихъ выраженіяхъ было меньше горечи и энергій. Всѣ они, такъ или иначе, возбуждали въ своихъ простодушныхъ слушателяхъ страстную надежду и фанатическую увѣренность, что самъ Богъ поведетъ крестоносное воинство къ желанной цѣли и поразитъ нечестивыхъ враговъ истинной религіи. «Того хочетъ Богъ! того хочетъ Богъ!» кричали на клермонтскомъ соборѣ тысячи народа, выслушавъ рѣчи Петра Пустынника и папы Урбана II; и эти тысячи кинулись въ крестовый походъ совершенно слѣпо, безъ денегъ, безъ провіанту, почти безъ оружія и безъ малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ лежитъ Святая земля и далеко ли до нея, и какія встрѣчаются на пути трудности и опасности. Взрывъ религіознаго чувства былъ очень грандіозенъ, но за то и реакція была ужасно сильна. Извѣстно, что безпорядочныя массы, пошедшія за Петромъ Пустынникомъ, за Вальтеромъ Голякомъ и за Готшалкомъ, погибли, большею частью, даже не добравшись до Малой Азіи. А массы эти были очень значительны: въ нихъ было слинкомъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ человекъ; и эти люди принадлежали къ самымъ низшимъ слоямъ народонаселенія. Легко представить себѣ, какое глубокое и неизгладимое впечатлѣніе долженъ былъ произвести трагической исходъ великаго предпріятія на всѣхъ родственниковъ, друзей и сосѣдей погибшихъ фанатиковъ. Эти родственники, друзья и сосѣди были такъ неразвиты и такъ задавлены трудомъ, бѣдностью и притѣсненіями, что имъ было невозможно слѣдить за событіями политическаго и религіознаго міра; что бы ни дѣлали папы и пре-

латы, императоры и короли, — эти простые люди все-таки не пустились бы въ критическія размышленія. Но тутъ, когда всемірная исторія проникла въ каждую бѣднѣйшую хижину, когда колоссальная борьба двухъ религій дала себя почувствовать каждому отдѣльному семейству, когда католическая политика отняла мужа у жены, брата у сестры, сына у матери, отца у малолѣтнихъ дѣтей, тогда поневолѣ вся Европа, отъ мала до велика, призадумалась надъ своими утратами и стала задавать себѣ вопросы: ведутъ ли къ чему нибудь всѣ эти пожертвованія? И дѣйствительно ли того хочетъ Богъ? — То воодушевленіе, которое обнаружилось на клермонтскомъ соборѣ, не повторилось больше никогда. Такіе порывы усердія обходятся слишкомъ дорого и, вслѣдствіе этого, ведутъ за собою горькое разочарованіе. Послѣ перваго крестоваго похода, религіозная температура Европы вдругъ понизилась на значительное число градусовъ. Европу пришлось подогрѣвать искусственными средствами, и всѣ эти подогрѣванія, всѣ проповѣди Бернара изъ Клерво, Фульва изъ Нельси и другихъ монаховъ, всѣ циркуляры папъ производили только частичное, мѣстное вліяніе. Время общаго, свѣжаго, естественнаго энтузіазма прошло безвозвратно. Теперь спрашивается: умѣстно ли, благоразумно ли, политично ли было писать такія неистовыя воззванія, какія пускалъ въ ходъ Иннокентій III? Одно изъ двухъ: или народы католической Европы могли слѣпо повѣрить словамъ папы, или же они могли отнестись къ нимъ съ сомнѣніемъ. Второй случай крайне неудобенъ для теократическаго принципа, потому что папа, которому не вѣрять на слово, превращается въ простаго смертнаго, но этотъ второй случай все-таки лучше перваго, потому что если бы католики повѣрили Иннокентію совершенно слѣпо, если бы они рѣшились испытать достоинство католицизма посредствомъ судебного поединка, произведеннаго въ громаднѣхъ размѣрахъ, то Иннокентій навѣрное оказался бы послѣднимъ папою. Судебный поединокъ кончился бы для католицизма полнѣйшимъ пораженіемъ, а тотъ крестовый походъ, который былъ устроенъ самимъ Иннокентіемъ, оказался не въ примѣръ скандальнѣе, безобразнѣе и неудачнѣе всѣхъ остальныхъ. Крестоносцы попали въ кабалу къ венеціанскимъ купцамъ, которые заставили ихъ платить натурою, и притомъ впередъ, за провозъ въ Палестину. Плата натурою состояла въ томъ, что крестоносное воинство принуждено было сдѣлать сначала для венеціанцевъ нѣсколько завоеваній въ Далмаціи. Когда кончилась эта работа, тогда явилась вдругъ совершенно непредвидѣнная необходимость вмѣшаться въ дѣла дряхлой Византій-

ской имперіи. Крестоносцы взяли Константинополь, разграбили его раздѣлили между собою провинціи покореннаго государства, основали такъ называемую Латинскую имперію и, удививши весь міръ совершенно не крестоноснымъ характеромъ своихъ подвиговъ, сочинили свое дѣло обобщеннымъ, хотя они издали не видали не только стѣны Иерусалима, но даже береговъ обѣтованной земли. Другой крестовый походъ, затѣянный также Иннокентіемъ и направленный противъ еретиковъ южной Франціи, оказался несравненно удачливѣе палестинскаго предпріятія. Въ южную Францію съѣзжалась со всѣхъ сторонъ такая огромная толпа вооруженной сволочи, что еретики были совершенно задавлены и истреблены, не смотря на свое отчаянное сопротивление. Не успѣхъ палестинскаго похода, предпріятого въ 1202 году, и успѣхъ альбигойской войны, начавшейся въ томъ же десятилѣтіи, именно въ 1208 году, составляютъ, вмѣстѣ взятые, важное барометрическое указаніе для мыслящаго историка. Въ палестинскомъ походѣ религіозный мотивъ долженъ былъ стоять на первомъ планѣ. Путь былъ далекъ; трудности и опасности значительны; добыча совершенно ничтожна, потому что уже въ XIII столѣтіи можно было сказать о Палестинѣ:

Вотъ у ногъ Иерусалима,
 Богомъ сожжена,
 Безглагольна, недвижима
 Мертвая страна.

Значить, для успѣха предпріятія требовалось непременно религіозное воодушевленіе. Напротивъ того, въ альбигойской войнѣ можно было покончить все дѣло безъ дальнѣйшаго нагрѣванія католическихъ сердець. Театръ войны лежалъ подъ руками; дорога была отвсюду легкая и открытая; страна, «обреченная мечу и пожарамъ», была богата и привлекательна во всѣхъ отношеніяхъ; значить, надо было только найти добрыхъ людей, способныхъ рѣзать, жечь, грабить и безчинствовать. Такихъ людей въ тогдашней Европѣ было слишкомъ достаточно. Эти люди были очень невѣжественны и, вслѣдствіе этого, разумѣется, довольно суевѣрны. Когда этимъ людямъ указали на легкую добычу, тогда они кинулись на нее съ величайшимъ удовольствіемъ. Когда же за любезное для нихъ дѣло разбоя и безчинства имъ посулили отпущеніе грѣховъ, тогда, разумѣется, они охотно повѣрили этому обѣщанію и еще усерднѣе принялись за свою работу. Герои альбигойской войны вѣрили всему, что имъ говорили аббаты и монахи, но вѣрили преимущественно потому, что еще не выучились ни въ чемъ сомнѣваться. Стремя-

тельная сила религіознаго чувства, воодушевлявшаго людей XI вѣка, уже значительно ослабѣла въ XIII столѣтіи. Массы еще ни въ чемъ не сомнѣвались совнательно, но ко многому относились уже очень спокойно, и дѣйствовали усердно въ пользу католицизма только тамъ и тогда, гдѣ и когда интересы католицизма совпадали съ ихъ собственными, личными наклонностями и матеріальными выгодами. Мнѣ кажется, что конецъ XI вѣка, именно время клермонтскаго собора и перваго крестоваго похода, составляетъ верховный пунктъ религіознаго энтузіазма въ католическомъ мірѣ. Послѣ этого начинается довольно быстрое пониженіе. Въ XIII столѣтіи, горячій и поэтический элементъ католическаго фанатизма уже въ значительной степени успѣлъ улегучиться. Дальновидные защитники клерикальныхъ принциповъ начинаютъ тревожиться и суетиться, имъ уже чего-то недостаетъ. Иннокентій III мечется во всѣ стороны, ругается, проклинаетъ, интригуетъ, учреждаетъ ордена нищенствующихъ монаховъ, и вообще показываетъ историкѣ своею изумительною дѣятельностью и подвижностью, что вліяніе папства на умы уже требуетъ ремонта, и что чувства католиковъ уже нуждаются въ подогрѣваніи.

III.

Ссоры Иннокентія III съ королями французскимъ и англійскимъ показываютъ очень наглядно, что папскія проклятія начинаютъ понижаться въ цѣнѣ. Въ 1193 году, французскій король Филиппъ-Августъ, страдая безденежемъ, хроническою и наследственною болѣзью всѣхъ королевскихъ династій прекрасной Франціи, предложилъ руку и сердце сестрѣ датскаго короля, Ингеборгѣ, у которой наличныхъ денегъ было очень много. Бракосочетаніе совершилось въ августѣ 1193 года. На другой день послѣ свадьбы, когда новая королева должна была короноваться, супругъ ея объявилъ совершенно неожиданно, что никакъ не можетъ жить съ нею, потому что чувствуетъ къ ней непреодолимое отвращеніе. Къ деньгамъ же ея Филиппъ чувствовалъ, напротивъ того, непреодолимую нѣжность, и поэтому, разумѣется, никакъ не могъ разстаться съ ними. Поправивъ на нѣкоторое время свои денежные обстоятельства и озадачивъ Ингеборгу такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, Филиппъ весело и спокойно началъ составлять новые планы брачнаго союза, точно будто эневодъ съ Ингеборгою никогда не существовалъ. Французскіе епископы, по приказанію короля, объя-

вѣли его бракъ недѣйствительнымъ и подали Ингеборгѣ добродушный совѣтъ удалиться обратно въ Данію или поселиться въ какомъ нибудь французскомъ монастырѣ. Ингеборга не соглашалась ни на то, ни на другое, но ея согласія никто и не спрашивалъ, и Филиппъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, посадилъ ее въ монастырь, гдѣ съ нею, какъ говоритъ Шлоссерь, «обходились чрезвычайно дурно». Тогдашній папа, дряхлый старикъ Целестинъ III, нашелъ всю эту процедуру не совсѣмъ правильною и передать это дѣло на разсмотрѣніе собора французскаго духовенства. Но между французскими прелатами нашлось мало охотниковъ ссориться съ Филиппомъ; «епископы вели себя, по выраженію одного современнаго писателя, какъ нѣмыя собаки, которыя, боясь за свою шкуру, не смѣли лаять» (Шлоссерь т. VII. стр. 115). Въ 1196 году, Филиппъ, совершенно игнорируя Ингеборгу, продолжавшую сидѣть въ монастырѣ, женился на Маріи Агнесѣ, дочери герцога меранскаго, владѣвшаго обширными землями въ Германіи и находившагося въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ императоромъ Генрихомъ VI. Въ продолженіе двухъ лѣтъ ничто не нарушало счастья обоихъ супруговъ. Но Иннокентій III, сдѣлавшись папою, поднялъ всю старую исторію Ингеборги съ самаго начала. Увидѣвъ со стороны Филиппа необходимое упорство, онъ въ 1199 году наложилъ на Францію интердиктъ, то есть, запретилъ французскому духовенству совершать богослуженіе и церковныя требы. Ударъ былъ хорошъ, но коса нашла на камень. Сразившись съ Филиппомъ, Иннокентій встрѣтилъ себѣ такого противника, который не уступалъ ему ни въ энергіи, ни въ изобрѣтательности. Папскій интердиктъ сдѣлался для короля новымъ источникомъ доходовъ. Чуть только какой нибудь епископъ или аббатъ обнаруживалъ наклонность повиноваться папскому приказанію, Филиппъ тотчасъ отрѣзалъ его отъ должности и бралъ въ казну его имѣніе; такъ же круто поступалъ онъ и съ баронами, которые, опираясь на папскій указъ, перестали считать короля своимъ сюзереномъ; если какой нибудь городской магистратъ держалъ сторону папы, Филиппъ облагалъ городъ огромными налогами. Папа принужденъ былъ уступить; онъ призналъ разводъ Филиппа и приказалъ своему легату созвать соборъ французскаго духовенства, для того, чтобы придать всему дѣлу наружный видъ благообразія и законности. Но Филиппъ не согласился даже на этотъ постыднѣйшій компромиссъ. Не обращая никакого вниманія на то, что происходитъ на соборѣ, онъ взялъ Ингеборгу къ себѣ во дворецъ и сталъ жить открыто съ двумя женами. А Иннокентій въ 1201 году даже призналъ законными обоихъ дѣтей Ма-

рин Агнесы.— Во всей этой исторіи, Филиппъ, какъ частный человѣкъ, поступалъ безсовѣстно, но какъ политическій дѣятель, онъ держалъ себя превосходно. Папа заступился за оскорбленную и ограбленную женщину. Это очень похвально и великодушно съ его стороны; но какъ онъ заступился? Онъ наложилъ интердиктъ на Францію; если бы его приказаніе было выполнено въ точности, то, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а можетъ быть и лѣтъ, на всемъ пространствѣ французской территоріи, новорожденные дѣти оставались бы некрещенными, женихи и невѣсты—необвѣнчанными, больные умирали бы безъ исповѣди и причастія, и мертвецы зарывались бы въ землю безъ отпѣванія. Когда папское слово обладаетъ такою силою, которая мгновенно могла парализировать дѣйствія духовенства въ цѣломъ королевствѣ, тогда, разумѣется, жители этого королевства вѣровали горячо и искренно въ непогрѣшимость папы, Стало быть, когда интердиктъ не былъ пустымъ словомъ, тогда онъ былъ жестокимъ наказаніемъ. А на кого падало это наказаніе? На массу народа, на толпу простодушныхъ бѣдняковъ; и съ особенною тяжестью ложилось оно именно на ревностнѣйшихъ защитниковъ папы, на его лучшихъ друзей, на самыхъ искреннихъ и усердныхъ католиковъ. Чтобы насолить сильному врагу, папа билъ въ самое чувствительное мѣсто своихъ слабыхъ и бѣдныхъ друзей. Интердиктъ клонился всегда къ той цѣли, чтобы возбудить въ государствѣ волненія и, посредствомъ этихъ волненій, довести провинившагося государя до необходимости покориться волѣ папы. Штука придумана недурно, но посмотрите, что изъ этого выходитъ. Положимъ, что цѣль интердикта достигнута; волненіе произошло; король смирился передъ папою; папа простилъ короля; миръ заключенъ къ обоюдному удовольствію высокихъ особъ; а потомъ что? Потомъ, разумѣется, король, успокоивши и обезпечивши себя со стороны духовнаго начальства, принимается очень серьезно и совѣмъ не ласково за тѣхъ подданныхъ, которые своею непокорностью заставили его смириться передъ папою. Происходить въ грандіозныхъ размѣрахъ та сцена изъ «Ревизора», когда городничій, послѣ отъѣзда Хлестакова, бесѣдуетъ съ купцами. «А самоварники! жаловаться?» — Непріятно было положеніе самоварниковъ, но положеніе возмущавшихся подданныхъ было еще гораздо неудобнѣе. Размѣры всей сцены были грандіозны; начинались пытки, вѣшанія, колесованія, четвертованія. И на кого сыпались всѣ эти неприятели? Именно на самыхъ лучшихъ католиковъ, на тѣхъ, которые шли безтрепетно на самую опасную борьбу, лишь бы только избавиться отъ невыносимаго для нихъ интердикта. А папа чего смотрѣлъ? Да папѣ до этого и дѣла никакого не было; до него, можетъ быть,

и слухи объ этихъ казняхъ не доходили; велика важность, что два три десятка безпокойныхъ людей отправятся на плаху, на висѣлицу, въ застѣнокъ и на колесо; въ средніе вѣка на подобныя мелочи ни одинъ порядочный человекъ не обращалъ никакого вниманія. Да и не могъ же папа требовать отъ короля, что бы онъ оставилъ въ своихъ владѣніяхъ правильный ходъ уголовного правосудія. Мятежниковъ слѣдуетъ наказывать, и церковь можетъ только напутствовать ихъ своими молитвами. Вотъ настоящее значеніе того механизма, который назывался интердиктомъ и который не разъ пускался въ ходъ съ самымъ полнымъ успѣхомъ, въ цвѣтущія времена клерикальнаго абсолютизма. Теперь не трудно будетъ понять, почему я замѣтилъ выше, что Филиппъ-Августъ дѣйствовалъ въ ссорѣ своей съ папою, какъ превосходный политическій дѣятель. Папа, по обыкновенію, смотрѣлъ на массу народа, какъ на средство, какъ на *chair à canon*, какъ на подножіе своего святительскаго престола. Ему не было дѣла до того, что народъ будетъ страдать отъ прекращенія богослуженія, что онъ будетъ волноваться и что за эти волненія его будутъ бить и разорять. Такъ оно и должно быть, думалъ папа.; народъ на то и созданъ, чтобы держать на своихъ плечахъ все бремя моего могущества. Въ мирное время онъ долженъ давать мнѣ свои деньги, въ военное время—свою кровь. Безъ этого и папой быть не стоитъ, да и невозможно. Но Филиппъ-Августъ поставилъ вопросъ иначе. Ты, святой отецъ, думалъ онъ, на кого сердиться? На меня? Прекрасно. За что? За то, что я на двухъ женахъ женатъ? Превосходно. Вотъ ты и ухитрился наказать меня, именно меня, преступнаго двоеженца. Попробуй достать меня, если руки не коротки. А французовъ моихъ не трогай. Они тутъ не при чемъ. Имъ отъ моихъ двухъ бракосочетаній не досталось ни денегъ, ни удовольствій. А кто вздумаетъ исполнять твое глупое приказаніе и тиранить моихъ подданныхъ, отказывая имъ въ томъ, что для нихъ составляетъ глубочайшую нравственную потребность, съ тѣмъ я съумѣю распорядиться по своему. — Умъ и твердость Филиппа сдѣлали то, что грозный интердиктъ остался для Франціи мертвою буквою. Не было ни безтолковыхъ волненій, ни бесплодныхъ казней. Глубокій и роковой трагизмъ того положенія, въ которомъ уже съ XIII вѣка находилась римская теократія, заключается именно въ томъ, что самыя энергическія мѣры, предпринимаемыя для возвышенія и укрѣпленія папскаго авторитета, обращались неизбѣжно во вредъ тому дряхлѣющему принципу, который они должны были поддерживать. Разумѣется, папство въ XIII

вѣкъ было еще очень сильно, но оно уже не могло ни подниматься къверху, ни даже остановиться на той высотѣ, которую оно занимало. Оно неизбежно должно было спускаться внизъ, и никакія усилія даровитыхъ личностей, подобныхъ Иннокентію III, могущественныхъ корпорацій, подобныхъ монашескимъ орденамъ, и специальныхъ учрежденій, подобныхъ инквизиціи, не могли остановить этого необходимого паденія. Чего-чего только не придумывалъ Иннокентій, и все шло совсѣмъ не туда и не такъ, куда и какъ слѣдовало бы идти, по его клерикальнымъ соображеніямъ. Поднялъ крестовый походъ — выпелъ европейскій скандалъ, крестоносцы осрамились; ѣхали они въ Палестину, а пріѣхали въ Константинополь. Вступилъ за угнетенную женщину, захотѣлъ пострадать безсовѣстнаго супруга, — вышла ничтожнѣйшая демонстрація, отъ которой потомъ самому пришлось отказываться. Супругъ по прежнему остался безсовѣстнымъ, и папѣ пришлось поощрять двоеженство, признавая законность дѣтей, родившихся отъ второй жены, при жизни первой. Наступали тяжелыя времена.

IV.

Тенденціи XIII вѣка воплотились съ особенною силою въ личности и дѣятельности германскаго императора Фридриха II, того самаго Фридриха, который, въ дѣтствѣ своемъ, будучи королемъ сицилійскимъ, находился подъ опекою Иннокентія III. — Фридрихъ былъ, во всѣхъ отношеніяхъ, передовымъ человѣкомъ своего времени. Но, произнося о немъ такое сужденіе, мы должны твердо помнить, что передовые люди XIII вѣка нисколько не похожи на передовыхъ людей XIX столѣтія. Въ наше время передовой человѣкъ долженъ быть непременно умнымъ, честнымъ и гуманнымъ человѣкомъ; онъ долженъ работать всѣми своими силами на пользу своихъ согражданъ и современниковъ, долженъ любить свою полезную дѣятельность больше всего на свѣтѣ и долженъ понимать совершенно сознательно, къ чему клонятся всѣ его труды и пожертвованія. Но въ XIII вѣкѣ *такихъ* передовыхъ людей не было и не могло быть. А были *другіе* передовые люди, и самымъ крупнымъ изъ этихъ другихъ, какъ по положенію, такъ и по личнымъ талантамъ, былъ императоръ Фридрихъ II. Сильный умъ составляетъ необходимое условіе для всѣхъ передовыхъ людей, къ какому бы вѣку они ни принадлежали. Передовые люди отличаются отъ массы своихъ современниковъ именно тѣмъ, что прямѣе, смѣлѣе

и сознательнѣе ихъ ставятъ и рѣшаютъ общіе вопросы, вытекающіе изъ данныхъ обстоятельствъ мѣста и времени. Гдѣ масса бредеть ошупью, робѣя и спотыкаясь на каждомъ шагу, тамъ передовой человѣкъ идетъ твердой и развязной походкой. Для такой твердости и развязности, очевидно, необходима природная сила ума, укрѣпленная возможно-лучшимъ образованіемъ. Но честность, гуманность, сознательное стремленіе къ общей пользѣ, разныя другія хорошія качества, перечисленныя мною выше, вовсе не составляютъ во всякое время необходимыхъ атрибутовъ передового человѣка. Напротивъ того, бывають такія историческія эпохи, когда эти качества именно въ передовомъ человѣкѣ совершенно невозможны и немислимы. Бывають такія эпохи, когда передовые люди, то есть, умнѣйшіе, неизбѣжно дѣлаются безчестными, жестокими и своекорыстными личностями. Отсталые же люди, въ это самое время, могутъ блистать самыми трогательными и возвышенными добродѣтелями. XIII вѣкъ представляетъ намъ одну изъ такихъ трагическихъ эпохъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости моего замѣчанія, стоитъ только сравнить передового человѣка, Фридриха II, съ отсталымъ человѣкомъ, Людовикомъ IX. У перваго безсовѣстность была возведена въ принципъ; второй никогда въ жизни не измѣнялъ данному слову. Если бы Фридрихъ II и Людовикъ IX оба были живы теперь, то, разумѣется, я бы вамъ сказалъ: держите ухо востро съ первымъ и смѣло довѣряйте второму ваши деньги, вашу честь, вашу сестру, жену или дочь, словомъ все, что хотите. Но вѣдь достоверно извѣстно, что оба они скончались; поэтому и разсуждать о нихъ слѣдуетъ совсѣмъ не такъ, какъ мы разсуждаемъ о живыхъ людяхъ, способныхъ насъ обокрасть, зарѣзать или ошельмовать. Когда мы становимся на всемірно-историческую точку зрѣнія, то есть, когда мы задаемъ себѣ вопросъ: какимъ путемъ шло человѣчество къ своему теперешнему положенію? — тогда всѣ отдаленныя личности, Фридрихи, Людовики, Иннокентіи, Колумбы, Лютеры, Гуттенберги, становятся для насъ отвлеченными величинами. Встрѣчаясь съ какою нибудь собственнымъ именемъ, мы прежде всего задаемъ ему вопросъ: ты что такое? Ты — плюсъ или минусъ? То есть, другими словами: куда ты толкалъ людей — впередъ или назадъ? А чѣмъ толкалъ — добродѣтелями или пороками, умомъ или глупостью, дѣятельностью или праздною? — Это вопросы, которые мы задаемъ себѣ не для того, чтобы хвалить или порицать толкавшую личность, а для того, чтобы изучить въ подробностяхъ самый механизмъ толканія. Поэтому, встрѣчаясь съ Фридрихомъ II, мы говоримъ: это — плюсъ; это — передовой человѣкъ, которыйшибко тол-

каль людей впередъ. А чѣмъ толкаль? Умомъ и безсовѣстностью. Встрѣчаясь съ Людовикомъ IX, мы говоримъ: это—минусъ; это отсталый человѣкъ; онъ упорно тянулъ людей назадъ. А чѣмъ? Тупоуміемъ. Спрашивается теперь, почему же въ политическомъ мірѣ XII вѣка умъ и добросовѣстность взаимно исключали другъ друга? То есть, почему передовой политической дѣятель того времени и настоящій двигатель общечеловѣческаго прогресса, никакъ не могъ быть честнымъ человѣкомъ? А вотъ видите ли: бывають въ исторіи эпохи органическія и эпохи критическія или, другими словами, эпохи положительныя и эпохи отрицательныя. Во время эпохъ органическихъ или положительныхъ система вѣрованій, идей и бытовыхъ формъ складывается, растетъ, у и укрѣпляется. Во время эпохъ критическихъ или отрицательныхъ готовая система дряхлѣетъ и разрушается. Въ XII вѣкѣ закончилась органическая эпоха католицизма. Съ XIII вѣка уже ясно начинается для него критическая эпоха. Въ IX, въ X, и въ XI вѣкѣ умѣйшіе европейцы были еще искренними католиками. Умѣйшіе европейцы XIII вѣка оказываются уже индифферентистами и скептиками. И если бы въ умахъ тогдашнихъ европейцевъ не совершился этотъ поворотъ, то на земномъ шарѣ до настоящей минуты не было бы ни желѣзныхъ дорогъ, ни электрическихъ телеграфовъ, ни телескопа, ни микроскопа, ни химіи, ни физіологіи, ни медицины. Папская власть систематически давила бы въ зародыши научнаго изслѣдованія. Всякому же извѣстенъ тотъ фактъ, что римская инквизиція осудила Галилея за астрономическія открытія, и что въ училищахъ церковной области будутъ отрицать движеніе земли до тѣхъ поръ, пока Викторъ-Эммануиль или его преемники не овладѣють Римомъ. Стало быть, кто дорожить приобрѣтеніями европейской науки и произведеніями европейской промышленности, тотъ долженъ сказать прямо, что индифферентизмъ къ папскому принципу XIII-го и слѣдующихъ вѣковъ былъ безусловно необходимъ для нашего теперешняго благосостоянія. Но индифферентистъ, очевидно, не можетъ обладать тѣми симпатичными качествами характера, которыми отличается мечтатель и энтузіастъ. Но само собою разумѣется, чистый типъ энтузіаста, какъ и все чистое, бываетъ во всякое время чрезвычайно рѣдкомъ. Въ эпохи повальнаго энтузіазма обыкновенный человѣкъ всегда бываетъ только *немножко* энтузіастомъ, и это *немножко* плаваетъ въ его натурѣ на значительномъ количествѣ ноздревскихъ, чичиковскихъ, плюшкинскихъ или какихъ нибудь другихъ помесей такого же высокаго достоинства. Эти нѣгіе энтузіасты, разумѣется, любятъ другъ друга

немножко, а грызутъ другъ друга много, потому что поступки ихъ опредѣляются преимущественно ихъ личною грязью, а не общимъ ихъ воодушевленіемъ. Если хотите взглянуть на чистаго энтузіаста, возьмите Людовика IX. Чище его вы не найдете, да и врядъ ли найдете другого такого человѣка между политическими дѣятелями католическаго міра. Но этотъ поборникъ папскаго принципа могъ развернуть свои силы съ пользою для человѣчества въ VI или въ VII вѣкѣ, а никакъ не въ XIII. Ему надо было жить во времена Григорія I и дѣйствовать заодно съ миссіонеромъ Бонифаціемъ, обращавшимъ въ христіанство прирейнскихъ германцевъ и погибшимъ смертью мученика въ землѣ дикихъ фризозъ. При такихъ условіяхъ, Людовикъ былъ бы передовымъ и полезнымъ человѣкомъ, потому что, во времена миссіонера Бонифація, историческая задача, стоявшая на очереди, заключалась въ томъ, чтобы связать единствомъ какой нибудь высшей идеи разрозненныя племена европейскихъ дикарей. Но въ XIII вѣкѣ стояла на очереди совсѣмъ другая историческая задача. Надо было, во что бы то ни стало, поколебать силу папства. А кто могъ въ то время сражаться съ папствомъ и одерживать надъ нимъ побѣды? Разумѣется, не теоретики, не ученые, не мыслители. На всѣ аргументы этихъ людей папство отвѣчало бы тѣми неопровержимыми доводами, которыми оно побѣдило вольнодумцевъ южной Франціи. Мудрено аргументировать противъ такого принципа, который отстаиваетъ свою неприкосновенность огнемъ и желѣзомъ. Борьба съ папствомъ могли въ XIII вѣѣ только тѣ люди, которые сами держали въ рукахъ огонь и желѣзо.—Но какія побудительныя причины должны были вовлечь свѣтскую власть въ борьбу съ папствомъ? За какую нибудь идею свѣтская власть бороться не могла; энтузіазма невозможно ожидать отъ ея представителей. Въ XIII столѣтіи не зарождались еще идеи сознательнаго человѣколюбія и безконечнаго прогресса XVIII вѣка. Столкновение между папствомъ и свѣтскою властью могло произойти только изъ-за личныхъ, узкихъ и мелкихъ интересовъ. Деньги и господство—вотъ яблоко раздора между клерикалами и феодалами. Властолюбіе и корыстолюбіе—вотъ двигатели важнѣйшихъ историческихъ событій, поколебавшихъ зданіе папства. Вѣровать въ непогрѣшимость папы умные политики XIII вѣка уже не могли; любить людей и работать для общаго блага они еще не умѣли. Стало быть, имъ оставалось только жить, по возможности, въ свое личное удовольствіе, копить или тратить награбленныя деньги, вести опустошительныя войны и безсовѣстныхъ интригъ единственно для того, чтобы наслаждаться ошчу-

ценіемъ собственнаго могущества, физическаго и умственнаго. И чѣмъ умнѣе былъ политическій дѣятель того времени, тѣмъ безграничнѣе была его безсовѣстность. А выработать себѣ новыя идеи онъ все-таки былъ не въ состояніи, какъ бы ни былъ онъ гениаленъ. Въ той жизни, которая его окружала, не было еще никакихъ матеріаловъ для выработки этихъ новыхъ идей. И поэтому, для умнаго политика XIII вѣка существовало только одно нравственное правило: не зѣвай, то есть, умѣй всегда, какими бы то ни было средствами, устроить такъ, чтобы матеріальная сила была на твоей сторонѣ. Такими передовыми людьми XIII столѣтіе было очень богато; и такіе люди, похожіе на хищныхъ звѣрей, опасные для союзниковъ и для враговъ, оказали своею дѣятельностью незамѣнимую услугу развитію европейскаго ума. Ихъ дрянныя страсти, ихъ полнѣйшая безсовѣстность, ихъ неукротимая энергія и ихъ изворотливый умъ, взятые вмѣстѣ и соединенные притомъ съ матеріальною силою, сдѣлали ихъ такими опасными бойца и, противъ которыхъ никакъ не могло устоять папское могущество, если бы даже оно рѣшилось держать въ отношеніи къ нимъ строго-оборонительную тактику. А когда дрянныя страсти властолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ политиковъ распатали папское зданіе, тогда явилась для европейцевъ возможность наблюдать, размышлять, учиться, дѣлать открытія и распространять знанія въ обществѣ.—Теперь мы можемъ обратиться къ біографіи Фридриха II, умнѣйшаго и безсовѣстнѣйшаго изъ передовыхъ людей XIII вѣка. Это—Филиппъ Августъ въ болѣе крушыхъ размѣрахъ.

V.

Сицилійское королевство Фридриха II, лежавшее по обѣ стороны Мессинскаго пролива, было самымъ промышленнымъ, самымъ богатымъ и самымъ образованнымъ государствомъ тогдашней Европы. Сицилія и южная Италія были наполнены арабами и евреями; здѣсь, какъ и вездѣ, эти двѣ народности, отличаясь трудолюбіемъ, предприимчивостью и смышленостью, дали сильнѣйшій толчокъ экономическому и умственному развитію страны. Земледѣліе, фабричная промышленность и торговля Сицилійскаго королевства находились въ цвѣтущемъ состояніи. Умственная жизнь страны сосредоточивалась въ трехъ знаменитыхъ училищахъ, привлекавшихъ въ предѣлы государства тысячи любознательныхъ иностранцевъ. Въ Салерно славилась школа медицины и естественныхъ наукъ; преподавателями

были арабы и евреи; благодаря ихъ усиліямъ, скептическая философія арабовъ, отрѣшившихся въ то время отъ поклоненія корану, пускала корни въ умы разноплеменныхъ слушателей, которые потомъ распространяли тѣ же идеи во всѣхъ концахъ католической Европы. Другая школа, въ Амальфи, формировала юристовъ, смотрѣвшихъ на государственныя учрежденія совсѣмъ не такъ, какъ того желали клерикалы. Эти средневѣковые законовѣды во всѣхъ столкновеніяхъ церкви съ свѣтскою властью, поддерживали послѣднюю всѣми правдами и неправдами утонченной юридической діалектики. Тутъ безсовѣстность облекалась всегда въ приличныя и величественныя формы.—Третья школа, въ Неаполѣ, была также посвящена правовѣденію. Роскошный климатъ Сициліи и блестящая обстановка богатаго двора развили въ молодомъ Фридрихѣ наклонность къ чувственнымъ наслажденіямъ; сдѣлавшись королемъ на третьемъ году жизни и выросши, безъ отца и безъ матери среди придворныхъ льстецовъ, онъ остался до самой смерти страстнымъ и непреклоннымъ властолюбцемъ. Получивши блестящее образованіе, онъ смотрѣлъ на поэзію, на искусства и на науки очень благосклонно, какъ на хорошее средство украшать и разнообразить жизнь различныхъ меценатовъ, подобныхъ ему самому. Онъ любилъ держать при своемъ дворѣ мыслителей и поэтовъ; онъ даже самъ въ свободныя минуты занимался рифмоплетствомъ, вмѣстѣ въ своимъ канцлеромъ и другомъ, Петромъ а-Винисисъ. Арабы, евреи, поэты, мыслители, придворные, все что окружало молодого Фридриха, все было насквозь пропитано скептицизмомъ, не слишкомъ глубокимъ, но очень заразительнымъ. Двусмысленныя распоряженія королевскаго опекуна, Инновентія III, запускавшаго безъ церемоніи свою клерикальную лапу въ сундуки сицилійскаго казначейства, давали ежедневно новую пищу остроумію дворцовыхъ скептиковъ, и Фридрихъ, рано начавшій тяготиться непрошеною и убыточною опекою, по всей вѣроятности, слушалъ съ удовольствіемъ и поощрялъ насмѣшки своихъ приближенныхъ надъ политикою римскаго іерарха. Такимъ образомъ выработывался изъ даровитаго мальчика, сидѣвшаго на сицилійскомъ престолѣ, — образованный эпикуреецъ, суровый властитель и совершенный космополитъ въ дѣлѣ религіи. Фридриху нравились обычаи магометанъ: онъ любилъ носить ихъ костюмъ; онъ держалъ въ своемъ дворцѣ роскошный гаремъ, составленный большею частью изъ магометанокъ; онъ находился въ постоянныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ магометанскими государями Европы, Азии и Африки; онъ обмѣнивался съ ними подарками и пользовался ихъ

уваженіемъ; но къ ученію корапа онъ относился равнодушно, насмѣшливо и даже презрительно. При его дворѣ жили сыновья знаменитаго арабскаго ученаго Аверроэса, открыто смѣявшіеся надъ Магометомъ. «Однѣ свиньи, говорилъ Аверроэсъ, могутъ считать ученіе этого человѣка разумнымъ, единственно потому, что Магометъ принялъ свиней подъ свое покровительство, запретивъ людямъ употреблять въ пищу свиное мясо.» — Фридрихъ рано возмужалъ; ему было всего пятнадцать лѣтъ, когда у него родился первый законный сынъ, Генрихъ; незаконныя дѣти рождались, быть можетъ, еще раньше. Двадцати лѣтъ отъ роду, въ 1215 году, онъ принялъ въ Ахенѣ корону германскаго короля и, вслѣдствіе этого, три года воевалъ съ императоромъ Оттономъ IV. Война эта кончилась смертью Оттона, въ 1218 году. Фридрихъ два раза обманулъ папу, чтобы привлечь его на свою сторону. Во-первыхъ, онъ обѣщаль ему, что сицилійская корона никогда не будетъ соединена съ германскою. Сицилію онъ обязался отдать своему старшему сыну Генриху, отказываясь за него отъ всякихъ притязаній на Германію и на императорскую корону. Поступилъ же онъ какъ разъ наоборотъ. Онъ оставилъ за собою и Сицилію, и Германію, и сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы имперскіе князья выбрали Генриха его преемникомъ. Онъ вполне достигъ своей цѣли, и тогда написалъ къ папѣ, что государственные чины выбрали его сына безъ его вѣдома. Къ счастью для Фридриха, папою былъ уже не Иннокентій, а Гонорій III, котораго было не трудно успокаивать вѣдужками и обѣщаніями. Вторая уловка Фридриха состояла въ томъ, что онъ, при своемъ коронованіи, далъ торжественную клятву отправиться въ крестовый походъ. Ему, отъявленному скептику и другу магометанъ, было, разумѣется, очень смѣшно говорить торжественно о религіозной войнѣ и о благочестивой ненависти къ невѣрнымъ. Однако онъ выдержалъ свою роль превосходно, повторилъ обѣщаніе въ Римѣ, принимая изъ рукъ папы, въ 1220 году, императорскую корону, и, въ теченіе тринадцати лѣтъ (1215—1228) морочилъ всю Европу, показывая видъ, будто дѣлаетъ колоссальныя приготовленія для завоеванія Палестины. Благонамѣренная маска крестоносца была полезна для Фридриха въ двухъ отношеніяхъ во-первыхъ, она задобрила папу въ то время, когда Оттонъ былъ еще живъ и когда Фридрихъ еще не былъ императоромъ; а во-вторыхъ, она, въ теченіе многихъ лѣтъ, давала Фридриху возможность вооружаться и собирать вокругъ себя рыцарей, не возбуждая никакихъ подозрѣній въ тѣхъ людяхъ, противъ которыхъ вооруженное рыцарство должно было направиться. Вся политика Фри-

дриха клонилась преимущественно къ одной главной цѣли: ему хотѣлось, во что бы то ни стало, стереть съ лица земли федерацію ломбардскихъ городовъ и утвердить навсегда императорскую власть сѣверной Италіи. Не трудно понять, почему ломбардскіе города сосредоточивали на себѣ все вниманіе Фридриха. Независимая федерація этихъ городовъ разрѣзывала пополамъ его владѣнія; сверхъ того, только эта федерація, державшая въ своихъ рукахъ ключи альпійскихъ проходовъ, могла сколько нибудь обезпечить самостоятельность папы. Если бы Фридриху, господствовавшему въ Германіи и владѣвшему южной Италіей, удалось завоевать Ломбардію, то папа мгновенно превратился бы въ императорскаго чиновника. Возобновились бы тогда времена Карла Великаго и Оттоновъ. Во избѣжаніе такихъ неудобствъ, папы времянь Фридриха II поддерживали постоянно самый тѣсный союзъ съ ломбардскою демократією; за нападеніе на эти города папа всегда гнѣвался, бранился и исплилъ, какъ за личное оскорбленіе. Занимаясь интригами и мелкими войнами въ сѣверной Италіи, путешествуя постоянно изъ Германіи въ Сицилію и обратно, Фридрихъ въ то же время нѣсколько разъ распускалъ слухи, что въ такой-то день, въ такомъ-то приморскомъ городѣ онъ непременно сядетъ на корабль и поплыветъ въ Палестину. Кораблей у него, какъ у короля сицилійскаго, всегда было достаточно, и онъ дѣйствительно держалъ ихъ на готовѣ, такъ что слухи оказывались чрезвычайно правдоподобными. Имъ вѣрили и папа, и европейскіе государи, и тѣ благочестивые авантюристы, которые стремились загладнить свои прегрѣшенія войной съ невѣрными. Въ 1217 году, въ Палестину отправилось многочисленное и чрезвычайно разноплеменное крестоносное воинство подъ начальствомъ многихъ отдѣльныхъ вождей. Не сдѣлавъ ничего путнаго въ Палестинѣ, многіе изъ этихъ крестоносцевъ вернулись домой, другіе отправились воевать съ Египеть. Фридрихъ въ это время по своему обыкновенію, дѣлалъ видъ, что собирается выступить въ походъ противъ невѣрныхъ. При этомъ онъ постоянно поддерживалъ тайныя дипломатическія сношенія съ магометанскими государями. Разумѣется, походъ его не состоялся, и онъ жестоко попредилъ успѣху всего предпріятія именно тѣмъ, что обѣщаль принять въ немъ участіе и обнаруживалъ притворную готовность исполнить свое обѣщаніе. Крестоносцы, отправившіеся въ Египеть, ожидали его со дня на день, и въ этихъ безплодныхъ ожиданіяхъ провели цѣлый годъ; когда же они, наконецъ, рѣшились дѣйствовать безъ Фридриха, тогда благоприятная минута оказалась упущенною; магометане, успѣвши уладить свои домашнія дѣла, встрѣ-

тили христіанъ съ такимъ единодушіемъ, что весь крестовый походъ кончился мирнымъ договоромъ, по которому крестоносцы получили позволеніе уйдти изъ Египта по-добру, по-здорову. Фридрихъ отъ души смѣялся съ своими приближенными надъ неудачнымъ исходомъ священной войны, и, для поддержанія своей благочестивой роли, отправилъ къ берегамъ Египта сорокъ галеръ тогда, когда эти галеры не могли принести крестоносцамъ ни малѣйшей пользы. Разумѣется, эти галеры прогулялись по Средиземному морю и вернулись назадъ, а Фридрихъ сталъ писать къ папѣ раздражительныя письма о бѣдственномъ положеніи святой земли, обмѣниваясь въ то же время дружескими комплиментами съ египетскимъ султаномъ. Въ 1223 году, Фридрихъ повидался съ папою, наговорилъ ему песмѣтное множество хорошихъ словъ, показалъ себя усерднѣйшимъ изъ крестоносцевъ и взялъ себѣ только двухлѣтнюю отсрочку, доказывая неопровержимо, что такая отсрочка должна непременно обезпечить успѣхъ всего предпріятія. Для большей убѣдительности, Фридрихъ тогда же обручился съ Іолантою, дочерью іерусалимскаго короля, Іоанна Бриенскаго. Прошло два года, и Фридрихъ, разумѣется, не тронулся съ мѣста. Но чтобы еще разъ показать свое крестоносное усердіе, онъ въ 1225 году женился на Іолантѣ или, «правильнѣе, какъ говоритъ Шлоссеръ,» взялъ ее въ свой гаремъ, къ другимъ женамъ.» Совершивъ такой великій подвигъ, Фридрихъ почувствовалъ необходимость отдохнуть и потребовалъ себѣ отъ папы новую двухлѣтнюю отсрочку, объявивъ торжественно, что если и черезъ два года онъ не разгромитъ магометанъ, тогда пусть отлучаютъ его отъ церкви. Женившись на Іолантѣ, Фридрихъ принялъ титулъ и приобрѣлъ права іерусалимскаго короля; «права же эти, по словамъ Шлюссера, были ему полезны тѣмъ, что давали ему возможность, еще въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ прежде, усиливать флотъ и войско на суммы, жертвуемыя благочестивыми людьми для религіозныхъ цѣлей.» Желая показать, что онъ смотритъ серьезно на свой новый титулъ, Фридрихъ послалъ въ Палестину епископа амальфійскаго съ порученіемъ принять отъ іерусалимскихъ бароновъ присягу.— Наступилъ новый срокъ, торжественно назначенный самимъ Фридрихомъ. Нѣсколько тысячъ крестоносцевъ собралось къ этому времени въ южной Италіи; другіе отправились впередъ въ Палестину. Разумѣется, всѣ эти ожиданія оказались совершенно напраснымъ; крестоносцамъ пришлось разбѣжаться по домамъ, но большая часть изъ нихъ умерла въ Апуліи отъ жаркаго климата. Осенью 1227 года, преемникъ папы Гонорія III, Григорій IX, произнесъ надъ Фридрихомъ отлуче-

ніе отъ церкви. Если бы Фридрихъ просто уклонился отъ крестоваго похода, то папа врядъ ли рѣшился бы на такую энергическую мѣру. Отсрочка слѣдовала бы за отсрочкою, и дѣло понемногу заглохло бы само собою. Но Фридрихъ, въ послѣднее время, слишкомъ усердно хлопоталъ о завоеваніи Ломбардіи, и тогда папа, изъ чувства самосохраненія, принужденъ былъ пустить въ ходъ противъ предприимчиваго императора всю тяжелую артиллерию папскихъ ругательствъ и проклятій. Къ сожалѣнію, Фридриха было очень мудрено запугать кѣкимъ бы то ни было оружіемъ, свѣтскимъ или духовнымъ. На проклятія папы онъ отвѣчалъ рѣзкими манифестами. Въ то же время, онъ такъ успѣшно велъ противъ папы сложныя и запутанныя интриги, что въ пасху 1228 года римскій народъ выгналъ папу изъ Рима. И въ это же самое время онъ доказывалъ въ своихъ циркулярахъ, что онъ — покорный сынъ церкви и угнетенная невинность, а папа — жестокосердый тиранъ, терзающій и проклинающій, по своимъ личнымъ расчетамъ, самыхъ усердныхъ защитниковъ католицизма. И циркуляры были написаны такъ убѣдительно, факты были подобраны и освѣщены такъ искусно, что Европа поневолѣ изумлялась и вѣрила. Осенью 1228 года, Европѣ пришлось изумиться особенно сильно: Фридрихъ поѣхалъ въ Палестину по приглашенію египетскаго султана Камеля и приобрѣлъ отъ него Іерусалимъ и другія свята мѣста, не проливши ни одной капли крови. Дѣло въ томъ, что Камель искалъ себѣ въ Фридрихѣ надежнаго союзника противъ своихъ единовѣрцевъ и ближайшихъ родственниковъ. Камель, подобно Фридриху, держался того правила, что въ государственныхъ дѣлахъ слѣдуетъ руководствоваться не религіознымъ чувствомъ, а политическимъ расчетомъ. Весною 1229 года, заключивъ съ Камелемъ мирный договоръ, Фридрихъ вступилъ въ Іерусалимъ, самъ надѣлъ на себя корону въ церкви святаго гроба и, вслѣдъ за тѣмъ, возвратился въ Европу. Въ это время папа наберевалъ себѣ солдатъ и опустошалъ южную Италію, пользуясь отсутствіемъ Фридриха. Тотчасъ послѣ своего возвращенія въ Европу, Фридрихъ разогналъ шайки бандитовъ и немедленно заявилъ всѣмъ правительствамъ католическаго міра, что папа ограбилъ его владѣнія въ то время, когда онъ, Фридрихъ, совершалъ въ Палестинѣ богоугодныя дѣла. Папа, съ своей стороны, старался доказать, что эти дѣла совсѣмъ не богоугодны, и что Фридрихъ заключилъ въ Палестинѣ союзъ съ дьяволомъ, то есть, съ Камелемъ; но общественное мнѣніе Европы рѣшительно склонилось на сторону императора, и Григорій IX, въ 1230 году, принужденъ былъ снять съ него отлученіе отъ церкви.

VI.

Въ 1231 году, Фридрихъ обнародовалъ для своего Сицилійскаго королевства новый сводъ законовъ, составленный его канцлеромъ, Петромъ а-Винсисъ. Чтобы господствовать въ Германіи, чтобы раздвинуть ломбардскую федерацію, чтобы окончательно смирить папу, Фридриху необходимо было располагать постоянно огромными суммами денегъ. Поэтому, финансы составляли центръ всей системы его управленія. Онъ, вмѣстѣ съ своимъ канцлеромъ, старался разрѣшить слѣдующую политическую задачу: брать съ подданныхъ какъ можно больше денегъ, но такъ, чтобы самые источники государственнхъ доходовъ не истощались, то есть, чтобы основной капиталъ народа не уменьшался. Для этого, очевидно, надо было устроить такъ, чтобы, по возможности, всѣ деньги, собираемыя съ народа, поступали въ государственное казначейство, и чтобы какъ можно меньше народныхъ денегъ уходило въ карманы частныхъ лицъ и корпорацій; кромѣ того, надо было, по возможности, устранить все то, что мѣшало народу трудиться, промышленяты, торговать и совершенствоваться въ различныхъ отрасляхъ ремесленной, фабричной, художественной и научной дѣятельности. Фридрихъ II и его канцлеръ поняли свою задачу именно такимъ образомъ; оба они смотрѣли на Сицилійское королевство такъ, какъ дѣльные хозяева смотрятъ на доходныя имѣнія. Народъ былъ для нихъ оброчною статьею, но, по крайней мѣрѣ, оба они, какъ люди очень умные, понимали довольно вѣрно тѣ условія, при которыхъ эта оброчная статья можетъ постоянно приносить значительные доходы. Этого правильнаго пониманія было совершенно достаточно для того, чтобы поставить законодательство и администрацію Фридриха неизмѣримо выше всей теоріи и практики его современниковъ. Въ новомъ кодексѣ было много постановленій, ограждавшихъ права короля и народа отъ неумѣренныхъ притязаній духовенства; евреямъ и магометанамъ предоставлялась полная религіозная свобода; церковныя помѣстья облагались податью наравнѣ съ другими землями; духовныя лица должны были подчиняться гражданскимъ законамъ наравнѣ со всѣми остальными подданными; всѣмъ сицилійцамъ запрещалось продавать или дарить родовыя имѣнія церквямъ, монастырямъ и монастырскимъ рыцарскимъ орденамъ. Ордалинъ, то есть, различныя судебныя испытанія водою, желѣзомъ, огнемъ, совершенно отмѣнялись; судебный поединокъ допускался только въ очень немногихъ случаяхъ; говоря о судебныхъ поединкахъ, кодексъ Фрид-

риха открыто выражаетъ ту мысль, очень смѣлую для XIII вѣка что побѣда зависитъ отъ силы и ловкости бойца, а не отъ правоты его дѣла. «Свидѣтельствуя объ обширномъ, независимомъ умѣ Фридриха,—говоритъ Шлоссеръ,—этотъ кодексъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ доказательствомъ, что въ Италіи общественная жизнь въ то время была болѣе развита, чѣмъ гдѣ либо; это видно, между прочимъ, изъ того, что Фридрихъ счелъ нужнымъ опредѣлить, какую часть съ цѣнности предмета процесса имѣлъ право адвокатъ требовать отъ кліента. Слѣдовательно, юридическая защита въ судахъ уже была тогда необходима. То же самое доказывается и постановленіями о медицинской полиціи: въ нихъ точно опредѣлялись обязанности врача, плата за носѣщеніе больныхъ, и все, касающееся аптекъ; а отъ всякаго, желающаго практиковать или преподавать медицину, требовался строгій экзаменъ и указывалось, какъ приобрести необходимыя свѣдѣнія» (т. VII, стр. 265). Медицинская школа, находившаяся въ Салерно, пользовалась постояннымъ покровительствомъ Фридриха; ученые могли спокойно заниматься своимъ дѣломъ, не боясь ежеминутно, что ихъ обвинятъ въ безбожіи или въ колдовствѣ. Изъ ненависти къ верхне-итальянскимъ городамъ, Фридрихъ основалъ въ Неаполѣ превосходный университетъ. Студентамъ неаполитанскаго университета были предоставлены такія права и привилегіи, какими никогда и нигдѣ еще не пользовались средневѣковые студенты. Фридрихъ довелъ свою внимательность къ учащейся молодежи до такихъ неслыханныхъ размѣровъ, что особымъ эдиктомъ гарантировалъ иностранцамъ, желавшимъ учиться въ Неаполѣ, безопасность дороги, дешевизну жизни и полную свободу во время всего пребыванія ихъ въ предѣлахъ Сицилійскаго королевства. Въ этомъ эдиктѣ были даже опубликованы цѣны квартиръ, и объявлялось, кромѣ того, что правительство заботится о кредитѣ для учащихся и о хорошемъ качествѣ помѣщеній. Если бы Фридрихъ издавалъ такіе необыкновенные эдикты изъ безкорыстной любви къ просвѣщенію, то его смѣло можно было бы поставить рядомъ съ Элювою, родившею на свѣтъ сына и непашедшею для него лучшаго имени, какъ *Астролябія*. Покровительствовать просвѣщенію—дѣло прекрасное; но когда правитель обширнаго государства публикуетъ въ своихъ эдиктахъ цѣны студенческихъ квартиръ и гарантируетъ своевластно кредитъ для учащихся юношей, тогда, очевидно, любовь къ наукѣ превращается у этого правителя въ мономанію, которая можетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія для всѣхъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго хозяйства. Но ясный,

глубокий и холодный умъ Фридриха былъ совершенно обезпеченъ противъ всякой мономаніи. Необыкновенный эдиктъ о квартирахъ и о кредитѣ былъ вызванъ не любовью императора къ наукѣ и къ студентамъ, а его враждебными отношеніями къ городамъ верхней Италіи, и преимущественно къ Болоньѣ, которая была богата и епльна, единственно благодаря своему знаменитому университету, привлекавшему ежегодно болѣе двѣнадцати тысячъ иностранцевъ. этихъ иностранцевъ Фридриху желательно было перетянуть въ Неаполь для того, чтобы купцы, ремесленники и домохозяева Болоньи остались на бобахъ и заскрежетали зубами. Разоряя обывателей города Болоньи, новый неаполитанскій университетъ, кромѣ того, солилъ также самымъ чувствительнымъ образомъ всегдашнему благопріятелю Фридриха, папѣ. Болонскій университетъ находился подъпокровительствомъ папы и, проводя въ своемъ преподаваніи теократическія тенденціи, распространялъ клерикальныя идеи по всей католической Европѣ; посредствомъ тѣхъ двѣнадцати тысячъ иностранцевъ, которые ежегодно упивались болонскою премудростью. Въ Неаполѣ же любознательнымъ иностранцамъ предлагалась, всѣстѣ съ кредитомъ и дешевыми квартирами, премудрость совсѣмъ другого сорта. Въ неаполитанскомъ университетѣ господствовала философія Аристотеля въ совершенно неискаженномъ видѣ. Многія важнѣйшія кафедры были заняты арабами и евреями; скептическое направленіе преподаванія нисколько не считалось предосудительнымъ; при такихъ условіяхъ, рьяный католицизмъ былъ, очевидно, немислимъ. По приказанію Фридриха, ученые неаполитанскаго университета въ первый разъ перевели всѣ сочиненія Аристотеля прямо съ греческаго языка на латинскій; до того времени, Европа знала Аристотеля только по переводамъ, сдѣланнымъ изъ вторыхъ рукъ, съ арабскихъ переводовъ. Новый, настоящій Аристотель быстро распространился по всѣмъ тогдашнимъ университетамъ; клерикалы, и во главѣ ихъ самъ папа, старались остановить это умственное движеніе. Григорій IX, въ 1231 году, запретилъ католикамъ читать сочиненія Аристотеля о философіи природы до тѣхъ поръ, пока эти книги не будутъ исправлены и очищены учеными богословами. Запрещеніе это ни къ чему не повело; Аристотель остался неочищеннымъ, и студенты всѣхъ націй продолжали читать его съ неимовѣрною жадностью. Всмотрываясь въ такіе факты, какъ основаніе неаполитанскаго университета и переводъ Аристотеля, мы поневолѣ должны изумляться дальновидности Фридриха II. Этотъ властолюбивый эпикуреецъ, невѣрившій въ безсмертіе души и презиравшій судь исторіи, умѣлъ однако, подобно всѣмъ гениальнымъ лю-

дямъ, смотрѣть впередъ, въ далекое будущее, и, независимо отъ своей собственной воли, по непосредственной гениальности своего ума, выбиралъ противъ своихъ враговъ такія средства, которыя подрывали ихъ могущество въ основномъ принципѣ, и которыя дѣйствовали на многія поколѣнія, дѣйствовали тогда, когда уже и самъ Фридрихъ, и всѣ его личные враги давнымъ давно лежали въ могилахъ.

VII.

Установивъ на прочныхъ основаніяхъ внутреннее управленіе Сицилійскаго королевства, Фридрихъ II, съ 1236 года сосредоточилъ все свое вниманіе на покореніи Ломбардіи. Ломбардцы защищались отчаянно. Къ нимъ примкнули морскія державы Италіи: Генуя и Венеція. Папа старался сперва урезонить властолюбиваго императора, но Фридрихъ попросилъ его разъ навсегда не вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла. Тогда папа, вовсе не желая исполнить эту нескромную просьбу, открыто присоединился къ союзу верхне-итальянскихъ городовъ, и въ 1239 году снова отлучилъ отъ церкви своего стариннаго врага. Съ этой минуты, до самой смерти Фридриха, то есть, до 1250 года, борьба его съ папствомъ уже не прекращалась. Воюющія стороны осыпали другъ друга проклятіями, ругательствами и публичными обвиненіями. Фридрихъ писалъ ко всѣмъ европейскимъ правительствамъ, что папа — воръ, пьяница и развратникъ. Григорій IX объявлялъ, съ своей стороны, что императоръ — негодий, еретикъ и безбожникъ, невѣрующій въ Христа и осмѣивающій таинства религіи. — «Недостойный намѣстникъ Христа, писалъ Фридрихъ, сидитъ въ своемъ дворцѣ, какъ купецъ въ лавкѣ, и за золото продаетъ отпущеніе грѣховъ, пишетъ и подписываетъ векселя и пересчитываетъ деньги. Онъ только потому и преслѣдуетъ меня своею ненавистью, что я не согласился женить на его племянницѣ моего побочнаго сына Энціо, теперешняго короля Сардиніи... Среди церкви, продолжаетъ онъ, возсѣдаетъ бѣснующійся кудесникъ, человекъ лжи, святитель, оскверненный преступленіями и развратомъ... Онъ пьяница и, хмѣльной, называетъ себя повелителемъ неба и земли.» — Григорій, разумѣется, не оставался въ долгу и отвѣчалъ блистательными ругательствами на обличительное краснорѣчіе Фридриха. — «Изъ волнъ морскихъ, возвѣщаетъ папа, вышелъ звѣрь, на которомъ написано крупными буквами его имя: «богохульство.» — Оказывается, что этотъ звѣрь ничто иное, какъ

самъ Фридрихъ II.—«Онъ (то есть, звѣрь или Фридрихъ) утверждаетъ ложно, что я взбѣшенъ по поводу несостоявшагося брака между моею племянницею и его побочнымъ сыномъ. Онъ лжетъ еще болѣе безсовѣстнымъ образомъ, утверждая, что я продалъ мою вѣру ломбардцамъ.» — Доминиканцы, бывшіе постоянно самыми твердыми защитниками папства, неутомимо проповѣдывали противъ Фридриха въ самыхъ низшихъ слояхъ европейскаго народонаселенія; любимую тѣмъ ихъ проповѣдей были извѣстныя сношенія Фридриха съ магометанскими правителями; при этомъ не забывались, разумѣется, и тѣ права, которыми пользовались въ Сицилійскомъ королевствѣ евреи и арабы. Изъ всѣхъ этихъ неопровержимыхъ и совершенно достовѣрныхъ фактовъ усердные монахи выводили то очень натянутое заключеніе, что Фридрихъ совершенно отказался отъ христіанства и ставается истребить его оружіемъ, учеными сочиненіями и дерзкими насмѣшками. Для большей убѣдительности и для красоты слога, проповѣдники приписывали Фридриху разныя нелѣпыя кощунства, которыхъ, разумѣется, никогда не позволилъ бы себѣ, при постороннихъ свидѣтеляхъ, умный и осторожный правитель, особенно, если принять въ соображеніе, что этому правителю было уже слишкомъ сорокъ лѣтъ, и что онъ, съ самой ранней молодости, выучился владѣть собою и обманывать всю Европу своимъ лицемеріемъ. Ходили, правда, какіе-то темные слухи о какой-то таинственной книгѣ, говорили, что эта книга наполнена дерзкими выходками противъ христіанства и что ее написалъ самъ Фридрихъ или, по крайнѣй мѣрѣ, его канцлеръ, Петръ а-Винсенсъ; но книга эта до насъ не дошла; извѣстія о ней чрезвычайно отрывочны и смуглы; ссылаются на эту книгу злѣйшіе враги Фридриха II; а на самомъ дѣлѣ очень трудно повѣрить тому, члобы серьезные государственные люди, заваленные разнообразѣйшими заботами по всѣмъ отраслямъ законодательства, дипломатіи, судопроизводства, финансовой и гражданской администраціи, вздумали сочинять нелѣпый памфлетъ, отъ котораго они не могли ожидать себѣ ничего, кромѣ хлопотъ и неприятностей. Всего правдоподобнѣе, что вся эта книга есть чистый мифъ, созданный епископами и монахами Сицилійскаго королевства. Само собою разумѣется, что всѣ клерикалы южной Италіи и Сициліи были озлоблены до глубины души законодательною и административною дѣятельностью Фридриха, которому постоянно помогалъ его канцлеръ. Выразиться въ вооруженномъ возстаніи это озлобленіе не могло, потому что Фридрихъ былъ очень бдителенъ и поступалъ очень круто съ нарушителями общественнаго спокойствія. Зна-

читать, надо было мстить осторожно, посредствомъ клеветы; а клевету всего удобнѣе было направить противъ той стороны въ личности Фридриха и его канцлера, которая дѣйствительно вызывала въ народѣ толки и сомнѣнія. Императоръ ведетъ дружбу съ невѣрными — чего же лучше? Сейчасъ можно прицѣпить къ этому обстоятельству обвинене въ отступничествѣ, въ безбожїи, въ насмѣлкѣ надъ святыею. И разумѣется, не зачѣмъ было останавливаться на неопредѣленныхъ толкахъ; можно было сочинитьцѣлые рассказы съ именами дѣйствующихъ лицъ, съ указаніемъ мѣста и времени, съ приведеніемъ антастическихъ заглавій, принадлежащихъ несуществующимъ сочиненіямъ. Въ то время, когда Фридрихъ, отлученный отъ церкви, ругался съ папою передъ лицомъ всей католической Европы, въ то время, когда доминиканцы громили его въ своихъ проповѣдяхъ, — францисканцы стояли за него горю и распространили въ народѣ разные слухи, невыгодные для папства. Генераль францисканскаго ордена, Илія, непосредственный преемникъ ятого Франциска, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Фридриха. Этотъ глубокой раздоръ клерикаловъ между собою показываетъ особенно наглядно ветхость католицизма. Если можно было оставаться католикомъ, монахомъ и проповѣдникомъ, поддерживая заклятыхъ враговъ папы, людей, отлученныхъ отъ церкви и обвиненныхъ въ безбожїи, то, очевидно, католицизмъ переставалъ быть дѣломъ искренняго убѣжденія и превращался въ мертвую массу условныхъ формальностей даже для тѣхъ людей, которые, по своему официальному положенію, были обязаны проводить и поддерживать словомъ и примѣромъ католическія идеи. Впрочемъ Фридрихъ съ своей стороны старался, по возможности, разными подвигами благочестія, облегчать трудную задачу служивыхъ францисканцевъ, взявшихъ на себя его защиту. Чтобы доказать католической Европѣ, что онъ не совсѣмъ пропащій человекъ и что лютые доминиканцы взводятъ на него чистѣйшую напраслину, Фридрихъ преслѣдовалъ, пыталъ и сжигалъ въ верхней Италїи тѣхъ самыхъ еретиковъ, которыхъ папа, со временъ альбигойской войны, беспощадно истреблялъ въ южной Франціи. Но Григорій IX ни за что не хотѣлъ уступить Фридриху въ двуличности. Григорій принималъ итальянскихъ еретиковъ подъ свое покровительство и сталъ проклинать Фридриха за его жестокость, въ то самое время, когда папскіе легаты и доминиканскіе инквизиторы продолжали свирѣпствовать противъ еретиковъ южной Франціи. Однихъ мучилъ и казнилъ такихъ людей, которыхъ онъ, очевидно, считалъ

совершенно навигными; а другой, изъ ненависти къ первому, оплакивалъ этихъ несчастныхъ, которыхъ олъ самъ, въ другое время, охотно изжарилъ бы на медленномъ огнѣ. И оба усерднѣйшимъ образомъ выводили другъ друга на свѣжую воду; оба всѣми возможными средствами старались убѣдить Европу въ томъ, что папа и императоръ рѣшительно никуда не годятся. Мудрено ли, что Европа, прислушиваясь къ ихъ скандальнымъ словамъ и присматриваясь къ ихъ безсовѣстнымъ поступкамъ, понемногу начала терять довѣріе, какъ въ папство, такъ и въ священную римскую имперію. Взаимно истребляя другъ друга, папство и священная римская имперія оказали Европѣ незабвенную услугу, тѣмъ болѣе важную, что ея не могла оказать никакая третья, посторонняя сила. Освобожденіе европейской мысли могло возникнуть только изъ этой роковой ошибки двухъ величайшихъ авторитетовъ. Жизнь Фридриха II наполнена самыми черными преступленіями; всѣ мрачныя стороны его неукротимой личности выдвинулись впередъ и обрисовались особенно рельефно во время его послѣдней, продолжительной, ожесточенной и совершенно безуспѣшной борьбы съ городами верхней Италіи раздраженный непобѣдимымъ сопротивленіемъ свободныхъ итальянцевъ, непреклонный деспотъ превратился въ отчаяннаго игрока, для котораго исчезли всякія соображенія, неотносиція къ начатой игрѣ. Монголы угрожали Германіи съ востока, неаполитанцы и сицилійцы роптали противъ невыносимыхъ налоговъ, уходившихъ на военные расходы, ломбардцы просили мира и предлагали выгодныя условія, но Фридрихъ, какъ страстный игрокъ, не обращалъ вниманія ни на что. Онъ требовалъ безусловной покорности и, приводя своихъ враговъ въ отчаяныя неумѣренностью этого требованія, продолжалъ беспощадную и безплодную войну, разорялъ своихъ подданныхъ, разорялъ своихъ враговъ и позволялъ монголамъ опустошать Венгрію и тревожить восточныя области германской имперіи. И между тѣмъ, этотъ безсовѣстнѣйшій человѣкъ, неотступавшій ни передъ грабежомъ, ни передъ насиліемъ, ни передъ юридическимъ убійствомъ, до такой степени соответствовалъ требованіямъ своего вѣка и своего народа, что народъ долго любилъ и помнилъ его энергическую личность. Нѣмцы восцѣли и прославили въ немъ именно ту черту его дѣятельности, что онъ не давалъ простыхъ людей въ обиду духовенству. Фридрихъ, тотчасъ послѣ своей смерти, сдѣлался героемъ народныхъ глосендъ, и этотъ легендарный образъ, очищенный народной фантазіей отъ всякой грязной примѣси, надѣлалъ много хлопотъ одному изъ лучшихъ

пресниговъ Фридриха, Рудольфу Габсбургскому. «Какъ ни благо-
дѣтельно было управленіе Рудольфа, — говоритъ Шлоссеръ, — но па-
мять о Горемитауфенахъ жила еще въ народѣ. Было даже повѣрье,
что Фридрихъ II воскреснетъ и преобразуетъ испорченную религію;
вслѣдствіе того, въ Германіи появлялось множество самозванцевъ.
Изъ 20 или 30 подобныхъ людей, одинъ приобрѣлъ такое значеніе
что Рудольфъ долженъ былъ лично выступить противъ него, но и
тутъ онъ дѣйствовалъ съ обычнымъ хладнокровіемъ, умомъ, и умѣ-
ренностью. Этотъ самозванецъ, Тиле Колупъ или Деревянный Бан-
никъ, былъ простой крестьянинъ изъ окрестностей Кельна, но
сумѣлъ такъ повести дѣло, что привлекъ къ себѣ все населеніе
отъ Кельна до Майнца, и даже многихъ рыцарей. Ему охотно вѣ-
рили, вслѣдствіе общаго ожесточенія противъ духовенства, и потому,
что были еще живы многіе солдаты Фридриха, обогатившіеся въ
итальянскихъ походахъ. Рудольфъ долженъ былъ приступить къ
Майнцу, гдѣ находился Тиле, но жители отказались ему выдать,
такъ что императору пришлось начать осаду. Желая кончить дѣло
мирнымъ путемъ, онъ послалъ въ городъ бурграфу нюренбергскаго
и графа фонъ-Налценелленбома, которые доказали народу, по воз-
расту Тиле, что онъ не можетъ быть Фридрихомъ II. Тогда Тиле
бѣжалъ въ Веттерау и попалъ въ плѣнъ; его осудили за народоу-
бство и сожгли, но предварительно имперскій маршалъ выпилъ изъ
него волшебную силу» (т. VII, стр. 396). Такимъ образомъ, уже во
второй половинѣ XIII вѣка, нѣмедлей народъ размышлялъ или,
хотя бы, мечталъ о преобразованіи испорченной религіи. И трудъ
этого преобразованія онъ поручалъ въ своихъ мечтахъ не какому
нибудь святому отшельнику, а напротивъ того, знаменитому досу-
дарственному человѣку и отъявленному врагу папы.

VIII.

Доминиканцы были постоянно самыми надежными орудіями эле-
ривальнаго деспотизма; но орденъ францисканцевъ, вскорѣ послѣ
своего основанія, принявъ къ врагамъ помѣства и даже заразивши
еретическими доктринами, чрезвычайно опасными для римской гео-
кратіи. Въ концѣ XIII вѣка была написана какія-то неизвестныя
лицомъ странная книга, носившая названіе «свѣтлаго евангелія».
Эта книга произвела на своихъ первыхъ читателей такое сильное
впечатленіе, что о ней тотчасъ оставилась легенда. Страница

зывать, что подлинникъ этого сочиненія, написанный на мѣдныхъ доскахъ, былъ принесенъ съ неба ангеломъ и врученъ священнику Кириллу, который передалъ его аббату Иоакиму. Этотъ Иоакимъ былъ извѣстенъ въ католическомъ мѣрѣ безукоризненною чистотою своей жизни и глубокою искренностью своего благочестія; когда онъ былъ живъ, его считали угодникомъ божьимъ и пророкомъ; послѣ его смерти, римская церковь причислила его къ лику своихъ святыхъ. Ясно, стало быть, что имя Иоакима пользовалось между елрикалами сильнымъ авторитетомъ. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ его смерти, книга «вѣчное евангеліе» стала распространяться въ монастыряхъ францисканскаго ордена; къ этой книгѣ было уже въ это время придѣлано введеніе, объяснявшее ея смыслъ и написанное Иоанномъ Пармскимъ, генераломъ францисканцевъ. Въ этомъ введеніи Иоаннъ доказывалъ, что угодникъ и пророкъ Иоакимъ, прожизнувшись идеями «вѣчнаго евангелія», считалъ дѣло римской церкви совершенно оконченнымъ и предсказывалъ ей неизбѣжное шаденіе. Далѣе, введеніе Иоанна раскрывало значеніе мистическихъ образовъ, наполнявшихъ эту таинственную книгу, и давало имъ такія толкованія, которыя никакъ не могли понравиться папству. Иоаннъ говоритъ, что божественный промыслъ ведетъ человѣчество черезъ различныя эпохи или періоды; во время ветхозавѣтнаго или еврейскаго періода, мѣръ находился подъ непосредственнымъ господствомъ Бога-Отца; во время христіанскаго періода, надъ міромъ господствовалъ Богъ-Сынъ; теперь же, говоритъ онъ, наступаетъ царство Бога-Духа Святого. Въ этомъ новомъ царствѣ вѣра перестанетъ быть необходимою, потому что все будетъ совершаться по законамъ разума и мудрости. Эти законы заключаются, по его словамъ, въ «вѣчномъ евангеліи», которое должно замѣнить собою новый завѣтъ, подобно тому, какъ новый завѣтъ сталъ на мѣсто ветхаго завѣта. Папа Александръ IV проклялъ еретическую книгу и сталъ преслѣдовать ея адептовъ. Доминиканцы, облеченные инквизиторскою властью, съ особеннымъ удовольствіемъ принялись ловить, пытать и жечь своихъ соперниковъ, францисканцевъ. Много еретиковъ, называвшихъ себя *спиритуалистами*, и много экземпляровъ опасной книги погибло отъ руки папача. Гоненіе произвело свое обыкновенное дѣйствіе. Броженіе умовъ усиливалось и число фанатиковъ, готовыхъ терпѣть мученіе и смерть за «новое ученіе», стало быстро увеличиваться. Въ ордени францисканцевъ произошло странное раздвоеніе: нѣкоторые монастыри измѣнили обѣту нищенства и втянулись въ роскош; другіе продолжали вести воз-

держный и суровый образъ жизни, заставляя своихъ монаховъ ходить по городамъ и селамъ, питаться подаваемъ и постоянно говорить проповѣди простому народу. Эти нищіе проповѣдники, настоящіе духовные дѣти святого Франциска, могли сильно дѣйствовать на умъ и чувство простыхъ людей; но именно эти суровые не-навѣстники всякой роскоши заразились до мозга костей идеями «новаго ученія». Они проповѣдывали неумоимо, но для папства было бы гораздо лучше, если бы они не говорили ни слова. Ихъ проповѣди только усмивали и осмысливали то негодоваііе, съ которыми простые люди давно уже смотрѣли на эпикурейскую жизнь епископовъ, аббатовъ и монаховъ. Въ концѣ XIII вѣка, одинъ изъ обожателей «вѣчнаго геванелія» написалъ истолкованіе апокалипсиса и раздѣлилъ въ этомъ сочиненіи христіанскую эпоху на семь отдѣльныхъ періодовъ: первый — проповѣдь апостоловъ; второй—страданія мучениковъ; третій—борьба съ еретиками; четвертый—подвиги отшельниковъ; пятый—господство монастырской системы; шестой—низверженіе антихриста; седьмой—наступленіе блаженнаго тысячелѣтія (Millenium). Авторъ истолкованія утверждалъ, что его современники живутъ въ шестомъ періодѣ, что настало время низвергнуть антихриста и что подъ этимъ послѣднимъ именемъ слѣдуетъ подразумѣвать папу. Римскую церковь онъ называлъ блудницею, облегченную въ пурпуръ; онъ говорилъ, что вся ея іерархія сдѣлалась излишнею и ни на что негодною, что ихъ дѣло сдѣлано и что «ихъ приговоръ запечатанъ послѣднею печатью». Идеи этого писателя были подхвачены на лету тысячами нищенствующихъ монаховъ и пробрались съ ужасающею быстротою въ низшіе слои европейскаго народонаселенія. Францисканскіе фанатики проповѣдывали публично, что духовенство развращено, что папа—антихристъ и человекъ грѣха, что церковныя таинства потеряли свою спасительную силу, что пришла пора покаяться и начать новую жизнь. У нѣкоторыхъ францисканскихъ общинъ оппозиція противъ господствующей церкви дошла даже до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что онѣ поставили своего патрона, Франциска, выше самого Спасителя. Все это совершалось за двѣсти лѣтъ до Лютера. Въ это тревожное и зазорное время, въ самомъ концѣ XIII и въ самомъ началѣ XIV вѣка, на папскомъ престолѣ сидѣлъ страстный и взбалмошный человекъ, Бонифацій VIII, усердный, но неудавшійся подражатель Григорія VII и Иннокентія III. Притязанія Бонифація были безгранично-широки; онъ говорилъ съ королями католической Европы тономъ полновластнаго диктатора; но за то, кро-

мѣ властолюбія и корыстолюбія у этого задорнаго папы не было никакихъ политическихъ дарованій; перевѣсъ матеріальной, денежной и даже умственной силы былъ на сторонѣ его противниковъ; Бонифаціи умѣлъ только раздражать своихъ враговъ ругательствами и проклятіями; никто изъ нихъ не чувствовалъ къ нему ни страха, ни уваженія; смѣшная безтактность его диктаторскихъ замашекъ втянула его въ жестокую борьбу съ свѣтскою властью, которая, собравши вокругъ себя всѣхъ многочисленныхъ противниковъ папства, воспользовалась этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы нанести смертельный ударъ теократическому принципу римской клерикальной политики. Послѣ Бонифація, папство стало превращаться въ блестящій анахронизмъ, опасный только для европныхъ кабинетныхъ мыслителей и совершенно безвредный для политическихъ дѣятелей. — Главнымъ противникомъ и счастливымъ побѣдителемъ неосторожнаго Бонифація былъ французскій король, Филиппъ IV Красивый, одинъ изъ крупныхъ представителей того типа, съ которымъ я познакомилъ моихъ читателей въ характеристикѣ императора Фридриха II. Споръ между двумя властями возникъ, разумѣется, изъ-за денегъ. Обѣ стороны съ одинаковымъ усердіемъ старались молотить рожъ на обухѣ. Филиппъ чеканилъ фальшивую монету, ограбилъ всѣхъ евреевъ своего королевства и наконецъ подѣхалъ съ самыми хищными намѣреніями къ имуществамъ деревей и монастырей, неплательщикамъ никакихъ податей. Бонифаціи, съ своей стороны, торговалъ епископскими должностями и кардинальскими шапками, отбирать деньги у нищенствующихъ монаховъ, доказывая имъ очень убѣдительно, что они должны нищенствовать, а не богатѣть, — и наконецъ придумать устроить въ 1300 году юбилейный годъ, то есть, объявить, что всѣ люди, желающіе получить полное отпущеніе грѣховъ, должны, въ теченіе этого года, побывать въ Римѣ на богомольѣ. Само собою разумѣется, что два виртуоза, подобные Филиппу и Бонифацію, непременно должны были столкнуться между собою на терристомъ пути систематическаго обирания. Бонифаціи не умѣлъ уступать и не понималъ необходимости дѣйствовать осторожно; а Филиппъ видѣлъ, что ему выгодно унижить папу, и что ему не зачѣмъ съ нимъ церемониться. Передъ глазами Филиппа находился очень поучительный примѣръ: его современникъ и ближайшій соудъ, англійскій король Эдуардъ I, безъ всякаго шума и кровопролитія принудилъ свое духовенство нести часть государственныхъ повинностей. Англійскіе епископы и аббаты долго отказывались платить подати, но Эдуардъ приказалъ

судьямъ всего королевства вступивать въ жалобы, поступающія въ суды противъ духовенства, и въ то же время отвергать безъ разбора всѣ жалобы, подаваемые самими духовными. Кто не платитъ налоговъ, говорилъ Эдуардъ, тотъ не имѣетъ права пользоваться покровительствомъ законовъ. При такомъ порядкѣ вещей, англійскимъ епископамъ и аббатамъ пришлось такъ жутко, что они очень скоро покорились и согласились платить подати наравнѣ съ свѣтскими землевладѣльцами. Этотъ примѣръ былъ очень соблазнителенъ для Филиппа, тѣмъ болѣе, что у него также находились подъ руками опытные юристы, готовые, по первому его приказанію, рѣшать въ ту или въ другую сторону, съ соблюденіемъ всѣхъ тончайшихъ приличій, самые запутанные вопросы гражданскаго, уголовнаго, каноническаго, государственнаго и всякаго другого, естественнаго или неестественнаго права. Въ 1296 году, Бонифацій издалъ буллу «*Clericis laicos*», въ которой онъ запрещалъ духовенству платить подати свѣтской власти. Въ отвѣтъ на эту буллу, Филиппъ запретилъ вывозить изъ Франціи драгоценныя металлы, оружіе и лошадей. Вслѣдствіе этого, Бонифацій потерялъ значительную часть своихъ доходовъ; кромѣ того, всѣ итальянскіе купцы начали кричать, что папа своими глупыми выдумками подрываетъ ихъ торговлю. Бонифацій попробовалъ запугать Филиппа новою буллою, еще болѣе рѣзкою, но Филиппъ въ своихъ манифестахъ заговорилъ объ изгнѣженности духовенства и высказалъ такъ много горькихъ истинъ, что папа смягчился и началъ извиняться, говоря, что буллы его совсѣмъ не относятся къ Франціи. Полемика между королемъ и папою прекратилась, но Бонифацій недолго помнилъ данный ему урокъ. Въ 1301 году, поссорившись съ Филиппомъ изъ-за одного епископа, онъ объявилъ въ буллѣ «*Ausculta fili*», что папѣ принадлежитъ верховный судъ не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Филиппъ, окруженный умными, учеными, хитрыми и опытными совѣтниками изъ юристовъ, тотчасъ счумѣлъ дать своей новой ссорѣ съ Бонифаціемъ такой характеръ, что она превратилась въ дѣло всего французскаго народа. Король сказалъ, что, защищая по своей обязанности національную независимость и честь Франціи, онъ отвергаетъ торжественно всѣ беззаконныя притязанія римскаго первосвященника. Папская булла была публично сожжена въ Парижѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, Филиппъ созвалъ депутатовъ дворянства, духовенства и городовъ и, въ этомъ собраніи государственныхъ чиновъ (*états-généraux*); несмотря на робкую оппозицію клерикаловъ, требованія Бонифація были объявлены совершенно

безразсудными. Бонифацій издавалъ новыя буллы, созывалъ въ Римѣ соборы, ругалъ и проклиналъ короля и его совѣтниковъ, наконецъ отлучилъ Филиппа отъ церкви, но всѣ эти рѣзкія мѣры не нанесли ни малѣйшаго вреда никому, кромѣ самого папы. Общественное мнѣніе Франціи было обработано такъ ловко, съ одной стороны учеными юристами, съ другой стороны нищенствующими монахами, ругавшими богатое духовенство на всѣхъ перекресткахъ, что весь народъ смотрѣлъ на своего корыстопобиваго короля, какъ на естественнаго защитника французской чести и самостоятельности. Понимая свою силу, юристы Филиппа быстро перешли изъ оборонительнаго положенія въ наступательное. Въ 1303 году, совѣтники короля, и во главѣ ихъ Вильгельмъ Ногаре, доказали новому собранію государственныхъ чиновъ, что Бонифацій VIII незаконнымъ образомъ присвоилъ себѣ папскую тиару, что онъ торгуетъ церковными должностями, предается распутству, не вѣруетъ въ Бога, отрицаетъ безсмертіе души, глумится надъ величайшими таинствами религіи. Въ этомъ обвиненіи, какъ и во всѣхъ средневѣковыхъ, обвиненіяхъ, несомнѣнныя истины были перемѣшаны съ нелѣпѣйшими выдумками. Взвѣдя на Бонифація всѣ преступленія, когда-либо совершенныя на земномъ шарѣ, усердные обвинители пришли къ тому заключенію, что такого отъявленнаго негодяя слѣдуетъ низложить, арестовать и предать суду вселенскаго собора. Собраніе согласилось съ мнѣніемъ обвинителей, и въ томъ же 1303 году Филиппъ, не желая болѣе тратить время на безплодныя перебранки, отправилъ Вильгельма Ногаре въ Италію съ большими денежными суммами и векселями. Ловкій агентъ французскаго короля соединился съ римскою фамиліею Колонна, которая уже давно старалась погубить Бонифація. Нанявши толпу вооруженныхъ людей, искусные и смѣлые союзники захватили папу въ плѣнъ, и при этомъ случаѣ, французскій чиновникъ Вильгельмъ Ногаре далъ преемнику Григорію VII и Иннокентію III ту знаменитую пощочину, которая на вѣчныя времена записана въ исторіи. Бонифацій умеръ въ томъ же 1303 году, такъ что судъ надъ нимъ не состоялся. Слѣдующій пана, Бенедиктъ XI, прожилъ всего нѣсколькомѣсяцевъ, а преемникъ Бенедикта, французъ Бертранъ, архіепископъ бордосскій, принявшій имя Климента V, сдѣлался папою по милости Филиппа Красиваго, и оставался подъ его вліяніемъ въ теченіе всей своей жизни. По требованію Филиппа, онъ перенесъ свою резиденцію изъ Рима въ южную Францію, въ городъ Авиньонъ. Вмѣстѣ съ Филиппомъ, онъ засудилъ и ограбилъ богатыхъ

тамплиеровъ. Самый орденъ тамплиеровъ былъ уничтоженъ, имѣнія его раздѣлены между папою и королемъ, а рыцари, обвиненные во многихъ, чрезвычайно неправдоподобныхъ и грязныхъ преступленіяхъ, были измучены тюремнымъ заключеніемъ и пытками, а потомъ, какъ водится, сожжены. Въ Авиньонѣ папы жили весело и роскошно почти семьдесятъ лѣтъ. Въ концѣ четырнадцатаго столѣтія ихъ вавилонское плѣненіе окончилось; Григорій XI воротился въ Римъ, но величіе и нравственное могущество папства оказались невозвратимыми. На папскія проклятія почти никто не обращалъ уже вниманія. Миланскій герцогъ Варнава Висконти, получивъ папскую буллу, отлучавшую его отъ церкви, заставилъ кардиналовъ, вручившихъ ему это грозное посланіе, съѣсть цѣликомъ весь пергаментъ, на которомъ оно было написано, вмѣстѣ съ свинцовой печатью и съ шолковымъ снуркомъ. Въ Англіи уже проповѣдывали въ это время ученый мыслитель Уиклефъ и неукротимый фанатикъ Джонъ Болль. Одинъ дѣйствовалъ на высшіе классы общества; другой волновалъ народныя массы; оба съ одинаковою силою возставали противъ злоупотребленій римской іерархіи, осуждали роскошь духовенства и старались возстановить чистоту и простоту первобытнаго христіанства. Идеи Уиклефа перелетѣли на материкъ; въ Богеміи заговорилъ, въ началѣ XV вѣка, неустрашимый проповѣдникъ Іоаннъ Гуссъ. Въ то время, когда старое зданіе католицизма трещало и разваливалось повсемѣстно, кардиналы ухитрились выбрать двухъ папъ, которые начали ругать и проклинать другъ друга. Соборъ, созванный кардиналами въ Пизѣ, низложилъ обоихъ папъ и выбралъ третяго. Но низложенные папы не признавали компетентности собора; на его приговоры они отвѣчали проклятіями, и такимъ образомъ, къ изумленію всѣхъ католиковъ, сохранившихъ еще средневѣковую наивность міросозерцанія, оказалось разомъ три папы, и взаимная брань дошла до послѣднихъ предѣловъ неприличія. Въ 1416 году, констанскій соборъ, подъ предсѣдательствомъ императора Сигизмунда, положилъ конецъ этимъ безпорядкамъ и, для возстановленія древняго благочестія, осудилъ Іоанна Гусса на смертную казнь, не смотря на охранную грамоту, данную ему тѣмъ же самымъ Сигизмундомъ. Гуссъ сгорѣлъ на кострѣ, но цѣль осталась недостигнутою, древнее благочестіе не возстановилось, и въ половинѣ XV вѣка, ученый и умный католикъ Эней Сильвій, говоритъ съ холоднымъ отчаяньемъ: «вѣра умерла, католическій міръ превратился въ тѣло безъ головы, въ республику, неимѣющую ни правительства, ни законовъ. Папа и импера-

торь могутъ блистать величьемъ своихъ титуловъ и пышностью своихъ костюмовъ; но они не въ силахъ повелѣвать, и никто не расположенъ имъ повиноваться.» Начинается новая жизнь. Европейская мысль старается заявить свою самостоятельность и независимость по всемъ отраслямъ научной и практической дѣятельности. Корабль Колумба причаливаетъ къ берегамъ новаго міра. Телескопъ Галилея отрываетъ тысячи невиданныхъ звѣздъ. Типографскій станокъ создаетъ на развалинахъ римской духовной власти небывающую общественную силу. Тяжелый средневѣковой кризисъ оканчивается блистательнымъ выздоровленіемъ.

Д. Шварцъ.

ТОРКВЕМАДА.

(изъ Лонгфелло).

Въ то блистательное время, какъ Испанію цѣлой
Фердинандъ-Католикъ правилъ вмѣстѣ съ мудрой Изабеллой,
Королемъ-же съ королевой Торквемада управлялъ
И, какъ главный инквизиторъ, во главѣ всего стоялъ, —
Въ старомъ замкѣ, защищенномъ неприступными стѣнами
И отъ глазъ людскихъ сокрытомъ вѣковѣчными лѣсами,
Жилъ гидальго, (такъ гласить намъ старая хроника языкъ),
Вѣчно мрачный, молчаливый и надменнѣйшій старикъ.
Ужь его погибло имя вмѣстѣ съ этими стѣнами
И со всѣми, имъ на свѣтѣ совершенными дѣлами;
Но изъ этихъ дѣлъ спаслося отъ забвенья лишь одно, ...
Лучшебъ, еслибъ съ остальными позабылось и оно!

Этотъ сумрачный гидальго признавалъ за день потери
Каждый день, въ который только не входилъ онъ въ храма двери;
Если шествіе съ дарами онъ на улицѣ встрѣчалъ, —
То молился и крестился, и волѣни преклонялъ;
Исповѣдывался часто, и съ мятежными страстями
Неустанно онъ сражался, точно съ дикими звѣрями;
Въ постъ, глубоко каюся, дѣлалъ истязанья надъ собой,
За процессією каждой шелъ съ склоненной головой.
А въ часы отдохновенья только тѣмъ и забавлялся,
Что въ столѣтней чашѣ лѣса за свирѣпнымъ вепремъ гнался,
Иль въ сосѣдній городъ шибко погонялъ своихъ муловъ,

Поспѣшая насладиться странной битвою быковъ,
 Иль въ часы, когда взводили на костры жидовъ толпой,
 Между зрителей тѣснился онъ съ зажженною свѣчой...
 И при видѣ этихъ казней ощущалъ онъ наслажденье;
 Демонъ злой, который любитъ только смерть и разрушенье,
 Потрясалъ въ немъ струны сердца и какъ громъ гремѣлъ на нихъ:
 «Бей, губи и пусть Всевышній обрѣтаетъ слугъ своихъ!»

Въ старый замокъ, окруженный неприступными лѣсами,
 Разъ двѣ дѣвушки явились; обѣ были дочерями
 Молчаливаго гидальго, и изъ стѣнъ монастыря,
 Кончивъ курсъ, къ отцу вернулись. Точно свѣтлая заря,
 Эти гости лѣсъ дремучій красотою освѣтили
 И черты жены умершей предъ гидальго воскресили...
 Много лѣтъ съ тѣхъ поръ умчалось, какъ красавицу-жену
 Онъ привезъ впервые въ эту непривѣтную страну,
 Но въ душѣ его мерцало все о ней воспоминанье,
 Какъ надъ грустною пустыней свѣтитъ мѣсяца сіянье...
 Умерла— и не осталось ничего ему отъ ней,
 Кромѣ этихъ двухъ цвѣтущихъ, двухъ прелестныхъ дочерей...
 И теперь, любуясь ими, ощущалъ онъ наслажденье...
 Но смѣнилось скоро радость злая, мрачное сомнѣнье...
 «Берегись!» кричало что-то въ глубинѣ его души;
 Смутно чуялъ онъ несчастье... Свѣтлымъ днемъ, въ ночной тиши,
 Точно духъ какой-то злобный шелъ за нимъ, не отставая,
 Сердце мучилось боязнью, что грозитъ бѣда большая;
 Мысль о скрытомъ преступленьи заѣдала старика
 И въ сравненьи съ этой жизнью смерть былабъ ему легка.
 Съ подозрительностью злобной въ сердцѣ, совѣсти лишенномъ,
 За дѣтми родными началъ онъ вездѣ ходить шпиономъ;
 То въ дверяхъ полу-открытыхъ разговоры ихъ слѣдилъ,
 То по комнатамъ неслышно, незамѣтно проходилъ;
 Безпрестанно ихъ онъ мучилъ наблюденьями своими:
 Не успѣютъ оглянуться—онъ стоитъ уже за ними,
 На прогулку выйдутъ—смотритъ онъ украдкой изъ окна
 И суровымъ подозрѣньемъ каждый мигъ душа полна;
 Промелькнетъ ли въ чащѣ лѣса ряса бѣднаго монаха,
 Пробѣжитъ ли гдѣ цыганка—весь трепещетъ онъ отъ страха
 И украдкой созываетъ приближенныхъ слугъ своихъ,
 И съ сердитымъ недоврѣемъ слышитъ онъ отвѣты ихъ:

Что цыганки не видали, а монахъ, должно быть, нищій,
Приходившій въ чашу лѣса позаимствоваться пищей...

Дни за днями проходили въ этихъ мукахъ. Наконецъ,
Сдѣлавъ страшное открытѣе подозрительный отецъ,—
И открытѣе это разомъ въ немъ на вѣки сокрушило
Гордость имени и рода, всѣ надежды, что хранило
Сердце старое, и славу предковъ доблестныхъ его,—
Отъ величія былого не осталось ничего!
Въ часъ полночный, въ темной спальнѣ, не мечтая о надзорѣ,
Душу дочери гидальго отводили въ разговорѣ,
А отецъ стоялъ подъ дверью, по привычкѣ, какъ шпионъ,
И ужаснѣйшую тайну въ этотъ мигъ услышалъ онъ.
Все узналъ онъ,—и изъ замка, съ сердцемъ полнымъ адской муки,
Въ садъ вбѣжалъ и къ своду неба съ страшнымъ крикомъ поднялъ
руки,

И одно лишь слово: «ересь!» громко, дико повторялъ, —
И, какъ эхо,—«ересь! ересь!» садъ дремучій отвѣчалъ.

По аллеямъ долго-долго онъ ходилъ во мракѣ ночи,
Сердце билось, какъ въ горячкѣ, какъ огонь сверкали очи,
То, какъ вкопанный, на мѣстѣ останавливался онъ,
То впередъ бѣжалъ, какъ-будто чѣмъ-то страшнымъ пораженъ. —
Садъ былъ пустъ,—и только демонъ видѣлъ дикое волненье,
И родительскую нѣжность превратилъ онъ въ отвращенье,
Потрясалъ въ немъ струны сердца и какъ громъ гремѣлъ на нихъ:
«Бей, губи, и пусть Всевышній обрѣтаетъ слугъ своихъ!»

Встало утро. Засверкали листья влагою росистой,
По деревьямъ запорхали птицы стаяй голосистой, —
И тогда гидальго только возвратился въ замокъ свой,
И священника сѣдого онъ привелъ туда съ собой.
Грозно дѣвушекъ къ отвѣту онъ потребовалъ, и много
Было здѣсь разспросовъ всякихъ: то настойчиво и строго
Онъ приказывалъ сознаться, то просилъ и умолялъ,
То судьей являлся грознымъ, то колѣни преклонялъ, —
Тщетно! дѣвушки давали лишь короткіе отвѣты,
Не смущали ихъ ни крики, ни моленья, ни совѣты,
Ни священника сѣдого увѣщанья... Наконецъ,—
«Пусть же судъ святой разсудитъ!» — глухо вымолвилъ отецъ.

Въ это время Торквемада, грозной властью облеченный,
 Былъ въ стѣнахъ Вальдолоида. Пишной свитой окруженный,
 Онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ и зажиточныхъ жидовъ
 Началъ мучить или ссылкой, или пламенемъ костровъ.
 И пошелъ къ нему гидальго... Въ тайной комнатѣ, со страхомъ
 Онъ стоялъ предъ сѣдовласымъ инквизиторомъ-монахомъ;
 Сокрушительное пламя мрачно бѣгало въ глазахъ
 Инквизитора; держалъ онъ рогъ таинственный въ рукахъ, —
 Рогъ, всё чары разгонявшій, сокрушавшій силу ада...

Фанатическая ярость мозгъ гидальго охватила
 И въ отцовскомъ сердцѣ жалость безпощадно сокрушила...
 Въ преступленіи грѣховномъ обвинилъ онъ дочерей,
 И, покрытыя позоромъ и проклятыями людей,
 Обѣ жертвы въ тоже утро были взяты въ заточенье,
 И судилище святое обрекло ихъ на сожженье...

И пошелъ гидальго снова къ Торквемадѣ и сказалъ:
 «Здѣсь испрашиваю, отче, — нарубить въ лѣсу вѣтвей
 «Для костра моихъ преступныхъ еретичекъ-дочерей.»
 Помолчавъ съ минуту, глухо отвѣчаетъ Торквемада:
 «Церкви сынъ! своєю вѣрой ты спасешь себя отъ ада,
 «Доверяй святую жертву, какъ душа тебѣ велитъ,
 «Пресвятая наша церковь всё грѣхи твои проститъ!»

Поспѣшилъ отецъ проклятый въ лѣсъ, которымъ овружался
 Старый замокъ: въ этомъ лѣсѣ онъ когда-то любовался
 На своихъ малютокъ милыхъ, ненаглядныхъ дочерей,
 Подъ деревьями игравшихъ вмѣстѣ съ матерью своей...
 Лѣсъ теперь былъ пустъ и мраченъ; точно съ воплями печали,
 Обнаженными вѣтвями дубы старые качали,
 И изъ гнѣздъ къ свинцовымъ тучамъ, что на небѣ улеглись,
 Стаи вороновъ злобѣщихъ съ дикимъ карканьемъ неслись...
 Нарубилъ старикъ деревья въ самъ, отцовскими руками,
 И муловъ своихъ, стоявшихъ подъ цвѣтными чепраками,
 Нагрузилъ всей этой ношей и погналъ опять туда,
 Гдѣ должно было свершиться повелѣніе суда...

И вернувшись въ городъ, снова онъ предсталъ предъ Торкве-
 маду.

ТОРКВЕМАДА.

«Вотъ — сказали, — дрова готовы, но какъ вышюю награду
«Я прошу: позволь мнѣ, отче, самому зажечь костеръ,
«На которомъ исполняться будетъ смертный приговоръ!»
И опять все также глухо отвѣчаетъ Торквемада:—
«Ще не ви сыны! такая вѣра — мнѣ великая отрада!
«Вѣчно будетъ прославляться нашей церковью святой
«Это славное дѣянье... Миръ да будетъ надъ тобой!»

Вотъ на площади обширной эшафотъ стоитъ высой;
По угламъ его статуи — то еврейскіе пророки;
Съ равнодушіемъ суровымъ ужъ давно глядятъ они
На погорѣвшее мѣсто человѣческой рѣзни.
Площадь вся кипитъ народомъ; всѣ углы, всѣ окна полны;
Массы зрителей проходятъ, какъ бунтующія волны;
Есюду говоръ, всюду крики; все волнуется и ждетъ
И съ горячимъ нетерпѣніемъ окружаетъ эшафотъ.

Звонъ раздался — и изъ церкви вышли съ пѣснями монахи,
Звуки трубъ и эти пѣсни ужъ доносятся до плахи...
Ближе, ближе... Вотъ хоругви, вотъ и факеловъ огни...
Ровнымъ шагомъ къ мѣсту казни всѣ приблизились они.
Жертвъ къ статуямъ привязали... Раздались сильнѣе звуки
Трубъ и пѣсенъ — и гидальго взялъ сурово факель въ руки...
Пламя вспыхнуло — и, встрѣтивъ взоръ молящій дочерей,
Отъ него, какъ отъ убійцы, въ бѣгство бросился злодѣй...

Той же ночью дымъ и пламя взвились грозными столбами
Изъ суровой чащи лѣса; огневыми языками
Всѣ окрестныя селенья освѣтились, точно днемъ, —
Затрещалъ старинный замокъ, весь охваченный огнемъ.
И въ окнѣ одной изъ башенъ, передъ испуганной толпою,
Злой убійца появился; съ преклоненной головою,
Блѣдный, сумрачный, молитвы онъ отчаянно шепталъ...
А огонь зловѣщимъ свѣтомъ на лицѣ его игралъ
И все ярче, ярче небо озарялъ онъ дикимъ блескомъ...
Жарко молится гидальго... Вдругъ, подъ намъ, съ ужаснымъ трескомъ
Полъ досчатый провалился и въ паденіи увлекъ
Тѣло стараго злодѣя въ огнедышащій потокъ ..

Надъ его истлѣвшимъ прахомъ больше трехъ вѣковъ дро-
чалось,

Никакихъ слѣдовъ на свѣтѣ отъ гидальго не осталось,—
Прекратился родъ старинный; даже имя старика
На скрижали дѣлъ минувшихъ стерла времени рука.
Но о грозномъ Торквемадѣ не замоленуло связанье:
Имя стараго монаха, какъ громаднѣйшее зданье,
Все объятое пожаромъ, изъ прошедшаго глядитъ
И грядущимъ поколѣньямъ о прошедшемъ говорить!

И. Вейнберга.

НЕ ТРЕБУЕТЪ ЛИ НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ЗНАНІЙ НОВОЙ НАУКИ?

Когда человѣческая мысль потребовала полной ликвидаціи средневѣковыхъ заблужденій и глубочайшаго отупѣнія европейскихъ народовъ, это новое стремленіе было встрѣчено общимъ враждебнымъ недоуміемъ и клеветой. Люди, потребовавшіе отчета отъ старыхъ рутинныхъ понятій и осудившіе ихъ на вѣчную неподвижность, провозглашены были людьми опасными, нарушителями общественнаго спокойствія. Ихъ преслѣдовала инквизиція и папская власть, ихъ сжигали костромъ и тюрьмой, надъ ними составлялись торжественные суды и производились еще болѣе торжественныя казни. Но, благодаря именно этимъ гоненіямъ, смѣлость человѣческаго гения возрастала и съ упорствомъ шла на встрѣчу всѣмъ препятствіямъ. Чѣмъ сильнѣе было, съ одной стороны, давленіе на такихъ мыслителей, какъ Галилей, и на такихъ фанатиковъ, какъ Савапаролла и старые германскіе реформаторы, тѣмъ, съ другой стороны, было сдѣлано больше усилій преодолѣть эту косную и угнетающую силу. По общему механическому закону, оппозиція увеличивалась по мѣрѣ того, какъ противодействовало ей матеріальное насиліе.

Въ наше время поято, что употреблять подобныя мѣры противъ прогресса идей—совершенно бесполезно, и потому только самое грубое невѣжество еще разсчитываетъ на такія мѣры. Съ тѣмъ вмѣстѣ поято и то, что истинная двигающая сила, устремленная къ обновленію человѣческой жизни, заключается не въ одномъ знаніи, а въ той совокупной дѣятельности всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ, которые составляютъ современную цивилизацію. Знаніе, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, указываетъ только на болѣе вѣрныя и ближайшія средства для достиженія извѣстныхъ реформъ, подвигающихъ человѣчество впередъ. Знаніемъ можно поль-

зоваться различно, и, смотря по тому, кто имъ пользуется, оно можетъ быть дѣйствительнымъ благодѣяніемъ или дѣйствительнымъ зломъ. Я убѣжденъ, напримѣръ, что абстрактная философія въ рукахъ обскурантовъ была величайшимъ орудіемъ для угнетенія европейскаго ума.... Не даромъ Наполеонъ I покровительствовалъ идеологамъ и поощрялъ ихъ занятія. Онъ очень хорошо зналъ, что, пока люди будутъ оставаться въ отвлеченныхъ сферахъ мышленія, подъ носомъ у нихъ можно совершать все, что угодно, не нарушая ни паразитнаго спокойствія ихъ, не возбуждая и негодованія въ ихъ холодномъ, филистерскомъ сердцѣ.

Теперь для самаго недалекаго наблюдателя становится ясно, что такое знаніе положительно хуже всякаго незнанія. Если наука стоитъ въ борьбѣ съ дѣйствительными интересами человѣка и общественной его жизни, то она безъ особеннаго огорченія для насъ можетъ отойти въ область почтеннаго и никому ненужнаго археологическаго мусора. Что, напримѣръ, могло произойти путнаго отъ такой науки, какъ геральдика? А между тѣмъ чловѣкъ ухитрился и эту дребедень возвести на степень систематическаго и спеціальнаго изученія. А мало ли придумано подобныхъ наукъ или, вѣрнѣе, много ли въ нашемъ обладаніи такихъ знаній, которыхъ результаты имѣли бы въ виду строго-реальную сторону, человѣческихъ обществъ? Вотъ почему и въ наше время наступаетъ необходимость ликвидировать болѣе половины недвижимыхъ имуществъ чловѣческаго ума и замѣнить ихъ движимыми и живыми приобрѣтеніями.

На каждый вѣкъ и на каждое мыслящее поколѣніе приходится по своей задачѣ. Задача нашего времени состоитъ въ томъ, чтобы пересмотрѣть, объяснить и привести въ общее сознаніе идею общественной жизни, измѣнивъ ея условія, на сколько они полезны общечловѣческому благосостоянію. Поэтому возникаетъ потребность въ новой, по преимуществу *наукѣ общественной*. Какова бы ни была судьба ея въслѣдствіи, но она станетъ во главѣ всего умственнаго движенія и будетъ управлять ходомъ міровыхъ событій. Это такъ же вѣрно, какъ вѣрно и то, что средневѣковая схоластика не воротится назадъ и не вытѣснитъ собою новыхъ понятій, завоеванныхъ на ея подусгнившемъ трупѣ. Попытки создать общественную науку, съ ея всемірнымъ и чисто-практическимъ значеніемъ, уже давно начинаютъ проявляться; съ этою цѣлью составляются ученые конгрессы, съѣзды, обмѣны идей и наблюденій становится быстрѣе и шире, но все это только однѣ попытки, которыя даютъ чувствовать, что потребность въ новомъ знаніи дѣйствительно су-

ществуетъ. Потребность же эта вызывается измѣненіемъ общечеловѣческихъ отношеній, для которыхъ старыя понятія дѣлаются неудовлетворительны, и потому обновленіе научныхъ началъ, методовъ и пріема наблюдений, пересмотръ и дополненіе прежнихъ выводовъ существенно необходимы. Благодаря тому, что современное естествознаніе сумѣло стать въ разрѣзъ съ старыми рутинными пріемами научнаго изслѣдованія и разорвало всякую связь съ метафизическими пошлостями, оно привлекло на свою сторону самыя энергическіе умы и стало лучше другихъ наукъ удовлетворять требованіямъ настоящаго поколѣнія. Я не сомнѣваюсь, что естественныя науки въ будущемъ развитіи человѣчества займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ, но напрасно думаетъ наша молодежь, что на этомъ должна остановиться работа современнаго мыслящаго человѣка. Если естествознаніе ограничится одними научными выводами, не имѣя въ виду общественныхъ вопросовъ, — оно попадетъ въ ту же филистерскую колею, въ которую попала и отвлеченная философія. Вотъ почему, мнѣ кажется, между общественной наукой и естествознаніемъ долженъ произойти — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — обмѣнъ главныхъ силъ ихъ, т. е. одна можетъ позаниматься у другого превосходнымъ методомъ, и дать ему, въ свою очередь, превосходныя стремленія...

Главный недостатокъ общественной науки заключается именно въ отсутствіи правильнаго метода и той массы фактовъ, которые необходимы для окончательной постройки ея. Самое точное изъ общественныхъ знаній, *статистика*, далеко еще не располагаетъ средствомъ, нужнымъ для удовлетворенія громаднхъ требованій, предъявляемыхъ новыми общественными условіями. Статистическія данныя необходимы для удовлетворительнаго рѣшенія важнѣйшихъ *политико-экономическихъ* и *финансовыхъ* вопросовъ и, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы облегчить рѣшеніе многихъ антропологическихъ задачъ. Но, какъ ни драгоцѣнны заслуги нѣкоторыхъ дѣятелей этой науки, она далека еще отъ положительныхъ результатовъ; привести ее въ такое положеніе — трудъ, превышающій силы самыхъ даровитыхъ и энергическихъ личностей, отдѣльно взятыхъ. Сравнительная статистика еще, можно сказать, въ зародышномъ состояніи. По мѣрѣ ея развитія, съ одной стороны все рельефнѣе обрисовывается ея польза, съ другой оказывается, какъ неудовлетворительна полнота ея, при которой она могла бы получить все свое законное практическое вліяніе. *Соціальная экономія* успѣла въ новѣйшее время облегчить нѣкоторыя изъ золъ, причиненныхъ меркантильною теоріею, и приобретаетъ все большее значеніе. Но едва ли

можно ожидать, чтобы она имѣла прочныя основы. Большая часть ея обширной области—еще *terra incognita*. Она не можетъ указать почти ни одного, окончательно и со всѣхъ сторонъ рѣшеннаго, ни одного безспорнаго вопроса. Тѣ немногія *общія* истины, которыми она можетъ похвалиться (напр., что всякая свободная дѣятельность выгоднѣе несвободной) были скорее *угаданы*, чѣмъ *доказаны* гениальными мыслителями. Только во мѣрѣ практическаго приложенія этихъ истинъ накаплиются доказательства въ ихъ пользу. Потому-то онѣ и примѣняются такъ медленно. Не смотря на осязательность доводовъ, противники все еще имѣютъ возможность противопоставлять имъ тѣ или другія невыясненные факты, и такимъ образомъ спутывать понятія. Но такихъ общихъ и въ высшей степени важныхъ истинъ социальная экономія можетъ выставить весьма немного, можетъ быть двѣ-три, и притомъ даже онѣ не вполне сформированы въ точные законы, потому что изъ нихъ сами экономисты подчасъ допускаютъ изъятія. Затѣмъ, даже важнѣйшіе вопросы любимыхъ отдѣловъ экономистовъ — производство и потребленіе, — не рѣшены окончательно, — въ чемъ не трудно убѣдиться, слѣдивъ любыхъ два или три политико-экономическихъ трактата. Что касается вопросовъ распределенія богатства, то, даже до настоящаго времени, люди, выходящіе въ нихъ съ надлежащею смѣлостью и глубиной, внушаютъ страхъ и недоувѣріе большинству экономистовъ. Наконецъ извѣстно всякому, занимавшемуся этою наукою, что самая терминологія ея, часто смѣшпающая, подъ тѣмъ же словомъ разнородныя понятія, представляетъ на каждомъ шагу самыя серьезныя затрудненія. При ближайшей повѣркѣ, оказывается, что самыя сильныя мыслители, работавшіе надъ этою наукою, не всегда преодолевали эти затрудненія.—Но и тутъ опять надо сказать, что, при всемъ добромъ желаніи экономистовъ, едва ли имъ удастся двинуть впередъ свою науку, пока они не будутъ имѣть несравненно большую массу матеріаловъ для своихъ выводовъ. Вся логика, безспорно, первоклассныхъ современныхъ мыслителей, стоящихъ во главѣ различныхъ экономическихъ школъ, не можетъ пополнить пробѣловъ, производимыхъ недостаткомъ надлежащаго количества фактовъ. Подобно всѣмъ органическимъ законамъ, управляющимъ жизнью, экономическіе законы вѣрнѣе всего могутъ быть открыты рядомъ наблюденій. Конечно, иногда можетъ удаваться открыть ихъ и априорически, — только и тутъ, какъ вообще, гораздо больше шансовъ *противъ*, чѣмъ *за*. Это вполне подтверждается медленными успѣхами науки со времени Адама Смита, не смотря на большое количество появив-

шихся трактатовъ. При такомъ состояніи политической экономіи, чисто-*финансовыя* вопросы сводятся на трескотню фразъ, до того избытокъ, что живъ и теорія не имѣютъ никакой надобности справляться другъ съ другомъ.

Это, какъ нельзя лучше, выяснилось, между прочимъ, лозанскимъ межлувароднымъ конгрессомъ о налогахъ (1860 г.). вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилась и беспомощность науки. Конгрессъ превосходно выполнилъ критическую часть своей задачи, доказавъ нераціональность всѣхъ существующихъ налоговъ. Но онъ не могъ согласиться относительно какой нибудь новой системы. Большинство составилось посредствомъ компромисса между двумя мнѣніями, какъ-будто бы дѣло шло о торжествѣ политической партіи. Наконецъ, въ самыхъ заключеніяхъ этого коалиціоннаго большинства высказалось недовольство противъ слабыхъ политико-экономическихъ познаній публики, недовольство, которое въ данномъ случаѣ справедливо было бы направить противъ недостатка положительныхъ данныхъ, имѣющихся въ распоряженіи самой политической экономіи. Обращаясь въ сферѣ юридическихъ наукъ, найдемъ то же самое. *Международное право* гораздо сильнѣе, въ настоящую минуту, практическими представителями, чѣмъ теоретическими. Вопросы, стоящіе въ немъ на очереди рѣшаются обыкновенно съ плеча, посредствомъ условяемыхъ дипломатическихъ приемовъ, безъ всякихъ справокъ съ дѣйствительными интересами народовъ. *Криминалисты* до сихъ поръ еще не покидаютъ усердныхъ, но бесплодныхъ попытокъ создать удовлетворительную уголовную теорію; а между тѣмъ правительства продолжаютъ свои репрессалии, не вдаваясь въ разборъ юридическихъ тонкостей о разумности и справедливости наказаній. Усилия почтенныхъ дѣятелей науки ясно доказываютъ необходимость реформъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставляютъ сомнѣваться, чтобы ихъ наука достигла существенныхъ результатовъ, пока не оставитъ своей метафизической почвы и не станетъ на болѣе прочныя опоры. Въ то время, какъ криминалисты тщетно придумываютъ философское оправданіе установленію, быть можетъ, и неизбѣжному при устарѣвшихъ социальныхъ отношеніяхъ, но во всякомъ случаѣ глубоко-оскорбительному для человѣчества по своему значенію, глубоко-возмутительному по своимъ непосредственнымъ результатамъ, установленію, дающему людямъ на выборъ дилемму безнадежной испорченности или безконечной глупости, — втихомолку, почти незамѣтно для массъ, совершается одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій новой цивилизаціи. Подъ это установленіе, подъ самыя основы патронирующей его науки подкапываются изслѣдованія, пови-

димому, совершенно чужды ему. Естественныя науки, укладывая метафизику въ архивъ ненужнаго хлама, колеблютъ въ самыхъ основахъ нѣкоторыя уголовныя теоріи.— Столь же спльно келеблетъ цивилизація, во всѣхъ ея формахъ, старинныя *гражданскія* отношенія, покоющіяся на пресловутомъ юстиньяновскомъ кодексѣ... Нѣкоторыя изъ этихъ отношеній, чисто-юридическаго характера, уже преобразованы практически у многихъ народовъ. Въ короткое время они успѣли дать такую громадную массу данныхъ въ пользу этихъ новыхъ формъ, что въ сферѣ гражданского права сомнѣнія и споры о нихъ сдѣлаются положительно невозможными, какъ скоро эти результаты будутъ тщательно подобраны и приведены въ систему. Напротивъ, всѣ вопросы гражданского права, касающіеся экономическихъ отношеній, принадлежать къ величайшимъ изъ спорныхъ вопросовъ, занимающихъ человѣчество, и для научнаго разъясненія ихъ имѣется еще чрезвычайно мало фактовъ.

Тѣ же мысли можно примѣнить и къ нѣкоторымъ другимъ наукамъ. Такъ, напримѣръ, упреки, сдѣланные *исторіи* незабвеннымъ, такъ рано похищеннымъ у человѣчества авторомъ «Исторіи цивилизаціи Англіи», безусловно справедливы. Но, опять-таки, нельзя не сказать, что воплотивъ основательныя его требованія рѣшительно невыполнимы, по отсутствію собранныхъ данныхъ. Его собственный примѣръ доказалъ, что попытка написать исторію даже одной страны—какъ онъ поималъ это дѣло,—требуетъ успій, слишкомъ несообразныхъ съ настоящими условіями знанія. А геройское самопожертвованіе каждаго отдѣльнаго мыслителя, подобнаго ему, составляетъ для человѣчества слишкомъ чувствительную утрату. О другихъ наукахъ не буду упоминать, чтобъ не увеличивать размѣровъ статьи;—приведенныхъ положеній достаточно для уясненія моеи главной идеи. А идея эта состоитъ въ томъ, что въ настоящее время понятія и отношенія измѣняются такъ быстро, а возникающія изъ нихъ требованія становятся такъ велики, что общественная наука не въ состояніи удовлетворить имъ при своихъ нѣжныхъ средствахъ. Отъ нея требуютъ законовъ, управляющихъ жизнью,—а она должна еще заниматься черною работою собиранія матеріаловъ, безъ которыхъ нельзя вывести ни одного положенія. Весь матеріалъ, накопленный прежними поколѣніями, оказывается недостаточнымъ или неудовлетворительнымъ. Его приходится собирать по зернышкамъ изъ огромныхъ кучъ разнаго негоднаго старья, очевидно затрудняющаго и замедляющаго работу. Причиною этого, конечно, коренное измѣненіе понятій. То, чему прежнія поколѣнія придавали первостепенное значеніе, считается нѣжными совер-

шенно нехорошимъ. И потому въ поддонахъ старыхъ обществъ искать чего нибудь поучительнаго нѣтъ никакой надобности, развѣ только необходимо уловить нѣтъ явленія, напримеръ, также, какъ инуверизмъ и рабство, котораго корни лежатъ въ безобразныхъ массахъ исторической жизни, происходившей въ организаціи чело-вѣческихъ отношеній. Ясно, что, при подобной равнудѣ возрѣній, прежнее время не могло приготовить матеріаловъ для рѣшенія важнейшихъ вопросовъ, нынѣ занимающихъ. Это одно. Другое, не менѣе важное обстоятельство, — въ томъ, что территориальныя разграниченія, которыхъ держались въ большей части научныхъ вопросовъ, оказываются слишкомъ тѣсными; законы, управляющіе обществами, не могутъ быть выведены изъ наблюденій надъ отдельными частіями обществъ. А между тѣмъ, общественная инууда хотя и пробовала прилагать къ нѣкоторымъ изъ занимающихъ ихъ вопросовъ сравнительный методъ, пользуясь данными, доставляемыми различными націями, но никогда не примѣняла его въ надлежащей полнотѣ; большую часть она ограничивалась данными отрывочными, часто неравобразными критически. Даже статистика, самая точная изъ общественныхъ наукъ, а потому дѣйствующая успешнѣе другихъ, не даетъ матеріаловъ для рѣшенія многихъ общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ на первый планъ развивающейся цивилизаціею, каковы, напримеръ, вопросы о распредѣленіи богатства, о законахъ рожденія и смертности, прибыля и убыля народонаселеній.

Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на солидарность, возрастающую между науками по мѣрѣ ихъ развитія. Чѣмъ очевиднѣе становится ихъ значеніе для современныхъ обществъ, тѣмъ сильнѣе онѣ должны опираться одна на другую. Экономисту, исторіку становится рѣшительно невозможно продолжать своихъ изслѣдованій безъ знанія, по крайней мѣрѣ, главныхъ коложеній естественныхъ наукъ. Въ свою очередь, ихъ науки могли бы значительно облегчить трудное дѣло естествоиспытателей, открывая законы, управляющіе обществами, или, по крайней мѣрѣ, доставляя осмысленные факты и достовѣрныя данныя. Взаимное содѣйствіе каждой изъ этихъ наукъ, какъ я уже замѣтилъ выше, не только полезно, а положительно необходимо, но по мѣрѣ того, какъ этотъ кругъ принимаетъ правильную форму, становится ясно, что ему недостаётъ центра.

Созданіе такой центральной и верховной науки было бы важно во всѣхъ отношеніяхъ. Ея содержаніе опредѣляется само собою, когда присматриваешься къ современному направленію и содержа-

нiю всѣхъ наукъ вообще. [Отвлеченныя теорiи такъ изогались и опочлѣли, даже въ глазахъ ихъ лучшихъ представителей, что имъ никогда уже не поправить своего рухнушагося кредита. Научныя изслѣдованiя преимущественно имѣютъ въ виду живое общество, со всѣми его нуждами и потребностями. Между гѣмъ, нѣтъ науки, которая бы занималась этимъ предметомъ въ его полномъ объемѣ, въ его многочисленныхъ видоизмѣненiяхъ. Нѣтъ науки, которая изучала бы современный организмъ живущихъ обществъ въ такой, полнотѣ, въ какой мы желаемъ узнать его у отжившихъ обществъ, изучая исторiю. Множество наукъ знакомятъ насъ съ его различными частями, но его общiй видъ остается внѣ изслѣдованiя. Удивительно ли, что исторiи не удастся возстановить его вполне за прежнее время? Можетъ ли быть вполне плодотворно изученiе частей, когда цѣлое остается неизвѣстнымъ? Да и можетъ ли при такомъ условiи это частичное изученiе быть вполне удовлетворительнымъ? Физиологiя и теперь не можетъ похвалиться слишкомъ большими успѣхами,—но что было бы съ нею, если бы она распалась на науку о мозгѣ, науку о сердцѣ, науку о желудкѣ, и затѣмъ забыла бы, что совокупная дѣятельность всѣхъ этихъ отдѣльныхъ факторовъ образуетъ живой организмъ? Одна такая мысль возбуждаетъ улыбку. Развѣ не мѣше страшно, что общественныя науки, изучая различныя части общественнаго организма, оставляютъ безъ вниманiя самый организмъ, самое общество, въ которомъ проявляется совокупная дѣятельность этихъ частей? — Мысль нѣмецкихъ ученыхъ желавшихъ имѣть въ статистикѣ «осталовившуюся исторiю» или дожившую дѣйствительность», была вѣрна въ томъ смыслѣ, что подобная наука дѣйствительно необходима. Но они ошибались, желая обратить въ такую науку статистику, имѣющую свой спеціальныи кругъ изслѣдованiй, въ который нѣтъ возможности умѣстить всѣхъ социальныхъ вопросовъ.

Все это приводитъ къ той мысли, что нынѣшнее развитiе знанiй требуетъ новой науки, науки *объ обществахъ* (социологiи). Она должна обнимать очередь положенiя и размѣровъ внѣшняго вида страны, ея социальный характеръ, то есть, все, могущее дать понятiе о важнѣйшихъ моментахъ общества: развитiе городской и сельской, мѣстной или центральной жизни,—значитъ, характеръ городовъ и сель, удобства сообщенiй, торговые и промышленные центры; дѣленiе парода на сословiя или касты (политическое и юридическое дѣленiе); эконоическое дѣленiе по занятiямъ; численныя отношенiя классовъ; внутреннiя числовыя отношенiя по полу и возрасту равновѣсiе половыхъ отношенiй и политическая равенправность муж-

чнвъ и женщинъ; внутренній общественный бытъ: нравы, обычаи, предрассудки, одежда и т. д.; размѣры, характеръ производствъ и рабочая плата; валовой доходъ и надѣлюще на него валогн; способъ взиманія и употребленія ихъ (не съ финансовой, а съ социальной точки зрѣнія); правительственная организація; образованіе и средства распространенія его въ массѣ; характеръ преступленій и наказаній; степень образованія и экономическое состояніе преступниковъ.

Тому, кто не проникнетъ въ сущность дѣла, подобная наука можетъ, съ перваго взгляда, показаться утопией или коммюналей даннхъ изъ всѣхъ другихъ наукъ. Но человѣкъ мыслящій, конечно, не сдѣлаетъ подобнаго возраженія. Безспорно, каждая изъ современныхъ наукъ должна будетъ доставить данныя для социолога. Но въ ней всѣ эти разрозненныя части получаютъ видъ цѣлаго общественнаго организма. Говоря иносказательно, социологъ дастъ имъ душу, вдохнетъ въ нихъ геній. Онъ будетъ относиться къ географу, статистику, юристу, политико-эконому почти такъ же, какъ филологъ къ анатому. Онъ представитъ географическія мѣстности, населенныя живыми людьми, съ ихъ правами, обычаями, предрассудками, вѣрованіями, добродѣтелями, пороками, — словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что разумокъ такъ часто совѣтуетъ презирать и ненавидѣть, а сердце не можетъ перестать любить. Онъ оживитъ цифры, раскрывъ ихъ дѣйствительный смыслъ, рассказавъ ихъ тайную, не отражимую и ужасную силу, приподнявъ ихъ покровъ, скрывающій песчинки наслажденій и горы страданій и мукъ. Онъ свинетъ съ подложныхъ истинъ и общепринятыхъ кумировъ лучезарный ореолъ правды, ослѣпляющій человѣчество, и заставитъ внимательно разсмотрѣть ихъ. Словомъ, онъ потребуетъ полной ликвидаціи отжившихъ понятій и принятія новыхъ, имѣющихъ дѣйствительную цѣнность. Данныя, доставляемыя другими науками, будутъ для него большею частью только сырымъ матеріаломъ. Ему придется приводить ихъ въ систему, группировать, дополнить, провѣрять, вывести ихъ причины и послѣдствія. Но несравненно большую массу матеріала доставятъ ему непосредственныя наблюденія надъ общественною жизнью, свои и чужія. Тысячи житейскихъ подробностей, ускользающихъ отъ другихъ наукъ или пренебрегаемыхъ ими, какъ мелочи, пустяки, — найдутъ себѣ мѣсто у него, какъ истинныя сокровища. Помощью ихъ, онъ, можетъ быть, уяснитъ людямъ, что въ жизни обществъ, какъ въ природѣ, нельзя провести черты между великимъ и малымъ, ничтожнымъ и важнымъ!

На трудъ этотъ, конечно, потратится много силъ и времени,

прежде чѣмъ достигнута удовлетворительные результаты, но тутъ каждая минута труда и каждая капля потраченной силы будутъ имѣть наибольшее примѣненіе въ благосостояніи людей—этой первой и главной задачѣ человѣческой дѣятельности. Для насъ, русскихъ, этотъ трудъ тѣмъ легче, что за нами нѣтъ такнхъ преградъ, съ которыми бы стоило вести напряженную борьбу,—а передъ нами еще такъ много нетронутыхъ вопросовъ, что разрѣшеніе ихъ, благодаря развитію общественной науки, приметъ болѣе правильный и короткій путь.

Весьма вѣроятно, что при достаточномъ развитіи общественной науки влияние ея на сродныя ей науки обнаружится особенно сильно въ двухъ отношеніяхъ: излагая результаты наблюденій и выводы заключенія изъ сравненія цѣлаго ряда наблюденій, она будетъ наукою строго-опытною. Весьма вѣроятно, что она укажетъ возможность, сроднымъ ей наукамъ, усвоить себѣ сравнительный методъ. Это сильно помогло бы ихъ развитію. Априорическій и гипотетическій методы, которыхъ держится большая часть изъ нихъ, имѣютъ неоспоримыя достоинства; но употребляемые отдѣльно, безъ контроля болѣе точныхъ методовъ, они имѣютъ бросающіеся въ глаза недостатки: они обыкновенно приводятъ къ предвзятымъ результатамъ и не исключаютъ возможности одному гадательному предположенію противопоставить другое. Поэтому-то многія общественныя и всѣ философскія науки и представляютъ такое множество разнорѣчивыхъ системъ, неприводящихъ къ положительнымъ результатамъ и даже необъясняющихъ ихъ въ далекомъ будущемъ. Только усвоивъ себѣ точные методы, могутъ онѣ надѣяться разъяснить мало по малу хаосъ мнѣній и понятій.—Во-вторыхъ, можно надѣяться, что социалогія ускорила бы реформу въ самомъ содержаніи нѣкоторыхъ изъ этихъ наукъ. Безъ всякаго сомнѣнія, чѣмъ яснѣе люди будутъ понимать составъ общества и условія жизни большинства, тѣмъ быстрѣе будутъ измѣняться ихъ нынѣшнія понятія. Очень можетъ случиться, что правильное и подробное сравненіе быта, привычекъ, понятій, образованныхъ и необразованныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, трудящихся и привилегированныхъ классовъ различныхъ странъ, заставитъ измѣнить многіе изъ обычныхъ взглядовъ о племенныхъ преимуществахъ, народныхъ свойствахъ, врожденныхъ понятіяхъ, различныхъ экономическихъ явленіяхъ и т. д. Во всякомъ случаѣ, измѣнятся ли эти взгляды или укрѣпятся, ихъ можно будетъ провѣрить обширнымъ сравненіемъ, при которомъ будетъ видна вся обстановка основныхъ фактовъ. Если статистика успѣла въ короткое время бросить свѣтъ на нѣкоторые обществен-

ные и нравственные вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ отвлеченное мышленіе напрасно трудилось цѣлѣмъ вѣка, то общественная наука, вѣроятно, будетъ дѣйствовать еще успѣшнѣе въ томъ же смыслѣ: при одинаково точномъ методѣ, она обниметъ не только большее количество явленій, но обниметъ ихъ полнѣе, многостороннѣе.

Пришлось бы написать очень много страницъ, чтобы перечислить всѣ выгоды, которыя могла бы доставить, социалогія. Но ихъ сразу оцѣнить всякій, кто вникнетъ въ значеніе двухъ приведенныхъ предположеній. Къ нимъ надо развѣ прибавить нѣсколько соображеній, относящихся, такъ сказать, до экономіи знаній. Громадное количество социалогическаго матеріала разсѣяно въ отдѣльныхъ книгахъ и статьяхъ, иногда научнаго, чаще чисто-литературнаго содержанія. Для развитія знаній, онъ незамѣтно приноситъ свою пользу, и въ этомъ видѣ. Но пока его не соберутъ въ одно цѣлое, онъ вовсе не служитъ къ изученію и открытію исторіи общихъ законовъ. Часть его попадаетъ въ разныя науки, гдѣ приводится въ подкрѣпленіе какихъ нибудь отдѣльныхъ, часто опровергающихъ другъ друга положеній; но еще больше пропадаетъ безслѣдно. Какое множество наблюдательныхъ умовъ упражняетъ свои силы въ писаніи повѣстей и романовъ. Не спорю, многіе изъ нихъ имѣютъ весьма важное, даже общечеловѣческое значеніе. Но, смотря на предметъ съ точки зрѣнія экономиста, невольно придаешь вопросу такой оборотъ: слѣдуетъ ли радоваться обществу, имѣющему вдоволь необработанной земли и нуждающемуся въ хлѣбѣ, когда лучшіе работники обращаются къ кондитерскому производству? Громадная масса наблюдательной силы, искажаемая теперь вымысломъ и идущая въ этомъ видѣ на увеселенія досуговъ праздныхъ людей, могла бы послужить, въ общественной наукѣ, къ уясненію вопросовъ, важныхъ для всего человѣчества. — Очевидно также, какое громадное количество труда сберегла бы наука будущимъ поволеніямъ.

Не думаю, чтобъ было нужно долѣе настаивать на общечеловѣческомъ значеніи и пользѣ общественной науки. Трудно, чтобы ее стали оспаривать свѣдущій и образованный человѣкъ. Главный вопросъ въ томъ, какъ создать эту науку? Очевидно, громадность труда требуетъ совокупныхъ усилій весьма значительнаго числа лицъ. Отъ каждой страны и отъ каждой мѣстности въ странѣ потребуется много дѣятелей и разнородныхъ специальныхъ познаній. Поэтому, новѣйшая мысль объ основаніи ученыхъ обществъ,

свѣздовъ и о постоянномъ обмѣнѣ идей всего лучше примѣняется къ разработкѣ общественной науки.

Я вполне сознаю, что было бы и приличнѣе, и дѣйствительнѣе, если бы заявленіе этой мысли сопровождалось хорошимъ социальнымъ сочиненіемъ, хотя бы по одной мѣстаости. Къ несчастью, хорошія мысли слишкомъ часто приходятъ людямъ, неимѣющимъ никакой возможности осуществить ихъ. А кто имѣетъ эту возможность, тому я могу предсказать и успѣхъ, и наслажденіе свѣжаго и благотворнаго труда. Вотъ почему я обращаюсь къ молодому поколѣнію и указываю ему превосходный исходъ его умственного непотизма и шатавія отъ одной идеи къ другой... Облегчить людямъ ихъ будущія страданія должно быть большимъ наслажденіемъ, но облегчить ихъ силой ума и науки есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и величайшій подвигъ.

Если до сихъ поръ не создалась общественная наука, то это только доказываетъ, что люди предшествовавшихъ поколѣній не вполне создавали солидарность, связывающую все человѣчество, не вполне понимали, что его существованіе управляется извѣстными законами. Нынѣшнія поколѣнія доразвились до такого пониманія, благора массѣ накопленныхъ знаній, и потому они могутъ создать эту науку.

И. Серно-Соловьевичъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МЫСЛЯЩІЙ ПРОЛЕТАРИАТЪ.

(ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО. ДВА ТОМА: С.-Пб: 1865 г.)

(*Посвящается Н. А. Благовѣщенскому.*)

I.

Чтобы обрисовать авторскую личность Помяловскаго, я разберу подробно двѣ главныя его повѣсти, «Мѣщанское счастье» и «Молотова.» Эти двѣ повѣсти связаны между собою личностью героя, Егора Иваныча Молотова. Въ первой повѣсти Молотовъ является 22-хъ лѣтнимъ юношей, только что кончившимъ курсъ въ университетѣ. Во второй—33-хъ лѣтнимъ мужчиной, достаточно ознакомившимся съ практическою жизнью. По своему характеру и по общему складу своей дѣятельности, Молотовъ очень похожъ на Штольца. Существенная разница между ними заключается въ томъ, что ихъ авторы смотрятъ на нихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Г. Гончаровъ смотритъ на Штольца снизу вверхъ, а Помяловскій на Молотова сверху внизъ. Г. Гончаровъ относится къ Штольцу съ восторженнымъ благоговѣніемъ, а Помяловскій къ Молотову съ дружелюбнымъ и неоскорбительнымъ состраданіемъ. Г. Гончаровъ говорить: давай намъ Богъ

такихъ людей, какъ Штольцъ, а Помяловскій говоритъ: какъ жаль, что большинство хорошихъ людей принуждено оставаться въ положеніи Молотова! Для г. Гончарова Штольцъ есть идеалъ, о которомъ едва позволительно мечтать. Для Помяловскаго Молотовъ есть *minimum*, на которомъ едва ли позволительно останавливаться. Сами герои смотрять на себя такъ, какъ смотрять на нихъ ихъ творцы. Штольцъ сіяетъ самодовольствомъ. Я-ли, дескать, не уменъ, я-ли не великъ, я-ли не полезенъ. Я соль земли и спаситель отечества. Молотовъ, окончательно сформировавшійся, напротивъ того, тихъ, скромень, утомленъ и грустенъ. Онъ самъ говоритъ, что его жизнь—честная чичиковщина. О соленіи земли и о спасеніи отечества онъ, конечно, и не заикается. Именно поэтому, Штольцъ — деревянная кукла, а Молотовъ—живой человекъ. Деревянность Штольца происходитъ именно оттого, что г. Гончаровъ нечаянно вложилъ въ него внутреннее противорѣчіе. Штольцъ, въ одно и то же время, и уменъ, и глупъ. Уменъ, потому что лихо устроиваетъ свои дѣла и пикантно разсуждаетъ о разныхъ психологическихъ тонкостяхъ. Глупъ, потому что усматриваетъ въ себѣ героя и лѣзетъ на пьедесталъ. И получается поэтому въ общемъ результатъ глупо-умная, то есть, невозможная и деревянная фигура. А Молотовъ постоянно уменъ, и въ практическихъ дѣлахъ, и въ теоретическихъ разсужденіяхъ, и во взглядѣ на свою собственную личность. «Подлости я никакой не сдѣлалъ, думаетъ онъ, но мнѣ все-таки грустно и совѣстно быть только не мошенникомъ. Упрекать я себя ни въ чемъ не могу, но и радоваться, и гордиться мнѣ нечѣмъ. Молодымъ дѣтелямъ, которымъ, быть можетъ, удастся совершить подвиги *положительной* честности и активной любви, я скажу только: друзья мои, не судите меня строго. Не считайте меня тунеядцемъ и работъ лѣнивымъ, зарывшимъ свой талантъ въ землю. Разсмотрите внимательно мою жизнь, поставьте себя на мое мѣсто, взвѣсьте все, и размѣры моихъ силъ, и обстоятельства, и понятія моихъ современниковъ, и тогда вы, чего добраго, скажете, что я сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать. И тогда вы, можетъ быть, съ дружескимъ чувствомъ пожмете мою руку за то, что я всегда ѣлъ хлѣбъ, заработанный собственнымъ трудомъ. Трудъ мой рѣдко приносилъ пользу обществу, да вѣдь что же съ этимъ дѣлать? Откуда взять такой трудъ, который былъ бы дѣйствительно полезенъ? Стоитъ, напримѣръ, на улицѣ извожикъ. Каждая копѣйка достается ему тяжелымъ и честнымъ

трудожъ. Чтобы привезти вечеромъ домой какихъ нибудь два цѣлковыхъ, сколько онъ въ день натерпится и отъ свѣга, и отъ пыли, и отъ дождя, и отъ вѣтра, и отъ мороза! А развѣ трудъ его дѣйствительно полезенъ для общества? Развѣ всѣ концы, сдѣланные извозникомъ, дѣйствительно были необходимы? Развѣ силы лошади и человѣка не тратились большею частью на то, чтобы возить правдоношатающихся шалопаевъ къ другимъ правдоношатающимся шалопаямъ, которые вовсе не желаютъ ихъ видѣть, и которые, тѣмъ не менѣе, считаютъ своею обязанностью выражать въ подобныхъ случаяхъ притворную радость, неспособную обмануть даже маленькихъ дѣтей?— А вѣдь извозникъ тутъ все-таки ничѣмъ не виноватъ.— Вотъ и я, продолжаетъ Молотовъ, былъ постоянно точно такимъ же извозникомъ. Титанъ, геній, сильный талантъ пробили бы себѣ дорогу къ общеплезному труду. Но я не геній, не титанъ, даже не сильный талантъ. Я не могу и никогда не могъ сказать людямъ такое слово, которое заставило бы ихъ глубоко задуматься или очнуться отъ глубокаго сна. Я просто неглубуный я, вслѣдствіе этого, не подлый человѣкъ. И прошу я васъ, молодые дѣятели, только объ одномъ: поставьте меня въ вашемъ мнѣніи не выше и не ниже того извозника, который возитъ шалопаевъ, но, не смотря на то, обращается совершенно честно и съ хозяиномъ, и съ сѣдоками, и съ лошадью. Героемъ я себя не считаю, на пьедесталъ не лѣзу, но уваженіемъ умныхъ и честныхъ людей дорожу.»—И дѣйствительно, никакіе молодые дѣятели будущаго времени, никакіе титаны въ мірѣ не имѣютъ возможности смотрѣть съ презрѣніемъ на того обыкновеннаго человѣка, который, подобно Молотову, скромно сознавая свою обыкновенность и понимая невозможность передѣлать обстоятельства обыкновенными и изолированными силами, сосредоточилъ все свое вниманіе на той простой задачѣ, чтобы совершенно честно прокормить свою собственную личность. Если бы Штольцъ былъ возможенъ, то онъ былъ бы смѣшонъ и гадокъ. Ему надо было бы дать щелчокъ въ носъ, чтобъ онъ слетѣлъ съ пьедестала, на который его суконное рыло не даетъ ему ни малѣйшаго права. Молотовъ, напротивъ того, совершенно возможенъ и очень симпатиченъ своею свѣтлою и тихою грустью. Причина его грусти очень понятна. Онъ сознаетъ, что трудъ его бесполезенъ для общества. Онъ чувствуетъ, что, при другихъ условіяхъ, онъ могъ бы приносить людямъ дѣйствительную пользу. Но создать эти условія онъ не въ со-

стояніи. Для этого нужно, чтобы общество, глубоко проникнутое инстинктивнымъ стремленіемъ къ новой жизни, воплотило эти стремленія въ гениальной личности; чтобы эта личность своею дѣятельностью сгруппировала и осмыслила разрозненныя силы многихъ честныхъ и неглупыхъ людей, подобныхъ Молотову; чтобы эти соединенныя силы дружно взялись за работу и превратили инстинктивное стремленіе общества въ разумный планъ и въ живое дѣло. Тогда Молотовъ былъ бы веселъ и счастливъ. Онъ, быть можетъ, все-таки остался бы чернорабочимъ; но какое счастье быть чернорабочимъ въ томъ дѣлѣ, которое любишь, уважаешь и понимаешь во всѣхъ его подробностяхъ и послѣдствіяхъ! Кто читалъ въ прошлогоднемъ «Русскомъ Словѣ» превосходный романъ Шпильгагена: «Два поколѣнія», тотъ, разумеется, помнитъ чернорабочаго Каіуса, который, сломавши себѣ правую руку, продержалъ лѣвою рукою корректуру длинной передовой статьи «*in praesidentem.*» Въ каждомъ дѣлѣ такіе чернорабочіе дѣйствительно возможны. И каждому дѣлу такіе чернорабочіе безусловно необходимы.

II.

Помяловскій въ своихъ двухъ повѣстяхъ хотѣлъ показать, какимъ образомъ жизнь полегоныку щупаетъ ребра умному и развитому пролетарію, и какимъ образомъ пролетарій, опираясь исключительно на силы своего развитаго ума, можетъ, не смотря на всѣ медвѣжи ласки жизни, остаться свѣжимъ, неискалеченнымъ и неразвращеннымъ человѣкомъ. «Среда заѣла», «жизнь изломала», «обстоятельства погубили» — все это мы слышали много разъ, все это повторялось, и кстати, и не кстати, такъ часто, что все это превратилось наконецъ въ совершенно вывѣтрившуюся и очень вредную фразу. Сначала слова эти произносились умными людьми, размышлявшими объ участи другихъ умныхъ людей, потрудившихся на своемъ вѣку и сошедшихъ въ преждевременную могилу, не сдѣлавъ въ жизни того, что они хотѣли и могли бы сдѣлать при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Тогда эти слова имѣли смыслъ. Тогда человѣкъ, произносившій эти слова, зналъ очень досконально, путемъ наблюденія и даже личнаго опыта, что это за штука *среда* и *жизнь*, и *обстоятельства*, и по какимъ причинамъ, и какими

средствами, и для какой цѣли производятся разныя *зальданія* и *ломанія*, и *погубленія* людей умныхъ и много потрудившихся на своемъ вѣку. Умные люди, произносившіе слова, всегда прилагали ихъ къ какому нибудь третьему лицу, сошедшему со сцѣны. Но слова эти спустились въ низшіе слои умственного міра, и тогда пошла писать губернія. Определенный смыслъ словъ выдохся, и дряблые людишки стали этими словами живо читать себѣ отходную. Меня заѣла среда—говорилъ какой нибудь Ноздревъ, воротившись съ ярмарки съ опустошеннымъ карманомъ и съ опипанными бакенбардами. Меня изломала жизнь—тоскливо произносилъ Тряпичкинъ, когда какая нибудь редакція возвращала ему въ цѣлости толстыя кипы его безграмотныхъ повѣстей и стихотвореній. Меня погубили обстоятельства—сладко и томно твердилъ лейтенантъ Жевакинъ, которому какая нибудь Милицтриса Кирбитьевна наплевала за лишнюю предприимчивость въ его тусклые, бараньи глаза. И уѣздные города, и резиденціи сельскихъ джентльменовъ на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества переполнились людьми заѣденными, погубленными и изломанными, которые однако, не смотря на весь трагизмъ своего положенія, ѣли, пили, спали, жирѣли и тупѣли во всю свою волю. О достойные сограждане! О филейныя части человѣчества! Развѣ вы чѣмъ нибудь отличаетесь отъ среды, жизни и обстоятельствъ, на которыя вы такъ бессмысленно жалуетесь? И развѣ можетъ какая нибудь сила въ мірѣ заѣсть, изломать или погубить то, что рыхло, мягко, дрябло и жирно, подобно вамъ? И какой же человѣкъ, дѣйствительно способный почувствовать на своей особѣ медвѣжью лапу жизни, среды и обстоятельствъ, скажетъ когда нибудь: *мнѣ* заѣли, изломали или погубили? Самому признать себя заѣденнымъ, изломаннымъ и погубленнымъ, значить живо лечь въ могилу, значить бѣжать съ пашни на лежанку въ то время, когда работаютъ сохи и бороны честныхъ и умныхъ сосѣдей, друзей и родственниковъ. Пока человѣкъ живъ, до тѣхъ поръ онъ борется и не признаетъ себя побѣжденнымъ; если онъ бѣденъ—онъ трудится, то есть, борется съ своею бѣдностью; если онъ неучъ—онъ учится, то есть, борется съ своимъ невѣжествомъ; если онъ болѣнъ—онъ лечится, то есть, борется съ своею болѣзною. Борьба продолжается до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не одерживаетъ побѣды надъ своимъ врагомъ, или до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не падаетъ замертво на полѣ сраженія. Въ первомъ случаѣ, человѣку

не зачѣмъ говорить о своей изломанности или заѣденности; тутъ онъ самъ, напротивъ того, погубилъ, заѣлъ и изломалъ то, что мѣшало ему быть счастливымъ. А во второмъ случаѣ, человѣку, упавшему за смертью, уже некогда осыпать свою могилу цвѣтами сочувственнаго краснорѣчія; надгробное слово произнесутъ надъ нимъ другіе люди. Такимъ образомъ, люди умные и энергическіе борются до конца, а люди пустые и нигуда негодные подчиняются безъ малѣйшей борьбы всѣмъ мелкимъ случайностямъ своего бессмысленнаго существованія. Надо сказать правду: люди вполне умные и люди безнадежно пустые во всѣхъ человѣческихъ обществахъ почти одинаково рѣдки. Огромное большинство состоитъ вездѣ изъ людей посредственныхъ, которые, съ одной стороны, пороку не выдумаютъ, но, съ другой стороны, по выраженію г. Щедрина, сальныхъ свѣчъ не ѣдятъ, стекломъ не утираются. Эти люди могутъ быть дѣятельными или праздными, гуманными или жестокими, полезными или вредными, смотря по тому, въ какую сторону направляется въ данную эпоху господствующее теченіе идей. Ходячія фразы имѣютъ значительное вліяніе на это человѣческое стадо, и важнѣйшая задача здоровой и честной литературы заключается именно въ томъ, чтобы всегда пускать въ обращеніе такія фразы, которыя въ данную минуту могутъ дѣйствовать благотворно на умъ и на волю безцвѣтныхъ и несамостоятельныхъ людей, составляющихъ большинство. При этомъ надо умѣть во время мѣнять эти фразы, чтобы онѣ не затаскивались и не покрывались плѣсенью. Это производство и передвиганіе общепользныхъ фразъ составляетъ прямую обязанность беллетристики и чисто-литературной критики, то есть, тѣхъ отраслей словесности, которыя всего ближе прикасаются къ чувствамъ, интересамъ и условіямъ частной нравственности и будничной жизни.—Читатель не долженъ смущаться словомъ *фраза*. Каждая фраза появляется на свѣтъ, какъ формула или вывѣска какой нибудь идеи, имѣющей болѣе или менѣе серьезное значеніе; только впоследствии, подъ руками безцвѣтныхъ личностей, фраза опошляется и превращается въ грязную и вредную тряпку, подъ которою скрывается пустота или нелѣпость. Даровитые писатели чувствуютъ тотчасъ, что формула выдохлась и что пора выдвинуть на ея мѣсто новый пароль.—Я показалъ въ началѣ этой главы, какимъ образомъ фразы о средѣ, о жизни и объ обстоятельствахъ, имѣвшія сначала глубокой смыслъ, превратились понемногу въ нелѣпость, прикрывающую собою лѣнь и негод-

ность дряблыхъ тунеядцевъ. Помяловскій своимъ здоровымъ чувствомъ и свѣтлымъ умомъ понялъ, какъ нельзя лучше, что пора повернуть потокъ фразъ въ другую сторону. До Помяловскаго эта потребность чувствовалась многими изъ нашихъ лучшихъ беллетристовъ. Самая полезная сторона въ дѣятельности Тургенева клонилась именно къ тому, чтобы изобразить внутреннее ничтожество нашихъ домашнихъ Гамлетовъ, праздно тоскующихъ о вредномъ вліяніи жизни, среды и обстоятельствъ. Большая часть тургеневскихъ повѣстей говоритъ ясно и выразительно: тѣ люди, которые жалуются на свое безсиліе, нигуда не годятся. Къ этому сужденію Помяловскій своими двумя повѣстями придѣлалъ естественное продолженіе: а тѣ люди, которые на что нибудь годятся, борются съ неблагопріятными обстоятельствами и, по меньшей мѣрѣ, умѣютъ отстоять противъ нихъ свое собственное нравственное достоинство.—И каждый здоровый и неглупый человѣкъ скажетъ на это съ полнымъ убѣжденіемъ: правда твоя, честный и даровитый труженикъ; правда твоя, бѣдный и забытый бурсакъ, умѣвший считать съ своего ума и съ своего чувства всю грязь, наложенную на нихъ бурсацкими розгами! И спасибо тебѣ, Помяловскій, за то, что ты сильнымъ и убѣдительнымъ твоимъ словомъ заступился рѣшительно за святыню человѣческой личности, въ силѣ которой усомнились слабодушные охотники оплакивать несовершенства жизни, среды и обстоятельствъ! Человѣкъ — продуктъ среды и жизни; но жизнь въ то же время вкладываетъ въ него активную силу, которая не можетъ быть мертвымъ капиталомъ для существа дѣятельнаго. Жизнь — дѣло въ высшей степени прогрессивное, и главныя двигательныя пружины ея прогресса сосредоточиваются въ мысляхъ и стремленіяхъ лучшихъ, то есть, самыхъ здоровыхъ и нормально-организованныхъ представителей нашей породы. Поэтому, склоняясь передъ неизбежными законами вѣчной природы, современный мыслитель продолжаетъ сознательно вѣровать въ преобразующія и обновляющія силы человѣческаго ума. Все должно быть такъ, какъ оно есть въ дѣйствительности. Согласенъ. Но если я недоволенъ тѣмъ, что я вижу вокругъ себя, то и недовольство мое также *должно* быть, и не можетъ не существовать. Если мое недовольство наводитъ меня на рядъ размышленій и поступковъ, то и размышленія и поступки входятъ также въ общій планъ природы. Стало быть, сознавать необходимость всѣхъ явленій, совершающихъ

ся въ природѣ, совѣмъ не значить смядывать руки и погружаться въ эакирское созерцаніе. Я—также явленіе; и если я чего нибудь хочеть, ищетъ, домогается, то зачѣмъ же стѣснить его естественныя стремленія?

III.

Помяловскій хотѣлъ представить въ Молотовѣ умнаго и развитаго пролетарія безъ всякой примѣси сословныхъ элементовъ или предразсудковъ. Молотовъ—человѣкъ, совершенно сторванный отъ всякой почвы; у него ни кола, ни двора, ни родныхъ, ни покровителей, совѣмъ ничего нѣтъ, кромѣ умной головы и двухъ здоровыхъ рукъ. «А гдѣ же тѣ липы, спрашиваетъ у себя Молотовъ, подъ которыми прошло мое дѣтство? Нѣтъ тѣхъ липъ, да и не было никогда.» Молотовъ—сынъ бѣднаго мѣщанина, слесаря, одного изъ тѣхъ одинокихъ бобылей, которые очень нерѣдки въ сословіи ремесленниковъ. Жизнь его съ отцомъ шла не очень дурно. Отецъ былъ малый добрый, и маленькій Егорка не чувствовалъ передъ нимъ никакого работѣннаго страха. «Мальчикъ свободно относился къ отцу, точно взрослый, да и живетъ онъ дома не безъ пользы: онъ и въ лавочку сбѣгаетъ, и заказъ отнесетъ, сѣмъетъ и кашу сварить, и инструментъ отточить, и пьянаго отца раздѣнетъ, спать уложить, да еще приговариваетъ:

— Ну, ложись!.. ишь ты нарѣзался!..

— Молчи, Егорка!

— Ладно, не разговаривай, лежи себѣ.

Вотъ въ подобныхъ случаяхъ выпадали тяжелыя минуты въ жизни Егорки. Иногда придетъ отецъ сильно пьяный, злой, непокладный, и ни съ того, ни съ другого поколотить сына.

— Не озорничай, тятка!.. чортъ этакой!.. право чортъ! отвѣчаетъ ему сынъ.

— Врешь, каналья, врешь!.. Я тебѣ овчину-то натреплю...

При этомъ отецъ ломить Егорку за вихоръ и обижаетъ его. На другой день отецъ все припомнить: ему совѣстно, онъ не знаетъ, какъ и взглянуть на Егорку, какъ приступить къ нему. Отецъ молчитъ; у обоихъ лица пасмурныя. Подъ вечеръ, взглянувъ изъ подлѣбья, отецъ сказалъ:

— Полно, Егорка; ну, тебя...

— А! теперь и рожу въ сторону!.. стыдно, не бось стало?.. а ты не дерись!..

— Да ну тебя...

— Ишь нарѣзался, на стѣны лѣзеть!

Отецъ замолчалъ. Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ. Отецъ тяжело вздохнулъ на всю комнату. Егорка взглянулъ сердито и сказалъ:

— Въ лавочку, что ли, надо? давай! Чего молчишь-то? тутъ нечего молчать!

Такая уступка со стороны Егорки служила шагомъ къ примиренію, и у отца отлегло отъ сердца» (Стр. 37. 38.). «Дѣтская жизнь Егора Иваныча, говоритъ Помяловскій въ другомъ мѣстѣ, совершилась въ грязи, въ бѣдности, а вотъ и теперь онъ вспоминаетъ ее съ добрымъ чувствомъ.» (Стр. 36.) И не мудрено. Каждый читатель, непритупленный фразами грошоваго либерализма, согласится, что отношенія между Егоркою и его отцомъ были такъ просты, естественны и здоровы, что они должны были дѣйствовать самымъ живительнымъ образомъ на первоначальное развитіе физическихъ и даже умственныхъ силъ дѣтскаго организма. Трепаніе овчины, разумѣется, не заключаетъ въ себѣ ничего прелестнаго и душеспасительнаго, но вѣдь это нѣчто въ родѣ лѣтняго дождя, совершенно неспособнаго превратить ясную погоду въ пасмурную. А общій колоритъ отношеній совершенно ясенъ и свѣтелъ. Хорошо въ нихъ именно отсутствіе педагогическихъ тенденцій. Отецъ совсѣмъ не воспитываетъ своего Егорку, не муштруетъ его, ничего ему не внушаетъ; онъ просто живетъ съ нимъ, кормитъ, одѣваетъ и защищаетъ его; а затѣмъ молодому организму, укрытому отъ слишкомъ тяжелыхъ столкновеній съ голодомъ, съ холодомъ, съ грубостью постороннихъ людей,—предоставляется полная свобода жить дѣйствительною жизнью, воспринимая «всѣ впечатлѣнія бытія,» доступныя людямъ его соціальнаго положенія. Между жизнью и ребенкомъ нѣтъ той нечѣпой стѣны, которую тщательно обносятъ со всѣхъ сторонъ благовоспитываемыя дѣти. Егорка собственными глазами смотритъ на подробности своего быта, собственными ушами слушаетъ разные толки, умные и глупые, и собственнымъ, неиспорченнымъ ребяческимъ разсудкомъ составляетъ себѣ понятія о томъ, что хорошо и что дурно, что полезно и что вредно, что правда и что

вранье. Ошибается онъ часто, но ошибается самъ. Никакой мудрый педагогъ не завязываетъ ему глазъ и не ведетъ его, съ благими цѣлями, къ такимъ ошибкамъ, которыя питомецъ, рано или поздно, непременно долженъ осмѣять и отвергнуть. Въ сердитую или пьяную минуту, отецъ задастъ Егоркѣ выволочку, но онъ никогда не унижаетъ его нравственнаго достоинства и не извращаетъ его самостоятельнаго сужденія непрошеннымъ и насильственнымъ вмѣшательствомъ въ процессъ его мысли. Онъ не требуетъ отъ Егорки, чтобы тотъ считалъ его образцовымъ человѣкомъ и непогрѣшимымъ авторитетомъ. Онъ самъ смиренно кается Егоркѣ въ своихъ грѣхахъ. «Отецъ бесѣдовалъ съ Егоркою, какъ со взрослымъ, разговаривалъ обо всемъ, что занимало его: побранится ли съ кѣмъ, получить ли новый заказъ, болить ли у него съ похмѣлья голова,— все расскажетъ сыну.

— Башка трещить, Егорка: вчера хватилъ лишнее. Выростешь, не пей много.

— Я, тятка, пиво буду пить...

— И молодець!... ты у меня молодець вѣдь?

— Еще бы! отвѣчаетъ сынъ.» (стр. 36).

Отколотивши сына ни за что, ни про что, Иванъ Молотовъ не считаетъ себя правымъ и не требуетъ отъ Егорки, чтобы тотъ лобызалъ карающую десницу. Такіе побои не унижительны. Когда ребенокъ имѣетъ право дуться на своего отца и когда ему позволяется открыто выражать свое неодобреніе и неудовольствіе, тогда ребенокъ не озлобляется и не оподляется. Тятка его за вихорь, а онъ тятку въ глаза чортомъ выругаетъ: вотъ они и квиты; и къ вечеру опять начинается у нихъ дружелюбіе и глубокомысленныя бесѣды. Отецъ не смотритъ на себя, какъ на деспота *de jure*. Сынъ не смотритъ на себя, какъ на существо безправное и безгласное. Да и вообще, ни отецъ, ни сынъ нигдѣ не смотрятъ на себя. У нихъ нѣтъ никакой теоріи взаимныхъ правъ, обязанностей и отношеній. Они живутъ въ первобытномъ состояніи, безъ кодекса, и прекрасно дѣлаютъ, потому что кодексъ они, при своей неразвитости, составили бы прескверный, а по натурѣ оба они ребята добродушные и, стало быть, неспособные постоянно пилить и обижать другъ друга. Хорошую теорію правъ, обязанностей и отношеній составить очень трудно, а плохая теорія гораздо хуже, чѣмъ полное отсутствіе всякой теоріи. А сынъ совершеннаго неуча, Ивана Молотова, несравненно свѣжѣе и

счастливыѣ, чѣмъ семейства богатыхъ и полуграмотныхъ купцовъ, куралесящихъ въ драматическихъ произведеніяхъ Островскаго. Всѣ нишіе духомъ, всѣ алчущіе и жаждущіе грязи, извѣстной подъ названіемъ почвы, возрадуются и начнутъ уличать насъ, озорниковъ и отрицателей, въ непослѣдовательности. Вотъ видите, скажутъ убогіе сотрудники «Эпохи», вотъ и вы же признаете въ русской жизни свѣтлыя явленія. Вотъ и вы же находите, что воспитаніе Егорки, совершавшееся въ русской бѣдности и въ русской грязи, было здорово и полезно для мальчика.—Торжество нашихъ близорукихъ противниковъ будетъ очень непродолжительно и повернется тотчасъ противъ ихъ же собственныхъ идей. Я нахожу воспитаніе Егорки здоровымъ и полезнымъ именно потому, что въ немъ нѣтъ никакихъ специально-почвенныхъ элементовъ. Что такое отецъ Егорки? Это человекъ, который трудится цѣлый день, чтобы подъ вечеръ сѣсть горшокъ гречневой каши, и ѣсть горшокъ гречневой каши, чтобы потомъ опять, проспавши на голыхъ доскахъ нѣсколько часовъ, трудиться цѣлый день. — Если замѣнить горшокъ каши блюдомъ варенаго картофеля, да если, кромѣ того, дать въ руки Ивану Молотову менѣе допотопные инструменты, то жизнь Молотова окажется похожею, какъ двѣ капли воды, на жизнь бѣднаго прландца или бѣднаго нѣмца. Трудиться, чтобы ѣсть, — ѣсть, чтобы трудиться, таже исторія и завтра, и послѣ завтра, и десятки лѣтъ подъ рядъ — съ этимъ, воля ваша, не разгуляешься, и о созданіи какихъ нибудь чисто-національныхъ теорій и бытовыхъ формъ не станешь задумываться, по той простой причинѣ, что некогда и что національныя теоріи нисколько не помогаютъ человѣку ни во время труда, ни во время пищеваренія. Человѣкъ начинаетъ систематизировать свои отношенія къ другимъ людямъ только тогда, когда у него является досугъ и когда его умственные силы не поглощаются безраздѣльно заботами о кускѣ хлѣба. Первые попытки систематизированія бывають обыкновенно такъ же уродливы, какъ вообще всякія первые попытки. Голый фактъ, самъ по себѣ очень безобразный, возводится, безъ дальнѣйшаго анализа, въ теоретическій принципъ и черезъ это становится еще безобразнѣе. Взрослый мужчина сильнѣе всѣхъ другихъ членовъ своего семества, и, вслѣдствіе этого, тузить ихъ кулакомъ или плетью. Когда начинается систематизированіе отношеній, тогда мужчина говоритъ: я имѣю право и на мнѣ лежитъ даже священная обязанность учить васъ, дураковъ.—Когда побои пе-

рестаютъ, такимъ образомъ, быть дѣломъ свободной фантазіи и принимаютъ на себя догматически-обязательный характеръ, тогда положеніе подначальныхъ членовъ семейства становится гораздо хуже прежняго, потому что малѣйшее возраженіе съ ихъ стороны и малѣйшая попытка защищаться вмѣняется имъ, по теоріи, въ преступленіе, заслуживающее усугубленнаго наказанія.—Я не такой знатокъ русскаго быта, чтобы я могъ выдавать мои соображенія за достовѣрные факты, но мнѣ кажется, что систематическое порабощеніе женщинъ и дѣтей гораздо значительнѣе въ семейной жизни достаточнаго купечества, чѣмъ въ семейной жизни бѣдныхъ крестьянъ и мѣщанъ, принужденныхъ постоянно работать изъ-за куска насущнаго хлѣба. Въ бѣдномъ семействѣ главная задача состоитъ постоянно въ томъ, чтобы общими силами бороться противъ голода и холода; жизнью бѣднаго семейства управляютъ не принципы, а ежедневные толчки суровой необходимости. И мужъ, и жена, и дѣти—все должны работать, и работать часто врознь; каждый членъ семейства является такимъ образомъ до нѣкоторой степени самостоятельнымъ производителемъ; онъ самъ высматриваетъ свои выгоды, самъ принаровляется къ обстоятельствамъ, самъ отвѣчаетъ за свои поступки. Трудъ иногда изнуряетъ его силы, но тотъ же трудъ обезпечиваетъ за нимъ нѣкоторую долю неотъемлемой самостоятельности. Въ семействѣ русскаго капиталиста, крупнаго или мелкаго, еще нетронутаго общечеловѣческимъ образованіемъ, жизнь складывается иначе. Отецъ семейства кормитъ всехъ своихъ домочадцевъ процентами съ своего капитала и держитъ ихъ въ самой полной экономической зависимости. Кромѣ того, кусокъ хлѣба всегда обезпеченъ, и потому живутъ эти люди не такъ, какъ велятъ жить обстоятельства, а такъ, какъ сами они считаютъ должнымъ и приличнымъ, то есть, такъ, какъ жили отцы и дѣды. Поэтому, жизнь достаточнаго русскаго человѣка, не увлекшагося грѣховными прелестями лукаваго запада, представляетъ собою самый грязный и самый мрачный уголокъ нашего отечественнаго быта. Тутъ нѣтъ ни физическаго труда, ни знанія, то есть, нѣтъ именно тѣхъ двухъ элементовъ, которые одни только и могутъ сохранить человѣческую природу отъ полнѣйшей деморализаціи. Тотъ слой нашего общества, который выведенъ на свѣжую воду комедіями Островскаго, составляетъ дѣйствительно самое темное пятно среди множества темныхъ явленій нашей народной жизни. Это—темное пятно, именно потому, что въ немъ могли

сохраниться въ полнѣйшей неприкосновенности принципы, выработанные русскою жизнью и нашедшіе себѣ превосходное выраженіе въ извѣстномъ Домостроѣ попа Сильвестра. Съ этимъ темнымъ пятномъ цѣлуются и обнимаются славянофилы и почвенники; но увы и ахъ! Это темное пятно съ каждымъ десятилѣтіемъ становится меньше. Сверху на него давить европейская или общечеловѣческая наука; снизу его тормозать и подтачиваютъ запросы физическаго труда; то есть, говоря проще, очень богатые капиталисты посылаютъ своихъ дѣтей въ университеты, а очень бѣдные поневолѣ берутся за ремесло и начинаютъ жить со дня на день, заботясь не столько о неприкосновенности дѣдовскихъ нравовъ, сколько о насыщеніи вопіющихъ желудковъ. Съ этимъ темнымъ пятномъ русской жизни и со всѣми специально-скверными особенностями почвы воспитаніе Егора Молотова не имѣло ничего общаго. По смерти своего отца, маленькаго Егорку взял къ себѣ на воспитаніе старшій холостякъ, отставной профессоръ. Молотовъ прошелъ черезъ гимназію и черезъ университетъ и, такимъ образомъ, присоединился къ той небольшой горсти мыслящихъ пролетаріевъ, которые ничѣмъ не связаны съ почвою и которые, по своему положенію и образованію, могутъ относиться совершенно безпристрастно ко всему въ нашей общественной жизни.

IV.

Слишкомъ двадцать лѣтъ жизнь обращалась съ Молотовымъ довольно милостиво. Она не баловала его излишнею роскошью, но и не томилла его суровою нуждою. Помяловскому было необходимо обставить первую молодость своего героя такими благоприятными условіями. По размѣрамъ своихъ умственныхъ силъ, Молотовъ—человѣкъ обыкновенный. Если бы такой человѣкъ съ дѣтства былъ поставленъ въ необходимость страдать и бороться за свою нравственную самостоятельность, то онъ не выдержалъ бы такой ранней и тяжелой борьбы; онъ превратился бы въ человѣка забитаго, притупленнаго и развращеннаго. Самъ Помяловскій вышелъ побѣдителемъ изъ своей четырнадцатилѣтней борьбы съ бурсою, но для этого надо было Помяловскимъ, да и Помяловскій, не смотря на атлетическое сложеніе своего тѣла и своего ума, вынесъ съ собою изъ бурсы

роковое наслѣдство — ѣдкую и неизлѣчимую печаль о потерянномъ времени и, что еще того хуже, несчастную привычку топить эти невыносимо-тяжелыя ощущенія въ простомъ винѣ. Но Помяловскій не хотѣлъ и не могъ мѣрять людей и жизнь на свой аршинъ. Что могъ сдѣлать Помяловскій, то оказалось бы по силамъ только немногимъ избраннымъ личностямъ. Если бы Помяловскій въ лицѣ Молотова вздумалъ изобразить самого себя, то его произведеніе не имѣло бы того практическаго смысла, который оно имѣетъ теперь. Тогда обыкновенные люди имѣли бы право сказать, что жизнь Молотова ни въ какомъ отношеніи не можетъ служить имъ урокомъ и примѣромъ. Мы люди маленькіе, сказали бы они, а Молотовъ—вонъ какой большой. Надо было непременно, чтобы Молотовъ былъ человѣкомъ обыкновеннаго роста. Надо было, чтобы борьба съ жизнью началась для него только тогда, когда физическія и нравственныя его силы были уже совершенно сформированы. Повѣсть «Мѣщанское счастье» представляетъ именно первое суровое столкновеніе юнаго Молотова съ шероховатостями вседневной дѣйствительности. Въ «Мѣщанскомъ счастьѣ» онъ узнаетъ на практикѣ двѣ житейскія истины: во-первыхъ, что поступками людей управляютъ, въ общей сложности, не чувства, а интересы; и во-вторыхъ, что очень мягкій и любящій человѣкъ можетъ иногда грубо и безжалостно наступить ногою на живое человѣческое тѣло, способное чувствовать самую жгучую боль. — Первую истину выясняютъ ему помѣщикъ Обросимовъ и его супруга. Вторую почерпаетъ онъ изъ своихъ отношеній къ *лисейной* дѣвухѣ, Леночкѣ. Дѣло Молотова съ семействомъ Обросимовыхъ чрезвычайно просто, и только на мягкаго двадцатилѣтняго юношу, совершенно непотертаго жизнью, оно могло произвести прочное впечатлѣніе. Молотовъ поступилъ къ Обросимову домашнимъ секретаремъ; его хозяйка, люди вовсе не грубые и не злые, обращались съ нимъ вѣжливо и ласково; Молотовъ, съ искренностью, свойственною его лѣтамъ, привязался къ нимъ очень скоро и вообразилъ себѣ, что они тоже ужасно какъ любятъ его и видятъ въ немъ задушевнаго друга и почти близкаго родственника. На повѣрку же выходитъ то, чего всегда слѣдовало ожидать. Обросимовы смотрятъ на него, какъ на наемника, изучаютъ внимательно и хладнокровно выгодныя и невыгодныя стороны его характера, критикуютъ въ своемъ кругу его привычки, держатъ съ нимъ ухо востро и тщательно наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы онъ исполнялъ

за свое ничтожное жалованье какъ можно больше разнообразнѣйшихъ порученій, за которыя Молотовъ, по своей юношеской наивности, берется даже съ особеннымъ удовольствіемъ, усматривая въ этихъ порученіяхъ доказательства дружеской безцеремонности и откровенности. — Одинъ простой разговоръ между помѣщикомъ и помѣщицею, нечаянно услышанный Молотовымъ, разрушилъ совершенно въ его глазахъ фантастическую идиллію обросимовскаго дружелюбія. Выписываю отрывокъ изъ этого очень безобиднаго діалога.

«Они, я говорю, образованный народъ, продолжала жена; но все-таки народъ чернорабочій, и все какъ-будто подачки ждутъ...

— Что же? можно сдѣлать ему подарокъ какойнибудь. Онъ стоитъ того.

— Я думаю, часы подарить...

— Это привяжетъ его... А что ни говори, жена, — эти плебеи, такъ или иначе пробивающіе себѣ дорогу, вотъ сколько я ни встрѣчалъ ихъ, удивительно дѣльный и умный народъ... Семинаристы, мѣщане, весь этотъ мелкій людъ — всегда способные, ловкіе господа.

— Ахъ, душенька, всѣ голодные люди умные... Ты дворянинъ, тебѣ не нужно было правдой и неправдой насущный хлѣбъ добывать; а этотъ народецъ изъ всего долженъ выжимать копѣйку. И посмотри, какъ онъ ѣсть много. Намъ, разумѣется, не жаль этого добра; но... постоянный его аппетитъ обнаруживаетъ въ немъ плебея, человѣка, воспитаннаго въ черномъ тѣлѣ и невидавшаго порядочнаго блюда... Не худо бы подарить ему, душенька, голландскаго полотна, а то, представь себѣ, по буднямъ манишки носить, — вѣдь неприлично!..

— Я не замѣчалъ этого...

— Гдѣ жъ вамъ, мужчинамъ, замѣтить...

— О бѣдность, бѣдность! сказалъ со вздохомъ Обросимовъ.» (Стр. 125 и 126).

Разговоръ этотъ замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Но прежде, чѣмъ я буду разсматривать его въ подробностяхъ, я замѣчу мимоходомъ, что не только Молотовъ, но даже самъ Помяловскій смотритъ на этотъ разговоръ не совсѣмъ вѣрно. Юный Молотовъ обидѣлся, захандрилъ, укротилъ свой демократическій аппетитъ и даже, вскорѣ послѣ того, уѣхалъ отъ Обросимовыхъ. Это все понятно. Молотовъ пылалъ любовью и уваженіемъ къ Обросимову, и вдругъ, вмѣсто взаимности, увидѣлъ въ перспективѣ кусокъ гол-

ландскаго полотна и часы. И пришлось юношѣ, влюбленному въ добродѣтельнаго помѣщика, сказать вмѣстѣ съ Шиллеромъ:

Er ist dahin, der süsse Glaube
An Wesen, die mein Traum gebar,
Der rauhen Wirklichkeit zum Raube
Was einst so schön, so göttlich war.

(Она погибла, сладкая вѣра въ существа, порожденныя моею мечтою, и добычею суровой дѣйствительности сдѣлалось то, что было такъ прекрасно, такъ божественно.) Все это понятно. Но странно то, что, слишкомъ десять лѣтъ спустя, опытный и разсудительный мужчина Молотовъ, припоминая этотъ случай, говорить: «помѣщикъ оскорбилъ меня, приходилось оставить мѣсто.» (Стр. 267.) Въ сущности оскорбленія не произошло ни малѣйшаго; помѣщикъ оказался только не «прекраснымъ» и не «божественнымъ», и добродѣтели этого помѣщика, сочиненныя самимъ Молотовымъ, сдѣлались, подобно шиллеровскимъ идеаламъ, «добычею суровой дѣйствительности». А вѣдь разочарованіе и оскорбленіе—двѣ вещи совершенно различныя. Изъ нѣкоторыхъ очень умныхъ разсужденій Помяловскаго видно, что онъ выводитъ слова Обросимовыхъ изъ аристократизма, барственной спѣси, неразвитости и слабоумія. Но мнѣ кажется, что причины ихъ страннаго взгляда на Молотова лежатъ глубже. Такой взглядъ неизбеженъ вездѣ, гдѣ одинъ человѣкъ нанимаетъ или, другими словами, *покупаетъ на время* другого человека. — Весь разговоръ между Обросимовымъ и его женою вытекаетъ естественно и неизбежно изъ того обстоятельства, что Обросимовъ — наниматель, а Молотовъ — наемщикъ. И будь Обросимовъ умнѣ перваго финансиста въ мірѣ, мистера Гладстона, все-таки онъ могъ бы говорить съ своею женою о Молотовѣ такъ, какъ онъ говоритъ въ повѣсти Помяловскаго. Обросимовъ долженъ непремѣнно думать о Молотовѣ такъ: я тебя, другъ любезный, купилъ, и въ извѣстные сроки аккуратно плачу тебѣ деньги за твою же собственную особу. Ты малый ловкій; — съ одной стороны, это хорошо; но съ другой стороны, это опасно. Хорошо потому, что купленный мною товаръ, вслѣдствіе этого, оказывается годнымъ на всякую подѣлку. Опасно потому, что этотъ ловкій и юркій товаръ можетъ ежеминутно выскользнуть у меня изъ рукъ. Ты, о товаръ, можешь надуть меня, ты можешь славш-

комъ много отдыхать, отхлынивать отъ работы и въ тоже время отводить мнѣ глаза твоею зловредною ловкостью. Ты, о товаръ, повидимому, чувствуешь ко мнѣ симпатію. Но я не дуракъ. Я знаю, зачѣмъ ты обнаруживаешь это чувство. Ты собираешься ускользнуть у меня изъ рукъ, ты начинаешь отводить мнѣ глаза, ты хочешь подвести подкопы подъ мое чувствительное сердце, чтобы я, распутивши нюхи, не мѣшалъ тебѣ бить баклуши и произвелъ тебя изъ купленныхъ товаровъ въ полноправные человѣки. О шельма ты, шельма! Ловкость твоя мнѣ нравится. На, тебѣ гривенникъ на водку и ступай, бестія, работать.—Мы знаемъ уже, что въ исторіи Молотова *гривенникъ на водку* принялъ на себя облагороженный видъ голландскаго полотна и часовъ. И все-таки я утверждаю, что во всѣхъ размышленіяхъ Обросимова нѣтъ ничего оскорбительнаго для Молотова. Тутъ нѣтъ столкновенія личностей; тутъ сталкиваются только двѣ отвлеченныя величины, наниматель и наемникъ. Имѣетъ ли Молотовъ какое нибудь разумное основаніе чувствовать себя, именно себя, обиженнымъ, когда съ нимъ обращаются не хуже, чѣмъ со всѣми остальными честными и умными людьми, поставленными въ его положеніе? По моему мнѣнію, не имѣетъ. Опъ обидѣся, потому что былъ юнгъ; доживши же до зрѣлаго возраста, опъ бы долженъ былъ осудить безусловно строй отношеній и оправдать также безусловно личность Обросимова.—Въ разговорѣ Обросимова съ женою любопытны двѣ слѣдующія черты. Во-первыхъ, замѣчаніе помѣщицы о сильномъ аппетитѣ плебея; во-вторыхъ, восклицаніе помѣщика: «о бѣдность, бѣдность!» вырвавшаяся у него по поводу молотовскихъ манишекъ. Есть на свѣтѣ люди, для которыхъ неизмѣнныя цѣльныя голландскія рубашекъ составляетъ симптомъ вопіющей бѣдности. Каково, думаютъ такіе люди, этотъ господинъ ѣсть со мною за однимъ столомъ, разговариваетъ со мною, какъ съ равнымъ, и вдругъ — у него нѣтъ голландскаго бѣлья. О бѣдный, о несчастный человѣкъ! И какъ близко мы, баловни судьбы, сталкиваемся въ жизни съ непокрытою нищетою. — Эта трогательная филантропія по поводу манишки показываетъ очень наглядно, до какой степени праздный богачъ можетъ одурѣть и избаловаться, и до какой замѣчательной искусственности онъ можетъ довести весь свой образъ жизни. Но законы природы никогда не нарушаются безнаказанно. Замѣчаніе помѣщицы о плебейскомъ аппетитѣ даетъ намъ понятіе о неизбѣжномъ наказаніи. Аппетитъ убавляется, силы

убываютъ, здоровье слабѣетъ, порода мельчаетъ и тупѣетъ въ тѣхъ людяхъ, которые постоянно потребляютъ, не производя ровню ничего и не освѣжаясь никогда живительными волнами физическаго и умственнаго труда. Это — явленіе повсемѣстное.

V.

У одной небогатой сосѣдки Обросимовыхъ есть дочь, молодая дѣвушка, Леночка. Эта барышня простодушно заигрываетъ съ Молотовымъ, и, безъ всякой задней мысли, пишетъ къ нему нѣжное письмо, въ которомъ, ни съ того, ни съ сего, назначаетъ ему любовное свиданіе. Письмо написано такъ: «Егоръ Иванычъ! У васъ есть чувство, и вы завтра въ 6 часовъ придите на рѣку къ мельницѣ вечеромъ, и здѣсь встрѣтите даму, и, если любите, узнаете ее; а если нѣтъ, я останусь «по гробъ вѣрная вамъ и любящая». (Стр. 82.) Подписи нѣтъ. Молотовъ, юный и застѣпчивый, повергается этимъ письмомъ въ величайшее недоумѣніе. Молодое воображеніе разыгрывается, хотя милая безтолковость письма и фатальныя слова: «по гробъ вѣрная и любящая» значительно умѣряютъ его порывы. Онъ приходитъ къ назначенному мѣсту очень сконфуженный, и конфузится еще сильнѣе, увидѣвъ Леночку, которая, съ своей стороны, уже и сама не рада собственной смѣлости. Выходитъ уморительная сцена. Невинные любовники ведутъ между собою солидный разговоръ о достоинствахъ погоды, и затѣмъ расходятся по домамъ, не сказавши другъ другу ни слова о письмѣ и о томъ, зачѣмъ они встрѣтились. «Странно было смотрѣть на молодыхъ людей. Леночка не менѣе Молотова боялась разговора о письмѣ. Она лишь только увидала Егора Иваныча, ей странно стало за своей легкомысленный поступокъ, который она, кажется, сдѣлала такъ, проста, по птичьи»..... «Леночка теперь сама поняла, что слѣдовало бы надрать ей хорошенькое ея ушко»..... «Она чуть не плакала, и въ первую минуту едва не сказала:

— «Егоръ Иванычъ, не говорите мамашѣ, ... я больше не буду.» Но увидѣвъ, что Молотовъ едва ли не больше ея струсилъ, она сказала себѣ: «онъ не страшный, онъ такой добрый,» и рада была, что Молотовъ не говоритъ ничего о письмѣ. Теперь она была спокойна.

Егоръ Иванычъ наклонился и сорвалъ цвѣтокъ.

— Дайте мнѣ цвѣтокъ, сказала Леночка.

— Извольте.

— Это мнѣ на память.

— Развѣ нельзя помнитъ безъ цвѣтка?

Молотовъ сорвалъ другой цвѣтокъ. Леночка опять:

— Дайте мнѣ цвѣтокъ.

— И этотъ на память?

— Дайте же, сказала Леночка строго, вырвала неожиданно цвѣтокъ и ударила имъ по рукѣ Молотова. Все это сдѣлалось какъ-то ужъ очень наивно. Оба засмѣялись». (Стр. 93).

Славная дѣвочка эта Леночка! Она не ловитъ себя женка, она не кокетничаетъ съ Молотовымъ. Она именно заигрываетъ съ нимъ, какъ здоровая дѣвушка, въ которой близость здороваго и красиваго мужчины возбуждаетъ радостное волненіе. Совершенная непосредственность и неподраженность простого физиологическаго влеченія составляетъ весь секретъ ея граціи. Въ изображеніи этой женской омыгуры Помяловскій является чистымъ натуралистомъ. Базаровъ говорить о Феничкѣ: «чего ей стыдиться? Она мать, стало быть, и права.» Помяловскій смотритъ на Леночку совершенно такъ, какъ Базаровъ на Феничку. Леночка и неразвита, и не умна, и не сінетъ никакими особенными добродѣтелями. Это просто живой и здоровый организмъ, и Помяловскій откровенно любитъ этимъ превосходнымъ произведеніемъ природы; и нельзя не любоваться. Здоровому человѣку свойственно любить жизнь во всѣхъ ея неизуродованныхъ проявленіяхъ. А когда здоровый человѣкъ становится мыслящимъ человѣкомъ, тогда любовь къ міровой жизни дѣлается еще сильнѣе, потому что онъ получаетъ возможность изучать то, чѣмъ онъ прежде безсознательно любовался. Тургеневъ любитъ свою Асю. Помяловскій любитъ свою Леночку. Но Тургеневу, чтобы полюбить Асю, было необходимо сдѣлать изъ нея какое-то особенное, странное, оригинальное и, мнѣ кажется, полу-фантастическое существо. Ему необходимо было окружить ее развалинами прирейнскихъ замковъ, сдѣлать изъ нея эффектную дикарку и показать читателю, что въ ея петрунотомъ умѣ таятся богатые задатки будущаго развитія. Словомъ, мы имѣемъ тутъ дѣло съ «высшею натурою» (*une nature délicate*), и Тургеневъ ни подъ какими видомъ не позволилъ бы своей Асѣ написать безграмотное *billet-doux* съ подписью «по гробъ вѣрная и

любящая.» Его покорило бы отъ этой тривіальности, похожей на поэзію конфектныхъ билетиковъ. Помяловскій, напротивъ того, какъ реалистъ по складу своихъ убѣжденій и какъ совершенно послѣдовательный плебей, не дѣлитъ людей на высшія и низшія природы, на дюжинныя и не дюжинныя, на пошлыя и изящныя. Онъ совершенно безстрашно подходитъ къ самой мелкой, самой будничной прозѣ жизни, даже не къ сермяжнымъ ея явленіямъ, — сермяга имѣетъ въ себѣ своего рода эффектность, — а къ ситцевымъ и къ кисейнымъ; и даже тутъ его неисчерпаемая любовь къ жизни вообще, и къ чловѣку въ особенности, не измѣняетъ себѣ ни на минуту. Леночка во все не дикарка. Она чисто одѣтая и гладко причесанная барышня. Она нисколько непохожа на пушкинскую Татьяну. Это не тихій омутъ, въ которомъ черти водятся. Она совсѣмъ не отличается тишиною, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія подозрѣвать въ ней присутствіе какихъ нибудь чертей. Она вся какъ на ладони, и ее чрезвычайно легко понять съ перваго взгляда. Такіе характеры обыкновенно рисуются художниками на второмъ планѣ, только для того, чтобы отгнѣнить контрастомъ натуру высокую, изящную, глубокую, тихую и наполненную скрытыми чертами. Леночка похожа на сестру Татьяны, Ольгу, о которой говоритъ Онѣгинъ:

Бѣла, кругла лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ.

Похожа она также на ту Агафью Матвѣевну, которая премышала Обломова толстыми локтями. И кажется мнѣ еще, что мать Базарова, Арина Власѣевна, въ молодости своей сильно смахивала на *кисейную двушку*, Леночку. Но пушкинская Ольга поставлена на второмъ планѣ, и авторъ относится къ ней такъ же насмѣшливо, какъ самъ Онѣгинъ. Агафья Матвѣевна выведена на сцену единственно для того, чтобы сдѣлаться живою эмблемою того паденія, которое постигло Обломова за его предосудительную лѣньность. Если она, такимъ образомъ, представляетъ собою воплощенное пугало, то, разумѣется, объ искреннемъ и непокровительственномъ сочувствіи автора къ ней не можетъ быть и рѣчи. Объ Аринѣ Власѣевнѣ нечего и говорить; мы видимъ ее въ той порѣ жизни, когда она уже давно перестала быть женщиною. Сына любить, пороку не выдумаетъ, вотъ и все, что можно о ней сказать. Поэтому надо согласиться,

что Помяловскій выбралъ себѣ и разрѣшилъ совершенно новую задачу, нетронутую до него ни однимъ изъ замѣчательныхъ русскихъ писателей. Онъ взялъ совершенно обыкновенную дѣвушку, такую, отъ которой даже и въ будущемъ ничего нельзя ожидать, кромѣ дюжины толстомордыхъ ребятъ, и къ этой простѣйшей изъ простыхъ смертныхъ онъ отнесся съ непримѣрною кротостью и нѣжностью. Онъ самъ знаетъ очень хорошо, что вся Леночка ничто иное, какъ здоровое и красивое тѣло, но это его нисколько не смущаетъ и не отталкиваетъ. Онъ отъ нея и не требуетъ ни сильнаго ума, ни глубокаго чувства. Онъ говоритъ себѣ: этотъ молодой организмъ ищетъ и проситъ себѣ любви, счастья, наслажденія, того, что для него необходимо, какъ теплота, свѣтъ, воздухъ и сырость необходимы для растенія. Что мнѣ за дѣло до того, что этотъ глуповатый организмъ понимаетъ любовь, счастье и наслажденіе не такъ, какъ понимаютъ ихъ мыслящіе люди? Неужели я буду осуждать кисейную дѣвушку за то, что она не умѣетъ и не можетъ быть счастлива *по моему*? Напротивъ того, я отъ души желаю, чтобы она была счастлива *по своему*. Я горячо сочувствую ея радости, ея горю, ея тревогѣ и ея томленіямъ, не потому, что я самъ способенъ такимъ же образомъ и по такимъ же причинамъ радоваться, горевать, тревожиться и томиться, а потому, что въ пей-то, именно въ ней, всѣ эти ощущенія совершенно естественны, неизбежны и неподдѣльны. — Вы скажете, что ея ощущенія слабы и мелки. Для васъ—да. Но для нея они не мелки и не слабы. Они соотвѣтствуютъ размѣрамъ ея силъ и широтѣ ея пониманія. Для самого себя, каждое живое существо есть центръ и смыслъ всего мірозданія; для самаго ничтожнаго субъекта, его собственныя радости, огорченія, усилія и заботы важнѣе и крупнѣе мировыхъ переворотовъ, совершающихся безъ его участія и немнѣющихъ вліянія на судьбу его личности. — Я до сихъ поръ ни разу не встрѣчалъ писателя, у котораго было бы такъ много самородной гуманности, какъ у Помяловскаго. Тургенева называютъ *симпатичнымъ* художникомъ, и я ничего противъ этого названія не имѣю. Но даже Тургеневъ улыбнется тонкою саркастическою улыбкою при встрѣчѣ съ такими явленіями, на которыхъ Помяловскій съ неутомимою, пантеистическою любовью останавливаетъ свой кроткій, задумчивый, безгранично-нѣжный и, не смотря на то, глубоко-умный взоръ. А между тѣмъ, Помяловскій прослылъ и до сихъ поръ слыветъ у нашихъ журнальныхъ кликушъ грубымъ и

грязнымъ обличителемъ, человѣкомъ чорствымъ и безчувственнымъ.— Одинъ изъ новѣйшихъ мудрецовъ «Эпохи», попавшій въ эту журнальную богадѣльню изъ *губернiи*, догадывается даже, что Помяловскаго сгубило именно его циническое отвращенiе ко всему нѣжному и изящному. Онъ требуетъ отъ Помяловскаго, чтобы тотъ выводилъ на сцену облагороженныхъ бурсаковъ, а не такихъ, которые говорятъ *отчелзостить, стилибонить, смазь вселенская* и т. д. Кроме того, онъ въ ноябрьской книжкѣ той же грязной богадѣльни выражаетъ уморительную надежду, что реалисты, и преимущественно авторъ «Нерѣшеннаго вопроса», откажутся отъ солидарности съ безнравственными повѣстями Помяловскаго. Истинно можно сказать: велика и обильна папа матушка Россiя. Какiя въ ней, подумаешь, бывають удивительныя *губернiи*, и какiя въ этихъ непостижимыхъ губернiяхъ появляются иногда невиданныя свѣтила! И какъ, въ самомъ дѣлѣ, не употребить выразительное слово *lousocheko* въ разговорѣ о томъ источникѣ, изъ котораго льются мысли, подобныя вышеупомянутымъ хитросплетенiямъ. Помяловскiй всегда говоритъ рѣзкими и грубыми словами о томъ, что рѣзко и грубо въ дѣйствительности; но подъ твердою оболочкою рѣзкихъ и грубыхъ выраженiй таится такая женственная нѣжность чувства, которая ощутительна и понятна для всякаго, мало-мальски неглупаго и не бездушнаго человѣка. О Помяловскомъ можно вполнѣ справедливо сказать то, что Берне говоритъ о Байронѣ. «Его сердце было окружено сплошною стѣною твердыхъ и острыхъ колючекъ, *damit das Vieh nicht daran nage*» (чтобы его не глодала скотина). И дѣйствительно, какъ только въ подобному сердцу сунется какая нибудь тупая скотина, такъ она сейчасъ и отскочить назадъ, съ окровавленной мордою и съ выраженiемъ комическаго негодованiя въ своихъ оловянныхъ глазахъ.—*Dixi et animam laevavi!* По русски эти латинскiя слова можно перевести такъ: выругался во все свое уловольствiе!

VI.

Помяловскiй съ такою глубокою гуманностью относится къ своей всеейной Леночкѣ, что онъ даже не осмѣливается рѣшить окончательно вопросъ: дѣйствительно ли изъ нея никогда не можетъ соор-

мироваться мыслящее существо? Да и въ самомъ дѣлѣ, какое мы имѣемъ право, глядя на живого и шаловливаго ребенка, произнести надъ нимъ рѣшительный приговоръ, въ родѣ искрасовской колыбельной пѣсни:

Ты чиновникъ будешь съ виду,
И подлецъ въ душѣ.

Чтобы произносить такіе приговоры, надо читать безошибочно характеръ и будущее людей по выпуклостямъ ихъ черепа и по чертамъ ихъ лица. Но подобнымъ умѣньемъ еще не обладаетъ никто, и, слѣдовательно, приговоръ отверженія можетъ иногда обрушиться на такихъ людей, которые способны подняться, окрѣпнуть и развиться. Въ самыхъ дюжинныхъ личностяхъ, поставленныхъ въ самую безцвѣтную среду, бывають иногда такіе взрывы мысли и чувства, которые вдругъ какою-то молніею освѣщаютъ передъ глазами обыкновеннаго человѣка и безграничное величіе всего живого міра, и неизвѣданную глубину собственной потрясенной души. Есть такіе взрывы и у кисейной Леночки, и кто же осмѣлится утверждать, что они совершенно бесплодны, что они исчезнутъ безъ всякаго слѣда и что врожденная пошлость возьметъ непременно верхъ надъ лучшими впечатлѣніями, если даже эти лучшія впечатлѣнія будутъ повторяться часто и послѣдовательно? Одинъ разъ Леночка рѣзвилась и шалила съ Молотовымъ, и потомъ вдругъ затосковала, да такъ, что даже слезы досады и непонятной грусти выступили на ея живые, черные глаза. Объяснить, чего ей хотѣлось, она, разумѣется, не умѣла. Но понятно, что ее тяготила пустота, отсутствіе любимой мысли, дорогого чувства, отсутствіе всего, что даетъ цвѣтъ и смыслъ человѣческому существованію. Молотовъ старается ее утѣшить, но при этомъ говорить только бесполезныя слова; въ подобныхъ случаяхъ требуется не краснорѣчіе, а серьезная и дѣятельная помощь, такая помощь, которая бы перевернула всю жизнь тоскующаго человѣка. А когда не хочешь или не можешь оказать такой помощи, тогда ужъ просто молчи и пропускай мимо ушей всѣ жалобы твоего собесѣдника.

— «Читайте, учитесь, продолжалъ Молотовъ и вдругъ остановился, вспомнивъ, что юноши наши всегда предлагаютъ это универсальное лекарство отъ всѣхъ дамскихъ болѣзней.» (стр. 107). Эти слова могутъ навести читателя на мысль, что самъ Помяловскій сомнѣ-

вается въ дѣйствительности «универсальнаго лекарства.» Сомнѣвается ли онъ или пѣтъ, во всякомъ случаѣ надо замѣтить, что лекарство ни въ чемъ невиновато. Недѣйствительность его происходитъ оттого, что «наши юноши», въ томъ числѣ и Молотовъ, предлагаютъ это лекарство чрезвычайно безтолково. «Читайте, учитесь!» Легко сказать! Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Эти слова: «читайте, учитесь!» напоминаютъ мнѣ очаровательный куплетъ изъ стихотворенія Гейне, помѣщеннаго въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Слова.»

Въ морозы, прибавилъ онъ, надо всегда
Въ постели какъ можно теплѣй укрываться,
И тутъ же совѣтъ разсудительный далъ
Здоровою пищею питаться.

Въ жалкой конурѣ подъ крышею, два человѣка, мужчина и женщина, умерли въ морозную ночь отъ холода и отъ истощенія силъ. Пришелъ докторъ свидѣтельствовать ихъ трупы, и вотъ онъ-то именно и даетъ, при семъ удобномъ случаѣ, разсудительные совѣты на счетъ здоровой пищи и теплаго одѣяла. Еще болѣе разсудительные совѣты даютъ «наши юноши», когда они произносятъ слова: «читайте, учитесь!» Бѣднягу не откуда взять теплое одѣяло и кусокъ ростбифа; но если вы ему дадите то и другое, то онъ управится съ этими предметами безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій. Но если вы дадите десятки умнѣйшихъ книгъ такому человѣку, который никогда не читалъ, не учился и не размышлялъ, и который, кромѣ того, живетъ въ совершенно неподвижномъ обществѣ, то вы не принесете ему рѣшительно никакой пользы. Надо сдѣлать такъ, чтобы онъ самъ потянулся къ книгѣ, и чтобы онъ собственною энергіею побѣдилъ скуку и трудности перваго начала. Тогда все пойдетъ хорошо, и не зачѣмъ будетъ произносить бесполезныя слова: «читайте, учитесь!» Но для того, чтобы возбудить въ человѣкѣ желаніе и дать ему возможность читать и учиться, надо постоянно дѣйствовать на него словомъ и примѣромъ; надо много, долго, откровенно и задушевно говорить съ нимъ обо всемъ, что расширяетъ нашъ умственный горизонтъ; надо ловить въ немъ каждую минуту его раздумья и его одушевленія; надо, однимъ словомъ, сдѣлаться его лучшимъ другомъ и неутомимымъ руководителемъ. Когда дѣло происходитъ между мужчиною и женщиною, тогда вопросъ ставится еще проще. Если вы любите или расположены полюбить данную

особу, тогда смѣло и серьезно принимайтесь за великую дѣятельность просвѣтителя; если же нѣтъ, тогда оставьте въ покоѣ тоскующую женщину и уходите отъ нея подальше, потому что ваши бессильныя утѣшенія и непримѣнимыя совѣты не дадутъ ей ровно ничего, кромѣ лишняго горя. Брошенные на вѣтеръ слова: «читайте, учитесь!» составляютъ двойное кощунство; во-первыхъ, —падѣ безпомощнымъ положеніемъ огорченной женщины, живущей въ такомъ обществѣ, гдѣ все мѣшается читать и учиться; а во-вторыхъ, —падѣ святынею «универсальнаго лекарства», которое дѣйствительно огазывается бесплнымъ только тогда и тамъ, когда и гдѣ его безтолково сыпать на полъ, вмѣсто того, чтобы подаватьъ его въ руки пациенту. Поэтому «нашимъ юношамъ» дѣйствительно не помѣшаетъ намотать себѣ на усъ, что проповѣдывать о величій науки въ пустынѣ или въ конюшнѣ, значить превращать святую и великую истину въ бессмысленную фразу, надѣ которою съ особеннымъ наслажденіемъ стануть хохотать всѣ многочисленные подлецы и идиоты. Возбуждать такой хохотъ вредно, и слѣдовательно, надо говорить о наукѣ и о разумномъ чтеніи только тѣмъ лицамъ, которыхъ вы намѣрены серьезно просвѣщать и руководить. Да и вообще *говорить о наукѣ* не зачѣмъ, а надо постоянно употреблять науку въ дѣло, какъ орудіе, разбивающее нелѣпость и расширяющее умственный горизонтъ всякаго человѣка, безъ различія пола и общественнаго положенія.

Заигрыванія Леночки съ Молотовымъ доходятъ до того, что она его цѣлуетъ. Онъ держитъ себя совершенно пассивно, то есть, не отталкиваетъ ее прочь и не говоритъ ей ни слова о любви. Она ему нравится, ея ласки волнуютъ его, но онъ постоянно смотритъ на нее сверху внизъ, такъ что ему и въ голову не приходитъ мысль о возможности посвятить всю жизнь этой кисейной дѣвушкѣ. Дѣйствительно ли правъ Молотовъ въ своемъ высокомерномъ взглядѣ на Леночку? Дать на этотъ вопросъ прямой отвѣтъ очень трудно. Молотовъ, какъ человѣкъ обыкновенный по размѣрамъ своего ума, не можетъ смотрѣть на Леночку иначе. У Молотова нѣтъ той сильной и горячей вѣры въ человѣческую природу, которая дается только очень даровитымъ и глубокимъ натурамъ, и которою обладалъ въ такой значительной степени самъ Помяловскій. Плебей Молотовъ былъ бариномъ въ отношеніи къ Леночкѣ, бариномъ очень снисходительнымъ и милостивымъ, но тѣмъ болѣе неспособнымъ поставить

кисейную дѣвушку съ собою на одну доску. Ему бросались въ глаза тривіальныя выраженія Леночки, какъ госпожѣ Обросимовой бросались въ глаза тривіальныя манишки и тривіальный аппетитъ Молотова.—Шокируясь выраженіями, онъ забывалъ о томъ, что вызывало эти выраженія, о томъ, что искало и не умѣло найти себѣ выхода изъ души искренней, простой, честной и любящей дѣвушки. Она бросилась къ нему на шею безъ разчета, безъ условій, безъ кокетливыхъ уловокъ, именно по птичьей, такъ какъ Богъ на душу положилъ.

VII.

Въ прощальной сценѣ Молотова съ Леночкой, бухгалтерская безукоризненность юнаго Егора Ивановича доходитъ просто до комизма, и кисейная дѣвушка, на которую Молотовъ взираетъ съ величественною спусходительностью, оказывается, по энергіи и задумчивости чувства, невзмѣримо выше, прекраснѣе и сильнѣе умнаго и развитаго мужчины, только что соскочившаго съ университетской скамейки. Являясь рядомъ съ Леночкой, Молотовъ уподобляется какому-то печеному яблоку, и Помяловскій превосходно понимаетъ его безсиліе и несостоятельность. Прощальная сцена до такой степени замѣчательна, что я разберу ее очень подробно, хоть бы мнѣ пришлось написать о ней страницъ десять. Критикѣ не часто приходится встрѣчаться съ такими явленіями, какъ повѣсти Помяловскаго, и когда встрѣтишься съ ними, тогда ужъ не хочется и разставаться.—Молотовъ приходитъ къ Леночкѣ черезъ недѣлю послѣ того, какъ онъ услышалъ убійственный разговоръ о манишкахъ и объ аппетитѣ. Онъ до такой степени разстроенъ этимъ разговоромъ, что отношенія къ Леночкѣ представляются ему только докучливою прибавкою къ обуревающимъ его заботамъ. «Еще Леночка! еще Леночка на моихъ рукахъ!» повторяетъ онъ про себя, и отправляется къ ней съ твердымъ намѣреніемъ все покончить.

Я напомию здѣсь читателю то величественное равнодушіе и невозмутимое хладнокровіе, съ которымъ Базаровъ выслушиваетъ и отражаетъ дерзости Павла Петровича. Будь Базаровъ на мѣстѣ Молотова, онъ бы и вниманія не обратилъ на обросимовскія разсужденія, и не подумалъ бы пзъ-за такой ничтожной причины отказываться отъ удоб-

наго мѣста. Ъль бы онъ по прежнему за четверыхъ, потому что, при заключеніи условій, ему не было поставлено въ обязанность сдѣлать впроголодь; и манишки посылъ бы онъ, нисколько не смущаясь, а когда бы ему поднесли кусокъ голландскаго пологпа и часы, тогда бы онъ спокойно замѣтилъ,—это лишнее, потому что, заключая условія, помѣщикъ не выговорилъ себѣ права дѣлать ему, Базарову, какіе бы то ни было подарки. И тогда Обросимовы уразумѣли бы, что Базарова пельзя ласкать по произволу, а надо сначала пріобрѣсти его уваженіе, для того, чтобы онъ позволилъ любить и ласкать себя. Базаровъ не сталъ бы говорить: «еще Леночка!» Отношенія къ любящей женщинѣ стояли бы въ его глазахъ постоянно на первомъ планѣ, и для него было бы даже просто непостижимо, какимъ образомъ можно, хотя на минуту, поставить рядомъ съ этими серьезными и обаятельными отношеніями какую нибудь дурацкую болтовню о неприличіи манишекъ и здороваго аппетита? Но мелочное самолюбіе Молотова оскорблено такъ сильно, что, подъ вліяніемъ обросимовскаго разговора, въ его умѣ поднимается безтолковѣйшая буря безсвязныхъ размышленій о жизни, о призваніи, о дѣятельности, о назначеніи человѣка. Ни къ чему эти размышленія не приводятъ, но Молотовъ до такой степени занятъ ими, что, прйдя къ Леночкѣ съ намѣреніемъ объясниться и проститься навсегда, онъ прежде всего начинаетъ гамлетствовать, что, очевидно, нисколько не относится къ главному предмету. Леночка, по обыкновенію, встрѣчаетъ его нѣжными, веселыми и довѣрчивыми ласками. Видя его торжественную мрачность, она тревожно и заботливо спрашиваетъ его о здоровьѣ; въ голосѣ ея слышатся слезы; она старается развеселить его шуткой.—«Ишь какой! сказала Леночка:—что дуться то? муху, что ли, проглотилъ?» (Стр. 160). Но лучъ веселости не проникаетъ въ мрачную душу Молотова, наполняемую манишками, аппетитомъ и «еще Леночкой». И вдругъ Молотовъ начинаетъ задавать своей собесѣдницѣ міровые вопросы.—«Что бы вы сказали, говорить онъ, когда бы привели къ вамъ кого нибудь и спросили: дайте этому человѣку дѣло на всю жизнь, но такое, чтобы онъ былъ счастливъ отъ него?—Зачѣмъ это вамъ?—Нужно.—Да этого никогда не бываетъ.—Бываетъ».—(Стр. 161). И вретъ. Дѣйствительно никогда не бываетъ, чтобы приводили одного человѣка къ другому и чтобы этотъ другой на всю жизнь пристроивалъ перваго и доставлялъ ему полное счастье, на кото-

рое первый рѣшительно ничѣмъ не приобрѣлъ себѣ разумнаго права. Счастье завоевывается и вырабатывается, а не получается въ готовомъ видѣ изъ рукъ благодѣтеля. И самая трудная часть задачи состоитъ именно въ томъ, чтобы составить себѣ понятіе о счастья и отыскать себѣ ту дорогу, которая должна къ нему привести. Когда жизненная борьба уже превратилась въ сознательное стремленіе къ опредѣленной цѣли, тогда человѣкъ можетъ уже считать себя счастливымъ, хотя бы ему пришлось упасть и умереть на дорогѣ, не вступивши въ ту обѣтованную землю, которую покойный А. Григорьевъ такъ игриво называетъ *бълою Аранією*. Но сознательность стремлений также вырабатывается трудомъ и борьбою, и ни одинъ благодѣтельный мудрецъ въ мірѣ не можетъ переложить эту сознательность изъ собственной головы въ неокрѣпшія головы своихъ учениковъ и презелитовъ.—«Леночка задумалась, наклонила голову и затихла. Хорошо выраженіе лица дѣвушки, когда она занята серьезною мыслью, а Леночка почувствовала женскимъ инстинктомъ, что ей не пустой вопросъ заданъ. Она, ей богу, отъ всей души желала бы разрѣшить его, но ничего не смыслила тутъ. — Не знаю, сказала она и посмотрѣла на Молотова,—что съ нимъ будетъ.— Онъ усмѣхнулся». (Стр. 161). — Молотовъ, доѣзжающій Леночку глупо-возвышенными вопросами, чрезвычайно похожъ на двѣнадцатилѣтняго гимназиста, щеголяющаго на каникулахъ передъ сестрами лонгиметрією, планиметрією, аористами и всякими другими мудреными вещами. Молотовъ очевидно спрашиваетъ не затѣмъ, чтобы получить удовлетворительный отвѣтъ, а затѣмъ именно, чтобы усмѣхнуться, и чтобы въ эту усмѣшку влить малую толику своей влохочущей жолчи. Вотъ, дескать, они мои манишки осмѣяли, и я имъ за это ничего не могу сдѣлать, а теперь я твое невѣжество осмѣю, и ты со мною тоже ничего не сдѣлаешь. Молотовъ сгорѣлъ бы отъ стыда, если бы онъ совершенно ясно отдалъ себѣ отчетъ въ этомъ движеніи мелкой и дрянной злости, и бѣдная, простодушная Леночка, разумѣется, не стала бы такъ добросовѣстно ломать свою нехитрую голову надъ неразрѣшимымъ вопросомъ, если бы она знала, что ея ненаглядный Егорушка ищетъ только случая поважничать и поломаться. Но въ томъ-то и бѣда Леночкина, что она чересчуръ благоговѣетъ передъ умомъ и образованностью своего кумирчика; если бъ она благоговѣла поменьше, тогда, можетъ быть, и кумирчикъ не оттолкнулъ бы отъ себя прочь ея чистую и нерасчетливую лю-

бовъ. — Послѣ своей усмѣшки надъ незнаіемъ Леночки, Молотовъ продолжаетъ пускать мрачныя и глубокомысленныя рулады. Наприкѣръ, вотъ такія:— «Неужели моя жизнь пропадетъ даромъ?... Гдѣ моя дорога?... Неужели такъ я и не нуженъ никому на свѣтѣ?... Онъ крѣпко задумался. Елена все смотрѣла на него, ожидая признаній; но при послѣднихъ словахъ Молотова, она неожиданно обвила его шею руками и осыпала все лицо поцѣлуями крѣпкими и жаркими, какими еще никогда не цѣловала его. — Егоръ Иванычъ!... душка!.. ты герой!..—Молотовъ пожалъ плечами и чуть вслухъ не сказалъ: «Душка!... герой!...—вонъ куда хватила!...» Поцѣлуи не разогрѣли его, не смотря на то, что Леночка первый разъ охватила его такъ страстно. Молотовъ ничего не замѣтилъ. Онъ смотрѣлъ угрюмо въ землю...» (Стр. 162).

Я замѣтилъ въ предыдущей главѣ, что бываютъ и у кисейной дѣвушки такіе великолѣпные взрывы чистаго и могучаго чувства, которые, хоть на минуту, поднимаютъ ее неизмѣримо выше мелкой и копѣечной пошлости ея будничной жизни. Читатель видитъ теперь, что замѣчаніе мое не было брошено на вѣтеръ. Взрывъ описанъ у Помяловскаго такъ превосходно, что первый художникъ въ мірѣ не прибавилъ бы ни одной черточки къ выписаннымъ мною строкамъ. Но что же значить этотъ взрывъ, который такъ естественно сдѣланъ кисейной дѣвушкой, «по гробъ вѣрной и любящей?» — И почему Молотовъ для нея «душка» именно въ ту минуту, когда онъ хмурится и грубиянитъ? И почему она видитъ въ немъ «героя» именно тогда, когда онъ слабѣетъ и упываетъ? И то, и другое совершенно понятно. Ты чувствуешь себя одинокимъ и никому ненужнымъ, думаетъ она. Тѣмъ лучше. Я для тебя все въ эту минуту. Никто и ничто не становится между мною и тобою. Хотя бы ты никому на свѣтѣ не былъ нуженъ, — ты мнѣ нуженъ. И жизнь твоя не можетъ пропасть даромъ, потому что я возьму ее себѣ и она дастъ мнѣ полное счастье. Когда все на свѣтѣ смотритъ на тебя холодно и равнодушно, тогда я одна вырастаю въ твоихъ глазахъ, ты сильнѣе обыкновеннаго привязываешься ко мнѣ, и я тоже особенно сильно люблю тебя, потому что понимаю, какъ полезна тебѣ моя помощь въ эти тяжелыя минуты. И, кромѣ того, ты самъ ошибаешься. Человѣкъ, котораго можно любить такъ, какъ я тебя люблю, никогда не сдѣлается на свѣтѣ лишнимъ и ненужнымъ человѣкомъ. Если

тебя дѣйствительно стоитъ любить, то ты непремѣнно найдешь себѣ въ жизни хорошее дѣло. Ты унываешь не оттого, что ты слабъ и негоденъ, а оттого, что ты не удовлетворяешься тѣми гнилыми крупичами, которыя подбираютъ съ такимъ успѣхомъ мелкіе и дрянные людишки. Твое уныніе не можетъ быть продолжительнымъ. Являйся спокойное размышленіе, вспыхнетъ съ новою силою твоя мужественная энергія, и опять закапнѣетъ у тебя подъ руками честное и полезное дѣло. И я въ то время буду смотрѣть на тебя и радоваться, и гордиться тобою, и гордиться тѣмъ, что въ твоей бодрости есть частица моего жьвительнаго и утѣшающаго вліянія. И вездѣ, и всегда я буду рядомъ съ тобою. И трудъ, и лишенія, и опасности, и тревогу, и сомнѣнія, и горе—все пополамъ. Я на все готова, и эта готовность удесятерять мои силы.—Слившись въ неопредѣленный, но чрезвычайно сильный порывъ страстной любви, весь этотъ рядъ мыслей промелькнулъ съ неувимомъ быстрою въ головѣ Леночки, когда она бросилась на шею къ Молотову, и когда вся фигура ея выросла и просіяла подъ вліяніемъ нахлынувшихъ на нее, но новыхъ и непонятныхъ для нея ощущеній. Молотовъ ничего этого не понималъ, по той простой причинѣ, что все его раздумье вытекало изъ очень мелкаго и мутнаго источника. Всѣ безсвязные возгласы о дорогѣ, о жизни, о собственной ненужности выражали собою въ сущности только плачь и скрежетъ зубовъ надъ посрамленными манишками. Когда его называли героемъ, то ему сдѣлалось совѣстно, что его манишки залетѣли въ такіе высокіе хоромы. Но вмѣсто того, чтобы откровенно назвать самого себя дуракомъ за мелочность своего огорченія, онъ въ душѣ обругалъ дуракомъ Леночку за наивную преувеличенность выраженій, которыя, впрочемъ, вовсе не были бы преувеличенными, если бы слова Молотова о разныхъ высокихъ матеріяхъ были дѣйствительно глубоко продуманы и прочувствованы, а не напущены со стороны глупымъ разговоромъ Обросимовыхъ.

Значить, Леночка провинилась только тѣмъ, что повѣрила на слово любимому человѣку, то есть, выражаясь яснѣе, тѣмъ, что любила глубоко и сильно. Въ ту минуту, когда она осыпала своими «горячими и бѣшенными» поцѣлуями постную фигуру Молотова, проглотившаго муху и не умѣющаго съ нею справиться, въ умѣ ея возлюбленнаго шевелились, по всей вѣроятности, очень мелкія и буржуазныя мысленки. Да, думалъ онъ о себѣ съ подавленною злобою, ѣсть много, неприличныя манишки носить, и ко всему бы

этому великолѣпно еще жену приобрести, «по гробъ вѣрную и любящую,» которая при всѣхъ будетъ на шею вѣшаться и, ни къ селу ни къ городу визжать: «душка» и «герой.» Куда какъ интересно!—Опять тривиальность выражений заслонила собою въ глазахъ честнаго Чичикова величіе искренняго чувства.—Красота Леночки, просвѣтленной своимъ порывомъ, осталась незамѣченной для ея собесѣдника, погруженнаго въ мучительное созерцаніе мапшгетъ и собственной ненужности.

VIII.

Молотовъ пришелъ къ Леночкѣ за тѣмъ, чтобы сбыть ее съ рукъ. Но онъ до такой степени углубленъ въ свое собственное копѣечное раздумье, что, повидимому, совершенно забываетъ настоящую цѣль своего прихода. Если бы онъ парочно хотѣлъ причинить Леночкѣ какъ можно больше страданія, то онъ не могъ бы придумать правдивую попытку утонченіе той, которую онъ заставилъ ее выдержать по своей непростительной невнимательности.

Если онъ пришелъ съ твердымъ намѣреніемъ все покончить, то съ какой стати онъ задаетъ ей мудреные вопросы, интересные только для него и неимѣющие для нея ровно никакого значенія? Деликатно ли, позволительно ли искать себѣ утѣшенія и совѣта у той самой дѣвушки, которую рѣшился и собираешься оттолкнуть? Вѣдь это въ сущности хуже, чѣмъ если бы Молотовъ на прощаніе выпросилъ у нея денегъ взаймы. И какъ онъ осмѣлился принимать ея поцѣлуи, съ какого права называлъ ее до послѣдней минуты Леночкой, когда въ головѣ его участь этой Леночки была уже окончательно рѣшена? Значитъ, онъ до послѣдней минуты воровалъ ея поцѣлуи и ласки. Онъ разбудилъ въ ея головѣ совершенно непривычную для нея работу мысли, онъ расшаталъ всю ея нервную систему красивою наружностью своего дрянного горя, онъ далъ ей полное право думать, что пришелъ къ ней подѣлиться заботами и сомнѣніями, онъ раздражилъ ее чуть не до истерики,—и все это для того, чтобы сказать ей вѣжливо-бухгалтерскимъ тономъ: сударыня, честь имѣю съ вами раскланяться!—Не напоминаетъ ли это вамъ, господа, гоголевскаго Ивана Иваныча, который бесѣдуетъ съ голоднымъ нищимъ о говядицѣ, о галушкахъ, о горѣлкѣ, и потомъ, наболтавшись досыта, говоритъ съ замѣчательною кротостью: «ну,

ступай же, любезный, вѣдь я тебя не бью!» — Теперь мнѣ придется сдѣлать очень большую выписку.

— Елена Ильинишна, сказалъ онъ серьезно.

— Что?

— Намъ пора объясниться...

У Лепочки сжалось сердце. Она предчувствовала какое-то горе; никогда Егоръ Иванычъ не говорилъ такъ съ нею.

— Развѣ мы не объяснились? спросила она. (Совершенно справедливое замѣчаніе. Какое тутъ еще требуется объясненіе, когда люди давно цѣлуются?)

— Нѣтъ, не объяснились; все у насъ было, кромѣ объясненій. (Аккуратному Егору Иванычу желательно, чтобы все дѣлалось по формѣ, но безалаберная Лепочка врядъ ли способна понять, чтобы объясненія были еще необходимы тогда, когда уже было «все.» Впрочемъ, это «все» не должно пугать читателя. Это «все» ограничивалось невиннымъ обмѣномъ поцѣлуевъ. Собственно поэтому, формалистъ Молотовъ и не считаетъ себя связаннымъ.)

— Ну, скажите, отвѣтила Лепочка, боязливо глядя на собесѣдника.

— Вы меня любите? (Какой дурацкій вопросъ!)

Лепочка хотѣла обнять его. Онъ уклонился. (Лепочка, очевидно, предпочитаетъ мимическія объясненія словеснымъ, но Молотову уже становится совѣстно продолжать кражу поцѣлуевъ.)

— Я васъ очень люблю... (Какъ много дѣло подвинулось впередъ отъ этого отвѣта!)

— Но, разумѣется, можете привыкнуть къ той мысли, что мы не всегда будемъ поддерживать наши отношенія? (Представьте себѣ, что въ уголовную палату призываютъ преступника и говорятъ ему: вы, разумѣется, можете привыкнуть къ той мысли, что васъ будутъ драть плетью на площади? — Преступникъ на это отвѣчаетъ: — воля ваша, а привыкнуть къ такой мысли я никакъ не могу. — Чтожъ дѣлать, топ сшег, говорятъ ему, постарайтесь привыкнуть. — Чтобы вы, читатель мой, подумали о такихъ судьяхъ, которые позволяли бы себѣ подобныя шутки? Вы бы, вѣроятно, назвали ихъ большими негодяями? А вѣдь Молотовъ, по своей деревянной неловкости, поступаетъ точно такимъ же образомъ, только не съ преступникомъ, а съ доброю и милою дѣвушкою, которая его любитъ. Къ чему клонится его вопросъ? Скажетъ ли она *да*, скажетъ ли *нѣтъ*,

не все ли равно? Развѣ ея отвѣтъ измѣнить, хоть въ чемъ нибудь, его рѣшеніе? Она это предчувствуетъ и уклоняется отъ отвѣта.)

— Къ чему же объ этомъ говорить? (Вотъ это правда).

— Подумайте, пожалуйста, и выскажите откровенно. (Скажите на милость, чего этотъ анафема отъ нея добивается? Зачѣмъ онъ изъ нея душу тянетъ?)

Ей никогда не приходилъ такой вопросъ на умъ, и она съ замѣшательствомъ отвѣчала: — Да, я васъ люблю... (Ничего больше она и сказать не можетъ. Отвѣчаетъ она такъ не потому, что «ей никогда не приходилъ такой вопросъ на умъ,» а потому, что вопросъ Молотова изъ рукъ вонъ глупъ и оскорбителенъ. Ей надо было или пропустить этотъ вопросъ безъ вниманія, или отвѣчать на него рѣзкимъ упрекомъ. Если сформулировать вопросъ Молотова яснѣе, то получится слѣдующій результатъ: «вѣдь вамъ, разумѣется, все равно, кого не цѣловать, меня ли, другого ли мужчину?» — Бѣдной, добродушной Леночкѣ въ голову не приходило, чтобы Егорушка рѣшился нанести ей такое незаслуженное оскорбленіе. Поэтому, если даже она разобрала въ вопросѣ Молотова этотъ гнусный смыслъ, то она немедленно отбросила прочь это предположеніе, увѣрила себя, что она поняла невѣрно, и, вслѣдствіе этого, съумѣла только повторить съ замѣшательствомъ свою незатѣйливую пѣсенку: «да, я васъ люблю.» Тутъ Молотовъ находить, что онъ уже достаточно приготовилъ преступницу къ принятію плетей, и начинаетъ дѣйствовать.)

— Простите же меня, Елена Ильинишна, я вамъ не могу отвѣчать тѣмъ же.. (Какъ вамъ нравится эта перемѣна декораций! «Да плюй же, плюй ему прямо въ лохань!» какъ выражаются «хорошіе люди» города Глупова). — Леночка взглянула на него испуганнымъ взглядомъ и вскрикнула (Подумаешь, какъ это странно! Преступница кричитъ, точно будто ее не готовили заранѣе къ сильному ощущенію). Болѣзненно отозвался этотъ крикъ въ душѣ Молотова — Вотъ она такъ любила! подумалъ онъ.

— Елена Ильинишна, кто жъ виноватъ? кто виноватъ? вы должны помнить, что не я первый.. Молотовъ оборвался на полуфразѣ, потому что неволью почувствовалъ угрызеніе совѣсти. — «Что жъ такое, что не я первый?» шевельнулось у него въ душѣ, и онъ кончалъ иначе, нежели началъ: — Боже мой, что же это на меня напало?.. (Здѣсь опять авторъ съ изумительною твердостью выдер-

жалъ характеръ своего героя. Это не мерзавецъ, хладнокровно играющій чужимъ счастьемъ; это—милая и добрая размазня, способная только отсиживаться отъ всякой напасти. Для него немислимы крупный активный поступокъ: вмѣсто того, чтобы съ самаго начала, съ перваго сриданія спугнуть глупую бабочку, которая летитъ прямо на свѣчку, онъ умѣетъ только отмалчиваться; вмѣсто того, чтобы теперь, когда бабочка уже обожгла себѣ крылья, махнуть на все руку и смѣло повести ее подъ вѣнецъ, не заботясь о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ, онъ умѣетъ только сидѣть и добродушно сокрушаться. Поддецомъ его, пожалуй, и нельзя назвать: онъ не завлекалъ, онъ не обѣщалъ, онъ и теперь страдаетъ искренно; но вѣдь вотъ въ чемъ штука: бываютъ въ жизни такіе случаи, когда мямля можетъ насолить ближнему не хуже отъявленнаго негодяя.)

.....«Послышалось всхлипываніе и тихое, ровное, мучительное рыданіе; запрется въ груди звукъ, надтреснетъ, переломится и разрешится долгой потой плача; слезы катились градомъ...

— Никому мы не нужны... кому любить такихъ?

Она зарыдала сильнѣе.» (Стр. 164, 165, 166.).... Жаль, невыпосимо жаль стало ему этой бѣдной дѣвушки... глупенькой, кисейной дѣвушки... Она такъ жить хотѣла, такъ любить хотѣла, и доживала послѣднюю лучшую минуту жизни. Впереди ея пошлость, позади тоже пошлость. Теперь она могла бы воскреснуть и развиться, но .. суждено уже такъ, что изъ нея выйдетъ не чело-вѣкъ женщина, а баба-женщина. Молотовъ чувствовалъ это. Страшно ему было за Леночку. «Пропадетъ она!» думалъ онъ.» (Стр. 169.) И, думая такимъ образомъ, онъ все-таки отталкивалъ ее прочь отъ себя, назадъ, въ ту трясиину пошлости, изъ которой бѣдная дѣвушка старалась высвободиться съ такими судорожными усиліями, съ такими горькими и мучительными рыданіями. И все это оттого, что онъ, извольте видѣть, не любилъ ее. Точно будто нужно любить чело-вѣка какою нибудь особенною любовью для того, чтобы протянуть ему руку, когда онъ зоветъ васъ къ себѣ на помощь. Точно будто, доставляя другому чело-вѣку счастливое и разумное существованіе, мы не наслаждаемся вмѣстѣ съ нимъ, и даже гораздо больше его самого, тою свѣтлою жизнью, которую мы ему доставили. Осчастливить ту женщину, которую мы сами любимъ страстно—это, разумѣется, очень пріятно. Но подарить счастье той женщинѣ, которая любить насъ,—это также очень недурно,

тѣмъ болѣе, что человѣку свойственно привязываться очень сильно къ тѣмъ людямъ, которымъ онъ сдѣлалъ добро. Счастье мыслящаго человѣка состоитъ не въ томъ, чтобы играть въ жизни милыми игрушками, а въ томъ, чтобы вносить какъ можно больше свѣта и теплоты въ существованіе всѣхъ окружающихъ людей. Молотовъ еще плохо понимаетъ эту простую истину, и это обстоятельство показываетъ ясно, что онъ подходитъ гораздо ближе къ тщедушному идеалу г. Гончарова, чѣмъ къ сильнымъ и мужественнымъ реалистамъ новѣйшаго времени. Молотовъ такъ наивно не деликатенъ, что онъ, уже измучивъ бѣдную Леночку, все еще эксплуатируетъ въ свою пользу ея безпредѣльную доброту. Послѣ сцены рыданія, когда ему надо было уйти прочь безъ оглядки, чтобы не мозолить ей глаза, онъ все сидитъ, да не только сидитъ, а открываетъ ей свою душу, то есть, рассказываетъ ей какъ его обидѣли Омбросимовы. «Она слушала его съ увлеченіемъ, положивъ на его плечо свою хорошенькую головку. Тогда она не сказала ему свое оригинальное: «да этого не бываетъ»...

— Я ихъ не люблю, сказала она горячо...

Молотовъ поцѣловалъ ее, но это былъ не страстный, а добрый поцѣлуй (И даже глупый.).

— Богъ съ ними, сказалъ онъ... (Какое великодушіе!)

— Никогда ихъ не буду любить... Я тебя люблю; я не сержусь на тебя. (Вотъ тутъ, дѣйствительно, кротость и доброта доходятъ до величественныхъ и, пожалуй, даже до безобразныхъ размѣровъ. Онъ ее оскорбилъ, онъ оттолкнулъ прочь ея святую любовь, онъ осудилъ ее на безвыходно-пошломъ существованіи, и она уже утѣшаетъ и успокоиваетъ его, она же принимаетъ горячо къ сердцу трагическую участь его манишекъ. Это, наконецъ, глупо и отвратительно. Любить и прощать—прекрасное занятіе, но инога осла не мѣшаетъ и по мордѣ треснуть, чтобы заставить его одуматься.).

Они разстались добрыми друзьями, но Леночка всю ночь проплакала и все понять не могла, «отчего же насъ любить нельзя?... отчего?» (Стр. 170.) Э, Леночка, Леночка! Охота тебѣ изъ-за одного дурака задавать себѣ такіе радикальные вопросы! Васъ можно любить, и васъ будутъ любить, и вы сдѣляетесь умными, мыслящими и полезными людьми. Никакого въ васъ органическаго порока не оказывается. Но, чтобы увидать и развернуть тѣ задатки здороваго ума, которые въ васъ таятся, надо обладать не такими си-

лами, какими располагалъ твой ненаглядный Егорушка Дрянной народъ тѣ мужчины, съ которыми вамъ приходится имѣть дѣло. Оттого вы такъ часто и плачете.—Каждая слеза, которую проливаетъ въ современныхъ обществахъ любящая женщина, есть тяжелое обвиненіе противъ мужчины. Взявъ женщину подъ свою опеку, отнявъ у нея самостоятельность, ослабилъ ея умъ и ея физическія силы,—такъ умѣй же, по крайней мѣрѣ, дать ей за это счастье. А не умѣешь,—такъ на что же годится твоя дурацкая опека?

IX.

Читатель, по всей вѣроятности, уже давно замѣтилъ, что статья моя, такъ сказать, соскочила съ рельсовъ. Я хотѣлъ разобрать объ главныхъ повѣсти Помяловскаго, но увлекся романомъ кисейной дѣвушки, и такъ заговорился объ этомъ эпизодѣ, что вторую повѣсть «Молотова» надо будетъ отложить до другого раза. Вслѣдствіе этого, произошло довольно странное разногласіе между названіемъ статьи и ея содержаніемъ. Статья называется «мыслящій пролетаріатъ», и это заглавіе было бы очень умѣстно, если бы описывались здѣсь труды Молотова, который можетъ служить очень хорошимъ представителемъ образованной массы, добывающей себѣ хлѣбъ разнообразною умственной работою. Но случился такой грѣхъ, что на первый планъ выдвинулась Леночка, которая—совсѣмъ не «пролетаріатъ», и ни сколько не «мыслящій.» Попавши въ такое затруднительное положеніе, я утѣшаю себя тою мыслью, что точно такой же грѣхъ случился съ самимъ Помяловскимъ. Онъ назвалъ свою первую повѣсть—«Мѣщанское счастье», а потомъ, дописавши ее до конца, вдругъ спохватился, что счастья-то именно и нѣтъ. «Гдѣ же счастье? спроситъ читатель; въ заглавіи счастье обѣщано.— Оно, читатели, впереди. Счастье всегда впереди—это законъ природы» (Стр. 172.) Значитъ, и я могу сказать точно такъ же, что мыслящій пролетаріатъ впереди; и выйдетъ у меня также пріятный наламбуръ. И оба мы, Помяловскій и я съдѣсь г. Постороннему Сатирику снова представляется удобный случай подразнить мы «Русскаго Слова» за излишнюю самонадѣянность), увлеклись однимъ и тѣмъ же предметомъ,—личностью кисейной дѣвушки. Есть же, должно быть, въ этой личности что нибудь особенно привлекательное и интересное. Дѣйстви-

тельно есть, и я нѣсколько не упрекаю себя за то, что говорилъ о ней такъ подробно. «Насъ много такихъ дѣвушекъ», замѣчаетъ сама Леночка. «У насъ не мало встрѣчается такихъ женщинъ, какъ Леночка», прибавляетъ отъ себя Поняловскій. И это правда. Къ типу добродушной кисейной дѣвушки подходятъ всѣ женщины, не отличающіяся сильнымъ и блестящимъ умомъ, не получившія порядочнаго образованія и, въ тоже время, еще неспорченныя и не сбитыя съ толку шумомъ и суетою такъ называемой свѣтской жизни. У этихъ женщинъ развита только одна способность, о которой заботится уже сама природа, именно способность любить. Вся судьба такой женщины рѣшается безусловно тѣмъ, кого она полюбитъ. Попадется хорошій и умный человѣкъ, — и она сама тоже сдѣлается хорошою, даже умною женщиною, потому что отъ природы она не глупа, а только никогда не имѣла ни возможности, ни надобности упражнять и укрѣплять свой умъ. Попадется дуракъ и негодяй — тогда въ ней замретъ даже способность любить, и превратится она въ автоматъ, который будетъ рожать, кормить, нянчить и обливаться слезами дѣтей, не умѣя ни вразумить, ни защитить ихъ противъ самодурства супруга. Женщина, подобная Леночкѣ, быть можетъ, ни при какихъ условіяхъ не сдѣлается совершенно самостоятельною и сильною личностью; она всегда, болѣе или менѣе, будетъ искать себѣ опоры и руководителя въ любимомъ мужчинѣ; но, не смотря на это врожденное стремленіе къ нѣкоторой зависимости, такая женщина не была бы тягостною и вредною обузою даже для очень умнаго и развитаго мужчины. Она была бы способна увлекаться совершенно искренно широкими планами и титаническими стремленіями любимаго человѣка; можетъ быть, она довольно смутно понимала бы необходимую связь между отдѣльными мыслями; можетъ быть, строгая теорія или дѣловой прозектъ представлялись бы ей въ неопредѣленныхъ и расплывающихся очертаніяхъ, свойственныхъ воздушнымъ замкамъ. Но за то воодушевленіе, овладѣвающее любимымъ человекомъ, находило бы во всемъ ея существѣ ясный, полный и совершенно безыскусственный отголосокъ. Она не стала бы пить любимаго человѣка безтолковымъ ворчаніемъ или мелкими жалобами въ то время, когда онъ чувствуетъ потребность подѣлиться съ нею результатами своихъ размышленій, набросанными планами и смѣлыми надеждами. Этого, конечно, мало, но вѣдь гдѣ же и взять теперь много такихъ женщинъ, которыя были бы способны серьезно рабо-

татъ вмѣстѣ съ своими мужьями? Ужь и то было бы хорошо, если бы женщины не мѣшали работать. А какимъ образомъ онѣ могутъ мѣшать, это всего лучше будетъ видно изъ самаго простаго и скромнаго примѣра. Представьте себѣ, что вамъ предлагаютъ два мѣста. Одно совершенно соотвѣтствуетъ вашимъ убѣжденіямъ и наклонностямъ. Другое — совсѣмъ напротивъ. Первое даетъ вамъ 60 рублей въ мѣсяцъ, второе — 80. Вы приходите домой, рассказываете все, какъ есть, вашей женѣ, и объявляете ей, что вы хотите взять мѣсто въ 60 рублей. Жена тарашитъ на васъ глаза и говоритъ, что вы съ ума сошли, что 20 рублей на улицѣ не валяются, и что такіе капризы вамъ совсѣмъ не по состоянію. — Да пойми же ты, другъ мой, убѣждаетъ вы, что на томъ мѣстѣ я буду просто мученикомъ. Оно мнѣ противно. Мнѣ гадко будетъ смотрѣть на самого себя. — Скажите, пожалуйста, какія нѣжности, отвѣчаетъ супруга. А это, не бось, не гадко смотрѣть, что жена въ стоптанныхъ башмакахъ ходитъ! — И много другихъ варіацій разыгрывается на ту же самую, вовсе не интересную для васъ, тему. Если вы человѣкъ твердый, то вы остаетесь непоколебимы и берете все-таки 60-ти рублевое мѣсто; но за то ваша семейная жизнь въ теченіе нѣсколькихъ недѣль скрипитъ, какъ намазанная телѣга. Если же вы такой размазня, какъ огромное большинство русскихъ людей, то вы уступаете, жена даетъ вамъ за вашу разсудительность несчетное число «безешекъ», и черезъ нѣсколько времени ваше отвращеніе къ подлой должности исчезаетъ, потому что, подъ вліяніемъ развращающей обстановки, весь строй вашихъ понятій медленно понижается. Такимъ образомъ общество, по милости вашей супруги, потеряло въ вашей особѣ полезнаго работника и приобрѣло лишняго эксплуататора. Но такія супруги формируются только изъ тѣхъ женщинъ, которыя совершенно сбиты съ толку криволиниями, гуляньями, шляпками и тряпками. Женщины же, подобныя Лепочкѣ, понимаютъ очень хорошо, что шелковое платье и счастье жизни — двѣ вещи разныя; и эти послѣднія женщины не промѣняютъ любимаго человѣка не только на шляпку, но даже и на цѣлый бурнусъ. Если вы станете объяснять Лепочкѣ, почему вы не хотите или не можете взять мѣсто въ 80 рублей, она, можетъ быть, и не совсѣмъ успѣшно пойметъ ваши доводы, но она, во всякомъ случаѣ, повѣритъ вамъ. Она увидитъ, что вамъ было бы тяжело на томъ мѣстѣ, и этого будетъ для нея совершенно достаточно. Словомъ, простыя женщи-

ны, подобныя Леночкѣ, умѣютъ, по крайней мѣрѣ, любить, а эт умѣнье совсѣмъ не такая ничтожная вещь, которую, при нашей непокрытой бѣдности, было бы позволительно пренебрегать. Разумѣется, жнѣнная мудрость лучше голубиной кротости, но на нѣтъ и суда нѣтъ. За немѣнимъ лучшаго, умѣйте и голубицую кротость обращать себѣ въ пользу. А извлекать изъ нея пользу очень возможно, потому что человѣку, измученному и утомленному ежедневною борьбою съ глушостью и подлостью, не только пріятно, но даже необходимо имѣть возлѣ себя честное, кроткое и любящее существо, у котораго всегда можно найти неподдѣльную ласку и безкорыстное участіе. Теперь читатель понимаетъ, что типъ кисейной дѣвушки имѣетъ очень важное значеніе, тѣмъ болѣе, что такихъ женщинъ много. Надо объяснить обществу, что эти силы, хорошія и здоровыя, хотя и не блестящія, не должны пропадать даромъ. Надо объяснить преимущественно умнымъ и образованнымъ юношамъ, что на этихъ простыхъ женщинъ они должны смотрѣть не только безъ высокоумнаго предубѣжденія, но даже съ глубокимъ сочувствіемъ и уваженіемъ. Путь жизни длиненъ и труденъ. Работа утомительна. Отдыхъ для обыкновенныхъ людей необходимъ. Умныхъ женщинъ мало. Поэтому, если вамъ встрѣтится Леночка, и если она съ ребяческою довѣрчивостью бросится къ вамъ на шею, подумайте, серьезно подумайте, существуетъ ли дѣйствительно какая нибудь необходимость отворачиваться отъ союза съ этимъ милымъ ребенкомъ. — Леночка не дастъ вамъ того великаго, безмѣрнаго счастья, которое даетъ только мыслящая женщина, но, по крайней мѣрѣ, она не превратитъ васъ ни въ подлеца, ни въ филистера, ни въ закабаленнаго батрака. Она не будетъ васъ эксплуатировать; у нея есть искренность, а это — свойство очень драгоценное. Но, какъ бы вы ни рѣшили вопросъ о вашихъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ той или другой Леночкѣ, не смѣйте ни въ какомъ случаѣ смотрѣть свысока на этихъ женщинъ и обращаться легкомысленно съ ихъ чувствами. Существуетъ на Руси поговорка, что женскія слезы — вода; эта поговорка, подобно многимъ другимъ, доказываетъ только весьма наглядно, что на Руси во всякое время было достаточное количество дураковъ и подлецовъ. Вы умнѣе, вы образованнѣе, вы крѣпче Леночки; вы не заплачете о томъ, о чемъ она заплачетъ; всѣ ваши доблести и преимущества при васъ и остаются; но все это не даетъ вамъ никакого права думать, что вы чувствуете глубже ея, и что всѣ ея маленькія огорченія скользятъ съ нея, какъ съ гуся вода. Абсолютной мѣрки для

глубины чувства не существует. Всякому свои слезы солены, и кто, своимъ легкомыслиемъ, заставляетъ плакать безответное существо, подобное Леночкѣ, тотъ поступаетъ глупо и подло, хотя, быть можетъ, онъ и не дуракъ, и не подлецъ. Важнѣйшее житейское искусство состоитъ именно въ томъ, чтобы пробираться бережно и осмотрительно въ путаницѣ личностей и интересовъ, не наступая никогда нечаянно на живое человеческое тѣло. — Мудреное искусство жить и дѣйствовать, не обижая безвредныхъ людей, приобретається не вдругъ. Молодымъ людямъ случается часто наступать на живое тѣло безъ всякаго злого или подлаго умысла, по неопытности, по неловкости, по неумѣнью ясно разсмотрѣть ту пограничную черту, гдѣ кончаются естественныя права собственной личности и гдѣ начинаются естественныя права сосѣда. Это наступаніе на живое тѣло производитъ съ одной стороны боль, съ другой — стыдъ и угрызение совѣсти. Такіе уроки не проходятъ даромъ. Кто наступилъ одинъ разъ и кто пережилъ всѣ тяжелыя ощущенія, развивающіяся изъ такого событія, тотъ постарается на будущее время вести свои дѣла внимательнѣе и осторожнѣе. Опытъ здѣсь, какъ и вездѣ, дѣйствуетъ силнѣе всякаго кабинетнаго размышленія. Но подобные опыты обходятся слишкомъ дорого, и было бы очень полезно замѣнить ихъ, на сколько это возможно, плодами теоретическихъ размышленій. Польза беллетристики и литературной критики состоитъ преимущественно въ томъ, что онѣ заставляютъ читателя размышлять о такихъ житейскихъ вопросахъ и формировать себѣ взгляды на такія стороны и явленія всендневной жизни, которыя незнакомы читателю по собственному опыту. Читая, напримѣръ, простую исторію Молотова съ Леночкою, неопытный молодой человѣкъ задумывается надъ нею, вглядывается въ слова и поступки обѣихъ личностей и произноситъ надъ ними свое сужденіе; было бы очень неосновательно думать, что такое упражненіе мысли остается совершенно безплоднымъ и не имѣетъ никакого вліянія, прямого или косвеннаго, на собственные поступки юнаго читателя. Литературная критика должна поддерживать, усиливать и направлять ту работу мысли, которую пробуждаетъ въ головѣ читателя беллетристическое произведеніе. Разбирая романъ или повѣсть, я постоянно имѣю въ виду, не литературное достоинство даннаго произведенія, а ту пользу, которую изъ него можно извлечь для міросозерцанія моихъ читателей. — Легко можетъ быть, что читателя утомляютъ иногда мои длинныя микроскопическія изслѣдованія надъ такими мелкими явленіями, какъ любовныя радости и огорченія

какой нибудь ничтожной Леночки. Читателю досадно, зачѣмъ я анализирую почти каждое движеніе, и комментирую почти каждое слово Молотова и кисейной дѣвушки. Но мнѣ кажется, что досада читателя неосновательна. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что эти микроскопическія явленія, эти будничныя мелочи наполняютъ собою цѣлую жизнь дѣлхъ миллионхъ людей. Изъ необдуманнхъ словъ, изъ мелкихъ непослѣдовательностей, изъ незамѣтныхъ оплошностей складывается мало по малу большая часть человѣческихъ страданій и человѣческихъ подлостей. Вѣдь Молотовъ поступилъ съ Леночкою очень подло; онъ и самъ сознается себѣ въ этомъ; а между тѣмъ, скажите по совѣсти, могъ двадцатилѣтній читатель, многіе ли изъ васъ сдумѣли бы или рѣшились бы, на мѣстѣ Молотова, поступить такъ, чтобы не вышло подлости? Вотъ и надо было показать подробнѣйшимъ анализомъ, какииъ образомъ отвратительный ядъ подлости слагается изъ самыхъ невинныхъ и безвредныхъ элементовъ. Подлость Молотова именно тѣмъ и поучительна, что Молотовъ самъ нисколько не подлецъ. Я относился къ нему очень жестко, когда я разбиралъ его отношенія къ Леночкѣ; тамъ я смотрѣлъ только на одну сторону дѣла; я констатировалъ вредъ и боль, панесенные кисейной дѣвушкѣ, существу совершенно невинному и беззащитному. Теперь мнѣ надо возстановить въ глазахъ читателя репутацію Молотова, на котораго мы можемъ сердиться за его неуклюжесть, но котораго было бы несправедливо презирать. Собственно, полная реабилитация Молотова возможна только тогда, когда мы познакоимся съ дальнѣйшимъ ходомъ его жизни. Молотовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которымъ все въ жизни дается довольно туго. Поэтому, тридцатилѣтній Молотовъ гораздо лучше двадцатилѣтняго. Толчки и удары жизни шлифуютъ и закаляютъ его. Онъ превосходно пользуется опытомъ. Что пережито имъ, то уже оставляетъ неизгладимую черту въ его умѣ и въ его характерѣ. Но у Молотова нѣтъ того, чѣмъ обладаютъ очень даровитыя личности, подобныя Базарову. У него нѣтъ умѣнья угадывать жизнь; онъ не можетъ силою творческой и анализирующей мысли забѣгать впередъ и рѣшать заранѣе, совершенно безошибочно, такія задачи, которыхъ еще не задавала ему дѣйствительная жизнь. Молотовъ выходитъ изъ университета розовымъ птенцомъ, простирающимъ во всѣ стороны свои объятія, тоскующимъ, когда ему приходится обнимать пустое пространство, и робѣющимъ, когда въ его объятія попадаетъ живая дѣвушка, принявшая его безпредметное доброжелательство за опре-

дѣлившееся чувство. Базаровъ входитъ въ жизнь сильнымъ, страстнымъ, смѣлымъ и энергическимъ мужичою, уже выработавшимъ себѣ, въ мѣрѣ книжныхъ занятій, драгоценное умѣніе кое-что ненавидѣть, многое презирать, къ очень многому относиться равнодушно и все на свѣтѣ подвергать анализу. Базаровъ на видъ гораздо страшнѣе и свирѣпѣе Молотова. Та женщина, которая съ радостною довѣрчивостію подходитъ къ Молотову, едва осмѣлилась бы заговорить съ Базаровымъ, или даже при Базаровѣ. Одинъ взглядъ Базарова, быстрый и небрежный, совершенно смутилъ сестру Одинцовой, Катю. А между тѣмъ, Молотовъ гораздо опаснѣе Базарова. Базаровъ только смутитъ или испугаетъ, а Молотовъ, безъ всякаго злого умысла, истерзаетъ женщину и изуродуетъ ея жизнь. Если бы Базаровъ получилъ письмо Леночки, «по гробъ вѣрной и любящей», то онъ тотчасъ рѣшилъ бы, какъ ему дѣйствовать, вести ли дѣло впередъ, или оборвать его въ самомъ началѣ. Въ первомъ случаѣ, Леночка сдѣлалась бы счастливѣйшею женщиною. А во второмъ случаѣ, Базаровъ сразу такъ обжогъ бы ее насмѣшливымъ взглядомъ и правдивымъ словомъ, что Леночка тотчасъ убѣжала бы со свиданія домой и навсегда закаялась бы писать нѣжныя цыдулки къ молодымъ людямъ. Леночка стала бы говорить о Базаровѣ, что онъ и злой, и гордый, и страшный, но Леночкѣ не пришлось бы рыдать на дерповой скамейкѣ, не пришлось бы плакать на пролетѣ цѣлыя ночи и не пришлось бы повторять съ безвыходнымъ отчаяніемъ ужасныя слова: «никому мы не нужны!.. Кому любить такихъ?..» И злой, гордый, демоническій Базаровъ оказался бы здѣсь, какъ и вездѣ, гораздо лучше добраго, нѣжнаго, ласковаго Молотова.—Однако, я хотѣлъ оправдывать Молотова, и, вмѣсто того, опять началъ его преслѣдовать. Ну, дѣлать нечего. Статья рѣшительно соскочила съ рельсовъ, и поэтому надо поскорѣе ее заканчивать. Оправданіе Молотова и разсужденія о «мыслящемъ пролетаріатѣ» откладываю до другого раза. Можетъ быть черезъ мѣсяцъ, а можетъ быть и черезъ полгода, смотря по тому, будутъ ли у меня другія срочныя работы, не терпяція отлагательства. Впрочемъ, когда бы мнѣ ни пришлось представить читателю продолженіе этой безалаберной статьи, это рѣшительно все равно. Говорить о Помяловскомъ всегда встаети.

Д. Писаревъ.

ФРЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦѢНКА ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ПОСТУПКОВЪ:

(Le monde des Coquins, par Moreau-Christophe. Paris. 1864).

I.

На свѣтѣ больше всего такихъ людей, для которыхъ мыслить самостоятельно гораздо труднѣе, чѣмъ пользоваться чужими, готовыми мыслями. Люди эти, думающіе не своей головой, зовутся людьми рутинны. Какъ въ нашихъ уѣздныхъ городахъ характеръ внѣшней жизни зависитъ отъ 95,0/0 простонародья, такъ и всей европейской общественной жизни даютъ тонъ люди рутинны, потому что ихъ—легионъ. Сила этого легиона громадна; онъ дѣйствуетъ во всемъ и вездѣ; нѣтъ такой вѣтви общественной жизни, гдѣ бы не преобладали рутинеры: они и между государственными людьми, между политиками, между военными, чиновниками, купцами, земледѣльцами, литераторами, учеными. Рутинеры образуютъ тотъ средній уровень, который своимъ матеріальнымъ перевѣсомъ заставляеть всѣхъ остальныхъ соображаться съ его теоріей медленнаго прогресса. Правда, что за рутинерами стоятъ еще масса людей идиотствующихъ, но эти господа неопасны, потому что даже рутинеры считаютъ ихъ глупцами. Что же касается до авангарда, изображаемаго передовыми людьми, то рутинеры зовутъ ихъ мечтателями, утопистами, энтузіастами, фантазерами и т. п., что, однако, не мѣшаетъ рутинерамъ смотрѣть на фантазеровъ съ чувствомъ скрытой зависти и идти тѣмъ путемъ, какой они указываютъ имъ.

Рутинеры вездѣ и всегда не кстатн; но больше всего неумѣстны они въ литературѣ; здѣсь печатное поддерживаніе всякой лжи, ученыхъ предразсудковъ и суевѣрій приноситъ обществу громадный

вредъ, потому что публика, по своей наивности, и до сихъ поръ вѣрить всему печатному, и на каждаго пишущаго рутинера смотреть, какъ на оракула и мудреца. Публику, конечно, въ этомъ винить нельзя; на то она и публика, чтобы вѣрить всякому вздору и думать чужой головой; но нельзя также винить и рутинеровъ, потому что иначе они сдѣлались бы передовыми людьми, что также совершенно невозможно. Такимъ образомъ, всякій дѣлаеть, что можетъ, и всѣ правы: рутинная публика наслаждается рутинными литературными и учеными произведеніями, укрѣпляется въ рутинномъ образѣ мыслей и приобретаетъ рутинныя знанія; а рутинные писатели упражняются въ рутинномъ бумагомарательствѣ. Подобная солидарность представляетъ выгоду въ томъ отношеніи, что уподобляетъ общественную жизнь стоячему пруду и создаетъ невозмутимый покой, доводящій человѣка до ожиренія мозга и полного тупоумія. Многимъ это очень нравится, а другіе думаютъ, что шевелить безтолковымъ образомъ мозгами, значить думать,—и производится повсемѣстно нескончаемое шевеленіе мозгами, и добрые люди, незнакомые съ физиологическими процессами, принимаютъ пищевареніе за мышленіе, — и всѣ довольны; значить, всѣмъ хорошо.

Рутинные писатели не отличаются никакими внѣшними признаками отъ людей мыслящихъ самостоятельно; въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ рутинеры обнаруживаютъ черѣдко значительную долю таланта и даже остроумія и этимъ вводятъ въ обманъ неопытныхъ читателей; рутинеры разсуждаютъ обо всемъ, начиная съ повседневныхъ вопросовъ до такихъ отвлеченностей, какъ разные, никому непопятные, метафизическіе вопросы; но въ особености они любятъ толковать о духѣ, о моральныхъ принципахъ и о предметахъ еще болѣе отдаленныхъ.

II.

Передо мной довольно странная книга: «Le monde des coquins» (Миръ мошенниковъ) Моро-Кристофа. Господанъ этотъ отличается тѣмъ рутиннымъ добродушіемъ (оно же и скудоуміе), которое доставило ему уже давно почетное мѣсто между рутинными писателями Франціи, разсуждающими съ глубокомысленнымъ видомъ о нравственности и морали, оплакивающими упадокъ человѣческой до-

бродѣтели, предлагающими допотопныя средства исправленія людей, толкующими громко и съ сильными жестами о честности и благородствѣ и считающими высочайшимъ для себя счастьемъ благосклонную улыбку Наполеона III и крестъ Почетнаго легіона, замѣняемый ими до времени извѣстнымъ суррогатомъ — гвоздичкой.

Моро-Кристофъ видѣлъ и читалъ много; онъ былъ посланъ нѣкогда французскимъ правительствомъ въ Англію, Голландію, Швейцарію, Бельгію, гдѣ изучалъ на мѣстѣ тамошніе уголовные законы, систему исправленія правдивности преступниковъ, систему тюремнаго заключенія, былъ во Франціи главнымъ инспекторомъ тюремъ, и вся эта многолѣтняя практика и множество фактовъ, собранныхъ имъ по своему предмету, привели только къ тому, что французская литература обогатилась семью многотомными сочиненіями, заключающими иногда довольно любопытные факты и всегда самыя глупыя, рутинныя разсужденія.

По складу головы, Моро-Кристофъ похожъ на того астронома Фридриха II, который, самъ не желая того, доставилъ своему брату славу великаго предвѣщателя погоды. Извѣстность послѣдняго сдѣлалась наконецъ такъ велика, что Фридрихъ пожелалъ его видѣть. — «Какииъ образомъ ты предсказываешь погоду?» спросилъ его Фридрихъ. — «Очень просто, отвѣчалъ тотъ: когда мой братъ, придворный астрономъ вашего величества, говоритъ, что будетъ хорошая погода, я говорю, что будетъ дурная, и всегда случается по моему.» — Совершенно такъ же нужно поступать съ Моро-Кристофомъ и со всѣми рутинными писателями: всѣ ихъ разсужденія нужно понимать въ обратномъ смыслѣ, и тогда получится та правда, до которой эти господа рѣшительно не въ состояніи дойти своимъ умомъ.

Впрочемъ, этотъ способъ возстановленія истины, не смотря на свою простоту, не можетъ принести большой практической пользы, потому что для этого слѣдовало бы опубликовать имена всѣхъ рутинныхъ писателей. Но какъ это невозможно — впрочемъ, совсѣмъ не потому, чтобы составленіе такого списка было трудно, а потому, что рутинеры, отличающіеся великой солидарностью, хотя и притворяются, что изысканіе истины составляетъ для нихъ дѣло жизни, и иногда даже, для оптическаго обмана легковѣрныхъ читателей, вступаютъ въ полемику, — какъ это можно замѣтить и у насъ, между московскими и петербургскими газетами, — но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они составляютъ такую тѣсную ассоціацію, что, конечно, перекричатъ

своихъ немногочисленныхъ мыслящихъ противниковъ и всегда найдутъ поддержку въ рутинномъ большинствѣ, которому они понятнѣе. Въдъ только поэтому рутинныя мысли и находятъ такую обширную практику.

Моро-Кристофъ въ своемъ «Мірѣ мошенниковъ» (*Le monde des Coquins*) является соперникомъ «Несчастливыхъ» Виктора Гюго. — Соперничество, конечно, возможное, потому что основная мысль «*Les Misérables*» недостаточно развита, но не для Моро-Кристофа съ его рутинными, чиновничьими понятіями; для этого, кромѣ смѣлости, нужна еще и вѣрѣвая голова, которой не достаетъ у автора «*Мира мошенниковъ.*»

Викторъ Гюго хотѣлъ показать наглядно, что причиной преступленій—бѣдность и недостатокъ образованія: сдѣлайте людей богатыми или, по крайней мѣрѣ, обезпеченными и дайте имъ знаніе—преступленія исчезнутъ. Всѣ личности, выведенныя Гюго въ романѣ и нужны ему для подкрѣпленія его мысли, такъ симпатичны, имѣютъ въ себѣ столько прекраснаго и благороднаго, что нельзя не согласиться, что можно прожить очень счастливо въ обществѣ подобныхъ преступниковъ весь свой вѣкъ, не вспомнивъ ни разу о людяхъ добродѣтельныхъ. Главные герои романа—всѣ люди добрые, хотя они и заклеены уголовнымъ судомъ. Для подобныхъ личностей дюжинный масштабъ Моро-Кристофа совершенно непримѣнимъ, и нужно умѣть понять, что Викторъ Гюго хотѣлъ олицетворить въ своихъ страшныхъ образахъ всѣмъ извѣстную истину, что судъ общества надъ совѣстью человѣка нисколько не служитъ доказательствомъ дѣйствительной вины обвиняемаго, что очень хорошо знаетъ и Моро-Кристофъ. Гюго разрѣшилъ эту задачу превосходно; при этомъ, какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, что дюжинные люди тутъ не годятся и вывелъ на сцену личности исключительныя, но возможные, и хотя рѣдко, но попадающіяся въ дѣйствительной жизни.

Во всѣхъ остальныхъ личностяхъ своего романа Викторъ Гюго проводить ту же мысль, а Моро-Кристофъ усиливается доказать вездѣ, что Гюго ошибается, и обнаруживаетъ особенную ярость, когда дѣло касается нравственности. Моро-Кристовъ—великій моралистъ, преисполненный страшнаго негодованія, когда дѣло касается такъ называемыхъ падшихъ женщинъ. Здѣсь онъ сыплеть фразами и знаками восклицанія съ такой щедростью, какъ-будто имѣетъ собственную словодитню. Выговоривъ слово «проституція», Моро-Кристофъ пускается въ такую декламацию: «при этомъ словѣ сердце возмущается и негодованіе превращаетъ въ грязь всѣ цвѣты, которыми

Викторъ Гюго не побоялся увѣнчать свою Фантину. (Одна изъ героинь романа). И здѣсь, какъ и вездѣ, Викторъ Гюго видается въ крайности, перескакивая отъ крайностей добра къ крайностямъ зла, не признавая между ними никакого посредствующаго оттънка, кромѣ аналогіи, и допуская даже между ними однородности натуры. Его перо, какъ и его умъ, дѣйствуютъ на подобіе термометра, переходя отъ одной крайней точки къ другой, обозначая степень температуры атмосферы, то теплой, то холодной, смотря по капризу погоды, и, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ:—система, по которой безобразное становится на одну линію съ прекраснымъ, ложное на одну линію съ истиннымъ и т. д. какъ то, такъ и другое, имѣя одно начало, вытекаая изъ одного принципа, не различаясь, не удаляясь и не приближаясь одно къ другому, какъ только разницей въ степени, въ тонѣ, какъ ut и si въ гаммѣ, какъ сѣверный и южный полюсъ въ земной сферѣ, какъ карликъ отъ великана въ человѣческомъ ростѣ и т. д. (Моро щедръ на слова—оттого и не совѣтъ ясенъ). Нѣчто подобное, какъ мнѣ кажется, хотѣлъ сказать Прудонъ, своей, повидимому, парадоксальной аксіомой, что всякое предложеніе справедливо на столько, на сколько справедливо предложеніе противоположное. Пусть оспариваютъ эту мысль въ метафизикѣ, схоластикѣ,—все это до извѣстной степени возможно. Но въ морали это бессмысленно, невозможно, чудовищно. Нравственно Викторъ Гюго ошибся и погрѣшилъ сильно, заставивъ у ногъ павшей добродѣтели куриться тотъ самый фиміамъ, который горитъ на алтарѣ добродѣтели безъ упрека.—«Отець, говорить дочь Фантины Жану Вальжану, нынѣшнюю ночь я видѣла во снѣ свою мать. У нея было два большихъ крыла. Моя мать сдѣлалась, вѣрно, святой. — Да, мученичествомъ, отвѣтилъ Вальжанъ». — «Козеттъ, сказалъ въ другой разъ Вальжанъ своей воспитанницѣ, пришло время сказать тебѣ имя твоей матери. Она звалась Фантиной. Запомни хорошенько это имя—Фантина; становись на колѣни всякій разъ, какъ мы будемъ произносить его. Для нея было несчастьемъ все то, что для тебя служить счастьемъ. Это удѣлъ божій.»—Святость путемъ не цѣломудрія! Мученичество путемъ проституціи! Проституція—удѣлъ божій!.. Какая отвратительная профанція словъ и вещей! Все это говорю не я, а Моро-Кристофъ. Изъ-за чего же онъ такъ сердится? Для чего такъ много знаковъ восклицанія? Фантина по любви отдалась одному развратному юношѣ и тотъ скоро бросилъ ее. Плодомъ

ихъ связи была Козеттъ. Бѣдная мать, лишенная средствъ существованія, продаетъ свою косу, продаетъ дантисту свои прекрасныя зубы, что выходитъ въ романѣ весьма эффектно, потому что дергать здоровыя зубы очень больно. И все это, чтобы спасти себя и дочь отъ голодной смерти. Только человѣкъ очень скудоумный могъ подогрѣть себя на фразы, выражающія, повидимому, негодованіе; чтобы по старой рутинѣ обвинить женщину, виноватую только тѣмъ, что ее обманули, что ей приходится умирать съ голоду и пройти безъ всякаго негодованія мимо человѣка, бывшаго причиной всего этого. Ужъ если нужно непременно сердиться, то справедливѣе метать громы по поводу соблазнителя, чѣмъ по поводу такъ называемой жертвы. Но Моро-Кристофъ не такой господинъ, чтобы отступилъ отъ рутинной морали; если ему выгодно, то онъ умѣетъ даже перевернуть факты и дѣлаетъ изъ нихъ совершенно обратныя выводы, нисколько, какъ видно, и не подозревая, что его факты и выводы противорѣчатъ одни другимъ.

Даже и по заглавію сочиненія можно заключить, что Моро-Кристофъ, не смотря на многолѣтнюю практику и кажущееся знакомство съ дѣломъ, не скажетъ ничего, ни поваго, ни поучительнаго. Что такое «міръ мошенниковъ»? Неужели это нѣчто изолированное и стоящее совершеннымъ особнякомъ отъ міра честныхъ людей, такъ что мошенники и честныя люди составляютъ два отдѣльныхъ круга, двѣ противоположности? Да и что значить мошенникъ? Мазурика, упражняющагося весь свой вѣкъ въ опораживаніи чужихъ кармановъ, каждый назоветъ мошенникомъ, потому что онъ посвятилъ себя мошеннической специальности; разбойника и специалиста-убійцу можно тоже безъ труда причислить къ «міру мошенниковъ», потому что ихъ дѣятельность очерчена слишкомъ рѣзко. Но гдѣ та черта, гдѣ кончается честный человѣкъ и начинается мошенникъ? И составляютъ ли честныя люди, въ противоположность «міру мошенниковъ», свой независимый міръ, такъ чтобы можно было сказать, что на землѣ есть особый міръ честныхъ людей? Ни одному самому пылкому и добродѣтельному романисту не можетъ придти мысль написать романъ или сочиненіе подъ заглавіемъ «міръ честныхъ людей», потому что вопіющая нелѣпость такой мысли очевидна даже для всякаго фантазера-моралиста. Только Моро-Кристофъ могъ думать, что существуетъ «міръ мошенниковъ», да и то, можетъ быть, больше потому, что заманчивость заглавія обѣщала сбытъ книгъ.

Но, конечно, Моро-Кристофъ не на столько же глупъ, чтобы утверждать, что существуетъ на свѣтѣ черта, раздѣляющая честныхъ и безчестныхъ людей, и что людей можно принимать за отдѣльные сосуды, наполненные—(дни исключительно цектаромъ добродѣтели,—а другіе—ядомъ порока. Всѣ даровитые наблюдатели, романисты и историки давно уже доказали, что въ каждомъ человѣкѣ сидитъ свой Фаустъ и Мефистофель; съ той только разницей, что въ одномъ больше Мефистофеля, а въ другомъ—Фауста. Поэтому, ни одна добродѣтель не можетъ обойтись безъ большей или меньшей дозы порока и ни одинъ порокъ безъ большей или меньшей дозы добродѣтели. Такимъ образомъ ироническое сравненіе ума и пера Викторя Гюго съ термометромъ падаетъ обвиненіемъ на автора сравненія, обличая его неумѣнье пользоваться слабыми сторонами разбѣраемаго писателя. Впрочемъ, какъ рутинеръ, Моро-Кристофъ и не могъ поступить иначе: оттого-то онъ и хвалитъ въ Викторѣ Гюго все рутинное и стасалое и осуждаетъ все прогрессивное.

Не смотря на то, что Моро-Кристофъ увѣряетъ, что существуетъ особенный «миръ мошенниковъ», изъ другихъ мѣстъ его книги можно заключить, что такого міра въ дѣйствительности вовсе нѣтъ, и что добродѣтель, ослабѣвая постепенно, переходитъ незамѣтно въ порокъ. Вотъ факты: во Франціи существуетъ 35,000 полевыхъ сторожей, 30,000 сторожей частныхъ, 30,000 таможенныхъ, 15,000 жандармовъ, 10,000 лѣсныхъ сторожей, 3,000 полицейскихъ комиссаровъ и 3,000 ихъ помощниковъ, 3,000 полицейскихъ агентовъ, кромѣ того десятки тысячъ военныхъ постовъ, національная гвардія, городскіе сержанты, которыхъ въ одномъ Парижѣ до 20,000; 3,500 ежегодныхъ присяжныхъ, 38,000 полицейскихъ конторъ и отдѣленій, 6,475 разныхъ сортовъ исправительныхъ заведеній, тюремъ, рабочихъ домовъ и т. п. заведеній, придуманныхъ для исправленія людской нравственности; всего въ цѣломъ болѣе 240,000 мѣстъ и лицъ, и все это копошится, шныряетъ, ищетъ, судить, наказываетъ почти день и ночь. Результатъ этой неустанной дѣятельности слѣдующій: 207 тысячъ обнаруженныхъ преступленій и 182 тысячи наказанныхъ ассизными и исправительными судами, да 300,000 разныхъ полицейскихъ нарушеній. Открытыхъ же, но ненаказанныхъ преступленій болѣе 25,000. А сколько преступленій неоткрытыхъ? Сколько опять преступленій, неуловимыхъ для полицейскаго и уголовного суда—разныхъ домашнихъ насилій, разныхъ мелоч-

ныхъ, болѣе или менѣе тонкихъ, обмановъ и надувательствъ, совершаемыхъ такъ называемыми честными людьми; сколько проступковъ и преступлений предупрежденныхъ? И все это совершается «миромъ мошенниковъ»? Въ такомъ случаѣ авторское самолюбіе Моро-Кристофа должно быть вполне удовлетворено, потому что его «миръ мошенниковъ» очень—очень великъ, и если бы слово «мошенникъ» не звучало такъ скверно и имѣло болѣе смягченный и общій смыслъ, въ родѣ «Мефистофеля», то никому бы не было обидно согласиться съ тѣмъ, что въ каждомъ изъ насъ есть частичка этого рода мефистофелевскаго элемента, выражающагося частью въ разнообразныхъ видахъ злорадства, начинающагося простымъ, невиннымъ удовольствіемъ напакостить немножко ближнему и кончающагося крупнымъ злорадствомъ смертоубійства, и частью слабость поживиться чужой собственностью, начинающаяся невиннымъ зажиливаніемъ и кончающаяся воровствомъ. На эту-то прогрессивность Моро-Кристофъ и не обратилъ вниманія или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ избѣгать указанія на нее, потому что иначе его «миръ мошенниковъ» расплылся бы въ остальномъ мирѣ, пользующемся другой, болѣе благовидной репутаціей, и, вмѣсто негодованія и обильныхъ знаменъ восклицанія противъ «мира мошенниковъ», пришлось бы направить эти заряды противъ всего человѣчества, что для моралиста не совсѣмъ послѣдовательно.

Конечно, послѣдовательность не есть еще необходимое условіе каждаго добродѣтельнаго человѣка и рутиннаго писателя. Это знаетъ очень хорошо и Моро-Кристофъ; поэтому-то онъ и старается приводить всегда такіе факты, которые постоянно противорѣчатъ его выводамъ. Такая странность случается постоянно со всѣми тѣми, кто хочетъ старыя рутинныя понятія примирить съ новыми научными изслѣдованіями, и пользуется послѣдними для оправданія первыхъ. Моро-Кристофъ не испугался даже прибѣгнуть къ фокусничеству, что для моралиста ужъ совсѣмъ нехорошо. Для своихъ фокусовъ, Моро-Кристофъ пользуется физиогномикой, хиромантіей и даже френологіей, подбирая изъ нихъ какъ разъ именно то, чему не вѣрять ни одинъ здравомыслящій человѣкъ.

По какимъ признакамъ можно узнать мошенника? спрашиваетъ Моро-Кристофъ, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такимъ образомъ. Во всѣ времена люди обнаруживали особенное любопытство опредѣлять по внѣшнимъ признакамъ душевное состояніе и способности

людей. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть важнѣе искусства различать по внѣшности Каина отъ Авеля, честнаго человѣка отъ плута? Но возможно ли это? Разные признаки послѣдовательно или взятые вмѣстѣ служили въ разныя времена для этой цѣли: тѣло сложное, признаки краниологическіе, физиогномическіе, хирогномоническіе, пластическіе, мимическіе. И всѣ эти признаки Моро-Кристофъ старается изслѣдовать.

Еще древніе замѣчали, что извѣстнымъ внѣшнимъ признакамъ сложения, т. е. той или другой пропорціи членовъ, тому или другому цвѣту кожи, извѣстнымъ физическимъ привычкамъ и т. д. соответствуютъ довольно постоянно извѣстныя расположенія ума и страсти. Наблюденія привели къ составленію ученія о темпераментахъ. Четыре основныхъ темперамента составили четыре основныхъ типа характеровъ, которые въ полной чистотѣ никогда не встрѣчаются, но всегда смѣшанными; причемъ перевѣсомъ одного темперамента надъ другими опредѣляется характеръ, наклонности и способности человѣка.

Люди жолчные, отличающіеся особенной нравственной силой, бьвають опаснѣе другихъ; они легче другихъ дѣлаютъ великія дѣла и великія преступленія. Они отличаются смѣлой, рѣзкой физиогноміей, блестящими глазами, сухимъ, нерѣдко желтымъ лицомъ, черными какъ смоль волосами, иногда курчавыми, худоцавымъ тѣломъ, но съ сильными мускулами и сильнымъ, рѣзкимъ пульсомъ. Между заключенными и ваторжными много людей этого темперамента.

Но не меньше мошенниковъ и темперамента совершенно противоположнаго — флегматическаго или лимфатическаго. Люди этого сорта отличаются вялой, незначительной физиогноміей, гладкими, не рѣзкаго цвѣта волосами, тусклыми глазами, слабыми, хотя и полными мускулами, медленными и умѣренными движеніями и медленнымъ, слабымъ пульсомъ. И въ нравственныхъ качествахъ флегматики совершенно противоположны холерикамъ. Они не знаютъ крайностей: умѣренны и въ добродѣтеляхъ, и въ порокахъ, въ чувствахъ и въ идеяхъ; это люди самые способные для обыкновенной, дюжинной жизни. Не смотря однако на свою медленность и умѣренность во всемъ, флегматики, стремящіеся преимущественно къ покою, берутъ мало по малу верхъ надъ людьми ихъ окружающими и, какъ замѣчаетъ Моро-Кристофъ, они господствуютъ въ тюрьмахъ не только надъ своими товарищами по заключенію, но даже и надъ сторожами.

Меланхолики имѣютъ большею частью печальную физиогномію, блѣдное лицо, впавшіе, мрачнаго выраженія, глаза, черные волосы, высокое, тонкое, худощавое тѣло, длинныя конечности, пульсъ слабый и медленный. Не смотря на свою кажущуюся физическую слабость, они отличаются большой тѣлесной силой, могутъ легко переносить трудныя, утомительныя работы, причемъ отличаются большимъ терпѣніемъ и необычайнымъ упорствомъ. Въ ихъ страстяхъ замѣчается также упорство, такъ сказать, оттѣнокъ вѣчности, что дѣлаетъ ихъ иногда до крайности опасными. Отличаясь постоянствомъ въ дружбѣ, они бываютъ въ то же время неумолимыми врагами. Естественная робость дѣлаетъ ихъ подозрительными, а недоувѣріе въ самимъ себѣ—ревнивымъ. Эти двѣ особенности получаютъ важность отъ безпокойнаго воображенія, которое у меланхолика работаетъ безпрестанно, такъ что самыя незначительныя, повидимому, впечатлѣнія доводятъ меланхоликовъ до весьма серьезныхъ поступковъ. Мошенники этого темперамента самыя опасныя изъ всѣхъ.

Менѣе опасны и менѣе многочисленны мошенники-сангвиники. Не смотря на то, сангвиники, по живости характера и по увлеченію, легко переступаютъ предѣлъ, установленный между обычаемъ и злоупотребленіемъ. Къ счастью, для сангвиниковъ, чувства и стремленія ихъ непрочно, не отличаются непреклонностью и страстностью и что сангвиники утѣшаются легко, т. е. новыя впечатлѣнія быстро смѣняютъ у нихъ одно другое. Сангвиники неспособны къ сильному, продолжительному размышленію; все, что требуетъ большой внимательности, строгой послѣдовательности въ мысляхъ и упорства—антипатично ихъ натурѣ. Поэтому, изъ нихъ образуются хорошіе узники, кроткіе, спокойные, терпѣливые и даже веселые. У нихъ не достаетъ нравственной силы на борьбу съ тюремными порядками. Мошенники-сангвиники отличаются умѣреннымъ ростомъ и полнотой, пропорціональными членами, веселымъ, цвѣтущимъ лицомъ, живыми глазами, волосами каштановаго, рыжеватаго или рыжаго цвѣта, нѣжной бѣлой кожей, иногда съ краснымъ оттѣнкомъ, свободными, легкими движеніями. Вообще это веселые и счастливые люди.

Но одинъ темпераментъ еще не даетъ безошибочныхъ данныхъ для вѣрнаго заключенія о человѣкѣ. Благодаря трудамъ Галля, явилось другое мѣрило для опредѣленія наклонностей и способностей людей. Въ явленіяхъ органической жизни френологи отличаютъ отправленія растительныя и животныя. Первые считаются безсознательными,

вторыя—сознательными и исключительно зависящими отъ мозга—органа, создающаго исключительно всё процессы, называемые въ ихъ совокупности животною жизнью.

Въ способностяхъ животныхъ вообще френологи отличаютъ инстинкты отъ способностей умственныхъ. Къ первымъ причисляютъ инстинктъ самосохраненія, продолженія своего рода, любовь къ дѣтямъ, склонность къ разрушенію или къ убійству, инстинктъ собственности, наклонность къ воровству, хитрости и т. д. Умственные способности приписываются исключительно людямъ; сюда принадлежатъ: гордость, самолюбіе, религіозность, чувство справедливости, способность къ языкамъ, способность чисель, къ музыкѣ и т. д. Въ скобкахъ замѣчу, что Моро-Кристофъ придерживается старыхъ понятій объ инстинктѣ. По своему рутинному добродушію, онъ удовлетворяется вполне тѣмъ, что у животныхъ—инстинкты, и что только у одного человѣка—способности. За это строгое разграниченіе держатся моралисты руками и ногами, потому что на немъ основана вся ихъ теорія исправленія людей. Стоитъ только поставить инстинкты и способности въ одну категорію животныхъ проявленій, какъ феномены одного и того же чувствующаго организма, различающіеся не качествомъ, а степенью или количествомъ, — и Моро-Кристофу придется положить перо и похоронить себя заживо, чего онъ и подобные ему травоядные люди не захотятъ ни за что на свѣтѣ.

Въ какомъ же мѣстѣ мозга сидятъ всё перечисленные способности? Какими внѣшними признаками они обнаруживаются? Для всѣхъ двадцати семи, а, по ученію другихъ френологовъ, тридцати семи способностей, есть въ мозгѣ свои исключительныя мѣста, и каждая способность обнаруживается на черепѣ особенной шишкой или желвакомъ. Въ этомъ отношеніи Моро-Кристофъ оказывается довольно передовымъ человѣкомъ, потому что не вѣрять въ френологическое значеніе шишекъ, въ размежеваніе человѣческихъ способностей и въ френологическую географію. Онъ даже сознается откровенно, что очень трудно судить по черепу о преобладаніи у человѣка тѣхъ или другихъ способностей, тѣхъ или другихъ инстинктовъ (нельзя же безъ инстинктовъ). Очень часто у вора находятъ шишку убійства и ни малѣйшаго признака шишки стяжанія или пріобрѣтенія; точно такъ же, какъ у убійцы находятъ шишку воровства и не находятъ способности разрушенія. Всѣ политическіе убійцы, не имѣли шишки

смертоубійства. Но и многіе изъ обыкновенныхъ убійць—въ сущности только воры, ищущіе собственно денегъ и убивающіе только потому, что обстоятельства сложились такимъ образомъ. Вообще нужно замѣтить, что головы уголовныхъ преступниковъ, какъ и головы всѣхъ остальныхъ людей, не представляютъ рѣзкихъ особенностей, которыя выказывали бы непремѣнное расположеніе къ пороку или къ добродѣтели; даже каторжные имѣютъ черепы общаго, обыкновеннаго устройства. Не смотря на это, Моро-Кристофъ все-таки думаетъ, что главная трудность для различенія френологическихъ путемъ честнаго человѣка отъ мошенника заключается въ невозможности ощупывать головы людей и въ препятствіи, представляемомъ волосами, закрывающими именно тѣ части; гдѣ помѣщаются инстинкты, что, по мнѣнію Моро-Кристофа, равносильно дурнымъ наклонностямъ. Поэтому опъ считаетъ френологію безсильной или, по крайней мѣрѣ, недостаточной для безошибочнаго различія честнаго человѣка отъ мошенника и призываетъ на помощь физиогномику.

Физиогномія, говоритъ Моро-Кристофъ, есть не болѣе, какъ отраженіе нашихъ впечатлѣній. Поэтому она, кажется, назначена объяснять наши инстинкты и склонности, тайны которыхъ скрыты для френолога подъ волосами и прической. Всякая черта лица имѣетъ свое собственное физиогномическое значеніе, ей исключительно свойственное, и по отдѣльнымъ чертамъ составляются частныя заключенія. Но прежде всего бросается въ глаза игра всей физиогноміи и вся совокупность чертъ. «Богъ, разсуждаетъ Моро-Кристофъ, избралъ лицо, чтобы сдѣлать его зеркаломъ мысли и души. Поэтому, желая, чтобы человѣкъ обращалъ лицо къ небу, Богъ снабдилъ его, т. е. лицо, всѣми органами чувствъ, которые концентрируютъ въ немъ всѣ впечатлѣнія души. Въ лицѣ выражается вся жизнь; только на немъ горитъ Свѣточъ разума. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ тѣла мы находимъ только формы матеріальныя, лишеныя оживленія, но только одно лицо одушевляется мыслью. Это—книга сердца, открытая тому, кто умѣетъ ея читать, поэтому-то лицо открыто у всѣхъ народовъ.»—Я нарочно привелъ это мѣсто почти цѣликомъ, чтобы читатель могъ самъ судить о литературномъ и ученномъ приѣмѣ Моро-Кристофа, и не обвинялъ бы меня въ бездоказательности, когда я говорю о его ученой и умственной несостоятельности.

Единственная часть тѣла, одаренная способностью краснѣть, человѣческое лицо, въ своихъ различныхъ оттѣнкахъ представляетъ

такіе ясныя признаки внутренняго состоянія души, въ которыхъ не ошибется ни одинъ физиогномистъ. Краснотою глазъ обнаруживается краска досады; краснотою лба — чувство любви; краской щекъ и ушей — стыдъ. И въ самой краснотѣ есть различныя оттѣнки. Краску злости и досады легко отличить отъ краски стыда. Последняя имѣетъ яркій, живой цвѣтъ, тогда какъ первая, вызванная сильнымъ приливомъ крови и стѣсненіемъ дыханія, имѣетъ мрачный, синеватый оттѣнокъ. Тоже самое и съ блѣдностью. Простой испугъ только обезцвѣчиваетъ лицо, тогда какъ ревность, зависть, ненависть или другая злобѣщая страсть производить блѣдность тусклую, съ мѣднатымъ или свинцовымъ отливомъ.

Физиогномія зависитъ вполне отъ мозга и вполне подчиняется движенію чувства и мысли. Электрическими опытами доктора Дюшена доказано, что каждый отдѣльный нервъ приводитъ въ движеніе свой мускулъ и производитъ въ лицѣ извѣстное, опредѣленное выраженіе. Эти выраженія можно вызвать искусственнымъ образомъ и снять фотографически. Раздраженіемъ отдѣльныхъ нервовъ, Дюшенъ вызывалъ 33 различныхъ выраженій, изображающихъ главныя состоянія души — ужасъ, радость, глубокое презрѣніе, горькую усмѣшку, сладострастіе и т. д.

Придавая огромное значеніе физиогноміи, Моро-Кристофъ увѣряетъ, что довольно взглянуть пристально въ лицо человѣка, чтобы прочесть, что происходитъ на днѣ его души. Но для этого, будто бы, лучше всего смотрѣть въ профиль, потому что онъ представляетъ линіи болѣе опредѣленныя и чистыя, и слѣдовательно является меньшій рискъ ошибая, чѣмъ при взглядѣ на лицо прямо. Изъ такого важнаго значенія профиля Моро-Кристофъ выводитъ важность силуэта и моду на нихъ въ концѣ прошедшаго столѣтія, когда съ легкой руки Лафатера всѣ принялись изучать физиогноміи другъ друга и смотрѣть на собственные силуэты.

Не смотря, однако, на всю физиогномическую важность профиля, Моро-Кристофъ полагаетъ, что есть еще лучшее средство опредѣлять, что скрывается подъ красивымъ или безобразнымъ лицомъ — душевное безобразіе или красота. Средство это заключается въ томъ, чтобы взглянуть на человѣка лицомъ къ лицу въ моментъ его хорошаго или дурнаго дѣла. Разумѣется, это средство напоминаетъ секретъ ловить воробьевъ, посыпавъ имъ на хвостъ соли; но Моро-Кристофъ не смущается такой мелочью и смѣло увѣряетъ, что это средство

лучшее изъ всѣхъ. «Если вы встрѣтите въ обществѣ, что и случается очень часто, людей весьма безобразныхъ и, не смотря на то, снабженныхъ хорошими качествами, или разбойничью душу подъ привлекательной наружностью, то постарайтесь уловить игру физиогноміи красавца въ моментъ какого нибудь его сквернаго дѣла. Вы увидите, на сколько прекрасное лицо удаляется отъ типа красоты, не дѣлавшей никогда ничего дурного. Такъ же точно и некрасивое лицо въ моментъ прекраснаго, великодушнаго дѣла освѣтится огнемъ благородной страсти, и вы увидите въ самомъ даже безобразіи ту тонкую красоту, которая сопровождаетъ всегда добродѣтель.» Все это, конечно, хорошо и правильно, но, къ сожалѣнію, противорѣчитъ всему тому, что говорилъ ранѣе о физиогноміяхъ авторъ «міра мошенниковъ»: не по лицу приходится опредѣлять человѣка, а по его поступкамъ.

Далѣе Моро-Кристофъ разсматриваетъ отдѣльныя части лица: лобъ, глаза, носъ, уши, ротъ, щеки, подбородокъ, зубы, волосы; но все, что онъ говоритъ по этому предмету, повторяя Лафатера и его последователей, имѣетъ столько же практической важности, какъ и приведенное выше средство опредѣлять безобразную душу подъ прекрасной наружностью. Впрочемъ, изрѣдка Моро-Кристофъ дѣлаетъ и предостереженія. Такъ, онъ говоритъ: черный глазъ, живой и чистый, блестящій, какъ алмазъ, — хорошъ; но глазъ совершенно черный, который горитъ, какъ раскаленный уголь (признаки вообще трудно уловимые), обозначаетъ существо скупое и злое, котораго нужно остерегаться. — Не довѣряйте блѣднымъ женщинамъ, сказалъ Бальзакъ; не довѣряйте глазамъ мрачнымъ и въ то же время блестящимъ, провозглашаетъ Дебароль, а за нимъ и Моро-Кристофъ. Не довѣряйте, продолжаетъ онъ, людямъ, у которыхъ постоянно улыбка на устахъ, а также и тѣмъ, у кого косой ротъ. — Затѣмъ другихъ предостереженій не дается.

Есть и еще физиогномическіе признаки, играющіе, по мнѣнію Моро-Кристофа, довольно важную роль при опредѣленіи нравственныхъ качествъ человѣка—это сходство его съ тѣмъ или другимъ животнымъ. — Въ каждомъ человѣкѣ сидитъ какое нибудь животное, а иногда даже и нѣсколько, и если взглянуть въ людей, то едва ли можно отвергать, что свѣтъ состоитъ изъ барановъ, волковъ, тигровъ, львовъ, коршуновъ, сорокъ, лисницъ, пѣтуховъ, собакъ, голубей, ословъ, кабановъ, индѣекъ въ человѣческомъ образѣ, съ истинными и характеристическими признаками протости, жестокости, глупости, хи-

грести, тщеславія и скромности, непорочности и цинизма и т. д., которые природа дала каждому изъ этихъ животныхъ. Совершенно несомнѣнно, что между животными и людьми существуетъ поразительная аналогія, и что въ людяхъ, черты которыхъ напоминаютъ известное животное, встрѣчаются непременно въ большей или меньшей степени и его качества. При опредѣленіи этой аналогіи наблюдатель долженъ обращать особенное вниманіе на форму лба, положеніе и разстояніе глазъ и на центральную линію рта. Вотъ нѣкоторыя частности.

Люди съ профилемъ льва встрѣчаются весьма рѣдко. Они отличаются обыкновенно энергіей, наглостью и чувствомъ собственнаго достоинства. Противоположность имъ составляютъ люди съ профилемъ кабана. Низкій ротъ — признакъ грубой чувственности; въ глазахъ видна фальшивость и злость, и низость души. Баранья физиогномія, т. е. довольно высочій, но круглый лобъ, обозначаетъ тупость, а линія рта и расположеніе зубовъ указываютъ на отсутствіе энергіи и способности противиться силѣ силой. Люди съ лицомъ, напоминающимъ собаку, въ особенности собаку съ висячими ушами, отличаются преданностью; но за то люди съ волчьей физиогноміей вовсе не склонны къ привязанности и внушаютъ боязнь. Птичья физиогномія встрѣчается преимущественно у женщинъ, въ особенности куривыхъ, голубиныхъ и перепелиныхъ. Это — признаки сильнаго развитія чувства любви къ семейству. Въ мужчинахъ чаще сходство съ птицами хищными, что служитъ признакомъ смѣлости характера, возвышенности мыслей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и отсутствія расположенія къ нѣжнымъ ощущеніямъ. Люди съ круглыми, подвижными глазами, съ узкимъ, тонкимъ носомъ, съ убѣгающими назадъ лбомъ и подбородкомъ, напоминающіе сороку, отличаются обыкновенно скупостью. Есть даже люди съ физиогноміями пресмыкающихся и рыбъ. Сходство съ пресмыкающимся, особенно съ змѣей, служитъ выраженіемъ какихъ-то скверныхъ, зловѣщихъ наклонностей, но какихъ, этого не объясняетъ даже и творецъ этой науки, Лафатеръ, ограничиваясь замѣчаніемъ, что дѣло ясно и само собой. А если неясно? — Моро-Кристофъ же предлагаетъ прочесть какую-то книгу, подъ названіемъ «Змѣя» (должно быть что нибудь ужасное; хорошо еще, что никто не знаетъ этой книги). — Наконецъ, сходство съ карпией, лососемъ, камбалой, щукой обозначаетъ тупость и ничтожность.

Кромѣ этихъ признаковъ, природа, по словамъ Моро-Кристофа,

чтобы дать возможность различать честнаго человѣка отъ мошенника, представляетъ намъ картину подъ тысячью разнообразныхъ формъ, подобно брилланту, котораго facets бросаютъ тысячи различныхъ цвѣтовъ, образуемыхъ однимъ и тѣмъ же камнемъ (что-то неясно, но такъ у Моро-Кристофа.) Поэтому каждый человѣкъ носить съ собою исторію своей жизни, совершенно ясную для посвященныхъ. Одного только не объяснилъ краснорѣчивый авторъ: кто это посвященные и какимъ путемъ обыкновенный человѣкъ можетъ попасть въ закодированный кругъ подобной мудрости, чтобы отличать съ такой же легкостью, какъ Моро-Кристофъ, многоцвѣтные брилланты добродѣтели отъ чернаго, какъ уголь, пороха? По мнѣнію Моро-Кристофа, Провидѣніе положило на всѣ вредныя существа особенную печать. Къ этимъ вредоноснымъ созданіямъ причисляетъ Кристофъ распутныхъ женщинъ, воровъ и убійцъ. По какимъ признакамъ можно различать распутныхъ женщинъ, авторъ не говоритъ, но открываетъ секретъ для распознаванія по хирогномическимъ даннымъ воровъ и убійцъ. — Воры имѣютъ вообще пальцы длинные, худощавые, сухіе, лопатообразные или заостренные; на бугоркѣ Меркурія (это хиромантия) находится у нихъ свѣтъ пересѣкающихся линий или крестъ и т. д. — все выписывать скучно. Убійцы имѣютъ очень красную или зеленоватую кожу. Краснолицые дѣлаютъ убійства или отъ злости, или вслѣдствіе распутства. У первыхъ глаза блестящіе и взглядъ пристальный, у вторыхъ тусклые, сухіе, съ выраженіемъ жестокости. У тѣхъ и у другихъ руки сложены дурно, пальцы корявые и большой палецъ короткій, кончающійся шарообразно. Меркурій у убійцъ играетъ тоже важную роль, но вмѣстѣ съ нимъ является и плоскость Марса, на которой если находится крестъ, то онъ означаетъ человѣка задорнаго, горячаго и легко рискующаго. — Если читатель изъ этого описанія еще не научился отличать воровъ и убійцъ отъ людей, неимѣющихъ такихъ непозволительныхъ привычекъ, то я въ этомъ невиноватъ, потому что и у Моро-Кристофа нельзя тоже понять ничего. Чувствуя неудовлетворительность своей кабалистики, Моро-Кристофъ прибавляетъ, что, изслѣдуя тѣнь истины, угадываютъ наконецъ и самую истину; но едва ли въ томъ мракѣ, куда забрался Кристофъ, можно различить хоть что нибудь. Какое же исцаніе истины въ потьмахъ!

О пластическихъ и мимическихъ признакахъ я говорить уже не стану. Они такъ же непопятны, какъ всѣ тѣ, на основаніи которыхъ

Моро-Кристофъ отличаетъ честныхъ людей отъ мошенниковъ. Но Моро-Кристофъ думаетъ иначе, и для убѣжденія скептиковъ представляетъ даже цѣлый рядъ доказательствъ. Познакомлю читателя и съ ними. Начинается съ доказательствъ френологическихихъ.

Въ июль 1676 года, умерла во Франціи на эшафотѣ знаменитая отравительница — Марія д'Обрай, жена маркиза Бренвилле, обвиненная въ послѣдовательномъ отравленіи своего отца, своихъ двухъ братьевъ, своего ребенка, своего мужа. Черепъ этой женщины хранился въ версальскомъ музеумѣ и показывался всѣмъ любопытнымъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, докторъ Леруа доказалъ подложность этого черепа слѣдующимъ образомъ. Осмотрѣвъ черепъ, онъ сказалъ: «черепъ этотъ не можетъ принадлежать госпожѣ Бренвилле, потому что онъ, хотя и обличаетъ твердость характера и способность разрушенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ и такіе органы, которыхъ нельзя согласить съ извѣстными всѣмъ свойствами отравительницы: именно чадолубіе и благоговѣніе, соединенныя съ любовью къ приобрѣтенію и съ суетностью, развитыми до крайней степени. Состояніе костей указываетъ, что особа эта была много моложе Бренвилле, казненной старше пятидесяти лѣтъ. Кромѣ того, размѣръ черепа не соотвѣтствуетъ росту маркизы, точную мѣру котораго сохранила современная хроника...» Кому же принадлежала эта голова? Подъ однимъ изъ номеровъ инвентаря бібліотеки стояла надпись: голова госпожи Тике. Консерваторъ навелъ справки въ «causes célèbres» и тамъ пашель, чего искалъ. О госпожѣ Тике говорилось слѣдующее: оставшись рано сиротой, Алжелика Кордье, красавица собой, выбрала изъ множества обожателей себя въ мужа совѣтника Тике, умѣвшаго щедростью и безразсудными расходами польстить болѣе всѣхъ ея суетности. — Послѣ двухъ лѣтъ супружества, безмѣрно расточительной жизни и неудачныхъ спекуляцій, Тике раззорился. Жена его, лишившись возможности удовлетворять своему тщеславію, вздумала избавиться отъ него, чтобы выйти за другого. Подкупленный консьержъ ихъ отеля убилъ г-на Тике изъ пистолета, въ упоръ. Госпожа Тике разыграла ловко комедію и никто сначала не заподозрилъ въ убійствѣ сильно горевавшую супругу; однако потомъ, по нѣкоторымъ обвиняющимъ обстоятельствамъ, ее арестовали. Передъ отправленіемъ въ тюрьму, она просила увидѣться съ своимъ ребенкомъ, котораго любила страшно, и, обливаясь слезами, покрыла его поцѣлуями. Осужденная на смерть! она пожелала видѣть священника и приняла съ

глубокимъ благоговѣнїемъ религіозное утѣшеніе. Наконецъ въ мигъ лавин она обнаружила большую твердость.—Такимъ образомъ фрепегическое объясненіе доктора Леруа подтвердилось вполнѣ. Въ защиту дофрепелогіи, Моро-Кристовъ прибавляетъ, что наука эта даетъ безошибочные отвѣты только тогда, когда у нея спрашиваютъ не болѣе того, на сколько она можетъ отвѣчать. Но такое объясненіе похоже на палку о двухъ концахъ, потому что ею такъ же хорошо можно защищаться, какъ и нападать.

Въ одномъ университетѣ студентамъ удалось добыть голову только-что казненнаго преступника. Галль, увидѣвши ее, сказалъ: «о безобразная голова!» Разсмотрѣвъ потомъ черепъ, профессоръ прибавилъ: «эта голова должна принадлежать осужденному, увлеченному въ преступленіе крайнимъ развитіемъ животности. Сладострастіе съ грубымъ, животнымъ стремленіемъ къ его удовлетворенію брало перевѣсъ надъ всѣми страстями этого несчастнаго. Онъ имѣлъ ограниченный умъ, мрачный характеръ и склонность къ разрушенію. Его экзальтированныя желанія, искаженныя уединеніемъ и лишеніемъ, должны были привести его къ такой необузданной страстности, что всѣ средства и въ особенности смертоубійство годились для удовлетворенія его животныхъ склонностей.» Что же оказалось по справкѣ? Читатель, можетъ быть, думаетъ, что я ставлю ему ловушку и что знаменитый Галль ошибся. О снисходительный читатель! зачѣмъ же подозрѣвать во мнѣ такое коварство, а главное считать Моро-Кристофа человѣкомъ совершенно неловкимъ и неопытнымъ? Кто же приводитъ факты противъ самого себя? Галль точно угадалъ то, что нужно Моро-Кристофу, и вотъ какіе ужасы были открыты судами. Казненный преступникъ, Леже, подъ вліяніемъ мрачной меланхоліи, удалился 28-ми лѣтъ подъ свалу внутри одного дикаго лѣса и жилъ дичью, которую онъ ловилъ, какъ звѣрь, безъ всякихъ искусственныхъ, человѣческихъ способовъ и пожиралъ ее сырую. Разъ дѣвушка лѣтъ пятнадцати проходила мимо берлоги Леже. Онъ выскочилъ, какъ голодный волкъ, бросился на перепуганнаго ребенка, увлекъ его въ глубь лѣса, удовлетворилъ свою страсть и затѣмъ дѣвочку съѣлъ. Впрочемъ, онъ съѣлъ ее не сразу, а въ три дня; да и то не совсѣмъ. Какъ увѣряетъ Моро-Кристовъ, Леже помѣшали вороны. Человѣкъ этотъ, небоявшійся ничего, испугался воронъ, которымъ хотѣлось тоже поживиться трупомъ, и убѣжалъ. Тутъ его поймала полиція. Когда

судья спросилъ его, зачѣмъ онъ пилъ кровь убитой имъ дѣвушки, онъ отвѣтилъ очень спокойно: мнѣ хотѣлось пить.

Доказавъ безошибочность френологической географіи, Моро-Кристофъ переходитъ къ физиогномикѣ.

Инспектируя тюрьмы департамента Варь, Моро-Кристофъ встрѣтилъ заключеннаго изъ породы человѣка-волка. Это былъ господинъ очень худощавый, съ маленькими, свѣтлыми, стекловидными глазами, съ выдающейся впереди челюстью, вооруженный длинными клыками, съ страшными тѣлодвиженіями, хватавшій пищу какимъ-то особеннымъ образомъ, какъ-то не по человѣчески. Онъ былъ обвиненъ въ убійствѣ въ лѣсу ребенка. Рядомъ съ этимъ господпомъ сидѣлъ другой заключенный, не менѣе страннаго вида. У этого былъ толстый, длинный носъ, лобъ и подбородокъ убѣгающіе назадъ, кроткіе глаза и длинные волосы, падавшіе прядями по сторонамъ лица въ родѣ ушей курчавой собаки. Онъ былъ обвиненъ въ сообщничествѣ съ человѣками-волками. Когда Моро-Кристофъ, удивленный его кроткимъ видомъ, спросилъ, какъ это онъ могъ рѣшиться на такія дурныя дѣла?—то заключенный отвѣтилъ: «что дѣлать, онъ заставлялъ меня всегда слѣдовать за собой, какъ собаку.» Въ той же тюрьмѣ заключался еще третій, съ видомъ левретки или газели. Доказавъ такимъ образомъ, что есть люди-волки, люди-собаки и люди-газели, Моро-Кристофъ указываетъ примѣръ человѣка-льва. То былъ тоже убійца, человѣкъ страшной силы, подвергавшійся прппадкамъ необычайной свирѣпости, и въ этомъ видѣ несправедливый всѣхъ. Въ остальное время онъ былъ кротокъ и въ глазахъ его выражалась тихая меланхолія. И изъ всѣхъ окружающихъ, только докторъ могъ укрощать этого льва. Онъ подходилъ въ нему, погружалъ въ его черные, густые волосы руку, устремляя пристальный взглядъ, и человѣкъ-левъ, утихая по немпогу, наконецъ успокоивался совершенно. Но иногда онъ говорилъ доктору: «не кладите руку ко мнѣ на голову: можетъ случиться несчастье, совершенно отъ меня не зависящее.» Этотъ могучій человѣкъ не хотѣлъ быть жертвой палача и уморилъ себя голодомъ:—тридцать восемь дней онъ не ѣлъ ничего.

Но полнѣйшее торжество физиогномики обнаружилось въ слѣдующемъ случаѣ: въ январѣ 1829 года, въ Монморанси, были убиты мужъ съ женой, содержатели харчевни. Убійцами были двое бѣглыхъ каторжныхъ, вся жизнь которыхъ представляла непрерывный

рядъ преступленій. (Это подраженіе живописному языку Моро-Кристофа, которому ни френологія, ни хпромантія, ни фвізіогноміка не помогли отдѣлаться отъ стариннаго дѣтскаго взгляда на сущность человѣческихъ поступковъ). Одинъ изъ убійць назывался Дома-Дюпепъ, отставной военный, человѣкъ грамотный, но до того ужасной наружности, что одна изъ дѣвъ Парижа, которой онъ предложилъ, отказалась отъ него единственно потому, что его видъ заставлялъ ее дрожать. — Если Моро-Кристофъ не прикрасилъ, то человѣкъ этотъ былъ дѣйствительно некрасивый. — Другой, Робертъ Сен-Клеръ, имѣлъ слабую наружность и, не смотря на свою кажущуюся хилость, обладалъ необычайной силой и такой страшной жестокостью, что сдѣлался ужасомъ даже ваторжныхъ.

Совершивъ убійство, товарищи раздѣлили добычу, растались и исчезли. Черезъ нѣсколько времени, Дома-Дюпена поймали въ Италиі, привезли во Францію и казнили. Сенъ-Клеръ же исчезъ безъ слѣдовъ. Носились слухи, что онъ ушелъ въ Турцію, поступилъ тамъ въ военную службу, оказалъ чудеса храбрости и былъ убитъ въ одномъ сраженіи.

Гдѣ же тутъ торжество фвізіогноміки, думаетъ читатель: одинъ злодѣй казненъ, другой убитъ — драма, значить, кончилась. Въ такой же обманъ былъ введенъ, по своему простодушію и я, тѣмъ болѣе, что послѣ приведеннаго мною выше разказа у Моро-Кристофа поставлена черточка и затѣмъ начинается таковой разказъ: «Въ 1830 году, въ прекрасный осенній день многочисленное общество путешественниковъ сидѣло вокругъ стола въ гостиницѣ Hôtel de l'Europe, въ Валансѣ.» Ужь какъ я радовался, думая, что вотъ уличу Моро-Кристофа въ бездоказательности; очевидно, что онъ отъ старости сбился съ толку и позабылъ, что говорилъ ранѣе. Но увы! Моро-Кристофъ жестоко наказалъ меня за самонадѣянность и, показавъ, чего можно ожидать отъ моралиста, когда онъ, кромѣ огромной эрудиціи, обладаетъ еще литературнымъ талантомъ Вальтера-Скота. — Вотъ что случилось въ 1830 году, въ прекрасный осенній вечеръ, въ Hotel de l'Europe. Разговоръ склонился на френологію и фвізіогноміку, которыя были тогда въ модѣ, и одинъ «черный господинъ» — оказавшійся потомъ докторомъ — доказывалъ, что главныя событія, имѣющія вліяніе на нашу жизнь, оставляютъ на лицѣ человѣка глубокіе слѣды, и что, согласуя черты лица съ френологическими признаками, можно опредѣлить не только на-

ловности человѣка, но дурные поступки, въ которые человѣкъ былъ вовлеченъ. Докторъ прибавилъ, что въ подобныхъ случаяхъ онъ никогда не ошибался. Понятно, что общество потребовало отъ него доказательствъ, и онъ удовлетворилъ всѣхъ, рассказавъ каждому его хорошія или дурныя похожденія. Всѣ были удовлетворены, за исключеніемъ одного. Этимъ невѣрующимъ оказался одинъ блѣдный господинъ, сидѣвшій безмолвно на концѣ стола, и до тѣхъ поръ не обращавшій на себя ничего вниманія.—Если все, что говорите вы, замѣтилъ доктору блѣдный господинъ, и, разумѣется, мрачнымъ голосомъ, — совершенная правда, то слѣдовало бы сжечь того колдуна, который бы открылъ правосудію подобный секретъ, потому что это значило бы похищать тайны природы, а природа слишкомъ добрая мать, чтобы обличать своихъ дѣтей. (Если всѣ эти разсужденія не сочинены самимъ Моро-Кристофомъ, то нельзя сказать, чтобы блѣдный господинъ разсуждалъ умно). Ваша система, продолжалъ онъ, чистая ложь, и если она иногда открываетъ правду, то не болѣе какъ случайно. Вы это знаете сами очень хорошо.—«Дѣйствительно вы правы, возразилъ черный господинъ, устремивъ на противника пристальный взглядъ, потому что, чѣмъ болѣе я смотрю на васъ, тѣмъ болѣе, мнѣ кажется, я читаю на вашемъ лицѣ убѣдительные признаки преступленія, которые находятъ на немъ мое фальшивое знаніе. Если моя наука говоритъ правду, то конечно не въ настоящемъ случаѣ она открываетъ истину случайно — вы, должны быть, просто или убійца, или воръ.» Оскорбленный незнакомецъ вскочилъ, схватилъ стулъ и собирался уже исколотить доктора, какъ вошелъ внезапно жандармъ и объявилъ, что въ домѣ сдѣлана кража серебра и что онъ имѣетъ приказаніе обыскать всѣхъ присутствующихъ. Взгляды всѣхъ устремились невольно на блѣднаго незнакомца; обыскъ начался съ него и украденное серебро было дѣйствительно найдено въ его чемоданѣ. Блѣдный господинъ оказался Робертомъ Сень-Клеромъ и его, какъ водится, казнили. Весь вопросъ теперь только въ томъ, не составляетъ ли исторія чернаго господина плода счастливой изобрѣтательности Моро-Кристофа? Если же авторомъ ея не Моро-Кристофъ, то какойнибудь подобный ему фразеръ, которыхъ во Франціи легіонъ. Для людей, сочиняющихъ цѣлыя историческіе мемуары, конечно ничего не значить сочинить хорошенькій, эффектный разсказецъ о черномъ и блѣдномъ госпо-

динѣ, тѣмъ болѣе, что имѣется главнѣйшее въ виду дѣйствовать на воображеніе легковѣрныхъ читателей.

Приведа еще нѣсколько доказательствъ, Моро-Кристофъ кончаетъ Ласнеромъ. Это господинъ весьма типическій, но только непопятно, въ подтвержденіе какой мысли привелъ его авторъ «міра мащенниковъ»: Ласнеръ годится только для того, чтобы именованно опровергнуть всю теорію Моро-Кристофа, построенную, какъ наше сказочная избушка, на куриныхъ ножкахъ.

Ласнеръ происходилъ отъ самостоятельныхъ родителей, получалъ хорошее воспитаніе, имѣлъ разнообразныя таланты, между прочимъ писалъ стихи и сочинялъ пѣсни, и въ тоже время тверилъ дѣла довольно исключительныя для человѣка его положенія и воспитанія. Ласнеръ говоритъ: «если я встрѣчаю на своей дорогѣ столбъ — я его срубаю и ѣду дальше; если я встрѣчаю на своемъ пути дерево — я его срубаю и ѣду дальше; если я встрѣчаю человѣка, точно также я его срубаю и ѣду дальше.» — «Въ политикѣ, какъ и въ игрѣ, продолжалъ онъ, можно быть только или обманутымъ, или плутомъ. Политика — страсть: для удовлетворенія своей страсти люди играютъ своей головой. Моя страсть — золото. Я прихожу въ ужасъ, когда мой кошелекъ пустъ. Средства должны быть въ гармоніи съ цѣлью. Я убиваю человѣка такъ же, какъ выпиваю стаканъ вина» Адвокатъ защищавшій его, и должно быть, еще незнавшій тогда моральной теоріи Моро-Кристофа, говорилъ довольно основательно: «сердце этого человѣка т. е. въ Моро-Кристофа, а Ласнера, — мраморъ. Душа его окаменѣла. На малѣйшей тѣни раскаянія, никакого слѣда укора совѣсти! Равнодушный какъ матерія, онъ не знаетъ ни боязни, ни надежды, и убиваетъ безъ всякаго смущенія. Эта холодная нечувствительность при видѣ своей жертвы, это спокойствіе передъ судомъ, не имѣющее ничего аффектированнаго, эта постоянная улыбка, эта свобода мысли, позволяющая ему сочинять стихи и пѣсни наканунѣ приговора, это упорство въ атеизмъ и хладнокровіе передъ эшафотомъ, — все это поражаетъ меня и заставляетъ меня думать, что человѣкъ этотъ, выдающій себя за мудреца, не болѣе, какъ *moniale*, большой, помѣшанный... Аббатъ присутствовавшій при казни Ласнера, говоритъ, «что онъ умеръ какъ жилъ, безъ страха и угрызенія совѣсти, а безъ предсмертнаго покаянья». — Френологи, раскинувъ на черепѣ Ласнера френологическую сѣть, нашли у него особенно раз-

витыми шишку разрушенія и тщеславія, шишка воровства была гораздо меньше, а религіозности не было совсѣмъ.

Какой же выводъ дѣлаетъ изъ всего этого Моро-Кристофъ? Въ сущности никакого. Между тѣмъ онъ подобралъ именно такого рода факты, на основаніи которыхъ можно придти къ выводамъ совсѣмъ противоположнымъ, и боясь, чтобы его не обвинили въ мысляхъ, обыкновенно ненаграждаемыхъ почетнымъ легиономъ, Моро-Кристофъ спѣшитъ оговориться и прибавляетъ: предполагая мат матически доказаннымъ моральное значеніе разныхъ физическихъ признаковъ, представляемыхъ анатомической организаціей человѣка и въ особенности устройствомъ мозга, слѣдуетъ ли заключить, что человѣкъ есть слѣпое орудіе, пассивное проявленіе своей роковой судьбы, избѣгнуть которой онъ не имѣетъ никакой возможности? Слѣдуетъ ли думать, что онъ, какъ необходимое слѣдствіе причинъ, кроющихся въ самой его организаціи, долженъ совершить неизбежно путь, предназначенный ему заранѣе, и совратить съ котораго его уже ничто не можетъ?

Вопросъ этотъ, отвѣчаетъ самъ себѣ Моро-Кристофъ, чрезвычайно великой важности, тѣмъ болѣе, что онъ соединяется съ другими, не менѣе важными—вопросами теологическими, о первоначальномъ паденіи человѣка, сдѣлавшемъ его «рабомъ грѣха».

Съ какою цѣлью мѣшаетъ Моро-Кристофъ теологическіе вопросы съ фізіологическими,—сказать трудно; но очевидно, что этимъ путемъ невозможно придти къ разрѣшенію ни тѣхъ, ни другихъ. Можетъ быть, какъ моралистъ, Моро-Кристофъ поступаетъ и послѣдательно; но въ такомъ случаѣ ему совсѣмъ не слѣдъ забираться въ область фізіологій.

Но Моро-Кристофъ думаетъ иначе; онъ даже увѣряетъ, что въ просъ о свободной волѣ можетъ быть разрѣшенъ только подобнымъ соглашеніемъ противоположностей. Онъ думаетъ и еще болѣе—будто бы онъ проникъ въ самую глубину этого вопроса, взятаго съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія, и предлагаетъ читателю прочесть свое будущее сочиненіе по этому предмету, которое должно явиться подъ заглавіемъ: «Органологія страстей.» Здѣсь, какъ увѣряетъ, не краснѣя, Моро Кристофъ, читатель пайдетъ разрѣшеніе этой важной проблемы. Конечно, не будучи пророкомъ, можно предсказать, что никто не найдетъ въ этомъ сочиненіи никакого разрѣшенія.

Въ «мірѣ же мошенниковъ» Моро-Кристофъ ограничивается увѣ-

реніемъ—не представляя впрочемъ никакихъ другихъ доказательствъ кромѣ тѣхъ, которыя какъ разъ противорѣчатъ его выводу,—что вдвойнѣ ошибаются люди, злоупотребляющіе принципомъ причинности и увѣряющіе, что человѣкъ не имѣетъ ровно никакой власти надъ направленіемъ своихъ дѣйствій, потому будто бы, что они составляютъ неизбежное слѣдствіе или наслѣдственность грѣха или условій организаціи. Вѣдь существуетъ же гимнастика для мускуловъ, дѣлающая слабого сильнымъ; отчего же не быть гимнастикѣ умственной и моральной, которая бы измѣнила свойства мозга? Развѣ мы не видали часто, что темпераментъ естественный, съ которымъ родится человѣкъ, измѣняется въ темпераментъ искусственный или пріобрѣтенный, образующійся долгимъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, которымъ подвергается человѣкъ?

Все это кажется Моро-Кристофу весьма убѣдительнымъ, доказательнымъ и возможнымъ; но бѣднякъ и не замѣчаетъ, что онъ ставитъ самъ себѣ западню. Гимнастика дѣйствительно укрѣпляетъ мускулы, и слабого человѣка можетъ укрѣпить; но она все-таки не дѣлаетъ чудесъ, и не только не создаетъ человѣку руки или головы, если ихъ у него нѣтъ, но даже и мускулы укрѣпляетъ только до извѣстнаго предѣла. Умственная же и моральная гимнастика еще хитрѣе; прежде всего потому, что нѣтъ для нея гимнастическихъ профессоровъ. Съ кѣмъ же заниматься этой гимнастикой и кто будетъ создавать людямъ новые, очень нравственные и умные мозги? Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, оно знаетъ очень хорошо, что слѣдуетъ дѣлать людей умнымъ и идобродѣтельными—и исчезаетъ грѣхъ и преступленіе. Но знаніе это не привело до сихъ поръ ни къ чему; такъ что, не оскорбляя авторскаго самолюбія Моро-Кристофа, можно объявить ему торжественно, что онъ вовсе не авторъ предполагаемаго имъ средства, а только повторяетъ бесплодно въ миллионный разъ старую поговорку. Вся эта болтовня, въ которой упражняется Моро-Кристофъ, давно уже надѣла практическимъ людямъ, потому что декламации и назиданія не превратили еще ни одного злодѣя въ олицетворенную добродѣтель, какъ это думалъ достигнуть Моро-Кристофъ своей моральной гимнастикой. Не теорія и слова, а практика создаетъ людей съ ихъ добродѣтелями и пороками, и самъ Моро-Кристофъ признаетъ это, разсуждая объ искусственномъ темпераментѣ, образующемся долгимъ вліяніемъ виѣшнихъ обстоятельствъ.

Онъ же самъ утверждаетъ, что между мошенниками, какъ и между честными людьми, вообще не существуетъ рѣзко выдающихся личностей, такъ что между тѣми и другими бросаются въ глаза только посредственности. Отчего же однѣ посредственности хороши, а другія худы? И у самого же автора моральной гимнастики есть и отвѣтъ на этотъ вопросъ:—потому что на разныхъ людей дѣйствуютъ разныя внѣшнія обстоятельства. Къ чему же тутъ особая моральная гимнастика? Очевидно, что нужно создать иныя обстоятельства—и сами люди станутъ другими. Въ этомъ смыслѣ моральная гимнастика понятна и возможна: при иныхъ обстоятельствахъ тѣ же самыя способности получаютъ другое направленіе и приведутъ къ другимъ результатамъ. Теперь люди стали лучше, чѣмъ они были прежде; но со временемъ они будутъ лучше, чѣмъ теперь, такъ что тотъ же самый Сепъ-Клеръ, Дома-Дюпенъ и даже Ласнеръ должны будутъ обратить свои способности на дѣятельность иного характера. Конечно, къ такимъ результатамъ приведетъ не азбучная мораль Моро-Кристофа и не сочиненія въ родѣ его «Le monde des Coquins; точно такъ же, какъ перемѣны эти случатся не сегодня, не завтра и не послѣ завтра. Время, т. е. сотни лѣтъ создадутъ эту перемѣну, какъ они создали то многое хорошее, чѣмъ пользуемся мы и что не подозрѣвали наши почтенные пращуръ. Переводя слово «время» на понятіе болѣе ясное, слѣдуетъ сказать, что всѣ перемѣны, о которыхъ мечтаютъ нынче люди, создаются знаніями и умственнымъ развитіемъ, т. е. перевѣсомъ знанія надъ царствующимъ нынче повсюду невѣжествомъ, и ума надъ глупостью. Но для этого нужно ждать еще долго-долго, пережить человечеству то неопредѣленное число лѣтъ и пройти путь того постепеннаго практическаго воспитанія и развитія, которое совмѣщаютъ обыкновенно въ одномъ словѣ «время». Есть для этого будущаго много работниковъ нынче, какъ въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ были передовые люди, работавшіе для насъ. Всего этого Моро-Кристофъ, какъ видно, не признаетъ и не хочетъ имѣть дѣла не только съ передовыми людьми нашего времени, но даже и послѣднихъ столѣтій, и въ этомъ, конечно онъ правъ. Правъ не потому, чтобы его мысли были лучше, а потому, что онъ уже не въ такихъ лѣтахъ, когда еще возможна прогрессивность. Какъ френологъ, Моро-Кристофъ знаетъ конечно хорошо, что только до извѣстнаго возраста мозгъ способенъ для прогрессивной работы. И возрастъ этотъ не только въ человѣкѣ, но и въ живот-

ныхъ имѣть свою собственную норму или предѣлъ для каждаго недѣлимаго. Моро-Кристофъ уже дошелъ до этого предѣла, и проживи онъ хотя Мафусаиловы гды, онъ не внесетъ ни одной крупницы новой мысли въ мiръ знанiя; слѣдовательно, съ того момента, какъ онъ остановился въ своемъ развитiи, онъ сталъ совершенно не нуженъ для прогресса или, перефразируя извѣстное изрѣчiе Мальтуса—онъ сталъ лишнимъ на землѣ, и нѣтъ ему мѣста на общественной трапезѣ мысли. Какъ ни проста эта мысль, но ни Моро-Кристофъ, ни подобныя ему люди не понимаютъ ея. Они пишутъ безконечно, пишутъ и посярамливаются, и все-таки пишутъ до послѣдняго издыханiя. Только одна смерть избавляетъ типографiю отъ труда набирать и печатать ихъ печальныя произведенiя, и только вымиранiемъ подобныхъ мыслителей совершается прогрессъ. Ихъ мѣста займутъ другiе люди, съ другими мыслями и знанiями.

III

Моро-Кристофъ особенно неукротимъ, когда дѣло касается «падшихъ женщинъ». Онъ ставитъ ихъ не только въ одинъ рядъ съ ворами и убийцами, но даже обнаруживаетъ замѣчательную лютость въ выраженiяхъ, заставляющую предполагать, что или подобныя женщины когда нибудь очень подсолили автору «мира мошенниковъ», или что они, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ опаснѣе убийць. И за что такой гнѣвъ? За что, напримѣръ, по поводу Фантины Моро-Кристофъ истратилъ такую кучу восклицательныхъ знаковъ? Молоденькая, красивая женщина, можетъ быть нѣсколько легкомысленная, она полюбила красиваго молодого челоуѣка, полюбила искренно. Если вина ея въ томъ, что она легкомысленна, то это преступленiе еще не такъ велико, потому что на свѣтѣ не существуетъ лавовъ, гдѣ бы можно было покупать глубокомыслие, а рецепты мудрости Моро-Кристофа совсѣмъ не такого свойства, чтобы они могли принести пользу хотя одной живой душѣ. Конечно, образцы нравственности, плѣняющiе старческое сердце Моро-Кристофа, не поступаютъ такъ, какъ поступила Фантина; но будто бы причиной этого ихъ особенное глубокомыслие? Моро-Кристофъ не разрѣшаетъ этого вопроса; онъ только сердатся, бранится, принимаетъ видъ глубо-

ко-оскорбленнаго добродѣтельнаго человѣка и затѣмъ предлагаетъ свою моральную гимнастику. Средство, повидимому, хорошее, но очень старое. Другое неудобство леченія Моро-Кристофа заключается въ его старческой бранчивости, наводящей нескончаемую тоску и отвѣвающей всякую охоту слушать даже и дѣльныя мысли, высказываемыя иногда авторомъ. Вообще Моро-Кристофъ и люди его убѣжденій похожи на ворчливыхъ старухъ, которымъ все, что дѣлаетъ молодежь, кажется глупымъ и легкомысленнымъ. Доводы старухъ не убѣждаютъ никого, потому что въ нихъ нѣтъ ни логики, ни знанія; молодежь идетъ себѣ впередъ и впередъ, а старухи стоятъ на одномъ мѣстѣ, смотря въ слѣдъ удаляющимся и только ворчатъ и бранятся, потому что идти за молодежью у нихъ нѣтъ силъ, а молодые стоятъ на одномъ мѣстѣ тоже не могутъ. И эта борьба старыхъ и новыхъ поколѣній повторяется каждый день и каждый часъ, съ тѣхъ поръ, какъ явились старики и молодые, и побѣда остается всегда на сторонѣ молодыхъ. Стоитъ ли бороться, когда побѣда невозможна? Кажется бы и такъ; но у старухъ есть двѣ весьма основательныя причины, почему онѣ никогда не перестаютъ ворчать: во-первыхъ, онѣ только себя считаютъ правыми и умными, руководствуясь въ этомъ случаѣ тѣмъ соображеніемъ, что только старый дубъ приноситъ зрѣлыя жолуди; а во-вторыхъ, онѣ постоянно убѣждены, что молодежь пойметъ наконецъ свое легкомысліе и неосновательность и обратится на путь истинны. Какой же поводъ въ виду надежды на побѣду отказываться отъ борьбы?

Совершенно такую же ошибку дѣлаютъ и молодые. Имъ все кажется, что они убѣдятъ наконецъ стариковъ, и потому они только напрасно расходуются на краснорѣчіе и тратятъ свой пылъ въ безплодной борьбѣ съ вѣтреными мельницами. Люди, совершенно убѣжденные въ томъ, что тысячелѣтнюю египетскую мумію нельзя сдѣлать живымъ франгузомъ, надрываются, чтобы переубѣдить Моро-Кристофовъ; какъ-будто это не одно и тоже! Можетъ быть, старые люди были бы и податливѣе, если бы были убѣждены, что ихъ никто не потревожитъ доживать свой вѣкъ по старому, въ родѣ того, какъ доживаютъ сверхштатные чиновники, оставленные на жалованьи. Но именно этого-то убѣжденія въ нихъ и нѣтъ. Они боятся живости и энергіи новыхъ людей; за юношескимъ пыломъ молодежи имъ мерещатся громъ и молнія, всеобщій пожаръ и всякіе ужасы.

Ошибка тѣмъ болѣе непростительная, что ее нельзя согласить съ теоріей о зрѣлыхъ жолудяхъ, производимыхъ только старыми дубами.

А между тѣмъ, и въ безусловномъ смыслѣ, и относительно, въ новыхъ знаніяхъ и теоріяхъ гораздо больше выгоды и для стариковъ, и для молодежи, т. е. для всѣхъ, чѣмъ въ знаніяхъ прежнихъ времянь, выгодныхъ только для нѣкоторыхъ. И конечно, если бы старики были убѣждены, что они останутся на жалованьи до смерти, то увротили бы свою брыкливость. Но можно ли вложить въ нихъ это убѣжденіе?—Нельзя, читатель, рѣшительно нельзя. И остается только одно средство — пусть пашутъ и старые, и новые люди: старые будутъ слушать старые, новыхъ — новые, и каждый выберетъ себѣ то, что ему по вкусу и по способностямъ. Этой теоріи держался и я въ настоящей моей статьѣ.

т. з.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Разсужденія и изслѣдованія политическія, философскія и историческія Дж. Стюарта Милля. Въ трехъ частяхъ. Часть II. Статьи политическія и политико-экономическія. Выпускъ 1-й, Изданіе В. Ковалевскаго. Спб. 1865.—Гарнье-Паже. Исторія революціи 1848 г. Франція. 1-й томъ: февральская революція. Спб. 1862. 2-й томъ: 24 февраля. Спб. 1864. Изданіе Бакста.—Сынъ, рассказъ изъ времени XVII вѣка Н. Костомарова. Изданіе Ахматовой. Спб. 1865.—Рассказы и Очерки Н. П. Грекова. М. 1865.

Въ октябрьской книжкѣ прошлаго года я представилъ замѣчанія на историческую часть «Разсужденій и изслѣдованій» Милля. Въ то время я сказалъ, что статьи, заключающіяся въ этой части, не заслуживаютъ названія изслѣдованій и, какъ журнальныя рецензіи, не имѣютъ для насъ особеннаго интереса. Этотъ отзывъ, вполне справедливый, по моему мнѣнію, для первой части книги Милля, никакъ не можетъ быть распространенъ на тѣ статьи ея, которыя входятъ въ составъ вышедшаго теперь выпуска, заключающаго въ себѣ политическія и экономическія статьи. Четыре изъ нихъ, а именно: «Цивилизація», Арманъ Каррель», «Право труда» и «Французская, революція 1848 г.» вполне соответствуютъ заглавію книги и представляютъ значительный интересъ, совершенно независимый отъ сочиненій, которыми онѣ были вызваны и которыя никогда не имѣли серьезнаго значенія. Пятая статья этого выпуска — «Нѣсколько

замѣчаній о французской революціи (1789 г.)» — могла бы тоже имѣть живой интересъ, если бы не была такъ кратка.

Вопросъ, возбуждаемый Миллемъ въ статьѣ «Цивилизація,» самъ по себѣ очень важенъ. Это тотъ старый вопросъ, который дижонская академія предлагала Руссо: составляетъ ли цивилизація благо или зло? Извѣстно, какъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ авторъ «Соціального договора» и какъ далеко расходится общепринятое мнѣніе съ его отвѣтомъ. Милль, признавая цивилизацію источникомъ множества благъ, полагаетъ однако, что она въ то же время не только не производитъ многія изъ нихъ, но даже нѣкоторыя уничтожаетъ.

Собственно говоря, весьма странно задавать себѣ подобные вопросы; еще страннѣе то обстоятельство, что гениальные люди съ успѣхомъ защищали мнѣніе о вредѣ цивилизаціи, и что въ наше время такой ученый, какъ Милль, полагаетъ возможнымъ до извѣстной степени оправдать такое мнѣніе. Но если мы вспоминаемъ, какъ различно можетъ быть понимаема сущность цивилизаціи и какъ разнообразны критеріумы, по которымъ рѣшался этотъ вопросъ, то фактъ этотъ не покажется столь страннымъ.

Мнѣніе, что цивилизація есть абсолютное благо для людей — мнѣніе большинства, основанное на однихъ внѣшнихъ признакахъ, по которымъ составляется понятіе о прогрессѣ человѣческихъ обществъ. Поэтому неудивительно, что мнѣніе это и защита его лишены всякаго внутренняго смысла. Милль говоритъ, что подъ словомъ этимъ подразумѣваются два различныхъ понятія. Въ одномъ случаѣ, цивилизованною называется страна, если она сравнительно «высоко развита, болѣе богата хорошами личностями, далѣе подвинулась на пути прогресса, болѣе счастлива, болѣе благородна, болѣе умна.» — Въ другомъ смыслѣ, продолжаетъ Милль, словомъ: цивилизація обозначаются только тѣ улучшения, которыя отличаютъ богатую и могущественную націю отъ дикарей и варваровъ.» Полагаю, что этими словами Милль не даетъ удовлетворительнаго понятія о томъ, что понимается различными людьми подъ словомъ: цивилизація. Первое понятіе есть просто наборъ словъ, который можно толковать, какъ угодно; тутъ говорится не о сущности дѣла, а о сравнительномъ его значеніи. Но всякій понимаетъ, что страна можетъ быть сравнительно богата, развита, счастлива, благородна и пр., не будучи вовсе цивилизована. Россія при Петрѣ I обладала всѣми этими качествами *сравнительно* съ Хивой и Кабуломъ, однако никто не

скажетъ, что она была страной цивилизованною; Мадагаскаръ и теперь можетъ считаться обладателемъ этихъ благъ по сравненію съ областями дагомейскаго короля, оставаясь тѣмъ не менѣе страной совершенно дикою. Что же касается до второго понятія о цивилизаціи, то я не понимаю, какъ можно противопоставить его первому: это то же самое, но выраженное въ болѣе краткой и удобной формѣ. Но всѣ толковавшіе и спорившіе о цивилизаціи не принимали слово это въ такомъ смыслѣ: цивилизація для всѣхъ есть нѣчто опредѣленное, положительное, а не сравнительное. Можно говорить, что одна страна болѣе цивилизована, чѣмъ другая, но предполагая, что во всякомъ случаѣ обѣ онѣ вышли изъ варварства и находятся въ положеніи противоположномъ варварству. Конечно, нельзя провести рѣзкой границы, гдѣ начинается цивилизація и кончается варварство; нельзя сказать, что такая-то страна такого-то числа сдѣлалась цивилизованною, будучи наканунѣ варварскою; переходъ отъ варварства къ цивилизаціи совершается слишкомъ медленно и постепенно, чтобы можно было опредѣлить такую границу. Но тѣмъ не менѣе, говоря, что данная страна цивилизована, мы понимаемъ это въ положительномъ смыслѣ, подразумѣвая подъ этимъ, что она уже вышла изъ варварства, а вовсе не то, что она цивилизованнѣе, т. е. образованнѣе, умнѣе и благороднѣе другой страны.

Воззрѣніе большинства на сущность цивилизаціи лучше всего выражено джонской академіей въ ея вопросѣ, на который взялся отвѣчать Руссо: «способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ улучшенію нравственности?» Такимъ образомъ, подъ цивилизаціей большинство понимаетъ присутствіе или отсутствіе въ странѣ наукъ и искусствъ, выработанныхъ самимъ обществомъ. Поэтому никто не будетъ говорить о цивилизаціи страны, гдѣ нѣтъ ни науки, ни искусства, кромѣ привозныхъ для потѣхи двухъ-трехъ человѣкъ; никто не станетъ разсуждать о цивилизаціи Мадагаскара, хотя бы варварство этой страны было несравненно грубѣе варварства, представляемаго дагомейскими владѣніями.

Понимая цивилизацію такимъ образомъ, большинство разсуждаетъ, что такъ какъ сущность ея, т. е. наука и искусство возвышаютъ умъ и душу, смягчаютъ нравы, образуютъ разсудокъ, совершенствуютъ чувство и т. д., то слѣдовательно цивилизація есть благо. Но здѣсь все невѣрно, отъ понятія цивилизаціи, до критеріума; поэтому не только Руссо, а еще богъ знаетъ сколько лѣтъ до Руссо,

Тацитъ прославляя варварство и унижалъ передъ нимъ цивилизацію. Дѣло въ томъ, что большинство видитъ только себя и свои интересы, когда рассуждаетъ такимъ образомъ. Но на самомъ дѣлѣ это большинство есть незаконно-малое меньшинство, на каждаго размышляющаго такимъ образомъ о благахъ цивилизаціи приходится по тысячѣ людей, вовсе неразумяющихъ, а трудомъ своимъ дающихъ ему возможность смягчать свои нравы, развивать свой умъ, совершенствовать чувство, словомъ, пользоваться наукой и искусствомъ, составляющими, по его мнѣнію, сущность цивилизаціи, и восхищаться ея благодѣяніями. Отъ этого умные люди всегда могли побѣдоносно опровергать мнѣіе большинства о благахъ цивилизаціи и приводить его своими доводами въ конфузъ. Дѣло наконецъ дошло до того, что многіе, понимающіе цивилизацію въ этомъ смыслѣ, принялись съ жаромъ декламировать противъ нея и трагически проклинать ее за науперизмъ и другія современныя бѣдствія. Но все это не болѣе, какъ забавное недоразумѣніе, происходящее отъ ложнаго пониманія дѣйствительнаго смысла словъ. Тѣ, кто рассуждаетъ подобнымъ образомъ, принимаютъ за сущность явленія то, что составляетъ лишь одинъ изъ признаковъ его, и притомъ признакъ весьма обманчивый. Кроме того, они руководствуются совершенно ложнымъ критеріумомъ.

Цивилизація существуетъ или не существуетъ для цѣлой страны; слѣдовательно, на вопросъ: благо она или зло, можно отвѣчать такъ или иначе, смотря потому, какіе результаты получаются отъ нея въ общей суммѣ, для всего народонаселенія, а не для нѣкоторой только части его. Науки и искусства въ этомъ отношеніи вовсе не составляютъ сущности цивилизаціи. Онѣ могутъ быть, подобно другимъ относительнымъ благодѣяніямъ, привилегіей одного сословія и орудіемъ эксплуатаціи большинства. Если въ странѣ процвѣтаютъ искусства, если въ ней много первоклассныхъ живописцевъ, архитекторовъ, музыкантовъ, лириковъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что вся страна благоденствуетъ. Изъ этого слѣдуетъ только то, что есть кучки сытыхъ людей, которымъ пріятно возвысить свою душу художественными произведеніями въ то время, когда большинство народонаселенія отдаетъ все свое время и все свой трудъ суровой и мозольной дѣятельности текущаго дня. И такъ, вопросъ рѣшается прямо: цивилизація только тогда составляетъ благо страны, когда плодами ея пользуется вся масса населенія.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ своемъ значеніи, цивилизація

есть известная степень матеріальнаго благосостоянія страны, т. е. возможно-большаго числа ея обитателей. Понятно, что послѣ таковаго опредѣленія нельзя уже задавать вопросъ: полезна ли цивилизація? Это все равно, что спрашивать: полезно ли благо? Съ матеріальнымъ благосостояніемъ тѣсно и непосредственно связаны всякія другія блага: и смягченіе нравовъ, и возвышеніе чувствъ, и развитіе ума, и т. д.

Не трудно показать, что сущность цивилизаціи заключается именно въ этомъ, а не въ процвѣтаніи наукъ и искусствъ. Времена варварства даютъ намъ множество примѣровъ процвѣтанія этихъ внѣшнихъ признаковъ цивилизаціи, не представляя ни одного случая, гдѣ бы можно было сказать, что варварскій народъ пользуется матеріальнымъ благосостояніемъ. Феодальная эпоха оставила послѣ себя произведенія искусствъ, особенно зодчества, которыми удивляются доселѣ, и имѣла множество знаменитыхъ ученыхъ и писателей. Достаточно вспомнить Абеларра, Данта, Петрарку, Р. Божона, Шикъ де-Мирандолу, Сильвестра II, Аверроэса, Маймонида, Альберта Великаго и множество другихъ. Однако во всякомъ учебникѣ эпоха эта называется варварскою. Наоборотъ, если Греція Перикла заслуживаетъ названіе цивилизованной страны, если до сихъ поръ мы говоримъ о *греческой цивилизаціи*, то не изъ уваженія къ учености Аристотеля и Платона или произведенія греческихъ художниковъ, а въ уваженіе того развитія матеріальнаго благосостоянія, котораго она достигла. Поэтому, процвѣтаніе искусствъ есть ложный признакъ цивилизаціи, и скорѣе можетъ быть отрицательнымъ, а не положительнымъ ея достоинствомъ. А изъ наукъ только тѣ должны считаться критериумомъ цивилизованной націи, которыя способствуютъ увеличенію матеріальнаго благосостоянія страны.

Слѣдовательно, если въ странѣ очень много людей такъ называемаго классическаго образованія, много риторовъ, поэтовъ, ориенталистовъ, эллинистовъ, латинистовъ, нумизматовъ, геральдиковъ, тактиковъ и проч., если въ ней много пѣвцовъ, актеровъ, музыкантовъ, акробатовъ, живописцевъ и т. п., то это доказываетъ, что положеніе большинства крайне незавидно, потому что всѣ эти паразиты имѣютъ возможность существовать на счетъ дѣятельнаго и полезнаго населенія. И чѣмъ больше этого люда, тѣмъ хуже, потому что тѣмъ большій гнетъ долженъ тяготѣть надъ большинствомъ и тѣмъ хуже его матеріальное положеніе. Неудивительно, стало быть, что когда сущность цивилизаціи полагается въ развитіи ис-

кусствъ и наукъ, неприносящихъ обществу пользы, то умные люди говорятъ, что цивилизація — зло. Они были правы, но доводы ихъ поражали лишь то, что ложно называлось цивилизаціей, а не сущность ея.

Въ наше время и въ виду тѣхъ явленій, которыя совершаются на нашихъ глазахъ, относительно истиннаго значенія цивилизаціи могутъ ошибаться только самые ограниченные люди. Всѣ европейскія общества явно стремятся къ тому, чтобы какъ можно болѣе увеличить число людей въ странѣ, пользующихся матеріальнымъ благосостояніемъ. Стремленіе это, причины и корни котораго кроются очень глубоко, имѣетъ сознательный и опредѣленный характеръ лишь у немногихъ сравнительно передовыхъ людей; но событія съ каждымъ годомъ влекутъ общества къ этой отдаленной цѣли, и почти всякое десятилѣтіе увеличиваетъ число людей, приглашенныхъ къ пользованію плодами цивилизаціи. Такой ходъ дѣлъ подготовленъ всѣми предыдущими вѣками европейской исторіи, и задержать его нѣтъ возможности. Въ немъ-то и состоитъ прогрессивное движеніе европейскаго общества на пути цивилизаціи. Какъ не много еще остается сдѣлать впереди для того, чтобы достигнуть полнаго результата, т. е. участія въ пользованіи матеріальными благами всей массы народа, но, оглянувшись назадъ, нельзя не замѣтить, что въ послѣдніе семьдесятъ лѣтъ пройденъ довольно значительный путь, и зрѣящее это должно поддерживать бодрость въ тѣхъ, кто боится предстоящихъ трудностей.

Въ этомъ отношеніи Милль говоритъ хорошо:

„Намъ нужно только попросить читателя составить себѣ понятіе обо всемъ, что заключается въ словахъ: возвышеніе средняго класса, и затѣмъ подумать о громадномъ возрастаніи численности и собственности этого класса въ Великобританіи, Франціи, Германіи и другихъ странахъ въ каждое послѣдующее поколѣніе, и о новой обстановкѣ рабочаго класса, получающаго такую заработную плату, которая обыкновенно получается теперь почти всѣми фабричными, т. е. самую многочисленную часть ремесленныхъ классовъ Англій, — и спросить себя, нельзя ли отъ такихъ неслыханныхъ причинъ ожидать и неслыханныхъ послѣдствій?“ (стр. 5).

Дѣйствительно, еще недалеко то время, когда меньшинство, пользующееся благами, составляло столь незамѣтную часть всей массы народонаселенія, что европейскія государства едва ли заслуживали названіе цивилизованныхъ, не смотря на процвѣтаніе въ нихъ

искусствъ и наукъ. Въ настоящее время число лицъ, составляющихъ это меньшинство, стало въ нѣсколько сотъ разъ болѣе прежняго, и средній классъ, составляющій цынѣшнее меньшинство, постоянно увеличивается. Но наиснець, что всего важнѣе, существуетъ уже не только стремленіе, но видны и средства, которыми къ участию въ пользованіи матеріальными благами можетъ быть призвана вся масса народонаселенія. Но къ этому вопросу мы возвратимся впоследствии, а теперь рассмотримъ другіе взгляды Милля на европейскую цивилизацію.

Событія, вызывавшія эту цивилизацію, естественнымъ образомъ вызывали и порождали множество другихъ явленій, сопровождавшихъ ее, подобно тому, какъ дождь, помогающій псоходу хлѣбовъ, въ то же время вызываетъ на поверхность земля и грибы, крапиву, лебеду и всякую другую дрянъ, совершенно бесполезную или даже вредную. Впрочемъ, я не хочу сказать этимъ, что всѣ историческія явленія, сопровождавшія успѣхи матеріальнаго благосостоянія европейскихъ обществъ, были безъ исключенія бесполезны или вредны. Такое мнѣніе было бы недѣло. Но съ другой стороны, весьма понятно также, что было бы самою жалкою ошибкою относить всѣ явленія, происходившія одновременно съ развитіемъ цивилизаціи, за неизбѣжное слѣдствіе ея или необходимое условіе, или наконецъ за постоянный признакъ ея.

Милль совершенно правъ, говоря, что, по мѣрѣ возвышенія цивилизаціи, благосостояніе и могущество переходятъ отъ меньшинства къ большинству, отъ индивидуумовъ къ массѣ. Иначе и быть не можетъ, и явленіе это прямо вытекаетъ изъ сущности цивилизаціи, потому что, пока масса находится въ дурныхъ матеріальныхъ условіяхъ,—она находится въ неподвижномъ, омаменѣломъ состояніи. Поэтому нельзя не согласится съ Миллемъ, когда онъ говоритъ, что

«вслѣдствіе естественнаго развитія цивилизаціи, могущество переходитъ отъ индивидуумовъ къ массамъ, и всѣмъ и значеніе личности, въ сравненіи съ массою, все болѣе и болѣе ослабѣваетъ.» (стр: 10).

Статья Милля «Право труда» и нѣкоторыя замѣчанія, высказанныя имъ въ статьѣ о французской революціи 1848 служатъ дополненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ его взгляда на цивилизацію:

«Каждому безкорыстному и здравомыслящему челоуку должно казаться, что земля прежде всего принадлежитъ ея обитателямъ, говорить Милль; что каждое живое лицо должно имѣть все необходимое для сво-

его существованія, прежде чѣмъ кто либо будетъ имѣть лишнее; что каждый, кто работаетъ надъ чѣмъ нибудь полезнымъ, долженъ быть достаточно сытъ и одѣтъ, прежде чѣмъ другой, способный къ работѣ, будетъ получать хлѣбъ для своей праздности. Все это нравственный аксіомы“ (Стр. 166).

Такимъ образомъ, въ сознаніи образованныхъ людей являлось убѣжденіе въ необходимости доставить всей массѣ народонаселенія участіе во всемъ, что производитъ страна. Убѣжденіе это Милль смѣло называетъ нравственною аксіомою. Онъ полагаетъ, что оно возникло вслѣдствіе того толчка, который былъ данъ Мальтусовымъ закономъ объ отношеніи возрастанія народонаселенія къ усиленію производительности страны. Однако на этотъ разъ Милль заходитъ слишкомъ далеко въ благоговѣнія къ Мальтусу. Благоговѣніе это тѣмъ непонятнѣе, что самъ Милль тутъ же говоритъ, что законъ Мальтуса былъ понятъ ложно и повелъ къ ложнымъ выводамъ, а именно, онъ укрѣпилъ убѣжденіе въ томъ, что неравномѣрное пользованіе продуктами труда, бѣдность и униженіе большинства, и эксплуатація его меньшинствомъ составляетъ непреложный законъ природы, пытаться измѣнить который было бы безразсудно. Милль говоритъ, что мнѣніе это господствовало до Мальтуса, и законъ Мальтуса, будучи ложно понятъ, лишь усилилъ его. Но на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ говорить не о ложномъ пониманіи закона, а о внутренней ошибочности его. Впрочемъ здѣсь не мѣсто вдаваться въ разсмотрѣніе такихъ специальныхъ вопросовъ. Какъ бы то ни было, Милль во всякомъ случаѣ неправъ, приписывая соображеніямъ Мальтуса возникновеніе вопроса о разномъ правѣ всѣхъ на пользованіе матеріальными благами. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ не какою нибудь книгою и не соображеніями ученыхъ, а историческимъ ходомъ событій. Когда въ прошломъ вѣкѣ всѣ униженные и угнетенные заявили свои права на извѣстную долю въ благосостояніи, которымъ владѣла только небольшая часть европейскихъ обществъ, то вопросъ этотъ возникъ уже совершенно ясно въ сознаніи людей, помимо всякихъ кнпжекъ. Вышло такъ, что изъ всей массы людей, борющихся за участіе въ пользованіи продуктами труда, только немногіе сравнительно достигли этой предположенной цѣли борьбы. Естественно, что остальные не захотѣли отказаться отъ своихъ справедливыхъ притязаній и продолжали искать - себѣ удовлетворенія. Вопросъ — этотъ разъ будучи поставленъ, можетъ считаться разрѣшен-

нѣтъ только тогда, когда всё достигнуто той цѣли, къ которой стремятся. Разумѣется, не для всѣхъ это одинаково выгодно, и потому многіе стараются тормозить ходъ историческихъ событій, но его можно задержать, а остановить не можетъ никакая враждебная сила. Между тѣмъ это торможеніе совершенно бесполезно усиливаетъ вражду между участвующими на праздникѣ жизни и только еще ожидающими его.

Сознавая неудобства такого положенія, гдѣ обѣ стороны постоянно должны держать наготовѣ другъ противъ друга камень за пазухой, и убѣждаясь, что филантропія совершенно недостаточна для примиренія враждующихъ сторонъ, Д. Ст. Милль признаетъ, что каждый имѣетъ право на продукты своего труда, словомъ, признаетъ *право труда*.

Признаніе этого права есть великій шагъ цивилизаціи 'впередъ'. Остается только, чтобы принципъ, провозглашенный въ теоріи, осуществился въ жизни: чтобы европейскія общества достигли такой степени цивилизаціи, какой еще никогда не представляла ни одна страна въ мірѣ. Къ этому и должны быть направлены усилія лучшихъ людей нашего времени. Надо помнить при этомъ, что въ общественныхъ дѣлахъ признаніе какого нибудь принципа въ теоріи есть не менѣе половины дѣла, потому что осуществленія его въ жизни никогда не приходится долго ждать.

Милль представляетъ намъ любопытный примѣръ; онъ не сочувствуетъ экономической реформѣ въ томъ видѣ, какъ понимаютъ ее лучшіе представители нашего времени, а между тѣмъ поддерживаетъ ея принципы. Такъ, говоря объ англійской аристократіи, онъ выражается:

«Никто изъ здравомыслящихъ людей, говоритъ онъ, не будетъ стоять за отвлеченную справедливость того порядка, при которомъ только малое меньшинство человечества рождено для наслажденія всеми внѣшними благами, которыя можетъ дать жизнь, и притомъ не за какую-либо услугу, не за свой трудъ, тогда какъ огромное большинство, съ самаго дня рожденія, обречено на нескончаемую, непрерывную, работу, которая вознаграждается скуднымъ и, вообще говоря, невѣрнымъ существованіемъ.» (Стр. 168).

Высказавъ столь прекрасный взглядъ на дѣло, Милль не можетъ однако скрыть, что, понимая и даже высказывая его, онъ тѣмъ не менѣе вовсе не сочувствуетъ ему. Только — что назвавъ данное положеніе общества несправедливымъ, онъ на слѣдующей страницѣ утверж-

даетъ, что было бы также несправедливо измѣнять его. Довольно странно — называть несправедливостью уничтоженіе несправедливости.

Другое замѣчаніе его имѣть не болѣе смысла, но ему оно кажется болѣе разумнымъ и онъ очень часто возвращается къ нему:

«Нельзя, говорить онъ (стр. 168), утверждать, чтобъ это было само въ себя справедливо (т. е. неравномѣрность вознагражденія за трудъ, но возможно доказывать, что это полезно на практикѣ».

Замѣчаніе очень важное; польза или вредъ — такой важный доводъ, за или противъ чего бы то ни было, что если бы Милль было «возможно доказать» пользу неравномѣрности вознагражденія за трудъ, то онъ имѣлъ бы право торжествовать. Но прежде всего надо спросить: кому полезно или вредно то обстоятельство, о которомъ идетъ рѣчь? Милль отвѣчаетъ весьма неопредѣленно; онъ хочетъ сказать, что это полезно обществу. Но мы знаемъ, что при такихъ условіяхъ, полезность которыхъ онъ беретъ защищать, современное общество раздѣлено на два враждебные лагеря, и интересы этихъ лагерей діаметрально-противоположны. Поэтому нельзя сказать, что условіе это полезно цѣлому обществу; оно можетъ быть полезно той или другой части его, а не цѣлому обществу. Которому же лагерю полезно это условіе? Очевидно меньшинству, потому что самъ Милль говоритъ, что для большинства оно — несправедливое зло. Но какой же это доводъ? Кто же сомнѣвается, что несправедливость, совершающаяся въ пользу одной стороны, полезна ей? Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Что же касается до большинства, то оно находится въ такомъ положеніи, что ему терять нечего, и потому перемена можетъ быть только полезна ему. Однако Милль несогласенъ съ этимъ. Онъ полагаетъ, что большинству предстоитъ только выборъ между кулькомъ и рогожкой, огнемъ и полымемъ. Съ этою цѣлью онъ цитируетъ «Исторію жерондистовъ» Ламартина, эту жалкую книгу, представляющую двойное доказательство тупости политическихъ изгладовъ автора и отсутствія всякихъ убѣжденій въ немъ, какъ въ писателѣ.

«Трудность до сихъ поръ всегда заключалась въ томъ, чтобы согласовать равенство благъ съ различіемъ достоинствъ, способностей и труда, которые отличаютъ одного человѣка отъ другого, — говоритъ авторитетъ Милля. Между дѣятельнымъ и бездѣйствующимъ членомъ равенство благъ есть несправедливость, потому что одинъ производитъ, а другой только потребляетъ. Чтобы всеобщее пользованіе благами было справедливо, мы должны предположить во всемъ человѣчествѣ одинаковому

совѣстливость, одинаковое прилежаніе и одинаковое достоинство. А такое предположеніе несбыточно. Какой же общественный порядокъ можетъ быть проченъ, если онъ опирается на такое фальшивое основаніе? Что нибудь одно изъ двухъ: или общество, постоянно господствуя и будучи непогрѣшимымъ, должно имѣть право принуждать каждаго члена къ одинаковой работѣ и къ одинаковому принесенію пользы.— что тогда станетъ со свободою? Поступая такимъ образомъ, общество сдѣлалось бы всеобщимъ рабствомъ.—Или же общество должно каждый день своими собственными руками раздавать блага каждому, согласно его труду, и давать именно такую часть, которая соответствуетъ работѣ и услугамъ каждаго во всеобщей ассоціаціи. Но въ этомъ случаѣ кто же будетъ судьей?

«Несовершенная человѣческая мудрость, продолжаетъ риторъ, нашла, что гораздо легче, умнѣе и справедливѣе сказать каждому: будь своимъ собственнымъ судьей, вознаграждай самъ себя богатствомъ или нищетою» (стр. 174).

Конечно, такому господину, какъ Ламартинъ, иначе говорить и не приходится. Весьма естественно, что ему примерещилось, будто нынѣшнія общественныя условія развились не изъ тѣхъ средневѣковыхъ событій, которыя породили всѣ прочія стороны жизни европейскихъ народовъ, а были въ одно прекрасное утро учреждены «несовершенною человѣческою мудростью», ставшею въ тупикъ передъ дилеммою, которая и по нынѣ мучитъ розовыхъ поговъ, разсуждающихъ о дѣлахъ и вопросахъ, неподлежащихъ ихъ разуму. Не мудрено также, что monsieur de-Ламартину, какъ онъ себя называетъ въ своей исторіи 1848 года, пришла въ голову подобная дилемма; не мудрено, что онъ находитъ затруднительнымъ допустить равномерное пользованіе продуктами труда на томъ основаніи, что, пожалуй, кто нибудь пообѣдаетъ въ тотъ день, когда не трудился, и считаетъ подобный случай вполне основательнымъ аргументомъ въ защиту своей системы. Но можетъ показаться страннымъ, что Милль ссылается на такой жалкій авторитетъ и считаетъ его разсужденія здравыми. Однако въ статьѣ «Право труда» Милль самъ повторяетъ то же и говоритъ вещи еще несравненно худшія. Онъ соглашается, что высшіе классы должны позаботиться объ улучшеніи участи низшихъ и говорить по этому случаю много либеральныхъ парѣчей. Но оказывается, что либерализмъ этотъ былъ не безъ заднихъ мыслей, не безъ коварства. Онъ весьма лукаво подкарауливаетъ людей, симпатизирующихъ рабочему пролетариату:

«Существуютъ и теперь, говоритъ онъ, такія состоянія общества,
отд. II. 6

въ которыхъ каждый владѣлецъ земли обязанъ не только наблюдать за тѣмъ, чтобы всѣ живущіе и работающіе на ней были одѣты, накормлены и помѣщены приличнымъ образомъ, но гдѣ онъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, отвѣтственъ за ихъ хорошее поведение — до того, что обязанъ вознаграждать всѣхъ, кого они оскорбили, которыми нанесли какойнибудь убытокъ. Вотъ, по всей вѣроятности, то идеальное состояніе общества, котораго такъ ревностно желаютъ наши новые филантропы. Кто же эти счастливые рабочіе, наслаждающіеся подобнымъ положеніемъ?—Русскіе крестьяне (стр. 107).

Но торжество совершенно напрасно, потому что ловушка слишкомъ незамысловата, чтобы не разгадать ея. Здѣсь, по меньшей мѣрѣ, три софизма: первый тотъ, что положеніе нашихъ крестьянъ до освобожденія изображено въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ; второй софизмъ, — что «новые филантропы» желаютъ рабства; третья и главная ложь, на которой основано все это подкарауливаніе, что высшіе классы не могутъ иначе улучшить положеніе низшихъ, какъ лишивъ ихъ свободы. Налгать такъ много въ столь немногихъ словахъ—своего рода подвигъ, хотя совершенно бесполезный. Обратимъ вниманіе на главную ложь, что большинство можетъ достигнуть матеріальнаго благосостоянія лишь потерю своей свободы. Ложь лежитъ въ основѣ самаго положенія, которое уже невѣрно потому, что большинству такая потеря не можетъ грозить, такъ какъ ему въ этомъ отношеніи нечего терять. Для современной науки очень ясно, что науперизмъ есть своего рода рабство, что пролетарій ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ крѣпостного. Д. С. Миллю непростительно игнорировать такую петлю. Поэтому, всякое преніе возможно только въ томъ случаѣ, если вопросъ будетъ измѣненъ такъ: возможно ли достигъ въ одно и то же время независимости и болѣе равномернаго распредѣленія продуктовъ труда? Отвѣтъ на этотъ вопросъ возможенъ только утвердительный. Мало того: такъ какъ вся масса можетъ достигъ благосостоянія лишь при рациональномъ распредѣленіи продуктовъ труда, а экономическая независимость возможна только при матеріальномъ обеспеченіи существованія, то обѣ цѣли эти достигаются однимъ путемъ, такъ что, добившись общаго участія въ пользованіи продуктами труда, общество вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляется и съ рабствомъ.

Всѣ эти подкарауливанія производятся по злобѣ на «новыхъ филантроповъ» за то, что они толкуютъ высшимъ классамъ объ обязанности ихъ возвысить матеріальное положеніе низшихъ классовъ.

Милль не брезгаетъ даже такими мыслями, какъ повтореніе до-
вѣтливыхъ упрековъ передовымъ людямъ Франціи прошлаго столѣ-
тія за то, что они, говоря о *правахъ* человѣка, не разглагоуство-
вали о его *обязанностяхъ*. На это еще болѣе вѣсть когда было
отвѣчено, что объ *обязанностяхъ* людямъ говорили много и долго
и что поэтому не мѣшало бы вспомнить и о правахъ его. Но эта ис-
тертая мораль заимствуется Миллемъ у реставраціонныхъ писателей
за тѣмъ, чтобы попрекнуть «новыхъ филантроповъ» за ихъ совѣты
богатымъ....

«Было бы совершенно вѣжливо предполагать, поворотъ сль. (стр.
110), будто бѣдные не подслушаютъ этого разговора (о томъ, что бѣд-
ные должны позаботиться о нихъ) только потому, что опъ назначает-
ся не для нихъ.»

Затѣмъ слѣдуетъ изображеніе плачевныхъ послѣдствій такого под-
слушиванья. Но я полагаю, что бѣднымъ некогда подслушивать интим-
ные разговоры, которые ведутъ между собою богатые классы. Я
полагаю, что если бы уши бѣдныхъ были постоянно наостроены, то
богатые и ихъ сообщники не рѣшились бы высказывать такихъ ве-
щей, которыя высказываются теперь во всеуслышаніе полпико-эко-
номами, и въ томъ числѣ Миллемъ. Къ числу такихъ вещей при-
надлежатъ, напримѣръ, его разсужденія о несовѣстности само-
стоятельнаго общественнаго положенія съ равноправностью на поль-
зованіе продуктами труда.

Послѣ либеральныхъ разсужденій о правѣ труда, Милль, на стр.
166, продолжаетъ:

«Временное (Французское) правительство не припмало въ сообра-
женіе, да и всѣ его критикъ едва ли обращали вниманіе на то, что
хотя каждый членъ всего человѣческаго братства имѣетъ нравственное
право занять мѣсто за трапезой, приготовленной совокупными трудами
цѣлой націи, но никто изъ членовъ не смѣетъ приглашать туда посто-
роннихъ людей безъ согласія всѣхъ прочихъ.»

Конечно, думаетъ читатель, это такъ ясно, что и говорить не о
чемъ; да и кто же могутъ быть эти посторонніе люди? иностранная
войска, что ли, какъ было въ 1815 году во Франціи,—переселенцы,
туристы? Но иностранная войска никто и не думаетъ приглашать
къ трапезѣ, а если кто нибудь вздумаетъ, какъ напр. Людовикъ XVI,
то конечно главная вина не въ приглашеніи къ трапезѣ, а въ со-
вершенно другого рода обстоятельствахъ. Переселенцы же сами не

пойдутъ, если трапеза скучна; что же касается туристовъ, то это народъ безвредный, не богъ знаетъ сколько съѣдятъ.— Удивляется читатель, какихъ это постороннихъ людей не желаетъ видѣть Милль за общественной трапезой? Дѣло объясняется самымъ чрезвычайнымъ и неожиданнымъ образомъ. Д. С. Милль продолжаетъ:

«А если кто рѣшается на это, то все потребленное этими посторонними должно быть вычтено изъ доли тѣхъ, которые ихъ пригласили. Готового можетъ быть достаточно, только для тѣхъ, которые *уже* рождены, но не можетъ хватить и для тѣхъ, которые *могутъ* родиться.»

И такъ, дѣло объясняется очень просто: посторонние за трапезой оказываются дѣтьми; подъ приглашеніемъ подразумѣвается ни что иное, какъ рожденіе дѣтей; немѣнные права приглашать постороннихъ, значить немѣнные права производить потомство, «безъ согласія всѣхъ членовъ общества». Угрозы, направленные противъ приглашающихъ, имѣютъ цѣлью отклонить людей отъ преступнаго дѣла рождать потомство. Далѣе все это объясняется, метафоры отбрасываются въ сторону, и проповѣдь мальтузіанской воздержности является во всемъ блескѣ своего безобразія. Надо имѣть много смѣлости, чтобы говорить, подобно Миллю:

«Большинство думаетъ, что рожденіе дѣтей есть дѣло, относительно котораго два ли существуетъ какое нибудь нравственное обязательство, и въ которомъ личное желаніе каждаго не можетъ быть естественно вѣчнымъ; *это предразсудокъ, на который будутъ со временемъ смотрѣть съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ смотрятъ на всѣ понятія и обычаи дикарей.*» (стр. 167).

Здѣсь не знаешь, чему больше удивляться, тупости преподаваемой морали или беззащитности, съ которою она высказывается? Высказывать это въ странѣ, гдѣ работники умѣютъ читать, — гораздо опаснѣе, чѣмъ все, что говорятъ «новые филантропы.» Стоитъ только, чтобы нашелся добрый человѣкъ, который бы посоветовалъ пролетаріямъ прочесть подобныя строки, чтобы та ненависть, которая уже существуетъ между богатыми и бѣдными классами Англіи, дошла до величайшей напряженности. Здѣсь уже дѣло идетъ не о томъ, чтобы обсчитать голоднаго пролетарія въ пользу сытого буржуа, а о томъ, чтобы забраться во внутренній міръ бѣднаго человѣка и лишить его не только хлѣба, но и всего того, что составляетъ единственную, сколько нибудь свѣтлую лучъ въ его жизни. Между тѣмъ это та цѣна, за которую Милль согласенъ

продать бѣднякамъ насущный хлѣбъ ихъ. Онъ на столько обязателенъ, что соглашается,

«Чтобы всѣ живущіе люди согласились гарантировать другъ другу посредствомъ государства, которое есть ихъ органъ, возможность слышать трудомъ надлежащее существованіе, но (тѣбуетъ опъ) чтобы они также отвергли право распространять свой родъ, по собственному желанію, безъ всякаго ограниченія». (стр. 166—67).

И такъ, бѣдные должны позволить своимъ благодѣтелямъ, дающимъ имъ кусокъ хлѣба, ежечастью контролировать самыя драгоценныя человѣческія чувства, каждую минуту имѣть возможность стать между мужемъ и женою, зорко наблюдать за тѣмъ чувствомъ, которое въ каждомъ такъ робко и стыдливо прячется отъ чужихъ взоровъ, наконецъ, въ ущербъ ихъ здоровью, мѣшать естественному отправленію ихъ организма... И въ награду за это—теплый уголь, кусокъ хлѣба и отеческая власть капиталиста! Здѣсь будетъ полезно напомнить, какъ страшно и беспощадно бичуетъ это вопиющее лицемеріе гениальный человѣкъ, котораго недавно лишился свѣтъ:

«Школа Мальтуса, которая при всякомъ удобномъ случаѣ свидѣтельствуеетъ свое глубокое уваженіе къ религіи, обнаруживаетъ по вопросу о народонаселеніи грубое невѣріе. Провождя постоянно *laissez-faire, laissez-aller*, упрекая социалистовъ въ замѣненіи законовъ природы своими мечтами, протестуя противъ всякаго вмѣшательства государства и съ громкими криками требуя свободы, она не колеблется, когда рѣчь заходитъ о супружеской жизни, и говоритъ мужьямъ и женамъ: «Стойте, несчастные! Какой злой духъ искушаетъ васъ? Развѣ вамъ нельзя любить другъ друга, не рождая дѣтей? Развѣ вы забыли, что народонаселеніе стремится возрастать въ геометрической прогрессіи, а средства къ существованію только въ арифметической?»

«Короче сказать, школа Мальтуса учитъ, что такъ какъ народонаселеніе, богъ вѣсть почему, возрастаетъ слишкомъ быстро, то нужно положить этому обузданіе. Мы обязаны великой благодарностью г. Жюзефу Гарнье за то, что у него хватило наконецъ духу послать стыдъ къ чертямъ и категорически объяснить, въ чемъ состоитъ предупредительное средство Мальтуса.

.....

«Сколько мнѣ помнится, говоря гдѣ-то о морали мальтузианцевъ, я выразился: *мораль свиней!*. Прошу извиненія за эту грубость, которую я не обращаю ни къ кому лично. Но что долженъ чувствовать человѣкъ при зрѣлищѣ этого собранія самозванныхъ экономистовъ, давнишнихъ практиковъ ограниченной нравственности, передѣлывающихъ законы стыдливости, пишущихъ каррикатуры на „Пятяквѣжѣ“, съ важностью рѣшающихъ, что необходимо излечить народъ отъ его мнительно-

сти относительно супружеской мастурбации, и всего во имя ложного учения, которое было бы позором для науки, если бы даже не было позором для нравственного чувства?

«Засѣданія эти происходятъ во дворцѣ института, въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, въ этомъ высшемъ трибуналѣ французскихъ нравовъ. Лица, принимающія участие въ совѣщаніяхъ, занимаютъ высокое положеніе въ администраціи и преподаваніи. Г. Дюной былъ префектомъ; г. Дюшатель—министромъ; г. Леонъ Фоше—министромъ; Гизо—министромъ и профессоромъ; его прозвали, не знаю по чему, строго-нравственнымъ; Рессіа былъ профессоромъ, М. Б. Съ тоже, г. Жозефъ Гарнье — профессоръ; всѣ они—защитники религіи, нравственности, брака и семейства противъ анти-мальтузіанскаго социализма, приверженцы *laissez-faire, laissez-passer* во всемъ, кромѣ воспроизведенія дѣтей.

«Посмотрите на французское инокство, слушающее лекціи въ Collège de France и въ Сорбоннѣ, на всѣхъ этихъ студентахъ школы правовѣдѣнія, медицинской, нормальной, политехнической, горной, путей сообщенія, посмотрите, какъ въ 18 лѣтъ они изучаются прилагать на практикѣ предупредительное ограниченіе, переходя отъ уроковъ Мальтуса къ упражненіямъ въ *Conseil des Lias* и приготовляясь свободной любовью, гарантированной отъ произведенія потѣства, къ брачному безплодію, которое имъ придется проповѣдовать народу въ качествѣ судей, профессоровъ, врачей, инженеровъ! Г. Тьеръ не претендуетъ на репутацію строгой нравственности, однако имѣлъ несчастіе назвать этотъ развратъ *оскорбленіемъ природы*: ему доказали, что онъ не въ здравомъ умѣ. И въ самомъ дѣлѣ долженъ быть гаупъ тотъ, кто придаетъ серьезное значеніе труду, собственности, наследственности, не забывая, что весь экономическій и социальный вопросъ разрѣшится такъ просто, истребленіемъ двторожденія.» (*Essais d'une philosophie populairе; № 3, стр. 135 и 140—141*).

Вопросы политическіе уже давно вступили въ столь тѣсную связь съ социальными, что человекъ, смотрящій на послѣдніе съ точки зрѣнія Милля, не можетъ отличать особенно дальновидностью и относительно первыхъ. Относительно событій, ознаменовавшихъ 1848 годъ во Франціи, это особенно вѣрно. Въ событіяхъ этихъ политическій характеръ такъ тѣсно связанъ съ экономическимъ, что, заговоривъ о первомъ, нельзя не коснуться второго; и Милль подтверждаетъ это, потому что въ статьѣ своей безпрестанно обращается къ социальнымъ вопросамъ. Мы уже видѣли, до какой степени безобразенъ его взглядъ на нихъ, видѣли, что, оправдывая слова Прудона, онъ не нашелъ ничего лучшаго сказать объ этомъ, кромѣ угрозовъ Временному правительству за

то, что оно не проведывало народу мажугувианской воодарности. Поэтому мы не можем ожидать ничего хорошаго и отъ политическнхъ взглядовъ Милля. Все, чего мы можемъ ожидать отъ него, это вѣрной оцѣнки тѣхъ немногихъ фактовъ, которые остаются въ области чисто-политическихъ вопросовъ. Ожидая только этого, мы не ошибаемся, потому что Милль, какъ одинъ изъ умѣвшихъ современныхъ наблюдателей этихъ событий, могъ оцѣнить ихъ лучше другихъ. Въ этомъ отношеніи вѣрность его взгляда весьма замѣчательна; статья объ Арманѣ Каррелѣ доказываетъ, какъ вѣрно умѣлъ онъ оцѣнить политическія событія. Статья эта писана за нѣсколько лѣтъ до февральской революціи (въ 1837 году), когда тронъ Людовика-Филиппа былъ совершенно проченъ. Между тѣмъ все, что Милль говоритъ въ ней о правительствѣ этого короля, могло быть безъ всякаго измѣненія написано въ 1848 году и даже позднѣе. Въ то время должно было показаться весьма страннымъ, что Милль называетъ июльскую революцію несчастьемъ для Франціи и отзывается такъ неблагопріятно о вышедшемъ изъ нея правительствѣ. Въ 1837 году Милль говорилъ объ этомъ то же, что другіе начали говорить только десять лѣтъ спустя: что июльская революція ничего не совершила, потому что не только не измѣнила существенныхъ условій общественной жизни, но не провела даже никакой политической реформы. Положеніе народа, законодательства, представительства, прессы не измѣнилось ни на волосъ. Произошло простое перемѣщеніе лицъ, стоящихъ во главѣ общества; это была не реформа, а скорѣе перемѣна министерства, до того незначительно было измѣненіе, введенное ею въ массѣ общества, до того ничтожно число людей, положеніе которыхъ она преобразовала. Между тѣмъ, такъ какъ она произошла вовсе не случайно, не была *coup d'état*, а была вызвана настоятельными нуждами общества, то весьма естественно, что долженъ былъ произойти вторичный переворотъ, такъ какъ послѣдствія перваго нисколько не удовлетворяли. Затѣмъ Милль, задолго еще до крупныхъ скамдаловъ, какъ биржевыя спекуляціи Тьера, процессы Теста, дѣло де-Пролена, указываетъ на характеръ безчестности и безнравственности июльскаго правительства. Во всемъ этомъ Милль далеко не видитъ залоговъ прочности и для монархіи Люв-Филиппа. Онъ заключаетъ свою статью объ Арманѣ Каррелѣ словами почти пророческими:

„Множество безпристрасныхъ людей во всѣхъ частяхъ Франціи, на

короткое время такъ задушевно отвѣчавшихъ на его голосъ, снова погрѣбуетъ тѣхъ правъ, которыя въ мигу паническаго страха они отдали правительству, нелюбимому и неуважаемому вми, которому повинуются и даже поддерживаютъ его противъ его враговъ только изъ чаянія достигнуть чего нибудь лучшаго.

«Прискорбно потерять такого человѣка (какъ Каррель), прискорбнѣе того потерять его въ жалкой дуэли. Но плохо придется правительству, которое можетъ радоваться смерти такого врага; и, можетъ быть, настанетъ время, когда оно отдадо бы свои самыя дорогія сокровища, чтобы вызвать изъ могилы жертву, которую злоба его намѣренно или не намѣренно, погребла въ ней. Такое правительство, какъ существующее теперь во Франціи, не можетъ долго оставаться». стр. 90 и 91).

Оно осталось дѣйствительно недолго, но не ему пришлось пожалѣть благороднаго А. Карреля. Что касается до соображеній Миля касательно событій и дѣятелей 1848 г., то я еще буду имѣть случай коснуться ихъ въ разборѣ «Исторіи революціи 1848 года» Гарнье-Паже, къ которому и перехожу.

Событія 1848 года принадлежать исторіи, и потому безпристрастная оцѣнка ихъ очень возможна. Сочиненіе Гарнье-Паже само по себѣ не имѣетъ никакихъ достоинствъ, и когда авторъ пускается въ разсужденія, то, какъ говорится, хоть святыхъ вонъ выноси. Тѣмъ не менѣе книга стоитъ прочтенія, какъ единственная исторія февральской революціи, существующая на русскомъ языкѣ, и потому что авторъ ея былъ не только очевидцемъ, но и дѣятелемъ въ этихъ событіяхъ, а разсказъ его отличается достаточной ясностью и живостью. — До сихъ поръ вышли три тома. Въ первомъ описано начало революціи въ Италіи, во второмъ — событія во Франціи, предшествовавшія революціи, въ третьемъ — событія 24 февраля. Такъ какъ о первыхъ двухъ томахъ уже говорилось въ «Рус. Словѣ», то я ограничусь здѣсь разборомъ послѣдняго тома.

Въ событіяхъ 24 февраля замѣчательно съ одной стороны поведеніе короля и окружающихъ его лицъ, а съ другой тѣхъ лицъ, которыхъ этотъ день поставилъ во главѣ Франціи. Первое служитъ хорошей характеристикой правительства предшествовавшихъ семнадцати лѣтъ и объясняетъ его паденіе, а второе можетъ служить комментариемъ къ послѣдующимъ событіямъ.

Въ приложеніяхъ къ третьему тому исторіи Гарнье-Паже находится, между прочимъ, одинъ весьма любопытный документъ, а именно рапортъ префекта полиціи министру отъ 19 января 1847. Рапортъ этотъ начинается слѣдующими словами:

Господинъ министр!

Я всегда приписывалъ особенную важность тому, чтобы строго *слѣдить* и *изучать въ своемъ кабинетѣ*, въ минуту ихъ выхода, всѣ политическія и экономическія сочиненія враждебнаго характера, для того, чтобы *указывать высшей судебной власти* на тѣ изъ нихъ, которыя, по моему мнѣнію, угрожаютъ опасностью правительству или обществу. При этомъ я имѣлъ случай слѣдить за развитіемъ революціонныхъ идей и за тактикой политическихъ партій. Я думаю, господинъ министръ, что съ этой послѣдней точки зрѣнія для вашего превосходительства, *благодаря принятаго работы подобнаго рода, которыя я имѣлъ честь (!) прежде представить вамъ, не будетъ вамъ безинтересенъ краткій обзоръ (!) всѣхъ подобныхъ сочиненій, вышедшихъ въ 1846 году.*

Полагаясь на ту систему, на которую указываетъ Милль, на подкупы, жадность буржуазіи и кабинетныя работы префектовъ, правительство Люи-Филиппа не сомнѣвалось въ своей прочности. Отчасти такая самоувѣренность оправдывалась; въ 1789 году противъ правительства были всѣ; директорія хотя не имѣла сильныхъ враговъ, но за то и сама была безсильна, такъ что каждый толчокъ могъ легко ниспровергнуть ее; правительство имперіи, могущественное военною силою, побѣдами, завоеваніями и гениемъ своего главы, зависѣло всегда отъ военнаго счастья, постоянно ставило на карту все, и потому, если много выигрывало, за то всегда рисковало все проиграть. Реставраціонное правительство имѣло противъ себя нѣсколько сильныхъ, организованныхъ партій, было покрыто позоромъ союза съ врагами Франціи и, вдобавокъ, съ 1820 года принялось гоняться за неосуществимыми дѣлами, которыя должны были непременно погубить его. Но правительство, вышедшее изъ переворота 1830 года, могло разсчитывать на поддержку могущественнѣйшаго изъ сословій, буржуазіи, на все либеральное чиновничество; оно имѣло въ своихъ рукахъ большую власть и военную силу, никогда не рисковало, а напротивъ, тщательно избѣгало всего, что бы могло поразить или поколебать его могущество, имѣло за себя либеральныя преданія іюльской революціи и реставраціонной оппозиціи, и постоянно придерживалось золотой середины, слегка прогрессируя и слегка реагируя, избѣгая всякихъ скандаловъ и явныхъ насилій. Правда,

подъ конецъ его поразили многія несчастія: выпали на свѣтлую воду кое-какіе грѣшныя, которые съ большиною удобностію могли бы остаться неизвѣстными; пришлось прибѣгнуть къ явно-революционнымъ мѣрамъ, подавшимъ поводъ къ бесполезному шуму; жизнь главы правительства подвергалась постоянной опасности, и между рабочими классами развивались несообразныя идеи. Но все это были исключныя неудобства, безъ которыхъ прожить невозможно, но которые не представляютъ серьезной опасности. Если и были грѣшныя за многими представителями правительства, то оно полагало, что за нихъ должны быть отвѣтственны эти лица, а не вся система. Какъ ни прискорбно было доходить до крайностей, но нельзя же было предположить, что главная опора правительства, буржуазія, рѣшится допустить революцію изъ-за того, что попримутъ немного прессу и зашумятъ какіенибудь неблагонамѣренныя банкеты. Идеи, овладѣвшія рабочимъ классомъ, если и были съ одной стороны неприяты, за то съ другой служили ручательствомъ за вѣрность буржуазіи, а на случай смутной всегда были въ запасѣ маршалъ Сульть и маршалъ Бюже съ достаточнымъ количествомъ войска. Наконецъ опасность, окружавшая короля, хотя и была положительнымъ зломъ, но во всякомъ случаѣ грозила лишь ему лично, а не цѣлой системѣ и династіи. Всѣ эти соображенія были такъ основательны, что Мильтъ обнаружилъ весьма рѣдкую дальновидность, усумнившись въ 1837 году въ прочности июльскаго переворота. Да и онъ, кажется, черезъ нѣсколько лѣтъ успѣнолся за нее, потому что послѣ неблагопріятныхъ отзывовъ о французскомъ правительствѣ 1837 года, въ 1845 году онъ говорилъ о заслугахъ, оказанныхъ Физо, какъ министромъ, не только Франціи, но «всему цивилизованному міру» (Разсужденія и послѣдованія. Часть I, стр. 75.)

Но если и были люди, твердо убѣжденные въ томъ, что июльская монархія продержится недолго, то сама она никоимъ образомъ не предчувствовала этого событія. За годъ до революціи, Людовикъ Филиппъ, радуясь успѣху выборовъ, сказалъ, что «Франціей можно управлять только посредствомъ чиновниковъ.» Онъ же сознавалъ, что сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы довести до блестящихъ размѣровъ господство бюрократіи. Онъ обратилъ въ чиновниковъ большую часть Франціи. Не говоря уже о томъ, что армія, наука, литература, депутатское собраніе и перство были чиновниками, — чиновниками стали всѣ фабриканты, лавочники, капиталисты-

ответственности; они стали шли черезъ національную гвардію и въ силу той увѣренности, что необходимо слушать имъльному правительству, чтобы отвратить потрясающія несчастія. Поэтому 20 февраля 1848 король самодовольно говорилъ сенскому префекту:

«Меня не застанутъ врасплохъ. Я не повторю ошибокъ Карла X. Я сужу лучше принять свои шты и лучше защищать себя.»

Такъ какъ въ послѣднее время министерство дошло до крайней безчестности и принялось распоряжаться по своему, отложивъ всякій стыдъ въ сторону, то могло стать, что это вооружило наконецъ и буржуазію. Въ такомъ случаѣ дѣло было дѣйствительно серьезно, но серьезно только для министерства, а не для короля. Король очень хорошо понималъ, что, въ случаѣ неудовольствія со стороны буржуазіи, ему предстояло только замѣнить Гизо господиномъ Моле или въ самой крайности Тьеромъ, и все кончится. Если это и было неприятно, то все-таки не на столько, чтобы много думать о томъ, тѣмъ болѣе, что со временемъ, когда азартъ пройдетъ, можно будетъ снова возвратиться къ Гизо.

Утромъ 22 февраля король, по словамъ Гарнье-Наже, былъ очень веселъ и обнаруживалъ не малую игривость. Замѣтивъ толпу у дворца, разгоняемую драгунами, король съ улыбкой на лицѣ сдулъ кучку пепла, просыпанную на бумагу, и сказалъ, обращаясь къ О. Верне:

«Стоитъ мнѣ захотѣть, и все это разлетится, какъ этотъ пепелъ.»

У короля было въ Парижѣ 40,000 войска, не считая національной гвардіи, которая хотя на этотъ разъ не обнаруживала желанія стрѣлять въ народъ, но въ случаѣ нужды могла быть направлена къ тому нѣкоторыми небольшими уступками либеральнымъ желаніямъ буржуазіи. Сверхъ того, правительство, въ случаѣ серьезнаго сопротивленія, могло призвать войска изъ окрестностей. Пока же, волненіе было такъ неопасно, что король не хотѣлъ даже сдѣлать ничтожную уступку для того, чтобы имѣть на своей сторонѣ національную гвардію. По этому поводу утромъ 22 февраля у короля происходилъ слѣдующій разговоръ съ однимъ офицеромъ національной гвардіи:

— Такъ вы говорите, сказалъ король, прилужденно улыбаясь, что національная гвардія не будетъ драться?

— Не будетъ, в. в.

— Но что же мы сдѣлали дурного для націи? сказала королева.
Неужели дать вамъ недостойныя любви французамъ?

— Но ведь народъ и не имѣетъ ничего противъ вашего семейства; онъ раздраженъ противъ политики министерства.

— Однако, по вашему, продолжалъ король, есть средство поправить дѣло?

— Есть, в. в., но я не смѣю...

— Говорите, я хочу знать, я наконецъ требую.

— Если вы приказываете, государь, я говорю: нужно сегодня же вечеромъ переменить министерство; завтра будетъ уже поздно.

Король съ видомъ сожалѣнія отпустилъ батальоннаго командира.

(Гарнье-Паже. Т. II, стр. 269).

Однако убѣжденіе батальоннаго командира было неосновательно; король очень ясно понималъ вещи и не видѣлъ надобности дѣлать уступки, пока можно обойдтись безъ нихъ. Черезъ нѣсколько часовъ, когда волненіе не прекращалось, король счелъ нужнымъ уступить буржуазіи и поручилъ Моле составить кабинетъ. Это было нѣсколько несообразно; слѣдовало прямо приняться за Тьера. Король поступился недостаточно. Совѣмъ нельзя было и сообразить, чѣмъ Моле либеральнѣе или вообще лучше Гизо? Не смотря на свою опытность и ловкость, король ошибся въ той дозѣ либерализма, которую слѣдовало отпустить по этому случаю. Ему повредило на этотъ разъ то, что составляло его силу, а именно его привычка справляться съ буржуазіей. Ему слишкомъ часто удавалось цоправлять дѣла гомеопатическими дозами уступокъ. Но въ этотъ разъ дѣла зпутались больше обыкновеннаго, и дозу слѣдовало усилить. Въ оправданіе его опытности можетъ служить описаніе того впечатлѣнія, которое произвела перемена министерства:

«Въ городѣ паденіе министерства произвело живую и почти всеобщую радость. Какъ всегда бываетъ при сильныхъ кризисахъ, самыя разнообразныя чувства и противоположныя убѣжденія сливались въ одно общее чувство. Нѣкоторые видѣли въ паденіи министерства униженіе короля, другіе—спасеніе монархической власти. Одни радовались побѣдѣ, такъ легко доставшейся, другіяхъ вослѣдствовало то, что дѣло обошлось безъ большого кровопролитія. Реформисты поздравляли себя съ полнымъ успѣхомъ. Консерваторы, за исключеніемъ очень немногихъ, радовались, что цѣною нѣсколькихъ уступокъ искупалось спасеніе цѣлой страны. На всѣхъ перемена министерства произвела самое благоприятное впечатлѣніе. Даже люди самыя хладнокровныя ко всему радовались ей, какъ новости. Однимъ словомъ, восторгъ былъ всеобщій, и во многихъ мѣстахъ раздавались крики „Vive le roi“ (Гарнье-Паже, т. I, стр. 307).

Такииъ образомъ, даже обычная гомеопатическая доза либерализма

дала въ первыя минуты самыя благопріятныя результаты. Поэтому Людовикъ-Филиппъ, видя это, могъ поздравлять себя съ успѣхомъ, которымъ былъ обязанъ своей проникательности, опытности и знанію той части народа, которая служила ему опорой. Было бы несправедливо ставить ему въ обвиненіе, что онъ не догадался, что на этотъ разъ ни онъ, ни буржуазія не могутъ остановить ничѣмъ движеніе, которое, разъ начавшись, уже не можетъ прекратиться, пока не разыграется борьбой на жизнь и смерть. Словомъ, онъ не могъ понять, хотя бы былъ во сто разъ хитрѣе и опытнѣе, что начинающійся переворотъ не политическій, а социальный. Ошибку эту раздѣляли съ нимъ всѣ, за исключеніемъ самаго ограниченнаго кружка; побѣдители его, подобно ему, думали вечеромъ 24 февраля, что революція кончилась, и никто изъ нихъ не видѣлъ, что кончиться она можетъ только такимъ рѣшеніемъ, которое воспослѣдовало въ іюнѣ.

Какъ бы то ни было, но король вскорѣ убѣдился, что обыкновенный пріемъ уступокъ не дѣйствуетъ. У новаго президента совѣта, назначеніе котораго должно было усмирить народъ, отняли карету для баррикады. Послѣ такого страннаго поступка, графъ Моле самъ сообразилъ, что не годится служить въ настоящемъ случаѣ успокоительнымъ средствомъ, и посоветовалъ королю призвать въ министерство Тьера и Одильона Барро. Большую разницу между этими господами и Моле или Гизо могли видѣть только люди, дальновидность которыхъ была нѣсколько ослаблена тѣмъ, что много лѣтъ дѣятельность ихъ не выходила за стѣны палаты. Въ палатѣ Барро принадлежалъ къ лѣвой сторонѣ, Тьеръ къ лѣвому, а Моле къ правому центру. Поэтому людямъ, дальше палаты невидѣвшимъ, казалось, что напр. между Барро и Моле существуетъ цѣлая пропасть. Самъ Гарнье даже вѣрилъ, что если бы король прямо призвалъ въ министерство Тьера, то все обошлось бы благополучно. Точно также и Тьеръ, послѣ неудачи Моле, вообразилъ, что теперь онъ единственный человѣкъ, могущій спасти Францію. Король же, хотя и изумленный тѣмъ, что на этотъ разъ народъ не восхитился замѣщеніемъ Гизо—Моле, однако не считалъ дѣло столь значительнымъ, чтобы рѣшиться на такой шагъ, какъ назначеніе Тьера. Притомъ король питалъ личную антипатію къ вождю династической оппозиціи; въ бытность свою министромъ, этотъ господинъ прижѣніемъ политическихъ извѣстій, бывшихъ въ его рукахъ, къ биржевой игрѣ такъ опростоволачился, что могъ, конечно, возбуждать къ себѣ полное презрѣніе; впрочемъ Лю-

Филиппъ былъ неразберихъ въ этомъ отношеніи и легко прощалъ людямъ малѣйшія слабости; аниматія его въ Тьера простираема изъ другихъ источниковъ. Между прочимъ, противъ его назначенію, король принималъ въ соображеніе и дипломатическое значеніе его. Только въ 2 часа ночи 24 числа событія въ городѣ и особенно на бульварѣ Капуциновъ принудили его согласиться на эту уступку. Свиданье короля съ своимъ торжествующимъ спасителемъ весьма оригинально. Король, покоряся необходимости, чувствовалъ поэтому порядочную злобу на Тьера и, призвать его, не утерпѣлъ, чтобы не поиниговать его. Онъ двадцать лѣтъ возаяся съ этими людьми и очень хорошо зналъ, что властолюбіе и честолюбіе, слѣдкомъ громадна сравнительно съ размѣрами ихъ мелководъ душонокъ, дѣлало ихъ вполне нечувствительными къ оскорбленіямъ, когда имъ представлялась возможность овладѣть соблазнительнымъ положеніемъ.

Тьеръ было зануемъ удивля, чувствуя съ своей стороны, что, какъ бы тамъ ни было, а королю онъ необходимъ. Показавъ такимъ образомъ, что они другъ друга ковышаютъ, Тьеръ и Люффилякъ начали мирно толковать о новомъ кабинетѣ. Тьеръ потребовалъ распушенія палаты, грозя въ противномъ случаѣ отказомъ отъ министерства. Однако король зналъ, что президентское кресло не такая вещь, отъ которой бы у Тьера хватило духу отказаться. Поэтому онъ наотрѣвъ отвѣтилъ, что палату распускать не будетъ, па что Тьеръ болѣе настаивать не сталъ и отправился набирать кабинетъ.

Между тѣмъ король принималъ и другія мѣры, не вѣряясь вполне результатамъ либеральныхъ средствъ. Энергическій маршалъ Бюшо былъ назначенъ главнокомандующимъ парижской арміей и національной гвардіей, не смотря на слабыя возраженія Тьера.

Въ 8 часовъ утра Тьеръ и Барре были министрами; оставалось только убѣдить народъ, что обстоятельство это удовлетворяетъ всѣ его желанія и что, слѣдовательно, ему совершенно нѣтъ надобности продолжать «загорюживать проѣзжія дороги, оставляя на нихъ разные матеріалы и другія, какія бы те ни было, вещи, затрудняющія свободный проѣздъ», какъ деклантно выражается министерство Гизо о баррикадахъ.

Но народъ былъ другого мнѣнія. Онъ соображалъ то, что обыкновенно бывалъ не въ силахъ сообразить, а именно, что перемена министерства есть просто либеральный фейерверкъ, отъ котораго ему

да теплѣе, ни холоднѣе. Министры увидѣли, что для того, чтобы дѣйствительно спасти короля, имъ придется сдѣлать то же, что съ tardif не успѣхемъ, канъ и они, могли сдѣлать Гизо или Моле, а именно пустить въ ходъ маршала Вюжо. Тьеру это было ни по чемъ, но Барро всегда такъ неумѣренно либеральничалъ, что ему это было бы нѣсколько неудобно. Поэтому, по свидѣтельству Гарнье-Паже, онъ колебался принять власть, обывавшую его къ такого рода вострунку. Чтобы разсѣять его сомнѣнія, Тьеръ пустилъ въ ходъ свое воцѣствованное краснорѣчіе, а

«генералъ Ламорисьеръ, рассказываетъ Гарнье-Паже, возбужденный его словами, почувствовалъ, что въ немъ зашевелились всѣ чувства вонискаго дога; онъ съ страстною энергіей поддержалъ доводы Тьера. — Вліяніе слова могущественно! — Барро переступилъ порогъ Тюмери.» (Гарнье-Паже. Т. III, стр. 32).

Къ этому не мѣшаетъ прибавить, что Барро, подчинившагося вліянію слова, и Ламорисьера, почувствовавшего шевеленіе чувствъ вонискаго дога, черезъ нѣсколько часовъ упрашивали взять въ свои руки бразды республиканскаго правленія, а Гарнье-Паже, съ пафосомъ и умиленіемъ рассказывающій это, сдѣлался членомъ Временнаго правительства французской республики во имя самодержавнаго народа!

Но возвратимся къ королю. При вторичномъ приходѣ къ нему Тьера, онъ снова принимается цѣловать его, весьма забавно подсмѣиваясь надъ его еще робкою, но тѣмъ не менѣе страстною радостью быть министромъ.

— «Ну, что же, мой любезнѣйшій министръ? встрѣтилъ онъ его.

Тьеръ отвѣчаетъ, заоряя его въ своей преданности, что онъ пока все еще не министръ.

— Сейчасъ будете министромъ, насмѣшалво усыоколяетъ его Люк-Филппъ.»

Но Тьеръ мауется, что въ Парижѣ еще никто не знаетъ, что онъ министръ. Затѣмъ онъ отправляется возвѣщать народу эту радость.

Однако народъ отвѣчаетъ криками: «додай Тьера!» Это приводитъ его въ копоузъ; Тьеръ горячится, и дѣятельность его на этотъ разъ кончается тѣмъ, что энергическій Вюжо запираетъ его въ свой кабинетъ, говоря, что ему нужно имѣть при себѣ другого энергическаго человѣка.

Когда такимъ образомъ народъ отвергъ уже почти всю палату, съ крайней правой и до лѣваго центра, ему предлагается послѣдній и лучший перлъ административной мудрости — Одильонъ Барро. Но народъ вовсе не приходитъ въ восторгъ и отъ этого назначенія. Отправляясь поздравлять народъ съ своимъ выборомъ и уговаривать его удовольствоваться по крайности этимъ, онъ забираетъ съ собою республиканца Паньера, чтобы представиться поприличіе народу. Республиканецъ Паньеръ выступаетъ въ путь, чтобы украшать передъ народомъ своюю особою новаго министра. Въ то же время выступаетъ и Ламорисьеръ объявить народу о назначеніи Тьера и Барро министрами, а Бюжо и его самого, Ламорисьера, начальниками военныхъ силъ. Замѣтивъ, что народъ вовсе не радуется Тьеру и Бюжо, достойный генералъ начинаетъ лгать, говоря о назначеніи только себя и Барро.

Однако народъ отвергаетъ и этотъ послѣдній выборъ, который могла ему сдѣлать июльская монархія. Мало того: Барро и Ламорисьера встрѣчаютъ криками: «*A bas Louis-Philippe!*» — Положеніе короля становится критическимъ.

Людовикъ-Филиппъ перестаетъ корить несчастнаго Тьера. Въ Тюльери становится довольно мрачно. Герцогъ немурскій находитъ, что у нихъ нѣтъ средствъ сопротивляться. Гарнье-Паже находитъ, что это замѣчаніе было сдѣлано «хладнокровно и съ достоинствомъ». Но особеннаго достоинства въ этомъ признаніи незамѣтно.

Самъ же Людовикъ-Филиппъ, услышавъ, что дѣло уже идетъ о его отреченіи, объявляетъ, что готовъ умереть, а не уступить. Тогда и герцогъ немурскій, забывъ о своемъ признаніи, энергически восклицаетъ: «И такъ, впередъ!» Но приходитъ Кремье (этотъ почтенный господивъ, который утромъ являлся съ совѣтами къ королю, а вечеромъ былъ членомъ республиканскаго правительства) и подаетъ королю надежду, что еще возможно поправить дѣла, составивъ министерство изъ самыхъ лучшихъ перловъ парламентскаго либерализма. Эта идея, послѣ мысли объ отреченіи, такъ понравилась Людовику-Филиппу, что онъ сказалъ Тьеру:

«И такъ, мой милый Тьеръ, вы такъ же непопулярны, какъ и я. Я хотѣлъ вамъ сдѣлать довольно непріятный подарокъ, поручивъ вамъ власть въ такую минуту. Теперь я не много отнимаю у васъ.»

Каждое изъ этихъ словъ для «миллаго Тьера» — острая шпилька. Намеки на непріятный подарокъ слишкомъ напоминаютъ басню «Ли-

сица и виноградъ». Положеніе невытанцовавшагося министра самое свѣрное. Давно ли онъ воображалъ, что народъ возсталъ, чтобы сдѣлать его министромъ? Давно ли, съ видомъ великодушнаго врага, соглашался взять на себя трудъ спасти монархію? и теперь, черезъ какіе набудь 3—4 часа послѣ всего этого, выслушивать эти насѣшки! Обидно!

Однако оказывается, что Кремье наболталъ вздору и что никакіе административные перлы не могутъ угодить прихотливому вкусу людей, «засорившихъ проѣзжія дороги». Въ Тюльери поднимается суматоха. Во дворцѣ сыновья короля требуютъ отъ него того же, чего народъ на улицахъ — отреченія. Герцогъ Монпансье торопитъ старшаго, который соглашается, и сыновья его первые спѣшатъ распространить эту радостную новость. Принцессы плачутъ и выказываютъ пенависть герцогинѣ орлеанской, начиная подозрѣвать, что всѣ несчастія произошли именно отъ этой женщины. Королева обнаруживаетъ самыя энергическія чувства, рѣзко выдающіяся среди всеобщаго унынія.

«Ты не отречешься, говоритъ она мужу. У тебя хотя бы вырвать скипетръ, но ты одинъ только въ состояніи держать его въ рукахъ. Лучше умереть съ храбростью, чѣмъ отречься! Садись на лошадь, армія пойдетъ за тобою!»

Король бы охотно послѣдовалъ совѣтамъ жены, если бы могъ. При малѣйшемъ благопріятномъ извѣстіи, онъ спѣшитъ заявить, что не далъ письменнаго отреченія. Но народъ у Тюльери. Король спрашиваетъ, можно ли защищать дворецъ, но получаетъ отрицательный отвѣтъ. Безконечно-старый и больной маршалъ Жераръ садится во фракъ на лошадь и отправляется увѣщевать народъ, держа въ рукѣ пальмовую вѣтвь. Но на дорогѣ соображаетъ, что было бы гораздо лучше имѣть, вѣсто пальмовой вѣтви, актъ отреченія короля. Герцогъ Монпансье, который вообще въ этотъ день не забывалъ пословицы: «своя рубашка ближе къ тѣлу», снова приступаетъ къ отцу съ требованьемъ, чтобы онъ поскорѣе письменно отрекся. Видя такую настойчивость, Людовикъ-Филиппъ принялся писать; дѣло это было не легкое, и не мудрено, что онъ медлилъ, потому что каждая буква была шагомъ впередъ, въ Англію. Герцогъ Монпансье, пока онъ пишетъ, выражаетъ свое нетерпѣнье энергическими жестами: это было единственное проявленіе энергіи, обнаруженное герцогомъ въ этотъ день.

Вскорѣ послѣ того королевское семейство выступаетъ изъ Тюльери. Когда они шли садомъ, упала лошадь одного національнаго гвардейца, сопровождавшаго ихъ.

«Герцогъ Монпансье невольно задрожалъ, крѣпко ежалъ руку Крезе и, быстро осматриваясь во все стороны, спросилъ: — Какъ вы думаете, могутъ ли пасть на короля? ... Бѣдный молодой человекъ!» вскрикнула королева, бросившись на помощь къ національному гвардейцу. Люи-Филиппъ, протянувъ руку къ лошади, загромодившей дорожку, повторилъ съ какимъ-то дикимъ испугомъ: «Оттащите эту лошадь». (Гарнье-Паже. Т. III. стр. 147).

На площади ихъ ждали экипажи. Когда король подошелъ къ карету, она уже была занята принцессами и дѣтьми. — «Выходите все», сказалъ онъ имъ. Герцогъ Монпансье, какъ можно себя представить, также не опоздалъ занять мѣсто; жена и сестра его были принуждены остаться по недостатку мѣстъ.

Такимъ образомъ июльская монархія сошла со сцены. Черезъ несколько часовъ Франція была республикой; но имена членовъ Временнаго правительства не общали ничего хорошаго. — Въ этомъ спискѣ не достасть еще только развѣ Бюжо, Сентъ-Арно и Тьера. Когда выйдутъ слѣдующіе томы исторіи Гарнье-Паже, мнѣ придется говорить о томъ, что сдѣлалось съ Франціей, представителями которой были такіе люди.

Историческій рассказъ г. Костомарова «Сынъ» — весьма замѣчательное и рѣдкое явленіе въ нашей литературѣ. Въ послѣднее время мы вообще невзбалованы беллетристикой, а историческіе романы и повѣсти у насъ всегда не удавались. Тѣмъ неожиданнымъ встрѣтить историческую повѣсть, не только хорошо рѣсказанную, но полную смысла и интереса.

Рассказъ этотъ относится къ одному изъ важѣйшихъ моментовъ нашей исторіи, къ семидесятымъ годамъ XVII вѣка, и представляетъ собою эпизодъ изъ великой драмы возстанія Стеньки Разина. Но сюжету повѣсть эта больше всего напоминаетъ «Капитанскую дочку» Пушкина, хотя сходство это, впрочемъ, только чисто-внѣшнее. Въ рассказѣ Пушкина интересъ сосредоточивается на мелочахъ, и событія, къ которымъ онъ относится, отодвигаются на второй планъ, и притомъ являются въ обезображенномъ видѣ. Народная жизнь играетъ въ немъ едва-ли не послѣднюю роль; авторъ

совершенно не сумѣлъ воспользоваться всѣми выгодами, которыя представлялъ ему предметъ разсказа. Онъ довольно безсмысленно рисовалъ историческія картички, что рѣзко бросается въ глаза мыслящему читателю, когда авторъ переноситъ разсказъ изъ оренбургскихъ селеній въ петербургскія окрестности.

При этомъ отъ самого автора совершенно ускользаетъ весь смыслъ контраста между событіями въ первой мѣстности и во второй. Онъ совершенно неспособенъ ни къ чему, кромѣ простого описанія новыхъ сценъ и мѣстностей. Поэтому отъ него нельзя и ожидать, чтобы онъ остановилъ вниманіе читателя на внутреннемъ смыслѣ изображаемыхъ имъ явленій.

Разсказъ г. Костомарова, вѣроятно, значительно уступаетъ пушкинскому въ художественномъ отношеніи, и я не сомнѣваюсь, что гг. Анненковъ и Эдельсонъ найдутъ въ немъ множество недостатковъ. Но я долженъ, къ сожалѣнію, признаться, что въ этомъ отношеніи смыслу очень мало, а потому не колеблюсь отдать преимущество «Сыну» передъ «Капитанскою дочкою». Въ разсказѣ г. Костомарова я нахожу все то, чего, по моему мнѣнію, нѣтъ въ повѣсти Пушкина. Уже самая сущность разсказа имѣетъ несравненно больше интереса, чѣмъ содержаніе «Капитанской дочки». — Сынъ богатаго помѣщика, Осипъ Нехорошевъ, возвратившись домой изъ похода въ Малороссію, находитъ мать свою въ гробу и видитъ на тѣлѣ ея признаки насильственной смерти. Онъ узнаетъ, что она убита его отцомъ, который влюбленъ въ сосѣдку. Тогда Осипъ отправляется въ сосѣдній городъ, Саранскъ, — къ воеводѣ съ доносомъ на отца. Но саранскому воеводѣ и безъ того много дѣла, потому что народъ уже поговариваетъ о батюшкѣ Степанѣ Тимофеевичѣ, отряды котораго уже неподалеку. Народное волненіе въ Саранскѣ и признаки приближающейся бури, настроеніе народа и безпокойство властей описаны здѣсь г. Костомаровымъ превосходно. Саранскій воевода оказывается добрымъ другомъ отца Осипа, и потому, получивъ допись, отвѣчаетъ, что не можетъ принять его, такъ какъ дѣти по закону не могутъ подавать жалобъ на родителей. Затѣмъ воевода, пригласивъ къ себѣ отца Осипа, въ его присутствіи велитъ наказать сына батогами. Сцена эта неподражаема по правному добродушію воеводы, въ которомъ авторъ прясно выразилъ всѣ тогдашнія понятія о семейныхъ отношеніяхъ и человѣческомъ достоинствѣ. Но Осипъ, человѣкъ для своего времени передовой, принимаетъ наказаніе не такъ добродушно,

какъ воевода даетъ его, и на другой день, узнавъ, что мятежники овладѣли сосѣднимъ Ашемарожъ, уходитъ къ нимъ. Въ Ашемарѣ онъ находитъ казацкаго атамана и своего стараго знакомаго, запорожца Кручу, который «посланъ отъ батюшки отаманівъ творить: кого громада наставитъ, порядку та звичаю козацкому научать.» Затѣмъ слѣдуетъ описаніе взятія Саранска, умерщвленія воеводы, погоня Осипа за отцомъ, плѣнъ и казнь его. Здѣсь, между прочимъ, превосходно описаніе того, какъ казакъ Круча вводилъ въ Саранскѣ казацкіе обычаи и наставлялъ народъ уму-разуму.

Чтобы дать читателю образчикъ достоинствъ разсказа г. Костомарова, я выписываю слѣдующую сцену, полную интереса и блистательно доказывающую знакомство автора съ обычаями и нравами времени, которое онъ описываетъ:

«Въ во-кресенье у кабака за посадомъ (въ Саранскѣ), близъ того мѣста, гдѣ казнили преступника, собралось много народу. Тамъ стояла толпа скомороховъ; было ихъ человекъ до двадцати, одинъ игралъ на волынкахъ, били въ бубны и накры, другіе представляли передъ народомъ дѣйства. Изъ раскинутаго шатра, который они съ собой всегда возили, вышелъ паряженный знатнымъ господиномъ скоморохъ въ высокой черной шапкѣ изъ дубовой коры, сѣлъ на колоду, подперся въ бока и уродливо надулся, оттопыривши нижнюю губу; двое съ униженнымъ видомъ кланялись ему въ ноги и подносили въ лукошкѣ кучу щепилъ и песку, на которой лежалъ свертокъ изъ лопушника: это напоминало челобитчиковъ, подносящихъ воеводѣ поминки съ челобитною, свернутою обыкновенно въ трубку.

— Выслушай, милостивецъ! говорили они жалобно-смѣшнымъ тономъ, не побрезгуй нашимъ добромъ!

Сидящій начиналъ ихъ бранить. Въ это время выскакивали изъ ряда скомороховъ двое другихъ, сѣдлись воеводѣ на плечи и кричали:

— Ой, бояринъ, ой воевода! Любо тебѣ было хорохориться, да поминки брать, да людей безвинныхъ обижать! пуга, братъ, вези теперь насъ на расправу надъ самимъ собой!

И они начинали его тузить и грозили утопить въ водѣ. Потомъ двое одѣтыхъ въ лохмотья и обутыхъ въ лапти тормошили и гоняли то въ ту, то въ другую сторону прутьями толстяка съ огромнымъ уродливымъ брюхомъ, а всѣ другіе хоромъ кричали: «Добрые люди, посмотрите, посмотрите, какъ холопы изъ господъ жиръ вытряхиваютъ!» Потомъ являлся купецъ и начиналъ считать

деньги, представляемыя камешками, а другіе скоморохи тормошили его и загребали у него изъ подъ рукъ деньги, приговаривая: «Давай, давай сюда! дѣлись съ нами. Побралъ съ народа за гнилой товаръ, теперь подѣлись-ка съ нами, съ голыдьбою!»

Черному народу очень нравились такія представленія. Веселость толпы удвоилась, когда скоморохи, выпивши по доброй чаркѣ вина, стали въ кругъ и, прихлопывая въ ладоши, кричали:

Ребятунки! праздникъ, праздникъ!

У батюшки праздникъ, праздникъ!

На матушкѣ Волгѣ праздникъ!

Сходися, голыдьба, на праздникъ!

Готовьтесь, бояре, на праздникъ!

Эхъ вы, купцы богатые, бояре тороватые! ставьте меду сладіе, варите брагу пьяную, отворяйте ворота растворчатая, принимайте гостей голыныхъ, босыхъ, оборванныхъ, голь кабацкую, чернь мужецкую, пеумытую!»

Вдругъ разнеслось въ толпѣ: «воевода, воевода!» Въ самомъ дѣлѣ изъ города показался воевода верхомъ, въ сопровожденіи стрѣльцовъ. Скоморохи съ удивительною скоростью подобрали свои хари, которыя надѣвали на лицо, свернули свой шатерь, убрали бубны и волышки и пустились въ разсыпную. Вся толпа побѣжала опретью во всѣ стороны. Воевода прискакалъ на мѣсто и не засталъ уже никого.

— Что здѣсь за дѣйство? кричалъ воевода на цѣловальника, стоявшаго непоколебимо у своего кабака: — тутъ воровскія дѣйства представляются! Гдѣ воры? ловить ихъ!

— Да кого ловить-то? сказалъ цѣловальникъ. Гдѣ ихъ ловить, коли они убѣжали, напугавшись? Это все свои честные люди; въ кабакъ царевъ погулять пришли; воровъ никакихъ не было!

— Какъ не было? кричалъ воевода: — гуляціе, бѣглые люди, скоморохи!

— И, батюшка, воевода — кормилецъ! говорилъ цѣловальникъ, какіе это бѣглые? чтожъ такое, что скоморохи?

— Да то, что у меня въ наказѣ написано такихъ ловить и хари у нихъ брить и на огнѣ жечь, да и тѣхъ, кто ихъ слушаетъ и на ихъ богопротивныя дѣйства смотритъ, бить внудомъ.

— Эхъ, бояринъ, на всяко чиханье не наздравствуешься! Ужъ будто всяко лыко въ строву? Чтожъ за важность, что въ наказѣ на-

писано? Коли намъ ихъ гонять, такъ и въ царской назнѣ недоборъ будетъ; да у тебя-жь, кормилецъ, въ наказѣ написано, чтобы головѣ кабацкому, что съ откупа взялъ кабаки въ Саранскѣ, на посадѣ ни во что не мѣшаться. Вѣстимо, ты воевода, такъ и власть у тебя есть; да вѣдь коли почнешь ихъ гонять, такъ весь народъ посадскій осерчаетъ на тебя, да и у насъ пить не стануть. А воровского тутъ нѣтъ ничего.

Воевода повернулъ коня и уѣхалъ назадъ». (Сынъ стр. 90—94).

Остается пожалѣть, что г-жа Ахматова назначила за эту книжку въ 8^{1/2} листовъ in 12 несообразную цѣну, рубль серебромъ. Это изумительно дорого по сравненію съ обыкновенными цѣнами русскихъ книгъ. Очень жаль, что, вѣроятно, это обстоятельство помѣшаетъ книжкѣ разойтись такъ, какъ было бы желательно.

Уже давно не было видано ничего подобнаго тому, что совершаетъ г. Грековъ въ своихъ разсказахъ. Разсказы эти можно раздѣлить на великосвѣтскіе и о чертовщинѣ. Въ великосвѣтскихъ авторъ описываетъ аристократическую жизнь свою и другихъ. Вообще личность г. Грекова всегда занимаетъ видное мѣсто въ его повѣстяхъ. Обыкновенно, когда въ повѣсти на сценѣ является я, то я это—такое же вымышленное лицо, какъ и всѣ прочія. Но у г. Грекова я есть всегда дѣйствительно самъ г. Грековъ. Этому я прочія дѣйствующія лица говорятъ комплименты на счетъ его стиховъ (потому что, какъ извѣстно, г. Грековъ — поэтъ) и перевода Фауста. Остальные лица увѣряютъ г. Грекова, что готовы поклоняться ему, что выписываютъ изъ журналовъ и зубрятъ паизустъ его стихи, что имъ жизнь не въ жизнь безъ грековского Фауста и т. д.

Весьма, должно быть, пріятно умѣть писать повѣсти челоуѣку, подвигающемуся и на другихъ литературныхъ поприщахъ. Взявъ, сочинилъ дощину лицъ и заставилъ ихъ говорить себѣ комплименты. Послѣ этого можно презирать зонловъ:

Зонль бранить, поэтъ не ропщеть.

Впрочемъ г. Грековъ не прочь сказать себѣ комплиментъ и отъ своего собственнаго лица. Но эти комплименты обращены не на поэтическій талантъ его, а на великосвѣтскія манеры, умѣнье обращаться въ бонтонномъ обществѣ и говорить по французски. Въ повѣстяхъ своихъ г. Грековъ постоянно изображаетъ себя говорящимъ по французски и, вѣроятно для контраста съ собою, любитъ выводить на сцену людей, дурно говорящихъ по французски. Надъ

этими несчастными онъ безпощадно глумится, обнаруживая много злобности и злости. Одного доктора онъ заставляетъ говорить: «Dans la semaine vous portez bien; cela n'est rien, je vous assure-lagatelle; un petit accès de fièvre. За то самъ онъ говоритъ съ шипомъ, отборными французскими напр. «Vraiment, notre premiere rencontre ressemble à celle de Faust avec Marguerite: vous reveniez de confesse; или: il se lance dans les compliments, le char homme. Savez vous, qu'il me rendra, jalour vous êtes totalement absorbée par sa personne» (Это все жемъетъ свой); или: Qu'admirez tu, ma belle amie? (Это супружницъ) и т. д. Вездѣ перловъ французскаго краспорѣчія г. Грекова, разсѣянныхъ въ его разсказѣ, не соберешь.

А то въ другомъ мѣстѣ авторъ изображаетъ себя бонтоно разговаривающаго съ своимъ великосвѣтскимъ другомъ о клубничкѣ. Собесѣдники—премиальные гонѣ, и разговоръ ихъ—веркъ совершенства. Пріятель г. Грекова разсказываетъ своему другу о плечахъ и кожѣ какой-то Софи Мясской, выходящей замужъ за «un bon diable, Рунискій... Муринскій... что-то такое». На это г. Грековъ аристо-кратично замѣчаетъ: «Mais c'est une mésaillance, mon cher,» на что моншеръ возражаетъ: «Vous ne venez pas du Japon, j'espere? Avec 100 mille r. de rentes, on ne fait pas de mésaillance». И затѣмъ лукаво замѣчаетъ, что «ce malingre ser ajustement le mari, qu'il vous faut: Sophie est une fine mouche». На сіе авторъ весело хочотъ и, вѣроятно настроенный этой бесѣдой на клубничныя новолановенія, проситъ своего великосвѣтскаго друга познакомиться его съ une courtisane.—Шалунишка однако этотъ господинъ Грековъ!

Вообще автору «Разсказовъ» живется педурно. Онъ ѣздитъ въ коляскѣ на балы, танцуетъ въ залахъ, «полныхъ того обаянія, которое приносятъ съ собой молодыя и прекрасныя женщины»; слушаетъ прѣіе дѣвицъ, въ голосахъ которыхъ «вѣетъ живительный воздухъ весны, пахнетъ розою, слышится сердце, любящее все прекрасное, ему говорятъ комплименты, хорошеякія дамы свидѣтельствуя ему съ румянцемъ на лицѣ: je veux être tout à toi, интересныя графини повѣтствуютъ ему о своихъ любовныхъ несчастіяхъ. Словомъ, не житье г. Грекову, а масляница! Темногіе терніи, которыя попадаютъ ему на пути,—самые безвредныя. Такъ напр., идя на одинъ балъ, разоранченный и благоухающій свѣтскостью, ему пришлось «пробиваться» (ей богу правда, посмотрите на стр. 7) «черезъ живую стѣну (народа), разившую сивухой и

коровьимъ масломъ». Я вполне сочувствую г. Грекову въ этой постигнутой его неприятности, но позволилъ бы себѣ замѣтить, что сивуха и коровье масло еще не богъ знаетъ какія бѣдствія, если бы, по рассказамъ его, я не видѣлъ, что жизнь его отравлена дѣйствительно страшною горечью.

Дѣло это разъясняется въ тѣхъ разсказахъ г. Грекова, гдѣ рѣчь идетъ о чертовщинѣ. Оказывается, что г. Грековъ есть новѣйшая Кассандра. Среди самаго безмятежнаго счастья, онъ глубоко несчастливъ, потому что предвидитъ всѣ бѣдствія, которыя предстоятъ ему въ будущемъ. Факты, рассказываемые имъ, дѣйствительно поразительны. Вообразите, напр., что у г. Грекова былъ братъ Теодоръ, отличавшійся «игривымъ и острымъ умомъ, безгранично доброй и благородной душой и необыкновеннымъ музыкальнымъ талантомъ». Однажды г. Грековъ увидѣлъ двойникъ своего брата, а что же? Ровно черезъ 14 лѣтъ послѣ того братъ этотъ умеръ! Поэтому г. Грековъ отвергаетъ заблужденіе Фейербаховъ, Бюхнеровъ, и Мошотовъ и рассказываетъ много другихъ замѣчательныхъ фактовъ *чертовщины* (это его выраженіе). Самый любопытный фактъ— это пребываніе чорта въ избѣ бабы Фіоны, занимавшагося кусаньемъ и щипаньемъ ея 12 тилѣтной дочери, бросаніемъ скамеекъ, ломаніемъ спицъ и путаньемъ шерсти. По поводу этого страннаго чорта, г. Грековъ замѣчаетъ, что «хотя не пишетъ диссертациі о привидѣніяхъ», но полагаетъ, что «для человѣка нѣтъ ничего вполне объяснимаго, развѣ только такія истины, какъ дважды два — четыре». Всѣ подобные казусные случаи, какъ забавы чорта у Фіоны, двойникъ Теодора и кассандровскій даръ самого г. Грекова, онъ называетъ общимъ именемъ чертовщины, но находятъ весьма естественнымъ. Увѣряю читателя, что всего этого я не выдумываю и что любопытный найдетъ все это и еще безконечное множество другихъ курьезовъ въ разсказѣ: «Странные случаи».

Изъ всего сказаннаго читатель можетъ усмотрѣть, что разсказы г. Грекова гораздо забавнѣе даже произведеній Кузьмы Пруткова.— Но хорошенькаго понемножку.

В. Зайцевъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Французская демократія теряетъ одновременно двухъ знаменитыхъ своихъ представителей: Шарра и Прудона.—Образъ жизни и послѣднія минуты Прудона.—Похороны его.— Столкновение по этому поводу между народомъ и войскомъ.—Отношеніе Прудона къ политическимъ партіямъ Франціи.—Отличительная черта его дѣятельности.—Жизнь и смерть Шарра.—Поиребеніе его тѣла съ Швейцаріи.—Рѣчь Эдара Кине надъ гробомъ Шарра.—Характеръ его политической дѣятельности.—Впечатлѣніе, произведенное окружнымъ посланіемъ Пія IX въ Италиіи и во Франціи.—Взаимныя антипатіи свѣтской и духовной власти въ католической Европѣ.—Кто кого раздавитъ?—Слухъ о томъ, что Пальмерстонъ пишетъ свои мемуары, подобно Наполеону III, сочиняющему жизнь Юлія Цезаря.—Какъ выгодно польстить императорско-авторскому самолюбію.—Насажденіе англійскимъ правительствомъ новыхъ плодовъ въ Индіи—опіума и латинской грамматики.—Прусскіе либералы и г. Бисмаркъ.—Советъ мой либераламъ отправиться домой—разводить капусту и курить кнастеръ.—Новые успѣхи сѣверо-американской арміи.—Взрывъ форта Фишера пловучей пороховой машиной.—Важныя послѣдствія паденія форта Фишера.—Упадокъ духа планкаторовъ.

Французская демократія одновременно потеряла двухъ изъ своихъ знаменитыхъ представителей: Шарра и Прудона.

Прудонъ умеръ на 56 году, вслѣдствіе сильной одышки и постоянной работы, которая истощила его могущественный мозгъ и, безъ сомнѣнія, отвяла бы его еще раньше, если бы онъ не поддер-

живаль себя такимъ здоровымъ образомъ жизни и еслибъ его привычки не были такъ просты. Нѣтъ никакой возможности производить такія идеи, которыми мѣръ обязанъ этому гениальному человѣку, и не устать раньше времени. Онъ это зналъ и чувствовалъ очень хорошо, когда писалъ въ своей книгѣ о *Справедливости*, которая, быть можетъ, стоила ему огромнаго труда: «Работа есть рядъ усилій, постоянное расхищаніе жизни,—она составляетъ рядъ постепенныхъ смертей». Но, не смотря на это, онъ продолжалъ работать съ **неутомимой энергіей**.

Уже довольно давно, онъ чувствовалъ приближеніе смерти; но оставался по прежнему веселъ и не измѣнялъ ни одной изъ своихъ привычекъ, только сталъ **гораздо разсчетливѣе** употреблять свое время и сдѣлался нѣжнѣе къ своей женѣ и двумъ дочерямъ. Онъ жилъ вообще очень просто, даже бѣдно, существуя только отъ продажи своихъ книгъ, изъ которыхъ послѣднія раскупались очень плохо; противъ нихъ было молчаливое осужденіе демократовъ и шумныя рукоплесканія католиковъ и легитимистовъ. Жизнь этого, единственнаго въ своемъ родѣ, человѣка была довольно мрачна; за исключеніемъ семейныхъ отношеній, онъ не имѣлъ, кромѣ воспоминаній и надеждъ, ничего, что бы могло подкрѣпить его въ постоянныхъ работахъ; затѣмъ онъ могъ наслаждаться дружбою немногихъ, оставшихся вѣрными ему, и, пожалуй, удивленіемъ нѣсколькихъ энтузіастовъ. Учениковъ онъ болѣе не имѣлъ, онъ самъ отказался имъ, одному за другимъ; а тѣ, которые остались съ нимъ и считали себя принадлежащими къ его школѣ, въ дѣйствительности представляли его близкихъ друзей.

Онъ умеръ—разсказывалъ его докторъ, — совершенно спокойно, такъ что окружающимъ за нѣсколько минутъ до его смерти казалось, что ему становится лучше. Но онъ самъ чувствовалъ приближеніе своей кончины:—«Оставайтесь подлѣ меня, говорилъ онъ, не уходите; намъ остается очень немного минутъ провести вмѣстѣ.»

Онъ былъ похороненъ на другой день послѣ смерти. Правительство, не испугавшееся выслать въ одинъ прекрасный день за предѣлы Франціи болѣе пятисотъ лучшихъ людей ея, съ нѣкотораго времени боится всякаго уличнаго шума, и потому оно хотѣло уложить Прудона въ могилу подъ сурдинку. Многие не могли даже узнать о смерти его; но не смотря на то, вокругъ его гроба собралось до трехъ тысячъ человѣкъ. День былъ пасмурный, дулъ сырой вѣтеръ, улицы были грязныя. Собраніе было торжественное и вовсе не походило на то, которое обыкновенно толпится за катафалками политическихъ знаменитостей. Каждый пришелъ изъ

религіозной обязанности къ человѣку, котораго не стало,—къ бывшему дѣятелю 1848 г.; каждый принесть, не смотря на осужденіе, не смотря на протестъ, который онъ чувствовалъ себя обязаннымъ произнести противъ человѣка, возбуждавшаго такой сильный гнѣвъ въ лагерѣ друзей и въ лагерѣ враговъ; каждый думать, что придетъ почти одинъ, и быть сильно удивленъ, очутившись въ многочисленной толпѣ. Эта толпа состояла, главнымъ образомъ, изъ молодыхъ людей, студентовъ, еще непринимавшихъ участія въ нашихъ гражданскихъ распряхъ и только-что вступившихъ въ новое политическое поколѣніе; здѣсь были также республиканцы 1848 г., которыхъ считали совсѣмъ вымершими. Эти суровые и непреклонные люди, видѣвшіе столько общественныхъ бѣдствій, на этотъ разъ измѣнили своей желѣзной твердости и плакали у гроба Прудона. Тамъ были и молодые, и старые. Въ воздухѣ чувствовалось что-то необыкновенное; сердца начинали сильно биться при наплывѣ новыхъ чувствъ, отъ которыхъ уже отвыкли.

Вдругъ проходитъ армейскій полкъ, съ музыкою впереди. Какая-то электрическая дрожь пробѣгаетъ по толпѣ; всѣ выпрямляются и инстинктивно, безъ всякаго оружія, идутъ на встрѣчу вооруженнымъ войскамъ и загораживаютъ имъ дорогу:—«Прочь музыку! Прочь музыку! Здѣсь въ домѣ лежитъ покойникъ.—Это Прудонъ!»

Неожиданная манифестація, какъ обыкновенно бываетъ при взрывѣ народныхъ чувствъ, оглушаетъ войска. Солдаты вопросительно смотрятъ на полковника, который не знаетъ самъ, что ему дѣлать. Замѣшательство продолжалось не болѣе нѣсколькихъ секундъ. Затѣмъ раздались повелительные крики: «Командуйте назадъ! Командуйте назадъ!» Этотъ крикъ увлекъ всѣхъ нерѣшительныхъ. Полковникъ сдѣлалъ салютъ шпагой и войска прошли мимо Прудона, отдавши ему честь.

Тогда послышалось нѣсколько криковъ:—«Да здравствуетъ армія! Да здравствуетъ 92 полкъ!» Затѣмъ проходитъ батальонъ гвардіи, точно также предшествуемый музыкой. Сердца, на минуту разогрѣтыя, тотчасъ же оледенѣли. Въмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу солдатамъ, толпа послала депутатомъ городского сержанта (каковъ посланникъ!), чтобы напомнить имъ военныя постановленія, которыя запрещаютъ играть музыкѣ передъ тѣмъ домомъ, гдѣ есть мертвый. Офицеръ, командовавшій батальономъ, трубо отвѣчала, что онъ не желаетъ получать приказанія отъ полицейскаго агента. Тогда нѣкоторые изъ присутствующихъ объяснили ему, что въ этого дома должны скоро вынести гробъ Прудона. Полковникъ сдѣлалъ знакъ, солдаты пошли тихо и все было кончено.

Тѣмъ бы все и кончилось; но журналы это происшествіе рассказали, сопровождая его похвалами 92 полку, что сильно скандализировало высокихъ особъ. Полковника потребовали къ отвѣту; къ тому же, онъ оказался племянникомъ слишкомъ извѣстнаго Пьетри. Ему дали хорошій урокъ, и для того, чтобы прекратить рассказы о томъ, что была публично отлана честь Прудону, этому кошмару реакціи, полковникъ получилъ приказаніе опровергнуть официальнымъ письмомъ фактъ, свидѣтелями котораго было нѣсколько сотъ человѣкъ. Всякій зналъ, что отдача этой чести была произведена нѣкоторымъ образомъ безсознательно, что тутъ дѣйствовало магнетическое вліяніе массы; никто не воображалъ, что армія присоединилась къ социалистамъ. Приятно было думать, что офицеръ, командовавшій полкомъ, оказался порядочнымъ человѣкомъ, — и вдругъ этотъ офицеръ публично протестуетъ, доказывая, что онъ просто трусъ *).

Процессъ погребенія принялъ трагическій характеръ; на могилѣ Прудона были произнесены трогательныя рѣчи; на гробъ его бросали вѣнки изъ цвѣтовъ.» — Многіе повторяли слова одного изъ ораторовъ: — Бойцу за справедливость будетъ отдана справедливость!»

Одна рѣчь была произнесена отъ имени французскихъ франкмасоновъ.

На другой день, одинъ изъ студенческихъ журналовъ: «Лѣвый Берегъ», появился съ черной каймой на заглавномъ листѣ.

Прудонъ умеръ слишкомъ бѣденъ для того, чтобы оставить что нибудь на свои похороны. Его друзья взяли на себя расходы погребенія и назначили пансіонъ его вдовѣ и дѣтямъ.

Мы не сообщаемъ никакихъ біографическихъ подробностей изъ жизни Прудона, который принадлежалъ къ числу людей, надѣлавшихъ больше всего шума въ свѣтѣ. Здѣсь будетъ кстати сообщить нѣсколько данныхъ относительно полковника Шарра, одного изъ дѣятелей 1848 года. Онъ былъ воспитанникомъ Политехнической Школы, изъ которой вышелъ въ 1830 г. Въ іюльскіе дни онъ былъ въ числѣ сражавшихся. Онъ никогда не скрывалъ чувствъ и громко высказывалъ свои убѣжденія, вслѣдствіе чего, не смотря на свои та-

* (Конечно, была цѣлая масса отвѣтовъ на письменный протестъ полковника. На одно изъ такихъ писемъ, подписанное аптекаремъ, полковникъ Пьетри извѣлъ нелѣпость отвѣчать вызовомъ на дуэль, предоставивъ противнику право выбрать какое угодно оружіе, за исключеніемъ вѣстерной трубки. На это аптекаръ отвѣчалъ: «Это оружіе именно и есть то, которое человѣкъ въ моемъ положеніи можетъ употребить противъ такого человѣка, какъ вы».

ланты и семилѣтніе походы въ Алжирѣ, онъ не быстро повышался. Въ концѣ 1844 года онъ былъ назначенъ начальникомъ батальона и въ этомъ положеніи его засталъ 1848 годъ. Онъ тотчасъ же былъ сдѣланъ помощникомъ государственнаго секретаря въ военномъ министерствѣ, и даже управлялъ имъ до генерала Кавеньяка. Но повышение его въ военной службѣ окончилось чномъ полковника, дагѣ котораго онъ не желалъ переступить. Во все продолженіе республики, его дѣятельность была болѣе парламентская, чѣмъ военная; онъ былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ, самыхъ полезныхъ и наиболѣе уважаемыхъ членовъ лѣвой стороны Временнаго правительства. Онъ противился перевороту, который замышляла буржуазія въ соединеніи съ партією легитимистовъ и католиковъ, и самъ сдѣлался жертвой наполеоновскаго переворота. Въ ночь на 2-е декабря онъ былъ арестованъ въ постели, затѣмъ вмѣстѣ съ другими отведенъ въ тюрьму Мазисъ, а потомъ вывезенъ на границу. Его имя находилось въ числѣ лицъ, назначенныхъ декретомъ къ изгнанію изъ Франціи. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, была объявлена амнистія, гордость не позволила ему возвратиться. Передъ смертью онъ завѣщалъ, чтобы тѣло его осталось въ гостепріимной странѣ, Швейцаріи, которая такъ радушно пріютила его во время изгнанія; онъ просилъ, чтобы его останки были отданы Франціи только тогда, когда они могутъ быть погребены въ свободной землѣ.

Онъ умеръ отъ сильнаго воспаления брюшины, соединеннаго съ тифомъ. При первыхъ припадкахъ онъ почувствовалъ, что болѣзнь будетъ имѣть роковой исходъ, привелъ въ порядокъ свои бумаги и простился съ семействомъ и друзьями. За нѣсколько дней до смерти ему пришла трогательная фантазія. Онъ попросилъ принести ему воды изъ французскаго источника въ Танѣ, гдѣ онъ провелъ свои счастливые дни *), и выпилъ ее въ послѣдній разъ за здоровье своего семейства, родины и болѣе счастливой Франціи.

Онъ умеръ, на 55 году, тѣхъ же лѣтъ, какъ и Прудонъ, и, подобно ему, жилъ и умеръ свободнымъ мыслителемъ.

Швейцарскіе офицеры считали за честь нести его тѣло. Многочисленные депутаціи швейцарцевъ и альзасцевъ участвовали въ процессіи; даже Парижъ прислалъ нѣсколькихъ изъ своихъ гражданъ. Великій изгнанникъ, Эдгаръ Кинне, произнесъ на его могилѣ рѣчь, которая отличалась торжественнымъ и вмѣстѣ печальнымъ

*) Онъ былъ знакомъ тамъ съ одной богатой и знатной женщиной, которая, спустя нѣсколько времени, отправилась къ бѣдному изгнаннику, чтобы жить съ нимъ на чужой землѣ.

краснорѣчіемъ. Впечатлѣніе, произведенное ею, выражено чрезвычайно вѣрно господиномъ Барни, профессоромъ исторіи въ женеvскомъ атенеѣ:

«Потеря такого человѣка составляетъ несчастье для каждаго изъ насъ. Характеры подобнаго закала слишкомъ рѣдки и слишкомъ дороги; они соединяютъ гражданское мужество съ военнымъ, и владѣютъ перомъ такъ же хорошо, какъ и шпагой, пользуясь первымъ, когда вторая лежитъ въ ножнахъ. Они слишкомъ рѣдки и слишкомъ дороги, эти великіе граждане, чтобы ихъ не оплакивали всѣ свободные люди, когда они покидаютъ ихъ, въ особенности, если это происходитъ еще въ то время, когда не совсѣмъ окончено ихъ дѣло.

«Шарра былъ оплаканъ, какъ онъ этого заслуживать. Я еще никогда не видалъ столько слезъ. Какую лучшую похвалу я могу привести относительно заслугъ полковника Шарра? У гроба его были представители четырехъ лучшихъ націй, и всѣ они одинаково глубоко чувствовали потерю этого непоколебимаго и единственнаго друга человѣчества.»

Смерть Прудона и Шарра была замѣчена большинствомъ публики и произвела сильное впечатлѣніе на французовъ и особенно на республиканскую партію. Оба эти человѣка служили противовѣсомъ одинъ другому. Первый былъ замѣчательной личностью между мыслителями XIX вѣка; второй принадлежалъ къ людямъ *дѣйствія*. До сихъ поръ французская демократія раздѣлялась на два лагеря, которые часто доходили до вражды другъ съ другомъ; Ледрю Ролленъ долго принадлежалъ къ одной, а Люи-Бланъ къ другой партіи. Общія несчастія сблизили мало по малу враждующихъ братьевъ, смерть помирила ихъ передъ могилою враждовавшихъ предводителей. Въ сущности смерть Прудона облегчила демократическую партію, тогда какъ смерть Шарра была незамѣнимой потерей;—имя Прудона раздѣляло, имя Шарра сблизало.

Поговоримъ сперва о Прудонѣ:—сдѣлалъ ли онъ больше добра, чѣмъ зла, или больше зла, чѣмъ добра? Рѣшить это чрезвычайно трудно. Знаменитый авторъ *Философіи бѣдности* былъ самъ живымъ противорѣчіемъ. Среди его титаническихъ работъ онъ такъ же легко создавалъ плодотворныя идеи, какъ и уничтожалъ ихъ; одной рукой онъ творилъ, а другой—разрушалъ. Онъ признавалъ, что война гнусна, потому что она свята, справедлива и необходима. Онъ изучилъ различныя системы налоговъ, доказалъ, что они дурны и разорительны во всѣхъ отношеніяхъ, и кончилъ, говоря, что ихъ слѣдуетъ сохранить. Въ его знаменитой книгѣ о *Справед-*

живости, которую онъ дорожилъ больше всѣхъ другихъ, одна треть идей превосходна, другая порядочна а, послѣдняя отвратительна. Какъ мыслителя, какъ философа и какъ экономиста, мы не станемъ ни хвалить, ни порицать Прудона, потому что въ настоящее время нѣтъ возможности разобрать что нибудь въ его разнорѣчивыхъ взглядахъ, гдѣ онъ, объ одномъ и томъ же, говоритъ *да* и *нѣтъ*, и ни *да*, ни *нѣтъ*. Въ настоящее время будетъ еще одинаково ложно—какъ оправдывать, такъ и осуждать Прудона, поэтому мы скажемъ только, что онъ былъ чрезвычайно честный писатель и, вслѣдствіе этого, очень опасный софистъ и одинъ изъ самыхъ полезныхъ людей для возбужденія европейской мысли, особенно французскаго гения, отупѣвшаго въ послѣднее время до небывалой пошлости. Прудонъ не давалъ заснуть послѣднимъ мыслящимъ людямъ Франціи и нарушалъ послѣдобенный блаженный сонъ легіона парижскихъ филлистеровъ. Въ этомъ его главнѣйшая заслуга. Что же касается его философской теоріи, двоившейся между отвѣченнымъ ученіемъ Гегеля и его собственнымъ реальнымъ взглядомъ на экономическіе вопросы, то въ основѣ ея лежало обоготвореніе свободной человѣческой личности, политѣйшая индивидуальность, безъ которой для Прудона не могло быть вполнѣ развитой общественной жизни. Англійское *self-he'p* онъ называлъ изъ ненависти къ французской бюрократіи—анархіей.

Для того, чтобы понять этого страннаго человѣка, никогда не слѣдуетъ забывать, что онъ слишкомъ увлекался споромъ, и съ такою силою наносилъ удары, преслѣдуя противника, что самъ падать на землю.

Онъ болѣе предпочиталъ бить сильно, чѣмъ вѣрно. Его постоянная тактика въ отношеніи его противниковъ состояла въ томъ, чтобы выхватить у своего соперника оружіе и тѣмъ же самымъ оружіемъ, если не поразить, то оглушить его. И когда онъ успѣвалъ это сдѣлать, тогда восторгъ его не имѣлъ границъ, и, въ порывѣ одного изъ подобныхъ приреческихъ увлеченій, онъ воспѣлъ *Иронію*, свою великую богиню. Онъ уживался діалектикой, какъ виномъ, и любилъ свое пьянство; онъ восторженно увлекался синлогизмами, какъ поэты уживаются рифмами. Онъ требовалъ логики, требовалъ много и сдѣлать еще больше. Конечно неудивительно, что, при такомъ характерѣ, враги не понимали его, а друзья и того меньше; точно также не удивительно и то, что онъ сердился болѣе на двузей за ихъ непониманіе, чѣмъ на враговъ.

Какъ политическій дѣятель, онъ ничѣмъ не отличался отъ экономиста. Не было личности, не было революціонной партіи, на которую

бы не нападалъ этотъ человѣкъ, нанося ей такіе же страшныя удары, какъ и буржуазіи. Онъ нападалъ на всѣхъ, на фурьеристовъ, сенсимонистовъ, на послѣдователей Кабе, Бастиа, Пьера Леру, Огюста Конта, Люи-Блана, Жерю Роллена и всѣмъ имъ наносилъ тяжкія раны. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ преслѣдовалъ пажъниковъ-демократовъ. Въ то время, когда французскіе республиканцы вступали въ болѣе или менѣе притворный союзъ съ партией буржуазіи, Прудонъ былъ почти одинъ на столько благороденъ и мужественъ, что остался при прежнемъ мнѣніи и протестовалъ изъ своего угла памфлетами, напечатанными въ «Типографіи пустыни».

Прудонъ и 60, какъ ихъ называютъ, поддерживали до конца знамя своей партіи, не сдаваясь на компромиссъ и соглашеніе съ имперіей, Прудонъ и его друзья первые рѣшились защищать свое дѣло послѣ кровопролитныхъ іюньскихъ дней и отвѣчать на предписанныя Кавеньякомъ и т. п. незаконныя изгнанія и ссылки парижскими выборами, посланными Дефлотта въ Национальное Собраніе. Послѣ декабрьской ночи, когда Франція молчала въ страхѣ и ужасѣ, Прудонъ первый пришелъ въ чувство и написалъ книгу, замѣчательную по смѣлости, силѣ, слылу и негодованію, прикрытому притворнымъ видомъ простоты. Эта книга, какъ и большая часть сочиненій Прудона, была предметомъ разнообразныхъ толковъ и сужденій, пока не была понята, какъ слѣдуетъ.

Въ то время, когда всѣ были испуганы, Прудонъ былъ смѣлъ; въ то время, когда всѣ измѣняли, онъ остался честенъ. — Исторія не забудетъ этой черты.

Разсказавъ эти событія, дѣлающія честь великому гражданину, слѣдуетъ также прибавить, что мало людей сдѣлали, подобно ему, такъ много вреда республиканской партіи. Онъ осмѣивалъ людей дѣла и опровергалъ людей мысли, тогда какъ, скорѣе, долженъ былъ бы ихъ уважать, какъ своихъ союзниковъ. Онъ разочаровалъ и оттолкнулъ множество преданныхъ и умныхъ людей, которые, по милости Прудона, уже болѣе ни въ кого не вѣрили, ни даже въ самого Прудона. Приводя въ уныніе республиканцевъ, онъ въ то же время наводилъ ужасъ на буржуазію, показывая ей *красный спектръ*, — произведеніе его фантазій.

Такимъ былъ Прудонъ, по крайней мѣрѣ, таковъ его портретъ, написанный, по возможности, вѣрно. — Онъ выражаетъ, быть можетъ, посмертную справедливость, возданную человѣку передъ его могилой.

Не знаемъ, справедливо ли это, только этотъ человѣкъ, который

наканунѣ своей смерти былъ почти изгнанъ изъ демократіи и котораго превозносили до пошлостей католическіе и легитимистскіе журналы за его ненависть къ Италиі, какъ-будто бы вышелъ изъ своей могилы; мы слышали, какъ нѣкоторые говорили, что Прудонъ родился въ день своей смерти.

Какъ бы то ни было, если уваженіе и симпатія сопровождаютъ имя Прудона, лежащаго въ могилѣ, то все-таки не слѣдуетъ забывать, что во время своей жизни онъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые раздѣляютъ, а не соединяютъ.

Шарра, совсѣмъ напротивъ, былъ, какъ мы уже сказали выше, одинъ изъ тѣхъ людей, которые соединяютъ ровность характера съ мужественной честностью, и поэтому онъ внушалъ уваженіе къ себѣ всѣмъ партіямъ. Какъ человѣку дѣла, ему не приходилось защищать ту или другую идею и принимать сторону одной доктрины противъ другой. Ему давало особенное положеніе между республиканцами еще то обстоятельство, что онъ былъ очень способнымъ офицеромъ и на хорошемъ счету въ арміи. Послѣ июньскихъ и декабрьскихъ событій, французская демократія убѣдилась, что на армію ей полагаться нельзя, и поэтому, думала распустить войска и переформировать ихъ по образцу швейцарскихъ, т. е. дать всѣмъ гражданамъ военное образованіе, чтобы каждый, прослуживъ мѣсяць или недѣль шесть въ лагерѣ, возвращался затѣмъ къ себѣ домой. Если такимъ образомъ вся нація будетъ вооружена, то въ случаѣ нападенія легко въ очень короткій срокъ образовать значительную армію, но при этомъ не будетъ необходимости содержать громадные постоянныя войска, которыя пожираютъ миллиарды за миллиардами. Однако для того, чтобы объявить уничтоженіе французской арміи и распустить солдатъ по домамъ, нужно говорить извѣстнымъ языкомъ, быть снисходительнымъ къ нѣкоторымъ щекотливымъ вопросамъ, однимъ словомъ, нужно для этого ѣсть изъ одной чашки съ ними. Поэтому во всѣхъ предположеніяхъ и приготовленіяхъ, замышляемыхъ избранными изъ людей дѣла, Шарра постоянно занималъ мѣсто военнаго министра или даже диктатора. Въ этомъ отношеніи всѣ партіи одинаково были расположены къ Шарра, и надо сказать, что едва ли кто нибудь изъ современныхъ французовъ заслуживалъ такого довѣрія.

Какъ генералъ, диктаторъ и историкъ сраженія при Ватерлоо, онъ въ данномъ случаѣ навѣрное бы имѣлъ за себя всѣ голоса.

Этого достаточно, для того, чтобы объяснить, почему его преждевременная смерть навела такое уныніе на людей всѣхъ отгѣн-

ковъ передовой партіи. Какъ диктаторъ или какъ президентъ, онъ вѣроятно былъ бы главнымъ дѣятелемъ новаго порядка, и умеръ, не успѣвши исполнить тѣхъ великихъ дѣяній, которыя отечество ожидало отъ этого честнаго гражданина.

Такимъ образомъ разомъ скончались два человѣка, изъ которыхъ одинъ представлялъ будущность французской націи, а другой — прошедшее ея республики. Тѣ, кто провожалъ Прудона на кладбище, спрашивали другъ у друга новостей о Шарра, который уже лежалъ на одрѣ смерти.

Съ того времени, какъ Прудонъ померъ и погребенъ, всѣ ясно поняли, что этотъ человѣкъ родился, какъ политикъ и литераторъ, въ 1848, вмѣстѣ съ революціею, и съ нею же умеръ. Онъ былъ представителемъ ея ошибокъ, крайностей, страстей и борьбы, ея противорѣчій, нетерпѣнія и невообразимой неосторожности, но онъ былъ представителемъ и ея добродѣтелей, ея рѣдкаго безкорыстія, великодушія, простоты и проблесковъ генія.

Движеніе 1848 года можно считать оконченнымъ; съ этихъ поръ оно принадлежитъ исторіи. Мы не рѣшаемся судить о немъ, но замѣтимъ только, что, съ точки зрѣнія нашихъ психологовъ, оно представляетъ въ высшей степени замѣчательное явленіе.

Политика «итальянской эхидны», какъ называлъ папскую политику остроумный Нельтанъ, продолжаетъ разливать свой ядъ среди бѣднаго народонаселенія Италіи. Прелаты и легіоны другихъ черныхъ людей на тысячи разныхъ голосовъ читаютъ съ церковныхъ кафедръ, комментируютъ и объясняютъ апостольское посланіе Нія IX. Впрочемъ надо отдать справедливость тому образованному меньшинству итальянской націи, которое понимаетъ, что поджаривать еретиковъ и душить свободу совѣсти и мысли во всякомъ случаѣ несвоевременно. Поэтому, въ нѣкоторыхъ городахъ папская булла была принята съ достойнымъ негодованіемъ.

Во Франціи и посланіе Нія IX произвело другого рода эффектъ. Мы уже говорили, что Наполеонъ III, одинъ изъ самыхъ преданныхъ сыновъ св. отца, запретилъ читать въ церквяхъ нѣкоторыя (разумеется, самыя рѣзкія) мѣста окружнаго посланія. Но такъ какъ между духовенствомъ и свѣтскою властью уже давно нарушено доброе согласіе и они во временахъ даютъ другъ другу самыя любезныя шепотки, то многіе епископы прикинулись мучениками, готовыми пострадать за неприкосновенность своихъ правъ. Не смотря на угрозы министра вѣроисповѣданій, мужиковатаго г. Барона, нѣкоторые епископы

монсеньеры сообщили своимъ паствамъ окружное посланіе во всей его цѣлости. Одинъ изъ нихъ, самый хвастливый и задорный, монсеньеръ де-Брезе, считающій въ своей латинской грамотѣ четырнадцать дворянскихъ поколѣній, вышелъ на кафедру съ запрещеніемъ въ карманѣ. «Министръ духовныхъ дѣлъ, сказалъ онъ, запретишь мнѣ читать вамъ окружное посланіе; но такъ какъ преступно думать, чтобы министръ зналъ столько же, сколько наша, и могъ бы поправлять главу католической церкви, то я и рѣшился лучше повиноваться св. отцу, чѣмъ его грѣховному сыну. И такъ, внимайте мнѣ и поучайтесь?»

Г. Барошъ, извѣщенный о поступкѣ де-Брезе, сильно разсердился; онъ принялъ за личное оскорбленіе своеволие монсеньера и донесъ государственному совѣту, что епископъ превысилъ свою власть и выказалъ презрѣніе къ императорскому декрету. Но что же изъ всего этого будетъ? Совѣтъ соберется и послѣ многочисленныхъ рапортовъ и совѣщаній напишетъ г. де-Брезе слѣдующее любезное посланіе:

«Монсеньеръ! Государственный совѣтъ, по долгомъ и зрѣломъ обсужденіи, рѣшилъ, что вы вашиимъ поведеніемъ превысили свою власть.» А монсеньеръ отвѣтитъ: «а мнѣ-то какое дѣло до вашей власти?»—Да и въ самомъ дѣлѣ: нашли чѣмъ испугать человѣка стоящаго во главѣ шестисотъ священниковъ, трехсотъ тысячъ благочестивыхъ прихожанъ и получающаго сто тысячъ годового дохода. Ну-ка уязвите такого господина! Пока правительство не присвоитъ себѣ власть раздавать своимъ подданнымъ епископскія шапки и рясы, монсеньеры могутъ спокойно класть въ карманы не только императорскіе декреты, но и свою собственную совѣсть.

Находчивый Абу разрѣшилъ епископскій вопросъ въ одномъ изъ лучшихъ фельетоновъ, которые когда-либо онъ писалъ. Я позволяю себѣ выписать здѣсь нѣсколько строкъ изъ этого письма, адресованнаго его превосходительству, г. Барошу.

«Я знаю, говорить Абу отъ лица анонимнаго епископа, какой опасности подвергаетъ меня моя откровенность, но я рискую. Законъ вашей страны, который былъ когда-то гораздо лучше, позволялъ вамъ возвести меня въ епископскій санъ, но онъ не даетъ вамъ права отнять его у меня. Онъ васъ уполномочилъ поселить меня въ богатомъ дворцѣ, но не уполномочилъ вывести меня изъ него. Онъ вамъ далъ право выдавать мнѣ ежегодно ленту, въ видѣ довольно круглой суммы, но не даетъ вамъ средствъ отнять ее у меня. *Dura Lex, sed Lex*: я принялъ его безъ всякой борьбы какъ и все, что меня нисколько не стѣсняетъ...»

«In iHo tempore, при Бурбонахъ старшей линіи, мы не были ультрамонтанами. И зачѣмъ намъ было быть ими? я васъ спрашиваю. Зачѣмъ искать точки опоры за Альпами, когда мы ее можемъ найти въ самомъ Парижѣ? Тотъ не знаетъ характера духовенства: кто утверждаетъ, что оно хочетъ преобладать надъ всѣмъ, и всѣмъ управлять: наша натура гораздо сложнѣе. Намъ нужны не только слуги, но также и начальники; мы любимъ не только, чтобы насъ слушали, но и сами нуждаемся въ томъ, чтобы кого нибудь слушать: мы были бы въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи, даже нѣсколько стѣснены, если бы заставляли исполнять наши желанія и сами бы не подвергались этому, если бы намъ вѣрили на слово и мы не имѣли бы удовольствія отдавать кому нибудь въ распоряженіе свой разумъ, ничѣмъ несвязанный.

«Кто говорить о католическомъ духовенствѣ, — говоритъ о промежуточномъ, среднемъ элементѣ, проникнутомъ гордостью и униженіемъ, непреклоннымъ деспотизмомъ и совершенной покорностью. Вотъ почему Карлъ X былъ изъ нашихъ; вотъ почему Людовикъ Филиппъ, возвысившійся на основаніи какихъ-то quasi-выборовъ, не имѣлъ на насъ никакого вліянія. Его царствованіе заставило насъ искать точки опоры внѣ Франціи. Римскій дворъ протянулъ къ намъ свои объятія. Гдѣ найти, кромѣ Рима, правительство неподвижное, непоколебимое, непогрѣшимое и неоспоримое, какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ дѣлахъ?

«Запишите въ бумагахъ господина министра, что мы принимаемъ все, исключая разсужденій. Власть оскорбляетъ насъ время отъ времени, самовластіе тяготитъ насъ, надменные фантази старцевъ, часто ограниченнаго, стѣсняютъ насъ или досаждаютъ намъ; во все это легкія раны: — разсужденія убиваютъ насъ.

«Но чтобы закончить это посланіе и безъ того уже слишкомъ длинное, я хочу васъ предостеречь противъ коварнаго совѣта, который вамъ дѣютъ наши враги.

«Изверги ада, утонувшіе въ тинѣ журналистики, кричатъ вамъ на всѣ тоны: «Церковь хочетъ быть свободной, — сдѣлайте ее свободной, отдѣливъ ее отъ государства. Предоставьте ей исповѣдывать, проповѣдывать и писать, какъ ей взумается, но уничтожьте ту солидарность, которая связываетъ васъ такъ плотно съ нею. Позвольте ей удовлетворять свои нужды помощью подаянія отъ вѣрующихъ и вычеркните ее изъ вашего бюджета.

«О безумная политика! развѣ это значитъ быть свободнымъ, если насъ заключать въ узкіе предѣлы духовной власти? Свѣтская власть

намъ такъ же дорога, такъ же необходима, какъ и св. отцу. Только королевская власть можетъ удовлетворить нужды папы. Г. Терръ доказать это. Точно такъ же, и на томъ же самомъ основаніи, каждый изъ насъ можетъ, хочетъ и долженъ царствовать въ своей епархіи, жить во дворцѣ, выѣзжать въ каретѣ, полными горстями черпать изъ бюджета, назначать и смѣнять гражданскихъ чиновниковъ. Къ чему бы намъ послужило право свободно учить католиковъ катехизису, если мы не могли бы преслѣдовать невѣрующихъ? Мы не хотимъ, чтобы церковь составляла государство въ государствѣ, но хотимъ, чтобы она была сама государствомъ, чтобы церковныя имущества, этотъ священный залогъ, отнятыя у насъ демагогами, были возвращены нашей братіи, чтобы наши священники не подлежали гражданскому суду; чтобы граждане, обвиненные въ пеллриі или въ святотатствѣ, отдавались на самый компетентный судъ, именно нашъ. Мы требуемъ права разсматривать предварительно всѣ рукописи, предназначаемыя къ печати, права дозволять или запрещать, въ виду интересовъ религіи, такъ называемыя ученія открытія; права подавлять промышленныя и торговыя оргіи, которыя громадными богатствами развращаютъ націи.

«Говоря въ двухъ словахъ, мы не желаемъ, чтобы насъ сдѣлали свободными, но чтобы мы были господами. Взамѣнъ этого, мы обѣщаемъ умѣренно пользоваться своею абсолютною властью и поддерживать силой своего авторитета свѣтскую власть. Желѣзныя дороги будутъ терпимы, употребленіе пара и электричества будетъ дозволено въ благоразумныхъ границахъ; евреевъ не будутъ преслѣдовать; мы выстроимъ достаточной величины Ghetto (еврейскій кварталъ въ Римѣ) для того, чтобы въ немъ могли удобно помѣститься Ротшильдъ, Перейра и tutti quanti вмѣстѣ съ своими семействами.

«Всякое другое устройство намъ покажется стѣснительнымъ и заставитъ возстать противъ императорской власти, какъ насъ, такъ и нашихъ священниковъ, монаховъ и всѣхъ послѣдователей. Если вы не желаете принять мои условія, то вы не должны терять время: торопитесь раздавить насъ, иначе мы васъ раздавимъ.

«Съ чувствомъ истиннаго католика, имѣю честь быть вашимъ, господинъ министръ, всепокорнѣйшимъ слугою.

Эдмондъ Абу.»

Въ такомъ положеніи стоятъ другъ передъ другомъ свѣтская и духовная власть во Франціи и почти во всей католической Европѣ. Кто изъ нихъ раздавить прежде другъ друга—это угадать не трудно.

Между тѣмъ, какъ Наполеонъ III заканчиваетъ жизнеописаніе Юлія Цезаря, лордъ Пальмерстонъ приступаетъ къ сочиненію своихъ мемуаровъ; такимъ образомъ міру предстоитъ обогатиться двумя великими произведеніями государственныхъ умовъ. Только намъ кажется страннымъ, почему Наполеонъ III избралъ для своего пера такую ветхую и никому ненужную эпоху, какъ времена римскаго полководца, и не пожелалъ повѣдать свѣту хоть, напримеръ, объ основаніи второй французской имперіи. Исторія этого событія, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ былъ бы самъ авторъ, представляла бы гораздо болѣе интереса и поучительныхъ выводовъ, чѣмъ жизнь Юлія Цезаря. Но «такъ угодно было Богу», говоритъ одинъ изъ клерикальныхъ журналовъ, «чтобы выборъ французскаго императора остановился именно на Юліѣ Цезарѣ; чтобы одинъ великій человекъ нашелъ себѣ историка въ другомъ великомъ человекѣ.»

Нельзя не отдать справедливости авторской заботливости Наполеона III, который, какъ самая чадолюбивая мать, ухаживаетъ за своимъ твореніемъ. Онъ самъ перечитываетъ послѣднюю корректуру, самъ избираетъ шрифтъ и виньетки для украшенія своей книги, самъ назначаетъ переводчиковъ на иностранные языки, приглашаетъ своихъ друзей по пятницамъ и читаетъ имъ на сонъ грядущій по нѣскольку страницъ изъ Юлія Цезаря. Всѣ, разумѣется, слушаютъ съ восторгомъ, и кому нужна лента или доходное мѣсто, тотъ особенно удивляется гениальному произведенію и счастливому выбору предмета. Рассказываютъ по этому поводу очень забавный анекдотъ въ парижскихъ кружкахъ. Одинъ бѣдный художникъ, у котораго сохранилась рѣдкая коллекція классическихъ портретовъ, и въ числѣ ихъ Юлія Цезаря, былъ привезенъ изъ Алжирія и представленъ Наполеону III. На вопросъ императора: «чѣмъ преимущественно занята Алжирія въ настоящее время?» ловкій художникъ отвѣчалъ безъ запинки и не моргнувъ глазомъ: — «выходомъ въ свѣтъ сочиненія вашего величества». Гениальному автору никакъ не могло придти въ голову, что кабилы — народъ очень умный, исключительно занятый своими превосходными баранами и совершенно равнодушный къ Юліямъ Цезарямъ. Тѣмъ не менѣе кстати подкурившій художникъ получилъ на другой день мѣсто секретаря въ императорскомъ музеумѣ. Когда его провожалъ камердинеръ Наполеона III, то шепнулъ ему на ухо: «молодецъ вы, чортъ побери, — сразу угадали, чѣмъ понравится; теперь все пойдетъ, какъ по маслу.»

Не знаю, какъ велико авторское самолюбіе Пальмерстона и когда Англія увидитъ его славные мемуары, но я нахожу очень полезными

для европейскаго спокойствія такія мирныя занятія двухъ столбовъ современной политики— Пусть ихъ упражняются въ невинномъ сочинительствѣ, — человѣчеству отъ этого не хуже. Одной лишней войной будетъ меньше; въ Китаѣ меньше повстаній мятежныхъ тайпинговъ, въ Мексикѣ меньше разстрѣляютъ захваченныхъ въ плѣнъ гверильясовъ, въ самой Англійи и Франціи меньше натворятъ глупостей, подобныхъ дипломатическимъ словопрещіямъ Джона Росселя и предложенію графа де-Морни—составить новый государственный фондъ, обложивъ колоніи подушнымъ налогомъ.

Но все это—васильковыя квітки по сравненію съ тѣми плодами, которые насаждаетъ англійское правительство въ Индіи. Оно приобрѣло еще нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ самой лучшей земли по берегамъ Ганга для разведенія опиума, которымъ оно уже давно отравляетъ восточныя племена. Брайтъ, намекая на это злодѣяніе, сказалъ, что такой цивилизованной странѣ, какъ Англія, нужны стада идіотовъ на Востокъ, чтобы эксплуатировать ихъ, не чувствуя ни стыда, ни угрызений совѣсти. Въ то время, какъ готовится новыя запасы опиума для отравы физическаго организма, въ индійскихъ школахъ просвѣщенная англійская филантропія разводитъ другого рода опиумъ,—для нравственнаго оупѣненія бѣдныхъ населеній. Въ 1859 году эти школы были преобразованы, и туземному юношеству былъ предоставленъ свободный выборъ—учиться на индійскомъ или англійскомъ языкѣ. Классическая дребедень, которой набиваютъ головы англійской молодежи, не была обязательной для индійца. Онъ могъ не учиться греческой и латинской грамматикѣ, употребивъ это время на что нибудь болѣе полезное и дѣйствительно-развивающее умъ. Но вотъ почему-то найдено необходимымъ, чтобы индійцы знали наизусть гексаметры Гомера и оды Горация, и классическій мусоръ вошелъ въ число обязательныхъ предметовъ для учебныхъ заведеній. Теперь посыпятся бамбуковыя палки на спины мальчиковъ, начнутся разныя мелкія истязанія для того, чтобы вдолбить въ голову юноши какого нибудь классическаго дурака Саллюстія, Ограничится ли это одними внушеніями или тайными же мѣрами, какими уничтожалась національная жизнь индійцевъ во времена ея прежнихъ правителей, — это пока неизвѣстно, но намѣренія ясно видны и слова Брайта получаютъ настоящій свой смыслъ.

Когда намъ приходится говорить о Германіи и въ особенности о Пруссіи, то мы испытываемъ чувство того больнаго, которому

докторъ запрещаетъ ѣсть соленые огурцы и развлекать себя пустыми разговорами. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ европейская пресса толкуетъ о жалкомъ состояніи представительнаго сословія въ Пруссіи, а дѣла его все такъ же плохи. Борьба министерства съ національнымъ парламентомъ снова началась. Въ продолженіи почти пѣлаго года, дѣлами безконтрольно управлялъ г. Бисмаркъ; администрація дѣлала все, что хотѣла, нисколько не заботясь объ общественномъ мнѣніи и объ его представителяхъ.

Чтобы судить о взаимныхъ отношеніяхъ палаты и кабинета, не мѣшаетъ только вспомнить королевскій декретъ прошлаго года, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что нужно было бы отказаться отъ всякой надежды на примиреніе. Слова эти были истолкованы, какъ рѣшительная мѣра или, по крайней мѣрѣ, какъ угроза снова распуścić палату.

Но г. Бисмарку не было необходимости этого сдѣлать. Онъ изловчился парализовать дѣятельность представительнаго собранія и обезсилить оппозицію другими мѣрами. Онъ изобрѣлъ датскую войну, отвлекъ вниманіе общества отъ внутреннихъ дѣлъ внѣшними событіями.

Теперь примиреніе становится еще болѣе невозможнымъ. Желанія членовъ парламента и министра Бисмарка такъ различны, что согласить ихъ можетъ только, одинъ кризисъ. Оппозиція, безъ всякаго сомнѣнія, была бы готова оставить свой страдальный постъ и опять отправиться по домамъ разводить капусту и курить на чистомъ воздухѣ самый крѣпкій кнастеръ, но что же скажетъ нація и что подумаетъ о прусскомъ либерализмѣ европейская публика? Къ тому же, раздраженное безсиліе ужасно любитъ поставить на своемъ.

Въ отвѣтъ на рѣчь короля, палата во второй разъ избрала вице-президентомъ г. Грабова, но избраніе было сдѣлано такъ робко и нерѣшительно, что при первомъ натискѣ г. Бисмарка оппозиція показала бы пятки.

Г. Грабовъ, едва только вступилъ въ свою должность, тотчасъ же поднялъ брошенную ему г. Бисмаркомъ перчатку. — «Господа, сказать онъ, во время послѣдняго засѣданія министерство отказалось уже отъ всякой надежды на согласіе съ этой палатой. Затѣмъ преслѣдованія свободнаго книгопечатанія, дисциплинарныя мѣры противъ либераловъ-чиновниковъ, неутвержденіе общественныхъ выборовъ, недоувѣріе, клевета на либеральныхъ гражданъ—вотъ поступки, начинающіе проявляться гораздо въ большихъ, противъ прежнихъ лѣтъ, размѣрахъ. Свободное мнѣніе уничтожено; преданность своимъ

убѣжденіямъ, самая лучшая сторона прежнихъ пруссаковъ,—былъ предметомъ вовсе не-прусскаго преслѣдованія».

«Между тѣмъ совѣсть прусскаго народа и избранныхъ его представителей не преклонится ни предъ какимъ дѣйствіемъ никакой власти въ мірѣ, если дѣло касается до сохраненія святости конституціонныхъ правъ короны и народа.»

Но развѣ не то же самое говорилось три года тому назадъ?—И тогда взаимное положеніе палаты и кабинета было то же самое. «Я не отступлю ни на одинъ дюймъ, говорило министерство.»—«А я, отвѣчала палата, не могу уступить ни одной тысячной доли метра.» Но обѣ стороны потребовали на размышленіе годъ времени, и черезъ годъ воротились къ тѣмъ же увѣреніямъ.

По крайнѣй мѣрѣ, мы не можемъ не согласиться съ тѣмъ, что г. Бисмаркъ послѣдовательнѣе оппозиціи. Онъ разсуждаетъ очень логически, что безъ денегъ и безъ войска представители могутъ, сколько угодно, упражняться въ парламентской риторикѣ, но онъ, первый министръ Пруссіи, останется полномочнымъ распорядителемъ государственной механики; что если оппозиція любитъ такъ много говорить и такъ мало дѣлать, то можно и не обращать на ее вниманія...

И такъ, мы еще разъ спросимъ почтенныхъ прусскихъ либераловъ: не лучше ли имъ отправиться домой разводить капусту, чѣмъ терять время въ пассивной и бесполезной оппозиціи? Говоря по совѣсти, я рѣшительно склоняюсь въ пользу перваго пункта или совѣтую дѣйствовать послѣдовательно.

Американская война, громадная по своимъ размѣрамъ, кровопролитная по числу жертвъ, упорная и продолжительная, представляетъ такое замѣчательное явленіе нашего времени, которому нѣтъ ничего равнаго въ исторіи XIX вѣка. Звѣрскія и грандіозныя войны Наполеона I были слѣдствіемъ личнаго честолюбія, опятившаго отъ побѣдъ и униженія народовъ. Эти войны не имѣли другой цѣли, кромѣ грабежа и мести геніальнаго полководца. Другое дѣло—американская война. Она ведется за права человѣка, за великій принципъ свободы, и каждую изъ своихъ жертвъ отдаетъ за приобрѣтеніе лучшаго будущаго американской республики. Кромѣ того, въ этой войнѣ мы слѣдимъ за развитіемъ колоссальныхъ силъ народа, могуществу котораго можетъ только изумляться старая Европа и учиться въ этой школѣ борьбы за права человѣка. Вотъ

почему мы такъ часто говоримъ нашимъ читателямъ объ этой войнѣ, сообщаемъ всѣ главныя событія ея и надѣемся, что наша хроника не утомитъ ихъ вниманія. Только тупость можетъ оставаться равнодушной къ этой великой борьбѣ и глумиться надъ такими явленіями, какъ необыкновенныя усилія нѣсколькихъ миліоновъ людей освободиться отъ рабства.

Послѣднія событія показываютъ, что конецъ войны уже недалекъ. Дѣло свободы идетъ отъ побѣды къ побѣдѣ, и защитники рабства начинаютъ отчаяваться; правда, они еще не теряютъ присутствія духа, но это не имѣетъ никакого значенія, когда вѣра въ успѣхъ уже утрачена.

Пораженіе, испытанное недавно федеральной арміей передъ фортомъ Фишеръ, защищавшемъ Вильмингтонскій проходъ, блистательнымъ образомъ заглажено: этотъ фортъ палъ послѣ вторичной бомбардировки, продолжавшейся почти тридцать часовъ, за которой слѣдовала кровопролитная битва. Событіе это представляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ цѣлой войнѣ, но, кромѣ того, оно имѣетъ очень важное значеніе въ исторіи осады, и съ этой стороны заслуживаетъ подробнаго описанія.

Узкая полоса земли, покрытая сосновымъ лѣсомъ, тянется отъ сѣвера къ югу, между моремъ и рѣкою Кеп-Фиръ. Фортъ Фишеръ находится на разстояніи почти 2 километровъ отъ южнаго конца этого полуострова, и господствуетъ, въ одно и то же время, на рейдомъ входа, устьемъ и водами самой рѣки. Другія укрѣпленія, сильно вооруженныя, лежатъ на сѣверъ отъ форта и мѣшаютъ неприятелю взять его съ фланга; а на самой оконечности земли конфедераты устроили родъ холма изъ земли, съ высоты котораго они обѣщали уничтожить выстрѣлами панцирные суда, которыя бы рискнули перейти отмель. Далѣе къ югу тянется треугольный островъ, покрытый у береговъ каменьями слоемъ отдѣленный отъ материка каналомъ, который защищало нѣсколько фортовъ. Однако федералистамъ не было необходимости обращать вниманіе на всѣ укрѣпленія, имъ достаточно было уничтожить фортъ Фишеръ, который защищала сѣверное устье, чтобы принудить неприятеля оставить всѣ остальные укрѣпленія.

Флотъ адмирала Портера, опоздавъ около 10 дней, частью вслѣдствіе бури, а также и оттого, что не все еще было готово, прибылъ 23 декабря въ Вильмингтонскій заливъ и остановился на довольно большомъ разстояніи отъ берега, для того, чтобы неприятель не могъ его замѣтить. Одинъ только корабль отдѣлился отъ всего флота и отважно направился на буксирѣ къ завалу. Это былъ пла-

важущій пороховой погребу, содержащій около полумилліона фунтовъ пороха, на которомъ экипажъ состоялъ изъ волонтеровъ. Борта его были выкрашены свѣтлой краской, подобно большей части англійскихъ судовъ, имѣющихъ обыкновеніе нарушать блокаду. Подойдя къ берегу, онъ встрѣтилъ контрабандный корабль, которому удалось счастливымъ образомъ пробраться мимо флота, и чтобы войти въ гавань, ему только оставалось повторить сигналы этого судна. Гарнизонъ форта Фишера ни въ чемъ не подозрѣвалъ незнакомаго посѣтителя, и экипажъ могъ спокойно, подведя судно, набитое порохомъ, къ берегу на 250 метровъ отъ форта, убѣжать, зажегши фитиль, который, съ помощью особеннаго механизма, долженъ былъ по прошествіи двухъ часовъ сообщить огонь пороху. По мнѣнію изобрѣтателей этой мины, взрывъ долженъ былъ произвести чрезвычайно важный результатъ: форту слѣдовало быть срытымъ, уничтоженнымъ и поднятымъ на воздухъ со всѣми орудіями и гарнизономъ. Но это была мечта. Пятсотъ тысячъ фунтовъ пороху взорвало, образовавъ великолѣпный столбъ огня, похожій на изверженіе вулкана. Матросы флота, который въ это время приближался, чувствовали что-то въ родѣ землетрясенія; фортъ Фишеръ тоже пошатнулся на своемъ основаніи, но тѣмъ не менѣе это не причинило ему ни малѣйшаго вреда, и гарнизонъ конфедератовъ думалъ просто, что произошелъ взрывъ какого нибудь корабля *янки*. Генералъ Броунъ поторопился послать въ Ричмондъ радостную новость.

Притомъ же, если бы взрывъ произвелъ ожидаемое дѣйствіе, то кораблямъ Портера слѣдовало быть поблизости, для того, чтобы тотчасъ же начать бомбардировку и воспользоваться страхомъ, наведеннымъ на весь гарнизонъ. Флотъ подошелъ спустя нѣсколько часовъ, и только 24-го числа, послѣ полудня, раздалась канонада. Фрегатъ «Новый броненосецъ» шелъ впередъ, за нимъ слѣдовали *мониторы* и другіе фрегаты, затѣмъ корветы, канонерки и особія суда, называемыя двуконечными. Цѣлый градъ разныхъ снарядовъ, какого еще не видали во все продолженіе войны, посыпался на фортъ. По офиціальному рапорту количество выпущенныхъ бомбъ и ядеръ простиралось до ста штукъ въ минуту, почти два снаряда въ секунду. Не лязбыло выдержать подобнаго урона, и командиръ форта тотчасъ же отдалъ приказаніе солдатамъ спрятаться въ казематы. Глиняные валы были пробиты какъ рѣшето, но не ершты, и спрятавшіеся солдаты нисколько не терпѣли отъ этой массы ядеръ, которыя пролетали надъ ихъ головами.

Въ продолженіе ночи, съ 24 числа на 25, генералъ Бутлеръ

пришелъ на урочное мѣсто вмѣстѣ съ войскомъ для высадки, и на разсвѣтѣ корабли, подойдя къ берегу на разстояніе нѣсколькихъ кабельтовъ, снова начали канонаду. При помощи этого адскаго огня, солдаты Бутлера могли безъ всякаго затрудненія высадиться на берегъ на разстояніи около 4 километровъ къ сѣверу отъ форта Фишера. Едва высадившись, передовые сртѣли выбили конфедератовъ изъ лѣсу, въ которомъ они скрывались; затѣмъ на ходу овладѣли двумя фортами, забравъ при этомъ около 300 плѣнниковъ. Уже 6,000 человекъ высадились на полуостровъ и направились съ южной стороны къ форту Фишеру. Нѣсколько человекъ приближались даже къ самому основанію укрѣпленій и были ранены бомбами адмирала Портера. Въ фортѣ между тѣмъ продолжала царствовать совершенная тишина, и защитники его все еще сидѣли подъ сводами казематовъ.

Казалось, эта минута была очень удобна для нападенія, и солдаты нетерпѣливо ожидали сигнала флоту о прекращеніи огня, но ожидали напрасно. Генераль Вейтцель, между прочимъ очень хорошій офицеръ, думалъ, что укрѣпленія недостаточно еще повреждены бомбардировкой, и совѣтовалъ генералу Бутлеру не давать приказа о штурмѣ. Главнокомандующій былъ того же мнѣнія и отдалъ приказъ объ отступленіи, не смотря на то, что еще ни одинъ непріятельскій солдатъ не показывался у амбразуръ. Солдаты были очень недовольны этимъ неожиданнымъ отступленіемъ.

Матросы флота и населеніе сѣвера пришли въ страшное негодованіе, когда узнали о случившемся. Адмираль Портеръ обвинялъ во всемъ Бутлера за то, что онъ не исполнилъ своей обязанности; а этотъ упрекалъ Портера въ томъ, что онъ опоздалъ 10 днями передъ тѣмъ, какъ можно было напасть на непріятеля враспlohъ Грантъ, въ свою очередь, вмѣшался въ споръ и утверждалъ, что Бутлеръ дурно понялъ приказанія. Уволенный отъ командованія, за недостатокъ смѣлости, Бутлеръ увидѣлъ свою карьеру, какъ солдата, неожиданно оконченною; но тѣмъ не менѣе, не смотря на послѣднюю ошибку, онъ приобрѣлъ на родинѣ славное имя своими талантами—какъ администраторъ, вѣрностью политическихъ взглядовъ и рѣшительностью, которую онъ доказалъ въ первые годы войны.

Тѣмъ не менѣе, ни генераль Грантъ, ни адмираль Портеръ не могли оставить дѣло неоконченнымъ передъ фортомъ Фишеромъ, и не прошло трехъ недѣль послѣ первой бомбардировки, какъ флотъ снова появился передъ крѣпостью и возобновилъ огонь. На другой день, генераль Терри высадился на сушу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ армія Бутлера производила рекогносцировку; затѣмъ поставилъ часть своихъ войскъ поперегъ полуострова, для того, чтобы запе-

реть дорогу, по которой могли придти подкрѣпленія изъ Вильмингтона въ крѣпость. Будучи увѣренъ съ этой стороны, генераль Терри подалъ условенный сигналъ: канонада перестала громить наружныя укрѣпленія форта Фишера, и войска пошли на приступъ съ сѣверной стороны, а высадившіеся моряки, въ то же самое время, атаковали ту сторону, которая обращена къ морю. Битва началась въ три часа послѣ полудни, и только въ десять часовъ вечера штыки перестали работать. Наконецъ, на помощь къ осаждающимъ пришла резервная бригада, послѣ чего остатокъ гарнизона принужденъ былъ сдаться. Въ рукахъ федералистовъ осталось до 2,000 человекъ плѣнныхъ. Въ слѣдующіе дни сами конфедераты взорвали всѣ работы, которыя защищали южный входъ, и федеральныя канонерки могли, наконецъ, перейти опасный барьеръ, который въ продолженіе четырехъ лѣтъ защищаль торговлю рабской конфедераціи съ такъ называемою свободной Англійей.

Ударъ, нанесенный солдатами Терри рабовладѣльцамъ, чрезвычайно важенъ онъ принадлежитъ къ самымъ сильнымъ послѣ паденія Виксбурга и открытія Миссисипи для союзнаго флота. Съ этихъ поръ восточная группа рабовладѣльческихъ штатовъ окончательно заключена въ желѣзный кругъ; они не будутъ болѣе имѣть возможности сообщаться съ сосѣднимъ міромъ, и пушки, порохъ, военные запасы, а также и фунты стерлинговъ, не нарушатъ болѣе блокады. Южныя арміи принуждены теперь довольствоваться своими средствами, которыя уже ничтожны и не замедлятъ совершенно истощиться. вмѣстѣ съ тѣмъ освободилась часть федеральнаго флота, поддерживавшаго блокаду: взятіе форта Фишера возвращаетъ Соединеннымъ Штатамъ полтора ста судовъ.

Эти новыя событія произвели сильный упадокъ духа между плантаторами и подали надежду тѣмъ, которые въ средѣ юга постоянно оставались вѣрными союзу. Съ этихъ поръ, у рабовладѣльцевъ нѣтъ военной позиціи, которую бы не могли, съ достаточными силами, взять федералисты; и вотъ, въ самомъ дѣлѣ, Шерманъ съ своими пятидесятью тысячами человекъ атакуеть Чарльстоунъ, затѣмъ Ричмондъ.

Конфедераты знаютъ по себѣ, съ какою ловкостью онъ умѣлъ маневрировать отъ Чатаноги къ берегамъ Атлантики; приближеніе его приводитъ въ ужасъ, какъ-будто въ рукахъ его заключается ихъ участь; до сихъ поръ они не могли задержать его на дорогѣ ни однимъ серьезнымъ препятствіемъ. Напротивъ того, вездѣ, гдѣ онъ проходилъ, народонаселеніе просило мира; города Георгіи выбираютъ меровъ и совѣтниковъ, извѣстныхъ по своему располо-

женію къ союзу; Саванна просить его забыть прошлое; Сѣверная Каролина прямо выбрала комиссаровъ для переговоровъ о мирѣ, даже сама Южная Каролина не охотно уже повинуется ричмондскому конгрессу; наконецъ, замѣчательная вещь: южные негодяи вспоминаютъ о своихъ долгахъ кредиторамъ на Сѣверѣ и какъ ни въ чемъ не бывало добровольно платятъ имъ. Дѣйствительно, война приближается къ концу и сенаторъ Футъ имѣлъ основаніе желать удалиться изъ ричмондскаго конгресса, боясь, чтобы зданіе не обрушилось на него и не погребло его вмѣстѣ съ товарищами.

Въ то время, когда въ конгрессъ южныхъ штатовъ начинается закрадываться безпокойство и многіе обращаются съ покорнымъ видомъ къ великодушному Линкольну, народонаселеніе Сѣвера, приговорясь праздновать свой будущій триумфъ, уничтожаетъ остатки несправедливаго рабства. Штатъ Миссури, который еще прежде принялъ нѣсколько мѣръ, по которымъ рабство должно было постепенно уничтожиться, теперь измѣнилъ свое мнѣніе и, посредствомъ новаго закона, объявилъ, что съ этихъ поръ всѣ рабы свободны. Тенесси, составлявшій когда-то бульваръ рабскихъ штатовъ, призванъ въ настоящее время своимъ конвентомъ для подтвержденія подобнаго же рѣшенія, такъ что въ настоящее время изъ всѣхъ пограничныхъ штатовъ, только Кентукки и Делавора не смыли еще съ себя пятно рабства. Они должны торопиться, если хотятъ сами отдѣлаться отъ этого позора. потому что иначе очень можетъ быть, что конгрессъ самъ признаетъ рабство уничтоженнымъ на всемъ протяженіи республики. Не достаетъ только нѣсколькихъ голосовъ для полученія большинства двухъ третей, необходимыхъ для санкціи этого закона; но надѣются, что необходимые голоса будутъ векорѣ приобрѣтены. Если же этого не будетъ то новый конгрессъ можетъ быть законнымъ образомъ созванъ 4 мая, и тогда ему будетъ принадлежать честь вторично заложить и на болѣе прочномъ основаніи, великую американскую республику.

Василь Давыдовъ.

ДОМАШНЯЯ ЛЬТОНИСЬ.

ПРОВИНЦІЯ.

Провинція и провинціальный Мефистофель. — Опасность, которой подвергается корреспондентъ провинціи. — Общій характеръ Вологодской губерніи. — Вліяніе холода на здоровье и на производительныя силы русскаго населенія. — Лѣса и болота Вологодской губерніи, и вліяніе ихъ на экономическую дѣятельность края. — Бѣдная жизнь и тощая природа. — Искусство воложскаго расчищать почву изъ подъ лѣсовъ и обрабатывать землю. — Сколько въ Тотмѣ экономическихъ производителей? — Паразитное существованіе вдовъ въ нашихъ городахъ. — Нищія. — Причины расстроенаго нищенства. — Разговоръ мой съ мальчикомъ, выпрашивающимъ милостыню. — Паладинъ примѣръ провинціальной нищій. — Образъ жизни ея. — Разныя категоріи русскаго нищенства.

Если въ каждомъ изъ насъ сидитъ свой Фаустъ и Мефистофель, то конечно и въ одной человѣческой душѣ нѣтъ такого простора Мефистофелю, какъ въ душѣ провинціала. Мефистофель въ провинціи не допускаетъ надъ собой никакой узды; онъ облачается въ халатъ и располагается въ провинціальной душѣ, какъ въ пустомъ домѣ, съ безперемежностью столичнаго чиновника, прѣхавшаго на ревизію волостного правленія. Отъ этого происходитъ то, что провинціалы — люди вообще самыя добродушные, безмятежныя и равнодушныя ко всему въ мірѣ: — вздерошкиваютъ себѣ волосы, прини

маютъ свирѣный или другой, по ихъ мнѣнiю, внушающiй видъ, стараются непремѣнно импонировать и отличаются необыкновенной щекотливостью и обидчивостью. Никто во всемъ мiрѣ не требуетъ такого почтенiя и уваженiя и не страдаетъ такой болѣзненной чувствительностью самолюбiя, какъ провинциаль.

Самолюбiе это, по его своеобразности, можно назвать специально-провинциальнымъ. Оно проявляется почти исключительно въ формѣ личной обидчивости, даже и въ томъ случаѣ, когда дѣло касается предметовъ, немѣющихся, повидимому, никакой связи съ возмущившимся провинциаломъ. Конечно, обидчивости этой придается невозможное благообразiе, потому что провинциаль знакомъ теоретически съ тѣмъ, что называется чувствомъ собственного достоинства, и обладаетъ неизмѣримымъ желанiемъ правиться. Но провинциала губить не теорiя, а практика; онъ постоянно ошибается въ внутреннемъ значенiи словъ, давая своимъ порывамъ такiя иностранныя прозвища, какiя къ намъ вовсе не идутъ. Такъ, напримеръ, если вы замѣтите провинциалу, что истинный патриотизмъ состоитъ въ томъ, чтобы люди, выросшiе на одной почвѣ, стремились къ устройству у себя безобиднаго и выгоднаго для всѣхъ порядка жизни, а не въ томъ, чтобы кричать неистовымъ голосомъ противъ всего совѣта и размахивать руками въ угрожающей позѣ. Замѣтите это провинциалу самымъ хладнокровнымъ тономъ, и онъ непремѣнно обидится. — И какое имѣете вы право считать меня глупцомъ и ерыгой? Я вамъ этого не позволю, потому что это оскорбляетъ мое достоинство, мою честь, мое самолюбiе. Или дѣлайте то, что дѣлаю я, или не смѣйте быть въ моемъ обществѣ. — Поспѣшный человекъ, пожалуй, скажетъ, что такъ называемый патриотизмъ сводится въ этомъ случаѣ къ дѣлу личнаго самолюбiя; прямо на этотъ вопросъ я не отвѣчаю; но думаю про себя, что если я могу принудить васъ къ чему нибудь силой, то конечно правъ не я и страдаетъ не моя честь и гордость. А впрочемъ провинциальный Мефистофель большой шутникъ, и логика у него своеобразная.

Поэтому, рѣшившись поговорить о провинции, я напередъ знаю, чему подвергаюсь за нескромность нѣкоторыхъ цифръ и отзывовъ; я рискую, что называется, провалиться во мнѣнiи провинциаловъ, а если провинциаль возненавидитъ, то пощады уже болѣе не ждите. Боюсь ошибиться, но сколько мнѣ помнится, то подобная опасность угрожала въ прошедшемъ году одному корреспонденту изъ Рыбинска, о

чемъ онъ и заявилъ печатно. Отчего же провинциала возмущаетъ более всего критика его общественной дѣятельности? Оттого, что если онъ умѣетъ построить такую хитрую связь симпатизмовъ, что простую жалобу на бесполезно болтающихся собакъ и коровъ превращаетъ въ личное оскорбленіе, то общественная его дѣятельность, въ которой онъ участвуетъ непосредственно, даетъ ему возможность похвально мнѣнить даже съ точки зрѣнія провинциала, въ этомъ случаѣ, разсуждаетъ такъ. Говорите сколько хотите, о моей общественной и политической дѣятельности, но не смѣйте касаться моей семейной жизни, потому что домашній очагъ есть святыня, куда посторонній глазъ, не долженъ проникать. Что угодно говорите о лужахъ и лодкахъ на улицахъ, но бора изъ себя не выносите, потому что изба безъ сору и пашь немыхъ. Собразить все это, я сначала хотѣлъ говорить вообще о провинціи, не называя мѣстности; но такъ какъ вооружить противъ себя все провинціи разомъ еще хуже, чѣмъ одну, то я и рѣшился выбрать изъ нихъ самую безобидную, а именно Вологодскую губернію, а въ ней, городъ Тотму, увѣренный, что предметъ этихъ очерковъ ничеро не потеряетъ въ своемъ обществѣ, потому что въ наши провинціи походятъ другъ на друга, какъ два глиняные горшки; стоятъ только измѣнять имена, цифры и другія частности, и затѣвъ приписать общую характеристику то къ тому, то къ другому городу; черты останутся совершенно одинаковыми для всякаго географическаго широты.

Итакъ въ широтѣ 57° 30' находится Вологодская губернія.

Общій очеркъ Вологодской губерніи.

Условныя географическія выраженія, совершенно удовлетворительны для насъ посвященныхъ, не представляютъ такой же ясности для обыкновенныхъ читателей. И потому если бы я сказалъ, что Вологодская губернія лежитъ между 55° и 65° сѣверной широты и между 55° и 77° восточной долготы, то читатель или не обратилъ бы на эти цифры никакого вниманія, или же, если обладаетъ въ достаточной мѣрѣ способностью къ вопросамъ географическаго познанія, то тотчасъ спросилъ бы, что же это значить? Значитъ, что оному много, потому что отъ географическаго познанія Вологодской губерніи зависитъ все то, что дѣлаетъ ее такой ужасно важной и важной не Вологодчина.

Прежде всего это значитъ, что въ Вологодской губернии очень холодно; холодно такъ, что сидѣть бы дѣдъй день въ теплой избѣ и не высунуть бы носа на улицу. Вологодскіе морозы доходятъ до размѣра совершенно неслыханнаго ни въ одной христіанской европейской землѣ. Только одна Сибирь да самый сѣверъ Архангельской губернии не уступаютъ въ этомъ отношеніи описываемой мною мѣдвѣжьей берлогѣ. Но про Сибирь и говорить нечего; ея репутація установилась не только у насъ, но и на всемъ Западѣ, такъ что если сказать французу *Sibirie*, то съ нимъ сейчасъ же сдѣлается лихорадка. Мы, русскіе, стоимъ въ этомъ отношеніи гораздо выше западныхъ европейцевъ, во-первыхъ потому, что не обнаруживаемъ малодушнаго страха ни предъ какимъ морозомъ; а во-вторыхъ, считаемъ наши холода такой принадлежностью русской природы, что сдѣлали ихъ предметомъ нашей патріотической гордости и рассказываемъ иностранцамъ о своихъ морозахъ съ тѣмъ же чувствомъ самодовольства, какъ если бы говорили, что въ головѣ каждаго изъ насъ сидитъ по Ньютону или по Архимеду.

Но если морозы могутъ быть съ одной стороны предметомъ нашей справедливой патріотической гордости, то съ другой въ нихъ столько зловреднаго вліянія на нашу экономическій бытъ, что почтенные устьемь-солъедскіе, солъвычегодскіе и другіе граждане Вологодской губернии, не оскорбляя своего патріотизма, могутъ смотрѣть на свои морозы, какъ на одну изъ главныхъ причинъ, что имъ сѣверно жить на свѣтѣ.

Въ Вологодской губернии, растянувшейся въ длину почти на тысячу верстъ, конечно должны представляться значительныя климатическія различія; но эти различія не такъ столько велики, чтобы могли уподобить какой нибудь уголокъ губернии южному берегу Крыма или апельсиновымъ рощамъ Мессины. Въ Вологодской губернии холодъ трещитъ вездѣ; разница только въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ холодно, а въ другомъ еще холоднѣе. Напримѣръ, въ Вологдѣ, расположенной на самомъ югѣ губернии, морозы достигаютъ 25°, а въ пѣчорскомъ краѣ до 40°, такъ что птица мерзнетъ на лету. Читая о сорокаградусномъ морозѣ, сидя передъ каминномъ, совсѣмъ не то, что испытывать его жгучее свойство на своемъ носу и щекахъ, когда человекъ одѣтъ хорошо, или на всемъ тѣлѣ, когда человекъ одѣтъ плохо. Поэтому я боюсь, что читатель не усвоитъ себѣ ясной идеи о томъ, что значитъ не только сорокаградусный, но даже и двадца-

ГЛАВНѢЙШАЯ ПРИБАВЛЕНІЯ МОРОЗЪ! Не могу уверить съ полною вѣрностью, что
 это очень вредно и что въ такой мѣрѣ нѣтъ нѣтъ думать, не ра-
 ботать, а хотѣли бы жить на поляхъ или на почвѣ Вологодск. при-
 бычнѣ значить много, поэтому-то вологодскіе уроженцы и страдаютъ
 отъ петербургской бляхоты, но зато и петербургскіе жители дол-
 жны отъ вологодскихъ морозовъ. Тѣмъ же образомъ военная
 вопросъ въ зимѣ? И я, не своей любовью къ Петербургу, разрѣшилъ
 это конечно въ пользу чудотворной Палатки (за это не надо вѣрить
 в Вологодскіе морозы обнаруживая свое малое личное
 термометры, что въ этомъ не было бы еще большой бѣды. Но мо-
 розъ значить совсѣмъ не то: Морозъ или, говоря точнее, холодъ
 есть смерть, какъ тепло — жизнь. Холодъ убиваетъ все органи-
 ческую природу, онъ подавляетъ человека, онъ ослабляетъ его сна-
 чобности, энергию и вызываетъ особенное состояние нервовъ, кон-
 чающихся у многихъ животныхъ ступеней сначей. Въ положеніи ана-
 стогичномъ находятся и люди въ время сильныхъ холодовъ. Русскій
 человекъ забываетъ даже въ это время свое самохвальство; онъ
 не говоритъ уже что русскому здорово, то и въ смерть, а на-
 вѣсть обратиться въ самый теплый уголокъ своей избы, чтобы предаться
 тамъ сну, подобно сурку или медвѣдю. Люди, пережившіе съ юга
 на Сѣверъ, напримеръ малороссіане, попавшіе въ Вологодскую гу-
 бернію, въ сильнѣе морозы дѣлаются совершенноли мучениками.
 Въ тѣхъ происходитъ что-то особенное, въ вышней степеніи невя-
 ятное; однимъ словомъ, чувствуешь себя несчастнымъ. Врачамъ
 очень хорошо извѣстно вредное вліяніе холода и могущественное
 вліяніе теплоты. Есть много болѣзней, излечивающихся однимъ вре-
 меннымъ перемѣщеніемъ въ теплый климатъ; тою такъ же какъ есть
 много болѣзней, дѣйствующихъ съ особенной силой и совершенно не-
 излечимыхъ въ климатѣ холодномъ. Читателю извѣстно все это; ра-
 шѣется, не хуже меня, и я жалѣю объ одномъ, что не могу пред-
 ставить самостоятельный данныя, чтобы показать ему, насколько
 беззачетно, насколько ужасна въ этомъ отношеніи Вологодская
 губернія. То, что извѣстно — слишкомъ неудовлетворительно.
 Въ промежуткѣ съ 1851—1860 годъ умерло въ Вологодской гу-
 берніи дѣтей до 5-ти лѣтняго возраста 57%, и изъ нихъ во-
 дило года 38%. Или въ абсолютныхъ величинахъ фемелось дѣ-
 тей 421, 215 изъ нихъ умерло до 5 лѣтъ — 240, 999 ребенка; а
 читалось въ книжкѣ 221, 431, вид на 18, 963 и мною прочее

говорится тамъ, за исключеніемъ мѣсть, расчищенныхъ и рукою человека осушенныхъ и немногихъ возвышенныхъ грядъ, изрѣдка встречающихся, можетъ назваться однимъ, болѣе или менѣе глубокимъ, болѣе или менѣе топкимъ, на нѣсколько тысячъ квадратныхъ миль раскинувшимся и поросшимъ лѣсомъ болотомъ.

Если губернію называютъ болотомъ, поросшимъ лѣсомъ, то очевидно, что въ ней можно найти только то, что бываетъ въ лѣсахъ и на болотахъ; всякое дабыѣйшее желаніе будетъ нескромнымъ и несправедливымъ притязаніемъ. А если притомъ и таланты мѣстныхъ обитателей соответствуютъ климатическимъ условіямъ, то отъ ихъ взаимодѣйствія должны получиться самыя скромныя результаты.

Если вся губернія есть лѣсъ на болотѣ, то въ ней должно быть мало угодій, да и тѣ не могутъ быть хороши. Такой выводъ подтверждается вполне статистическими данными. Въ Вологодской губерніи считается: подъ усадьбами 25,290 десятинъ, подъ пашнями 726,465 дес., подъ выгонами 17,817 дес. и подъ сѣнокосами 381,920 дес., всего 1,148,492 десятины. Что же это, хорошо или дурно? Поспѣшный человекъ конечно не удержался бы отъ похвалы или порицанья, но мы съ вами, читатель, сдѣлаемъ только такой выводъ: вся губернія занимаетъ $34\frac{1}{2}$ милліона десятинъ, следовательно невоздѣланная пространства составляютъ въ ней 33 милліона, а воздѣланная только $1\frac{1}{2}$ милліона десятинъ, т. е. $4\frac{1}{2}\%$.

Малое пространство воздѣланныхъ земель заставляетъ предполагать слабое населеніе. И этотъ выводъ подтверждается статистическими данными: въ 1862 году считалось въ Вологодской губерніи 465,611 мужчинъ и 508,563 женщины, всего 974,174 человека.

Рѣдкое населеніе можетъ быть или оттого, что страна начала колонизоваться недавно, или по какимъ нибудь другимъ мѣстнымъ причинамъ. Вологодская губернія была населена еще въ глубокой древности финскимъ племенемъ, известнымъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ «Заволоцкой чуди». Новгородцы стали населять этотъ край тоже въ глубокой древности. Прошла тысяча лѣтъ, и на пространствѣ $34\frac{1}{2}$ милліоновъ десятинъ живетъ едва милліонное населеніе.

Очевидно, что предположеніе о недавней колонизаціи края невозможно. Сѣверная Америка 250 лѣтъ тому назадъ не имѣла ни одного европейца, а теперь считаетъ 33-хъ милліонное населеніе. По этой прогрессии Вологодская губернія должна бы имѣть теперь 132 милліона жителей, а въ ней только 975 тысячъ. Ясно, что въ самыхъ условіяхъ

и в живительном, а в живительном же, как в живительном, местности заключается, что нибудь мало привлекательное для водворения новых колонистов, а в физических качествах населения — что нибудь недостаточное для сообщения краю привлекательности. Человек и природа действовали друг на друга, и силы их попадали в борьбу. Но природа была сильнее, и потому она одолевала в борьбе человека. Какого же рода были эти силы природы? Заключались ли они в таких элементах, против которых бессильна наука и современное человеческое знание? Представляла ли страна нечто подобное дядю виду огнедышащих горь, сплошным гранитным массивом, периодически наводнениям океана, глетчерам или гренландским льдам? Ничего такого не было. Нигода в Вологодской губернии она всегда была льдом, на болоте, переходящем в тундру только на крайнем севере. Следовательно, вся борьба происходила с льдом, нужно было расчистить льдистую почву и обратить ее в пашню или в сенокос. Как же было решить эту задачу население, живущее в Вологодской губернии тысячу лет?

Удья: Грязевский, Вологодский и Кадниковский, по своему земледелию, почти ничем не отличаются от губерний средней полосы России. Поля обрабатываются довольно старательно, засевается стойло, сколько можно уновозит, и вообще сельско-хозяйственная мудрость населения стоит на одном уровне с мудростью большей части средних губерний. Такое похвальное развитие сельско-хозяйственного интеллекта югозападных вологжан находить награду в том, что не только их запасные магазины наполнены хлебом, но они отправляют еще избытки в Петербург и даже за границу. Конечно, все это еще не должно вести к превеликим ожиданиям. Памятная книжка Вологодской губернии удостоверяет, что крестьяне боронят деревянными боронами, и что в домашнем быту и при полевых работах употребляются телеги *нерьдко* с окованными колесами. Это «нерьдко» имеет такой смысл, как если бы в похвалу богатству вологжан говорили, что они «перьдко» вьют ананасы.

Удья: Никольский, Вельский, Тотемский, Устюжский и Соливычегольский составляют вторую сельско-хозяйственную группу. Здесь человек, перейдя от звероловства к земледелию, закамчат в первообразной его форме. Сущность этого первообраза заключается в том, что для получения хлеба истребляется

который бы не походилъ на кочкарное болото; нѣтъ ни одного съноса, на которомъ бы не росла осова и лих; наконецъ изъ того, что въ большей части мѣстностей здѣсь рѣзуть траву не косами, а гербушами — инструментомъ въ родѣ серпа, которымъ дѣйствуютъ наклонившись, — потому что коса зацѣпится и сломается о первую кошку и червѣй пень. Печальное состояніе вологодскаго луговодства подтверждается еще и тѣмъ, что недостатокъ корма заставляетъ здѣшнихъ крестьянъ продавать часть своего скота на убой и отправлять туши въ Архангельскъ и Петербургъ. Петербургскіе жители изъ этого факта, пожалуй, выведутъ заключеніе объ изобиліи въ здѣшней губерніи скота, но безпощадная «Памятная книжка», которой я пользуюсь, разбиваетъ такую иллюзію безъ всякой пощадности. Петербургскій филантропъ, покушающій на сѣнной вологодскую говядину, увидявъ, что не отъ избытковъ мѣстнаго хозяйства пропуществовала она въ Петербургъ, за тысячу верстъ, а потому что бѣдной коровенкѣ неизбѣжно было переселиться въ царство усопшихъ отъ голода, и что поводили ее въ Петербургъ потому, что ближе тысячи верстъ нельзя было найти покупателя, — предпочтетъ конечно вологодскую говядину черкасской, отъ петербургскихъ мясниковъ. Каковы же избытки скота въ Вологодской губерніи, читатель увидитъ изъ слѣдующаго: всѣхъ лошадей въ губерніи считается 189,000 или 1 на 5 человѣкъ; коровъ и быковъ 340,000 или 1 на 3 человѣка; овецъ 263,000 или тоже около 1 на 3-хъ; свиней 43,000 или 1 на 23 человѣка, и козъ 300, т. е. 1 на 3,250 человѣкъ. Кажется очень мало, а и тѣхъ нельзя прокормить и нужно убивать для предупрежденія падежа отъ голода. После такихъ очевидныхъ фактовъ, читателю должно быть совершенно ясна доварная роль тимфеевой травы въ распространеніи невѣрныхъ толковъ о вологодскомъ луговодствѣ.

Климатическія условія второй сельско-хозяйственной группы соотвѣтствуютъ, вѣроятно, вполне остроумію ея сельскихъ обывателей. Они сѣютъ по преимуществу ячмень, потому что этотъ хлѣбъ посѣвается скорѣе другихъ; овса же сѣютъ очень мало, ибо онъ не всегда дозрѣваетъ. Утренніе морозы бываютъ въ этой полосѣ въ маѣ, іюнѣ и даже іюль, а въ сентябрѣ начинаются морозы — предвѣстники зимы. Можетъ ли при такихъ климатическихъ условіяхъ существовать сельское хозяйство, если оно основано на рациональной теоріи краснокожихъ американскихъ дикарей? И вотъ

бло стоит ввѣра на одномъ мѣстѣ потому, что Богъ дасть много
 лѣсу, что благодаря климату и гигиеническимъ понятіямъ мужиковъ
 потомство ихъ увеличивается съ черепашею быстротою, что по случаю
 местной скудости Вологодская губернія не принадлежитъ къ себѣ
 охотниковъ. И можетъ таковой порядокъ тянуться еще много вѣка,
 пока есть избытокъ въ лѣсѣ и недостатокъ въ людяхъ. А между
 тѣмъ американцы и другіе западные варвары, познавшіеся сельско-
 хозяйственной хлѣбю, придумаютъ разводять лѣнь по какой ни-
 будь новой рациональной методѣ и вытѣснятъ съ европейскихъ рын-
 ковъ нашъ вологодскій лѣнь, какъ они вытѣснили уже нашъ ново-
 российский хлѣбъ. И станутъ волноваться тогда члены нашихъ
 агрономическихъ обществъ, и будетъ написано много журнальных
 статей и предложено много совѣтовъ, и не выйдетъ ничего путнаго
 изъ всѣхъ этихъ воплепій и писеній, потому что время было уну-
 щено. И обвинять поголки пасъ, и стамуть, что мы ничего не
 сдѣлали для предупрежденія такой бѣды, и будетъ это совершенно
 справедливо.

Въ то время, когда мы стояли въ зенитѣ самодовольства и, бла-
 годари краснорѣчію нашихъ Булгаріновъ, удивлялись въ исполни-
 ской быстротѣ русскаго прогресса, растяннулись на мѣврахъ, чтобы
 предаться сну, хитрые пѣмцы и французы или все впередъ и впе-
 редъ, и въ какіе нибудь тридцать лѣтъ ушли такъ далеко, что мы
 отстали отъ нихъ теперь гораздо дальше, чѣмъ на сотню лѣтъ,
 когда не было ни тѣхъ машинъ, ни тѣхъ изобрѣтеній и оживій,
 которыя создали въ послѣднее время богатство и прогрессъ запад-
 ной Европы. Какъ ни усиливаемся мы теперь шатать скорѣе, но
 Западъ шагаетъ шабче, и ни съ однимъ изъ западныхъ народовъ,
 даже съ отстающими австріянами, борются мы не въ состояніи ни
 въ умственномъ, ни въ матеріальномъ богатствѣ. Пасъ собьютъ на
 всѣхъ торговыхъ пунктахъ хлѣбъ нашъ не будетъ нуженъ, потому
 что Америка доставитъ его дешевле и лучше; наши кони сало,
 щетина также не найдутъ сбыта; чѣмъ же мы станемъ торговать за
 границей и что отдавать иностранцамъ въ замѣнъ ихъ произведеній?
 Да ничего, потому что все они добудутъ у людей болѣе насъ энер-
 тическихъ и знающихъ, и все это будетъ лучше и дешевле, и чест-
 нѣе нашего. Что же будетъ тогда съ нами, когда никому не по-
 надобятся русскія произведенія? Видеть только то, что мы инако
 распредѣлимъ свой трудъ, и вмѣсто того, чтобы сидѣть или сложа

руки — въ чемъ тушрняется теперь наше сельское население почти исключительно — иди заготовлять продукты, которые, за невозможностию, обдѣлывать у себя дома, мы вывозимъ за границу, мы принимаемъ за переработку ихъ своими собственными руками. И явится у насъ, когда больше народного труда, а съ нимъ и больше богатства, и въ сѣмъ станешь лучше. Какъ же придетъ бы доскорѣе къ этому думномъ, а кто намъ мѣшаетъ? Очень скоро къ этому придетъ нѣтъ, потому что привычки мы къ небольшому шагу и влудъ увидеть того невозможно — скоро устанешь, что же касается до того, кто намъ мѣшаетъ — да мы же сами. У всѣхъ насъ еще много сумбуру въ понятіяхъ, а знаній нѣтъ никакихъ; только поэтому мы считаемъ своими лиходѣями тѣхъ, кто насъ любитъ всей душой и приноситъ пользу, а друзьями тѣхъ, отъ кого, кромѣ лиходѣйства, пользы было ожидать и не было ничего другого. По своей наивности, мы принимаемъ вредные совѣты за полезные, а полезные за вредные, и въ то же время каждый изъ насъ цѣнитъ свои личные таланты и силы необычайно высоко, и всякую придуманную имъ ерунду выдаетъ за самородный гоній, а всякое чужое мнѣніе считаетъ чепухой. А впрочемъ все это мало идетъ къ сельскому хозяйству Вологодской губерніи, хотя и нельзя сказать, чтобы было совершенно некрѣпкимъ къ вологжанамъ.

Къ третьей группѣ причисляютъ уѣзды Аренскій и Устьсысольскій. Это ужасъ даже и для Вологодской губерніи. «Замѣчательно, говорить: «Намѣтная индустри», что въ Устьсысольскомъ уѣздѣ и прилегающихъ къ нему частяхъ Аренского и Сольвычегодскаго почти нѣтъ тѣлесъ, которые, при перевозкѣ сельскихъ произведеній, замѣняются другими поделками или дровами». Не знаю, замѣчательно это или нѣтъ; но во всякомъ случаѣ фактъ весьма характеристичный, заставляющій предположить, что особенно развитое состояніе людей, сообщества, да и въ народѣ своеобразности мыслительныхъ способностей. «Въ пезарскомъ и уиорскомъ краѣ, говорится тамъ же, наиболее удаленныхъ къ северу уржнѣ хлѣбныхъ, даже при сильномъ урожайности, только тогда бываютъ ничтожны — отъ самъ другъ до самъ третьей выгода уже несравненно, и стнанд не собирается. Часто, педанія морозомъ распеи, и драчнне, и пед дѣтомъ днпають ихъ всякой наданью, и прнмѣрнчнне себя и самодства. Нерѣдко бы- ваютъ и дѣти, тале, что, глубокой спнть, среди самаго дѣта, на долго

попытавъ помы, засыпавши землю: по въ стволу напоромъ
 посылать вновь засыпать землю. И такъ и въ ви и въ попу
 въ такой местности, где въ 3/4 мили отъ долина 35 миль
 она составляетъ леса и болота, где въ расчлененномъ и разбитомъ
 нымъ пространства занимаютъ больше полутора милиона десетинъ,
 такъ что на душу приходится едва полторы десятины (квевкой, до
 лодной земли, — населенію остается искать такого подспорья въ
 лесу и въ томъ, что въ немъ живетъ. Поэтому воеводы и
 давнихъ поръ пользовались своими лесами, какъ одними изъ глав-
 нѣйшихъ источниковъ своего существованія, и были очень внимательны,
 что источнику пришлось наконецъ шутя сказать: «Много
 выгоды, на 30 верстахъ кругомъ уже степь; по дорожкѣ отъ Воюриш
 къ Устьмыслову, на протяженіи 900 верстахъ, темныя массы леса
 видны только вдали, по бокамъ. Да и эти темныя массы, какъ
 убраетъ «Памятная книжка», — темны только издали; а обла-
 зи представляютъ жалкіе остатки старинныхъ непроходимыхъ де-
 рей. Разумѣется, непроходимыя дебри — вещь северная, и во всѣхъ
 цивилизованныхъ странахъ люди стараются сдѣлать ихъ проходи-
 мыми. Того же начала держались и вологжане; но, какъ мы знаемъ,
 изъ теорія «проходимости» вышла нѣсколько чинго-соборства, а такъ
 у остальныхъ народовъ кавказской расы; такъ что селмаховъ нора,
 какъ водворилось въ здѣшнихъ лесахъ земледѣліе, и не столько су-
 раздо меньше проходима, чѣмъ были во времена Римлян. Если бы
 рубки, производимыя въ здѣшнихъ лесахъ, были въ десять
 разъ сильнѣе, то и это было бы не страшно; главный бичъ изъ
 нихъ, а въ подъякахъ и выжиганіяхъ, что чуждыми временами
 называется технически «ляднымъ хозяйствомъ». «Свободно разгов
 безотливного хозяйства, огонь, пущенный по недѣлю, обжариваетъ
 лесъ, поползетъ вверхъ, уйдетъ на вершины и обжариваетъ лесъ,
 иногда на громадныхъ пространствахъ, охватывая громадные. Во
 время такихъ пожаровъ, въ безоблачные дни, жители не дальше
 видятъ солнца, затлугаго дымомъ, и лесъ не обжаривается на сотни
 версты». Въ видѣ дополненія къ этому управленію, «Памятная кни-
 жка» прибавляетъ, что «въ послѣднее время, впрочемъ, бдительность
 стражи и строгость наказаній за вѣдно уменьшились, и много
 поджоговъ». Будь я лесной стражъ или авторъ лесного устава, они
 бы не поблагодарили составителя «Памятной книжки» за такую со-
 лиментъ. Въ сѣверо-восточныхъ, малонаселенныхъ, уѣздахъ если

океанъ огня обжигаетъ дѣсь, то остается только одно — возложить упованіе на Бога и ожидать, чтобы съ неба свалился океанъ воды. Но такъ послѣдняго никогда не бываетъ, то огонь кончаетъ свое дѣло обыкновенно безъ всякой помѣхи, а затѣмъ на мѣстѣ пожара происходитъ следующее, удивительное превращеніе. Опавшій дѣсь, престоляя нѣсколько дѣтъ и подгнивъ въ корнѣ, при первомъ болѣе сильномъ вѣтрѣ, падаетъ и ложится въ одномъ направленіи. Но огонь ложится особеннымъ образомъ, какъ бы на четвереники, упираясь въ верхній на сучья, а въ основаніи на вывороченный икорянь, такъ что стволъ держится на отвѣсѣ, аршина на два отъ земли. На деревья, поваленныя такимъ образомъ въ одномъ направленіи, вѣлется, чрезъ нѣсколько времени, и остальные, ударившіяся еще на корнѣ, и если буря проидетъ съ другой стороны, то вторыя деревья лягутъ на перекрестъ первымъ и образуется весьма своеобразный помостъ, иногда на десятки верстъ въ длину и ширину. Божь и еще одинъ, весьма хорошій способъ истребленія дѣса, паражонной, исключительно кедръ. Способъ этотъ заключается въ томъ, что для собиранія кедровыхъ шишекъ срубаютъ деревья, видѣвшія, можетъ быть, кедрыхъ новгородскихъ поселенцевъ. О новгородскихъ поселенцахъ я сказыть совсѣмъ не потому, чтобы славились кедромъ въ заступку, что они ихъ видѣли: я хотѣлъ сказыть только, что кедръ очень толстъ и что, не смотря на исполненскую лопатку, ихъ легче срубить, чѣмъ на нихъ взобраться. А впрочемъ люстроуміи зырянъ и русскихъ собирателей орѣховъ все-таки замѣчательно.

Вологодская губернія считается страной по преимуществу земледѣльческой, не смотря на недостатокъ обработанныхъ земель, на любиліе дѣсовъ, болотъ и суровый климатъ. А если даже при такихъ условіяхъ, неблагоприятныхъ для сельскаго хозяйства, оно составляетъ главнѣйшій источникъ существованія жителей и при всей своей важности ведется весьма плачевнымъ образомъ, то очевидно, что истощенныя второстепенныя должны находиться въ доложеніи еще болѣе истощенныя и доставлять еще менѣе средствъ. У человека отъ посредственныхъ способностей все посредственно; у малосильнаго — все малосильно. Плохой сельскій хозяинъ плохъ не только въ своемъ полѣ, но и въ лѣсу, и на охотѣ, и въ рыболовствѣ, и на фабрикѣ или заводѣ. Однимъ словомъ, все стоитъ у него на одномъ уровнѣ; а

уровень результатовъ зависитъ отъ уровня знаній, способностей и энергій.

Послѣ этого очерка Вологодской губерніи, я не думаю, чтобы было нужно вдаваться въ подробности относительно того, въ какомъ количествѣ вологжане продаютъ мясо, сало, салныя свѣчи, деготь, смолу, скипидаръ, сажу, дичь, рыбу и проч. Всего этого добывается мало и самыми безтолковыми способами, которые возможны потому, что въ губерніи есть еще пока 33 милліона десятинъ лѣсной почвы. Въ улучшеніяхъ поэтому нѣтъ нужды: живется и безъ нихъ, правда плохо, но живется.

Думалъ было я сдѣлать изъ заключеніе параллель между Вологодской губерніей и Пруссіей, которая такой же величины; но къ чему бы повело это? Вѣдь вы, читатель, знаете очень хорошо, что такое Пруссія; вы вѣрно были и въ Берлинѣ, и въ Кенигсбергѣ, и въ Бреславлѣ; вы видѣли и прусскія поля, и тамошніе опрытныя лѣса, видѣли многое и другое, что въ первый разъ даже поразило васъ, не смотря на то, что вы попали въ Берлинъ прямо изъ Петербурга. Къ чему бы послужила въ такомъ случаѣ параллель? Для irony, что ли? Не для того я пишу эту статью, чтобы глумиться надъ бѣдностью Вологодской губерніи, а пишу я ее потому, что, можетъ быть, вы, читатель, знаете Пруссію и Францію лучше своей родины; въ этомъ случаѣ моя статья можетъ быть вамъ и пригодится. Параллели точно бывають иногда хороши, да только не тогда, когда думаютъ сравнивать бѣдняка съ Ротшильдомъ, потому что отъ такихъ параллелей нѣтъ никакой пользы. И безъ всякихъ параллелей вы знаете теперь, что Вологодская губернія бѣдна, дика и пустынна; что въ ней холодно, страшно холодно, и что безсильный человѣкъ, хоть онъ и принадлежитъ къ способнѣйшей кавказской расѣ, но подавляемъ здѣсь совершенно окружающею его суровой природой. — Холодно, читатель, холодно.

II.

Сколько въ Тотмѣ экономическихъ производителей.

На 64 страницѣ «Памятной книжки» сказано, что «на р. Сухонѣ есть «два первенствующіе по богатству и населенности уѣздные города — Тотма и Великій-Устюгъ». Если это замѣчаніе прочитаешь

английскому, то весьма вероятно, что он представляет себя Тотму в видѣ Ливерпуля, а Устюгъ въ родѣ Манчестера. Французъ въ образѣ Тотму Эвернеемъ, а житель острова Малагаскара — Тымъ Окио Каотр, имѣющій въ виду, конечно, некоего Окио отъ Ливерпуля, мадагаскарскимъ. У всякаго будетъ свой масштабъ. И вы читатель, если не знаете, что значить 30 мороза, то значить сдѣлать въ ваденкахъ и нутѣ не въ шубѣ, если вы не вытѣкали изъ Москвы, Петербурга, Кіева, Харькова, Одессы, если не читали никакихъ описаній Колы, Мелеи, то е первенствѣ Тотмы въ богатствѣ и населенности можете составить тоже мнѣніе не совсемъ ученое. Ваше «первенство» выйдетъ по отношению къ тѣмъ одинакамъ, которыми вы привыкли видѣть. Но въ настоящемъ случаѣ за основаніе для сравненія нужно взять единицу особаго размѣра вологодскаго, и тогда изъ известныхъ вамъ элементовъ вологодскаго края вы составите безомыслие, въ своемъ воображеніи такой городъ, который можно назвать толькой Тотмой, но уже никакъ не Ливердумемъ, не Манчестеромъ, не Петербургомъ. Поэтому, въ преувеличенномъ представленіи англійскаго воображающаго Тотму — Ливердумемъ, «Паян-дья» нисколько не виновата, хотя изъ желанія смягчать суровость своихъ шифовъ она иногда и говоритъ невинные ложные вещи. Можетъ быть, это и нужно, а можетъ быть и излишне. Не зная Вологды, судить не берусь. Впрочемъ, болѣе въ своей статистикѣ не только не сказать ни одного любезнаго слова ни одному, даже самому сильному европейскому государству, но скорее пытаться говорить имъ дерзости.

По населенію Тотма действительно одинъ изъ первенствующихъ городовъ Вологодской губерціи, потому что въ Кадниковѣ, Грязовцѣ, Вельскѣ, Никольскѣ, Соливычегодскѣ, Яренскѣ, Лальскѣ и проч. людей еще меньше. Въ Лальскѣ, напримеръ, всего 242 мужчины и 324 женщины въ Соливычегодскѣ, о существованіи котораго, до появления «Мертвыхъ душъ», знали только одни учителя географіи, — 620 мужчинъ и 712 женщинъ, считая тутъ конечно и новорожденныхъ дѣтей. По отношенію къ этой численной скудости, Тотма выходитъ и въ самомъ дѣлѣ однимъ изъ первенствующихъ городовъ, потому что въ ней 1681 мужчина и 1847 женщинъ, а всего 3528 человекъ. Но это кажущееся богатство населенія, взятое въ его экономическую сущности, выйдетъ богатствомъ не особенно поразительнымъ, ибо въ общемъ числѣ жителей — взрослыхъ людей отъ 17 до 55 лѣтъ, только 886 мужчинъ и 912 женщинъ или всего 1798

человѣка, т. е. ровно половина. А если на эту половину взглянуть еще попристальнѣе, то она сократится, по меньшей мѣрѣ, еще на четверть. Съ этой коварной цѣлью я приглашаю читателя заняться со мной слѣдующимъ, впрочемъ весьма пехитрымъ вычисленіемъ. Въ общемъ населеніи Тотмы есть производители прямо и исключительно экономическіе, а есть и такіе, которыхъ къ этой категоріи причислить нельзя. Въ смыслѣ собственно городского населенія нужно по настоящему считать однихъ мѣщанъ и купцовъ, какъ дѣйствительныхъ, прямыхъ горожанъ. Если читатель согласился со мною въ этомъ, то онъ конечно признаетъ и несомнѣнность моего вывода. Но для этого я попрошу его замѣтить, что населеніе моложе 17 лѣтъ—т. е. считая всѣхъ грудныхъ, до-пятилѣтнихъ карапузиковъ, мальчишекъ и дѣвочекъ, занятыхъ исключительно ѣдой и невинными забавами, въ родѣ полосканья въ лужахъ,—составляетъ въ Тотмѣ 37%. Теперь начинается расчетъ:

Чиповниковъ, дворянъ и духовныхъ въ Тотмѣ 450 человекъ, кромѣ монаховъ. Если исключить изъ этого 37% дѣтей, то взрослое населеніе составитъ 284 человекъ.

Сдѣлавъ подобное же вычисленіе съ остальнымъ населеніемъ получимъ, вмѣсто 3078 человекъ, только 1968.

Наконецъ, выключивъ людей старѣе 55 лѣтъ, или всего 398 ч., останется взрослыхъ, сильныхъ, цвѣтущихъ людей только 1854.

Но и эту цифру я еще урѣжу, и вотъ какимъ образомъ:

Если прямыми экономическими производителями считать только тѣхъ людей, которые принимаютъ непосредственное, личное участіе въ производствѣ предметовъ потребления и ихъ мѣнѣ, то всѣ остальные люди, какъ бы они ни были необходимы въ другихъ отношеніяхъ, не могутъ быть причислены къ экономическимъ производителямъ.

Къ числу этихъ людей, неучаствующихъ прямо въ увеличеніи матеріальнаго благосостоянія, слѣдуетъ причислить 284 человекъ, упомянутыхъ уже мною въ первой категоріи; потомъ 100 человекъ регулярнаго войска, а всего 384 человекъ. Значитъ, цифра взрослого, экономически-производительнаго населенія будетъ 1470.

Но мы условились считать городскимъ населеніемъ только горожанъ, а между тѣмъ въ вѣдомості жителей Тотмы показаны разныхъ сортовъ крестьяне: государственные, удѣльные, бывшіе помѣщичьи, заводскіе и какіе-то еще непонятные люди, называемые тех-

нчесли на языкѣ русскихъ статистиковъ «лицами, непринадлежащими къ вышеозначеннымъ разрядамъ». Всѣ эти не городскіе люди составляютъ 597 человекъ.

Такимъ образомъ собственно, городское и экономически-производительное населеніе Тотьмы составятъ 873 человека, считая въ томъ числѣ мужчинъ и женщинъ.

Чтобы узнать, сколько въ этой величинѣ мужчинъ и сколько женщинъ, придется держаться, разумѣется, приблизительнаго разсчета. Въ Тотьмѣ всего 1681 мужчина и 1847 женщинъ т. е. женщины составляютъ $52\frac{1}{2}\%$ общаго населенія. Поэтому въ цифрѣ 873 будетъ женщинъ 459 и мужчинъ 414. По условіямъ тотемскаго экономическаго быта только мужчины представляютъ по преимуществу производительную силу; женщины же сидятъ большею частью или сляжа руки, или производятъ ими очень невинныя и нѣжныя движенія, неведущія къ прямымъ экономическимъ результатамъ. Такимъ образомъ первоначальная, валовая цифра населенія Тотьмы сократилась до величины довольно микроскопической, составляющей всего $11,75\%$ всего числа жителей.

Я бы не сталъ утомлять вниманіе читателя, а особенно читательницъ—въ читательницахъ, признаться, я не особенно увѣренъ, развѣ только тотемскій прекрасный полъ полюбопытствуетъ заглянуть въ эту статью, да и то больше потому, что не найдется ли въ ней какая нибудь на ихъ счетъ дерзость; — и такъ, я бы не сталъ утомлять вниманіе читателя (теперь уже не скажу—читательницъ) этимъ скучнымъ разсчетомъ, если бы онъ не имѣлъ и другого, болѣе широкаго примѣненія. По составу населенія, Тотьма имѣетъ большое сходство со всѣми русскими городами. Поэтому думаю, что безъ большой ошибки можно къ населенію каждаго нашего города примѣнить приемъ, употребленный мною выше, и редуцировать экономически-производительное населеніе до 12% . Во всякомъ случаѣ, эта цифра будетъ очень близка къ дѣйствительной. И въ такомъ случаѣ въ нашихъ главнѣйшихъ городахъ окажется слѣдующее число собственно-городскихъ жителей, составляющихъ основное, производительное ядро или сокъ экономической силы. Въ Петербургѣ 62,400 человекъ; въ Москвѣ 46,356, въ Саратовѣ 7,656, въ Кіевѣ 7,272, въ Харьковѣ 5,412, въ Твери, Пензѣ, Самарѣ 3020, во Владимирѣ, Пермѣ, Уфѣ 1600, въ Черниговѣ и Екатеринославѣ 1500.

Въ вѣдомости числа жителей Тотьмы заключаются двѣ не сов-

сѣмъ ясныя цѣлы, и изъ нихъ одна поразила меня особенно. Въ графѣ «семейное положеніе» значится 528 вдовъ, а въ графѣ «занятій» 2692 мужчинъ и женщинъ, занятія которыхъ совсѣмъ не опредѣлены, т. е. въ началѣ графы перечислены чиновники, духовенство, земледѣльцы, торговцы, ремесленники, прислуга, а о 2692 ч. или о 77% всего населенія сказано, что эти люди не входятъ въ предыдущіе разряды. Куда же они входятъ, если они не чиновники, не духовенство, не земледѣльцы, не торговцы, не ремесленники и не прислуга? Что же это кирасиры или драгуны, студенты или гимназисты, или просто праздные джентельмены, прогуливающіеся по улицамъ? Видите, читатель, какой удобный, для запальчиваго критика, случай обрушить все свое негодованіе на составителя статистики Вологодской губерніи. По этому поводу можно бы щегольнуть и своимъ остроуміемъ, и ѣдкостью выраженій или выказать каіе нибудь и другіе литературные таланты; но такъ поступаютъ только очень юные писатели, мудрый же человѣкъ, какъ извѣстно, смотритъ въ корень; а смотрѣніе въ корень успокоиваетъ всякое негодованіе, потому что научаетъ понимать. Такъ какъ я хочу быть непременно мудрымъ, то и поступаю такъ: — узнавъ, что въ Тотмѣ 528 вдовъ, или ровно шестая часть населенія, что въ Петербургѣ было бы равносильно 100,000, я прихожу сначала въ изумленіе и затѣмъ отправляюсь по городу отыскивать вдовъ. Изъ всѣхъ моихъ розысканій и соображеній оказалось, что цифра 528 не въ мѣру преувеличена, по все же тотемскихъ вдовъ приходится не менѣе 7% всего населенія.

Заговорилъ же я о вдовахъ потому, что нѣтъ въ мірѣ хуже положенія бѣдной вдовы, которой мужъ, переселившись въ царство тѣней, оставилъ только голодныхъ ребятишекъ. Скверно быть пролетаріемъ, а вдовой еще хуже, особенно тотемской. Вдовство въ мѣстности, гдѣ и здоровый мужичина зачастую сидитъ безъ дѣла, есть положительное нищенство, потому что женщина, лишенная средствъ добывать все, что ей нужно, своимъ личнымъ трудомъ, должна по необходимости прибѣгать къ помощи постороннихъ людей. Вотъ почему пожилыя или больныя женщины и ребятишки составляютъ по преимуществу нищенствующее населеніе. Конечно, есть много нищихъ, занимающихся нищенствомъ, какъ ремесломъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ нищіе были мазурики. Нищіе и вдовы, лишенные средствъ существованія, занимаютъ самую

низшую ступень экономической лѣстницы; въ противоположность сливкамъ — онѣ поддонки общества, и потому всякое описаніе экономического быта народа, претендующее на основательность и глубокомысліе, должно начинаться съ разслѣдованія положенія вдовъ и пищихъ, какъ низшей степени бѣдности не только матеріальной, но и нравственной. Теперь, надѣюсь, читателю ясно, почему я такъ усиливался опредѣлить число тотемскихъ вдовицъ; только этимъ числомъ можно уяснить себѣ размѣръ самой горькой, безпомощной бѣдности и отношеніе ея къ остальному, менѣе бѣдствующему и обезпеченному населенію. Но прежде, чѣмъ начать рѣчь о тотемскихъ вдовицахъ, мнѣ нужно разъяснить еще темный вопросъ о 77% населенія, которыхъ «Памятная книжка Вологодской губерніи» поставила въ положеніе весьма двусмысленное, заставивъ предполагать, между прочимъ, что, можетъ быть, это голодные оборванцы, прогуливающиеся праздно по улицамъ.

Nonni soit qui mal y pense, сказалъ какой-то французскій или англійскій король. Пусть будетъ стыдно и тому, кто душно подумаетъ о 77% тотемскихъ гражданъ и о памятной книжкѣ Вологодской губерніи. Что тотемскіе граждане не зашпаются прогулками по улицамъ, въ этомъ можетъ легко убѣдиться всякій. Я живу, какъ мнѣ кажется, на главной улицѣ, по крайней мѣрѣ на той, по которой на масляницѣ катается все населеніе, и не смотря на то, въ обыкновенные дни пройдетъ по ней въ день едва три человѣка, считая въ томъ числѣ и меня, такъ какъ я каждый день прохожу по этой улицѣ. Что же касается до «Памятной книжки», то ее будетъ такъ же справедливо обвинять, какъ, напримѣръ, нашу академію наукъ за то, что она издаетъ календарь въ одной, а не въ двухъ частяхъ. Конечно, если бы Памятная книжка вышла въ двухъ частяхъ, то во второй явилось бы и разъясненіе всего непонятнаго или слишкомъ коротко упомянутого въ первой. Но какъ этого не случилось, то нужно довольствоваться тѣмъ, что есть, тѣмъ болѣе, что въ другихъ губерніяхъ не вышло даже и подобной книжки, и статистическіе комитеты безмолвствуютъ, подобно могиламъ. Разъясненіе вопроса о занятіяхъ 77% тотемцевъ будетъ впрочемъ гораздо легче, чѣмъ вопросъ о вдовахъ.

Прежде всего нужно замѣтить, что цифра 2692 (т. е. 77%) невѣрна, потому что «Памятная книжка», перечисливъ подъ рубрикамъ — военныхъ, чиновниковъ, купцовъ, ремесленниковъ, псклячи-

тельно взрослое населеніе, всѣхъ остальныхъ отнесла къ «неходящимъ въ предыдущіе разряды», сюда попали жены и дѣти чиновниковъ, военныхъ, торговцовъ, ремесленниковъ и затѣмъ всѣ дѣвочки, всѣ вдовы, однимъ словомъ все, что не служить, не работаетъ своими руками въ мастерской, не сидитъ лично за прилавкомъ. Отъ этого вышла особенно поразительная цифра женщинъ: мужчинъ, неходящихъ въ предыдущіе разряды, только 959, а женщинъ 17²/₃. Изъ числа всѣхъ женщинъ, малыхъ и большихъ, «Памятная книжка» нашла занятіе только 114, изъ нихъ 85 прислуги. Чтобы опредѣлить истинную цифру женскаго рабочаго населенія, надо исключить 37% дѣтей, 232 вдовы, живущія почти исключительно нищенствомъ, и 314 жонъ и дочерей чиновниковъ, духовенства и купечества, что вмѣстѣ составитъ 985, и слѣдовательно рабочихъ женщинъ останется 748. Но и эта цифра выше дѣйствительной, потому что почти въ каждомъ семействѣ найдется многолѣтняя бабушка, распаривающая свои старыя кости на печкѣ, въ ожиданіи смертнаго часа. Предположивъ, что одна такая бабушка приходится на четыре семейства, на всю Тотму нужно считать ихъ около 110, или женское рабочее населеніе понизится до 637, и въ этомъ числѣ мѣщановъ будетъ около 400. Такъ какъ я представилъ выше несомнѣнныя доказательства того, что тотемскіе жители прогулкамъ не занимаются, то проникательный читатель отдастъ только долгъ справедливости, если весь рабочій прекрасный полъ представить себѣ въ видѣ трудолюбивыхъ женщинъ, преданныхъ мирнымъ занятіямъ преимущественно, по примѣру Пенелопы. На сколько занятіе тотемскихъ Пенелопъ способно поселить въ нихъ отвращеніе къ труду, я скажу дальше, а теперь считаю себя совершенно счастливымъ, что представилъ читателю неопровержимые факты порядочности прекрасныхъ тотемскихъ мѣщановъ, потому что Пенелопа считалась во всѣ времена образцомъ семейныхъ добродѣтелей. Что же касается до 959 мужчинъ, заподозрѣнныхъ нами сначала въ праздничательствѣ, то изъ числа ихъ нужно исключить дѣтей и стариковъ, и тогда останется тоже около 400 человекъ не лѣнтяевъ и гулякъ, а честныхъ и хорошихъ людей, занятыхъ разнообразнымъ трудомъ. Положимъ, что трудъ этотъ не такъ энергиченъ и утонченъ, какъ трудъ англичанъ и американцевъ, но трудъ все-таки честный и на столько интенсивный, на сколько онъ

можетъ быть въ Россіи и особенно въ холодныхъ и пустынныхъ предѣлахъ Вологодской губерніи.

III.

НИЩИЕ.

Большинство нищихъ, которыхъ я видѣлъ,—люди честные и добродушные. Строгіе моралисты обвиняютъ нищихъ въ отсутствіи нравственнаго чувства и утверждаютъ, что человѣкъ съ достоинствомъ не протянетъ руки за милостыней. Но я не знаю, случалось ли моралистамъ умирать когда нибудь съ голоду; если они умирали и наконецъ умерли, не протянувъ руки за кускомъ хлѣба, то конечно имъ было пріятнѣе умереть голодной смертью, чѣмъ сохранять себѣ жизнь кускомъ чужого хлѣба. Въ этомъ случаѣ они имѣютъ право разсуждать о чувствѣ собственнаго достоинства. Если же строгій моралистъ выражаетъ свое негодованіе, сидя въ покойномъ креслѣ и послѣ тучнаго обѣда, то я бы попросилъ такого господина переселиться на время въ лачугу черную, сырую, холодную, въ которой единственно теплое мѣсто на печкѣ; попросилъ бы я его превратиться въ вдову, одѣться въ лохмотья, не поѣсть ничего три дня—и даже тогда не повѣрилъ бы его искренности. И вотъ почему:

Наша главная бѣда въ томъ, что мы привыкли кокетничать красивыми фразами, вычитавъ ихъ въ журналахъ, и полагаемъ, что порядочность и гражданское достоинство выражается только въ строгомъ осужденіи забытыхъ, загнанныхъ и голодающихъ бѣдняковъ. Поэтому въ салонахъ и передъ высшими мы облачаемся въ многообразныя доскутья модныхъ, ходячихъ выраженій и превращаемся въ такихъ благоухающихъ рыцарей всевозможныхъ гражданскихъ и разныхъ другихъ человѣческихъ доблестей, что каждый неопытный человѣкъ или иностранецъ, незнающій насъ покороче, подумаетъ:—какое счастье жить съ подобными людьми. Но мы съ вами, читатель, прожили съ подобными людьми и знаемъ хорошо это счастье. Мы знаемъ, что на добродѣтель бываетъ такая же мода, какъ на штаны и жилеты. Мы знаемъ, что если съ кокетничающаго господина снять надѣтые имъ панталоны добродѣтели, то обнаружится та же неблаговоиная нагота, которую мы видѣли съ вами еще

недавно въ ея натуральномъ видѣ. Маскарадъ сдѣлался теперь такой модной вещью, что даже сѣдовласые старцы облачаются въ непривычныя имъ одежды и уподобляются, въ ущербъ своему достоинству, лгущимъ свывымъ меринамъ. И прежде мы лгали много, но теперь стали лгать еще больше, а главное лгать съ невиданной до сихъ поръ наглостью. Только одинъ сортъ людей не лжетъ въ дѣйствительности — тѣ, кто говоритъ своими словами; кто понимаетъ, откуда явилось то, что называютъ обыкновенно добродѣтелью, и то, что зовутъ обыкновенно порокомъ. Люди этого сорта знаютъ, что добродѣтель и порокъ — плоды одного и того же дерева, какъ всевозможные сорта чаю — листья одного и того же чайнаго куста. Если вы читатель щеголяете въ панталонахъ добродѣтели, то я прошу васъ снять ихъ на время чтенія этой статьи, чтобы не затруднять себя необходимостью приходить въ благородное негодованіе отъ моихъ врывахъ отзывовъ о нищихъ и другихъ, по вашему понятію, дурныхъ людяхъ, которыхъ я считаю такими только потому, что имъ нельзя было сдѣлаться другими. Вѣдь и мы съ вами, читатель, дѣлаемъ много-много дурного, а въ негодованіе на себя однако не приходимъ. Отчего бы это такъ? Ну конечно, то мы съ вами! мы всегда дѣйствуемъ по извѣстнымъ причинамъ, мотивамъ, обстоятельствамъ и такъ далѣе, а у другихъ всего этого, какъ намъ кажется, нѣтъ — вотъ они и виноваты. Вообще негодованіе, кромѣ того, что оно служитъ доказательствомъ неспособности нашей понимать вещи правильнымъ образомъ, какъ прилично разсудительнымъ людямъ, служить лучшимъ признакомъ нашего безсилія. Человѣкъ, имѣющій возможность сдѣлать худое хорошимъ, не станетъ портить свою кровь неужной горячкой, потому что это только напрасный трудъ: проще превратить худое въ хорошее безъ крику и опасности получить кровяной ударъ. Человѣкъ же, сознающій свое безсиліе, начнетъ горячиться, приходитъ въ негодованіе, даже станетъ подогрѣвать себя и, намахавши руками, сколько ему кажется соотвѣтственнымъ данному случаю, наконецъ успокоится, не сдѣлавъ ровно ничего. Все это вѣдать, повидимому; слабую связь съ нищими, потому что по поводу ихъ обыкновенно не горячатся и не размахиваютъ руками. Мы горячимся обыкновенно по поводу отдѣльныхъ личностей, на примѣръ если дворянинъ огрѣветъ какого нибудь петербургскаго франта метлой, или городской скажетъ какой нибудь дамѣ грубую фразу, вовсе не изъ же-

лания наглубить, а потому что въ полку, гдѣ онъ служилъ, галантерейностямъ его никто не обучалъ. Въ подданныхъ возмутительныхъ случаяхъ «Голосъ» и «Петербургскія Вѣдомости» принимаютъ съ распростертыми объятіями каждое обличительное слово и вмѣстѣ съ огрѣтымъ метлою фронтонъ приходятъ въ негодование, конечно въ законной мѣрѣ. Затѣмъ «Полицейскія вѣдомости» откроютъ свои страницы вознегодовавшимъ въ свою очередь дворнику и городовому, и окажется, что «Голосъ» и «Петербургскія Вѣдомости» возмущались совершенно напрасно, потому что описанныхъ ими фактовъ никогда не существовало. Конечно, возмущаемся мы также и фактами болѣе крупными, напримѣръ, если генералъ скажетъ грубое слово прапорщику, или какойнибудь председатель обойдется нехорошо съ своими столоначальниками. Но наше негодованіе никогда не выходитъ изъ узенькаго кружка частныхъ личныхъ случаевъ; обобщеній дѣлать мы еще не умѣемъ и потому гонимся за отдѣльными жалашками насъ комарами, не подозрѣвая, въ своей умственной певинности, что нужно бы поразслѣдовать, отчего рождаются вообще комары и отчего есть мѣстности въ которыхъ ихъ совсѣмъ нѣтъ или очень мало, а въ другихъ ихъ очень много? Пока мы не приучимъ свою мысль къ обобщеніямъ, мы будемъ бесплодно тратить свое время и свои силы въ пустомъ хлопаньи мухъ; моралисты будутъ негодовать, болтуны — болтать и, сердясь на отдѣльныхъ людей, мы никогда не догадаемся, что у общихъ широкихъ явленій есть и общія широкія причины. Но за то когда это случится и мы пораскинемъ мозгами пошире, то станеть всѣмъ намъ лучше, станеть меньше и шире.

Каждый день, между 8 и 10 часамъ утра, являются ко мнѣ на дворъ маленькіе мальчики, одѣтые большею частью хорошо, т. е. такъ, какъ одѣваются всѣ русскія крестьянскія дѣти. У каждаго такого мальчишка виситъ на рукѣ корзинка. Мальчики приходятъ поодиначкѣ, по-двое, а иногда и по-трое. Особенной робости я въ этихъ мальчуганахъ не замѣтилъ; напротивъ, они отличаются рѣшительными манерами, такъ что если дверь у моего крыльца заперта внизу на засовъ, то они стучать весьма настойчиво, точно пришли въ свой собственный домъ. Забравшись на верхъ, мальчуганъ пропоеть въ сѣняхъ тонкимъ голосомъ, не повышая и не понижая тона: «милостынки Христа ради». Затѣмъ отворяется дверь хозяйской кухни, высовывается благодѣтельная рука и опускается въ

корзинку мальчика ломоть чорнаго хлѣба. Получивъ дань, мальчуганъ отправляется въ лачужкѣ, стоящей на нашемъ дворѣ, гдѣ живетъ старая вдова, содержащая бѣдненькій постоялый дворъ для бѣдныхъ мужиковъ, приѣзжающихъ въ городъ, и тѣмъ же однообразнымъ тономъ пропоетъ свое «милостынки Христа ради». И бѣдная вдовица даетъ ему отъ своей скудости тоже ломоть хлѣба. Получивъ и здѣсь, мальчуганъ отправляется дальше и обходитъ всѣ дома, въ которыхъ опъ имѣетъ практику. Если же войдутъ во дворъ, въ одно время, два мальчика, то производится маневръ довольно любопытный. Мальчики не знаютъ конкуренціи, напротивъ, ихъ связываетъ солидарность; безъ всякаго враждебнаго чувства, съ полной увѣренностью, что каждый изъ нихъ получить свою порцію, они условливаются сначала, въ какой домъ каждый изъ нихъ долженъ идти, и затѣмъ раздѣлившись — одинъ взбирается въ сѣни къ хозяйкамъ, а другой идетъ къ вдовицѣ. Пропѣвъ унисономъ «милостынки Христа-ради» и получивъ хлѣбъ, мальчуганы быстро мѣняются мѣстами: мальчикъ отъ насъ бѣжитъ къ вдовицѣ, а мальчикъ отъ вдовицы къ намъ, и опять тѣ же благодѣтельные руки снабжаютъ ихъ ломтями чорнаго хлѣба.

Одного такого мальчугана затащилъ я разъ къ себѣ и произошелъ между нами слѣдующій разговоръ: — Отчего ты просишь милостыню? спросилъ я. — Оттого, что сирота, отвѣтилъ мальчикъ. — Какъ сирота? — Отецъ и маъ умерли, значить два года. — Съ кѣмъ же ты живешь? — Съ бабушкой. — Гдѣ? — Подъ соборомъ. — Какъ подъ соборомъ? — Бабушка купила домъ, тамъ и живемъ. — Чѣмъ же вы живете? — Милостыней. — А бабушка? — Просить тоже. — Сколько ей лѣтъ? — 82. — И еще можетъ ходить по міру? — Да. — А ты долго будешь ходить? — Пока вырасту. — А тебѣ сколько лѣтъ? — 10. — А какъ вырастешь? — Буду работать. — Что же ты будешь работать? — А все. — За чѣмъ же работать? — Большому милостыню не подадутъ. — Что вы ѣдите? — А вотъ, и мальчикъ показалъ глазами на корзину съ хлѣбомъ, висѣвшую у него на рукаѣ. — Только одинъ хлѣбъ? — Одинъ — Я далъ мальчику булки, сахару и денегъ. — Что ты сдѣлаешь со всѣмъ этимъ? — Отдамъ бабушкѣ. — И деньги тоже? — И деньги. — Что же вы купите на деньги? — Говядины. — А часто ли вы ѣдите говядину? — Никогда. — Какъ никогда! развѣ вамъ не даюгъ денегъ? — Нѣтъ, только одинъ хлѣбъ. — Но вѣдь хлѣбъ у васъ остается и вы его продаете? — Нѣтъ,

все съѣдаемъ. — Гдѣ же вы возьмете соли, гдѣ достанете платье, что носишь ты и бабушка? — Купимъ. — А откуда деньги? — Бабушка торгуетъ. — Чѣмъ? — Покупаетъ здѣсь чтонибудь и продаетъ въ деревняхъ, а потомъ наберетъ милостыни въ деревняхъ и продаетъ здѣсь. — Ну, а еще чѣмъ? — Служить. — Какъ служить, гдѣ? — Служить въ нянькахъ и копить. — У кого служить? — У В... — Значить тамъ и живеть? — Да. — Значить и ѣсть тамъ? — Да. — А ты гдѣ? — И я тоже. — Значить и ты ѣшь тамъ же? — Да. — Такъ вы живете не въ своемъ домѣ? — Нѣтъ. — Домъ стоитъ пустой? — Нѣтъ, есть жилецъ. — Что онъ платитъ вамъ? — 20 копѣекъ. — Во сколько времени? — Въ мѣсяць — Въ мѣсяць? — Въ мѣсяць. — Замѣтивъ, что заврался, мальчикъ началъ отъ меня отходить и отступать понемногу къ выходной двери. А сколько бабушка получаетъ жалованья? — Три четвертака. — И деньги копить? — Копить. — А ты? — И я накопилъ: о святой набралъ денегъ — всѣ давали: Проневскій, Кокоревъ... тутъ мальчикъ совсѣмъ подошелъ къ двери и, не докончивъ перечисленіе фамилій, улизнулъ.

Что же слѣдуетъ изъ этого разговора? Если вы, читатель, петербургскій или московскій житель, то вотъ что: мальчикъ мошенникъ, и бабушка его, если это только бабушка, а не мать, — каналья. Бабушка учитъ его шляться и просить, рассчитывая на сердоболіе добродушныхъ провинціаловъ; мальчикъ, выросши, сдѣлается окончательнымъ мазурикомъ, проворуется, попадетъ въ острогъ, а пожалуй и далѣе. Они совсѣмъ не нищіе, потому что имѣютъ свой домъ, живутъ на готовой квартирѣ и даже копятъ деньги; а извѣстно, что изъ нищихъ есть люди съ состояніемъ въ нѣсколько тысячъ... Я не хочу далѣе выписывать нашихъ разсужденій, потому что они могутъ быть безконечны и все на ту же тѣму — мошенникъ, мазурикъ, каналья, воръ и т. д., и потому еще, что статья моя и такъ грозить раздуться до нестерпимаго для журнала размѣра. Но всѣ эти столичныя разсужденія къ провинціи рѣшительно не примѣнимы. Если бы вы видѣли сами этого бѣлокураго, бѣленькаго, съ свѣтлыми голубыми глазами мальчика, если бы вы слышали его искренній тонъ, вамъ бы стало стыдно за свое неумѣнье узнавать людей. Будь мальчикъ лгунишка, онъ не соскочилъ бы съ рельсовъ, а лгалъ бы гладко, сначала до конца. Мой же мальчуганъ поступилъ ипаче: онъ не лгалъ, онъ только хотѣлъ разжалобить, чтобы получить чтонибудь повкуснѣе чорнаго хлѣба. А ужъ будто бы мы съ вами не превеличиваемъ никогда

непріятность своего положенія? будто вы, читатель, — я предполагаю васъ помощникомъ столоначальника, а если хотите, пожалуй, и столоначальникомъ, — никогда, во всю свою жизнь не старались умилить своего начальника отдѣленія или директора? А вѣдь вы еще чиновникъ, вамъ, можетъ быть, сорокъ лѣтъ, у васъ есть дѣти. Маленькая ложь мальчугана-нищяго, которому бѣлый хлѣбъ кажется слаще чорнаго—совершенная невинность въ сравненіи съ приемами людей изъ образованнаго сословія для возбужденія сердоболія сильныхъ. Конечно, и невинная дѣтская ложь не дѣлается еще добродѣтелью оттого, что есть взрослые, лгушіе сильнѣе. Но я не моралиствую и разсуждаю не о людскихъ добродѣтеляхъ, а о томъ, что мы всѣ плоды одного дерева и что общественныя условія работали во всѣхъ насъ тотъ особенный типъ, по которому мы называемся русскими и отличаемся отъ французовъ, нѣмцевъ, англичанъ. — Это будетъ опроверженіемъ вашего перваго обвинительнаго пункта. Второй пунктъ, что мальчикъ сдѣлается мазурикомъ и попадетъ въ Сибирь, точно также ошибоченъ: мальчикъ по всей вѣроятности, не увидитъ никогда даже и острога, и вотъ почему. Онъ проситъ милостыню потому, что ему нужно пить и ѣсть; работать ему нечего, потому что и взрослымъ приходится зачастую сидѣть безъ дѣла; но съ другой стороны странствованіе по міру тоже трудъ, работа, потому что мальчикъ обѣгаетъ въ утро верстъ десять и устанетъ не меньше дровосѣка или пильщика. Если бы мальчикъ былъ изъ зажиточнаго или, какъ говорятъ здѣсь, изъ прожиточнаго дома, то разумѣется, онъ не бѣгалъ бы отъ однихъ дверей къ другимъ; но отъ этого его образъ жизни и занятій не сдѣлался бы поучительнѣе и примѣрнѣе образа жизни мальчугана, странствующаго съ хлѣбной корзиной. Въместо того, чтобы бѣгать изъ дома въ домъ съ дѣлами, прожиточный обѣгаетъ по улицамъ безъ дѣла, и въ сущности это болѣе праздное занятіе, чѣмъ шатанье нищяго. Нравственныя правила компанія, въ которой живетъ мальчикъ-нищій и всякій другой здѣшній мѣщанскій мальчикъ, рѣшительно не представляютъ такого рѣзкаго контраста, чтобы одинъ обрекался въ геенну огненную, а другой на вѣчное блаженство. Ужасъ нищенства, представляющійся строгимъ книжнымъ моралистамъ въ формѣ самаго чорнаго самоуниженія, не кажется такой страшной вещью русскому простонародью. Не только простолюдины, но и мы, не простые люди, смотримъ на личную просьбу

даже и въ ущербъ своему достоинству, совѣлъ не такъ строго. А про крестьянъ и говорить нечего. Посмотрите какъ всякій извозчикъ, ящикъ, поденщикъ, ремесленникъ, не чувствуя ровно никакого нравственнаго стѣсненія, заявляетъ весьма развязно желаніе получить съ васъ даромъ деньги *на водку*. Посмотрите, и на просительскіе приемы крестьянина, обращающагося по дѣлу къ волостному писарю, головѣ, окружному начальнику, становому, исправнику. Вѣдь для всего этого нужно особенное нравственное мировоззрѣніе и особая привычка, пріобрѣтенная въ молодости; а между тѣмъ просители эти не были никогда нищими. Жить благодареніями и изъ милости у насъ не особенная рѣдкость. Въ Тотмѣ есть, напримеръ, старушка, изъ сравнительно хорошаго дома, занимающаяся продажей по домамъ устюжскихъ конфетъ. Это еще ничего, потому что можно возносить товаръ и торговать имъ съ чувствомъ собственнаго достоинства. Но, положимъ, Павла Ивановна поступаетъ нѣсколько иначе, она производитъ торговлю съ полнымъ сознаніемъ своего ничтожества и неизмѣримости величія своихъ поупущиковъ, которые представляются ей могущественными благотворителями. Она переноситъ всякія шуточки и насмѣшки, и даже нисколько не прикрашенная грубости съ стоицизмомъ обтерпѣвавшаяся и привычнаго человѣка. И что понуждало ее привыкать? Нужда?—Нѣтъ. Просто домашнее воспитаніе и вся окружающая жизнь. Если мы станемъ подниматься по общественной лѣстницѣ выше, то на каждой ступени найдемъ свою Павлу Ивановну или подобнаго ей какагонибудь Ивана Ивановича. Мы еще плохо понимаемъ возможность взаимныхъ безобидныхъ услугъ и неоскорбительныхъ отношеній; ломающійся благотворитель никакъ еще не можетъ взять у насъ въ толкъ, что онъ наноситъ своему достоинству большее оскорбленіе, чѣмъ тому, кому хочетъ показать свое превосходство. Мальчуганъ нищій, выросшій въ понятіяхъ, что клянчить и притягивать руку не имѣть въ себѣ ничего дурнаго, можетъ быть во всѣхъ другихъ отношеніяхъ хорошимъ человѣкомъ. Ему нѣтъ никакой необходимости сдѣлаться ни воромъ, ни разбойникомъ и попасть въ острогъ или въ Сибирь. Мальчикъ проситъ только потому, что у него нѣтъ силъ, способностей и возможности добыть себѣ средства другимъ образомъ; если бы была въ Тотмѣ фабрика, онъ конечно пошелъ бы въ нее, какъ нанимаются теперь дѣти погонять лошадей на смѣжномъ соляномъ заводѣ; если бы была въ Тотмѣ мода ѣздить четверникомъ на вы-

ность, мальчягъ пошелъ бы въ фореиторы; но куда идти теперь ребенку 10—12 лѣтъ, когда его силы никому не нужны и когда у него есть еще бабушка 82 лѣтъ? Ребенокъ добываетъ хлѣбъ по своему, т. е. просить, потому что ничего другого дѣлать ему не остается, да и нельзя. Но вотъ дитя подрастетъ, войдетъ въ сплу и тогда станетъ добывать свой хлѣбъ другимъ образомъ. Мальчуганъ отвѣтилъ мнѣ совершенно правильно, что онъ будетъ работать все: онъ пойдетъ въ лямку, станетъ пахать, колотъ и рубить дрова, трепать ленъ и дѣлать все то, что дѣлаютъ и другіе тотемскіе мѣщане, неимѣющіе спеціальнаго занятія. Какъ только мальчуганъ сдѣлается парнемъ, онъ перестанетъ быть нищимъ и превратится совершенно въ такого же мужика, какъ и всѣ остальные мужики обширной Вологодской губерніи. Думаю, что этого объясненія вполнѣ достаточно для устранения и второго обвинительнаго пункта. Теперь пунктъ третій: обвиненіе въ копленіи денегъ и въ богатствѣ. Я не стану опровергать того факта, что бывали нищіе, оставившіе по смерти десятки тысячъ. Такіе франты попадались вездѣ, встрѣчались и у насъ. Но то, что возможно въ Парижѣ или въ Петербургѣ, невозможно въ Тотьмѣ. Откуда здѣсь набрать нищенствомъ тысячи, когда всѣ жители по богатству ушли немного дальше отъ почтенной 82 лѣтней бабушки мальчугана, вызвавшего всѣ эти разсужденія? Здѣсь подадутъ только хлѣбомъ, и по размѣру корзины нищихъ можно погагать, что дневной сборъ едва ли можетъ быть болѣе четырехъ фунтовъ. Деньгами мѣщане не помогаютъ, а помогаютъ господа, т. е. чиновники и купцы, по большому праздникамъ, да и то въ такомъ неширокомъ размѣрѣ, что и во сто лѣтъ не скопите ста рублей, если откладывать въ губышку даже все подаліе. Если эти голословныя объясненія не удовлетворяютъ читателя и онъ потребуетъ отъ меня доказательствъ, то я отвѣчу ему, что доказательства добыть довольно трудно. Отъ нищихъ узнать объ ихъ денежномъ доходѣ рѣшительно невозможно, потому что они и сами не знаютъ, сколько перепадетъ имъ въ годъ денегъ. Вообще, русскій человѣкъ счетоводствомъ не занимается, а живетъ изо дня въ день, не зная ни того, что онъ получаетъ, ни того, что онъ проживаетъ. Я переспросилъ здѣсь, можетъ быть, болѣе пятнадцати дѣвущекъ и женщинъ, чтобы узнать, сколько онѣ заработаютъ въ годъ, и ни отъ одной не могъ добиться тѣлу. Съ вещами это дѣло еще труднѣе, потому что они живутъ на

мелочь, на копѣйки; а копѣйка отъ копѣйки стоитъ у нихъ такъ далеко, что пока они добудутъ вторую — первая забыта. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, неграмотному человѣку запомнить всѣ копѣйки, которыя пройдутъ въ годъ чрезъ его руки, когда мы, грамотные люди, не умѣемъ вести своихъ счетовъ безъ ошибки и не знаемъ, что мы получаемъ и проживаемъ? Впрочемъ, чтобы не оставить читателя въ полномъ невѣдѣнн о денежномъ доходѣ здѣшнихъ нищихъ, я попытаюсь сдѣлать приблизительный расчетъ. Въ Верховажн—пасады Вологодской губернн, лежащн во ста верстахъ отъ Тотмы, — живетъ, оставившн уже торговлю, богатый купецъ Пестеревъ. Каждый годъ, къ Рождеству и къ Святой онъ присылаетъ здѣшнимъ нищимъ по 1 р. 50 к. на человѣка. Слѣдовательно, на долю бабушки придется такимъ образомъ въ годъ 3 рубля. Мѣстныя благотворители дадутъ въ годъ не болѣе 1 руб. Отдача дома въ наемъ дастъ въ годъ 2 руб. 40 коп. Жалованье за нянчанье 9 руб. Но это нянчанье—случайность, и тотъ годъ, когда бабушкѣ пришлось добыть себѣ подобное мѣсто и отдать свой домъ въ наемъ, слѣдуетъ считать для нея равносильнымъ открытн американцами калифорнскаго золота. Впрочемъ, чтобы успокоить строгихъ статистиковъ, чувствующихъ особенную нѣжность къ среднимъ числамъ, я предполагаю 11 р. 20 к., добываемыхъ старухою въ годъ отъ дома и нянчанья, ея постояннымъ среднимъ доходомъ. Это значитъ, что нянчанье, дающее бабушкѣ 9 руб., должно быть не меньше выгоды, доставляемой ей, въ другое время, торговлей нанщичествованными въ городѣ и деревняхъ скудными предметами. Такимъ образомъ доходъ бабушки равенъ 15 р. 40 к. въ годъ или 1 р. 28 $\frac{1}{3}$ к. въ мѣсяць. Но читатель мнѣ замѣтитъ, что бабушка живетъ на чужомъ хлѣбѣ, и слѣдовательно ей остается только откладывать свои 1 р. 28 $\frac{1}{3}$ к. въ кубышку. И такое замѣчанье было бы вполне правильно, если бы бабушкѣ и ея внучку можно было бы ходить въ костюмѣ, употребляемомъ жителями острововъ Товарищества. Къ сожалѣнн такой костюмъ для жителей Вологодской губернн не по климату; кромѣ того, между тотемцами чай составляетъ такую необходимую житейскую принадлежность, безъ которой не обходится ни одинъ нищн. Поэтому, безъ всякихъ преувеличеннй, можно предположить, что если бабушка и скопитъ что нибудь въ нынѣшнемъ году, то, оставивъ мѣсто няньки, опять и проживетъ свою калифорнню, и балансъ будетъ ровенъ 0.

Приведенный мною примѣръ бабушки и мальчугана, разумѣется, не удовлетворитъ тѣхъ, кто требуетъ, чтобы нищій былъ бы непремѣнно человѣкъ пзуродованный. Настоящій эффектный нищій долженъ или ползати на колѣняхъ, или имѣть сухую руку, или въ носу полипа или ракъ; однимъ словомъ, какойнибудь ужасъ, производящій тошноту даже въ докторѣ. Кромѣ того, нищій долженъ быть одѣтъ въ лохмотья, дрожать отъ холода и имѣть исхудалое, зеленоватое или съ сѣрыми оттѣпкомъ лицо, а пожалуй и все тѣло. Но такіе субъекты, какъ мнѣ кажется, меньше всего нищіе; это промышленники, аферисты или съумасшедшіе, которыхъ нужно лечить или въ клиникѣ, или въ желтои домѣ. Настоящій нищій вовсе не факиръ, не пдіотъ и не фогусникъ. Онъ дѣйствительно бѣдный человѣкъ, у котораго не достаетъ силы добыть для себя все своими собственными средствами. Онъ можетъ быть немощенъ, слабъ, хилъ; но ему не зачѣмъ быть уродомъ и пугаломъ всѣхъ беременныхъ женщинъ. Поэтому нищенство не есть постоянное гражданское или социальное положеніе; быть нищимъ не то, что быть мѣщаниномъ или крестьяниномъ. Нищенство есть только экономическое состояніе, прямо зависящее отъ средствъ существованія въ данный моментъ. Отъ этого человѣкъ, собирающійся сегодня и оттого называемый нищимъ, можетъ завтра очутиться въ положеніи, при которомъ ему не зачѣмъ христарадничать. Здѣсь есть много старухъ, которыя и работаютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прибѣгають къ помощи, потому что заработка для нихъ недостаточна. Какъ вы назовете такую старуху? Она и нищая, и не нищая. Я приведу примѣръ такой женщины ниже, когда буду говорить о формѣ переходной къ обыкновенному тотемскому мѣщанскому быту. А теперь продолжаю о тѣхъ нищихъ, которыхъ я видѣлъ и посѣтилъ. Эффектовъ у меня не будетъ, потому что я хочу не поражать ваше воображеніе, читатель, а рассказать вамъ правду, какъ она есть; не разжалобить и разчувствовать васъ на минуту, а представить факты для спокойнаго размышленія.

Нищая, съ которой я начну, покажется вамъ, пожалуй, вовсе не нищей. Но если вы согласитесь держаться сдѣланнаго мною опредѣленія, что нищенство есть такое состояніе, при которомъ человѣкъ не имѣетъ возможности добыть всего ему необходимаго своимъ личнымъ трудомъ, то намъ спорить будетъ не о чемъ. Для тотемскихъ читателей прибавлю, что эта нищая живетъ въ Зелени. Домикъ, у нищенки очень печальный, покривившая избенка въ два окна, до

того низенькая, что высокій человѣкъ достанетъ, пожалуй, рукой до конька крыши. Ни забора, ни воротъ у домика нѣтъ; а стоитъ онъ себѣ спокойно въ пустомъ пространствѣ, ничѣмъ неогороженный, вѣроятно потому, что не зачѣмъ имѣть заборъ и ворота, когда нечего запирать. Около дома замѣтна чистота и порядокъ: слѣгъ подметенъ и стоятъ двѣ сажени дровъ. Свирѣпый человѣкъ скажетъ, какая же это нищая, когда у нея есть дрова? Но свирѣпый человѣкъ, вѣроятно, не хочетъ обратить вниманія на то, что безъ дровъ обходятся только волки и медвѣди, но человѣку въ Вологодской губерніи необходима искусственная теплота. Я удивлю свирѣпаго человѣка еще болѣе, когда доведу до его свѣдѣнія, что у нищей есть четыре курицы, одинъ пѣтухъ и корова, и не смотря на такое очевидное благосостояніе, моя нищая все-таки нищая. Какъ же это такъ? Очень просто. — Внутренность избенки устроена совершенно по той же теоріи, какъ и всѣ русскія избы: кругомъ лавки, столъ, божница, шкѣлочикъ для посуды, печка и больше ничего. Изъ движимыхъ предметовъ находится въ избенкѣ люлька съ груднымъ ребенкомъ, савоаръ, три горшка, нѣсколько плошекъ и деревянныхъ ложекъ, и хоть я самъ не видѣлъ, но ячю полное основаніе предполагать, что въ ящикѣ стола хранится ножъ, исполняющій весьма разнообразную службу, и ржавая вилка. Освѣщеніе производится лучиной. Кромѣ грудного ребенка, обитаютъ въ хижинѣ женщина лѣтъ сорока или менѣе и мальчикъ лѣтъ десяти, ея сынъ. Обстановка, повидимому, вполне удовлетворительная, есть все, какъ и у большей части русскихъ мѣщанъ и крестьянъ. Нѣтъ только одного — взрослого мужчины, и вотъ въ чемъ причина нищенства. Когда мы — это «мы» вовсе не та грамматическая форма, которую многіе принимаютъ ошибочно за деликатность души и литературную скромность — наше «мы» состояло въдѣйствительности изъ двухъ лицъ: меня и П. Д. Волкова. П. Д. Волкову я считаю пріятнымъ здѣсь долгомъ заявить свою глубочайшую признательность, потому что онъ съ готовностью, которую русскіе выказываютъ только путешествующимъ иностранцамъ и ревизующему начальству, а отъ своихъ младшихъ соотечественниковъ держать въ глубочайшей тайнѣ, замѣняя ее величественной суровостью — сообщилъ мнѣ разнообразныя свѣдѣнія о Тотмѣ и обошелъ со мной множество улицъ и домовъ, представляющихъ статистическій интересъ. Когда мы вошли въ избу и, увидѣвъ люльку, спросили бабу, чей тамъ ребенокъ, то она съ искренностью

разсудительнаго человѣка, дала намъ такой отвѣтъ:—Что грѣха таять, хитрить я не стану: прижила отъ солдата. — Гдѣ же солдатъ?— Умеръ нынче лѣтомъ.— Дѣло въ томъ, что баба эта, сама солдатка безъ мужа, жила съ отставнымъ солдатомъ и дѣла ихъ шли недурно. Но вотъ солдатъ умеръ и баба осталась съ груднымъ ребенкомъ. Чѣмъ ей жить? Идти въ какую нибудь работу? Съ ребенкомъ не возьмутъ, а оставить его нельзя. Четыре курицы и пѣтухъ, и даже корова, хотя, повидимому богатство и большое, но, во-первыхъ, куры зимой не песутся, пѣтухъ теряетъ зимой всѣ свои свѣтскія достоинства, не обнаруживаетъ къ курамъ никакой пѣжюности, а потому своимъ хозяевамъ не доставляетъ никакой выгоды, значить отъ него толку еще менѣе; наконецъ корова хотя и даетъ молоко, но за то ѣсть и сѣно: сѣно нужно купить, а молоко продать некому, потому что въ Зелени живутъ все голыши. Ясно, что лучше всего съѣсть это молоко самимъ. Конечно, если читатель представляетъ себѣ нищаго непремѣнно съ вывороченными глазами, то въ такомъ случаѣ молоко пожалуй и роскошь. Но если нищій обладаетъ благополучіемъ здороваго зрѣнія, если у этого нищаго осталось еще отъ его прежняго достатка корова и четыре курицы, то какъ вы прикажете ему расправиться съ ними? Съѣсть что ли? Прежде всего однако нищій человѣкъ съ такимъ же стремленіемъ къ улучшенію своего быта, какъ и мы съ вами. Далѣе, нищій, какъ и всякій его согражданинъ, обладаетъ хотя небольшой, но все-таки достаточной порціей разсудительности, которая даетъ ему возможность различать менѣе выгодное отъ болѣе выгоднаго и стремиться къ послѣднему. Наконецъ, тѣ нищіе, о которыхъ я говорю и которые не имѣютъ ничего общаго съ петербургскими и московскими факирами, торчавшими весь свой вѣкъ на углу какой нибудь улицы на колѣняхъ или съ протянутой высохшей рукой,—имѣютъ всѣ достаточную долю той крестьянской порядочности, по которой имъ бы желательно воротить свое прошлое житье. И слава Богу, что у этой нищей есть четыре курицы, пѣтухъ и корова; а еще бы лучше, если бы всего этого было у нея вдвое. Поэтому я не вижу ровно никакой причины ставить ей въ упрекъ здоровые глаза, руки и ноги, и считать себя огорченнымъ, что она не подошла подъ вашъ идеалъ нищаго, съ выколупаннымъ глазомъ. Точно такъ же, какъ изъ уваженія къ кавказскому происхожденію славянъ и изъ патріотизма, я вовсе не желаю, чтобы въ Россіи умирали кто нибудь съ голоду.

Но четыре куряцы съ пѣтухомъ и корова все-таки не богъ нѣтъ какое благополучіе. Однѣмъ молокомъ прожить нельзя: нуженъ хлѣбъ, нужна одежда, нужно прокормить корову и куръ, нужно добыть дровъ и лучину на освѣщеніе. Откуда же добывается все это? Мать сидитъ дома, у нея грудной ребенокъ, котораго оставить ей нельзя; нужно натопить печь, приготовить обѣдъ, вывести въ домъ и около него, накормить корову и куръ, возиться съ ребенкомъ, чинить платье себѣ и домашнимъ; однимъ словомъ, дѣла много и о заработкѣ на сторонѣ думать рѣшительно невозможно. Къ счастью, что въ домѣ есть мальчикъ; безъ него чистая погиболь и голодная смерть или ужасающее нищенство съ ребенкомъ на рукахъ. Мальчикъ теперь выручаетъ всю семью; онъ собираетъ хлѣбъ, достанетъ, можетъ быть, иногда и денегъ, и всѣ сыты, начиная съ куръ до ховяйки дома. Совершивъ свой дневной обходъ, мальчикъ не успокоивается из лаврахъ; дома много разной мелочной работы: натаскать воды, принести дровъ, пашепать лучины; а вечеромъ мать сажаетъ своего кормильца-сынка за работу, отъ которой, когда я былъ у нихъ, пальцы мальчугана всѣ распухли и бѣдняжка со слезами говоритъ, что ему не въ силу. Занятіе это, заслужившее особенное вниманіе нѣмецкихъ моралистовъ и филантроповъ, за свое чудодѣйственное вліяніе на нравственность преступниковъ, и введенное ими въ тюрьмахъ, какъ единственное средство, умягчающее человѣческое сердце и пробуждающее совесть, заключается въ щипаніи каната на павлу для конопатки судовъ и домовъ. Хотя въ этомъ душеспасительномъ занятіи мать и помогаетъ своему сыну, но и ихъ обоюдное усердіе не на столько велико, чтобы они могли изщипать всѣ тотемегіе канаты; поэтому, остающійся досугъ посвящается пряжѣ и сученью льна, которымъ такъ славится Вологодская губернія. Говоря коротко, люди заняты съ утра до вечера. Особенной теплоты я въ избѣ ихъ не нашель; ѣдятъ они плохо; одѣты тоже; мальчикъ набиваетъ себѣ ноги, бѣгая за ломтями хлѣба и моволить руки о канаты; мать трудится тоже безъ отдыха. Праздные ли это люди? Хороша ли ихъ жизнь? Производителенъ и обезпечиваетъ ли ихъ трудъ? Я знаю, что отвѣтитъ читатель на эти три вопроса. На первый, онъ скажетъ: люди эти не правды; на второй — жизнь северная; на третій — трудъ необезпечивающій бѣдняковъ и убыточный для общества на столько, на сколько оно должно почитать

его непроизводительность. Если мнѣ удалось привести читателя къ этимъ отвѣтамъ, то это все, чего я желалъ.

Описанная мною нищая принадлежитъ еще къ аристократіи, не только по размѣру домашнихъ средствъ, въ которыхъ корова изображаетъ дѣйствительно звѣзду первой величины, но еще и потому, что у нищенки есть сынъ. Положеніе было бы иное, если бы вмѣсто сына была дочь. Такихъ нищихъ здѣсь нѣсколько.

Послѣ довольно подробнаго описанія быта нищей, сдѣланнаго выше, читателю не трудно уже вообразить себѣ картину семейнаго счастья, когда нѣтъ въ домѣ ни коровы, ни куръ; когда мальчика замѣняетъ дѣвочка, лѣтъ шести или даже менѣе. Холодно и голодно въ такой печальной жизни; потому что челоуѣкъ никогда не согрѣется и не наѣстся, сколько ему нужно. Вѣчно хлѣбъ, хлѣбъ и хлѣбъ; развѣ иногда перепадетъ копѣечка и бѣдняки попробуютъ похлебки съ говядиной или отогрѣются чайкомъ. Нищая, имѣющая сына—крезъ въ сравненіи съ нищей, имѣющей дочь. Сынъ подрастетъ, станетъ работникомъ, и матери его обезпечена покойная старость на теплой печкѣ. Перспектива отрадная; хоть бы дождался только возраста сына. Но у нищей, съ маленькой дѣвочкой, пѣтъ этой блестящей будущности. Дѣвочка, сдѣлавшись дѣвушкой, всѣтани женщина, а не мужчина. Заработокъ женщинъ вездѣ составляетъ только четверть или половину заработка мужчины, а въ Тотьмѣ и гораздо меньше. Поэтому старухѣ матери едва ли придется отдыхать на печкѣ, по крайней мѣрѣ съ той спокойной увѣренностью въ прочность и безмятежность этого наслажденія, какая достанется на долю нищей, имѣющей сына. Если дочь вырастетъ красавицей, то... читатель конечно думаетъ, что она выйдетъ замужъ, но увы! Тотемскіе женихи не менѣе разсчетливы, какъ и петербургскіе; самая бѣдная невѣста должна принести какое нибудь приданое, по меньшей мѣрѣ корову, а чуть жеппхъ получше, то потребуетъ и денегъ рублей, пожалуй, пятьдесятъ. Нужно быть красавицей писаной, чтобы привлечь къ себѣ жениха, а особенно хорошаго. Большой дѣвкѣ просить милостыню стыдно: скажутъ всѣ — работай; а что работать? — щипать канатъ или прясть ленъ? Я скажу въ слѣдующей статьѣ, на сколько это дѣло выгодно. А между тѣмъ нужда гнететъ, старуха-мать ворчать, что дочь добываетъ мало; дѣвка на возрастѣ, кровь ходитъ; ну, дѣло и обойдется безъ брака; къ тому же, и трудъ пріятный, и жизнь веселая,

особенно какъ наступить рекрутскій наборъ или подвернется паемщикъ. И былъ въ домѣ, гдѣ есть старуха-мать, дочь лѣтъ двадцати и мальчикъ лѣтъ семп. Старухи дома не было — ушла за милостыней, а у дочери въ гостяхъ сидѣлъ паемщикъ, и полагаю, что имъ было не скучно и ей не убыточно. Думаете ли вы, читатель, что дочку за это слѣдуетъ побить камнями? И она знаетъ, не хуже насъ съ вами, что лучше бы выйти за мужъ, да жить своимъ хозяйствомъ и стоять выгодно въ общественномъ мнѣнїи; а не то, чтобы каждый пьяный рекрутъ тыкалъ на нее пальцами и называлъ «Катенькой». Хорошо, если «Катенька» посчастливится: выйдетъ замужъ а если нѣтъ, то проживъ молодость, можетъ быть и не въ довольствѣ, но по крайней мѣрѣ весело, она покончитъ свою старость, какъ начала молодость, — ниществомъ.

Еще хуже положеніе совершенно одинокихъ женщинъ. Такихъ я видѣлъ нѣсколько. Это обыкновенно безсемейныя вдовы, достигшія или большой старости, или безталанныя женщины, у которыхъ какъ-то все валится изъ рукъ. Родилась, напримѣръ, Прасковья Архипова съ безобразной, огромной и толстой нижней губой. Родители ея (т. е. Архиповой) были люди прожиточные, за Прасковьей давали сто рублей и ей нашелся мужъ. Но мужъ былъ не изъ хитрыхъ, въ родѣ самой Прасковьи; деньги прежились, супругъ умеръ и Прасковья осталась одна съ своей толстой губой. При такомъ безобразїи рассчитывать на второе супружество было невозможно, тѣмъ болѣе, что не было вторыхъ ста рублей. Сначала продавалось добро, какое было можно; но тамъ и продавать оказалось нечего. Прасковья Архиповой теперь 60 лѣтъ; ходитъ она въ лохмотьяхъ и живетъ подаеніемъ. Это уже послѣдній видъ бѣдности: бѣднѣе быть невозможно, потому что далѣе слѣдуетъ только голодная смерть.

Такимъ образомъ мы пришли къ началу всѣхъ началъ — къ смерти. Какъ одинъ изъ видовъ экономическаго состоянїя, трущ человекъ, умершаго голодной смертью, имѣетъ ту особенность, что въ каждомъ наблюдателѣ возбуждаетъ совершенно справедливую мысль о томъ, что гораздо лучше умереть совершенно, чѣмъ жить умирая. Образчики подобнаго экономическаго состоянїя мнѣ случалось видѣть на Оби, между остатками. Не знаю—впрочемъ это я говорю только изъ скромности,—попадаютъ ли такіе образчики въ другихъ мѣстахъ. Но если даже и на сто милліоновъ людей прихо-

дится одинъ умершій съ голоду, то и этого довольно, чтобы осудить экономическій строй, допускающій подобныя явленія. Относительно экономического быта Тотмы подобнаго суроваго приговора сдѣлать нельзя. Ни лѣтописи, ни устные преданія, ни современные хроникеры не сохранили никакихъ фактовъ, по которымъ бы можно было заключить, чтобы въ Тотмѣ существовала когда-либо эта первая степень экономического состоянія. Ну, и слава Богу! Здѣсь экономическое состояніе начинается со второй степени, представительницей которой является Просковья Архипова. Конечно, есть образчики полѣтамъ и безпомощности еще болѣе видныя, напримѣръ, семидесятилѣтнія старухи; но Архиповой дасть право на первенство ея нижняя губа, сообщающая нищенству Архиповой особенной эффектъ. — Я знаю, что люди изъ школы славянофиловъ, прочитавъ эти строки, награждать меня презрительной улыбкой, какъ человѣка, неумѣющаго выражаться приличнымъ языкомъ или глумящагося надъ безпомощностью. Но со стороны словянъ это будетъ невѣжливостью и выѣстъ съ тѣмъ доказательствомъ, что они читали мою статью безъ вниманія; наконецъ, что они ошибаются, если полагаютъ, что любовь къ людямъ выражается только слезами и кислыми гримасами похороннаго характера.

Вторая степень, съ которой я и началъ описаніе экономического быта Тотмы, есть тотъ видъ крайней бѣдности, при которомъ нищета достигаетъ уже извѣстной степени беззастѣнчивости. Въ цѣломъ свѣтѣ просить милостыню считается стыдомъ и если человѣку есть возможность добыть подаваніе, не жертвуя своимъ личнымъ достоинствомъ, то онъ такъ и дѣлаетъ. Поэтому безпомощныя бабушки и мамельки, имѣющія внучатъ или маленькихъ дѣтей, посылаютъ за милостыней ихъ, а сами не ходятъ. Только въ крайности, когда посылать рѣшительно некого, нищая начинаетъ ходить сама. Трудно лишь начало; но послѣ нѣсколькихъ обходовъ застенчивость исчезаетъ и дѣло идетъ уже легко. Такія одинокія нищія, принужденныя просить милостыню лично — самыя бѣдныя изъ нищихъ, эта нищенская демократія составляетъ низшій слой общества, его настоящіе поддопки. Нищія семейныя, у которыхъ только дѣти просятъ, а большіе сидятъ дома, работаютъ и хозяйничаютъ, но главнымъ своимъ промысломъ считаютъ все-таки нищенство, составляютъ уже переходъ къ другому виду бѣдности, не называемому обыкновенно нищенствомъ.

Въ этомъ третьемъ видѣ бѣдности люди стараются добывать себѣ средства существованію къ трудомъ. Какъ они не бѣдны, но въ нихъ еще столько чувства достоинства и самолюбія, что они дорожатъ общественнымъ мнѣніемъ и усливаются сохранить во всей внѣшней обстановкѣ порядочность, незнакомую настоящимъ нищимъ, для которыхъ, напротивъ, лохмотья составляютъ существенную принадлежность, вывѣску ихъ общественного положенія. Бѣдные третьяго сорта, не смотря на свое усиліе жить исключительно трудомъ, не могутъ все-таки обойтись безъ посторонней помощи. Бьются они какъ рыба объ ледъ, и кончаютъ все-таки тѣмъ, что должны просить. Но они просятъ не публично, не во всякомъ встрѣчномъ домѣ, какъ настоящіе нищіе, но имѣютъ своихъ благотворителей. Благотворители нанимаютъ ихъ къ себѣ работать — мыть полы, бѣлье, носить воду — и кромѣ платы за трудъ вообще очень скудной — дарятъ имъ по праздникамъ или такъ иногда, разныя обноски или гривенничекъ, или муки, крупъ, сахару и чаю, и т. п.

Въ четвертомъ видѣ бѣдности человекъ уже можетъ обойтись безъ благотворителей; такому человекѣку бываетъ иногда очень тошно въ жизни, но за то, благодаря своимъ силамъ, онъ находится въ томъ счастливомъ положеніи, когда его никто не оскорбляетъ помощью, никто не ломается надъ нимъ, корча изъ себя благотворителя и требуя отъ бѣднаго человека уваженія.

Съ этого самостоятельнаго экономическаго положенія начинается уже та цѣпь разнообразныхъ денежныхъ состояній, которую замыкаетъ наконецъ Ротшильдъ.

Между перечисленными степенями экономическаго состоянія не существуетъ рѣзкихъ границъ. Начиная отъ Ротшильда, богатство распускается постепенно, безъ замѣтныхъ переходовъ, въ низшія степени и кончается наконецъ голодной смертью. Это гора, составленная изъ тѣсно другъ подлѣ друга стоящихъ людей, въ которой каждый стоитъ выше или ниже кого нибудь: но гдѣ никакой математикъ и землемѣръ не сумѣетъ найти линіи, раздѣляющія одинъ сортъ экономическихъ единицъ отъ другого. Даже къ голодной смерти есть постепенный переходъ. Поэтому принятыя мною дѣленія составляютъ искусственныя границы, служащія собственно для выясненія вопроса.

Сколько мнѣ удалось разузнать, хотя это дѣло не очень трудное, въ Тотмѣ бѣдныхъ людей втораго сорта человекъ пятьдесятъ. Изъ

нихъ около двадцати одинокихъ старухъ нищихъ и около тридцати семейныхъ.

Для любителей статистическихъ процентныхъ отношеній прибавлю, что тотемскія нищія составляютъ 2, 6 ‰ всего женскаго населенія города, 3 ‰ собственно взрослога женскаго населенія, и 20 ‰ женщинъ старѣе 55 лѣтъ. Последняя цифра самая вѣрная, потому что всѣ нищія—старухи.

Но эти величины, взятая сами по себѣ, не даютъ еще ровно никакого опредѣлительнаго понятія. Сдѣлаю сравненіе. Въ Петербургѣ, въ 1863 году, въ вѣденіи комитета для разбора и призрѣнія нищихъ находилось 2,554 человека, въ томъ числѣ женщинъ 1,169, а какъ женское населеніе Петербурга пѣсколько болѣе двухъ сотъ тысячъ, слѣдовательно нищія-женщины составляютъ 0,58 ‰ или на 2 ‰ меньше, чѣмъ въ Тотьмѣ. Правда, Петербургъ иногородныхъ нищихъ высылаетъ, а собственно петербургскихъ пристраиваетъ къ мѣстамъ; но съ другой стороны, Петербургъ заключаетъ въ себѣ такіа средства существованія, какихъ Тотьма не имѣетъ.

Слѣдующую статью я начну описаніемъ быта бѣдняковъ третьяго сорта. Жизнь этихъ людей составляетъ постоянное колебаніе между второй и четвертой степенью бѣдности. Обезпеченное состояніе для нихъ—Эльдорадо, котораго они почти никогда не достигаютъ, но за то они особенно легко превращаются въ настоящихъ нищихъ.

И. Шелгуновъ.

БУРЯ ВЪ СТАКАНЪ ВОДЫ, ИЛИ КОПЪЕЧНОЕ ВЕЛИКОДУШЕ Г. ПОСТОРОННЯГО САТИРИКА.

Вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ г. Посторонній сатирикъ выходитъ изъ себя противъ «Русскаго Слова» и угрожаетъ рѣшительно истребить его. «Разобью я васъ! восклицаетъ онъ, отпраздную и надъ вами блистательную побѣду», и при этомъ удобномъ случаѣ доставляетъ читателямъ «Современника» даровое зрѣлище, состоящее изъ сильнаго маханія руками и всевозможныхъ ужасающихъ жестовъ. Г. Постороннему сатирику очень спокойно говорятъ, что «Русское Слово» вовсе не боится его — да и никому онъ не страшенъ, — что угрозы его болѣе смѣшны, чѣмъ серьезны, что для уметвенныхъ его силъ слишкомъ дозволено и одного г. Косицы, что въ его полемическихъ статьяхъ, отрывшихся вмѣстѣ съ осенними дождями, гораздо больше задору, чѣмъ идей, что въ каждомъ отдѣлѣ «Литературныхъ мелочей» на полторы мысли ставится, но меньшей мѣрѣ, до пяти сотъ вопросительныхъ знаковъ, что въ концѣ концовъ все это не больше, какъ буря въ стаканѣ воды. Но г. Постороннему сатирику ужасно хочется казаться опаснымъ и изъ самаго невиннаго и безвреднаго смертнаго обратиться въ громовержца. Противники едва удостоиваютъ его отвѣта, а онъ все-таки не унимается и грозитъ истребить не только того, съ кѣмъ полемизируетъ, но и родственниковъ его до седьмого колѣна. Но желалъ бы я знать, гдѣ же эти наличные фонды, которыми разбиваютъ и истребляютъ? Одного презабавнаго маханія руками тутъ мало. Если человѣкъ дѣйствительно глубоко проник-

нуть отвращеніемъ къ извѣстному сорту идей, тогда онъ противоположаетъ имъ свои идеи, и только въ силу этихъ новыхъ и оригинальныхъ идей приковываетъ къ себѣ вниманіе читателя и сокрушаетъ своего врага; но тогда нѣтъ надобности прибѣгать къ разнымъ сплетнямъ и клеветамъ, какъ это дѣлаете вы, г. Посторонній сатирикъ, и какъ я докажу вамъ ниже. Прочитайте, напримѣръ, въ «Рус. Словѣ» статью Берне, въ которой онъ расправляется съ Менцелемъ, и поучитесь, какъ надобно полемизировать. Изъ этой статьи вы увидите, что человѣкъ съ полной горстью великолѣпныхъ идей, насколько не пародируя громовержца, въ дѣйствительности дѣлается имъ; затѣмъ вы усмотрите, что человѣкъ, которому дѣйствительно дорога не одна его распрелюбезная личность, а и торжество того направленія, которому онъ преданъ, съумѣетъ стать выше какихъ нибудь мелкихъ столкновений и не пожертвуетъ—имъ своей любимой идеей.

Но вамъ, конечно, такъ же далеко до Берне, какъ кроткому агнцу до лютаго звѣря, а все же иногда не мѣшаетъ поучиться у него. А теперь я опять обращаюсь къ угрозамъ г. Посторонняго сатирика противъ «Рус. Слова». «Нѣтъ, продолжаетъ онъ, вы не отлынивайте отъ моихъ тезисовъ, не на того вы напали.» А на кого же? Вѣроятно здѣсь подразумѣвается другой сатирикъ «Современника», котораго можно пазвать *домашнимъ* въ отличіе отъ *посторонняго* и который, какъ извѣстно, открылъ прошлый годъ «Современника» пусканіемъ замаскированныхъ стрѣлъ въ «Рус. Слово». Теперь онъ, нашъ великій ювеналь, почіетъ, вмѣсто лавровъ, на связкѣ казенныхъ бумагъ.—Миръ праху его!) И такъ, снова восклицаетъ г. Посторонній, «я заставляю его (т. е. «Рус. Слово») отказаться отъ «Нерѣшеннаго вопроса» и расхлебать кашу, которую оно заварило.» Ну, какъ же послѣ этого не испужаться? Легко сказать, вотъ ужъ четвертый мѣсяцъ, какъ угрожаетъ человѣкъ живьемъ съѣсть за то, что его назвали лукошкомъ.

Но прежде чѣмъ явиться на трапезу, предлагаемую г. Постороннимъ сатирикомъ, я спрашиваю его: когда же онъ намѣренъ поставить эту вашу на столъ и изъ угрожающаго положенія перейти къ самому дѣлу? Кажется, давно пора перестать махать руками и заговорить хладнокровно. Если же онъ намѣренъ только угрожать и ставить по тридцати тезисовъ въ каждой своей статьѣ, то я убѣжденъ, что читатели «Современника» могутъ предложить редакціи этого журнала своего рода такой тезисъ: «вѣдь вы, господа, при всемъ нашемъ безкорыстїи, не совсѣмъ даромъ даете намъ такія шутов-

енія представленія, и другихъ заставляете заниматься ими.» А «Русское Слово» въ правѣ сказать г. Постороннему сатирику, что пусть онъ самъ прежде отвѣтитъ на слѣдующіе тезисы: 1) дѣйствительно ли оно, «Русское Слово», заварило кашу, которую онъ приглашаетъ насъ хлебать вмѣстѣ съ собою? Не заварилъ ли ее самъ «Современникъ» съ помощію своего *домашняго* ювенала? Кто первый началъ заниматься бросаніемъ «замаскированныхъ стрѣлъ» — «Русское Слово» или «Современникъ»? Ну-ка отвѣчайте категорически, г. Посторонній. 2) Ужь если нужна пунктуальность юриста г. Лохвицкаго въ полемикѣ между «Русскимъ Словомъ» и «Современникомъ», то пусть г. Посторонній сатирикъ и самъ не отлыниваетъ отъ нашихъ вопросовъ, и потому благоволитъ отвѣчать: считаетъ ли себя «Современникъ солидарнымъ съ прошлогодними фельетонами *домашняго* сатирика и желаетъ ли онъ эту размазю скушать самъ или пригласитъ и насъ расхлебать ее? Такъ какъ этими двумя вопросами совершенно ясно опредѣляется характеръ нашей полемики, то обойти ихъ фигурой умолчанія нельзя, и г. Постороннему сатирику неизбежно отвѣтить на нихъ прежде, чѣмъ предлагать свои тринадцать или сто-тринадцать тезисовъ. Но я ужъ знаю рыцарскіе приемы г. Посторонняго Сатирика, и потому напередъ могу сказать, какъ онъ повернетъ дѣло. — «А, мои души и милашки, схажетъ онъ, вотъ вы и струсилъ, когда вамъ сказали, что разобьютъ васъ». Но такія увертки ни къ чему не ведутъ, и г. Постороннему сатирику, не отказываясь отъ послѣдовательности, надо такъ или иначе отвѣчать: считаетъ ли «Современникъ» себя солидарнымъ съ январскимъ фельетономъ прошлаго года? А потомъ мы спросимъ: какими рыцарскими побужденіями руководствовался *домашній* сатирикъ, опровергаясь противъ «Рус. Слова» всей батареей своего разухабистаго остроумія? И какими это гуманнѣиши идеями проникся «Современникъ», печатая этотъ фельетонъ противъ «Рус. Слова»? Вѣдь сослаться на корректора тутъ нельзя, а на счетъ особеннаго безкорыстія тоже распространяться неловко. И придется сознаться, что размазя, предлагаемая г. Постороннимъ сатирикомъ, заварена самимъ же «Современникомъ», и могу увѣрить его, что онъ одишь ее и олушаетъ.

Впрочемъ я не намѣренъ здѣсь обобщать моего спора съ г. Постороннимъ сатирикомъ и считаю себя не въ правѣ ломать копій

за моихъ уважаемыхъ сотрудниковъ гг. Нисарева и Зайцева, и потому ограничусь нѣсколькими замѣчаніями, лично меня касающимися.

Прежде всего замѣчу, что г. Посторонній сатирикъ безсознательно и жадно желалъ обвинить меня въ томъ, что я будто бы, *какъ повѣствуетъ одинъ знатокъ исторіи литературы*, писалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» уморительныя полемики противъ «Современнаго» и въ особенности противъ вышеупомянутаго «лица», которое онъ (г. е. я) укорялъ въ извѣстнѣ за то, что оно оставило «Отечественныя Записки» и сообщило свое дурное направленіе «Современнику». (См. Современ. изв. книж. 1865 г. Литерат. мелочи., стр. 168). Наврять цѣлыя три короба и свалить это на какого-то знатока исторіи литературы—ну, съ чѣмъ это сообразно, г-жа рыцарская полемика? Неужели же ваша злость противъ «Рус. Слова» такъ велика, что вы готовы вѣрить всякому вздору, который вамъ скажутъ? Неужели ваши познанія въ исторіи русской литературы простираются не дальше вчерашняго дня? Если это такъ, то почему же это вы не справились сами съ тѣмъ, о чемъ рѣшаетесь говорить, и говорить съ явнымъ намѣреніемъ залѣзть въ чужую совѣсть и подзараулить ея ошибки? Вѣдь вы же сами, нѣсколько выше, совѣтуете «не вносить въ полемику никакихъ слуховъ и сплетней», и тутъ же подхватываете какую-то сплетню и, на основаніи ея, строчите довольно гнусное обвиненіе. Какимъ именемъ я долженъ назвать подобный поступокъ? Какъ хотите, а это выходитъ почище разухабистыхъ эпитетовъ г. *домашняго*. И это вы называете полемикой безъ азарта и безъ скрежета зубовъ? Не умѣе ли было бы поступить вамъ такъ: вмѣсто того, чтобы давать дурачить себя какому-то знатоку исторіи литературы, вы обратились бы прямо къ г. Краевскому; и, я увѣренъ, что онъ не отказалъ бы вамъ въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, какия вамъ нужно откопать въ моей прошлой литературной дѣятельности; онъ убѣдилъ бы васъ, что я никогда въ его органѣ, ни однимъ словомъ, не укорялъ «одно лицо» въ извѣстнѣ за то, что оно оставило «Отечественныя Записки» и сообщило свое дурное направленіе «Современнику». Онъ объяснилъ бы вамъ лучше всякаго знатока исторіи литературы, что продолженіи всего моего сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ» я ни однимъ словомъ не носился «одного лица», ни его ипѣній, ни его общественной дѣятельности. Притомъ всѣ мои статьи всегда подписывались собственнымъ именемъ, и вы могли бы перечитать ихъ прежде,

чѣмъ лгать печатно. Что же касается моихъ уморительныхъ полемикъ противъ «Современника», въ которомъ «одно лицо» тогда еще не участвовало, то я долженъ сказать вамъ, что «Современникъ» того времени былъ еще уморительнѣе. Вы можете взглянуть хоть на его обложку и увидите тамъ тѣхъ же сотрудниковъ, которые теперь пасутся на зеленыхъ лугахъ «Русскаго Вѣстника». Вообще я замѣчу вамъ, что вы очень не деликатно пользуетесь защитой «одного лица», и когда вамъ приходится жутко, вы прячетесь за его авторитетъ. Это значитъ злоупотреблять чужими мидостями. Притомъ я думаю, что «одно лицо» не считаетъ себя непогрѣшимымъ, потому что одни дураки присваиваютъ себѣ это качество, и потому вамъ не кстаети заступаться за чужую непогрѣшность, еслибъ даже кто нибудь и сталъ оспаривать ее. Наконецъ, считаю не лишнимъ предупредить васъ, что если вы намѣрены и на будущее время касаться нравственной стороны моихъ убѣждений и лгать, подобно приведенному мною случаю, то прошу васъ ставить подъ такими обвиненіями ваше собственное имя; иначе, я принужденъ буду снять съ васъ маску и показать своимъ читателямъ, съ кѣмъ я имѣю дѣло. Это одно изъ самыхъ обыкновенныхъ человѣческихъ приличій, которыя не забывались не только настоящимъ рыцаремъ, но и оруженосцемъ его Санчо.

Что же касается вашего копѣчнаго великодушія въ отношеніи бѣдствующаго литератора г. М. Воронова, то я совѣтую вамъ обратиться съ вашимъ предложеніемъ къ г. Старчевскому, потому что г. М. Вороновъ теперь участвуетъ въ «Сынѣ Отечества» (см. воскресный № 24 янв. 1865 г.) и не имѣетъ никакихъ отношеній къ «Рус. Слову». Я же лично не нуждаюсь въ вашемъ великодушіи и не имѣю надобности брать у васъ уроки относительно обязанностей въ отношеніи дѣйствительно-бѣдныхъ и честныхъ литераторовъ, которыхъ я не смѣшиваю съ праздношатающимися шалопаями. Впрочемъ вы и сами не изъ такихъ великодушныхъ, и прикидываетесь имъ только изъ злости къ «Рус. Слову», а потому мнѣ нечего вамъ говорить, что у меня нѣтъ винокуренныхъ заводовъ; вы очень хорошо знаете, что я живу исключительно трудомъ, и деньги моихъ подписчиковъ не считаю такою собственностью, которою можно располагать, какъ мнѣ угодно. Я посредникъ между тѣми, кто выписываетъ «Рус. Слово», и тѣми, кто участвуетъ въ немъ, и потому, если я не имѣю права проигрывать въ карты деньги

иныхъ подписчиковъ или заводить на нихъ псовыя охоты, то точно также не имѣю права благотворить ими такимъ бѣдствующимъ, какъ г. М. Вороновъ. Но, можетъ быть, вы станете настаивать на вашемъ великодушїи, то я письменнo могу указать вамъ въ Москвѣ на одно бѣдное семейство, которое, благодаря г. М. Воронову, находится въ крайнемъ положенїи. — Помогите лучше ему. Вотъ куда зашли вы, г. Посторонній сатирикъ, съ вашей копѣчной филантропїей и съ вашими подсиживанїями «Русскаго Слова».

Гр. Благосвѣтловъ.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ

Къ № 1-му за 1865 годъ.

ОТВѢТЬ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ, ПРОСИВШИМЪ УВѢДОМЛЕНІЯ О ПОЛУЧЕНІИ ДЕНЕГЪ ЗА ИЗДАНИЕ «РУССКАГО СЛОВА» ВЪ 1865 ГОДУ.

Отъ Наръз. лег. батареи 40 арт. бригады изъ Георгіевска получено 7 р. за 1-е полугодіе.

- Казанскаго Землѣдѣльческаго училища изъ Казани, 14 р. за 1 экз.
- Нижегородской Казенной Палаты, 14 р. за 1 экз.
- Библ. 13-го пѣх. Блгоз. полка въ г. Велюнь, 14 р. за 1 экз.
- г. Патерсона изъ ур. Царскіе Колодцы, 14 р. за 1 экз.
- Г. Романова изъ Саткинскаго завода, 14 р. за 1 экз.
- Сухумкальской Карантинно-Таможенной конторы, 16 р. за 1 экз.
- Правленія Харьковского Университета, 14 р. за 1 экз.
- г. Директора Орловской гимназій, 14 р. за 1 экз.
- Отъ Керчинскаго Карантиннаго правленія, 14 р. за 1 экз.
- Кавказскаго линейнаго № 14-го батальона, 14 р. за 1 экз.
- Самарскаго Губернскаго Правленія, 14 р. за 1 экз.
- Вятскаго Губернскаго Правленія, 14 р. за 1 экз.
- г. Штаб. Смотрителя Зміевскаго училища, 14 р. за 1 экз.
- Библ. 6-го стрѣлковаго батальона 21 р. за 2 экз. (за 1 экз. 14 р. и за 2-й 7 р. за 1-е полугодіе).
- Харьковскаго окружнаго артиллерійскаго управленія, 14 р. за 1 экз.
- Орловской-Бахтина Военной Гимназій, 14 р. за 1 экз.
- Владимірской Палаты Госуд. Имуществъ, 14 р. за 1 экз.
- г. Литвинскаго изъ Могилева, 14 р. за 1 экз.
- Г. Директора Орловской гимназій для училищъ Елецкаго и Ливенскаго 28 р. за 2 экз.
- Библ. 9-й обл. бат. 21 арт. бригады, 14 р. за 1 экз.
- г. Штабнаго Смотрителя Новгородскаго училища, 14 р. за 1 экз.
- Казанскаго губ. Акцизнаго Управленія, 14 р. за 1 экз.
- Штаба Харк. Военнаго округа, 14 р. за 1 экз.
- Библиотеки Кіевскаго Университета, 28 р. за 2 экз.
- г. Савицкаго изъ Витебска, 5 р. за 1-ю треть.
- Штабнаго Смотрителя Сарапульскаго у илща, 28 р. за 2 экз.

- Тамбовскаго Губернскаго Правленія 14 р. за 1 экз.
- 108 пѣхотнаго Саратовскаго полка 14 р. за 1 экз.
- Орловскаго Губернскаго Правленія 14 р. за 1 экз.
- Михайловскаго Воронежскаго кадетскаго корпуса 14 р. за 1 экз.
- Въ Сибирскѣ г. Арнольдovu, 6 р. сер. за 1-ю треть получены; Редакція согласна на ваши условія
- Въ Бобринецѣ г. Родкевичу. Редакція согласна на ваше предложеніе, 7 р. за 1-е полугодіе получены.
- Отъ Штатнаго смотрителя Крестецкихъ училищахъ, 14 р. за 1 экз.
Управл. 3-й Гренад. артил. бригады, 14 р. за 1 экз.
- Въ Новую Прагу г. Торчинскому, 14 р. за изданіе Рус. Слова въ 1865 году получены, №№ 10, 11 и 12 за 1863 послали вамъ *сторично* 28 декабря.
- Въ Лохвицу г. Сокольскому, 14 р. получены, № 6 за 1864 г. посланы *сторично*.
- Отъ Библ. 13-го Лейб. гренад. Эрванскаго Е. В. полка 7 р. за 1-е полугодіе.
— Гродненской палаты Государ. Имуществъ. 14 р. за 1 экз.
- Въ Дерптѣ г. Рыкачеву, Редакція согласна высылать въ бібліотеку студентовъ Дерптскаго Университета Рус. Слово за 7 руб.
- Отъ Штатнаго Смотрителя Бѣльскаго училища 14 р. за 1 экз.
— Нарвз. Лег. бат. 26 арт. бригады, 14 р. за 1 экз.
— г. Соболева изъ Москвы 14 р. за 1 экз.
- Въ Стерлятамѣ г. Падейскому. Редакція согласна на ваше предложеніе.
- Отъ Шт. смотр. Т. Х. Журиной окружной школы, 14 р. за 1 экз.
Орловской палаты Госуд. Имуществъ, 14 р. за 1 экз.
- Комитета сѣц. суммъ 4 Грен. Песв. Барклая де-Толли полка, 14 р. за 1 экз.
- 1-го Отдѣленія Управленія Башкиранн, 14 р. за 1 экз.
- Канцелярїи Тюльскаго Генераль-Губернатора, 14 р. за 1 экз
- Штатнаго Смотрителя Сибирскихъ училищъ, за 1864 годъ 14 р.
- Директора Николаевской гимназїи, 14 р. за 1 экз.
- Войскаго правленія Забайкальскаго Казачьяго войска. 14 р. за 1 экз.
- Кишиневской Дворянской опеки, 14 р. за 1 экз.
- Штатнаго Смотрителя Витебскаго училища, 14 р. за 1 экз.
- Касенскаго приходскаго училища, 14 р. за 1 экз.
- Штатнаго Смотрителя Пятшторскаго училища, 14 р. за 1 экз.
- Черниг. Палаты Госуд. Имуществъ, 14 р. за 1 экз.
- 14-го Стрѣлковаго Батальона, 7 р. за 1-е полугодіе.
- г-жи Быковой изъ Мурома, 14 р. за 1 экз.
- Штатнаго Смотрителя Макарьевскаго училища, 14 р. за 1 экз
- Штат. Смотрителя Лихвинскаго училища, 14 р. за 1 экз.
- Штатн. Смотрителя Крапивненскаго училища, 14 р. за 1 экз.
- Тобольскаго Губернскаго суда, 14 р. за 1 экз.
- Гродненскаго Губернскаго правленія, 14 р. за 1 экз.
- Съвскаго Уезднаго училища, 14 р. за 1 экз.

- Библ. 3 го пѣхот. Мянскаго полка 14 р. за 1 экз.
- 45-го пѣхот. Азовскаго полка 14 р. за 1 экз.
- Директора 3-й Харьковской гимназій 14 р. за 1 экз.
- Штаба 2-й арт. бригады 14 р. за 1 экз.
- Штат. Смотр. Чухломскихъ училищъ 14 р. за 1 экз.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующей книжкѣ.)

Р. С. При этомъ Редакція проситъ тѣхъ гг. подписчиковъ, которые просили увѣдомленія только изъ желанія увѣряться въ полученіи денегъ, а не для приложенія этого увѣдомленія, какъ документа къ отчетамъ, — принять полученіе 1-й книжки за доказательство полученія Редакціею денегъ, разумеется отъ тѣхъ изъ гг. подписчиковъ, которыми они были высланы.

Нижепоименованные гг. подписчики прислали лишніе, противъ стоимости годоваго изданія журнала, деньги; поэтому Редакція предлагаетъ имъ или получить тѣ изъ изданій которыя, поименованы на обложкѣ журнала, какія кто пожелаетъ и которыхъ стоимость, разумеется, равняется излишне высланной суммѣ, или возратить эти деньги обратно, или же наконецъ зачесть ихъ въ счетъ подписки на слѣдующій годъ.

- Сухумкальская Карантинно-Таможенная контора выслала лишнихъ 2 р.
- Г. Петрашъ изъ ст. Михайловской 1 р.
- Управленіе командующаго войсками на лѣвомъ берегу р. Алазани 1 р.
- Г. Семеновъ изъ Александрополя 2 р.
- Г. Ивановъ изъ Чернаго Яра 2 р.
- Г. Юшковъ изъ Малмыжа 2 р. 50 коп.
- Г. Емельяновъ изъ Олькужъ 3 р.
- Г. Камеицкій изъ Ставрополя 2 р. 50 коп.
- Г. Янисо ст. Банешты 2 р. 50 коп.
- Г. Лобовиковъ изъ села Гапанова 2 р.
- Г. Харитоновъ съ ст. Архипской 2 р.
- Войсковое правленіе Забайкальскаго Казачьяго войска 50 коп.
- Г. Веретенниковъ изъ Нгумень 2 р.
- Г. Мартыновскій изъ Вознесенска 2 р. 50 коп.
- Г. Савулякъ—Савицкій изъ Кіева 2 р.